

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2017 № 1(69)

Издается с 1999 года

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия: *Невзоров Б. П.*, д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.

Редакционная коллегия:

Серый А. В., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.

Аникин А. Е., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Лушикова Г. И., д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., Кавалер ордена Британской Империи, магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN

OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2017 no 1(69)

Founded in 1999

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board: *Boris P. Nevzorov*, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair; *Olga O. Babich*, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.

Editorial board:

Andrey V. Seriy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Stanislav O. Gavrilov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 67989

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6

Сайт издания: <http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). <http://elibrary.ru>

Правила для авторов опубликованы на сайте издания:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2017
© Авторы научных статей, 2017

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77 - 67989

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.

Web-site: <http://vestnik.kemsu.ru>

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

Information for Authors published on the website Edition :
<http://vestnik.kemsu.ru>

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Тел.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Тел.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2017
© The authors of scientific articles, 2017

ИСТОРИЯ

- 6 *Ардашкина М. А.* Реализация социальной политики Русской православной церкви в Кузбасской митрополии
- 12 *Бобров Д. С.* Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртыше в оценках ученых и путешественников XVIII в.
- 19 *Бурчак В. Я.* Деятельность милиции Кемеровской области по борьбе с дезертирством с производства и фронта (1943 – 1945 гг.)
- 24 *Дегтярев Д. С.* Город Бийск глазами ученых и путешественников XIX – начала XX вв.
- 29 *Добжанский В. Н.* Походы П. Сабанского на Телецкое озеро и Ф. Пущина на реку Бия: время, причины, последствия
- 37 *Кайгусуз Д., Рыжов И. В.* Доктрина Трумэна, план Маршалла и их влияние на советско-турецкие отношения
- 43 *Кириллов А. К., Караваева А. Г.* Игра по юридическим правилам: использование крестьянами начала XX в. юридических тонкостей в борьбе за свои интересы (Ново-Шульбинское противостояние старожилов с переселенцами)
- 50 *Овчинников В. А.* Изменение численности и социально-демографических характеристик архиерейского корпуса епархий Русской православной церкви на юге Западной Сибири в начале XXI в.
- 59 *Папков С. А.* Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г.
- 64 *Праздников А. Г.* Социальный состав участников битвы при Нортгемптоне 10 июля 1460 г. и осады лондонского Тауэра
- 69 *Цыряпкина Ю. Н.* Деятельность русских военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв.
- 74 *Шапиро Б. Л.* Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти
- 80 *Ярошук А. М.* Египет. Ломаная пирамида Снефру в Дашуре. Верхняя камера – камера смерти

ПСИХОЛОГИЯ

- 85 *Андронникова О. О., Беззубова Н. С.* Методологические подходы к выделению универсальных компетенций, формируемых в воспитательном пространстве вуза
- 90 *Андрюшкова Н. П.* Категория «обыденное сознание» в психологии
- 94 *Белогай К. Н., Морозова И. С.* Возрастная изменчивость образа тела женщины в период зрелости

HISTORY

- 6 *M. A. Ardashkina.* Social Policy Implementation in the Kuzbass Metropolitanate of the Russian Orthodox Church
- 12 *D. S. Bobrov.* The Formation of the Russian Border in the Upper Ob-Irtysh Area in Appraisals of Scientists and Travelers of the XVIII Century
- 19 *V. Ya. Burchak.* The Activities of the Militia of the Kemerovo Region in Combating Desertion from Production and Front (1943 – 1945)
- 24 *D. S. Degtyarev.* Scientists and Travelers about Biysk in the XIX – the Beginning of the XX Century
- 29 *V. N. Dobzhanskii.* Sabansky's Campaigns to Teletskoye Lake and F. Pushchin's Campaigns to the Biya River: Time, Reasons, Consequences
- 37 *D. Kaygusuz, I. V. Ryzhov.* The Truman Doctrine, the Marshal Plan and their Impact on the Soviet-Russian Relations
- 43 *A. K. Kirillov, A. G. Karavayeva.* Playing the Jural Game: Russian Peasants of the Early XX Century Using Legal Loopholes to Maintain Their Interests (the Confrontation Between Migrants and Old Residents at Novo-Shulbinskoye Village)
- 50 *V. A. Ovchinnikov.* Change of the Number and Socio-demographic Characteristics of the Episcopal Dioceses of the Russian Orthodox Church in the South of Western Siberia at the Beginning of the XXI Century
- 59 *S. A. Papkov.* Purges among the Administrative Personell of the Coal Industry in Kuznetsk Basin in 1937
- 64 *A. G. Prazdnikov.* The Social Structure of the Participants of the Battle of Northampton on July 10, 1460 and the Siege of London Tower
- 69 *Yu. N. Tsiryapkina.* Activities of Russian Surgeons in the Course of Organization of Medical Aid in the Tashkent District of Turkestan in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century
- 74 *B. L. Shapiro.* Textile Horsecloth as an Attributes of Royal Power
- 80 *A. M. Yaroschuk.* Egypt. The Bent Pyramid of Sneferu at Dahshur. The Upper Chamber – the Chamber of Death

PSYCHOLOGY

- 85 *O. O. Andronnikova, N. S. Bezzubova.* Methodological Approaches to Allocation Univesal Competences, Formed in the Educational Environment of a Higher Education Institution
- 90 *N. P. Andryushkova.* The Category of "Mundane Consciousness" in Psychology
- 94 *K. N. Belogay, I. S. Morozova.* Age Variability of Female Body Image in Adulthood

- 99 **Блинова Н. Г., Кошко Н. Н., Кукченко К. А.** Динамика показателей физического и психофизиологического развития детей в период от 7 до 12 лет
  - 107 **Григорьева Е. В., Фотина В. Ю.** Особенности представлений подростков, воспитывающихся в детском доме, о роли супругов и родителей
  - 112 **Казин Э. М., Свиридова И. А., Четверик О. Н., Зарченко П. Ю., Тарасова О. Л., Шерер Т. И., Федоров А. И.** Влияние возрастных, гендерных и типологических особенностей подростков на формирование адаптивных возможностей в условиях обучения в основной школе. Сообщение 1: Возрастные и гендерные особенности психофизиологического развития и социально-психологической адаптации младших и старших подростков
  - 124 **Камзина О. А., Мышкина М. С.** Содержательные особенности толерантности у студентов
  - 130 **Колмогорова Л. С., Балабекян Е. С.** Опыт дошкольной подготовки детей на примере программы «Мой мир»
  - 137 **Холодкова О. Г., Панфилова С. Д.** Развитие ценностного отношения к себе и сверстникам у младших школьников, воспитывающихся в условиях детского дома и массовой школы
- ФИЛОЛОГИЯ**
- 143 **Абиева Н. М.** Динамика костюма в прозе А. П. Чехова
  - 148 **Гридина Т. А.** Детский вопрос как форма лингвокреативного мышления
  - 154 **Дударева Я. А.** Возможности использования «Неймингового словаря русского языка» в исследовании синонимии
  - 159 **Замилова А. В., Сатучина Т. Ю.** «Нейминговый словарь русского языка»: перспективы исследования
  - 164 **Колмакова О. А.** Христианский дискурс в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца»
  - 169 **Коробко Л. В.** Имя Людвиг Ван Бетховена как прецедентная единица в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин»
  - 178 **Михайлова Е. Е., Фомин А. Г.** Ошибки в процессе синхронного перевода
  - 184 **Москальчук Г. Г.** Самоподобие как стратегия спонтанного порождения текста
  - 191 **Резанова З. И., Скрипко Ю. К.** Дискурсивная языковая личность участника виртуального фан-сообщества
  - 197 **Серенков Ю. С., Раджабова Ю. М.** Сказка о золушке и таджикско-персидское повествование о Юсуфе и Зулейхе: опыт интерпретации «глубинных структур» в текущем социально-культурном контексте
  - 202 **Стернин И. А.** Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста
- 99 **N. G. Blinova, N. N. Koshko, K. A. Kukchenko.** Dynamics of Indicators of Physical and Psychophysiological Development of Children Aged 7 – 12
  - 107 **E. V. Grigoryeva, V. Yu. Fotina.** Features of Representations of Teens Raised in an Orphanage about the Role of Spouses and Parents
  - 112 **E. M. Kazin, I. A. Sviridova, O. N. Chetverik, P. Y. Zarchenko, O. L. Tarasova, T. I. Sherer, A. I. Fedorov.** Influence of Age, Gender and Typological Features Adolescents on the Formation of Adaptive Possibilities in the Conditions of Training in Middle Schools. Message 1: Age and Gender Characteristics of the Psycho-physiological and Psycho-Social Adaptation of Younger and Older Adolescents
  - 124 **O. A. Kamzina, M. S. Myshkina.** Content Features of Tolerance in Students
  - 130 **L. S. Kolmogorova, E. S. Balabekyan.** Preschool Training Experience of Children by the Example of “My World” Programme
  - 137 **O. G. Kholodkova, S. D. Panfilova.** The Development of Axiological Attitude to Themselves and their Peers in Primary School Children from the Orphanage and Primary School
- PHILOLOGY**
- 143 **N. M. Abieva.** Dynamics of the Costume in Chekhov's Prose
  - 148 **T. A. Gridina.** Children's Question as a Form of Linguistic Creative Thinking
  - 154 **Ya. A. Dudareva.** The Use of «The Naming the Dictionary of the Russian Language» in Studying Synonyms
  - 159 **A. V. Zamilova, T. U. Satuchina.** «The Naming Dictionary of the Russian Language»: Research Perspectives
  - 164 **O. A. Kolmakova.** Christian Discourse in Yu. Buida's Novel «Thief, spy and murderer»
  - 169 **L. V. Korobko.** The Name of Ludwig Van Beethoven as the Precedent Lexical Item in Anthony Burgess's Novel «A Clockwork Orange»
  - 178 **E. E. Mikhaylova, A. G. Fomin.** Errors in the Process of Simultaneous Interpreting
  - 184 **G. G. Moskalchuk.** Self-Equality as a Strategy of Spontaneous Text Generation
  - 191 **Z. I. Rezanova, Y. K. Skripko.** Discursive Language Personality of Virtual Fan Community Members
  - 197 **Yu. S. Serenkov, Yu. M. Radzhabova.** Story of Cinderella and Tajik-Persian Narrative of Yusuf and Zulaikha: re-Interpreting the “Deep Structures” with Reference to Current Social and Cultural Context
  - 202 **I. A. Sternin.** Main Principles of Semantic Analysis in Linguocriminalistic Text Examination

- 208 **Шелестюк Е. В.** Опыт описания концептуального состава корпуса поэтических произведений о Великой Отечественной войне
- 217 **Шкапенко Т. М.** О прагматическом подходе к описанию междометий
- 222 **Янич А. А.** Пропозициональность и фактивность выражений с союзами *да*, *што* и *че* в сербском и болгарском языках с точки зрения субъюнктивности

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИИ

- 232 V Международный Конгресс памяти А. Р. Лурия. Луриевский подход в мировой психологической науке

- 208 **E. V. Shelestyuk.** The Study of Conceptual Composition of Soviet Poetry Devoted to the Great Patriotic War
- 217 **T. M. Shkapenko.** On the Pragmatic Aspect of Interjections Study
- 222 **A. A. Janić.** Propositionality and Factivity Expressed by Conjunctions *da*, *što* and *če* in Serbian and Bulgarian from the Subjunctive Perspective

INFORMATION ABOUT THE CONFERENCE

- 232 The Fifth International Luria Memorial Congress. Lurian approach in International psychological science

УДК 94(57)/281.93

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КУЗБАССКОЙ МИТРОПОЛИИ**Марина А. Ардашкина^{1, @}**

¹ Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, 650070, Кемерово, пр. Тухачевского, 38а
[@] a71373@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.10.2016.
Принята к печати 25.01.2017.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Кузбасская митрополия, социальная политика, социальная работа.

Аннотация: В статье на основе структурно-функционального, компаративного методов исследования и критического анализа источников по постсоветскому периоду истории Русской православной церкви (далее – РПЦ), в том числе данных справочно-информационных материалов, открытых интернет-ресурсов, анализируются традиции, преемственность и реализация на современном этапе социальной политики РПЦ в Кузбасской митрополии. На примере Кузбасской митрополии определены подразделения РПЦ, отвечающие за социальную работу, основные виды и результаты социальной помощи церкви. Сделан вывод о том, что за 1990-е гг. XX в. – начало XXI в. РПЦ, заручившись поддержкой государства, создала концептуально-программную, нормативно-правовую и организационную основы своей социальной политики, привлекая к ее реализации православные общественные организации и объединения. Важное значение имело то, что церковь направила свои усилия на решение социальных проблем, которые не могли эффективно решить государство и общественные организации. Поэтому РПЦ практически не подвергается критике за использование социальной деятельности как механизма достижения своей основной цели – распространения вероучения. Анализ социальной деятельности церкви в Кузбасской митрополии позволил автору сделать прогноз о перспективных направлениях развития социальной работы на территории региона.

Для цитирования: Ардашкина М. А. Реализация социальной политики Русской православной церкви в Кузбасской митрополии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 6 – 11. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-6-11.

Социальная ответственность РПЦ всегда была неотъемлемой частью ее деятельности. «Творение благих дел» как дело государственное зародилась на Руси с принятием христианства [1, с. 73].

История социальной работы РПЦ не нашла широкого освещения в историографии, исследовались лишь отдельные аспекты участия Церкви в решении социальных проблем общества на различных этапах культурно-исторического процесса [2]. История социальной работы как самостоятельное направление исторической науки сложилось сравнительно недавно – в конце XX в. Социальная деятельность РПЦ также не исследовалась историками в советский период. Это и определило то, что социальная политика и социальная работа РПЦ в постсоветский период также является практически не исследованной областью. Социальная работа Церкви конца XX – начала XXI вв. изучалась исследователями в рамках общих проблем как составляющая российской истории социальной работы.

В начале XXI в. основным документом, определяющим социальную политику РПЦ, стали «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятые в 2000 г. Архиерейским Собором РПЦ. Данный документ содержит базовые положения по вопросам от-

ношения церкви и государства и по ряду проблем, весьма значимых в современном обществе. Характер документа определен многовековыми историческими традициями и современными условиями деятельности РПЦ. Поэтому основным его предметом являются фундаментальные богословские и церковно-социальные вопросы. Также в нем затронуты те стороны жизни государства и общества, которые были и остаются одинаково актуальными для РПЦ в конце XX в. и в ближайшей перспективе. Данный документ призван служить руководством для различных структур РПЦ, в том числе и для принятия решений в сфере социальной политики. Особо следует отметить, что принятый документ может меняться и совершенствоваться «по мере изменения государственной и общественной жизни, появления в этой области новых значимых для Церкви проблем» [3].

Основной сутью социальной концепции РПЦ является исполнение Церковью своей спасительной миссии через участие в общественной жизни, основанное на принципах христианской нравственности. Причем осуществлять это должно не только через проповеди, но и через благие дела. Церковь может взаимодействовать с государством в вопросах попечения о человеке и устроении человеческой жизни. Основными областями

сотрудничества Церкви и государства являются миротворчество и сохранение нравственности, благотворительные дела и социальные программы, сохранение культурного наследия и развитие науки, поддержка института семьи и профилактика правонарушений, попечение о лицах, нуждающихся в определенной материальной или духовной помощи.

Принятие социальной концепции РПЦ послужило началом реализации последовательного плана мероприятий по модернизации организационной структуры, форм и методов социальной работы церкви. Так, в июле 2011 г. в Москве состоялся первый съезд глав епархиальных отделов по социальному служению РПЦ. В своем обращении к участникам съезда Св. Патриарх обозначил, что одним из самых важных дел церкви является социальное служение. В итоговом документе съезда даны разъяснения по основным вопросам социальной работы церкви [4]. В нем отражено, что система социального служения РПЦ основана на индивидуальном подходе к нуждающимся в помощи, т. е. конкретный человек должен получать конкретную помощь. Кроме того, основной задачей в данном направлении работы церковь видит не дублирование функций государства, а поддержание духовной составляющей помощи – милосердие призвано научить любви, самоотверженности, мудрости и иным христианским добродетелям. Также отмечается уникальность опыта Церкви в социальной работе. Он основывается на одном из основных постулатов закона Божьего, согласно которому принято считать, что даже в самом «опустившемся» человеке сохраняется образ Божий.

Социальная политика является одной из основных точек соприкосновения государства и церкви. Данное взаимодействие развивается с каждым годом, так как социальной политике неизменно уделяется особое внимание на государственном уровне. Президент России В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию (3 декабря 2015 г.) отметил необходимость поддержки категории граждан, находящихся в уязвимом положении. Кроме того, президент особо отметил, что необходимо соблюдать принцип справедливости при оказании социальной помощи – необходимо следить за тем, чтобы помощь получали те, кто в ней действительно нуждается. В том числе президент призывает «особое внимание уделить вопросам профессиональной подготовки и трудоустройства инвалидов» [5]. РПЦ постепенно становится одной из влиятельных организаций, системно решающих задачи, поставленные руководством Российской Федерации в социальной сфере.

Ежегодно проходит главный форум РПЦ, посвященный благотворительной деятельности Церкви, – общецерковный съезд по социальному служению, который оперативно реагирует на все новые тренды в социальной политике государства. Например, патриарх Кирилл в своем выступлении перед участниками V общецерковного съезда по социальному служению в сентябре 2015 г. обозначил приоритетным направлением в социальной работе церкви помощь семье и поддержку рождаемости через сокращение количества аборт [6]. По состоянию на май 2016 г. в России функционировало 29 церковных приютов для беременных и женщин с детьми, чья жизненная ситуация вынудила их обратиться за помощью.

На современном этапе одним из основных направлений социальной работы РПЦ является поддержка семьи – защита материнства, программная работа по сокращению аборт, оказание помощи многодетным семьям и одиноким матерям. Еще одно из важнейших направлений – создание сиротских учреждений, соответствующих всем государственным нормам, способствующих дальнейшей социализации ребенка. При этом особо отмечается, что необходимо поддерживать и способствовать функционированию института усыновления. С каждым годом расширяется работа по реабилитации алкоголе- и наркозависимых. Серьезным направлением является и помощь бездомным. Стоит отметить, что основная цель церковной помощи в данном направлении – это не просто поддержка существования, а комплекс мер по возвращению человека в нормальную жизнь. В последние годы увеличилось количество разноплановой помощи церкви, оказанной пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций. Особое значение уделяется оказываемой работниками церкви духовно-психологической поддержке пострадавшим. Также развивается система добровольческих структур, объединенных при храмах.

В настоящее время социальное служение РПЦ на территории России – это более 3500 церковных социальных служб и инициатив. Основную работу в данном направлении проводит отдел по церковной благотворительности и социальному служению, учрежденный решением Св. Синода 31 января 1991 г. При этом помимо организационных функций отдел проводит большую методическую работу – выступает организатором конкурсов по социальным направлениям среди церковных организаций, разрабатывает методики по оказанию помощи нуждающимся, поддерживает развитие социальных проектов.

Кемеровская и Новокузнецкая епархия РПЦ была образована решением Св. Синода Русской Православной Церкви от 11 июня 1993 г. путем выделения из состава Красноярской епархии. Епископом новообразованной епархии был назначен Софроний (Будько). В 1995 г. В связи с ростом числа приходов, было выделено шестнадцать благочиннических округов, сформированных по географическому принципу. В августе 2006 г. епископом Кемеровским и Новокузнецким был назначен Аристарх (Смирнов).

26 июля 2012 г. решением Св. Синода из состава Кемеровской епархии были выделены Мариинская и Новокузнецкая епархии [7]. Таким образом, в пределах Кемеровской области была образована Кузбасская митрополия, состоящая из трех епархий. Общероссийская церковная реформа увеличения количества епархий путем дробления должна была привести к повышению внимания епархиальных архиереев к каждому храму, что, по мнению руководства РПЦ, возможно лишь при увеличении количества епархий и архиереев. Таким образом, на территории Кемеровской епархии (более 95 тыс. кв. км) с населением области около 3 млн человек было создано три епархии, объединенные в Кузбасскую митрополию. Такая организационно-управленческая структура, кроме решения основных задач, может позволить сформировать на территории митрополии многоуровневое устройство социального служения.

В каждой из образованных епархий был создан отдел социального служения и благотворительности. В Ке-

ровской епархии отдел возглавляет протоиерей Геннадий Князев, настоятель храма св. вмч. Пантелеимона. В своей деятельности отдел основывается на социальном служении душепопечительных центров, братств и сестричеств, организации благотворительных столовых, оказании материальной помощи нуждающимся. Также отдел занимается реализацией социальной программы Кемеровской епархии «Ветераны войны и труженики тыла» [8]. Протоиерей Геннадий Князев является духовником сестер православной патронажной службы г. Кемерово и руководителем основанного в 2012 г. православного духовно-восстановительного центра по реабилитации наркозависимых «Лествица».

Отдел социального служения и благотворительности Мариинской епархии был образован в сентябре 2012 г. Основными задачами отдела являются координация социальной работы в благочиниях Мариинской епархии [9]. Возглавляет отдел протоиерей Дионисий Пучнин, кроме того он является основателем и руководителем православного реабилитационного центра помощи наркозависимым «Зелеев» и общества трезвости «Воскресение» (Юргинский район) [10]. На территории Мариинской епархии расположены 13 действующих исправительных учреждений и СИЗО. Это самый большой показатель по области. Соответственно, душепопечению осужденных в епархии уделяется особое внимание [11].

В Новокузнецкой епархии отдел социального служения и благотворительности возглавляет протоиерей Евгений Суркин. Ведущим направлением работы является координация работы православных сестричеств. Это, прежде всего, оказание материальной и духовной помощи нуждающимся, находящимся в лечебных учреждениях. С 2001 г. при православном сестричестве работает душепопечительский православный центр реабилитации «Омофор». Деятельность центра направлена на оказание помощи алкоголезависимым, наркозависимым, а также их близким людям. С наркозависимыми проводят работу в центре при Свято-Пантелеимонов мужском монастыре. В целях работы отдела на ближайшие годы – создание ряда социальных служб: центра по защите материнства и детства, патронажной службы, группы православных добровольцев-координаторов, курсов подготовки социальных работников [12].

Социальную работу Кемеровская епархия начала проводить с первого года своего основания. Так, уже в 1993 г. – в год основания епархии – начали свою работу шесть благотворительных трапезных, и к 1996 г. подобные столовые были открыты при всех храмах. В вопросах реализации социальной работы Кемеровская епархия всегда активно взаимодействовала с местными органами власти. В 1994 г. в Кемерово была проведена конференция по проблемам возрождения православных традиций, в которой самое активное участие приняли руководители направлений социальной защиты области. Итогом конференции стало заключение соглашения о сотрудничестве между администрацией области и Кемеровской епархией в сфере образования, культуры и здравоохранения.

В 2000 г. при администрации города Кемерово был создан Межведомственный координационный совет для решения различных социальных вопросов. В результате данного сотрудничества в 2002 г. при центрах обслуживания населения в Ленинском и Центральном районах горо-

да были открыты кабинеты православной экстренной помощи. В целом в 2002 г. материальную и духовную помощь получили 54500 человек на общую сумму около 18 млн руб. [13]. Прежде всего, помощь была оказана малоимущим и многодетным семьям (17900 человек), престарелым людям и инвалидам (12500 человек), заключенным и подследственным (11200 человек), детям-сиротам и детям-инвалидам (8700 человек). Традиционно Церковью оказывается помощь материального и духовного характера. Материальная помощь состоит в обеспечении нуждающихся продуктами питания, лекарствами, одеждой и деньгами, помощь духовная – в благотворительном совершении церковных таинств, в том числе в безвозмездной раздаче икон, крестиков, духовной литературы.

С 1995 г. при приходах начинают формироваться сестричества милосердия. На начало 2016 г. в Кемеровской области действовало 23 православных сестричества, в которых трудилось более 350 человек. Они проводили работу по оказанию духовно-нравственной помощи пациентам медицинских и социально-реабилитационных учреждений Кемеровской области. В общей сложности сестричества окормляют 78 социальных учреждений.

Еще одним направлением социальной работы в Кузбасской митрополии является обустройство домовых церквей и специальных молитвенных комнат в медицинских учреждениях области. К 2016 г. они были созданы во всех больницах г. Кемерово.

В январе 2008 г. при Свято-Успенском женском монастыре в с. Елыкаево был открыт губернаторский приют для девочек-сирот «Покров». До совершеннолетия дети находятся на полном государственном обеспечении. При этом решение задач образования и попечения взяла на себя Кемеровская епархия [14].

С 2007 г. в Кемеровской области действует региональное отделение «Общества православных врачей России» – «Общество православных врачей Кузбасса». Основной целью своей деятельности участники данного объединения видят улучшение качества здоровья граждан, в том числе за счет привнесения в медицину христианских ценностей [15]. Отметим, что в деятельности общества есть практический результат. С 2012 г. проводятся опросы среди прихожан о наиболее волнующих медицинских вопросах и на основании этого ежемесячно проводятся лектории профильных специалистов для всех желающих. Также на официальном сайте общества функционирует система «вопрос – ответ», где можно получить консультацию врача.

Наряду со служащими храмов к социальной работе в медицинских учреждениях привлекаются участники волонтерских движений – «Доброе дело» (г. Новокузнецк) и «Благовест» (г. Кемерово). Волонтеры оказывают помощь пациентам больниц, организуют благотворительные акции и концерты.

Перспективным направлением развития социальной работы является участие проектов, направленных на социальное служение Церкви, в профильных грантовых конкурсах. Так, в число победителей международного грантового конкурса «Православная инициатива 2015 – 2016» вошли десять проектов от Кемеровской области, из них 5 проектов по направлению «Социальное служение» [16]. Это проекты «Начни жить!» (православный

приход храма святых мучеников Флора и Лавра д. Зелеево); «Мы вместе!» (православный приход храма святого апостола Андрея Первозванного г. Мыски); «Создание кризисного консультационного центра по противоабортной работе «Право на жизнь» (православный приход храма иконы Божией Матери «Скоропослушницы» г. Киселевск); проект «Современные IP технологии в борьбе с зависимостями» (православное сестричество св. преподобномучениц Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары г. Новокузнецк). В номинации «Приюты для беременных» победу одержал социальный проект «Приют для беременных женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию «Солнышко». В 2016 г. в г. Прокопьевске сотрудники храма Покрова пресв. Богородицы начали работу в рамках реализации данного проекта. Необходимость создания приюта обусловлена сложной социальной обстановкой в городе – в связи с остановкой работ на многих шахтах происходит отток населения, который на фоне увеличившегося количества абортов ведет к существенному демографическому кризису. Реализация данного проекта позволит оказывать комплексную помощь матерям, позволяющую преодолеть кризисные ситуации [17].

Кузбасская митрополия реализует ряд проектов, направленных на сохранение семьи. В 2004 г. врачами студенческой поликлиники при поддержке Кемеровской епархии был основан благотворительный фонд «Будущее Кузбасса». Деятельность фонда направлена на морально-нравственное воспитание молодежи, сохранение института брака и репродуктивного здоровья, оказание материальной помощи нуждающимся студенческим семьям. К 2016 г. 214 детей, рожденных под патронажем фонда, растут в своих семьях [18].

Особое внимание уделяется школам материнства. Как правило, они размещаются на базе действующих учреждений. В г. Междуреченске – в центре планирования семьи и репродукции, в Кемерово – в Центральной районной больнице Кемеровского района и в студенческой поликлинике № 10. Планируется открытие в г. Ленинск-Кузнецке социального центра-приюта, в котором будет оказываться необходимая помощь несовершеннолетним и одиноким матерям

По состоянию на июнь 2015 г. в Кузбасской митрополии организована работа 18 сестричеств (всего в России около 300), в которых служат около 400 сестер (всего в России – около 2600). Из действующих в России более 70 православных реабилитационных центров для наркозависимых в Кемеровской области находится четыре. В г. Прокопьевске, Ленинск-Кузнецке и Юрге открыты православные приюты для бездомных (всего в России – 72). Большая работа была проведена по обеспечению

доступности храмов для людей с ограниченными возможностями здоровья – многие храмы оборудованы пандусами. К тому же, с 2009 г. при Знаменском кафедральном соборе организована Кемеровская православная община глухих людей, для которой совершается литургия с сурдопереводом (всего в России 56 подобных храмов и общин) [19].

В перспективных направлениях работы Кузбасской митрополии – продолжение работы по сохранению семьи, улучшение демографической ситуации в стране через пропаганду сокращения абортов, оказание духовной и материальной помощи одиноким матерям, малообеспеченным и многодетным семьям. Неизменными объектами помощи продолжают оставаться центры реабилитации, исправительные и медицинские учреждения. Поддержка этого направления возможна через усиление работы душепопечительских центров, братств и сестричеств. Также для Церкви важным аспектом успешной работы является подготовка социальных работников – привлечение в общины людей, которые после должной подготовки будут исполнять именно социальную работу. Церковь планирует использовать ресурс волонтерского движения – важного направления, обозначенного на V Общецерковном съезде по социальному служению (2015 г.). Эти процессы позволяют увеличить количество центров социальной помощи и повысить качество оказания услуг.

Таким образом, в епархиях Кузбасской митрополии в начале XXI в. реализуется социальная работа по всем актуальным направлениям, реализуемым РПЦ. Поскольку государство не в состоянии решить полностью социальные проблемы общества, то социальная работа общественных организаций, в том числе религиозных, имеет важное социальное значение. Реализация социальной политики РПЦ в Кузбасской митрополии имеет явно выраженную позитивную динамику и социальный эффект. Количественные показатели социальной работы в митрополии превышают средние общероссийские показатели РПЦ. Социальная деятельность Кузбасской митрополии РПЦ по сравнению с другими общественными организациями представляет более развернутую и разнонаправленную работу, что в настоящее время при отсутствии необходимой организационной, материально-технической баз, кадрового и финансового обеспечения, не позволяет достичь качественных результатов по ряду направлений деятельности. В то же время именно так закладывается основа комплексной всеохватывающей системы социальной работы, позволяющей решать основные задачи социальной политики РПЦ в настоящее время и строить стратегические планы по росту роли Церкви в социальной жизни общества.

Литература

1. Зубанова С. Г. Социальное служение в России: исторический опыт, теоретические основы, современная практика. М.: КНОРУС: Квант Медиа, 2016. 256 с.
2. Ерёмин А. В. Генезис социальной концепции Русской Православной Церкви в отечественной историографии // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. 1. С. 63 – 67.
3. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Архиерейский Собор. М., 13 – 16 августа 2000 г. Режим доступа: patriarchia.ru/db/text/141422 (дата обращения: 18.08.2016).
4. О перспективах развития церковного социального служения. Итоговый документ I съезда глав епархиальных отделов по социальному служению Русской Православной Церкви // Русская православная церковь: сайт. 10.07.2011. Режим доступа: patriarchia.ru/db/text/1558281 (дата обращения: 19.08.2016).

5. Послание президента Федеральному собранию. 3 декабря 2015 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 18.08.2016).
6. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании V Общецерковного съезда по социальному служению // Русская православная церковь: сайт. 05.09.2015. Режим доступа: patriarchia.ru/db/text/4210990 (дата обращения: 18.08.2016).
7. Рапорт Преосвященного епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха с предложением образовать две новые епархии в Кемеровской области // Журналы заседания Священного Синода от 26 июля 2012 года. № 65. Режим доступа: patriarchia.ru/db/text/2367549 (дата обращения: 18.08.2016).
8. Кемеровская епархия. Режим доступа: mitropolit.info/struktura (дата обращения: 18.08.2016).
9. Отдел социального служения и благотворительности // Мариинская Епархия: сайт. Режим доступа: mariinsk-eparhia.ru/отделы-и-службы/отдел-социального-служения-и-благотворительности (дата обращения: 18.08.2016).
10. Мартынова Н. Основа реабилитации – труд и молитва // Милосердие.ru. 19.09.2007. Режим доступа: miloserdie.ru/article/osnova-reabilitacii-trud-i-molitva (дата обращения: 18.08.2016).
11. Кравцова А. Слово Божие – оступившимся // Вифлеемская звезда. Православная газета Мариинской епархии. 2016. № 6(35). С. 3.
12. Отдел социального служения и благотворительности // Новокузнецкая Епархия: сайт. Режим доступа: eparhia-nk.ru/otdel-socialnogo-sluzheniya-i-blagotvoritelnosti/ (дата обращения: 18.08.2016).
13. Кузбасская митрополия. Режим доступа: mitropolit.info/istoriya-eparhiya (дата обращения: 18.08.2016).
14. Овчинников В. А. Монастыри Русской православной церкви на юге западной Сибири (конец XVIII – начало XXI вв.): Расцвет. Ликвидация. Возрождение. Кемерово, 2011. Ч. II. 544 с.
15. Общество Православных врачей Кемеровской области. Режим доступа: opr-kem.org (дата обращения: 19.08.2016).
16. Проекты-победители конкурса «Православная инициатива 2015 – 2016». Режим доступа: pravkonkurs.ru/projects (дата обращения: 19.08.2016).
17. В Прокопьевске сотрудники храма окажут помощь беременным женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию // Кузбасская митрополия. 28.06.2016. Режим доступа: mitropolit.info/2016/06/28/61788 (дата обращения: 19.08.2016).
18. Благотворительный фонд «Будущее Кузбасса». Режим доступа: http://sm.cnsr.ru/ru/organization/-Blagotvoritel_nij_fond_%C2%ABBudushee_Kuzbassa%C2%BB/ (дата обращения: 18.08.2016).
19. Социальное служение церкви // Русская православная церковь: сайт. Режим доступа: diaconia.ru/statistic (дата обращения: 18.08.2016).

SOCIAL POLICY IMPLEMENTATION IN THE KUZBASS METROPOLITANATE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

Marina A. Ardashkina^{1, @}

¹ Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, 38a, Tukhachevskogo Ave., Kemerovo, Russia, 650070
@ a71373@yandex.ru

Received 18.10.2016.

Accepted 25.01.2017.

Keywords: the Russian Orthodox Church, the Kuzbass metropolitanate, social policy, social activity.

Abstract: The article is based on the structural-functional, comparative research methods and critical analysis of sources on the post-Soviet period in the history of the Russian Orthodox Church (hereinafter – ROC), including data reference and information materials, public Internet resources. The author analyzes traditions, continuity and the realization of social policy in the Kuzbass archdiocese at the modern ROC stage. Using the example of Kuzbass archdiocese the author identifies the ROC units responsible for social work, and the main types of social assistance to the church. The conclusion is made that within the period of 1990s-the beginning of XXI century Russian Orthodox Church, with the support of the state, created a major conceptual, legal and organizational base of its social policy, for its implementation involving Orthodox public organizations and associations. Of great importance was the fact that the Church concentrated its efforts on solving social problems, which the state and public organizations could not solve effectively. Therefore, the ROC is hardly criticized for the use of social activities as a mechanism to achieve its main goal – to spread creed. Analysis of the social activities of the Church in the Archdiocese of Kuzbass allowed the author to make a prediction about the promising directions of development of social work in the region.

For citation: Ardashkina M. A. Realizatsiia sotsial'noi politiki Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kuzbasskoi mitropolii [Social Policy Implementation in the Kuzbass Metropolitanate of the Russian Orthodox Church]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 6 – 11. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-6-11.

References

1. Zubanova S. G. *Sotsial'noe sluzhenie v Rossii: istoricheskii opyt, teoreticheskie osnovy, sovremennaiia praktika* [Social service in Russia: historical experience, theoretical framework, current practice]. Moscow: KNORUS: ООО «Kvant Media», 2016, 256.
2. Eremin A. V. *Genezis sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v otechestvennoi istoriografii* [The Genesis of the social concept of the Russian Orthodox Church in Russian historiography]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical Bulletin*, 1, no. 4 (2012): 63 – 67.
3. *Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [Bases of the social concept of the Russian Orthodox Church]. *Arkhieireiskii Sobor. Moskva, 13 – 16 avgusta 2000 g.* [Episcopal Cathedral. Moscow, 13 – 16 August 2000]. Available at: patriarchia.ru/db/text/141422 (accessed 18.08.2016).
4. *O perspektivakh razvitiia tserkovnogo sotsial'nogo sluzheniia. Itogovyi dokument I s"ezda glav eparkhial'nykh otdelov po sotsial'nomu sluzheniiu Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [About prospects of development of Church social service. The final document of the first Congress of the heads of diocesan departments for social service of the Russian Orthodox Church]. 10.07.2011. Available at: patriarchia.ru/db/text/1558281 (accessed 19.08.2016).
5. *Poslanie prezidenta Federal'nomu soboruiu. 3 dekabria 2015 g.* [The President's address to the Federal Assembly. December 3, 2015]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (accessed 18.08.2016).
6. *Vystuplenie Sviatishhego Patriarkha Kirilla na plenarnom zasedanii V Obshchetserkovnogo s"ezda po sotsial'nomu sluzheniiu* [Speech of his Holiness Patriarch Kirill at the plenary session of the V Congress of the Church social Ministry]. 03.09.2015. Available at: patriarchia.ru/db/text/4210990 (accessed 18.08.2016).
7. *Raport Preosviashchennogo episkopa Kemerovskogo i Novokuznetskogo Aristarkha s predlozheniem obrazovat' dve novye eparkhii v Kemerovskoi oblasti* [The report of his grace, Bishop of Kemerovo and Novokuznetsk Aristarchus with a proposal to form two new diocese in the Kemerovo region]. *Zhurnaly zasedaniia Sviashchennogo Sinoda ot 26 iulia 2012 goda* [The the meeting of the Holy Synod dated July 26, 2012]. No. 65. Available at: patriarchia.ru/db/text/2367549 (accessed 18.08.2016).
8. *Kemerovskaia eparkhiia* [The Kemerovo diocese]. Available at: mitropolit.info/struktura (accessed 18.08.2016).
9. *Otdel sotsial'nogo sluzheniia i blagotvoritel'nosti* [The Department of social service and charity]. Available at: mariinsk-eparhia.ru/otdely-i-sluzhby/otdel-sotsial'nogo-sluzheniia-i-blagotvoritel'nosti (accessed 18.08.2016).
10. Martynova N. *Osnova reabilitatsii – trud i molitva* [The basis of rehabilitation work and prayer]. *Miloserdie.ru = Miloserdie.ru*, 19.09.2007. Available at: miloserdie.ru/article/osnova-reabilitatsii-trud-i-molitva (accessed 18.08.2016).
11. Kravtsova A. *Slovo Bozhie – ostupivshimsia* [The word of God stumbled]. *Vifleemskaia zvezda. Pravoslavnaia gazeta Mariinskoi eparkhii = The star of Bethlehem. The Orthodox newspaper of the diocese of the Mariinsky*, no. 6(35) (2016): 3.
12. *Otdel sotsial'nogo sluzheniia i blagotvoritel'nosti* [The Department of social service and charity]. Available at: eparhia-nk.ru/otdel-socialnogo-sluzheniia-i-blagotvoritel'nosti/ (accessed 18.08.2016).
13. *Kuzbasskaia mitropoliia* [The Kuzbass Archdiocese]. Available at: mitropolit.info/istoriya-eparhiya (accessed 18.08.2016).
14. Ovchinnikov V. A. *Monastyri Russkoi pravoslavnoi tserkvi na iuge zapadnoi Sibiri (konets XVIII – nachalo XXI vv.): Rastsvet. Likvidatsiia. Vozrozhdenie* [Monasteries of the Russian Orthodox Church in the South of Western Siberia (the end of XVIII – beginning of XXI centuries): The rise. Liquidation. Revival]. Kemerovo, part II (2011): 544.
15. *Obshchestvo Pravoslavnykh Vrachei Kemerovskoi oblasti* [The society of Orthodox Doctors of the Kemerovo region]. Available at: opv-kem.org (accessed 19.08.2016).
16. *Proekty-pobediteli konkursa «Pravoslavnaia initsiativa 2015 – 2016»* [The winning projects of the contest "Orthodox initiative 2015 – 2016"]. Available at: pravkonkurs.ru/projects (accessed 19.08.2016).
17. *V Prokop'evske sotrudniki khrama okazhut pomoshch' beremennym zhenshchinam, popavshim v trudnuiu zhiznennuiu situatsiiu* [In Prokopenvsk the staff of the temple will assist pregnant women in difficult life situation]. *Kuzbasskaia mitropoliia = The Kuzbass Archdiocese*, 28.06.2016. Available at: mitropolit.info/2016/06/28/61788 (accessed 19.08.2016).
18. *Blagotvoritel'nyi fond «Budushchee Kuzbassa»* [Charity Fund "Future of Kuzbass"]. Available at: http://sm.-cnsr.ru/ru/organization/Blagotvoritel_nij_fond_%C2%ABBBudushee_Kuzbassa%C2%BB/ (accessed 18.08.2016).
19. *Sotsial'noe sluzhenie tserkvi* [Social Ministry of the Church]. Available at: diaconia.ru/statistic (accessed 18.08.2016).

УДК 94(47)+94(516)+94(571.15)

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ВЕРХНЕМ ОБЬ-ИРТЫШЬЕ В ОЦЕНКАХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII В.

Денис С. Бобров^{1, @, *}

¹ Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

@ BDS-eureka@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2016.

Принята к печати 24.11.2016.

Ключевые слова: историко-географические образы, труды ученых и путешественников, российская государственная граница, естественная граница, Верхнее Обь-Иртышье (Алтай), крепости Иртышской линии, Колывано-Воскресенский производственный комплекс.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Алтайского края в рамках реализации совместного проекта № 15-11-22005.

Аннотация: Статья представляет собой опыт выделения и реконструкции представлений ученых и путешественников XVIII в. относительно формирования российской границы в Верхнем Обь-Иртышье. Возникновение историко-географических образов рассматривается в качестве прямого следствия отсутствия делимитированной и демаркированной границы между Российской империей и Джунгарским ханством, а затем Цинской империей. Источниковую основу публикации составили труды знаковых для истории региона научных деятелей: Г. Ф. Миллера, Г. В. Геннина, И. П. Фалька, П. С. Палласа. Методологическим фундаментом работы стал метод «крупного плана». Исследовательские положения подробно анализируются в контексте целевых установок ученых, круга привлеченных ими источников и обстоятельств осуществления экспедиций. Автор выделяет идеологемы с преобладанием архетипичных представлений, особое внимание уделяет концепции «естественной границы» П. С. Палласа и его замечаниям относительно режима функционирования государственных рубежей, приходит к выводу о фрагментарности, эклектичности и внутренней противоречивости историко-географических образов российской границы.

Для цитирования: Бобров Д. С. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртышье в оценках ученых и путешественников XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 12 – 18. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-12-18.

В отечественных исторических исследованиях последних лет проблематика присоединения, освоения и инкорпорации окраинных территорий в общегосударственное пространство демонстрирует устойчивую тенденцию роста своей актуальности. Вслед за восполнением событийной канвы военно-колониционных сюжетов специалисты начинают акцентировать внимание на реконструкции механизмов реализации государственной политики освоения отдаленных земель. Для приграничных районов ключевым политико-правовым способом воздействия центральной власти на осваиваемую область являлось формирование государственной границы, которая выступала не просто системообразующим условием функционирования социально-политической системы региона, но и единственным рациональным средством «обрамления», осознания осваиваемого пространства, а также формирования его пространственной модели.

В классификации российских границ ряд исследователей выделяет в качестве особого типа *азиатскую границу*. Формально эта категория может быть определена как южные рубежи России в Средней и Центральной Азии. При более глубоком анализе под азиатской границей следует понимать большую барьерно-буферную зону, обширный территориальный локус, располагавшийся

между различными государствами или полугосударственными образованиями [1, с. 35]. На ранних этапах вызревания имперской суверенности ключевым для государственного освоения участком азиатской границы являлось междуречье крупных сибирских рек Оби и Иртыша (Верхнее Обь-Иртышье). Главным геополитическим соперником России в регионе являлось сначала своеправное Джунгарское ханство, а затем мощная Цинская империя. Вследствие этого государственная политика освоения юга Западной Сибири достаточно быстро приобрела военно-колониционный характер и реализовывалась в форме осуществления ряда военных экспедиций с целью строительства острогов и крепостей в стратегически значимых местах. В результате Верхнее Обь-Иртышье как сегмент азиатской границы России в течение XVIII в. эволюционировало от слабо заселенного лимитрофа к хорошо укрепленному лимесу.

Среди факторов формирования российской государственной границы на юге Западной Сибири следует выделить два фундаментальных обстоятельства. В силу огромного территориального разрыва между центром и осваиваемой окраиной имперские власти осмысливали пространство с серьезным запозданием, а уровень такого осмысления административно-политических границ, как

правило, не соответствовал динамике геополитической ситуации [2, с. 36 – 37]. При этом архитектура политики российской стороны в вопросе государственной границы на протяжении всего XVIII в. выстраивалась вокруг положения об отсутствии делимитированной (подробно описанной и нанесенной на карту) границы. Действие обоих факторов в длительной перспективе привело к возникновению образов российской границы в Верхнем Обь-Иртышье как совокупностей ярких характерных символов и ключевых представлений, описывающих реальные географические пространства [3, с. 93]. Широкий спектр разнородных образов границы следует подразделить на две конвергентные группы: политико-географические и историко-географические.

Политико-географические образы нашли свое отражение в сознании имперских властей различных уровней, а также лиц, находившихся на государственной службе и привлекавшихся для выполнения административных задач в регионе (руководители экстраординарных экспедиций, геодезисты). Иными словами, это образы границы, формирование которых в той или иной степени связано с административным началом, поскольку в Российском государстве первичное осмысление пространства осваиваемых регионов исторически располагалось в плоскости административного дискурса. В этом контексте генезис политико-географических образов границы связан со стремлением имперской элиты сгенерировать ментальные установки и заместить ими отсутствовавшие нормативные (легальные) основы формирования российских государственных рубежей. Применительно к XVIII в. следует выделить три соответствующих образа или парадигмы восприятия границы. Прежде всего, это официально-дипломатическое понимание, сводившееся к обоснованию суверенных прав России на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан. Другой формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции имперских властных учреждений в регионе (крепости Иртышской линии и Бикатунская с прилегающими к ним пространствами). Третья, картографическая парадигма границы реализовывалась в создании специфической картографической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с другими двумя аспектами [1, с. 35].

Наряду с политико-географическими XVIII столетие ознаменовалось возникновением целого ряда историко-географических образов российской границы в Верхнем Обь-Иртышье. Складывание этих ментальных конструктов детерминировано тенденцией осмысления освоенческих процессов в среде научной интеллигенции. Каналом репрезентации сформированных в результате научных изысканий историко-географических образов становились дневники, путевые записи, статьи, монографии как путешественников, посещавших Алтай, так и ученых, занимавшихся разработкой того или иного аспекта региональной проблематики.

Целью настоящей публикации является реконструкция историко-географических образов российской границы в Верхнем Обь-Иртышье, представленных в трудах

ученых и путешественников XVIII в. Источниковую основу исследования составили опубликованные работы знаковых для истории региона научных деятелей: Г. Ф. Миллера [4; 5], Г. В. Геннина [6], И. П. Фалька [7; 8], П. С. Палласа [9; 10]. Несмотря на жанровое разнообразие материалов (статьи, отчет, путевые дневники, историко-географические очерки) солидаризирующим фактором выступает акцентуация внимания авторов на тематике истории освоения региона. При этом ни одно сочинение не посвящено формированию российской границы напрямую, а все привлеченные изыскания затрагивают соответствующие сюжеты в контексте рассмотрения других освоенческих процессов. Архитектура статьи выстроена на основе метода «крупного плана», предполагающего погружение в идейно-смысловой мир ученого или путешественника и рассмотрение исторических явлений его глазами [11, с. 14], что, в свою очередь, позволяет реконструировать индивидуальную мотивацию и обстоятельства генерации тех или иных авторских суждений (оценок).

Одним из основоположников формирования научных представлений о генезисе российской границы на юге Западной Сибири следует считать Г. Ф. Миллера. Будучи руководителем «академического отряда» Второй Камчатской экспедиции, ученый посетил Алтай в 1734 г. Маршрут пролегал вдоль Иртыша, затем от Усть-Каменогорской крепости к Колывано-Воскресенскому заводу, в пределах которого путешественник находился с 19 по 23 августа 1734 г. [12, с. 141; 13, с. 39 – 40]. Затем отряд направился в Кузнецк, Томск и другие крупные города Сибири. Учитывая схему передвижения и склонность Г. Ф. Миллера к скрупулезному сбору исторических свидетельств, следует констатировать, что немецкий профессор располагал обстоятельными сведениями (в том числе и архивными) об истории Верхнего Обь-Иртышья в XVII – первой трети XVIII в.

В хрестоматийной работе «Известие о песошном золоте в Бухарии...» Г. Ф. Миллер представил оригинальную, базировавшуюся на нескольких ключевых идеологемах концепцию складывания российской границы на юге Западной Сибири. Одной из ее основ стала констатация на момент начала XVIII в. фактической территориальной принадлежности всего региона Джунгарскому ханству и определение разделительного рубежа между странами по устью Оми [4, с. 473]. Такая оценка сопрягалась с доктриной установления государственной границы, активно реализовывавшейся в дипломатической практике ойротского государства в первой половине XVIII столетия [1, с. 38 – 39]. Развивая мысль, немецкий историк отметил наличие калмыцких жилищ в бассейне Чарыша [4, с. 473], насчитав там до 270 семей [5, с. 22].

Несмотря на эти обстоятельства, Г. Ф. Миллер не высказал подозрений в целесообразности продвижения Российской империи вглубь Средней Азии [14, с. 78]. В этом контексте критерии принадлежности территории (Верхнего Обь-Иртышья) к тому или иному государству усматривались ученым в строительстве инженерных укреплений и активном заселении, освоении края. Рассуждая о функциональном назначении российских крепостей

в Прииртышье, немецкий профессор оказался весьма категоричен и попытался представить откровенно идеалистическую картину: согласно авторской версии сооружение крепостей позволило имперской элите полностью прекратить приграничные споры с джунгарским хунтайджи (хотя на самом деле территориальные разногласия с ойротами во второй четверти XVIII в. лишь усилились). Более того, по мнению Г. Ф. Миллера, крепости на Иртыше детерминировали не только тотальное очищение степного пространства между Обью и Иртышем от чужих народов, но и заселение, хозяйственное освоение района: «крайняя страна Сибири [*Верхнее Прииртышье* – Д. Б.] необходимо крепости требует, дабы тем землю от неприятельских нападений привести в безопасность» [4, с. 500]. Вместе с тем сооружение ряда крепостей не сделало бы область автоматически российской, поскольку «пустые страны всегда бывают владением сумнительны и что, напротив того, население и строения в таких странах право владения подтверждают» [4, с. 500].

В «Описании Кузнецкого уезда...» одной из системообразующих идеологем формирования границы стало положение о планомерном, эволюционном и ненасильственном характере перехода Верхнего Обь-Иртышья под фактический контроль России. После рационально обоснованного утверждения о том, что верховья Оби к началу активного имперского освоения принадлежали калмыкам и отошедшим в районе их проживания киргизам, Г. Ф. Миллер добавил: «пока ... сами [*ойроты, джунгары* – Д. Б.] не очистили поле и не перешли на ту сторону Алтайских гор» [5, с. 21]. Интенсификация российской колонизации детерминировала сознательное и добровольное подчинение инородческих волостей: «телеуты, татарская нация, которые тогда под калмыцкой властью жили на реках Алей, Барнаул и Касмола, подчинились большей частью совершенно добровольно» [5, с. 22].

Практически вслед за Г. Ф. Миллером краткий исторический очерк Колывано-Воскресенского производственного комплекса и в целом всего Верхнего Обь-Иртышья представил Г. В. Геннин в «Описании уральских и сибирских заводов» (при этом вопрос о степени участия Г. В. Геннина в составлении рукописи до сих пор является дискуссионным [15, с. 40 – 46]). Рукопись удачно соединила в себе черты заводских ведомостей, дополненных отступлениями ретроспективного характера, и аналитического отчета о состоянии горнозаводского производства [15, с. 41 – 44; 16, с. 87], а сам государственный деятель часто именовал свой труд «исторической книгой» [15, с. 44]. В сочинении содержится ряд замечаний о российской границе на юге Западной Сибири [6, с. 623 – 629], базирующихся как на рациональных, так и архетипичных основаниях. С одной стороны, приводя краткий экскурс истории региона, генерал-лейтенант вполне резонно заметил, что исторически в степях между Обью и Иртышем не существовало русских жилищ, а «теми... степями и дистриктами ... между Обью и Иртышем вниз до Барабы реки владение имеют русские люди не в давном времени» [6, с. 626]. С другой – начальник казенных заводов указал на отсутствие к концу первой трети XVIII в. в Прииртышье каких-либо русских поселе-

ний за исключением цепочки укреплений от Омской до Усть-Каменогорской крепости. Последние в авторской интерпретации были нацелены на охрану исключительно «от набегов беспокойного неприятельского народа Казачьей орды» и в них содержалось всего лишь «по несколько человек салдат и служилых людей» [6, с. 626].

Вполне очевидно, что, концентрируясь на многоаспектном анализе экономического потенциала предприятий А. Н. Демидова и будучи не вполне знакомым с овоенческой конъюнктурой Верхнего Обь-Иртышья, Г. В. Геннин не смог представить целостной, непротиворечивой картины динамики исторических событий в регионе. Во-первых, авторское суждение об отсутствии в Прииртышье стационарных русских поселений слабо согласовывалось с одним из положений следом приведенной характеристики лесных ресурсов формировавшегося Колывано-Воскресенского комплекса: «а тех трав за дальностью *деревень* никто не выкашивает, ибо *деревни* [*курсив мой* – Д. Б.] состоят от помянутого завода не ближе того, как около двух или трех сот верст» [6, с. 625]. Во-вторых, генерал-лейтенант не упомянул о строительстве Бикатунской и Белоярской крепости (в тексте говорилось лишь об основании Чаусского острога) и вовсе убеждал читателя в том, что все население Обь-Иртышья татарского происхождения. Наконец, весьма оригинальной представляется авторская интерпретация проблемы «двоеданнычества»: наряду с выделением на широком пространстве от Оби до Иртыша целого ряда инородческих волостей, плативших одновременно ясак Российской империи и алман ойротским ханам, В. Геннин подчеркнул, что население и сама земля принадлежали джунгарскому правителю [6, с. 629].

Дальнейшие историко-географические описания Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) XVIII в., заключавшие в себе в том числе и сюжеты приграничной тематики, связаны с академическими экспедициями 1768 – 1774 гг., точнее с путешествиями И. П. Фалька и П. С. Палласа.

И. П. Фальк являлся руководителем одного из оренбургских отрядов, сформированных Академией наук с целью «сбора сведений на пользу общую государства и распространение наук» [17, с. 53]. На Алтае ученый побывал в 1771 г., посетил Барнаул и Змеиногорский рудник, осмотрел озеро Колывань, проехал вдоль Чарыша и Алая, после чего направился в Кузнецк [12, с. 218]. Тем не менее собранных им материалов оказалось достаточно, чтобы представить гораздо более полную картину генезиса российской границы в Верхнем Обь-Иртышье, нежели это сделали его предшественники.

Не ставя перед собой цель осуществления комплексного ретроспективного анализа процесса формирования государственных рубежей, И. П. Фальк тем не менее сопровождал общий обзор Колыванской губернии, описание Кузнецкого уезда и верхнего течения Оби отдельными историческими замечаниями и отступлениями. В частности, шведский путешественник считал, что Кузнецк был построен не на российской земле, а в «Зюнгорской степи» [7, с. 527], то есть фактически в приграничной зоне, контролировавшейся ойротским населением. В начале XVIII в. пограничным районом мыслились уже

верховья Оби (повышенное внимание ученого к гидрографической системе являлось частью авторской методики репрезентации региона [17, с. 55]), причем как Бия, так и Катунь были заселены лишь с российской стороны, а вершины рек «оставлены» ойротам. О характере пролегания границы в Верхнем Приобье И. П. Фальк не упомянул, хотя и отметил, что обнаружил в архиве Барнаульской канцелярии подробные карты района [7, с. 512 – 513]. Описывая междуречье Оби и Иртыша, ученый пришел к выводу, что эта местность была «открыта» для набегов джунгар, а также казахов, и вплоть до конца первой трети XVIII в. сохраняла свой неопределенный статус: не принадлежала ни российской, ни ойротской стороне. Ключевым событием, закрепившим область за Россией, стало начало разработки медных руд и становление горнозаводского производства [7, с. 436 – 437].

Современные ему контуры государственных рубежей в Верхнем Обь-Иртышье И. П. Фальк связывал с укрепленными линиями, что полностью соотносилось с официальной версией, утвердившейся в административном дискурсе: от Омска граница уходила на юг до Усть-Каменогорской крепости, после чего поворачивала на северо-восток вплоть до Бийска [8, с. 28]. Однако в сознании путешественника представления о российской границе в регионе не исчерпывались суммой последовательно соединенных лимесов. Одним из элементов характеристики географических параметров Колыванской губернии выступил тезис о «природной границе», ментально проведенной И. П. Фальком по алтайским хребтам (без указания каких-либо вершин или горных грядов). Несоответствие фактической и «природной» границ шведский ученый объяснил труднопроходимыми условиями местности, в силу чего «Колыванская и Кузнецкая дистанции проведены более к северу [от Алтайских гор – Д. Б.]» [7, с. 436].

Основываясь на чертежах и информации из Кузнецкой канцелярии, а также на собственных наблюдениях, И. П. Фальк представил чрезвычайно подробное для своего времени описание разделительных пограничных знаков на востоке Верхнего Приобья в районе Абакана: «Российская и Китайская [межи – Д. Б.], одна близ другой. Каждая имеет высокое каменное основание, сложенное из диких камней и большею частию из кусков красноватого песчанного шифера, или складенное без цемента. Каждое основание образует притупленную кеглю, вышиною в 2 сажени. На нем стоит самая межа, деревянный столб, Российская вышиною в 1 1/3 сажени и с крестом. Китайская межа гораздо простее; она вышиною от фундамента в 8 футов и с Китайскими надписями» [7, с. 511]. Это первое описание искусственно сооруженного демаркационного знака (не крепости или линии крепостей) на юге Западной Сибири, представленное в опубликованной работе ученого (путешественника). Речь идет о так называемой Шабиной (Шабин-Дабага) горе – месте разграничения Российской и Цинской империй. О «маяке» на этой горе упоминается в деле об экспедициях П. А. Мельникова 1733 – 1734 гг. [18, л. 65]. Примечательно, что И. П. Фальк привел не только описание рос-

сийского знака, но и осуществил (пусть и в примитивной форме) его сравнение с китайским.

Коллега И. П. Фалька по академическим экспедициям, руководитель другого оренбургского отряда П. С. Паллас посетил Алтай в рамках своей экспедиции летом 1771 г. Маршрут пролегал вдоль Иртышской линии, далее через Змеиногорск и Колыванский завод к Барнаулу, а затем Ново-Павловскому и Сузунскому предприятиям [19, с. 75; 12, с. 154]. В целом путешественнику удалось подробно описать Прииртышье, но в гораздо меньшей степени изучить Верхнее Приобье. Материалы, представленные в итоговом труде П. С. Палласа «Путешествии...» [9; 10], носят характер путевых заметок, дневниковых записей, что несколько осложняет реконструкцию образа границы в силу хаотичной эклектики фактов, суждений, оценок и впечатлений.

Стержневым фактором, детерминировавшим характер описания немецким ученым российских рубежей в Верхнем Обь-Иртышье, явилось откровенное нежелание руководства Сибирской пограничной линии обеспечивать должный уровень информационно-логистического сопровождения и охраны экспедиции. В частности, при отправлении из Омска П. С. Паллас с определенным раздражением подчеркивал стремление командующего Сибирским корпусом С. К. Станиславского скрыть подробные карты Прииртышья: «ответствовано мне на то было, что без имянного Всевысочайшего указа они мне хранимых карт ни сообщить, ни показать не могут, а на поданное мною об оном письменное представление дали мне на весьма короткое время некоторые общия карты, довольно мне уже известные, но и тут требуемых мною не великих выписок, которые бы мне весьма нужны были, не получил» [9, с. 113]. Позже находившемуся в с. Глуховской путешественнику удалось получить от все того же С. К. Станиславского лишь трех казаков для изучения соленого озера на левом берегу Иртыша, что, по объективным причинам, не позволило обследовать местность [9, с. 189]. Кроме того, для руководителя экспедиции тяжелая болезнь стала непреодолимым препятствием к посещению Усть-Каменогорской крепости, в результате чего, пожалуй, наиболее информативный и проблемный участок границы в сжатом виде был описан студентом Н. Соколовым. Несмотря на эти обстоятельства П. С. Палласу в своих путевых заметках удалось отразить уже не просто набор идеологем, а представить целостную концепцию генезиса и функционирования российской границы.

Ядром теоретических построений ученого стали положения об оборонительных линиях как маркере выделения де-факто существовавших на тот момент государственных рубежей и о естественной границе Российской империи в предгорьях Алтая. Российскую границу в Прииртышье П. С. Паллас отождествлял с военно-инженерными объектами Иртышской укрепленной линии на широком протяжении от Омской до Усть-Каменогорской крепости, которая определялась «как последний и южный пограничный форпост, противу Китайских Сунгорских степей» [9, с. 256]. От Иртыша до Оби граница была описана при помощи перечисления фор-

тификационных объектов Колывано-Воскресенской линии. Немецкий путешественник в недостаточной мере был знаком с названиями и типовой принадлежностью инженерных сооружений (крепость, форпост, станция, редут), поэтому в его изложении перечень укреплений выглядел следующим образом: Белорецкий, Березовский, Заинский, Загирский, Казанской Богоматери, Кобановский, Калмыцкий и Озерный форпосты, а также Никалисская (на самом деле Николаевский форпост [20, с. 42 – 43]), Ануйская и Бискай (ошибка в названии обусловлена тем, что П. С. Палласу не удалось побывать в верховьях Оби и посетить Бийск) крепости [19, с. 211].

Проводя свои изыскания практически параллельно с И. П. Фальком, П. С. Паллас смог трансформировать идею «природной» границы в фактически целостную концепцию «естественной границы». Ученый предполагал, что для Верхнего Обь-Иртышья помимо укрепленных линий есть более рационально обоснованный вариант установления государственных рубежей по двум ключевым горным хребтам, последовательно сменявшим друг друга: «в прочем сие есть начало великаго Алтайского хребта гор, общее положение от югозападной стороны к северозападу имеющего, в коем направлении оной простирается до Оби и далее до самого севернаго краю высокаго пространнаго одинакаго главнаго хребта, полагающего естественную границу между Российской империею и Зюнгорскими степями Китаю принадлежащими более, распространяющегося к восточной стороне чрез северную Азию и от Иртыша до Оби заслуживающего наименование Алтайского, от Оби до Енисейска же Саянского хребта» [9, с. 206 – 207].

Размышления о наиболее рациональном варианте установления российской границы П. С. Паллас сопровождал рядом суждений относительно оптимального режима ее функционирования. Отмечая в верховьях Иртыша значительное количество русских деревень с уплачивавшим подать военным властям населением, немецкий энциклопедист предлагал жителей приграничных административных пунктов приписать к предприятиям Колывано-Воскресенского комплекса, чего «многие от поселян онаго желают, и может быть, что все при перемене смотра начали бы иметь свои выгоды» [9, с. 213]. Кроме того, вполне обоснованно серьезной критике подверглась система расположения Колывано-Воскресенской линии за то, что она фактически «отрезала» от территории России значительное количество уже открытых рудников и еще целый ряд потенциально богатых рудами гор [9, с. 211]. Наконец, П. С. Паллас подчеркнул острую необходимость создания пограничной линии от Кузнецка до Енисея, однако констатировал невозможность фактического осуществления этого замысла вследствие «диких гор» [9, с. 301].

Историко-географические образы российской границы в Верхнем Обь-Иртышье в XVIII в. представляли собой ряд оригинальных исследовательских идеологем и концепций, выстраивавшихся на основе авторской трактовки проблемы исторической территориальной принадлежности региона и отождествления государственных рубежей с укрепленными линиями. Ведущими характеристиками образов следует признать фрагментарность, заключавшуюся в отсутствии у научных деятелей целостного видения генезиса границы, эклектичность, проявившуюся в хаотичном, спонтанном рассмотрении событий и сюжетов с различной временной дистанцией, а также внутреннюю противоречивость.

Историко-географические образы российской границы в Верхнем Обь-Иртышье в XVIII в. представляли собой ряд оригинальных исследовательских идеологем и концепций, выстраивавшихся на основе авторской трактовки проблемы исторической территориальной принадлежности региона и отождествления государственных рубежей с укрепленными линиями. Ведущими характеристиками образов следует признать фрагментарность, заключавшуюся в отсутствии у научных деятелей целостного видения генезиса границы, эклектичность, проявившуюся в хаотичном, спонтанном рассмотрении событий и сюжетов с различной временной дистанцией, а также внутреннюю противоречивость.

Литература

1. Бобров Д. С., Соболева Т. Н. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3. Т. 2. С. 34 – 41. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.2-04.
2. Замятин Д. Н. Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 34 – 45.
3. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
4. Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. С. 473 – 507.
5. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / изд. подг. А. Х. Элерт. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (Серия: История Сибири. Первоисточники). Вып. 6.
6. Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов: 1735 / предисл. М. А. Павлова. М.: История заводов, 1937. 663 с.
7. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента: в 7 т. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1824. 446 с.
8. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента: в 7 т. Т. 7: Заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1825. 224 с.
9. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Ч. 2. Кн. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1786. 571 с.
10. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Атлас. СПб.: Императорская Академия наук, 1788. 111 с.
11. Головнев А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4(29). С. 14 – 20.
12. Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX в.: библиографический словарь. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 280 с.

13. Контев А. В. Картографические материалы И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера как источники по истории становления горно-металлургического производства на Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 39 – 43.
14. Элерт А. Х. Сибирь и сибирские народы в геополитических проектах академика Г. Ф. Миллера // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 77 – 84.
15. Карелин В. Г. К истории рукописи «Описание уральских и сибирских заводов. 1734» // Четвертые Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции (Екатеринбург, 14 – 15 февраля 2008 г.). Екатеринбург, 2008. С. 40 – 47.
16. Новиков И. А. Вилим де Геннин и его роль в создании горнозаводской промышленности России (первая половина XVIII в.) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2. С. 84 – 87.
17. Киссер Т. С. Путешествие И. П. Фалька и И. Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 53 – 60.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 46.
19. Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). Барнаул: Азбука, 2006. 136 с.
20. Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона: научно-методический и репертуарно-информационный альманах. Вып. 16. Тюмень: Строитель, 2007. С. 32 – 46.

THE FORMATION OF THE RUSSIAN BORDER IN THE UPPER OB-IRTYSH AREA IN APPRAISALS OF SCIENTISTS AND TRAVELERS OF THE XVIII CENTURY

Denis S. Bobrov¹, @, *

¹ Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049
@ BDS-eureka@yandex.ru

Received 31.10.2016.

Accepted 24.11.2016.

Keywords: historical and geographical images, writings of scientists and travelers, Russian state border, natural border, the Upper Ob-Irtysh area (Altai), fortresses of Irtysh line, Kolyvano-Voskresenskiy industrial complex.

* The publication has been prepared with financial support of RGNF and Altai Krai administration within the framework of joint project № 15-11-22005.

Abstract: The article represents the experience of distinguishing and reconstruction of the views of scientists and travelers of the XVIII century on the formation of the Russian border in the Upper Ob-Irtysh area. The emergence of the historical and geographical images is considered as a direct consequence of the lack of delimited and demarcated border between the Russian Empire and the Dzungar Khanate, and then the Qing Empire. The source basis of the publication is composed by writings of significant for the history of region scientific figures: G. F. Miller, G. V. Gennin, I. P. Falk, P. S. Pallas. The study was methodologically grounded by the "close up" method. Research statements are analyzed in detail in the context of the scientists' targets, attracted sources and circumstances of the implementation of the expeditions. The author identifies the ideologies with predominance of archetypal ideas, pays special attention to P. S. Pallas's concept of "natural border" and his observations on the mode of functioning of the state borders, finally coming to the conclusion about fragmentariness, eclecticism and multivariatness of historical and geographical images of the Russian border.

For citation: Bobrov D. S. Formirovanie rossiiskoi granitsy v Verkhnem Ob'-Irtysh'e v otsenkakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII v. [The Formation of the Russian Border in the Upper Ob-Irtysh Area in Appraisals of Scientists and Travelers of the XVIII Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 12 – 18. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-12-18.

References

1. Bobrov D. S., Soboleva T. N. Gosudarstvennaia granitsa Rossiiskoi imperii v Verkhnem Ob'-Irtysh'e v pervoi polovine XVIII v. [State border of Russian Empire in the Upper Ob-Irtysh area in the first half of XVIII century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = News of Altai state university*, 2, no. 3 (2015): 34 – 41. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.2-04.
2. Zamiatin D. N. Politiko-geograficheskie obrazy rossiiskogo prostranstva [Political and geographical images of Russian space]. *Vestnik Evrazii = Bulletin of Eurasia*, no. 4 (2003): 34 – 45.
3. Zamiatin D. N. *Kul'tura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: modeling of geographical images]. Moscow: Znack, 2006, 488.

4. Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [Siberia history]. Moscow: Vostochnaia literatura, vol. 3 (2005): 473 – 507.
5. *Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniakh G. F. Millera* [Siberia in XVIII century in journey descriptions of G. F. Miller]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996, 310.
6. Gennin V. *Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov: 1735* [Description of Ural and Siberia factories: 1735]. Moscow: gosudarstvennoe izdatel'stvo "Istoriia zavodov", 1937, 663.
7. *Polnoe sobranie uchenykh putesthestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoi Akademiei nauk, po predlozheniiu ee prezidenta. T. 6: Zapiski putesthestviia akademika Fal'ka* [Full collection of science journeys in Russia published by Empire academy of science at the commandment of its president. Vol. 6: Writings about academic Falk journey]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1824, 446.
8. *Polnoe sobranie uchenykh putesthestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoi Akademiei nauk, po predlozheniiu ee prezidenta. T. 7: Zakliuchaiushchii v sebe dopolnitel'nye stat'i k Zapiskam putesthestviia akademika Fal'ka* [Full collection of science journeys in Russia published by Empire academy of science at the commandment of its president. Vol. 6: Which consists additional articles to Writings about academic Falk journey]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1825, 224.
9. Pallas P. S. *Putesthestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po povelenniiu Sankt-Peterburgskoi Imperatorskoi Akademii nauk* [Journey in different places in Russian government at the commandment of Saint-Petersburg Empire academy of science]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1786, part 2, book 2, 571.
10. Pallas P. S. *Putesthestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva* [Journey in different places in Russian government at the commandment of Saint-Petersburg Empire academy of science]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1788, 111.
11. Golovnev A. V. Krupnyi plan v antropologii [Close up in anthropology]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural historical news*, no. 4(29) (2010): 14 – 20.
12. *Issledovateli Altaiskogo kraia. XVIII – nachalo XX v.* [Researches of Altai krai. XVIII – XX centuries]. Barnaul: OAO "Altaiskii poligraficheskii kombinat", 2000, 280.
13. Kontev A. V. Kartograficheskie materialy I. G. Gmelina i G. F. Millera kak istochniki po istorii stanovleniia gorno-metallurgicheskogo proizvodstva na Altae [Cartographic materials of I. G. Gmelin and G. F. Miller as sources of history of formation of mining and metallurgical production in Altai]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriia, filologiia = Bulletin of Novosibirsk state university. Category: history, philology*, 1, no. 12 (2013): 39 – 43.
14. Elert A. Kh. *Sibir' i sibirskie narody v geopoliticheskikh proektakh akademika G. F. Millera* [Siberia and Siberian nations in geopolitical projects of academic G. F. Miller]. *Nemetskii etnos v Sibiri: Al'manakh gumanitarnykh issledovanii* [German ethnos in Siberia: Almanac of humanitarian researches.]. Novosibirsk, no. 2 (2000): 77 – 84.
15. Karelin V. G. K istorii rukopisi "Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov. 1734" [To the history of writing "Description of Ural and Siberia factories. 1734"]. *Chetvertye Chupinskie kraevedcheskie chteniia: materialy konferentsii (Ekaterinburg, 14 – 15 fevralia 2008 g.)* [The 4th Chupinskie ethnographical reading: Proc. Conf. (Ekaterinburg, 14 – 15 February 2008)]. Ekaterinburg, 2008, 40 – 47.
16. Novikov I. A. Vilim de Gennin i ego rol' v sozdanii gornozavodskoi promyshlennosti Rossii (pervaia polovina XVIII v.) [Vilim de Genin and his role in creation of mining industry in Russia (first half of the XVIII century)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = World of science, culture, education*, no. 2 (2008): 84 – 87.
17. Kisser T. S. *Putesthestvie I. P. Fal'ka i I. G. Georgi po Rossiiskoi imperii (po materialam dnevnikov)* [Journey of I. P. Falk and I. G. Georgy in Russian Empire (on diary materials)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural historical news*, no. 2 (2016): 53 – 60.
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 46.
19. Borodaev V. B., Kontev A. V. *Istoricheskii atlas Altaiskogo kraia: kartograficheskie materialy po istorii Verkhnego Priob'ia i Priirtysh'ia (ot antichnosti do nachala XXI v.)* [Historical atlas of Altai krai: cartographic materials at Upper Priobie and Priirtyshie history (from antiquity to the begin of the XXI century)]. Barnaul: Azbuka, 2006, 136.
20. Muratova S. R. Na strazhe rubezhei Sibiri [On guard of Siberia fortresses]. *Natsional'nye kul'tury regiona* [National region cultures]. Tiumen': Stroitel', Iss. 16 (2007): 32 – 46.

УДК 94(571.17)''1943/1945'':351.74

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО БОРЬБЕ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ С ПРОИЗВОДСТВА И ФРОНТА (1943 – 1945 гг.)**Владимир Я. Бурчак**^{1, @}¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@ yaroslavich151@mail.ru*Поступила в редакцию 02.06.2016.
Принята к печати 09.09.2016.***Ключевые слова:** милиция, дезертирство, бандитизм, мобилизация, розыск дезертиров, уголовные преступления, Кемеровская область.**Аннотация:** В статье рассматривается деятельность милиции Кемеровской области по борьбе с дезертирством с производства и фронта в 1943 – 1945 гг. Особое внимание обращено на причины дезертирства с промышленных предприятий региона в военное время. Отражено взаимодействие советских и партийных органов с милицейскими структурами в решении проблемы дезертирства, по принятию мер, связанных со своевременным выявлением лиц, дезертировавших с предприятий и фронта. Показана общественная опасность явления в части осложнения криминогенной обстановки на территории области. Представлена нормативно-правовая база, в соответствии с которой осуществлялось преследование дезертиров с производства и фронта, отражена суть применявшихся наказаний. Приведены некоторые статистические данные по видам преступлений, совершенных данными категориями лиц. При подготовке настоящего исследования использовались нормативно-правовые акты, документы нескольких фондов Государственного архива Кемеровской области (ГАКО), ряд из которых вводится в научный оборот впервые.**Для цитирования:** Бурчак В. Я. Деятельность милиции Кемеровской области по борьбе с дезертирством с производства и фронта (1943 – 1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 19 – 23. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-19-23.

Тема борьбы с дезертирством с производства и фронта в 1943 – 1945 гг. была актуальной для Кемеровской области ввиду того, что регион располагал значительным промышленным потенциалом. Бесперебойная работа предприятий оборонного значения и смежных с ними производств, осуществлявших выпуск различных видов вооружения и другой военной продукции, имела огромное значение в военной экономике СССР. К изучению борьбы органов милиции с дезертирством рабочих с промышленных предприятий в Сибири и, в частности, в Кемеровской области обращался С. А. Папков [1, с. 285, 288 – 291, 318]. Проблемой борьбы с военным дезертирством в части выявления вражеской агентуры органами государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. в регионе занимался В. В. Онищенко [2, с. 52, 76 – 78]. Однако в настоящее время отсутствует исследование, где заявленная тема раскрыта в полной мере.

В предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. руководством СССР предпринят ряд мер, направленных на обеспечение промышленности, в том числе и военной, трудовыми ресурсами и укрепление трудовой дисциплины. Одной из таких мер являлось принятие накануне немецкого вторжения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [3]. В начале войны произошло ужесточение законодательства в данной сфере. Был принят Указ Президиума

Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [4]. Если по Указу от 26 июня 1940 г. за самовольный уход с предприятия предусматривалось наказание в виде тюремного заключения сроком от 2-х до 4-х месяцев, за прогул без уважительной причины мерой воздействия служило назначение исправительно-трудовых работ по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 %, то по Указу от 26 декабря 1941 г. самовольный уход с места работы рассматривался как дезертирство из рядов вооруженных сил и карался тюремным заключением на срок от 5-ти до 8-ми лет. Уголовные дела по Указу от 26 декабря 1941 г. уже рассматривали не народные суды, а военные трибуналы. Его нормы распространялись не только на военное производство, но и на предприятия других отраслей, обслуживавших военную промышленность по принципу кооперации (объединение двух и более предприятий для выполнения той или иной задачи). К судебной ответственности по Указу от 26 июня 1940 г. могли быть привлечены руководители предприятий и организаций, которые уклонялись от передачи к судебной ответственности лиц, виновных в самовольном уходе или уличенных в прогулах. Кроме того, к судебной ответственности надлежало привлекать руководителей, которые принимали на работу укрывавшихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и учреждений. С началом военных действий учреждалась трудовая повинность, на основе которой все взрослое население могло быть моби-

лизовано на особо срочные работы, в том числе и сезонные [5, с. 123].

В сложившихся условиях в целом по стране несоблюдение трудового распорядка на предприятиях и в организациях стало превращаться в основной, самый массовый вид уголовной преступности. Например, число осужденных военными трибуналами по Указу от 26 декабря 1941 г. на предприятиях военной и угольной промышленности в Кемеровской области в июне 1943 г. составляло 2699 человек [1, с. 289]. Правоохранительным органам и судам со стороны государственной власти поручалось при помощи беспрецедентных карательно-правовых мер выполнить одну из важнейших социальных задач: приучить граждан (преимущественно молодых рабочих) ежедневно исполнять трудовые обязанности. Дезертирами с производства и фронта занимались органы милиции, прокуратура, органы государственной безопасности, руководящий состав промышленных предприятий и организаций, руководство партийных и государственных органов власти [1, с. 356].

В Кемеровской области, образованной в январе 1943 г., особое внимание обращалось на развитие угольной и металлургической промышленности как стратегически важных отраслей военного производства [6, с. 61 – 62]. Для обеспечения промышленных предприятий, в основном угольных шахт, трудовыми ресурсами в Кемеровскую область стали прибывать потоки эвакуированного и мобилизованного населения из различных территорий страны. Учет прибывших граждан, а также переехавшего эвакуированного и мобилизованного населения на местах проводился органами милиции согласно мобилизационным спискам. Ввиду нехватки работников милиции им в помощь выделялись работники партийных и советских органов власти. Также для этой деятельности широко привлекались комсомольские кадры [7, л. 7; 8, л. 74 – 79].

Условия жизни и быта рабочих, мобилизованных на промышленные предприятия лесной, угольной и строительной отраслей народного хозяйства, расположенные в Кемеровской области, были тяжелыми. Общежития рабочих зачастую оказывались переполненными, помещения для отдыха не убирались, постельное и нательное белье не стиралось либо вовсе отсутствовало, заработная плата в сроки не выплачивалась, качество пищи в столовых было плохим [9, л. 25]. Недостаточным являлось вещевое снабжение рабочих. Не всегда у рабочих имелась одежда по сезону (особенно зимняя), отсутствовали необходимые рабочая одежда и обувь. Распространялись заразные заболевания, такие как чесотка, грипп и туберкулез. Недостаточно оказывалась или не оказывалась вовсе медицинская помощь заболевшим. Наблюдались случаи, когда больные с туберкулезом и другими серьезными заболеваниями находились в тех же помещениях, что и здоровые рабочие. Посещение таких рабочих медицинским персоналом осуществлялось один раз в неделю. Отсутствовали многие необходимые медицинские препараты. Происходили случаи травматизма, в том числе со смертельным исходом, в основном из-за нарушений техники безопасности на предприятиях и несоблюдения

трудовой дисциплины, недостаточной квалификации кадров.

Прибывало много мобилизованных (трудармейцев), плохо знавших и не знавших русский язык, в основном из сельскохозяйственных районов республик Средней Азии. Это способствовало проявлению различного рода злоупотреблений как со стороны руководства предприятий, так и со стороны местных рабочих [10]. Нередкими оказывались случаи противоправных действий по отношению к данной категории трудармейцев [11, л. 29]. Сложившаяся ситуация способствовала массовому дезертирству мобилизованных рабочих, возвращению их к постоянному месту жительства, занятию преступным промыслом.

Председателям исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся Кемеровской области областное руководство выдвинуло ряд требований. Необходимо было ужесточить меры по учету рабочей силы. Выявлению подлежали лица, дезертировавшие с предприятий, а также лица, их укрывавшие. Эту информацию следовало передавать в органы милиции и прокуратуры. Таким образом, областное начальство пыталось решать вопросы обеспечения промышленных предприятий рабочей силой. В г. Сталинске (ныне г. Новокузнецк) с 1 июля по 15 октября 1943 г. прокуратурой и милицией было арестовано 347 дезертиров производства [12, л. 24 – 25]. За май – июнь 1944 г. органы милиции и прокуратуры в Топкинском районе Кемеровской области выявили и арестовали 70 дезертиров с предприятий, в Кемеровском районе – 86, в районе г. Анжеро-Судженска – 98 [13]. В г. Тайга в течение августа 1944 г. милицией и прокуратурой задержано 23 дезертира с предприятий [14, л. 75].

Розыск дезертиров производства органами милиции, согласно розыскным заданиям прокуратуры, проводился путем допросов свидетелей, проверок документов, истребования справок от комендантов общежитий, предприятий, адресных бюро, проверок прежнего места жительства, проверок места жительства родственников [15, л. 19]. Наиболее действенным способом выявления дезертиров производства являлись систематические массовые рейды, устраиваемые органами милиции [1, с. 356]. Для розыска и принятия мер к дезертирам производства из других регионов СССР в эти местности направлялись специально выделенные работники. Работа милиции по розыску дезертиров не носила упорядоченного характера в связи с огромными потоками населения, проходившего через различные виды учета (эвакуированных, демобилизованных, спецпереселенцев и др.).

Для профилактики преступлений, связанных с дезертирством с производства, с вновь прибывшими на предприятия работниками милиции, прокурорами и судьями народных судов проводились собрания и беседы о необходимости соблюдения трудовой дисциплины в военное время, устраивались показательные судебные процессы, доводились требования основных советских законов, проводилась политико-воспитательная работа [14, л. 75].

Большинство дезертировавших с предприятий (в основном сельских жителей) возвращалось на постоянное место жительства. Не всегда руководители предприятий, председатели колхозов и сельских Советов сообщали

о фактах дезертирства в органы милиции и прокуратуры, а зачастую сами устраивали дезертиров на работу без проверки документов с последнего места работы [16, л. 114]. Подобную ситуацию можно объяснить беспечностью руководителей, их желанием обеспечить свое предприятие трудовыми ресурсами по причине нехватки последних в связи с войной [17, л. 100 – 101]. Выявлялись случаи подделки и порчи документов дезертировавшими [18, л. 20]. Это значительно усложняло работу милиции по розыску граждан, самовольно оставивших предприятия. Основную нагрузку по розыску дезертиров несли городские участковые инспекторы милиции. Определенное послабление дезертирам с промышленных предприятий принес Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. «Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия», согласно которому все возвратившиеся на свои предприятия до 15 февраля 1945 г. подлежали освобождению от уголовной ответственности [19].

Дезертиры с промышленных предприятий несли определенную угрозу благополучию населения, способствовали нагнетанию криминогенной обстановки в Кемеровской области. Не все дезертировавшие возвращались на прежнее место жительства и занимались мирным трудом. Определенная их часть вставала на преступный путь существования. Так, дезертиры производства Г. М. Пузенков и А. Ф. Людвиг в течение 6 месяцев 1944 г. в Беловском и Крапивинском районах Кемеровской области совершили более 20 краж и грабежей, задержаны милицией и судом приговорены к расстрелу [20].

Наибольшую общественную опасность несло дезертирство из рядов Красной Армии. Пользуясь недокомплектom органов милиции, такие дезертиры, организуясь в банды, становились на преступный путь, совершая не только кражи, но и грабежи, разбои и убийства, терроризируя местное население, внушая недоверие к властям. Они умышленно уничтожали имущество, занимались кражами скота, личного имущества граждан, овощей с огородов и полей. В 1944 г. в г. Гурьевск органами милиции была обезврежена банда Шмакова, состоявшая из 15 человек, большая часть которых являлась военными дезертирами и дезертирами с производства. Необходимо отметить, что в среднем 60 – 70 % военных дезертиров задерживалось не в связи с дезер-

тирством, а по случаям совершения других уголовных преступлений [7, л. 75 – 76].

В укрывании дезертиров с фронта иногда оказывались замешанными партийные работники и отдельные руководители предприятий. В 1943 г. выявили, что в г. Анжеро-Судженск инструктор военного отдела городского комитета ВКП(б) К. продолжительное время укрывал дезертира из Красной Армии М., с которым находился в дружеских отношениях. Используя свое служебное положение, К. через сотрудника военкомата путем подкупа пытался достать для М. бланк свидетельства об освобождении от воинской обязанности. В результате после выявления данного факта К. сняли с работы и исключили из рядов ВКП(б) [11, л. 73]. Директор МТС Краснинского сельского Совета Ленинск-Кузнецкого района С. при попустительстве председателя сельского Совета и председателей колхозов «Восход» и «Рязань» принял на работу дезертира из Красной Армии А. и в течение двух лет ни разу не спросил у него никаких документов. Управляющий заготовительным пунктом «Заготзерно» на станции Плотниково С. принял на работу без документов военного дезертира Т., удовлетворившись тем, что Т., не предъявив документов, обещал их достать и предоставить в ближайшем будущем [7, л. 75].

Мерами, направленными на своевременное выявление дезертиров с фронта, являлись проводимые милицией совместно с партийно-комсомольским активом и военнотружениками периодическое прочесывание городов и поселков, внезапные проверки воинских документов у граждан и военнотружеников, в том числе в ночное время [15, л. 21].

Таким образом, милицией Кемеровской области совместно с прокуратурой, органами государственной безопасности, военкоматами, партийными и советскими органами в 1943 – 1945 гг. обеспечивались мероприятия по розыску и задержанию дезертиров с производства и фронта. Несомненно, это являлось важным участком работы милиции в части поддержания трудовой дисциплины на предприятиях и борьбе с уголовными преступлениями. Опыт, накопленный органами милиции Кемеровской области в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. по данному направлению деятельности, являлся существенным для борьбы с дезертирством в последующие годы.

Литература

1. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 440 с.
2. Онищенко В. В. Образование и деятельность советских органов государственной безопасности в Кемеровской области (1943 – 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2010. 305 с.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семичасовую рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Режим доступа: www.libussr.ru. (дата обращения: 17.02.2015).
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Режим доступа: www.libussr.ru. (дата обращения: 17.02.2015).
5. Боффа Д. История Советского Союза. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941 – 1964 гг.: пер. с итал. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1994. Т. 2. 632 с.

6. Очерки истории партийной организации Кузбасса: в 3 ч. Ч. III. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1985. 288 с.
7. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-33. Оп. 8. Д. 2.
8. ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 56.
9. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 103.
10. Справка инструктора отдела пропаганды и агитации Кемеровского обкома ВКП(б) Ибрагимов от 16 июля 1943 г. // Право судить. Хроника Кемеровского областного суда 1943 – 2003 / под общ. ред. председателя областного суда В. М. Вьюнова. Кемерово: Весть, 2003. С. 45 – 46.
11. ГАКО. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 38.
12. ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 69.
13. Решение Кемеровского облисполкома № 625 от 15 июля 1944 г. «О мерах борьбы с укрывательством дезертиров с предприятий» // Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917 – 2002. Страницы истории / авт.-сост. А. А. Лопатин. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 2002. С. 200 – 201.
14. ГАКО. Ф. П-33. Оп. 8. Д. 4.
15. ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 86.
16. ГАКО. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 5.
17. ГАКО. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 4.
18. ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 18.
19. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. «Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Режим доступа: www.libussr.ru. (дата обращения: 17.02.2015).
20. Бабаянц А. Дезертиры – грабители // Кузбасс (Кемерово). 1944. 27 июня.

THE ACTIVITIES OF THE MILITIA OF THE KEMEROVO REGION IN COMBATING DESERTION FROM PRODUCTION AND FRONT (1943 – 1945)

Vladimir Ya. Burchak^{1,*}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

* yaroslavich151@mail.ru

Received 02.06.2016.

Accepted 09.09.2016.

Keywords: militia, desertion, banditry, mobilization, search of deserters, criminal offences, Kemerovo Region.

Abstract: The article discusses the activities of the militia of the Kemerovo Region for combating desertion from production and front in 1943 – 1945 with particular attention to the causes of the desertion from the industrial enterprises of the region in wartime. The article reflects the interaction of the Soviet and party bodies with police structures in addressing the problem of desertion, for the adoption of measures related to timely identification of persons who escaped from enterprises and front. The social danger of the phenomenon is represented in terms of complication of a criminogenic situation in the region. The article presents the regulatory framework, in accordance with which the prosecution of deserters from production and front was carried out, and shows the essence of the applied punishment. Some statistics on types of crimes committed by these categories of people are given. In preparing this study we used: the normative-legal acts, documents of the several funds of the State archive of Kemerovo Region (GAKO), a number of which is introduced into scientific circulation for the first time.

For citation: Burchak V. Ya. Deiatel'nost' militsii Kemerovskoi oblasti po bor'be s dezertirstvom s proizvodstva i fronta (1943 – 1945 gg.) [The Activities of the Militia of the Kemerovo Region in Combating Desertion from Production and Front (1943 – 1945)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 19 – 23. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-19-23.

References

1. Papkov S. A. *Obyknovennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri* [An ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2012, 440.
2. Onishchenko V. V. *Obrazovanie i deiatel'nost' sovetskikh organov gosudarstvennoi bezopasnosti v Kemerovskoi oblasti (1943 – 1991 gg.)*. Diss. kand. ist. nauk. [The education and activities of Soviet state security agencies in the Kemerovo Region (1943 – 1991). Cand. hist. Sci. Diss.]. Kemerovo State. Univ. Kemerovo, 2010, 305.
3. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 iunია 1940 g. «O perekhode na vos'michasovoi rabochii den', na semichasovuiu rabochiuiu nedeliu i o zapreshenii samovol'nogo ukhoda rabochikh i sluzhashchikh s predpriatii i uchrezhdenii» [The decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of 26 June 1940 “On the transition to the eight-hour day,

seven-hour workweek and the prohibition of unauthorized care workers and employees from enterprises and institutions”]. *Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR* [The legislation of the USSR. The library of normative legal acts of the USSR]. Available at: www.libussr.ru (accessed 17.02.2015).

4. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 dekabria 1941 g. «Ob otvetstvennosti rabochikh i sluzhashchikh predpriatii voennoi promyshlennosti za samovol'nyi uhod s predpriatii» [The decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 26, 1941, “The responsibility of workers and employees of enterprises of the military industry for leaving enterprises”]. *Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR* [The legislation of the USSR. The library of normative legal acts of the USSR]. Available at: www.libussr.ru (accessed 17.02.2015).

5. Boffa D. *Istoriia Sovetskogo Soiuza. Ot Otechestvennoi voiny do polozheniia vtoroi mirovoi derzhavy. Stalin i Khrushhev. 1941 – 1964 gg.* [The history of the Soviet Union. From Domestic war to the status of second world power. Stalin and Khrushchev. 1941 – 1964]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1994, vol. 2, 632.

6. *Ocherki istorii partiinoi organizatsii Kuzbassa* [Essays on the history of the party organization of the Kuzbass]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985, Part III, 288.

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti (GAKO)* [State archive of the Kemerovo Region]. Found P-33, List 8, File 2.

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found P-74, List 6, File 56.

9. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found R-790, List 1, File 103.

10. Spravka instruktora otdela propagandy i agitatsii Kemerovskogo obkoma VKP (b) Ibragimova ot 16 iul'ia 1943 g. [Help instructor Department of propaganda and agitation of the Kemerovo regional Committee of the VKP (b) Ibragimova, 16 July 1943]. *Pravo sudit'. Khronika Kemerovskogo oblastnogo suda 1943 – 2003* [The right to judge. Chronicle of the Kemerovo regional court 1943 – 2003]. Ed. V'iunov V. M. Kemerovo: Vesti, 2003, 206.

11. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found P-1, List 5, File 38.

12. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found P-74, List 6, File 69.

13. Reshenie Kemerovskogo oblispolkoma № 625 ot 15 iul'ia 1944 g. «O merakh bor'by s ukryvatel'stvom dezertirov s predpriatii» [The decision of the Kemerovo regional Executive Committee No. 625 of July 15, 1944 “On measures against harbouring deserters from enterprises”]. *Glavnoe upravlenie vnutrennikh del Kemerovskoi oblasti. 1917 – 2002. Stranitsy istorii* [Main Department of internal Affairs of the Kemerovo region. 1917 – 2002. The pages of history]. Author-comp. Lopatin A. A. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002, 375.

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found P-33, List 8, File 4.

15. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found P-74, List 6, File 86.

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found R-1086, List 1, File 5.

17. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found R-855, List 1, File 4.

18. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State archive of the Kemerovo Region]. Found R-308, List 1, File 18.

19. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 30 dekabria 1944 g. «Ob amnistii litsam, samovol'no ushedshim s predpriatii voennoi promyshlennosti i dobrovol'no vozvrativshimsia na eti predpriatii» [The decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of 30 December 1944 “On Amnesty to persons who absconded from the military industry enterprises and voluntarily returned these businesses”]. *Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR* [The legislation of the USSR. The library of normative legal acts of the USSR]. Available at: www.libussr.ru (accessed 17.02.2015).

20. Babaian A. Dezertiry – grabiteli [Deserters – the robbers]. *Kuzbass (Kemerovo) = Kuzbass (Kemerovo)*, 27 June (1944).

УДК 94(571.15)

ГОРОД БИЙСК ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Данил С. Дегтярев¹, @, *

¹ Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
@ danildegtyarev@yadex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2016.
Принята к печати 24.11.2016.

Ключевые слова: образы Алтая, ученые и путешественники об Алтае, образы населенных пунктов, города Алтая, Бийск, внешний вид Бийска.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в.».

Аннотация: Бийск, являясь вторым по величине городом Алтая, часто привлекал к себе внимание ученых и путешественников. В течение XIX – начала XX вв. ими были созданы яркие, запоминающиеся образы этого города. Чтобы выяснить, насколько образ города соответствовал реальности, мы проанализировали 14 описаний, сделанных 12 авторами в период с 1810 по 1917 гг. Характер этих описаний был разным – от официальных географических справок до эмоционально окрашенных строк из путевых дневников. Применяв метод сравнительного анализа, мы пришли к выводу, что образы города адекватно отражали реальность бийской жизни, в которой непроходимая грязь немощных улиц соседствовали с великолепием каменных храмов и комфортом модных гостиниц. В то же время на складывание образа Бийска иногда влиял и субъективный фактор. Читающий современник мог проследить изменения в жизни этого города: от пограничной крепости к купеческому городку, где у жителей нет даже солнечных часов, а затем – превращение Бийска в «окно в Европу» для Монголии. В целом образ города постепенно менялся от преимущественно негативного к нейтральному и даже позитивному, чему в не малой степени способствовало успешное социально-экономическое и культурное развитие Бийска. Полученный результат позволяет определить, каким образом осуществлялась репрезентация небольшого сибирского города в российском информационном пространстве XIX – начала XX вв.

Для цитирования: Дегтярев Д. С. Город Бийск глазами ученых и путешественников XIX – начала XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 24 – 28. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-24-28.

В настоящий момент на Алтае проводятся масштабные исследования образа региона в научной и художественной литературе [1 – 4]. В частности, опубликовано множество свидетельств об Алтае прошлых веков и десятилетий. Из общего потока сведений мы вычленили те, которые относятся к населенным пунктам региона. Объектом данного исследования стал второй по величине город Алтая – Бийск, а предметом – его образ, созданный учеными и путешественниками XIX – начала XX вв. Решение ряда исследовательских задач, таких как реконструкция образа Бийска, выявление существовавших стереотипов его восприятия, анализ динамики изменений образа Бийска, позволит нам достигнуть главной цели – определить, насколько образ Бийска соответствовал реальности, и если не соответствовал, то почему. Для этого мы проанализировали 14 описаний Бийска, сделанных 12 авторами, из которых двое были иностранцами. Из них 6 помещены в географические и статистические справочники и носят отчасти официальный характер, 8 – взятые нами из различных источников личного происхождения (дневников, путевых заметок, писем, воспоминаний). Эти описания были сделаны в период с 1810 по 1917 гг. Именно в это время маршруты многих экспедиций, побывавших на Алтае, проходили через Бийск. Особенно много путешественников и ученых посетило этот город, начиная с середины XIX столетия. В это время прежде знаменитый горнозаводской комплекс Рудного Алтая постепенно приходил в упадок, интерес к нему снижался. Одновременно возрастал интерес научной общественности к Горному Алтаю, путь в который лежал

именно через Бийск. Наконец, международная торговля по Чуйскому тракту сделала Бийск важным экономическим и культурно-просветительским центром региона. Вот те причины, по которым многие ученые и путешественники в XIX – начале XX вв. оказывались в Бийске и писали об этом городе.

Самое раннее описание Бийска этого времени мы можем найти в «Статистическом обозрении Сибири» 1810 г. Описание носит официальный характер и сводится к перечислению того, что было в городе на тот момент. Автор писал: «Бийск лежит на правом берегу реки Бия... Построен в 1709 г., в 1782 г. учрежден городом, в 1797 г. оставлен за штатом. В нем строений: 2 церкви каменных и 1 деревянная, каменная денежная кладовая, ветхие деревянные Присутственные места; комендантский дом и офицерские дома; солдатские дома, госпиталь, соляной и винный магазины, артиллерийский арсенал и пороховой погреб, обывательских домов до 350. Жителей... до 1763 душ» [5, с. 303]. Перед читателем начала XIX в. Бийск предстает в качестве крепости, постепенно теряющей свое былое значение. Анализируя это свидетельство, нужно учитывать, что автор не был в городе лично, а лишь транслировал полученные по официальным каналам данные. Поэтому здесь ярко проявился стереотипный образ «Бийск – крепость на далекой окраине».

Проезжавший через Бийск в 1860 г. этнограф и археолог В. В. Радлов указывал, что «город виден, только когда спустишься с горы». Он находится на узкой полосе между горой и рекой Бия, растянулся вдоль Бии на 7 верст. Бийск, по словам Радлова, «имеет вид загряз-

ненной деревушки», «город весь деревянный и напоминает большое село». Особое внимание путешественник уделил зданиям в городе; он назвал лишь два каменных строения – церковь и пороховой погреб. «Хотя он только двухэтажный, но выглядит дворцом по сравнению с другими домами» [6, с. 36 – 37]. Отдельно ученый отметил отсутствие в Бийске гостиниц. Зато на окраине города Радлов увидел большую базарную площадь, на которой велась «обширная торговля». Таким образом, читатели работы Радлова должны были представить довольно большой по территории, но имеющий весьма неприглядный внешний вид торговый сибирский городишко.

Наиболее красочные описания Бийска второй половины XIX – начала XX вв. оставил виднейший сибирский общественный деятель, писатель и ученый Г. Н. Потанин. Он неоднократно лично бывал в Бийске, но подолгу здесь никогда не жил. Так, в статье «От Кош-Агача до Бийска», опубликованной в журнале «Древняя и новая Россия» за 1879 г., Потанин писал: «Это небольшой сибирский городок, имеющий 6 улиц, состоящих преимущественно из низеньких деревянных домиков. Каменных домов только пять: купцов Морозова и Гилева, дом отца протоиерея, городское училище и казначейство; впрочем, все они казарменной архитектуры, кроме дома Гилева. В городе две каменных церкви, одна – только что оконченный собор» [7, с. 37]. Рост числа жителей, происходивший в последнее время, пока никак, по мнению Потанина, не сказывался на социальной действительности. Автор отмечал полное отсутствие каких-либо культурных учреждений: в городе не было ни клуба, ни типографии, ни библиотеки, на весь город имелся лишь один рояль. Наконец, автор подмечал одну любопытную бытовую особенность: в Бийске совсем не было солнечных часов, поэтому бийчане жили «либо часом вперед, либо назад», то есть ритм жизни города больше напоминал деревенский [4, с. 38 – 40]. Итак, благодаря Потанину у читающей публики должно было сложиться такое представление о Бийске: это небольшой сибирский город, бывшая крепость, а ныне – быстро растущий экономический центр. При этом в Бийске пока еще нет ничего из того, что присуще современному городу. «Город переходного периода» – таким представил Бийск своим современникам Г. Н. Потанин.

Еще один образ этот же автор рисует в своем очерке «Алтай». Очерк вошел в состав XI тома знаменитого географического сборника «Живописная Россия» (1884 г.), посвященного Западной Сибири. Автор пишет: «Бийск расположен на левом берегу Бии, с одной стороны река, с другой – крутой увал. Население составляет 6 тысяч жителей. В последнее время город начал прирастать из-за переселения крестьян из великорусских губерний... Постройки почти исключительно деревянные; в последнее время город стал украшаться – построен новый каменный собор, городское каменное училище и больница. Училище, впрочем, своей архитектурой напоминает скорее мучной лабаз, чем храм просвещения». В очерке есть и характеристика социальной действительности: Потанин отмечал, что в городе живут одни купцы, отсутствует даже библиотека, а «единственное развлечение – игра в карты» [8, с. 208]. В целом характеристика Бийска у Потанина в 1884 г. такая же, что и пятью годами раньше.

Современник, а также близкий друг и соратник Г. Н. Потанина Н. М. Ядринцев также неоднократно бывал в Бийске. Вот какое впечатление об этом городе он вынес

после его посещения в ходе научной экспедиции в Горный Алтай в 1878 г. «Бийск находится в низменной и болотистой местности на берегу реки Бии. Имеет вид незначительного уездного городка, в котором есть несколько купеческих домов, 2 церкви и новая больница». Далее ученый приводит ряд статистических данных о городе: в 1878 г. в Бийске насчитывалось 6400 жителей и 1100 строений, из них: 11 каменных; 49 заводов, 2 церкви, 2 училища [9, с. 58 – 59]. Интересно, что автор нигде особо не подчеркивает возрастающую роль торговли. Ядринцев увидел Бийск примерно таким же, каким увидел его Потанин, то есть «городом переходного периода».

В состав историко-статистического сборника «Алтай» 1890 г. вошла статья С. Мартынова о состоянии санитарной части, в том числе и о санитарном состоянии городов. О Бийске автор пишет следующее: «Почва города болотистая, на многих улицах... стоят громадные, никогда не просыхающие лужи, во время дождя некоторые улицы превращаются в сплошное болото, для проезда почти невозможное» [10, с. 250]. Здесь ярко проявился характерный для многих описаний стереотип «Бийск – грязное и крайне неблагоустроенное место».

Таким образом, для путешественников и ученых, описывавших Бийск в XIX в., характерны следующие стереотипы: «бывшая пограничная крепость», «город под горой на берегу реки», «большое по площади поселение», «скорее сельский, чем городской внешний вид», «низкий уровень благоустройства», «низкий уровень культуры населения», «развития торговля». Причем, авторы 70-х – 90-х гг. основной акцент делают именно на контрасте между относительно развитой городской экономикой и отсутствием «городского образа жизни».

Ситуация стала меняться на рубеже XIX – XX вв. Бийск стал средним городом с населением от 20 до 30 тысяч человек. Международные торговые связи Бийска, превращение его в центр колонизации Горного Алтая и в очаг православной культуры в данном регионе повлияли и на восприятие города современниками. Причем среди авторов были как российские ученые и путешественники, так и иностранные.

Например, летом 1898 г. Бийск посетил вице-президент Британского Королевского Энтомологического общества Г. Д. Элвес. Город произвел на него удручающее впечатление: «Бийск в действительности – большая и очень грязная деревня, центр большой торговли шерстью, чаем и мехами... Здесь нет ни одной гостиницы или банка... Улицы, подобно другим провинциальным городам, тонут либо в грязи, либо в пыли». Таким образом, британский ученый отмечал такие характерные для Бийска черты, как провинциальный «негородской» вид, отсутствие инфраструктуры и очень низкий уровень благоустройства. При этом он указал на важное экономическое значение этого населенного пункта [11, с. 121 – 135].

Через 5 лет, летом 1903 г., в Бийске побывал американский альпинист Сэмюэль Тернер. Вот что иностранец писал о Бийске: «Купола двух церквей, горящих на солнце, придают привлекательность деревянным домишкам, из которых состоит город... Бийск... становится центром маслоделия. Архитектура города, принимая во внимание его отдаленность от центра, довольно привлекательна... Бийск – привлекательный город и большой торговый центр». Свое восторженное описание Тернер заканчивает такой характеристикой: «Элегантный город, где отличная пища и относительный комфорт заставили нас забыть

о невзгодах» [12, с. 30 – 33]. Такое описание Бийска резко контрастирует со всеми другими; оно одно из самых «светлых» по эмоциональному окрасу. Причина этого в тех обстоятельствах, при которых автор оказался в Бийске. Путешествие в горы для Тернера и его спутников оказалось очень трудным и полным опасностей. Поэтому после всех испытаний, Бийск показался им центром цивилизации и средоточием комфорта. Если сравнить описание Бийска, которые сделали почти в одно и то же время Элвес и Тернер, то в них будет как нечто общее (указание на растущее экономическое значение города, на не вполне городской внешний вид), так и различное («грязные улицы» у Элвеса и «привлекательный город» у Тернера). Различий в этих описаниях больше, что объясняется субъективным фактором.

На рубеже XIX и XX вв. создавался крупнейший географический справочник – «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». XVI том, посвященный Западной Сибири, вышел в 1907 г. Помещенный в главе X «Русский Алтай» рассказ о Бийске по своему духу отличался от живых и красочных описаний этого города, сделанных очевидцами. Автор сделал акцент на экономике города и, прежде всего, на торговле. Ее объем составлял 4 млн руб., в том числе до 1 млн – мануфактурная торговля. Особо подчеркивалось, что Бийск стал главной перевалочной базой для грузов, привозимых по Оби и идущих далее по гужевым дорогам в Горный Алтай и Монголию. Промышленность Бийска выглядела слабой: общий объем производства не превышал 200 тыс. руб., а среди производств были выделены винокуренный и мыловаренный заводы и мастерские по изготовлению молотилок и веялок. С точки зрения Белявского, Бийск должен был предстать преимущественно торговым центром [13, с. 390 – 392].

Однако, это было не единственное географическое описание Бийска того времени. В 1911 г. в свет вышел «Географический, топографический и этнографический очерк Бийского уезда Томской губернии», содержащий полное и разностороннее описание Бийска и прилегающих к нему территорий. Во-первых, в нем содержатся справочные данные о городе: описание его истории, площади селитебной и выгонной части, приводится численность населения. Во-вторых, в очерке очень подробно описана бийская экономика. Как писали авторы, 15 лет назад Бийск стал центром всей алтайской жизни как в промышленном, так и в культурном отношении. За это время «захолустный городок разросся в большой город» [14, с. 7]. В-третьих, в очерке подробно описано внутреннее устройство территории Бийска, но это описание носит преимущественно географический характер. Наконец, в четвертых, впервые в научной литературе описан бийский пригород, в том числе многочисленные дачи (например, «Гилева роща») [11, с. 10, 18 – 21]. В целом можно сказать, что информация о Бийске начала XX столетия в «Очерке» 1911 г. представлена наиболее полно, но несколько однобоко. Читатель должен был увидеть Бийск в качестве довольно крупного и современного города с развитой экономикой и многочисленным населением.

К этому же периоду относятся и первые туристические путеводители по Алтаю. Самым подробным стал труд В. В. Сапожникова «Пути по Русскому Алтаю», вышедший в 1912 г. Вот, что написал путешественник: «Бийск расположен на правом, низменном берегу Бии под высоким крутым яром. По своей площади, количест-

ву построек и общему благоустройству он уступает Барнаулу, но все-таки... с населением в 40 тыс. чел. – это крупный торговый пункт с годовым оборотом свыше 4 миллионов рублей». Далее автор говорит о большом значении Бийска для торговли с Монголией и алтайскими инородцами. Наконец, Сапожников не упустил из виду и религиозно-просветительское значение города, в котором в то время находилась резиденция викарного епископа, катехизаторское училище и монастырская школа [15, с. 32]. Описание Бийска у Сапожникова сходно с описанием у Белявского (крупный город на берегу реки, важный центр местной и международной торговли), но Сапожников большое внимание уделил еще и месту Бийска в культурном пространстве региона.

В 1913 – 1914 гг. в Бийске неоднократно бывал В. Я. Шишков, работавший начальником изыскательской партии на Чуйском тракте. В очерке «По Чуйскому тракту» автор написал: «Бийские улицы – отвратительная, невообразимая грязь... Улицы – сплошная топь, вонь, мерзость, азиатчина. Граждане! Вы принялись и притерпелись, но приезжему человеку в вашем городе невыносимо!» [16, с. 40]. Трудно найти более отталкивающее описание населенного пункта на Алтае, чем это: если другие очевидцы лишь указывали на грязь, то Шишков гипертрофировал это обстоятельство, сделав грязь единственным атрибутом города. «Невыносимое, отвратительное место» – таким Бийск увидел В. Я. Шишков. Причины такого отношения к Бийску кроются, на наш взгляд, в том, что писатель невольно сравнивал его с губернским Томском (который в то время уже был «Сибирскими Афинами»), в сравнении с которым неблагоустроенный Бийск выглядел сущим адом.

Совсем другим видится Бийск этого времени Г. Н. Потанину. Будучи человеком умным и наблюдательным, Потанин не мог не заметить положительных изменений, произошедших в жизни Бийска в начале XX века. Если Сапожников лишь констатировал факт возрастающего значения Бийска как культурного центра Алтая, то Потанин явно преувеличивал это значение. Именно ему принадлежит образное выражение «Бийск – это «окно в Европу» для Монголии», которое неоднократно встречается в его письмах 1912 – 1917 гг. [17, с. 149]. Автор имел в виду, что через Бийск коренное население Центральной Азии должно быть приобщено к европейским культурным ценностям. Эволюция взгляда Потанина на Бийск вообще очень любопытна. Если в своих ранних произведениях писатель показывал этот город чуть ли не самым ярким примером бескультурья, то позже он же поставил Бийск в один ряд с Санкт-Петербургом.

В 1914 г. через Бийск в Горный Алтай проехал будущий великий геолог, академик В. А. Обручев. В своих воспоминаниях он писал: «Бийск, раскинувшийся внизу, на равнине правого берега реки Бия, казался большим селом из серых деревянных зданий». Чуть ниже ученый вспоминал, что в Бийске он жил в хорошей гостинице, находившейся в двухэтажном доме, где на первом этаже был ресторан [18, с. 230]. Здесь Бийск предстает «городом контрастов»: «сельский» внешний вид сочетается с большой площадью поселения и наличием городской инфраструктуры. В описании Обручева присутствуют распространенные стереотипы: расположение в долине, большая площадь города, не совсем городской внешний вид.

Итак, в конце XIX века и в первые полтора десятилетия XX века образ Бийска претерпел некоторые изменения. Во-первых, этот город теперь представлял не просто как центр торговли, а как центр международной торговли. Во-вторых, пассажи авторов о низком уровне местной культуры сменились рассуждениями о большом значении Бийска как культурно-просветительского центра. В то же время такие укоренившиеся в сознании стереотипы, как «сельский» внешний вид» или «низкий уровень благоустройства», сохранялись в описаниях города.

В целом можно отметить, что в течение XIX – начала XX века образ Бийска постепенно менялся, а тон его описаний варьировался от преимущественно негативного к смешанному и даже позитивному. Причиной этого были, прежде всего, реальные изменения в жизни города в конце XIX столетия. В то же время субъективный фактор в некоторой степени влиял на восприятие авторами Бийска, однако, не настолько, чтобы создаваемый образ кардинально отличался от истинного положения вещей.

Литература

1. Букина Т. Н. Барнаул в воспоминаниях К. П. Перетолчина // Краеведческие записки. Вып. 9. Барнаул: Алтайский государственный краеведческий музей, 2011. С. 83.
2. Ведерников В. В. О барнаульских впечатлениях английских путешественников Джона Кокрена и Чарльза Котрелла // Краеведческие записки. Вып. 9. Барнаул: Алтайский государственный краеведческий музей, 2011. С. 74 – 75.
3. Дегтярев Д. С. Змеиногорск глазами ученых и путешественников XVIII – XIX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2(87). С. 68 – 71.
4. Образ Алтая в русской литературе: антология: в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. Барнаул: Издательский Дом «Барнаул», 2012.
5. Статистическое обозрение Сибири, составленное статским советником Баккаревичем. СПб.: Типография Шнора, 1810. 405 с.
6. Радлов В. В. Из Сибири // Краеведческий вестник. Вып. 2. Бийск: БКМ им. В. В. Бианки, 1997. С. 37.
7. Потанин Г. Н. От Кош-Агача до Бийска // Краеведческий вестник. Вып. 2. Бийск: БКМ им. В. В. Бианки, 1997. С. 36.
8. Потанин Г. Н. Алтай // Живописная Россия. Т. XI. СПб.-М.: Изд-во Товарищества М. В. Вольф, 1884. С. 201 – 223.
9. Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ. Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1880. 148 с.
10. Мартынов С. Санитарная часть / Алтай: историко-статистический сборник // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века. Т. 4. Барнаул: АКУНБ им. В. Я. Шишкова, 2014. С. 246 – 260.
11. Коллинз Д. Англоязычные путешественники на Русском Алтае (перев. с англ. Ю. М. Гончарова) // Краеведческие записки. Вып. 4. Барнаул: Алтайский государственный краеведческий музей, 2001. С. 121 – 135.
12. Тернер С. Сибирь: путешествия, исследования, альпинизм // Краеведческий вестник. Вып. 7. Бийск: БКМ им. В. В. Бианки, 1998. С. 30 – 33.
13. Белявский Ф. Н. Русский Алтай // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX вв. Т. 1. Барнаул: АРТ, 2005. С. 369 – 434.
14. Описание г. Бийска из «Географического, топографического и этнографического очерка Бийского уезда Томской губернии за 1911 г.» // Краеведческий вестник. Вып. 1. Бийск: БКМ им. В. В. Бианки, 1997. С. 6 – 21.
15. Сапожников В. В. Пути по Русскому Алтаю. Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1912. 170 с.
16. Шишков В. Я. По Чуйскому тракту // Краеведческий вестник. Вып. 2. Бийск: БКМ им. В. В. Бианки, 1997. С. 40 – 41.
17. Потанин Г. Н. Письмо С. Ф. Ольденбургу от 12 августа 1917 г. // Письма Г. Н. Потанина. Т. 5 / сост. А. Г. Грум-Гржимайло, С. Ф. Коваль. Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. 272 с.
18. Обручев В. А. Мои путешествия по Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 274 с.

SCIENTISTS AND TRAVELERS ABOUT BIYSK IN THE 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Danil S. Degtyarev¹, @, *

¹ Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049
@ danildegtyarev@yadex.ru

Received 31.10.2016.
Accepted 24.11.2016.

Keywords: images of Altai, scientists and travelers about Altai, images of settlements, towns of Altai, Biysk, the exterior view of Biysk.

Abstract: Biysk, being the second town of Altai of its size, attracted many scientists and travelers. They created colorful and unforgettable images of the town in the XIX – the beginning of XX century. 14 descriptions produced by 12 authors in 1810 – 1917 were analyzed to establish if the image corresponded with reality. There were rather different descriptions ranging from official geographical reviews to emotional lines of travel diaries. A comparative analysis allowed us to conclude that those images of Biysk were real in their description of dirty streets adjoining beautiful churches and comfortable fashionable hotels. Still, subjective factor influenced to the images

*The paper was written within the framework of the scientific project supported by Russian Humanitarian Science Foundation grant № 15-11-22005.

of Biysk as well. Readers in the XIX century could trace all changes of the life of the town – from a fortress on the boarder to a small trade town (where inhabitants hadn't got even a sundial) and then to the important economic and cultural center of the region – “the window to Europe” for Mongolia”. The image of the town gradually changed from negative to neutral and positive. It was determined by real economic and cultural development of Biysk. The result of this exploration allows one to define the way a Russian regional town was represented in informational area of the country in XIX – the beginning of XX century.

For citation: Degtyarev D. S. Gorod Biisk glazami uchenykh i puteshestvennikov XIX – nachala XX vv. [Scientists and Travelers about Biysk in the XIX – the Beginning of the XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 24 – 28. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-24-28.

References

1. Bukina T. N. Barnaul v vospominaniakh K. P. Peretolchina [Barnaul in memories of Peretolchin]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei, Iss. 9 (2011): 83.
2. Vedernikov V. V. O barnaul'skikh vpechatleniakh angliiskikh puteshestvennikov Dzhona Kokrena i Charl'za Kotrella [About Barnaul experiences of English travelers John Cochran and Charles Cotrell]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei, Iss. 9 (2011): 74 – 75.
3. Degtyarev D. S. Zmeinogorsk glazami uchenykh i puteshestvennikov XVIII – XIX vv. [Zmeinogorsk the eyes of scientists and travelers of the XVIII – XIX centuries]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = News of Altai state University*, no. 3/2(87) (2015): 68 – 71.
4. *Obraz Altaia v russkoi literature* [Imagines of Altai in Russian literature]. Ed. Kuliapin A. I. Barnaul: Izdatel'skii Dom «Barnaul», 2012.
5. *Statisticheskoe obozrenie Sibiri, sostavlennoe statskim sovetnikom Bakkarevichem* [Statistic review of Siberia written by Bakkarevich]. Saint-Petersburg: Tipografiia Shnora, 1810, 405.
6. Radlov V. V. Iz Sibiri [From Siberia]. *Kraevedcheskii vestnik* [Local history Bulletin]. Biisk: BKM im. V. V. Bianki, Iss. 2 (1997): 37.
7. Potanin G. N. Ot Kosh-Agacha do Biiska [From Kosh-Agach to Biysk]. *Kraevedcheskii vestnik* [Local history Bulletin]. Biisk: BKM im. V. V. Bianki, Iss. 2 (1997): 36.
8. Potanin G. N. Altai [Altai]. *Zhivopisnaia Rossiia* [Picturesque Russia]. Saint-Petersburg-Moscow: Izd-vo Tovarishchestva M. V. Vol'f, vol. XI (1884): 201 – 223.
9. Iadrintsev N. M. *Poezdka po Zapadnoi Sibiri i v gornyi Altaiskii okrug* [The trip to Western Siberia and Mountie Altay district]. Tomsk: Tipolitografiia Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1880, 148.
10. Martynov S. Sanitarnaia chast' [Medical part]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vv.* [The Altai in the works of scholars and travelers XVIII – early XX centuries]. Barnaul: AKUNB im. V. Ia. Shishkova, vol. 4 (2014): 246 – 260.
11. Collins D. Angloiazychnye puteshestvenniki na Russkom Altae [English-speaking travelers in Russian Altay]. Transl. Goncharov Iu. M. *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei, Iss. 4 (2001): 121 – 135.
12. Turner S. Sibir': puteshestviia, issledovaniia, al'pinizm [Siberia: travelling, explorations, alpinism]. *Kraevedcheskii vestnik* [Local history Bulletin]. Biisk: BKM im. V. V. Bianki, Iss. 7 (1998): 30 – 33.
13. Beliauskii F. N. Russkii Altai [Russian Altai]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vv.* [The Altai in the works of scholars and travelers XVIII – early XX centuries]. Barnaul: ART, vol. 1 (2005): 369 – 434.
14. Opisanie g. Biiska iz «Geograficheskogo, topograficheskogo i etnograficheskogo ocherka Biiskogo uezda Tomskoi gubernii za 1911 g.» [Description of Biysk from “Geographical, topographical and ethnographical essay of Biysk district”]. *Kraevedcheskii vestnik* [Local history Bulletin]. Biisk: BKM im. V. V. Bianki, Iss. 1 (1997): 6 – 21.
15. Sapozhnikov V. V. *Puti po Russkomu Altaiu* [Ways in Russian Altay]. Tomsk: Tipolitografiia Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1912, 170.
16. Shishkov V. Ia. Po Chuiskomu traktu [At the tract of Chuya]. *Kraevedcheskii vestnik* [Local history Bulletin]. Biisk: BKM im. V. V. Bianki, Iss. 2 (1997): 40 – 41.
17. Potanin G. N. Pis'mo S. F. Ol'denburgu ot 12 avgusta 1917 g [Letter to Oldenburg written in August, 12 1917]. *Pis'ma G. N. Potanina* [Letters To G. N. Potanin]. Comp. Grum-Grzhimailo A. G., Koval' S. F., Ianovskii N. N. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, vol. 5 (1991): 272.
18. Obruchev V. A. *Moi puteshestviia po Sibiri* [My expeditions in Siberia]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948, 274.

УДК 94(57) "1633"

ПОХОДЫ П. САБАНСКОГО НА ТЕЛЕЦКОЕ ОЗЕРО И Ф. ПУЩИНА НА РЕКУ БИЯ: ВРЕМЯ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ**Виктор Н. Добжанский¹, @**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ if@kemsu.ru

Поступила в редакцию 21.09.2016.

Принята к печати 29.12.2016.

Ключевые слова: П. Сабанский, Ф. Пушин, Телецкое озеро, река Бия, река Обь.

Аннотация: Историкам Сибири хорошо известны походы томских детей боярских Ф. Пущина и П. Сабанского на реку Бия и Телецкое озеро. Историография этих походов очень мала и ограничивается работами Г. Ф. Миллера, И. Е. Фишера и А. П. Уманского. Не менее скромна и источниковая база, на которую опирались эти исследователи. Вплоть до недавнего времени она ограничивалась четырьмя документами из «Томской архивы», три из которых были опубликованы А. И. Андреевым в приложении к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. До настоящего времени интерпретация этих походов И. Фишером и А. П. Уманским сомнений не вызывала. Однако сравнительный анализ документов, которые использовали исследователи для характеристики походов Ф. Пущина и П. Сабанского, показал их противоречивость и неверную датировку, неизвестны были причины этих походов. Обнаруженная нами в фонде Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов выписка о походе П. Сабанского на Телецкое озеро снимает эти противоречия, дает возможность установить точное время, причины и последовательность походов.

Для цитирования: Добжанский В. Н. Походы П. Сабанского на Телецкое озеро и Ф. Пущина на реку Бия: время, причины, последствия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 29 – 36. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-29-36.

До настоящего времени решение многих вопросов истории Сибири конца XVI – XVII в. базируется на документах, скопированных Г. Ф. Миллером в архивах сибирских городов в ходе его десятилетней экспедиции 1733 – 1743 гг. Особенно это относится к первой половине XVII в. Не являются исключением и походы томских детей боярских Ф. Пущина на р. Бию и П. Сабанского на Телецкое озеро. Историография этих походов очень мала и ограничивается работами Г. Ф. Миллера, И. Е. Фишера и А. П. Уманского. Не менее скромна и источниковая база, на которую опирались эти исследователи. Вплоть до недавнего времени она ограничивалась четырьмя документами из «Томской архивы» (кн. 1), три из которых были опубликованы А. И. Андреевым в приложении к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. А. П. Уманский при написании своей работы о русско-телеутских отношениях XVII – XVIII вв. привлек для характеристики походов Пущина и Сабанского еще три документа из Сибирского фонда РГАДА. Однако, что это за документы, какое отношение они имеют к указанным походам, исследователь умалчивает, так же как не приводит никаких конкретных сведений из них в форме прямого цитирования. Причины, время и последовательность походов стали достоянием сибирской историографии и никем не оспариваются. По крайней мере автору данной статьи это не известно. Однако обращение к подлинным документам фонда Сибирского приказа РГАДА, которые использовал Уманский в своей работе,

заставило нас более внимательно отнестись к выводам предшественников. Кроме того, в этом фонде нами были обнаружены документы, характеризующие отношения томских и кузнецких властей с телесами, обитавшими по берегам Телецкого озера, которые полностью перечеркивают устоявшуюся в историографии концепцию.

Для начала обратимся к истокам ее формирования.

О времени и причинах похода томских казаков во главе с сыном боярским Ф. Пущиным на р. Бия в литературе существует две точки зрения. Первая была высказана еще Г. Ф. Миллером: «20 июля 7141 (1633) г. томский воевода князь Иван Федорович Татев приказал томскому сыну боярскому Федору Пущину с 60 казаками идти вверх по Оби на реку Бию ставить острог» [1, с. 98]. Миллер опирался на наказную память томского воеводы князя Н. И. Егупова-Черкасского от 28 сентября 1633 г., которая дана была томским служилым людям В. Седельникову и И. Алпакову, посланным к князю белых калмаков Абаку, чтоб тот «от измены своей отстал» и дал шерсть московскому государю. Служилые люди должны были напомнить Абаку, что «в прошлом во 141-м году июля в 20 день ...прежние томские воеводы князь Иван Татев с товарищи послали по Оби реке вверх на Бию реку государевых немногих ратных людей ставити острогу для оберегання государевых ясачных волостей Кузнецкого уезду», которых телеуты не пропустили в свою землю [1, с. 472]. Кроме оберегания ясачных волостей

Кузнецкого уезда, причину посылки томских казаков Миллер видел также в том, что «в том месте, где из слияния Бии и Катунь образуется великая Обь, уже в 1633 г. существовало предположение поставить острог. Этим хотели не только несколько смирить живущие там поблизости народы, но думали подчинить некоторые из них» [1, с. 97 – 98]. В дальнейшем Миллер к этой теме не обращался.

И. Е. Фишер также относит поход Ф. Пушина к 1633 г., но точного дня и месяца начала похода не указывает. Вслед за Миллером он пишет, что «в 1633 году предложено было, чтоб при соединении рек Бия и Катунь построить острог, который бы служил к новым открытиям. Для того томский воевода князь Иван Татев послал туда сына боярского Федора Пушина с 60 человеками казаков. Он вступил в путь водою, но не дошел далее как до лежащих около реки Чумыша мест, понеже теленгутский князь Абак, которому кучумовский принц Девлет-кирей и некоторые калмакские тайши помогали, напал на козаков и, невзирая на храброе их чрез пять дней продолжившееся сопротивление, принудил назад отступить. И так предложенное строение острога не произведено в действо» [2, с. 399 – 400].

Поход Пушина Фишер описывает по его отписке, опубликованной впоследствии А. И. Андреевым [1, с. 459 – 460]. Но далее Фишер пишет следующее: «По приведении в послушание татар у рек Кондомы и Марзы, россияне замыслили так же покорить татарские роды, живущие у рек Би и Катунь. Мы объявили, что томские казаки еще в 1633 году покушались заложить острог на том месте, где соединяются реки Бия и Катунь, но в том сим воспрепятствовали телеуты. Однако они того ни мало не усташась в том же еще году под предводительством сына боярского Петра Сабанского предприняли вторичный поход в те же места дошли тогда до вершины реки Би. Озеро, из которого помянутая река вытекает, на калмакском языке называется Алтын-нор, т. е. Золотое озеро. При нем живет татарский род, телес называемый: и по тому россияне наименовали помянутое озеро Телесским.

Тогда управлял телесами князец Мандрак, который отважился принять новопришедших гостей вооруженною рукою; но видя, что они его сильнее, ударился в бег и оставил жену свою, сына Айдар и невестку, которых приведены в Томск. Следующего году в провождении некоторых телеутских послов явился сам в Томск, дал присягу и обещался платить за каждого из своих подданных в год по десяти соболей. Томские жители приняли это предложение с удовольствием, но при том по неосторожности отпустили домой Мандрака со всею его фамилиею, полагаясь на его слово, получа свободу, забыл он обещание свое томских казаков заставил ждать ясака до тех пор, пока им угодно.

Спустя девять лет после того Петр Сабанский в половине зимы пришел паки с некоторым числом томских и кузнецких козаков, в том намерении, чтоб напасть на телесов нечаянно. Но нашед озеро Алтын паче чаяния отверстое принужден был строить с поспешением суда, чтоб перейти на них на другую сторону озера, где жили

телесы, а между тем Мандрак успел укрепить место своего жилища. Управившись он с судами своими, послал сухим путем против телесов атамана кузнецких казаков Петра Дорофеева с осмьюдесятью человеками россиян и татар. Против сих Мандрак учинил вылазку, но не весьма удачную: люди его с уроном отступили назад в крепость, а он сам, хотя уйти к соседственному татарскому народу саянам, попал в руки Сабанскому: после чего к крепости вновь жестоко подступили. Айдар Мандраков сын стоял твердо и россияне не много успеть могли силою. Айдар ожидал помощи от своих одноземцев, которая и пришла спустя двенадцать дней ночью водою, и немедленно учинила нападение на россиян; а между тем, Айдар, слыша стук, учинил вылазку. Но окончание не согласовало с их надеждою. Айдар с самого начала пленен россиянами и наибольшая часть людей его побиита. Другие со всяким поспешением ушли на суда свои, но в замешательстве, и когда россияне за ними гнались, по большей части пожраны волнами.

Тогда соединение озера Алтына с рекою Обью известно еще было россиянам по одному только слуху. Сабанскому велено было изведать ход и для того он принужден был стоять там до весны. Дабы ему не иметь недостатка в съестных припасах, то он отправил в Кузнецк шестдесят человек россиян и осмнатцать татар, а с остальными своими людьми пошел на другой берег озера и там для безопасности своей построил небольшой острог. Ему велено было у сего озера заложить настоящий острог для учреждения там постоянного жилища российскому гарнизону, но для сего намерения не нашел он подходящего места, ибо тамошняя страна повсюду камениста, а берег несколько крут и тесен, так что не можно завести там российского селения. И так он по возвращении своем учинил предложение, чтоб заложить такой острог у реки Лебеда, которая с восточной стороны впадает в Би, для того, что там земля пространна и съестные припасы легко доставать можно. Но воеводе не угодно было, чтоб другого совет более имел силы, нежели его; чего ради как то, так и другое предложение осталось без действия.

Сабанский во время своего там пребывания велел привести к себе пленного князца Мандрака, который теперь признал над собою российскую верховную власть без всякого прекословия, и обязался, ежели отпустят его на несколько дней, собрать ясак со всего улуса, особливо живущих у реки Чулушмана. Сабанский, по взятии наперед с Мандрака присяги, отпустил его на двенадцать дней, по прошествии которых, пришед он к нему паки, принес с собою пятьдесят соболей ясака.

По вскрытии рек, Сабанский вступил в обратный путь водою, взяв с собою как пленника князца Мандрака со всею его фамилиею. Сей правда, нашел было случай уйти, как Сабанский плыл рекою Колшею, чтоб искать некоторых живущих там татар и обложить их в ясак; но вкорененная от природы любовь к своей фамилии скоро произвела в нем раскаяние и для того он сам собою пришел в Томск, где задержали его аманатом, а напротив того освободили сына его Айдар с прочими. Сколь долго Мандрак был жив, Айдар платил ясак исправно; а как бу-

дучи три года аманатом умер, то Айдар отпал, и не хотел более слышать о платеже ясака» [2, с. 456 – 460].

Столь обширная выдержка из работы Фишера сделана не случайно. Фактически здесь дана концепция покорения телесов, которая почти без серьезных изменений просуществовала до настоящего времени.

Источником этих сведений для Фишера послужил неопубликованный до настоящего времени документ из той же книги «Томской архивы». Миллер дал ему следующий заголовок: «Выписка по делу бытности томских казаков в томских порубежных волостях, в Киргизах и в Телеской земле, что от них там говорено было с некоторыми обстоятельствами о Телеской земле» [3, 18, № 262]. Заголовок документа говорит сам за себя. Переписчик скомпоновал под одной «шапкой» несколько документов, в которых нашли отражение события в «Киргизах», в Телеской земле и в порубежных волостях Томского уезда.

В 1941 г. были опубликованы документы о походе Пушина, на которые в свое время опирались Миллер и Фишер. Это отписка Пушина томскому воеводе князю Н. И. Егупову-Черкасскому, допросные речи томского служилого татарина о стычке казаков с улусными людьми Абака, и наказная память Егупова-Черкасского, упомянутая выше [1, с. 459 – 462, 471 – 473]. В заголовках первых двух документов указана дата их составления, принадлежит, видимо, А. И. Андрееву, который готовил эти документы к изданию [4, с. 15]. Заголовок отписки Ф. Пушина звучит так: «1632 г., не ранее сентября 9. Отписка посланного на реку Бию томского сына боярского Федора Пушина томским воеводам стольнику Никите Егупову-Черкасскому с товарищами о бое на реке Чумыше с людьми Абака и его союзниками и о возвращении своем назад» [1, с. 459]. В описи Томской архивы (кн. 1) этот документ указан без даты и звучит иначе: «Князю Никите Ивановичю с товарищи от сына боярского Федки Пушина о невозможном супротивлении против Абака, которой на него напал на дороге по Обе реке, чтоб не дать на Бие реке острогу поставить» [3, 15, № 189].

На чем основана датировка отписки, неясно. Никаких дат в отписке нет, кроме указания дня месяца (3 сентября), когда казаков «выша Чумыша реки» не пропустили дальше вверх по Оби Абаковы люди [1, с. 460]. А. И. Андреев, являвшийся редактором издания, составителем приложения и, наряду с С. В. Бахрушиным С. К. Богоявленским, одним из комментаторов труда Миллера, указанное сообщение историка, находившееся в явном противоречии с датой отписки Пушина, оставил без внимания [5, с. 694].

В 1980 г. вышла книга А. П. Уманского о русско-телеутских отношениях в XVII – XVIII вв., в которой он дал более подробную характеристику похода Пушина, его причин и неудачи. Говоря о времени похода, Уманский написал: «Поход начался 20 июля 1632 г.». Эту дату он обосновывает ссылкой на документ из фонда Сибирского приказа ЦГАДА (РГАДА), однако никаких конкретных сведений из него не приводит [6, с. 52]. Документ, на который ссылается Уманский, является отпиской томского воеводы князя Н. И. Егупова-Черкасского

царю Михаилу Федоровичу о посольстве к князю белых калмыков Абаку томского сына боярского Б. Карташева, который должен был выговорить Абаку его «вины». В частности, Абаку велено было сказать, что «в прошлом ... во 141-м году июля в 20 день по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу прежние томские воеводы князь Иван Татев с товарищи послали по Оби реке вверх на Бию реку твоих государевых томских служилых людей ставить острогу для обереганья твоих государевых ясачных волостей Кузнецково острогу. И он, князь Абак, сведал то, что твои государевы томские служилые пошли на Бию реку и собрал он, Абак, своих улусных и иных земель людей, на дороге, на реке на Оби, на твоих государевых служилых людей велел войною приходить» [7, л. 328 – 329]. 20 июля 141-го года в переводе на современное летосчисление означает 1633 г. [8, с. 25 – 31].

Даже если предположить, что дата похода Пушина в наказной памяти Егупова-Черкасского и в его же отписке в Москву, цитированных выше, по какой-то причине указана ошибочно (что иногда бывает), у нас есть весомый аргумент в пользу 1633 г. В отписке Пушина есть указание на точную дату этого похода, которое до сих пор никто не заметил. Это указание скрыто в первых строках отписки, которая начинается словами: «Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси воеводам князю Никите Ивановичю, Федору Григорьевичю, дьяку Ондрию Овдокимовичю Томского города сын боярской Фетька Пушин челом бьет. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу воевода князь Иван Федорович Татев с товарищи указал мне итти вверх по Обе реке на Бию реку острогу ставить, а со мною послано служилых людей 60 человек» [1, с. 459 – 460].

Отписка отправлена на имя князя Н. И. Егупова-Черкасского. Что это значит? Это значит, что вскоре после отъезда казаков, в конце августа или начале сентября произошла смена воевод. На место князя И. Ф. Татева прибыл князь Н. И. Егупов-Черкасский, который был назначен томским воеводой 11 октября 1632 г., а окончательно утвержден 30 января 1633 г. [9, с. 176; 10, л. 38]. Сибирский приказ за полгода до окончания срока воеводства рассылал действующим воеводам грамоты об имени будущего сменщика. Так, в феврале 1633 г. кузнецкому воеводе Ф. И. Нашёкину из Сибирского приказа была направлена грамота, в которой указывалось имя нового воеводы Ф. К. Хоненева. В грамоте предписывалось Нашёкину сдать острог новому воеводе и отчитаться во всех делах [7, л. 335 – 336]. Кстати, Нашекин прибыл на воеводство вместе с томским воеводой князем Татевым, а Хоненев вместе с князем Егуповым-Черкасским. Время прибытия новых воевод на место назначения, по крайней мере, уже с начала 1620-х гг., было хорошо известно. Воеводы, ехавшие на воеводство в города и остроги, расположенные на Оби и ее притоках, приезжали в Тобольск во второй половине мая. Отсюда во второй половине июня они отплывали на своих судах к месту своего назначения [11, л. 278]. Точное время приезда Егупова-Черкасского в Томск пока неизвестно, но из-

вестно, что Хоненев приехал в Кузнецк 16 сентября 1633 г. [12, л. 108]. Путь от Томска до Кузнецка вверх по реке Томи занимал не менее шести недель [13, № 58, с. 115]. Значит Егупов-Черкасский прибыл в Томск в конце августа 1633 г. Казаки это знали, поэтому Пуштин, столкнувшись с сопротивлением людей Абака, пишет отписку не князю Татеву, а новому воеводе князю Егупову-Черкасскому и вскоре поворачивает домой. Как пишет Уманский, «возвращение пушинского отряда в Томск заняло менее двух недель» [6, с. 54].

Уманский утверждает, что новые воеводы Томска князь Н. И. Егупов-Черкасский и Ф. Г. Шишкин «не оставили мысли о сооружении острога на Бии, но избрали для этого другой путь. В феврале 1633 г. через Кузнецк «лыжным ходом» был направлен отряд во главе с с. б. П. Сабанским. Он добрался до Телецкого озера, разбил телесов, снова обложил их данью, но закрепиться там не смог. В 1642 г. П. Сабанский совершил новый поход (из Кузнецка). Разбив телесов в их «городке», он по наказу воевод пытался найти место для строительства острога. Перезимовав во временном укреплении на берегу озера, он весной 1643 г. возвратился в Томск и предложил воеводам построить острог не на Бии, а на р. Лебеди, где было «угоднее место», но воеводы не приняли его плана [6, с. 54 – 55].

Таким образом, Уманский фактически полностью принял выводы Фишера за одним исключением – поход Пушина он относит к 1632 г.

Поскольку поход Пушина фактически потерпел неудачу, то в документах Сибирского приказа, кроме отписок Егупова-Черкасского, он больше нигде не упоминается, чего нельзя сказать о походе Сабанского.

Следует сказать, что второго похода Сабанского 1642 г. не было. Документы Сибирского приказа знают только один поход Сабанского на Телецкое озеро – это поход 141 (1632/33) гг. Так, в отписке Егупова-Черкасского 1634 г. написано: «во 141-м году... прежние томские воеводы князь Иван Татев с товарищи посылали, государь, ис Томского города томского сына боярсково Петра Сабанского, да с ним, государь, томских и кузнецких служилых людей и тотар на телеских мужиков войною, смирить и привести пот твою государеву царскую высокую руку, чтоб они были пот твоею государевою царскою высокою рукою и твой государев яsak с себя давали. И по твоему государеву указу Петр Сабанской с служилыми людьми и с татары на телеских мужиков войною ходил и пришли в Томской город в прошлом во 141-м же году и привели, государь, с собою тех телеских мужиков лутчево человека князцова Мандрачкова сына Аидарка с матерью и з женою. И тот князцов сын Аидарко с матерью и з женою в Томском городе были на аманатском дворе в заклатчиках» [14, л. 445]. В челобитной кузнецких казаков, ходивших на телесов с сыном кузнецкого воеводы А. И. Зубова Б. Зубовым летом 1646 г., написано: «...во 141-м году ...посыланы были ис Томского города войною на тех телеских людей томской сын боярской Петр Сабанской да с ним томских служилых людей сто человек. да кузнецких служилых людей пятьдесят человек» [15, л. 241]. О походе Сабанского

на телесов упоминает в своих челобитных о жалованье за Телескую службу и Б. Зубов, но без указания года [16, с. 169, 171; 17, л. 656, 659].

В 1654 г. в Сибирском приказе был сделан доклад о кузнецкой службе Б. А. Зубова, в котором, в частности, было сказано: «Посланы блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоты в Сибирь в Кузнецкой острог к воеводам против их отписок, в прошлых во 146-м году к Григорью Кушелеву, а во 148-м и во 149-м и во 150-м году и во 151-м году к Дементью Кафтыреву. А по тем государевым грамотам велено тем воеводам, Григорью и Дементью, над государевыми изменники и непослушники, над телескими людьми, над Айдарком с товарищи, промышляти и поиск чинить, чтоб тех телеских людей смирить и под государеву царскую высокую руку привести, и князца Аидарку в Кузнецкой острог замонить, и в оманатех ево держать за ево измену, что они государю изменили и государева яsaku с себя по многие годы не давали, посылать на них кузнецких служилых людей» [16, с. 173; 17, л. 660]. Однако, как писал Зубов в своей челобитной 1651 г., «прежние воеводы ис Кузнецкого острогу и ис Томского города больше десяти лет над теми татары промыслу никакова не учинили» [16, с. 170; 17, л. 658]. Наконец, следует сказать, что в декабре 1642 г. Сабанский находился в Москве, где давал показания о возможности строительства острога в устье р. Абакан, и просто физически не мог возглавлять поход, который ему приписывают Фишер и Уманский [18, л. 676].

Так сложилась эта концепция, внутренне противоречивая, не объясняющая ни причин походов Пушина и Сабанского, ни точного года их проведения, и не находящая подтверждения в подлинных документах Сибирского приказа.

Между тем в фонде Сибирского приказа РГАДА нами обнаружены документы, раскрывающие причины похода Сабанского на Телецкое озеро, его описание и последствие.

Впервые *телесы*, обитавшие по южному побережью Телецкого озера, дали яsak кузнецким казакам в 1625 г. при воеводе Е. И. Баскакове [16, с. 86 – 87]. В дальнейшем яsak телесы платили, хотя, видимо, не очень регулярно, а в 1630 г. они «отказали в яsake». Этот отказ был частью широкого сопротивления яsачных волостей Кузнецкого уезда яsачной политике русских властей Сибири. Ранее, в 1628 г., восстали барабинцы и теренинцы Тарского уезда, которые нашли поддержку у кучумовичей и князя телеутов Абака [1, с. 113 – 117; 6, с. 45 – 49]. В сентябре 1629 г. «изменил» чатский мурза Тарлав, который отъехал к своему тестю князю Абаку. Построив на рч. Чингизке, правом притоке р. Оби, городок, Тарлав с улусными людьми Абака стал грабить яsачные волости Томского уезда [19, л. 186 – 189, 395 – 403]. Первому томскому разрядному воеводе князю П. И. Пронскому «с товарищи» в 1630 – 1631 гг. потребовалось немало усилий для подавления этих очагов сопротивления [10, л. 592 – 601, 603 – 614].

Что касается телесов, то кроме неуплаты яsака они себя в это время никак не проявили. По крайней мере

в документах на этот счет никаких сведений до сих пор не встречалось. Однако, как свидетельствует выписка Сибирского приказа от марта 1654 г. о времени и обстоятельствах похода томского сына боярского П. Сабанского на Телецкое озеро, «в прошлом во 140-м и во 141-м году писал» к томскому воеводе князю И. Ф. Татеву, преемнику Пронского, «из Кузнецкого острогу воевода Федор Нащокин. Приходили де войною телеские и саянские люди в кузнецкие в ясачные в Карачерскую и в Коргинскую волости, и ясачных людей повоёвывали, жен и детей их в полон поимали. И в прошлом во РМА(141)-м году по государеву указу послали они из Томского города в Кузнецкой острог на государевых непослушников, на телеских людей, головою томского сына боярского Петра Собанского, а с ним томских служивых людей, конных и пеших сто человек. Да ему же, Петру, велели взять с собою в Кузнецком остроге у воеводы у Федора Нащокина кузнецких служилых людей пятьдесят человек, д[а под]городных уездных татар добрых п[ят]десят же [человек. Из] Кузнецкого острогу велено [ему], Петру, с служивыми людьми итти к Телеско[му] озеру на государевых непослушников, на телеских людей, лыжным путем и тех телеских людей воевать и привести их под государеву царскую высокую руку» [20, л. 34 – 35] (см. Приложение).

Данная выписка была подготовлена для Разрядного приказа, в памяти которого в Сибирский приказ было написано: «в прошлом во РМА(141)-м году Телеские земли владели князь Мандрак да князь Айдар в Сибири под Кузнецкой острог под ясачные волости войною приходили ль, и ис Томского города стольник и воевода князь Иван Татев с товарищи Телеские земли на них, владетелей, на князь Мандрака да на князь Айдара, войною служилых людей посылали ль, и какой над ними поиск учинили [ль]. И ныне тою землею кто владеет [ли], и князь Айдарову сыну князь Никите Мандракову за выход и за крещение государево жалование дано ль?» [20, л. 36].

Указанные в выписке даты позволяют достаточно точно датировать начало похода Сабанского. Из Томска отряд Сабанского вышел, видимо, в конце декабря 1632 г. или в начале января 1633 г. Путь до Кузнецка занимал около десяти дней на лыжах. Не менее десяти дней ушло на подготовку кузнецких казаков и служилых татар для похода на Телецкое озеро. По словам Б. А. Зубова, ходившего летом 1646 г. на телесов, путь от Кузнецка до Телецкого озера занял больше пяти недель [16, с. 171]. Отряд Сабанского прибыл на Телецкое озеро, видимо, в конце февраля 1633 г., ибо 9 апреля того же года в Томске была получена его отписка о взятии им телеского городка. А через месяц, 6 мая, отряд вернулся в Томск, приведя с собой «князца Айдарка з женою и з детми, да князца Мандрачкова жену. И того князца Айдарка и з женою и з детми и Мандрачкову жену велели они держать в Томском городе на аманатском дворе» [20, л. 31, 34].

Утверждение Фишера, что Мандрак «следующаго году в провожании некоторых телеутских послов явился сам в Томск, дал присягу и обещался платить за каждого из своих подданных в год по десяти соболей», но «получа свободу, забыл он обещание свое», верно только от-

части. В отписке Егупова-Черкасского в Сибирский приказ от октября 1634 г. сказано, что «во 142-м году июля в 22 день были в Томском городе белых колмаков князца Абака посланники Мамыр да Ирга и тебе, государю, шертовали. И с теми, государь, колмацкими посланники пришел в Томской город телеской князец Мандрачка, тово заклатчика Аидарков отец, и бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси тот телеской князец Мандрачко, чтоб ты, государь, ево, Мандрачка, пожаловал, велел бы ты, государь, принять ево под свою государеву царскую высокую руку и сына б ево, Мандрачкова, Аидарка з женою да ево, Мандрачкову, жену отпустить на Телецкое озеро в их улусы. А он де, государь, Мандрачко, и Аидарко тебе, государю, в Томском городе шертуют на том, что им быть пот твоею государевою царскою высокою рукою и тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси ясак давать ему, Мандрачку, с себя и со всех улусных людей со ста человек по вся годы. И ... мы, холопи твои, телеска (!) князца Мандрачка, да сына ево Аидарка в Томском к шерти привели на том, что им, князцу Мандрачку, да и Аидарка со всем своим улусом, с телескими людьми, быти пот твоею государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным и тебе, государю, служить и прямити и твой государев ясак с себя и с своих улусных людей, со ста человек, давать по десяти соболей с человека по вся годы. И, приветчи, государь, мы, холопи твои, тех телеских князцов к шерти и послали их, князца Мандрачка с его з женою и снохою, с Ойдарковою женою, в Кузнецкой острог, а сына, государь, Мандрачкова, Аидарка, отпустили, государь, мы, холопи твои, для твоего государева ясаку на Телецкое озеро. А велели, государь, ему, Аидарку, с телеских людей, со ста человек, собрать твой государев ясак на нынешней на 143-й год по десяти соболей с человека, на чом они, Аидарко с отцом своим, со князцом Мандрачком, тебе, государю, в Томском шерть дали. А собрав тот твой государев ясак весь сполна, велели принести в Кузнецкой острог к воеводе к Федору Хоненеву на срок на Рождество Христово нынешнего 143-го года. Да и вперед, государь, по вся годы велели мы, холопи твои, им, князцам Мандрачку и Аидарку, твой государев ясак приносить в Кузнецкой острог по тому, государь, что Телецкое озеро х Кузнецкому острогу ближе Томского города» [14, л. 446 – 447]. Действительно, весной 143(1635) г. Айдар принес в Кузнецкий острог ясак «с телеских мужиков шестьдесят соболей и недособолей да два лука за десять соболей. А во 146-м году государева ясаку с телеских людей взято 467 соболей, 33 недособоля» [20, л. 29 – 30].

Мандрак находился в Кузнецком остроге в качестве аманата до начала 1640-х гг. Кузнецкий воевода Кушелев в своей отписке в Москву (май 1639 г.) писал: «А с телеских, государь, людей твоего государева ясаку на нынешней на РМЗ(147)-й год против прошлого РМС(146)-го году не взято потому, что Мандрачков сын Айдарко не принес и с своими улусными людьми не прислал. А Мандрачко по твоему государеву указу и ныне в Кузнецком остроге в оманатех и з женою живет» [21, л. 37].

Поскольку полного ясака с телесских людей Сабанский взять не смог, то после его возвращения в мае 1633 г. в Томск воевода князь Татев принимает решение о посылке в Телесы нового отряда томских казаков. В выписке Сибирского приказа есть фраза «А для государева полново ясаку из Томского города хотели они, князь Иван Татев с товарищи, посылать в тое Телескую землю нарочно вскоре ...» [20, л. 31]. Фраза эта зачеркнута, а дальнейший текст утрачен. Однако мы теперь знаем, что во главе отряда был поставлен Ф. Пущин. И задача, поставленная перед ним, была более широкой – строительство острога для защиты кузнецких ясачных людей. Поход Пушина, как мы теперь знаем, оказался неудачным.

Подведем итоги

1. Анализ опубликованных документов и сравнение их с подлинными документами из фонда Сибирского приказа РГАДА свидетельствуют, что хронология и последовательность походов Ф. Пушина и П. Сабанского была иной. Сначала в январе-апреле 1633 г. состоялся поход П. Сабанского, затем в июле-августе 1633 г. поход Ф. Пушина.

2. Причина похода П. Сабанского объясняется стремлением кузнецких и томских властей наказать телесов за погром ими кузнецких ясачных волостей и приведении их вновь под «государеву руку».

3. Следствием похода П. Сабанского стала дача в Томске шерти князем Мандраком и уплата телесами ясака в Кузнецкий острог, пока там находился в аманатах Мандрак с женой.

4. Отправка томских казаков во главе с Ф. Пушиным для строительства острога для оберегания кузнецких ясачных людей оказалась неудачной.

Приложение

1654 г., не ранее марта 3. – Память Сибирского приказа в Разрядный приказ об обстоятельствах и времени похода томских и кузнецких казаков под руководством томского сына боярского П. Сабанского на Телецкое озеро.

(Л. 35) [...] князь Никите Мандракову за выход и за крещение государево жалованье дано ль, да о том из Сибирского приказа отписать к вам в Розряд.

И в Сибирском приказе сыскано, в прошлом во 142-м году октября в 24 день писали блаженные памяти к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Сибири, из Томского, стольник и воеводы князь Иван Татев с товарищи. В прошлом во 140-м и во 141-м году писал к нему из Кузнецкого острогу воевода Федор Нащокин, приходили де войною телеские и саянские люди в кузнецкие в ясачные в Карачерскую, и в Кор-

гинскую волости, и ясачных людей повоевали, жен и детей их в полон поимали. И в прошлом во 141-м году по государеву указу послали они из Томского города в Кузнецкой острог на государевых непослушников, на телеских людей, головою томского сына боярского Петра Собанского, а с ним томских служивых людей, конных и пеших сто человек. Да ему же, Петру, велели взять с собою в Кузнецком остроге у воеводы у Федора Нащокина кузнецких служилых людей пятьдесят человек, д[а под]городных уездных татар добрых пятьдесят же [человек. Из] Кузнецкого острогу велено [ему], // (Л. 34) Петру, с служивыми людьми итти к Телеско[му] озеру на государевых непослушников, на телеских людей, лыжным путем и тех телеских людей воевать и привести их под государеву царскую высокую руку.

И в прошлом же во 141-м году апреля в 9 день писал к ним с Телесково сын боярской Петр Собанской, что милостью божиею и государевым счастьем на Телеском озере телеских людей повоевал, к городку приступал. И как телеские люди из городка на пролом побежали и на побеге телеских людей побили, и савово телесково князца Мандрачка на озере и сына ево Айдарка на побеге взяли жива, и телеских мужиков, и их киштымов, которые к городку приходили на выручку, многих побили, а иных потопили. // (Л. 33) И князец Мандрачко в роспросе сказал, только де государь ево пожалует, велит // (Л. 32) отпустить к достальным ево улусным людям и он де, Мандрачка, с себя, и з детей, и з достальных своих улусных людей государю ясак принесет. И он де, Петр, приводил ево, князца Мандрачка, к шерти на том, что ему, Мандрачку, со всем своим улусом быть под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным и ясак ему, Мандрачку, со всех своих улусов государю давать и во всем государю добра хотеть и отпустил ево вверх по Чюлушмане реке, а дал ему сроку на двенатцать дней. А с ним отпустил телесково ж мужика Таитачка, а в ево, Мандрачково, место в закладе оставил у себя в острожке сына ево Айдарка и з женою, и з детми, и Мандрач // (Л. 31) кову жену. И марта в 23 день князец Мандрачко пришел к нему, Петру, в острожек и государю принес ясак с себя, и з детей своих, и с улусных з достальных своих людей, з двенатцати человек, пятьдесят соболей, да бобр, да три лука. Во 141-м году мая в 6 день сын боярской Петр Собанской и служилые люди в Томской город пришли и привели с собою Телеские земли князца Айдарка з женою и з детми, да князца Мандрачкова жену. И того князца Айдарка и з женою и з детми и Мандрачкову жену велели они держать в Томском городе на аманатском дворе // [...].

РГАДА, Ф. 214, Оп. 3, Стб. 446, Ч. 1, ЛЛ. 35, 34, 33, 32, 31. Листы перепутаны. Черновой отпуск.

Литература

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная лит-ра» РАН, 2000. Т. II. Изд. 2-е, доп. 796 с.
2. Фишер И. Е. Сибирская история. СПб., 1774. 631 с.
3. Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. Т. 2. 303 с.
4. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная лит-ра» РАН, 1999. Т. I. Изд. 2-е, доп. 630 с.

5. Андреев А. И. Примечания к главам 6 – 9 «Истории Сибири» // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная лит-ра» РАН, 2000. Т. II. Изд. 2-е. С. 637 – 711.
6. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII – XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Стб. 33.
8. Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. 94 с.
9. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», 1998. 203 с.
10. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Ч. 2.
11. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16.
12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49.
13. Русско-монгольские отношения: 1607 – 1636. Сборник документов / Сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1959. 352 с.
14. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 40.
15. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241.
16. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель М. О. Акишин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, «филиал Гео», 2000. 400 с.
17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 457.
18. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368.
20. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 446.
21. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 77.

P. SABANSKY'S CAMPAIGNS TO TELETSKOYE LAKE AND F. PUSHCHIN'S CAMPAIGNS TO THE BIYA RIVER: TIME, REASONS, CONSEQUENCES

Viktor N. Dobzhanskii^{1, @}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ if@kemsu.ru

Received 21.09.2016.

Accepted 29.12.2016.

Keywords: P. Sabansky, F. Pushchin, Teletskoe Lake, river Biya, river Ob.

Abstract: The campaigns of Tomsk service people F. Pushchin and P. Sabansky to the river Biya and Teletskoe Lake are well known to Siberian historians. The historiography of these campaigns is poor and limited to the works of G. F. Miller, I. E. Fisher and A. P. Umansky. The source base these researchers relied on is poor as well. Until recently it was limited to the four documents of the "Tomsk archives", three of which were published by A. I. Andreev in the annex to the "History of Siberia" by G. F. Miller. Until recently the interpretation of these campaigns by I. Fisher and A. P. Umansky were beyond doubt. However, a comparative analysis of the documents, which the researchers used to describe the campaigns of F. Pushchin and P. Sabansky, showed their contradictions and incorrect dating, also the reasons for these campaigns were unknown. In the collection of the Siberian order of The Russian State Archives Ancient Acts we discovered a statement about the campaign of P. Sabansky on Teletskoe Lake which settles these differences and makes it possible to set the exact time, the causes and the sequence of the campaigns.

For citation: Dobzhanskii V. N. Pokhody P. Sabanskogo na Teletskoe ozero i F. Pushchina na reku Biia: vremia, prichiny, posledstviia [Sabansky's Campaigns to Teletskoye Lake and F. Pushchin's Campaigns to the Biya River: Time, Reasons, Consequences]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 29 – 36. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-29-36.

References

1. Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia lit-ra» RAN, vol. II (2000): 796.
2. Fischer I. E. *Sibirskaiia isroriia* [Siberian history]. Saint-Petersburg, 1774, 631.

3. *Aktovyie istochniki po istorii Rossii i Sibiri XVI – XVIII vekov v fondakh G. F. Millera: opisi kopiinykh knig* [The Assembly sources of the history of Russia and Siberia XVI – XVIII centuries in the collections of G. F. Miller: the Inventory scale books]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, vol. 2 (1995): 303.
4. Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia lit-ra» RAN, vol. I (1999): 630.
5. Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia lit-ra» RAN, vol. II (2000): 637 – 711.
6. Umanskii A. P. *Teleuty i russkie v XVII – XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in XVII – XVIII centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1980, 296.
7. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 33.
8. Cherepnin L. V. *Russkaia khronologiya* [Russian chronology]. Moscow, 1944, 94.
9. Vershinin E. V. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek)* [Voivodship office in Siberia (the 17th century)]. Ekaterinburg: MUMTs «Razvivaiushchee obuchenie», 1998, 203.
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 31, Part 2.
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 16.
12. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 49.
13. *Russko-mongolskie otnosheniia: 1607 – 1636* [Russian-Mongolian relations: 1607 – 1636]. Comp. Gataullina L. M., Golman M. I., Slesarchuk G. I. Ed. Zlatkin I. Ya., Ustyugov N. V. Moscow: Izd-vo Vost. lit-ry, 1959, 352.
14. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 40.
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 241.
16. *Pribylnye dela sibirskikh voevod i tamozhennykh glav XVII – nachala XVIII v.* [Profitable affairs of the Siberian voivodes and the customs heads of XVII – the beginning of the XVIII century]. Comp. Akishin M. O. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, «filial Geo», 2000, 400.
17. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 457.
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 84.
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 368.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 446.
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archives Ancient Acts]. Found 214, List 3, File 77.

УДК 94+327.54

ДОКТРИНА ТРУМЭНА, ПЛАН МАРШАЛЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Джумхур Кайгусуз^{1, @1}, Игорь В. Рыжов^{1, @2}

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

@1 cumhurkaygusuz@gmail.com

@2 ivr@itomi.unn.ru

Поступила в редакцию 16.09.2016.

Принята к печати 15.12.2016.

Ключевые слова: «холодная война», Турция, СССР, США, советско-турецкие отношения, доктрина Трумэна, план Маршалла, турецко-американские отношения.

Аннотация: Статья посвящена истории разработки, принятия и осуществления Доктрины Трумэна и Плана Маршалла в контексте советско-турецких отношений. Авторы рассматривают эти две ключевые инициативы во внешней политике США на начальном этапе «холодной войны» с целью анализа влияния геополитического противостояния двух сверхдержав на состояние отношений между Анкарой и Москвой. Программы экономической помощи явились важнейшими рычагами влияния США на выстраивание послевоенной системы международных отношений, оказав решающее влияние на послевоенный внешнеполитический курс Турции, в особенности в отношении СССР, и во многом предопределив её дальнейшую стратегию в период «холодной войны». В данной работе рассматриваются причины сближения позиций США и Турции по вопросам отношений с СССР, анализируется процесс выработки и принятия плана помощи Турции, а также последствий его реализации. Статья раскрывает истоки американо-турецкого взаимодействия, основанного на разделении общей позиции по противодействию Москве, и может быть использована в качестве материала для изучения проблем российско-турецких отношений в историческом контексте.

Для цитирования: Кайгусуз Д., Рыжов И. В. Доктрина Трумэна, план Маршалла и их влияние на советско-турецкие отношения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 37 – 42. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-37-42.

После Второй мировой войны между США и Турцией установились весьма тесные партнерские отношения, что во многом было связано с разработкой и реализацией Вашингтонской доктрины Трумэна, ставшей поворотным пунктом в развитии турецко-американских отношений. При этом особое внимание в изучении данной проблемы следует уделить причинам возникновения данной доктрины и ее основные цели.

На протяжении Второй мировой войны правительствами США, Великобритании и СССР неоднократно предпринимались попытки убедить Анкару присоединиться к военным действиям на стороне антигитлеровской коалиции, несмотря на которые Турция по-прежнему сохраняла позицию нейтралитета. Политика вооруженного нейтралитета, которой она придерживалась, имела как положительные, так и отрицательные аспекты. Так, она позволила Турции избежать колоссального социально-экономического кризиса и прочих негативных последствий войны, впрочем, после 1945 г. Анкара осталась практически без союзников на международной политической арене. Последствия подобного политического одиночества Турции особенно остро дали о себе знать уже в период конфронтации с СССР сразу после войны. Советская территориальная экспансия в Восточной Европе и на Ближнем Востоке вызывала в Анкаре серьезные опасения, а в 1945 – 1946 гг. СССР предъявил территориальные претензии уже к самой Турции: суть их состояла в восстановлении русско-турецкой границы от 1914 г. и присоединении ряда турецких городов – Эрзурума, Вана, Битлиса и Элешкирта – к Армян-

ской ССР. Кроме этого, 7 августа 1946 г. Москва также обратилась к Анкаре с нотой, в которой говорилось о контроле над черноморскими проливами.

Несмотря на то, что Турция не принимала активного участия во Второй мировой войне, тем не менее ее экономика также пребывала в весьма плачевном состоянии: под постоянным давлением со стороны воюющих государств Анкара была вынуждена держать свою армию в состоянии полной боевой готовности – как в течение войны, так и после ее окончания, что было связано с опасениями Турции по поводу набирающего обороты советского экспансионизма. Разумеется, это обстоятельство нанесло серьезный финансовый ущерб турецкой экономике. После завершения войны, объемы американской помощи, которую получала Анкара во время войны, резко сократились – равно как и поддержка со стороны Великобритании, что объяснялось финансовыми затруднениями в самом Лондоне. В сложившихся условиях турецкая экономика столкнулась с двумя ключевыми проблемами: во-первых, высокие цены на некоторые виды сырья, которые экспортировала Анкара во время войны, вскоре после ее окончания вернулись к нормальному уровню; во-вторых, колоссальные расходы на содержание турецкой армии, демобилизация которой, даже частичная, не представлялась возможной.

При этом Анкара, несмотря на напряженность в отношениях с СССР, по-прежнему воздерживалась от использования собственных золотовалютных резервов, суммарная стоимость которых составляли порядка 245 млн долларов США. Данные экономические пробле-

мы побудили Анкару воспользоваться внешними кредитами [1, с. 93].

В начале 1947 г. Великобритания, по экономике которой война нанесла сокрушительный удар, заявила, что более не способна обеспечивать военно-техническую и финансовую помощь своим прежним партнерам – Турции и Греции. Кроме того, в Лондоне было принято решение о демобилизации британских войск, которые располагались на о. Кипр, о чем говорилось в двух нотах, направленных в Вашингтон. В них отмечалось, что британское руководство в свете экономического кризиса снимает с себя ответственность за поддержание политической и экономической стабильности в Греции и Турции, традиционных «зонах ответственности» Лондона [2]. В ноте, касающейся Турции, отмечалось, что сохранение ее независимости, будучи одним из приоритетов западных держав, тем не менее было сопряжено с рядом трудностей и требовало, в частности, масштабного перевооружения турецкой армии и ее модернизации, осуществить которую Лондону было уже не под силу [3, с. 40]. Гражданская война в Греции и угроза прихода к власти просоветски настроенных коммунистов в равной степени беспокоили как Великобританию, так и США. В сложившихся условиях быстрое распространение советского влияния в Восточной Европе и на Ближнем Востоке значительно ускорило трансформацию внешнеполитического курса Вашингтона. При этом в основу новой стратегии была положена идея о необходимости борьбы с мировым коммунизмом: по мнению президента США Г. Трумэна, захват Москвой контроля над Афинами и Анкарой создавал непосредственную угрозу американским национальным интересам в ближневосточном регионе, который имел для Вашингтона колоссальное значение [4, с. 61 – 62]. Так, отнюдь не случайным был визит американского линкора «Миссури» в Стамбул в апреле 1946 г., который на фоне возросшего давления Москвы на турецкое руководство свидетельствовал о безоговорочной его поддержке со стороны США в намерении защитить собственную страну от иностранного вмешательства [5, с. 34 – 35]. Прямая конфронтация с СССР впрочем не входила в ближайшие планы Вашингтона, в связи с чем США приняли решение об оказании военно-экономической поддержки Греции и Турции и перешли к агрессивной политике «сдерживания» мирового коммунизма. Также очевидно, что Вашингтон был заинтересован в скорейшем экономическом восстановлении послевоенной Европы – для того, чтобы снизить рост безработицы в США, обеспечить платежный баланс и увеличить собственный экспорт, ему были нужны сильные европейские партнеры. Необходимо было в кратчайшие сроки восстановить экономики ведущих европейских стран и как можно скорее интегрировать их в международную торговую-финансовую систему – этого требовали как чисто экономические, так и стратегические соображения: по мнению американских экспертов, Европа была важна не только как потенциальный источник рабочей силы и рынок для сбыта американской продукции, но и как развитый промышленный центр, контроль над которым мог обеспечить Вашингтону весомое преимущество над СССР. Поражение фашистской Германии и социально-экономическое истощение Великобритании и Франции создавали ситуацию так называемого «вакуума силы» в Центральной и Восточной Европе, которая в случае промедления со стороны США грозила обернуться уста-

новлением полного контроля Москвы над этими территориями [6, с. 1050].

После получения британских нот, в которых говорилось о прекращении оказания военно-экономической помощи Греции и Турции с 1 апреля 1947 г., президент США Г. Трумэн, обсудив сложившуюся ситуацию с госсекретарем Дж. Маршаллом, военным министром Р. Паттерсоном и министром военно-морских сил США Дж. Форрестолом незамедлительно принял решение о том, что Вашингтон должен заменить Лондон в роли «спонсора» для этих государств. Между тем отношения между США и СССР постепенно накалялись: опасения по поводу распространения так называемой «красной угрозы», находившейся в то время в центре внимания американской общественности, становились все более серьезными. Первым сигналом к обострению двусторонних отношений послужила речь Трумэна на заседании Конгресса 12 марта 1947 г., основные идеи которой впоследствии и легли в основу так называемой «доктрины Трумэна». В своем обращении к американскому Конгрессу президент впервые заявил, что мир, несмотря на формальное окончание войны, по-прежнему пребывает в состоянии раскола на два противоборствующих лагеря, в связи с чем он предлагал предоставить Греции и Турции, ставшим одними из первых жертв советского экспансионизма, экономическую помощь в размере 400 млн долларов США. Это, по его мнению, было необходимым условием предотвращения установления просоветски настроенных коммунистических режимов в Афинах, неоднократно обращавшихся к правительству США с просьбой об оказании военно-технической поддержки, и в особенности Анкаре, партнерские отношения с которой, как подчеркнул Г. Трумэн, имели огромное стратегическое значение для Запада. При этом, несмотря на то, что СССР так и не был напрямую упомянут президентом в качестве непосредственного противника США, потенциальный источник так называемой «коммунистической агрессии», жертвой которой, по его мнению, уже стала Восточная Европа, был вполне очевиден: «Сосед Греции, Турция, также заслуживает нашего внимания. Будущее Турции, как независимой и экономически значимой страны, не менее важно для демократического мира, чем будущее Греции. Ситуация, в которой Турция оказалась сегодня, значительно отличается от ситуации в Греции. Турцию обошли стороной те бедствия, которые были в соседней стране. И в течение войны, Соединенные Штаты и Великобритания оказывали Турции материальную помощь. Однако сейчас Турция нуждается в нашей поддержке, чтобы осуществить необходимую модернизацию для сохранения ее территориальной целостности. Британское правительство сообщило нам, что, вследствие его собственных трудностей, оно больше не может оказывать финансовую и экономическую помощь Турции. Как и в случае с Грецией, мы являемся единственной страной, способной оказать эту помощь. Чтобы гарантировать мирное развитие народов, свободных от принуждения, Соединенные Штаты приняли участие в создании Организации Объединенных Наций. Организация Объединенных Наций была создана с целью обеспечения свободы и независимости всех ее членов. Мы должны поддерживать свободные нации, их демократические учреждения и их национальную целостность против агрессивных поползновений со стороны тоталитарных режимов, подрывающих мир во всем мире путем

прямой или косвенной агрессии, и, следовательно, и безопасность Соединенных Штатов» [7].

Вскоре после выступления Г. Трумэна соответствующий законопроект об оказании финансово-экономической помощи Греции и Турции был принят, несмотря на острые дискуссии, обеими палатами Конгресса и официально вступил в силу 22 мая 1947 г. В обеих палатах парламента за принятия закона проголосовало более 2/3 их членов: в Сенате 67 – «за» и 23 «против», в Палате Представителей – 287 «за» и 107 «против» [8]. В процессе его обсуждения в Сенате США неоднократно отмечалось, что давление, оказываемое СССР на Турцию, свидетельствовало о растущих территориальных амбициях Москвы и широкомасштабной советской экспансии на всем протяжении от проливов Босфор и Дарданеллы до Китая. В самой Турции на фоне территориальных претензий со стороны СССР [9] доктрина Трумэна была воспринята с энтузиазмом и оценивалась турецкой общественностью, СМИ и политическими кругами как серьезный противовес влиянию Москвы в регионе [10].

Двумя месяцами позже, 12 июля 1947 г. в Анкаре также был подписан договор о предоставлении Турции американской военно-технической поддержки, вступивший в силу 1 сентября 1947 г.: по нему США обязывались отправлять в Турцию оружие, боеприпасы, военных специалистов и предоставлять финансово-техническую помощь для строительства дорог, портов и различных военных объектов на территории страны. Впоследствии подобные отчисления в пользу Греции и Турции были включены Конгрессом США в Закон о внешней помощи, приобретая, таким образом, регулярный характер. Особое значение имел пункт 4 договора от 12 июля 1947 года, согласно которому турецкое правительство не имело возможности воспользоваться предоставляемыми в рамках военно-технической помощи оружием и боеприпасами без соответствующего разрешения правительства США [11]. Впоследствии, в частности, это обстоятельство сыграло немаловажную роль в ходе так называемого Кипрского кризиса (*Кипрский конфликт или Кипрская проблематика 1963 – 1974: Процесс разделения греческой и турецкой общин острова Кипр и территориальной конфликт между греко-киприотами и турко-киприотами с 1963 по 1974 гг. – прим. авторов*), когда в Анкаре впервые обсуждалась возможность проведения военной операции в зоне конфликта. В 1947 – 1949 гг. суммарная финансово-экономическая помощь США, предоставляемая Турции в рамках доктрины Трумэна, достигла 152 млн долларов США, а в период с 1949 по 1951 гг. это число возросло до 400 млн [12, с. 535].

Примечательно, что большинство поставляемого в соответствии с договором военно-технического оборудования было произведено еще в годы Второй мировой войны, хоть и превосходило по основным показателям соответствующие образцы, использовавшиеся в те годы в вооруженных силах Турции. Тем не менее ежегодные расходы на техническое обслуживание и ремонт американских вооружений в скором времени достигли 130 млн долларов США в год, нанеся серьезный удар по турецкой экономике и поставив ее лишь в большую зависимость от внешних кредитов. Колоссальные суммы Анкара также тратила на покупку запчастей в США и строительство аэродромов и прочих военных объектов на своей территории [13, с. 193].

Таким образом, доктрина Трумэна, несомненно, стала поворотным пунктом в развитии турецко-американ-

ских отношений. Именно в этот период внешнеполитический курс Турции претерпевает кардинальные изменения, постепенно приобретая все более прозападный характер. Сама доктрина оценивалась как первый шаг к военно-политическому сближению Вашингтона и Анкары, в связи с чем она неоднократно подвергалась резкой критике со стороны СССР.

На фоне бурных политических событий конца 1940-х гг. план Маршалла послужил своего рода дополнителем механизмом, призванным способствовать более эффективной реализации доктрины Трумэна [14]. Последняя, впрочем, предусматривала экономическую поддержку преимущественно Греции и Турции, которым грозила «коммунистическая экспансия» СССР, в то время как страны Западной Европы также испытывали серьезные финансовые затруднения. Вторая мировая война нанесла непоправимый ущерб западноевропейским экономикам, привела к невиданному росту инфляции и безработицы, справиться с которыми правительства этих стран оказались не в состоянии. В сложившихся условиях Москва решила активизировать свою пропаганду в Европе, в особенности во Франции и Италии, где коммунистические партии пользовались широкой общественной поддержкой. Организованные ими широкомасштабные забастовки парализовали европейскую финансовую систему, приведя к экономической стагнации по всей Европе [15, с. 442 – 443].

В период с 1945 по 1946 гг. США потратили на восстановление европейских экономик более 15 млрд долларов США, однако эти средства использовались правительствами стран Европы, прежде всего, для погашения дефицита платежного баланса, в связи с чем общая ситуация по-прежнему оставалась весьма неутешительной. В связи с этим Вашингтон, в свою очередь, сознавая всю критичность положения, принял решение кардинальным образом изменить свою тактику. Европейские экономики находились в критическом состоянии – они нуждались в колоссальной финансово-экономической поддержке, без которой ситуация грозила выйти из-под контроля, приведя к дальнейшему распространению советского влияния в регионе. Поэтому, исходя из соображений национальных интересов, США приняли принципиальное решение увеличить экономическую помощь европейским странам.

В своем выступлении в Гарвардском университете 5 июня 1947 г. Госсекретарь США Дж. Маршалл впервые выразил идею о необходимости разработки нового плана финансово-экономической помощи странам Европы – так называемого «плана Маршалла». Особый акцент был сделан на необходимости объединения европейских экономик на основе общего механизма планирования народного хозяйства и промышленности. Маршалл заявил о готовности США оказать в случае необходимости всестороннюю поддержку в этом процессе, обрушившись при этом с резкой критикой в адрес СССР и коммунистических движений Европы: «В некоторых областях Европы встает призрак голода. Поэтому правительства вынуждены использовать свои бюджетные деньги и кредиты, чтобы закупить товары первой необходимости за границей. Это исчерпывает капитал, который крайне необходим для реконструкции экономики. Современная система разделения труда, на которой базируется обмен продуктами, рискует сломаться. Правда в том, что на следующие три или четыре года потребность Европы

в иностранном продовольствии и других важнейших продуктах – в основном из Америки – настолько превышают ее нынешнюю платежную способность, что ей нужно оказать значительную дополнительную помощь, или она столкнется с очень серьезным обострением ситуации в экономической, социальной и политической областях. Никакое правительство, маневрирующее с целью заблокировать восстановление других стран, не может ожидать от нас помощи. Более того, правительства, политические партии или группы, которые пытаются увековечить человеческую нищету для того, чтобы получить политические или иные дивиденды, столкнутся с противодействием Соединенных Штатов» [16].

От доктрины Трумэна план Маршалла отличали три немаловажные особенности, на которые следует обратить особое внимание: во-первых, в отличие от доктрины Трумэна, план предусматривал исключительно экономическую реставрацию стран Европы и восстановление их промышленного потенциала, не говоря ни слова о военнотехническом сотрудничестве; во-вторых, он носил ярко выраженный региональный характер; наконец, в-третьих, план Маршалла содержал четкое указание на того, против кого он был направлен.

Впоследствии план Маршалла обсуждался на Парижской мирной конференции летом 1947 г. – в переговорах принимала участие и советская делегация, которая вскоре покинула заседание, когда стала очевидна антисоветская направленность обсуждаемой концепции. 12 июля 1947 г. 16 европейских государств – Италия, Бельгия, Нидерланды,

Греция, Турция, Великобритания, Исландия, Португалия, Франция, Люксембург, Швеция, Норвегия, Дания, Ирландия, Австрия и Швейцария – подписали конвенцию об учреждении Комитета европейского экономического сотрудничества, который должен был разработать совместную программу экономического восстановления Европы в рамках плана Маршалла [12, с. 539 – 540].

В Анкаре подписанное соглашение было воспринято с большим энтузиазмом. Сославшись на бедственное положение своей экономики, Турция попросила предоставить ей в рамках реализации плана Маршалла финансовую помощь на общую сумму порядка 615 млн долларов США. Американская делегация согласилась удовлетворить требования Анкары, выдвинув, впрочем, ряд встречных условий: так, Турция обязывалась использовать полученные средства, прежде всего, для модернизации аграрного сектора экономики и транспортной системы страны. В промышленном же плане ее основной задачей становилась разработка месторождений хромовых руд, имевших огромное стратегическое значение для американской тяжелой промышленности. Анкара безоговорочно согласилась со всеми предложенными условиями, после чего Турция была официально включена США в ряды участников плана Маршалла: 4 июля 1948 г. в Анкаре был заключен договор об экономическом сотрудничестве между США и Турцией в рамках плана Маршалла [17, с. 242]. После его ратификации обеими сторонами Турция начала регулярно получать финансово-экономическую помощь от Вашингтона [18].

Таблица. Объемы финансово-экономической помощи США Турции в период с 1949 по 1960 гг. (млн долларов США) [19, с. 91]

Table. The volume of the United States in Turkey's financial and economic aid in 1949 – 1960 (Mln USD) [19, p. 91]

<i>Финансовый год США</i>	<i>Экономическое развитие, поддержки для национальной обороны, безусловные поддержки</i>	<i>Кредиты</i>	<i>Поддержки на основе закона US PL 480</i>	<i>Другие поддержки</i>	<i>Итог</i>
1949	1,2	38	-	9,3	49
1950	16,1	35,8	-	9,7	61,1
1951	32,2	-	-	5,8	38
1952	58,8	11,2	-	1	71
1953	55	-	-	2,5	57,5
1954	46	-	-	2,7	48,7
1955	55	20	26,6	0,6	102,2
1956	55	25	15,1	2,2	97,3
1957	55	25	68,8	3,3	152,1
1958	70	-	52	14	136,9
1959	100	-	34,7	42,4	177,1
1960	80	-	35	4	119

Экономическую помощь, которую получала Турция в рамках реализации плана Маршалла, подразделялась на четыре базовых категории – безусловную поддержку, косвенную экономическую помощь, кредиты и техническую помощь (таблица). Определить при этом суммарный объем выплат, полученных Анкарой в первые годы после подписания договора об экономическом сотрудничестве с США, не представляется возможным: источники приводят различные данные, однако большинство из них сходятся на цифре порядка 360 млн долларов США для периода с 1948 по 1952 гг. При этом следует подчеркнуть, что, как и в случае с доктриной Трумэна, план

Маршалла содержал ряд весьма жестких условий и ограничений в отношении использования предоставляемой Вашингтоном финансовой помощи, что в конечном счете делало Турцию все более зависимой от американских внешних кредитов, во многом предопределив ее будущую стратегию в период «холодной войны».

В заключение статьи следует отметить, что политика нейтралитета, которой придерживалась Турция в период Второй мировой войны, стала основной причиной отсутствия у нее союзников на международной арене в послевоенные годы. Столкнувшись в этих условиях с советским давлением, Турция, опасаясь новых территориаль-

ных притязаний со стороны Москвы, была вынуждена искать поддержки на Западе. Обратившись за помощью к Великобритании, Анкара, впрочем, получила неожиданный отказ, обусловленный финансовыми затруднениями, с которыми столкнулся сам Лондон в послевоенный период, в связи с чем была вынуждена искать нового союзника в лице США – на тот момент единственной державы, способной противостоять советскому экспансионизму. В сложившихся условиях доктрина Трумэна стала поворотным моментом в развитии турецко-американских отношений, приведя к кардинальным изменениям во внешнеполитическом курсе Анкары. Впоследствии на фоне агрессивной ближневосточной политики Москвы в 1950 – 1960-е гг. Турция под давлением Вашингтона стала придерживаться все более прозапад-

ной стратегии в своей внешней политике. Между тем расходы на техническое обслуживание и ремонт предоставляемых США вооружений, достигшие к концу 1940-х гг. отметки в 130 млн долларов США в год, тяжким грузом легли на турецкий бюджет, тогда как финансово-экономическая помощь, предоставляемая Вашингтоном в рамках реализации плана Маршалла, не только не привела к улучшению ситуации, но, напротив, только усугубила зависимость Анкары от внешних кредитов. Таким образом, следует отметить, что доктрина Трумэна и план Маршалла не только привели к трансформации внешнеполитического курса Турции, в особенности, в отношении СССР, но и во многом предопределили ее дальнейшую стратегию в период «холодной войны».

Литература

1. Ülman H. Türk Amerikan Diplomatiği Münasebetleri (1939 – 1947). Ankara: S.B.F. Dış Münasebetler Ens. Yay, 1961, 141.
2. Плащинский А. А. Доктрина Трумэна, план Маршалла и НАТО в стратегии США // Геополитика. 23.05.2014. Режим доступа: <http://geopolitics.by/analytics/doktrina-trumena-plan-marshalla-i-nato-v-strategii-ssha> (дата обращения: 26.03.2016).
3. Расизаде А. Ш. Турецкий аспект доктрины Трумэна и некоторые просчеты сталинской дипломатии // Народы Азии и Африки. 1989. № 4. С. 40 – 50.
4. Поцхверия Б. М. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны. М.: Наука, 1976. 314 с.
5. Гучанин М. П. Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества. М.: ИИИиБВ, 2002. 188 с.
6. Jackson S. Prologue to the marshall plan: The origins of the American commitment for a european recovery program // The Journal of American History, no. 4 (1979): 1043 – 1068.
7. Речь Г. Трумэна на заседании Конгресса – «доктрина Трумэна», Вашингтон, 12 марта 1947 года. Режим доступа: <http://www.coldwar.ru/truman/doctrine.php> (дата обращения: 28.03.2016).
8. Satterthwaite J. C. The Truman doctrine: Turkey // Annals of the American Academy of Political and Social Science, no. 40 (1972): 74 – 84.
9. Ulus. 22 Mart 1947 "M. Truman 400 milyon dolar istedi. Başkan diyor ki: Türkiye'nin bağımsız olarak bekaasının ehemmiyeti büyüktür".
10. Cumhuriyet. 23 Nisan 1947 "Amerikan Ayanı Yardımı Kabul Etti".
11. T. C. Resmi Gazete. 5 Eylül 1947. Türkiye Hükümeti ile ABD Hükümeti arasında 12 Temmuz 1947 tarihinde Ankara'da imzalanan "Türkiye'ye yapılacak yardım hakkında Anlaşma"nın onanmasına dair 5123 sayılı kanun. Madde 4. Sayfa 2.
12. Oran B. Türk Dış Politikası Cilt 1. İstanbul: İletişim Yayınları, 2012, 900.
13. Коняхина Т. В., Хэррис Д. Беспокойный союз. Турецко-американские проблемы в исторической перспективе 1945 – 1971 // Народы Азии и Африки. 1975. № 2. С. 193 – 200.
14. Плащинский А. А. План Маршалла во внешней политике США // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 1. Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/415/52/> (дата обращения: 27.03.2016).
15. Armaoğlu F. 20. Yüzyıl Siyasi Tarihi (1914 – 1995). İstanbul: Alkım Yayınevi, 2010, 1200.
16. Речь Дж. Маршалла в Гарвардском университете. Режим доступа: http://www.coldwar.ru/bases/marshall_plan.php (дата обращения: 28.03.2016).
17. Ближний Восток: война и политика / под ред. Г. Г. Исаева и А. А. Сотниченко. М.: Марджани, 2010. 276 с.
18. T. C. Resmi Gazete. 13 Temmuz 1948. Türkiye ile Amerika Birleşik Devletleri Arasında 4 Temmuz 1948 Tarihinde İmzalanan Ekonomik İşbirliği Anlaşması ve Eki ile Aynı Tarihte Teati Edilen Mektupların Onanması Hakkında Kanun.
19. Turkish economic statistics, usom to Turkey 1960. Aktaran Altan M. Süperler ve Türkiye. İstanbul: AFA Yayıncılık, 1986, 243.

THE TRUMAN DOCTRINE, THE MARSHAL PLAN AND THEIR IMPACT ON THE SOVIET-RUSSIAN RELATIONS

Cumhur Kaygusuz^{1, @1}, Igor V. Ryzhov^{1, @2}

¹ Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Gagarin Ave., Nizhni Novgorod, Russia, 603600

@1 cumhurkaygusuz@hotmail.com

@2 ivr@imomi.unn.ru

Received 16.09.2016.

Accepted 15.12.2016.

Keywords: Cold War, Turkey, USSR, USA, Soviet-Turkish relations, Truman Doctrine, Marshall Plan, Turkish-American relations.

Abstract: The article is devoted to the history of elaboration, adoption and implementation of the Truman Doctrine and the Marshall Plan in the context of the Soviet-Turkish Relations. The authors observe these two key US external policy's initiatives of the beginning of the Cold War for the analysis of the influence of geopolitical confrontation between the superpowers on the state of relations between Moscow and Ankara. The economic aid programs were significant leverages of the US influence on shaping the post-war system of international relations, which impacted decisively on the Turkish postwar foreign policy, especially toward the USSR, and predetermined to a large extent its further policy in the Cold War. The current article considers the reasons for rapprochement between the US and Turkey stands on the relations with the USSR, analyses the process of elaboration and adoption of aid plans for Turkey and the outcomes of their implementation. The article explores the origins of the US-Turkey cooperation based on sharing the common stance on confronting Moscow and can be used as a source of information on the Russian-Turkish relations problem in historical context.

For citation: Kaygusuz C., Ryzhov I. V. Doktrina Trumena, plan Marshalla i ikh vliianie na sovetско-turetskie otnosheniia [The Truman Doctrine, the Marshal Plan and their Impact on the Soviet-Russian Relations]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 37 – 42. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-37-42.

References

1. Ülman H. *Türk Amerikan Diplomatiği Münasebetleri* (1939 – 1947). Ankara: S. B. F. Dış Münasebetler Ens. Yay, 1961, 141.
2. Plashchinskii A. A. Doktrina Trumena, Plan Marshalla I NATO v strategii SShA [The Truman doctrine, the Marshall plan and NATO in the US strategy]. *Geopolitika = Geopolitics*, 23.05.2014. Available at: <http://geopolitics.by/analytics/doktrina-trumena-plan-marshalla-i-nato-v-strategii-ssha> (accessed 26.03.2016).
3. Rasizade A. Sh. Turetskii aspekt doktriny Trumena i nekotorye proshchety stalinskoi diplomatii [A Turkish aspect of the Truman doctrine and some Stalin's diplomacy failures]. *Narody Azii I Afriki = Peoples of Asia and Africa*, no. 4 (1989): 40 – 50.
4. Potskhveria B. M. *Vneshniaia politika Turtsii posle Vtoroi mirovoi voyny* [The Turkish foreign policy after WWII]. Moscow: Nauka, 1976, 314.
5. Guchanin M. P. *Turtsiia i SShA: osnovnye etapy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva* [Turkey and USA: main stage of trade and economic cooperation]. Moscow: IILiBV, 2012, 188.
6. Jackson S. Prologue to the marshall plan: The origins of the American commitment for a european recovery program. *The Journal of American History*, no. 4 (1979): 1043 – 1068.
7. Rech' G. Trumena na zasedanii Kongressa – «Doktrina Trumena» [The speech of President Truman at a meeting of Congress – «The Truman Doctrine»]. Available at: <http://www.coldwar.ru/truman/doctrine.php> (accessed 28.03.2016).
8. Satterthwaite J. C. The Truman doctrine: Turkey. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, no. 40 (1972): 74 – 84.
9. *Ulus*. 22 Mart 1947 "M. Truman 400 milyon dolar istedi. Başkan diyor ki: Türkiye'nin bağımsız olarak bekaasının ehemmiyeti büyüktür"
10. *Cumhuriyet*. 23 Nisan 1947 "Amerikan Ayanı Yardımı Kabul Etti".
11. *T. C. Resmi Gazete*. 5 Eylül 1947. Türkiye Hükümeti ile ABD Hükümeti arasında 12 Temmuz 1947 tarihinde Ankara'da imzalanan "Türkiye'ye yapılacak yardım hakkında Anlaşma"nın onanmasına dair 5123 sayılı kanun. Madde 4. Sayfa 2.
12. Oran B. *Türk Dış Politikası Cilt 1*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2012, 900.
13. Koniakhina T. V., Herris D. *Bespokoinyi soiuz. Turetsko-amerikanskii problemy v istoricheskoi perspective 1945 – 1971* [Troublesome alliance: Hectic Union. Turkish-American problems in historical perspective 1945 – 1971]. *Narody Azii I Afriki = Peoples of Asia and Africa*, no. 2 (1975): 193 – 200.
14. Plashchinskii A. A. Plan Marshalla vo vneshnei politike SShA [The Marshall plan in the U.S. foreign policy]. *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Belorussian journal of international law*, no.1 (2001). Available at: <http://evolutio.info/content/view/415/52/> (accessed 27.03.2016).
15. Armaoğlu F. *20. Yüzyıl Siyasi Tarihi (1914 – 1995)*. İstanbul: Alkım Yayınevi, 2010, 1200.
16. Rech' Dzh. Marshalla v Gavardskom universitete [The speech of G. Marshall in the Harvard University]. Available at: http://www.coldwar.ru/bases/marshall_plan.php (accessed 28.03.2016).
17. *Blizhnii Vostok: voyna i politika* [The Middle East: war and politics]. Ed. Isaev G. G., Sotnichenko A. A. Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani, 2010, 276.
18. *T. C. Resmi Gazete*. 13 Temmuz 1948. Türkiye ile Amerika Birleşik Devletleri Arasında 4 Temmuz 1948 Tarihinde İmzalanan Ekonomik İşbirliği Anlaşması ve Eki ile Aynı Tarihte Teati Edilen Mektupların Onanması Hakkında Kanun.
19. *Turkish economic statistics, usom to Turkey 1960*. Aktaran Altan M. Süperler ve Türkiye. İstanbul: AFA Yayıncılık, 1986, 243.

УДК 94(47).083

ИГРА ПО ЮРИДИЧЕСКИМ ПРАВИЛАМ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕСТЬЯНАМИ НАЧАЛА XX В. ЮРИДИЧЕСКИХ ТОНКОСТЕЙ В БОРЬБЕ ЗА СВОИ ИНТЕРЕСЫ (Ново-Шульбинское противостояние старожилов с переселенцами)

Алексей К. Кириллов^{1, 2, @1}, Анастасия Г. Караваева^{3, @2}

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

² Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

³ Государственный архив Томской области, Россия, 634009, г. Томск, ул. Водяная, 78

@1 alkir.nsk@gmail.com

@2 anast@post.tomica.ru

Поступила в редакцию 11.11.2016.

Принята к печати 29.12.2016.

Ключевые слова: Столыпинское переселение, приёмный приговор, полетки, крестьянское правосознание, конфликты старожилов и переселенцев.

Аннотация: Статья вносит вклад в изучение разрыва между высшими и низшими сословиями российского общества начала XX в. Предметом изучения в данном случае является отношение крестьян к закону, изучаемое на одном из наиболее ярких примеров старожильческо-переселенческих конфликтов по ходу "столыпинского переселения". Авторы ставили целью установить готовность или неготовность крестьян отстаивать свои интересы с использованием юридических лазеек, позволяющих обходить действующее законодательство. Для этого были использованы материалы дела, отложившегося в фонде Томского губернского управления Государственного архива Томской области. Его документы представляют и точки зрения обеих борющихся сторон (старожилы и переселенцы), и мнение местной власти (крестьянский начальник), и мотивированное решение губернских властей. В сочетании с анализом законодательства и опыта других подобных дел это позволяет за формальным предметом противоборства (арендная плата за право иметь усадьбу в с. Ново-Шульбинском), увидеть действительную подоплёку (стремление старожилов сохранить свои пахотные наделы). Приводимые авторами факты позволяют сделать вывод о том, что борьба вокруг усадеб была лишь юридически грамотным оформлением борьбы вокруг пахотных земель. Полученный результат позволяет исправить существующую недооценку готовности российских крестьян, выросших после отмены крепостного права, отстаивать свои интересы с использованием действующего законодательства.

Для цитирования: Кириллов А. К., Караваева А. Г. Игра по юридическим правилам: использование крестьянами начала XX в. юридических тонкостей в борьбе за свои интересы (Ново-Шульбинское противостояние старожилов с переселенцами) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 43 – 49. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-43-49.

Российское общество начала XX в. – общество, на три четверти состоящее из крестьян и в ещё большей степени опирающееся на крестьянское мировоззрение. Понять, что такое русский мужик, оторвавшееся от деревни высшее общество стало пытаться по крайней мере с эпохи отмены крепостного права. Огромная литература о крестьянах, деревенской жизни, русской общине, накопленная за полвека капиталистической России, стала широко доступна теперь благодаря цифровым технологиям и подвижности крупных библиотек, российских и зарубежных. Львиная доля этой литературы опирается на исходное представление авторов о том, что крестьяне – это особый (низший) мир, резко отличный от просвещённого общества. Наблюдения немногих авторов вроде А. Н. Энгельгардта или Н. М. Астырева, сумевших сжиться с народом и показать крестьянскую жизнь во всём разнообразии человеческих типов, прошли мимо

сознания читателей – даже если и произвели фурор в качестве литературных произведений. Мощная советская традиция изучения общественного сознания дореволюционного крестьянства дала ряд исследователей, уважительно относившихся к крестьянской культуре, крестьянскому восприятию жизни. Однако до сих пор остаётся насущной задачей дело "реабилитации" крестьян как части общества, по степени развитости по меньшей мере не уступающей высшим сословиям.

Случай, о котором пойдёт речь в данной статье, касается использования крестьянами законов. Удивительное открытие было сделано советскими историками, изучавшими крестьян XVIII – XIX вв. Оказалось, что российские крестьяне знали законы и умели ссылаться на них в своих обращениях к начальству.

Одно из первых, если не первое, краткое упоминание о том, что крестьяне XVIII в. в своих жалобах ссылались

на указы Петра I, "пытаясь показать, что действуют не против государства, а наоборот", принадлежит П. К. Алефиренко [1, с. 293]. Более обстоятельно эта тема развита Д. И. Раскиным в статье 1979 г., излагающей результаты кандидатской диссертации, защищённой в 1976 г. [2, с. 179 – 192]. Внимание автора привлекает тот факт, что крестьяне в своих челобитных ссылаются на законы, цитируют их, применяют в свою пользу. Правда, это касается главным образом преамбулы, в которой царь объясняет смысл указа – указывает, на искоренение какого зла он направлен. Ясно, что если в преамбуле говорится про направленность закона против "великих неправд" и "грабительства" и стремлении искоренить "неправедные бедственные всенародные тягости", то такую цитату можно использовать в жалобе по любому поводу – что и делали крестьяне. При этом Д. И. Раскин отмечает, что юридическая риторика крестьян легко отбивалась противной стороной, которая находила в действующих законах не меньше оснований для закрепостительной риторики. "Поэтому не нарушающее букву закона обращение крестьян с челобитием в государственные учреждения со ссылками на государственные законы зачастую вступало в противоречие с практикой крепостного права и бюрократического государственного аппарата" [2, с. 188].

То, о чём пишет Д. И. Раскин, можно назвать идеологической стороной дела. Крестьяне, пытаясь чего-то добиться от государственной власти, проявляют готовность следовать государственной же идеологии, изложенной в манифестах и указах. Практическая полезность этого сомнительна: фактическая подоплёка жалобы, противоречащая интересам представителей государства, легко отделялась от идеологического обоснования, и решение, как правило, принималось не в пользу крестьян. "С сильным не борись, с богатым не судись": чтобы жалоба против чиновника была удовлетворена начальником этого чиновника, нужно нечто большее, чем соответствие формальной логике.

М. М. Громыко, канонизировав выводы Д. И. Раскина в своей известной обобщающей работе [3], в то же время внесла существенные дополнения. Один из разделов этой книги, в которую она вложила не только душу, но и богатый опыт работы с крестьянскими документами, назван "Крестьянин и закон". Здесь Марина Михайловна подчеркнула знание и использование крестьянами не только общих деклараций, но и частных норм: "Крестьяне, выступавшие ходатаями по делам своих общин в разных инстанциях, как правило, неплохо ориентировались в законодательстве по ряду вопросов, касающихся земельных отношений, повинностей и других" [3, с. 151].

Подытоживая свой опыт изучения "вольнонародной колонизации" Сибири, М. М. Громыко высказала предположение об особой юридической грамотности переселенцев: "Особенно увеличивалась роль правовой информированности крестьянских поверенных при переселениях. Миграции значительных групп крестьян, иногда целых общин, на большие расстояния создали для этого благоприятные условия. Из источников мы видим необходимую при этом ориентацию в системе местного и центрального управле-

ния, знание ряда правовых положений, касающихся не только водворения на новом месте, но и юридических взаимоотношений со старожилами" [3, с. 151]. Приводимые далее автором два примера касаются перипетий с регистрацией переселенцев на новом месте. Оба они показывают умение крестьян обойти закон, который иначе – вследствие канцелярской волокиты – не дал бы им возможности исполнить желаемое. Таким образом, фактический материал М. М. Громыко всё-таки иллюстрирует отношения между крестьянами и государством.

Другую постановку вопроса предложил А. В. Камкин [4]. Опираясь на работы Д. И. Раскина и других своих предшественников, он находит смысл разработки темы "крестьяне и закон" в изучении крестьянского правосознания. Правосознание, по А. В. Камкину, это и знание законов, и их оценка (в том числе с точки зрения необходимых исправлений). "Правосознание отражает потребность определенного класса в правовой регламентации тех задач, которые встают перед ним как результат объективного развития его материальной жизни и общественных отношений" [4, с. 163]. Таково теоретическое осмысление. Практический же результат изучения автором крестьянских жалоб во многом повторяет результат предшественников: делается вывод о "широком использовании крестьянами государственного права как условия и орудия борьбы". Но при этом подчёркивается борьба не только против чиновников, но и "растущее сопротивление внутридеревенских сил" [4, с. 172 – 173].

Именно эта сторона дела – не замутнённая делением на "подлых" и "благородных" борьба крестьян против крестьян – видна в документах, обнаруженных нами при изучении знаменитого столыпинского переселения, по-прежнему пользующегося вниманием исследователей [5 – 7]. Крестьяне здесь используют не законодательную риторику (в обоснование просьбы к начальству) – они используют знание законов для практической (не юридической), самостоятельной борьбы за свои права. Одна сторона создаёт пути законного обхода неудобных законов, другая ищет и находит способ законного же пресечения этого обходного пути. Подобная борьба юридических тонкостей – то, что вяжется прежде всего с миром дорогих адвокатов, министерских канцелярий и акционерных обществ. Но именно это мы наблюдаем у крестьян начала XX века.

Поселение Ново-Шульбинское возникло недалеко от границы между Алтайским округом и Семипалатинской областью, менее чем в сотне вёрст на восток от Семипалатинска. Предгорья Западного Алтая – места, где земледельческие поселения возникали в основном за счёт "вольнонародной колонизации". Основные маршруты самовольных переселенцев с XVIII в. пролегали через район Демидовских заводов. Река Обь, её притоки Катунь и Бия со своими притоками вели искавших привольной жизни крестьян мимо Барнаула и Бийска далее на юг [8 – 11]. Список населённых мест Томской губ. на 1899 г. показывает Ново-Шульбинское как волостной центр, имеющий 236 дворов, 640 душ мужского и 548 – женского пола. К началу сопротивления (1909 г.) число

дворов в Ново-Шульбинской составляло полтысячи: за десятилетие село выросло вдвое.

Конфликты, связанные с переселением в Алтайский горный округ, входили в число тех происшествий, которые подлежали разбору Томского губернского управления. В его обширном фонде сохранились сведения по десяткам таких эпизодов. Среди них Ново-Шульбинский – на особом счету. Это один из немногих случаев, по которому у нас есть всесторонняя подборка документов: изложение дела переселенцами, изложение старожилами, оценка представителей власти, решение губернатора [12]. Архивное дело позволяет нам сопоставить документы, отражающие взаимоисключающие интересы. Это даёт возможность отделить несомненные утверждения от субъективных оценок или преувеличений. Впрочем, и при этих благоприятных условиях самое интересное здесь прямым текстом не сказано.

Для начала всё же перечислим факты, лежащие на поверхности. 7 ноября 1909 г. ново-шульбинские переселенцы отправили томскому губернатору жалобу на притеснения со стороны старожилов [12, л. 9 – 10 об.]. Взяв у некоторых местных крестьян землю в аренду на 3, 5 или 10 лет, переселенцы начали было строить дома прямо на арендованной пашне, но общество им это запретило ("хотя со стороны хозяев арендуемых нами земель препятствий никаких не было заявлено", – подчеркнули авторы жалобы). Тогда переселенцы перебрались в деревню: "кое-кто купил себе дом вместе с усадебным местом, кое-кто нанимает, то есть арендует чей-либо дом с усадьбой" [12, л. 9 об.]. Старожилы в ответ назначили для "нерипписных" (непричисленных) переселенцев плату в 40 руб. за "купленные ими усадебные места" и ещё по 3 руб. за голову скота.

Слова переселенцев требуют уточнения: поскольку земля в Сибири крестьянам не принадлежала, продать её они ни в коем случае не могли. В соответствующих правилах специально оговаривалось, что это касается и пашни, и покосов, и усадебных мест (Об общественных землях и угодьях государственных крестьян и инородцев в Сибири, не получивших ещё поземельного устройства. Приложение к ст. 14 Правил и положений о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казённых землях, в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества и в области Забайкальской [13, с. 392]). Очевидно, говоря о покупке, переселенцы имели в виду всё-таки покупку домов – но не на вывоз, как это часто бывало, а с оставлением на прежнем месте. Такое вполне можно представить, например, при переезде старожилов в другое место или при сокращении численности многодворных семейных кланов. В отличие от продажи, аренда предполагала расчёты старожилов в будущем ещё попользоваться сдаваемыми домами. Но и под проданными, и под сданными в аренду домами усадебная земля оставалась в распоряжении сельского общества (и в собственности Кабинета ЕИВ).

Общество не стало откладывать дело в долгий ящик: получив отказ переселенцев платить, оно передало дело в волостной суд. Получив на руки судебное решение

в свою пользу, общественники-активисты занялись изъятием имущества переселенцев в уплату долга. Переселенцы выражали возмущение и "грабежом" при взыскании долга, и теми поборами, которые привели к его появлению.

Губернское управление, как обычно, запросило сведения и мнение у крестьянского чиновника. Тот уже знал о происходящем в Ново-Шульбинском и в селение не поехал, а лишь потребовал у местных властей официальные документы. Эти документы – два приговора первой половины года и официальный ответ старосты на запрос крестьянского чиновника. В общем соглашаясь с жалобой переселенцев, они дают некоторые новые подробности.

За счёт фразы, брошенной мимоходом в приговоре от 26 июля 1909 г. [12, л. 13 – 13 об.], мы узнаём, что первый "приговор о наложении арендной платы на разночинцев" (*Крестьяне Томской губ. в начале XX в. обозначали этим словом непричисленных переселенцев, ведущих обычное крестьянское хозяйство*) был составлен ещё 22 февраля. Само это постановление уже отражает наличие некоего конфликта, который вряд ли возник на заснеженной пашне. По-видимому, приговор 22 февраля 1909 г. – это отголосок событий 1908 г., когда переселенцы уже пользовались землёй в Ново-Шульбинском. Вероятно, пользование это рассматривалось как временное; когда стало ясно, что переселенцы решили остаться, старожилы перешли в наступление.

Следующая веха в развитии столкновения – 1 июня 1909 г. Вновь собравшись на сход, ново-шульбинские старожилы постановили: "Многие жители селения свои наделные земли распродали непричисленным жителям, а потому необходимо воспретить последним на купленных землях возводить постройки" [12, л. 14]. Ясно, что и здесь глагол "распродали" означает передачу за деньги права распахки земель. Глагол "сдали в аренду" не использован, вероятно, из желания драматизировать обстановку (распродавать общественные земли – дело явно незаконное!).

Уже упомянутый приговор 26 июля примечателен тем, что в нём не просто накладываются на всех "разночинцев" платежи (с указанием имени и суммы для каждого), но сразу же предписывается и следующий шаг: "ввиду неуплаты добровольно разночинцами арендной платы, предъявить к ним в вол[остной] суд иски" [12, л. 13 об.]. Очевидно, что приговор 26 июля не выдвигает новое условие, а лишь подытоживает итоги неудачных "переговоров". После того, как стало окончательно ясно, что переселенцы отказываются платить наложенную на них в феврале "арендную плату", был составлен приговор, необходимый для более точной формализации отношений противоборствующих группировок перед лицом суда.

Как обычно в документах сельских сходов, каждый приговор открывается шаблонной формулой, задающей время и место действия. Обязательная часть открывающего шаблона – указание на наличие кворума: сколько в обществе хозяев, имеющих право голоса, и сколько из них присутствовало. Ново-Шульбинский писарь приводит вдобавок к этим числам ещё и число дворов. Сопоставление этих цифр по двум приговорам поразитель-

но. На 1 июня: 500 дворов, 450 домохозяев с правом голоса, присутствовало 300, "что составляет не менее двух третей домохозяев" (минимум, необходимый для полномочности схода). На 26 июля: 687 дворов, 687 домохозяев с правом голоса, присутствовало 450 (что, по утверждению приговора, опять-таки составляет не менее 2/3). В этих двух рядах подозрительно много круглых чисел, но грубая фальсификация приговора от 1 июня (с резким занижением действительного числа дворов ради достижения кворума) маловероятна. Приговоры сельских сходов поступали на утверждение крестьянскому начальнику; увидев неоправданные скачки численности, он наверняка вмешался бы; да и пострадавшей стороне легко было бы доказать недействительность такого приговора. Значит, в эти два месяца численность общества действительно выросла более чем на треть. Маловероятно, чтобы в каждом третьем дворе старожилов произошёл раздел. Речь должна идти о причислении новых членов. Если это так, то либо старожилы, либо переселенцы могли бы использовать это в своей риторике. Но и встречные жалобы крестьян, и документы чиновников об этом молчат. Причина этого неясна, полной уверенности в действительном расширении общества всё-таки нет. Тем не менее не исключено, что группа жалобщиков представляет интересы лишь части ново-шуйбинских переселенцев, в то время как другим удавалось причислиться к обществу.

Вернёмся к ходу разбирательства по Ново-Шуйбинскому делу. Скопировав для крестьянского начальника оба летних приговора, староста отправил их 11 декабря в сопровождении официального ответа на запрос [12, л. 11 – 12]. Кратко пересказав уже известные нам события, староста настаивал на правоте своих товарищей старожилов. При этом он заявил, что землю в аренду старожилам сдавали с условием на ней не строиться. В то же время он назвал "совершенно ложною" жалобу переселенцев о том, что общественники сломали им постройки на пахотной земле. Последнее утверждение противоречит настойчивости, с какой сам же староста несколькими строками выше утверждает наличие заблаговременного запрета на строительство. По-видимому, обе стороны здесь отдали дань хитрым формулировкам: переселенцы – назвав свои шалаши "съёмными деревянными постройками", а староста – отказав этим убогим жилищам в праве считаться постройками вообще.

Губернское управление получило эти документы от крестьянского начальника лишь в феврале следующего (1910) года. По-видимому, чиновник ждал утверждения приговоров волостного суда, которые переселенцы пытались опротестовать и в съезде крестьянских начальников, и в губернском управлении. Протест этот был unsuccessful, о чём мы знаем из рапорта крестьянского начальника. В этом рапорте [12, л. 27 – 29 об.] чиновник безоговорочно поддержал старожилов, имеющих полное право взимать плату за использование чужаками общественной земли. В начале марта 1910 г., накануне нового земледельческого сезона, губернское управление предложило Змеиногорскому уездному полицейскому управлению объявить авторам переселенческой жалобы, что жалоба отклонена, "и что если они желают избавиться от платежа полеточных

сборов, то должны обратиться к сельскому сходу о принятии их в среду общества" [12, л. 31 – 31 об.].

Уяснив канву событий, пора переходить к их подтексту. Формальный смысл, как мы видели, был связан с борьбой вокруг выпаса скота и вокруг усадебных мест. Но корень ново-шуйбинской тяжбы – вопрос о пахотной земле. Не случайно крестьянский начальник, посвятив несколько страниц своего рапорта доказательству законности и справедливости наложенных на переселенцев платежей, напоследок говорит о другом – о главном: "В заключение своих объяснений я должен заявить, что у сельских обществ, кроме обложения переселенцев полетками, нет никаких других средств противостоять наплыву переселенцев, и если признать наложение полетков незаконным, то все старожильческие селения в одно лето будут наводнены переселенцами настолько, что не останется на душу не только 15, но даже и 5 десятин" [12, л. 29 об.]. Мысль чиновника отлично вяжется и с размером "полетков". Желая проиллюстрировать дороговизну приёмных приговоров, современники говорили, что их цена доходила до 100 – 200 руб. Размер переселенческой ссуды от правительства, рассчитанной так, чтобы она позволяла "с нуля" обзавестись хозяйством (дом, корова, лошадь, плуг), составлял 165 руб. В этих условиях 40 руб. (а с учётом скота – и более 50 руб.) в качестве ежегодной платы – это, конечно, запретительная цифра. Старожилы не хотели пускать переселенцев на свои земли – и в этом суть дела.

Однако и в переселенческих, и в старожильческих жалобах на первый план выводятся другие – как будто второстепенные – вопросы. Переселенцы, описывая поборы со стороны старожилов, подразумевают чрезмерную жадность последних: "общество увидело, что если только наложить на всех неприписных жителей села Н.-Шуйбинского налог <...> то можно получить хорошую пользу" [12, л. 9 об.]. Кульминация их жалобы к губернатору – вопрос, имеют ли право старожилы требовать платы за усадьбы и "за каждую лошадь, которые никогда у нас не отлучаются в степь для пастбы, а всегда находятся дома и кормятся домашними припасами" [12, л. 10 – 10 об.]. Беспокойство старожилов вращается вокруг того, что переселенцы пользуются "скотским выпуском, а также и усадебными местами", вокруг "сухих мест, находящихся вблизи займок" (которые надо в раздел не принимать, а оставлять для общественного выгона), вокруг возведения старожилами построек на "купленных" ими землях общества [12, л. 13 – 14].

Именно эти частные вопросы оказываются в центре внимания, потому что то или иное их решение обеспечивает и решение ключевого вопроса: сохраняют ли старожилы свои привольные угодья, или переселенцам удастся обустроиться в Ново-Шуйбинском навсегда.

Казалось бы, всё просто: чтобы обустроиться по-настоящему, переселенцам надо иметь приговор общества. Общество же, достигшее минимального по сибирским меркам предела земельной обеспеченности, принимать переселенцев отказывается. Значит, в полном соответствии с законом им ничего не остаётся, как уйти. Однако переселенцы находят зацепку: используя то ли родствен-

ные связи (новые переселенцы нередко шли по стопам старых), то ли имущественное различие среди старожилов (старики, не имеющие взрослых сыновей), то ли внутреннее сибирское переселение (выезд ново-шуйбинских старожилов на новые места), они договариваются с отдельными членами общества о праве обрабатывать их землю (очевидно, за сумму гораздо меньшую, чем требует общество). Обществу на это возразить нечего: коль скоро член общины платит возложенную на него часть налогов, он имеет право и на земельный надел, а уж чьими руками он будет обработан – каждый решает сам. Использование чужого (прежде всего – переселенческого) труда для обработки своих полей – обычное дело у сибирских старожилов.

Однако наличие чужаков на общественных землях создаёт для общества опасность. Обратимся вновь к уже упоминавшимся правилам поземельного устройства крестьян в Сибири, принятым в июне 1898 г. и действовавшим на момент Ново-Шуйбинского столкновения. Правила уделяют отдельное внимание вопросу, кого считать "наличными душами мужского пола", на которые при землеустройстве отмеряется по 15 десятин. Помимо двух очевидных групп (приписанные к обществам и пока не приписанные, но уже имеющие приёмные приговоры), есть и третья: "те неприписанные, которые, имея по своему состоянию право на земельный надел [*Право на земельный надел имели люди крестьянского сословия. – Прим. авт.*], ведут в наделяемых селениях самостоятельное земледельческое хозяйство и заявят о своем желании получить надел в данном селении, если притом <...> постоянно проживают в наделяемых селениях, хотя бы временно отсутствовали из них" [14, с. 456]. Таким образом, наличие собственного хозяйства позволяло пришлым крестьянам требовать причисления их к обществу без приёмного приговора, вопреки желанию общества.

Правда, сибирское землеустройство начала XX в. проводилось не по приказам крестьян, а в соответствии с общим планом, притом однократно. Поэтому нельзя сказать, что манёвр ново-шуйбинских переселенцев гарантировал им успех. Тем не менее он как минимум создавал основу для обсуждения вопроса о причислении против воли старожилов, и последние, как видно, это понимали.

Вопрос об источнике этого понимания не имеет несомненного ответа на материалах данного дела. Но подобные дела по конфликтам 1880-х – 1890-х гг. показывают, что сибирские власти последовательно проводили принцип объективизма, сулящий старожилам неприятности. Признавая законное верховенство старожилов, власти укоряли их за то, что они разрешили переселенцам поселиться у себя, и предлагали компромиссные решения. Притом и землеустройство шло уже не первый год; не исключено, что слух о причислениях без приёмных приговоров распространился между крестьянами.

Не имея возможности отменить сделанное противной стороной, старожилы – как в мудрой сказке – создали собственное новшество, лишаящее силы манёвр противной стороны. Часть переселенцев поселилась в домах, освобождённых старожилами – и это дало обществу возможность совершенно законно взимать с них плату

за усадебное место. Однако из 59 "должников" общества, перечисленных поимённо в приговоре 26 июля, лишь 12 (судя по размерам "долга") имели усадьбы. Все прочие, следовательно, так или иначе (по родству или за деньги) пристроились жить у старожилов, "арендная плата" за усадьбы в данном случае была мимо цели. Правда, отсутствие собственной усадьбы сокращало и шансы их считаться имеющими собственное хозяйство. Но и против таких общество придумало меру – плата за содержание скота с одновременным запретом отдавать пригодные под выпас земли в раздел по участкам, то есть с установлением общественной монополии на выпасы.

При рассмотрении 15 сентября пяти исков, поданных 20 августа против 40 человек оказалось, что семеро из обвиняемых уже "выехали из селения совсем", ещё один был "не разыскан", и один платил 6 руб. добровольно. Обращает на себя внимание и разница между числом противников общества, перечисленных в приговоре от 26 июля, и числом тех, против кого были поданы иски менее чем через месяц: 59 (в т. ч. 12 – с усадьбами) против 40 (в т. ч. 4 – с усадьбами). Теоретически говоря, можно предположить, что в деле сохранился не полный набор судебных решений. Однако преимущественное сокращение числа обвиняемых с усадьбами (их доля сократилась с 1/5 до 1/10) – категории, оказавшейся на острие удара, – наводит на мысль о том, что сокращение действительно было, и треть всех пытавшихся тягаться с обществом уехала в кратчайший срок – даже до получения отказного ответа губернатора по своей жалобе. Таким образом, мера старожилов оказалась вполне действенной. Им удалось поставить надёжную преграду стремлению переселенцев закрепиться в Ново-Шуйбинском обществе.

Насколько позволяют судить обнаруженные нами материалы, Ново-Шуйбинское дело завершилось победой старожилов. Но не только победители (изначально находившиеся в более выигрышном положении за счёт поддержки законодателя), а и проигравшие проявили готовность воспринимать закон не как чуждый и недоступный монолит, а как доступное к использованию здание со многими входами и выходами.

Исчерпывающе документированное Ново-Шуйбинское дело – лишь верхушка айсберга. О гораздо большем числе подобных столкновений сохранились лишь отдельные документы. В большинстве же случаев – когда дело не доходило до разбирательств на губернском уровне – документов не сохранилось вообще. Столкновения крестьян по ходу сибирского переселения в данном случае важны для нас не как часть истории освоения отдельного (хотя бы крупного) региона, но как черта к портрету российского крестьянства.

Ясно, что навыки использования юридических тонкостей были различными и среди переселенцев, и среди старожилов. Основная масса лишь следовала тем путём, который предложили наиболее подкованные в этом отношении члены сообщества. По части готовности бороться за свои интересы в правовом поле крестьянское сообщество ничем не уступало более образованным слоям российского общества начала XX в.

Литература

1. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30 – 50-х годах XVIII века. М.: изд-во Академии наук СССР, 1958. 422 с.
2. Раскин Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1979. № 4. С. 179 – 192.
3. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
4. Камкин А. В. Правосознание государственных крестьян второй половины XVIII века // История СССР. 1987. № 2. С. 163 – 173.
5. Катионов О. Н. Улалинское землеотводное дело 1899 – 1915 гг. как источник изучения взаимоотношений населения с. Увалы и властных структур // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3(19). С. 18 – 22.
6. Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: АЗБУКА, 2013. 348 с.
7. Суворова Н. Г. Крестьянское самоуправление в колонизируемом пространстве Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5(25). С. 52 – 58.
8. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1996. 276 с.
9. Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск: Наука, 1987. 268 с.
10. Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40 – 90-е годы XVIII в. Новосибирск: Наука, 1978. 206 с.
11. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.
12. Государственный архив Томской области. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 1025.
13. Свод законов Российской империи. Т. IX, особое приложение. СПб., 1912.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 18. Отд. 1. № 15539.

PLAYING THE JURAL GAME: RUSSIAN PEASANTS OF THE EARLY XX CENTURY USING LEGAL LOOPHOLES TO MAINTAIN THEIR INTERESTS (the Confrontation Between Migrants and Old Residents at Novo-Shulbinskoye Village)

Alexey K. Kirillov^{1, 2, @1}, Anastasiya G. Karavayeva^{3, @2}

¹ Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev street, Novosibirsk, Russia, 630090

² Historical Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 1, Pirogova street, Novosibirsk, Russia, 630090

³ State Archive of the Tomsk Region, 78, Vodyanaya St., Tomsk, Russia, 634009

@¹ alkir.nsk@gmail.com

@² anast@post.tomica.ru

Received 11.11.2016.

Accepted 29.12.2016.

Keywords: Stolypin's Siberian migration, priemny prigovor (admission act), poletki (annual rent), peasants' sense of justice, conflicts between peasant migrants and old residents.

Abstract: The article is a contribution to studying the gap between the upper and the lower estates of the Russian society at the early XX century. In particular, peasants' perception of law is taken as the subject of the investigation. One of the striking examples of conflicts between peasant migrants and old settlers in the course of the famous "Stolypin's migration" to Siberia provides ground for this research. The authors aim at detecting peasants' readiness to defend their interests using legal loopholes to circumvent legal barriers. Documents from a file of the governor's office (*gubernskoye upravlenie*) of State archive of the Tomsk region let us have an all-round impression of the case as far as they represent views of the both struggling sides (migrants and old settlers), opinion of the local authority (*krestyansky nachalnik*) and the motivated decision of the governor's office. Compared to the legislation and to the other similar cases, these documents allow us to make out the hidden motive (old residents' wish to keep their plough-land) for the formal subject of the struggle (rent payment for the right to live in the village cottages). The facts discovered by the authors prove that the struggle over cottages was only a legally competent form for the struggle over plough-land. The result obtained corrects the currently understated evaluation of the Russian emancipated peasants' readiness to maintain their interests by legally competent methods.

For citation: Kirillov A. K., Karavayeva A. G. Igra po iuridicheskim pravilam: ispol'zovanie krest'ianami nachala XX v. iuridicheskikh tonkosti v bor'be za svoi interesy (Novo-Shul'binskoe protivostoianie starozhilov s pereselentsami) [Playing the Jural Game: Russian Peasants of the Early XX Century Using Legal Loopholes to Maintain Their Interests (the Confrontation Between Migrants and Old Residents at Novo-Shulbinskoye Village)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 43 – 49. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-43-49.

References

1. Alefirenko P. K. *Krest'ianskoe dvizhenie i krest'ianskii vopros v Rossii v 30 – 50-kh godakh XVIII veka* [Peasant movement and peasant question at Russia in the 1730th – 1750th years]. Moscow: izd-vo Akademii Nauk, 1958, 422.
2. Raskin D. I. Ispol'zovanie zakonodatel'nykh aktov v krest'ianskikh chelobitnykh serediny XVIII veka (Materialy k izucheniiu obshchestvennogo soznaniia russkogo krest'ianstva) [Usage of the state laws in the peasant petitions of the mid-eighteenth century (Materials for studying public mind of the Russian peasants)]. *Istoriia SSSR = The USSR history*, no. 4 (1979): 179 – 192.
3. Gromyko M. M. *Mir russkoi derevni* [World of the Russian village]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1991, 446.
4. Kamkin A. V. Pravosoznanie gosudarstvennykh krest'ian vtoroi poloviny XVIII veka [Legal consciousness of the peasants at the second half of the XVIII century]. *Istoriia SSSR = The USSR history*, no. 2 (1987): 163 – 173.
5. Kationov O. N. Ulalinskoe zemleotvodnoe delo 1899 – 1915 gg. kak istochnik izucheniia vzaimootnoshenii naseleniia s. Ulaly i vlastnykh struktur [The Ulala land allotment file as a source for studying relations between the village Ulala inhabitants and state powers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 3(19) (2012): 18 – 22.
6. Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaia K. A. *Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: pereselenie, zemleobespechenie, khoziaistvennaia i sotsiokul'turnaia adaptatsiia* [Stolypin's migrants ant the Altai district: migration, land settlement, economic, social and cultural adaptation]. Barnaul: AZBUKA, 2013, 348.
7. Suvorova N. G. Krest'ianskoe samoupravlenie v kolonizuemom prostranstve Sibiri [Peasant self-government in the colonized areas of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 5(25) (2013): 52 – 58.
8. Lipinskaia V. A. *Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX v.* [Old dwellers and migrants. The Russians at the Altai. 18th – beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka, 1996, 276.
9. Mamsik T. S. *Krest'ianskoe dvizhenie v Sibiri. Vtoraia chetvert' XIX veka* [Peasant movement at Siberia. Second half of the XIX century]. Novosibirsk: Nauka, 1987, 268.
10. Mamsik T. S. *Pobegi kak sotsial'noe iavlenie. Pripisnaia derevnia Zapadnoi Sibiri v 40 – 90-e gody XVIII v.* [Escape as a social phenomenon. Attached villages of the Western Siberia at the 1740th – 1790th years of the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1978, 206.
11. Pokrovskii N. N. *Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'ian-starobriadtsev v XVIII v.* [Anti-feudal protest of the peasant old believers at the Urals and Siberia in the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1974, 394.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [State archive of the Tomsk region]. Found F-3, List 45, File 1025.
13. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. Sainkt-Petersburg, vol. 9, special appendix (1912).
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie 3-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 3th collection]. Vol. 18, part 1, no. 15539.

УДК 94 (571/1)/281.93

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АРХИЕРЕЙСКОГО КОРПУСА ЕПАРХИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Владислав А. Овчинников^{1, @}

¹ Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, 650070, Кемерово, пр. Тухачевского, 38а
@ rpcsib@rambler.ru

Поступила в редакцию 18.10.2016.
Принята к печати 25.01.2017.

Ключевые слова: Русская православная церковь, митрополия, епархия, архиерей, юг Западной Сибири.

Аннотация: В статье на основе анализа нормативных и распорядительных документов, делопроизводственных и справочно-информационных материалов, периодической печати и Интернет-ресурсов, с использованием в качестве основного — метода компаративного анализа, выявлены причины, определены показатели, особенности и результаты процесса изменения численности и характеристик архиерейского корпуса епархий РПЦ на юге Западной Сибири в начале XXI в. Исследуемый процесс был напрямую связан с реформой «дробления» епархий РПЦ в 2011 – 2015 гг., протекал в русле общероссийский тенденций, но имел ряд негативных последствий для епархий региона по причине того, что они в силу «молодости» обладали менее развитой организационно-управленческой структурой и материально-экономической основой по сравнению с епархиями европейской части России. Реформа, имеющая позитивный отложенный эффект для РПЦ, на изучаемом этапе привела к увеличению числа епархий и правящих архиереев с 5 до 18, омоложению архиерейского корпуса с одновременным снижением уровня духовного образования, опыта управления и монашеской жизни. На основании анализа реформы сделан прогноз о влиянии ее результатов на укрепление системы управления и развитие организационной структуры административно-территориальных единиц РПЦ на юге Западной Сибири.

Для цитирования: Овчинников В. А. Изменение численности и социально-демографических характеристик архиерейского корпуса епархий Русской православной церкви на юге Западной Сибири в начале XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 50 – 58. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-50-58.

Процесс изменения характеристик архиерейского корпуса Русской православной церкви (далее – РПЦ) в начале XXI в. напрямую связан с реформой «разукрупнения» или «дробления» ее административно-территориальных единиц – епархий, которая неоднозначно оценивается экспертами, в том числе и представителями РПЦ. Наиболее острые дискуссии вызывает появление большого количества молодых и неопытных архиереев, снижение статуса епархиального архиерея, ослабление позиций наиболее влиятельных иерархов Церкви одновременно с ростом значимости патриаршего сана. По мнению «критиков», данные «негативные» изменения не компенсируются «приближением епископа к пастве» и усилением его контроля за деятельностью епархии. В качестве основного результата реформы эксперты отмечают усиление централизации власти и сосредоточение всех рычагов управления в руках Патриарха и Синода [1 – 8].

С октября 2011 г. Синод начал последовательно проводить реформу модернизации организационно-территориального устройства РПЦ [9]. В границах одного субъекта РФ вместо одной епархии начали создавать нескольких новых путем дробления существующих. За 2011 – 2012 гг. было образовано 82 новых епархий,

из них 64 – на территории одних и тех же субъектов РФ. В январе 2013 г. действовало 247 епархий РПЦ [10].

В том же 2011 г. Синод внес важную корректировку в процесс разукрупнения епархий: в границах одного субъекта РФ их стали объединять в митрополии, которых только за 2011 – 2012 гг. было создано 33.

На начало 2016 г. РПЦ объединяла уже 293 епархии – на 46 больше, чем в 2013 г., и на 134 больше, чем в 2009 г. За 2013 – 2015 гг. были созданы 24 новых митрополии, и их число достигло 57 [11].

В 2011 – 2013 гг. на основе существовавших на территории юга Западной Сибири пяти епархий РПЦ решениями Синода были образованы: Кузбасская митрополия (26 июля 2012 г.), включающая Кемеровскую, Мариинскую и Новокузнецкую епархии; Новосибирская митрополия (28 декабря 2011 г.), включающая Искитимскую, Карасукскую, Каинскую и Новосибирскую епархии; Омская митрополия (6 июня 2012 г.), включающая Омскую, Искитимскую, Калачинскую и Тарскую епархии; Томская митрополия (12 марта 2013 г.), включающая Томскую и Колпашевскую епархии; из состава Барнаульской и Алтайской епархий выделены в самостоятельную Горноалтайскую епархию приходы Республики Алтай (2 ок-

тября 2013 г.). В Барнаульской епархии было выделено Рубцовское викариатство (16 июля 2013 г.) [12 – 22].

5 мая 2015 г. постановлением Св. Синода была образована Алтайская митрополия. Из Барнаульской епархии были выделены три новые: Бийская, Рубцовская и Славгородская, все четыре вошли в состав новой митрополии [23].

Таким образом, если в 2013 г. на юге Западной Сибири действовали 15 епархий, из них 13 в составе вновь образованных четырех митрополий, то в начале 2016 г. уже 18 епархий, из них 17 в составе пяти митрополий (что составляло примерно 9 % от числа митрополий и около 6 % от числа епархий РПЦ на январь 2016 г.).

В 2013 г. в границах епархий РПЦ юга Западной Сибири существовало более 1060 приходов, около 30 монастырей и скитов, служило около 900 священнослужителей, что составляло около 3 % от количества приходов, монашеских обителей и священнослужителей епархий РПЦ. Сводные данные подсчитаны нами приблизительно, т. к. на сайтах епархий указаны характеристики за разные годы (от октября 2012 до мая 2014), в ряде случаев в рамках одного документа показатели даны некорректно или несущественно отличаются.

На правящих архиереев – 18 епархий, что составляло в январе 2016 г. менее 6 % от общего количества правящих архиереев РПЦ, были возложены сложные задачи: развитие церковных структур на территории новых епархий и митрополий, открытие приходов во всех населенных пунктах, увеличение числа священнослужителей.

Увеличение епархий РПЦ потребовало срочного рекопирования в епископы за 2011 – 2012 гг. 75 архиереев. Если на начало 2011 г. в РПЦ было всего 215 епископов, то в январе 2013 г. – 290 епархиальных и викарных епископов, из них – 225 правящих, т. е. за два года епископский корпус увеличился на 35 % [10].

За период с 01.02.2013 г. по 01.02.2016 г. Синод РПЦ, Синод Украинской Православной Церкви и Синод Русской Зарубежной Церкви избрали 73 архиерея. Епископат РПЦ стал составлять 354 архиерея, из них правящих архипастырей – 282, что на 57 человек больше, чем в 2013 г., и на 133 человека больше, чем в 2009 г., т. е. за 2009 – 2015 гг. численность правящих архиереев РПЦ возросла почти на 90 % [11].

Подчеркнем, что процесс «дробления» епархий и увеличения численности архиереев РПЦ был характерен и для второй половины XIX – начала XX вв., но он шел более медленно и во многом был связан с присоединением новых территорий к Российской империи в указанный период. Так, во второй половине XIX – начале XX вв. на территории империи возникло 13 новых епархий и 42 викариатства, численность архиерейского корпуса РПЦ возросла более чем в два раза: с 70 до 148 человек [24].

На юге Западной Сибири в 2011 – 2015 гг. количество правящих архиереев увеличилось в три раза – с 5 до 18. Значительной проблемой стало понижение образовательного уровня и отсутствие управленческого опыта претендентов на епископские кафедры, которую частично удалось решить путем введения многоуровневого отбора и проведения курсов повышения квалификации для новопоставленных архиереев в общецерковной аспирантуре и докторантуре.

По оценке Д. Руднева, в 2015 г. из 120 правящих и викарных епископов РПЦ в РФ 45 человек приняли монашеский постриг в возрасте до 25 лет, еще 28 человек в возрасте от 25 до 30 лет, что косвенно свидетельствует об их недостаточно зрелом выборе монашества, которое многими воспринимается как неизбежное условие карьеры. В возрасте 35 – 40 лет приняли постриг 7 человек, 41 – 45 лет – 3 человека, 46 – 50 лет – 4 человека. У епископов (без учета митрополитов и архиепископов), имеющих кафедры на территории России, в среднем с момента принятия пострига до епископской хиротонии прошло 14 лет. Средний срок нахождения в монастыре (в том числе в качестве простых насельников) до момента хиротонии – около 5 лет. Из изученных биографий 120 епископов следует, что только 55, то есть меньше половины, вообще являлись насельниками монастырей [4]. Таким образом, в начале XXI в. в РПЦ вновь осложнилась проблема, которая остро проявилась в Российской империи еще в конце XIX – начале XX вв., – проблема разногласия между «монахами по призванию» и «монахами по должности», которую описал в своих воспоминаниях товарищ обер-прокурора Синода князь Николай Жевахов [25].

Отметим, что возраст принятия пострига является формальным критерием «зрелости выбора монашества», т. к. ряд сибирских архиереев приняли постриг в возрасте до 30 лет, но еще в 1960-е – 1980-е гг., когда, учитывая конфессиональную политику и отношение к монашеству в СССР, такой выбор требовал мужества и решимости пострадать за веру. Например, старейший архиерей юга Западной Сибири – митрополит Омский Владимир (Иким) (1940 года рождения) принял монашеский постриг в 1965 г. в возрасте 25 лет. А к примеру, епископ Калачинский Петр (Мансуров), выпускник Московского государственного университета, кандидат биологических наук – в 58 лет в 2012 г. И эти данные не позволяют сделать вывод о более зрелом выборе какого-либо архиерея. Из 18 правящих архиереев епархий РПЦ юга Западной Сибири в возрасте до 25 лет приняли монашеский постриг 6 человек, в возрасте 25 – 30 лет – 5 человек, 35 – 40 лет – 3 человека, 41 – 45 лет – 1 человек, 46 – 50 лет – 2 человека, 58 лет – 1 человек. В среднем с момента принятия пострига до епископской хиротонии прошло немногим более 13 лет. Самый маленький временной отрезок у епископа Новоузенского Владимира (Агибалова) (дата пострига – 27 июля 2014 г., дата епископской хиротонии – 1 сентября 2014 г.), самый большой разрыв у епископа Бийского Серапиона (Дуная) – 26 лет. Из 18 архиереев 12 несли службу в монастырях и скитах, из них 8 занимали должности наместников монашеских обителей.

Так же как в дореволюционный период в начале XXI в. проявилась проблема нехватки управленческих кадров – в начале 2013 г. в РПЦ по официальным данным 13 вновь образованных кафедр были не заняты. Сравнение количества существующих епархий и правящих архиереев позволяет сделать вывод о 22 пустующих кафедрах, которыми, как правило, временно управляли главы митрополий.

На юге Западной Сибири проблема достаточно быстро была решена за счет вновь избранных епископов,

прошедших курсы повышения квалификации в г. Москва «для новопоставленных архиереев». Отметим, что большинство из них закончили духовные семинарии и академии заочно. В епархиях РПЦ юга Западной Сибири на 1 сентября 2014 г. вакантной оставалась одна вновь созданная епархиальная кафедра – Исилькульская, которой управлял митрополит Омский и Таврический Владимир (Иким). С 25 июля 2014 г. на нее был назначен епископ Феодосий (Гажу).

В результате реформы произошло значительное омоложение епископского корпуса. Так, из 18 правящих архиереев на 01.05.2016 г. 7 имели возраст 42 – 45 лет, 4 человека – 46 – 50 лет, 4 человека – 51 – 60 лет, 1 человек – 62 года, 1 человек – 68 лет, 1 человек – 76 лет. Самым молодым епископом является Горноалтайский и Чемальский Каллистрат (Романенко), родившийся 8 августа 1974 г., самым опытным – 76-летний митрополит Омский и Таврический Владимир (Иким). Приведенные данные свидетельствуют о значительном омоложении архиерейского корпуса в изучаемом регионе.

Примечательно, что пять архиереев являлись коренными сибиряками: митрополит Кузбасский Аристарх (Смирнов) родился в г. Кемерово, где закончил среднюю общеобразовательную школу и Кузбасский политехнический институт; епископ Новокузнецкий Владимир (Агибалов) родился в г. Томске, в г. Кемерово закончил среднюю общеобразовательную школу и Кемеровский государственный университет; епископ Рубцовский Роман (Корнеев) родился в г. Белово Кемеровской области; епископ Мариинский Иннокентий (Ветров) родился в г. Томске; епископ Тарский Савватий (Загребельный) – уроженец Омской области. Остальные: уроженцы Москвы и Московской области – 4 человека, центральных регионов России – 5 человек, Украинской ССР – 2 человека, Молдавской ССР – 2 человека. Безусловно, приведенные данные доказывают, что в сибирских епархиях постепенно складывается система подготовки собственных управленческих кадров, хотя причиной избрания епископами большинства из них явилась острая нехватка архиереев, возникшая в ходе реформы административно-территориального устройства РПЦ.

Подробно остановлюсь на характеристиках митрополитов (на 01.05.2016 г. возраст: 53, 57, 58, 67, 76 лет). Четверо из них прошли путь монашеского служения в Троице-Сергиевой лавре (далее – ТСЛ) и все пятеро являлись выпускниками Московской духовной академии (далее – МДА), из них четверо – кандидаты богословия. Все архиереи начали церковное служение в советский период, двое (митрополиты Новосибирский и Омский) занимали епископские кафедры до 1991 г. Например, митрополит Новосибирский Тихон (Емельянов) в 1987 г. был назначен наместником Свято-Данилова монастыря, за восстановление которого награжден Патриаршим крестом, а 25 января 1990 г. решением Синода избран епископом Новосибирским и Барнаульским. В 1995 – 2000 гг. он являлся председателем Издательского совета РПЦ и главным редактором Издательства МП с титулом епископа Бронницкого, викария Московской епархии.

Два митрополита имели опыт зарубежного служения. Митрополит Омский Владимир (Иким) в 1985 г. был хи-

ротонисан в епископа Подольского викария Московской епархии и поставлен настоятелем подворья РПЦ в Карловых Варах, в 1988 г. назначен заместителем председателя отдела внешних церковных связей (далее – ОВЦС), 20 июля 1990 г. был избран епископом Ташкентским и Среднеазиатским, в 2002 г. возведен в сан митрополита, а в 2011 г. назначен на Омскую кафедру.

К числу старейших служителей РПЦ с богатым послужным списком также относится митрополит Алтайский Сергей (Иванников), кандидат богословия, который в 1986 г. был направлен в Эстонскую епархию. В 1987 – 1992 гг. он служил в Пюхтицком монастыре, в 1992 – 2000 гг. был настоятелем соборов в г. Нарва, Таллин. 27 июля 2000 г. он был избран членом Синода Эстонской Православной Церкви МП. В 2002 г. он получил гражданство Эстонской Республики. В 2003 г. был назначен сотрудником ОВЦС, в 2004 г. – членом Русской духовной миссии в Иерусалиме. Позже, в 2006 – 2012 гг. он был назначен настоятелем храма в Праге (Чехия). Решением Синода от 16 марта 2012 г. избран епископом Каменским и Алапаевским, 29 мая 2013 г. назначен епископом Барнаульским и Алтайским, 5 мая 2015 г. назначен управляющим новообразованной Алтайской митрополии.

Среди епископов опыт зарубежного служения также имеют: епископ Бийский Серапион (Дунай), работавший в Астанайской епархии РПЦ (республика Казахстан) и имеющий награды: орден «За заслуги перед Православной Церковью Казахстана» (2013 г.), бронзовую, серебряную и золотую медали Фонда мира (1994, 1995, 1996 гг.); епископ Исилькульский Феодосий (Гажу) 06.10.2011 г. был избран епископом Бишкекским и Киргизским, но в 2014 г. в результате конфликта с правительством Кыргызстана ему было запрещено ведение религиозной деятельности в республике и, по сути, его заставили покинуть страну [26].

Отметим высокий образовательный уровень правящих архиереев: из 18 человек 13 – выпускники духовных академий (9 – МДА, 3 – КДА, 1 – СПбДА), из них 40 %, в основном новопоставленные епископы, получили заочное образование.

Девять архиереев имеют высшее светское образование (в числе организаций высшего образования: Московский институт электронной техники, Московский авиационный институт, Московский государственный университет, Алтайский политехнический институт, Кузбасский политехнический институт, Кемеровский государственный университет, Калининградский государственный университет, Омское высшее общевойсковое дважды Краснознаменное командное училище, Уральская государственная юридическая академия). Из 18 человек пять имеют степень кандидата богословия, один – кандидата биологических наук.

Архиереи являются яркими фигурами, имеющими свои различающиеся взгляды на дальнейшее развитие РПЦ, что тесно связано с ее историей второй половины XX – начала XXI вв. После этапа церковного развития (1959 – 1978), который противники экуменизма называли «никодимовщиной» (по имени митрополита Никодима (Ротова), в 1959 г. назначенного заместителем председателя ОВЦС, а в 1960 – 1972 гг. возглавлявшем отдел,

совет по делам религий и КГБ проводили политику по изоляции фундаменталистов в монастырях и отдаленных приходах. Никто из последователей данного течения не смог стать епископом вплоть до 1990 – 1991 гг. Начиная с середины 1990-х гг., епископские кафедры начали занимать «духовные дети» старцев-фундаменталистов, начавших «борьбу» с экуменизмом. Последующие изменения кадровой политики заключались в том, что если в 1991 – 1997 гг. епископами избирались во многих случаях монашествующие фундаменталистских обителей и консервативное провинциальное духовенство, то с конца 1990 – 2000 гг. новые назначения на архиерейские кафедры стали получать лица с экуменическими взглядами, среди которых было много учеников постоянных членов Синода и их единомышленников с экуменическим прошлым. Группа фундаменталистов внутри епископата, по мнению Н. Митрохина, практически перестала существовать к 2000 г., в т. ч. благодаря последовательной политике Синода [27, с. 185, 189 – 192], а вместе с избранием Патриархом Кирилла (Гундяева) «экуменический курс» руководства РПЦ окончательно утвердился.

Митрополит Новосибирский Тихон – представитель внутрицерковной фундаменталистской группы (в нее также входили епископ Барнаульский Антоний (Масендич), епископ Томский Аркадий (Афонин)). Именно эта группа в середине 1990-х гг. поддержала требование к членам Синода покаяться в «грехе экуменизма», выйти из Всемирного совета церквей, признать святыми Николая II и его семью. При поддержке митрополита Тихона как руководителя Издательского совета МП выходило общественно-политическое обозрение «Радонеж» – одно из влиятельных изданий фундаменталистов. К 2000 г. группа распалась, многие архиереи стали центральными фигурами различных скандалов. Тихон (Емельянов), который занимал пост председателя Издательского совета РПЦ и главного редактора Издательства МП, после недоказанных обвинений в коррупции был возведен в сан архиепископа, награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени за большой вклад в укрепление гражданского мира и возрождение духовно-нравственных традиций и отправлен на Новосибирскую кафедру, которую занимал ранее в 1990 – 1995 гг. [27, с. 185 – 186, 190, 228, 380; 20]. СМИ активно обсуждали позицию митрополита, который в 2012 г. выступал против выставки «эротических» гравюр Пикассо в краеведческом музее г. Новосибирска, в 2014 г. – за изгнание польской рок-группы Behemoth («Чудище»), поддерживая действия православных активистов по противодействию данным мероприятиям. Несмотря на занимаемую позицию, судя по возрастанию числа приходов, монастырей, усилению кадрового состава, взаимодействию с региональными и городскими властями г. Новосибирска, присутствию Церкви в жизни населения, митрополит эффективно управляет митрополией. Его деятельность положительно оценивается Патриархом и Синодом: в 2008 г. он был награжден орденом прп. Серафима Саровского 2 степени, в 2013 г. за усердное служение и в связи с 65-летием – орденом святителя Иннокентия, митрополита Московского 2 степени.

В противовес Тихону митрополит Омский Владимир (Иким) – известный и один из наиболее влиятельных иерархов РПЦ, стоящий на экуменических позициях, автор историко-философских трудов по проблемам развития и взаимодействия мировых религий и цивилизаций, постоянный участник Родосского Форума, посвященного диалогу цивилизаций. Митрополит, сегодня находящийся в полуопадальном положении, являлся значимой фигурой в международных делах РПЦ. Об этом свидетельствуют послужной список и перечень наград: орден дружбы ЧССР (ЧССР, 1988), орден Дружбы народов (к 1000-летию Крещения Руси), орден «Дустлик» (Узбекистан, 2000), орден «Данакер» (Киргизия, 2011), медаль «Данк» (Киргизия, 2000), памятный знак «Узбекистон Республикаси мустақиллиги 20 йил» (Узбекистан, 2011) – за активную и плодотворную деятельность по развитию двустороннего и многостороннего торгово-экономического, инвестиционного, культурного и научно-образовательного сотрудничества с Узбекистаном и в связи с двадцатой годовщиной независимости Республики Узбекистан, международная премия Фонда св. апостола Андрея Первозванного с возложением ордена св. апостола Андрея Первозванного.

Митрополит Владимир (Иким) – последователь митрополита Никодима (Ротова), работал с 1969 г. референтом ОВЦС, в 1972 г. назначен членом ОВЦС, в 1988 г. – заместителем председателя. Он входил в круг близких к Патриарху Пимену служителей РПЦ, которые при Алексее II подверглись опале. Митрополит всегда устанавливал хорошие отношения с руководством государств, в которых служил, последовательно поддерживает государственную политику в религиозной сфере. Он отстаивает уважительное отношение к исламу, считая, что ислам и христианство исповедуют веру в Бога, но идут к цели разными путями [28]. Разделяем оценку Н. Митрохина, которая была дана в начале XXI в. митрополиту Ташкентскому и Среднеазиатскому Владимиру (Икиму): «По своим личным качествам митрополит Владимир – высокоэффективный церковный менеджер, возможно, один из самых богатых архиереев РПЦ, с амбициями, простирающимися далеко за пределы Центральной Азии» [27, с. 547]. В настоящее время, по нашему мнению, наряду с другими факторами возраст является основным ограничителем восхождения митрополита по иерархической лестнице РПЦ (год рождения – 1940 г.).

На фоне внутрицерковной дискуссии 1995 – 2002 гг. в РПЦ сформировалась группа в основном молодых по возрасту епископов и священнослужителей, выступивших оппонентами консерваторам и фундаменталистам, считающих необходимым активное привлечение в РПЦ образованной и «продвинутой» молодежи путем использования понятного ей языка, форм миссионерской и катехизаторской работы (в т. ч. интернет-форумов, рок-фестивалей, туристических и скаутских объединений). Это стало почвой для появления епископов и митрополитов, которые заняли центристскую позицию. Будучи выходцами из братии ТСЛ, сторонниками консервативного толкования монашества, они поддерживают экуменическую позицию Патриарха и руководствуются прагматизмом в управлении своими митрополиями, привлекая мо-

лодых священников и епископов, используя нововведения в работе с верующими, поддерживая баланс между традиционными и новыми формами и методами работы в РПЦ. По нашему мнению, центристские позиции занимают митрополит Томский Ростислав и митрополит Кемеровский Аристарх, несмотря на значительную разницу в их взглядах на вопросы внутрицерковной жизни, стилях управления и личных характеристиках.

Митрополит Ростислав, назначенный в 1993 г. на Магаданскую кафедру, стал одним из самых молодых епископов РПЦ. Будучи епископом Магаданским и Чукотским с 17.07.1997 г. по 29.03.1998 г. он исполнял обязанности временно управляющего Петропавловской и Камчатской епархией. С 23 декабря 1998 г. – епископ Томский и Асиновский, в 2013 г. в связи с образованием Томской митрополии возведен в сан митрополита. Он отличается личной скромностью, нестяжательством, образованностью, его проповеди характеризуются глубиной и ясностью. За время правления Томской епархией (с 2013 г. митрополией) он смог решить внутренние проблемы, наладить эффективное взаимодействие с региональной властью и, что для г. Томска немаловажно, с научно-преподавательским сообществом и образовательными организациями различного уровня. По мнению ряда верующих и священнослужителей, он, благодаря личным качествам и центристской позиции, может стать фигурой, примерившей различные группировки и течения РПЦ [29].

Митрополит Аристарх имеет значительный опыт преподавательской и управленческой работы. Он более 12 лет преподавал в МДА, одновременно занимал должности помощника инспектора Московских духовных школ, старшего помощника проректора по воспитательной работе МДАиС с 1 января 1991 г. до июня 2001 г., когда был переведен в ТСЛ, где нес послушание руководителя архитектурного отдела Патриаршего архитектурно-реставрационного центра, затем – заместителя эконома обители. На Кемеровскую кафедру он был избран в 2006 г. с должности келаря объединенного хозяйства ТСЛ и Московских духовных школ, на которую был назначен 8 октября 2002 г. указом Патриарха Алексия II. Его консервативная позиция в отношении монашества проявилась при обсуждении проекта «Положения о монастырях и монашествующих». Вместе с тем митрополит сумел наладить устойчивое взаимодействие с региональной властью, творческим и научно-педагогическим сообществами, обеспечив устойчивую комплексную поддержку РПЦ. В митрополию были привлечены священнослужители, закончившие МДА и СПбДА. Из-за сотрудничества с представителями иных конфессий (в первую очередь, католиками и мусульманами) он подвергается обвинениям со стороны фундаменталистов в «экуменической ереси» [30].

Подчеркнем, что большинство правящих архиереев – выпускники Московских духовных школ (МДС и МДА) (4 митрополита и Горноалтайский епископ – выходцы из братства ТСЛ), часть из них – «духовные дети» известных старцев – сторонников консервативного подхода к монашеству, стоявших на антиэкуменической позиции. Сторонниками экуменизма были сотрудники ОВЦС, вы-

пускники Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии. Представителей Санкт-Петербургских духовных школ до 2015 г. не было среди правящих архиереев епархий РПЦ юга Западной Сибири. 5 мая 2015 г. епископом Славгородским стал Всеволод (Понич), закончивший Ленинградскую духовную семинарию (1984 г.), Санкт-Петербургскую духовную академию (1999 г.), служивший до назначения в Ростовской епархии.

Несмотря на значительные различия, правящие архиереи в основном являются сторонниками или лояльными по отношению к Патриарху и его политике. В свою очередь, для центра основную роль, наряду с лояльностью, при назначении архиереев и определении отношения к ним играют: их опыт административно-хозяйственной работы, эффективность управления вверенными епархиями и митрополиями, налаживание отношений с региональной властью, обеспечение административной и финансовой поддержки со стороны последней.

Таким образом, обострение проблем, связанное с «дроблением» епархий РПЦ и изменением характеристик архиерейского корпуса, имеет временный характер. Решив в сжатые сроки задачи централизации власти, ослабления оппозиции и конкурентов, руководство РПЦ сознательно пошло на временное снижение качественных характеристик архиерейского корпуса в обмен на быстрый ход начального этапа реформы, которая, несомненно, будет иметь и качественный «отложенный результат» в перспективе. Негативные стороны процесса ярко проявились и при проведении реформы в епархиях РПЦ на юге Западной Сибири, которые являются более «молодыми» и обладают исторически менее развитой организационной и управленческой структурой по сравнению с епархиями центральной части России. Отсутствие региональной системы «выращивания» архиереев приводит к приходу молодых архиереев – уроженцев центральной России, не понимающих местной специфики (в т. ч. взаимодействия с региональной властью) и особенностей развития православия в Сибири.

Процесс изменений численности и характеристик архиерейского корпуса в митрополиях РПЦ юга Западной Сибири развивается в русле общероссийских традиций: идет рост численности и омоложение состава епископов, во главе митрополий поставлены «надежные» архиереи с большим опытом церковного служения, кроме управления митрополиями, они занимают самые значимые епископские кафедры митрополий, вырос уровень общего и духовного образования (что связано как с развитием системы духовного образования, так и с ужесточением требований к уровню духовного образования священнослужителей РПЦ).

В перспективе проводимая реформа должна привести к укреплению системы управления и развитию организационной структуры административно-территориальных единиц РПЦ на юге Западной Сибири, что в свою очередь является необходимым условием эффективного решения задач при достижении основной цели РПЦ как религиозной организации – укрепление веры адептов и распространение православия среди населения Сибири.

Таблица. Правящие архиереи митрополий РПЦ юга Западной Сибири на 01.02.2016 г.

Table. The ruling hierarchs of the Metropolis of the Russian Orthodox Church of the South of Western Siberia (01.02.2016)

	<i>Наименование митрополии/митрополит</i>	<i>Наименование епархии/правлящий архиерей</i>
1.	Алтайская митрополия (обр. 05.05.2015 г.) митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей (Иванников)	Барнаульская епархия, митрополит Сергей (Иванников) Рубцовская епархия, епископ Рубцовский и Алейский Роман (Корнеев) Славгородская епархия, епископ Славгородский и Каменский Всеволод (Понич) Бийская епархия, епископ Бийский и Белокурихинский Серапион (Дунай)
2.	Кузбасская митрополия (обр. 26.07.2012 г.) митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх (Смирнов)	Кемеровская епархия, митрополит Аристарх (Смирнов) Мариинская епархия, епископ Мариинский и Юргинский Иннокентий (Ветров) Новокузнецкая епархия, епископ Новокузнецкий и Таштагольский Владимир (Агибалов)
3.	Новосибирская митрополия (обр. 28.12.2011 г.) митрополит Новосибирский и Бердский Тихон (Емельянов)	Новосибирская епархия, митрополит Тихон (Емельянов) Каинская епархия, епископ Каинский и Барабинский Феодосий (Чашин) Карасукская епархия, епископ Карасукский и Ордынский Филипп (Новиков) Искитимская епархия, епископ Искитимский и Черепановский Лука (Волчков)
4.	Омская митрополия (обр. 07.06.2012 г.) митрополит Омский и Таврический Владимир (Иким)	Омская епархия, митрополит Владимир (Иким) Исилькульская епархия, епископ Исилькульский и Русско-Полянский Феодосий (Гажу) Тарская епархия, Епископ Тарский и Тюкалинский Савватий (Загребельный) Калачинская епархия, епископ Калачинский и Муромцевский Петр (Мансуров)
5.	Томская митрополия (обр. 12.03.2013 г.) митрополит Томский и Асиновский Ростислав (Девятов)	Томская епархия, митрополит Ростислав (Девятов) Колпашевская епархия, епископ Колпашевский и Стрежевский Силуан (Вьюров)
		Горноалтайская епархия (обр. 2.10.2013 г.), епископ Горноалтайский и Чемальский Каллистрат (Романенко)

Примечание: составлена нами на основании данных, размещенных на официальных сайтах митрополий и епархий РПЦ, территориально расположенных на юге Западной Сибири.

Литература

1. Дробление епархий Русской православной церкви. Зачем и почему? // Фома. 10.08.2011. Режим доступа: <http://foma.ru/droblenie-eparxij-russkoj-pravoslavnoj-czerkvi.html> (дата обращения: 02.08.2016).
2. Михаил (Чепель), иеромонах. О некоторых вопросах организации административного управления Русской православной церкви в связи с разукрупнением епархий // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 3 (19). С. 26 – 32. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/4665929.html> (дата обращения: 02.08.2016).
3. От разукрупнения к местной соборности. Эксперты о главных потенциалах церковной жизни // Сайт Свято-Филаретовского православно-христианского института. 01.03.2016. Режим доступа: <http://sfi.ru/sfi-today/article/ot-razukrupneniya-k-mestnoj-sobornosti.html> (дата обращения: 03.08.2016).
4. Руднев Д. Кадровый разнос // Совершенно секретно. 16.06.2015. № 21/350. Режим доступа: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4847/> (дата обращения: 03.08.2016).
5. Руднев Д. Период полураспада // Совершенно секретно. 26.05.2015. № 18/347. Режим доступа: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4806/> (дата обращения: 03.08.2016).
6. Руднев Д. Православная реформация, или русский поп все стерпит // Правая.ру. Радикальная ортодоксия. 20.07.2015. Режим доступа: <http://pravaya.ru/look/23850/> (дата обращения: 03.08.2016).
7. Руднев Д. С клира по нитке // Совершенно секретно. 02.06.2015. № 19/348. Режим доступа: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4823/> (дата обращения: 03.08.2016).
8. Шевченко М. Разукрупнение епархий пойдет на пользу // Православие и мир. 11.08.2011 г. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/maksim-shevchenko-razukrupnenie-eparxij-pojdet-napolzu/> (дата обращения: 03.08.2016).

9. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви». Документ принят 4 февраля 2011 года Архиерейским Собором Русской Православной Церкви // Русская православная церковь: сайт. 04.02.2011. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1402551.html> (дата обращения: 02.08.2016).
10. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2013 года) // Русская православная церковь: сайт. 03.02.2013. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html> (дата обращения: 02.08.2016).
11. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2016 года) // Русская православная церковь: сайт. 02.02.2016. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4366063.html> (дата обращения: 02.08.2016).
12. Официальный сайт Барнаульской епархии. Режим доступа: <http://altai.eparhia.ru> (дата обращения: 03.08.2016).
13. Официальный сайт Горноалтайской епархии. Режим доступа: <http://eparhia-gorniyaltay.ru> (дата обращения: 03.08.2016).
14. Официальный сайт Каинской епархии. Режим доступа: kainsk-eparhia.ru (дата обращения: 03.08.2016).
15. Официальный сайт Калачинской епархии. Режим доступа: kalachinsk-eparhia.ru (дата обращения: 03.08.2016).
16. Официальный сайт Колпашевской епархии. Режим доступа: svjatoynarym.ru (дата обращения: 03.08.2016).
17. Официальный сайт Кузбасской митрополии. Режим доступа: <http://mitropolit.info> (дата обращения: 03.08.2016).
18. Официальный сайт Мариинской епархии. Режим доступа: mariinsk-eparhia.ru (дата обращения: 03.08.2016).
19. Официальный сайт Московского Патриархата. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 03.08.2016).
20. Официальный сайт Новосибирской митрополии. Режим доступа: <http://nskmitropolia.ru> (дата обращения: 03.08.2016).
21. Официальный сайт Омской митрополии. Режим доступа: <http://omsk-eparhiya.ru> (дата обращения: 03.08.2016).
22. Официальный сайт Томской епархии. Режим доступа: <http://pravoslavie.tomsk.ru> (дата обращения: 03.08.2016).
23. Официальный сайт Алтайской митрополии. Режим доступа: <http://www.altai-eparhia.ru> (дата обращения: 03.08.2016).
24. Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 48 с.
25. Жевахов Н. Д., князь. Воспоминания: в 2-х т. М.: Родник, 1993.
26. Без епископа осталась Бишкекская и Кыргызская епархия // Аргументы недели. Кыргызстан. 27.06.2014. Режим доступа: <http://www.aif.kg/novosti/obschestvo/7594-bez-episkopa-ostalas-bishkekskaya-i-kyrgyzstanskaya-eparhiya.html> (дата обращения: 02.08.2016).
27. Митрохин Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. Изд. 2-е. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 656 с.
28. Иким В. З. А друзей искать на Востоке. Православие и Ислам: противостояние или содружество? М.: ВАГ-РИУС, 2001. 25 с.
29. Навстречу Поместному собору. Православный форум ИПЦ Калужской епархии. Сообщение от 27.12.2008. Режим доступа: <http://www.forum.izglubinki.ru/index.php?action=printpage;topic=355.0> (дата обращения: 02.08.2016).
30. Митрополит Аристарх – проповедник ереси экуменизма? // livejournal.com. 06.04.2013. Режим доступа: <http://rocorrus.livejournal.com/152726.html> (дата обращения: 02.08.2016).

CHANGE OF THE NUMBER AND SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE EPISCOPAL DIOCESES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Vladislav A. Ovchinnikov^{1, @}

¹ Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, 38a, Tukhachevskogo Ave., Kemerovo, Russia, 650070
@ rpsib@rambler.ru

Received 18.10.2016.

Accepted 25.01.2017.

Keywords: the Russian Orthodox Church, Archdiocese, diocese, Bishop, the South of Western Siberia.

Abstract: The article is based on the comparative analysis of regulatory and administrative documents, record keeping and information and reference materials, periodicals and Internet resources. The author identifies the causes, determines the performance, features and results of the process of changing the size and characteristics of the Episcopal body of Russian Orthodox Church dioceses in the south of Western Siberia at the beginning of the XXI century. The process in question was directly related to the reform of "splitting" the dioceses of the Russian Orthodox Church in 2011 – 2015. It proceeded in line with national trends, but had a number of negative consequences for the dioceses of the region due to the fact that they being "young" had a less developed organizational and management structure, material and economic basis compared with the dioceses of the European part of Russia. The reform, which has a positive deferred effect on the ROC, at the target stage, led to an increase in the number of dioceses and ruling bishops from 5 to 18, to the rejuvenation of the Episcopal body while reducing the level of theological education, management experience and monastic life. Based on the analysis of the reform the author presupposes what impact the results will have on strengthening the management and development of the organizational structure of the ROC administrative-territorial units in the south of Western Siberia.

For citation: Ovchinnikov V. A. Izmenenie chislennosti i sotsial'no-demograficheskikh kharakteristik arkhieiereiskogo korpusa eparkhii Russkoi pravoslavnoi tserkvi na iuge Zapadnoi Sibiri v nachale XXI v. [Change of the Number and Socio-demographic Characteristics of the Episcopal Dioceses of the Russian Orthodox Church in the South of Western Siberia at the Beginning of the XXI Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 50 – 58. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-50-58.

References

1. Droblenie eparkhii Russkoi pravoslavnoi tserkvi. Zachem i pochemu? [The subdivision of dioceses of the Russian Orthodox Church. And why?]. *Foma = Foma*, 10.08.2011. Available at: <http://foma.ru/droblenie-eparxij-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi.html> (accessed 02.08.2016).
2. Mikhail (Chepel'), priestmonk. O nekotorykh voprosakh organizatsii administrativnogo upravleniia Russkoi pravoslavnoi tserkvi v sviazi s razukrupnieniem eparkhii [About some questions of the organization of administrative management of the Russian Orthodox Church in connection with the unbundling of the dioceses]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu = On the way to a civil society*, no. 3(19) (2015): 26 – 32. Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/4665929.html> (accessed 02.08.2016).
3. *Ot razukrupneniia k mestnoi sobornosti. Eksperty o glavnykh potentsialakh tserkovnoi zhizni* [From the unbundling of the local catholicity. Experts about the main potentials of Church life]. 01.03.2016. Available at: <http://sfi.ru/sfi-today/article/ot-razukrupneniya-k-mestnoj-sobornosti.html> (accessed 03.08.2016).
4. Rudnev D. Kadrovyi raznos [Personnel separation]. *Sovershenno sekretno = Top secret*, no. 21/350 (16.06.2015). Available at: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4847/> (accessed 03.08.2016).
5. Rudnev D. Period poluraspadka [The period of polarizada]. *Sovershenno sekretno = Top secret*, no. 18/347 (26.05.2015). Available at: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4806/> (accessed 03.08.2016).
6. Rudnev D. Pravoslavnaia reformatsiia, ili russkii pop vse sterpit [Reformation Orthodox, or Russian pop all endure]. *Pravaia.ru. Radikal'naia ortodoksiia = Prevage. Radical Orthodoxy*, 20.07.2015. Available at: <http://pravaya.ru/look/23850/> (accessed 03.08.2016).
7. Rudnev D. S klira po nitke [With clergy on a string]. *Sovershenno sekretno = Top secret*, no. 19/348 (02.06.2015). Available at: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4823/> (accessed 03.08.2016).
8. Shevchenko M. Razukrupnenie eparkhii poidet na pol'zu [The breaking up of the dioceses will benefit]. *Pravoslavie i mir = Orthodoxy and the world*, 11.08.2011. Available at: <http://www.pravmir.ru / maksim-shevchenko-razukrupnenie-eparxij-pojdet-napolzu/> (accessed 03.08.2016).
9. *Opreделение Osviashchennogo Arkhiereiskogo Sobora Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi «O voprosakh vnutrennei zhizni i vneshnei deiatel'nosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi»* [The definition of the Consecrated Synod of bishops of the Russian Orthodox Church "On matters of internal life and external activities of the Russian Orthodox Church"]. Adopted on 4 February

2011, the Council of bishops of the Russian Orthodox Church. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1402551.html> (accessed 02.08.2016).

10. *Doklad Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Kirilla na Arkhiereiskom Sobore Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (2 fevralia 2016 goda)* [The report of the Patriarch of Moscow and all Russia Kirill at the Council of bishops of the Russian Orthodox Church (2 February 2016)]. 03.02.2013. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html> (accessed 02.08.2016).

11. *Doklad Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Kirilla na Arkhiereiskom Sobore Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (2 fevralia 2016 goda)* [The report of the Patriarch of Moscow and all Russia Kirill at the Council of bishops of the Russian Orthodox Church (2 February 2016)]. 02.02.2016. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4366063.html> (accessed 02.08.2016).

12. *Ofitsial'nyi sait Barnaul'skoi eparkhii* [Official site of the Barnaul diocese]. Available at: <http://altai.eparhia.ru> (accessed 03.08.2016).

13. *Ofitsial'nyi sait Gornoaltaiskoi eparkhii* [Official website of the diocese Gornoaltay]. Available at: <http://eparhia-gorniyaltay.ru> (accessed 03.08.2016).

14. *Ofitsial'nyi sait Kainskoi eparkhii* [Official website Kansk diocese]. Available at: kainsk-eparhia.ru (accessed 03.08.2016).

15. *Ofitsial'nyi sait Kalachinskoi eparkhii* [Official website of the diocese of Kalachinsk]. Available at: kalachinsk-eparhia.ru (accessed 03.08.2016).

16. *Ofitsial'nyi sait Kolpashevskoi eparkhii* [Official website of the diocese Kolpashevo]. Available at: svjatoynarym.ru (accessed 03.08.2016).

17. *Ofitsial'nyi sait Kuzbasskoi mitropolii* [Official site of the Kuzbass Metropolia]. Available at: <http://mitropolit.info> (accessed 03.08.2016).

18. *Ofitsial'nyi sait Mariinskoi eparkhii* [Official site of the Mariinsk diocese]. Available at: mariinsk-eparhia.ru (accessed 03.08.2016).

19. *Ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata* [The official website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru> (accessed 03.08.2016).

20. *Ofitsial'nyi sait Novosibirskoi mitropolii* [Official website of the Novosibirsk Metropolitan]. Available at: <http://nskmitropolia.ru> (accessed 03.08.2016).

21. *Ofitsial'nyi sait Omskoi mitropolii* [Official site of Omsk Metropolia]. Available at: <http://omsk-eparhiya.ru> (accessed 03.08.2016).

22. *Ofitsial'nyi sait Tomskoi eparkhii* [Official site of Tomsk diocese]. Available at: <http://pravoslavie.tomsk.ru> (accessed 03.08.2016).

23. *Ofitsial'nyi sait Altaiskoi mitropolii* [Official site of the Altai metropolis]. Available at: <http://www.altai-eparhia.ru> (accessed 03.08.2016).

24. Koniuchenko A. I. *Pravoslavnoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka*. Avtoref. diss. doktora ist. nauk [The Orthodox clergy of Russia in the second half of XIX – early XX century. Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Cheliabinsk, 2006, 48.

25. Zhevakhov N. D. *Vospominaniia* [Memory lane]. Moscow: Rodnik, 1993.

26. Bez episkopa ostalas' Bishkekskaia i Kyrgyzskaia eparkhiia [Without the Bishop left the Bishkek and Kyrgyz eparchy]. *Argumenty nedeli. Kyrgyzstan = The case of the week. Kyrgyzstan*, 27.06.2014. Available at: <http://www.aif.kg/novosti/obschestvo/7594-bez-episkopa-ostalas-bishkekskaya-i-kyrgyzstanskaya-eparhiya.html> (accessed 02.08.2016).

27. Mitrokhin N. A. *Russkaia pravoslavnaia tserkov': sovremennoe sostoianie i aktual'nye problemy* [Russian Orthodox Church: contemporary condition and current problems]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006, 656.

28. Ikim V. Z. *A druzei iskat' na Vostoke. Pravoslavie i Islam: protivostoianie ili sodruzhestvo?* [And to look for friends in the East. Christianity and Islam: confrontation or cooperation?]. Moscow: VAGRIUS, 2001, 25.

29. *Navstrechu Pomestnomu soboru. Pravoslavnyi forum IPTs Kaluzhskoi eparkhii*. Soobshchenie ot 27.12.2008 [Meet local Cathedral. Orthodox forum the CPI in the Kaluga diocese. A message from 27.12.2008]. Available at: <http://www.forum.izglubinki.ru/index.php?action=printpage;topic=355.0> (accessed 02.08.2016).

30. Mitropolit Aristarkh – propovednik eresi ekumenizma? [Metropolitan Aristarkh – preacher heresy of ecumenism?]. *livejournal.com*, 06.04.2013. Available at: <http://rocorrus.livejournal.com/152726.html> (accessed 02.08.2016).

УДК 94(571.17) «1937»:343.43:622.333

ЧИСТКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУЗБАССА В 1937 г.

Сергей А. Папков^{1, @}

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 630090, г. Новосибирск,
ул. Николаева, 8
@ sparkov@ya.ru

Поступила в редакцию 11.11.2016.
Принята к печати 29.12.2016.

Ключевые слова: Кузбасс, инженерно-технические кадры, угольная промышленность, аресты, показательные процессы, Большой террор, руководители комбината.

Аннотация: В статье анализируются взаимоотношения советского режима с инженерно-техническими и управленческими кадрами на примере одного из крупнейших предприятий СССР. Рассматриваются основные фазы уголовно-политических преследований специалистов в Кузбассе, начиная с «Шахтинского процесса» 1928 г., а также общие масштабы репрессий руководящего персонала угольной отрасли в период Большого террора. Автор отмечает тесную взаимосвязь советской (большевистской) модели экономического развития с применением массовых карательных мер в отношении специалистов. Подчеркивается тот факт, что, не обладая необходимым опытом и управленческими знаниями, советское руководство систематически прибегало к террору в качестве способа преодоления хозяйственного хаоса и возникающих трудностей. Наряду с этим даются оценки политического поведения некоторых региональных руководителей, связанных с кампанией террора. Приводятся новые архивные данные об их трагической судьбе. Формулируется вывод о необходимости расширять источниковую базу для более глубокого исследования репрессий на предприятиях Кузбасса.

Для цитирования: Папков С. А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 59 – 63. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-59-63.

Изучению промышленного освоения Кузнецкого бассейна в советский период посвящена обширная историография. С эпохи 1930-х г. по этой тематике были изданы десятки монографий, сборников документов и сотни специальных статей, проводились регулярные конференции и научные дискуссии. Между тем некоторые значимые аспекты по разным причинам упускались из виду или просто игнорировались из политических и пропагандистских соображений, в результате чего из исторической памяти оказались надолго изъяты целые пласты крупных событий и общественных процессов, забыты многие советские деятели и организаторы производства.

К числу малоизученных проблем истории Кузбасса, несомненно, относятся события 1937 – 1938 гг., связанные с кампанией массового преследования и физического уничтожения различных «враждебных элементов» и общественных групп, включая также слой советских управленцев. В данной статье ставится задача показать характер и масштаб политической чистки руководящих кадров угольной отрасли Кузбасса на одном лишь отрезке сталинской террористической операции – в 1937 г. Одновременно с этим – представить новые данные о некоторых региональных деятелях партии и государства, ставших жертвами политического террора, как и тысячи других сограждан.

В период реконструкции угольная промышленность Кузбасса занимала ведущее положение в экономике Восточной части СССР. В этой отрасли в Сибири концентрировались десятки тысяч рабочих и инженерно-технических кадров, прибывавших из многих районов Советской России. В 1937 г. здесь действовало 35 шахт в составе восьми крупных угольных трестов с 35-ю тысячами производственных рабочих и сотнями специалистов различной квалификации. Огромный угледобывающий

комплекс – «Кузбассуголь» – был тесно связан с обширным количеством больших и малых промышленных предприятий, с железнодорожным и водным транспортом, с городами Западной Сибири, Урала и регионами Средней Азии [1, с. 40; 2, с. 106; 3, с. 232; 4, с. 43; 5, с. 370].

Эффективная работа и технологический прогресс в «Кузбассугле» зависели прежде всего от тех, кто обладал специальными знаниями и квалификацией, кто способен был наладить повседневную работу шахт и рудников, т. е. от инженеров, техников, механиков и других организаторов производства. Проблема, однако, состояла в том, что в этой части руководству СССР не удавалось достичь стабильного и приемлемого положения. Советские методы использования специалистов, способы стимулирования их труда и социального обеспечения сводились в основном к пропагандистским средствам и диктату, порождая в итоге огромную текучесть кадров. Постоянное стихийное перемещение управленческих кадров, напряженный поиск нужных людей для организации нормальной работы производства являлись хронической болезнью угольной отрасли (таблица).

Эти данные – свидетельство невероятного хаоса, царившего на одном из крупнейших советских комбинатов. В течение нескольких лет индустриализации отрасль ежегодно теряла почти такое же число специалистов, какое поступало вновь. За четыре года в Кузбасс прибыло около 1800 инженеров и техников, а убыло свыше 1600, т. е. фактически закрепилось на шахтах и рудниках всего 168 специалистов – очень выразительный итог советского метода хозяйствования в условиях государственного планирования. Вполне очевидно, что при такой текучести персонала технический прогресс мог поддерживаться лишь каким-то чудесным способом,

а рентабельность угледобычи обеспечиваться за счет высокой стоимости добываемого сырья и интенсивной эксплуатации живого труда, включая принудительный труд

шахтеров-заключенных, спецпереселенцев из крестьян и деклассированных элементов.

Таблица 1. Динамика текучести инженерно-технических кадров на комбинате «Кузбассуголь» в 1934 – 1937 гг. (человек) [6, л. 53]

Table 1. Stuff turnover among engineers at Kuzbassugol plant in 1934 – 1937 (people) [6, p. 53]

Период		Инженеров	Техников	Всего специалистов
1934	Прибыло/Выбыло	186/116	144/268	352/414
1935	Прибыло/Выбыло	201/161	332/263	532/438
1936	Прибыло/Выбыло	229/211	286/234	529/465
1937 (до 1 ноября)	Прибыло/Выбыло	167/107	209/197	376/304
Итого за 1934 – 1937	Прибыло/Выбыло	783/596	971/962	1789/1621

Картина становится еще мрачнее, если принять во внимание невероятную текучесть рабочих рук на комбинате. В этой сфере положение было просто катастрофическим. В 1937 г., когда обозначились признаки некоторой стабилизации, текучесть рабочих на производстве в «Кузбассугле» достигала почти 100 %: прибыло 43133 человека, а убыло 42058 (при среднесписочном количестве рабочих в 35 тыс.). За 9 месяцев 1938 г. уволилось 26310, а было принято 25752 рабочих [7, л. 179 об., 257]. Колоссальные размеры этой стихии превратились в решающий фактор развития угольной отрасли Сибири на длительный период.

Инструментом преодоления возникающих проблем и способом контроля за производством служили систематические чистки и аресты управленческих кадров. Чистки на предприятиях Кузбасса не прекращались никогда, начиная с первых лет советской власти. Аресты, расстрелы, временные амнистии и опять аресты – это странное чередование карательно-судебных мер сопровождало жизнь советских специалистов весь сталинский период как своеобразный регулятор их социального поведения и труда. Репрессии обострялись в моменты политических или хозяйственных кризисов и ослабевали, когда жертв становилось слишком много или цель устрашения считалась достигнутой.

Важной фазой преследования инженеров и техников был 1928 г., когда в обстановке нарастающего социального и экономического кризиса в стране сталинское руководство спровоцировало в среде рабочих очередную волну «спецееских настроений». Результатом атаки на специалистов дореволюционной школы в этот год стали аресты и инсценировка показательного уголовного Шахтинского процесса по делу «инженеров-вредителей». Процесс имел очень широкий политический резонанс по всей стране, в том числе и в Кузбассе, где также вызвал серию арестов инженерно-технических работников. Главный инженер треста «Сибуголь» М. С. Строилов в эти дни сообщал управляющему трестом Я. К. Абрамову, что 3 июля органами ОГПУ были арестованы пять инженеров-строителей и техник-строитель. «Недели две тому назад, – писал он, – конструктор и производитель работ освобождены, а остальные четыре инженера сидят под арестом до сих пор. (...) 6 июля были арестованы дополнительно еще три инженера: зав. планово-отчетной частью, зав. проектной частью, зав. проектно-плановым бюро, не считая, что арестован еще нач. спасательной станции, главный бухгалтер; был обыск и, наверное, арестуют одного из зав. шахтой...» [8, с. 114].

(Прим. автора: Строилов Михаил Степанович – 1899 г. р. Горный инженер. В 1927 – 1928 – зам. главного инженера Кузбасстреста. С 09.1928 – главный инженер Анжеро-Судженского управления. В 1931 – 1934 – зам. начальника, затем начальник управления рационализации и исследовательских работ объединения «Кузбассуголь». В 1935 – 1936 – гл. инженер и зам. управляющего трестом «Кузбассуголь». Изобрел и внедрил серию механизмов, значительно повысивших угледобычу в Кузбассе. 21.09.1936 г. арестован. Осужден Военной Коллегией Верховного суда СССР 08.09.1941 к ВМН. Расстрелян 11.09.1941.

Абрамов Яков Константинович – 1895 г. р. Горный техник. В 1919 – 1922 – помощник заведующего угольной шахтой в Кузбассе, секретарь Анжерского комитета РКП(б). В 1928 – 1930 – председатель правления треста «Сибуголь» (Новосибирск). В 1930 – 1931 – председатель правления треста «Востокуголь» (Иркутск), затем управляющий трестом «Уралуголь». В 1933 – 1935 – управляющий трестом «Кизелуголь». В 1936 – управляющий трестом Шахтстрой (Донецкая обл.). В декабре 1936 снят с должности; арестован. 22.03.1937 расстрелян).

Атмосфера угнетения и политического психоза в отношении специалистов царил и после 1928 г. В ноябре 1929 г. заместитель руководителя треста «Сибуголь» И. Н. Котин жаловался в Сибкрайисполком, что «административно-технический персонал все время находится на положении уголовного преступника в ожидании, что не сегодня-завтра он попадет под суд» [8, с. 115].

(Прим. автора: Котин Иван Никанорович – 1889 г. р. Горнорабочий. С ноября 1924 – управляющий Кузнецким угольным бассейном. В 1927 – 1928 – председатель правления Автономной индустриальной колонии (АИК-Кузбасс), председатель правления треста «Кузбассуголь». В 1928 – 1929 – зам. председателя правления «Сибуголь». С 1930 – начальник управления капитального строительства; зам. управляющего объединением «Кузбассуголь». В 1937 – управляющий трестом «Дальтрансуголь». Застрелился).

Новая широкая волна арестов последовала в 1936 г. После катастрофического подземного взрыва на шахте «Центральная» Кемеровского района 23 сентября 1936 г., повлекшего гибель и ранение более двух десятков рабочих, началась крупная чекистская операция по выявлению «инженеров-вредителей» в Кузбассе. Аресту подверглись десятки специалистов-угольщиков. В тюремных камерах НКВД оказались не только инженеры взорвавшейся шахты – И. И. Носков, Н. С. Леоненко, И. Е. Коваленко,

М. И. Куров, В. М. Андреев, И. Т. Ляшенко, но и руководители других подразделений: главный инженер рудоправления И. А. Пешехонов, главный инженер комбината «Кузбассуголь» М. С. Строилов и некоторые другие. Итогом этой фазы преследования управленцев стал показательный судебный процесс в ноябре 1936 г. в Новосибирске (известный как «Кемеровский процесс»). Группа инженеров была обвинена в организации вредительства на шахтах, сознательном отравлении рабочих газом, в связях с германской разведкой и приговорена к расстрелу, а еще часть – к длительному заключению в лагерях ГУЛАГа (подробнее см. [8]).

Но в 1937 г. репрессии приняли совершенно новые формы. Содержанием чистки стали теперь не единичные чекистские спецоперации, а широкие и систематические изъятия «враждебных элементов» по определенной схеме – на основе особых квот (планов Политбюро для каждой области и края) и специальной программы обновления кадрового состава [9]. На официальном советском языке кампания 1937 г. именовалась «мероприятиями по очистке партийно-государственного аппарата от классово-чуждых и шпионо-вредительских элементов». К тому моменту как кампания приняла наивысшие масштабы (лето – осень 1937 г.) жертвами ее уже были многие специалисты, включая основных руководителей «Кузбассуголя». В августе был смещен и арестован начальник управления Ю. М. Юнов. В октябре 1937 г. в Москве арестовали его предшественника – Л. И. Плеханова, занимавшего в это время высокий пост в Наркомате оборонной промышленности.

(Прим. автора: Юнов (Новогрудский) Юлий Маркович – 1895 г. р. В 1918 – 1920 – рабочий на химических фабриках в Варшаве, Ростове-на-Дону, Харькове. В 1926 – 1929 – заведующий отделом в тресте «Донуголь» (Харьков). В 1929 – 1930 – зам. управляющего трестом «Кадиевуголь» (Кадиевка, Сталино). В 1930 – 1931 – управляющий трестом «Сталинуголь» (Харьков). В 1931 – 1933 – зам. управляющего трестом «Карагандауголь». В 1933 – 1934 – инженер сектора Донбасса в управлении «Главуголь» (Москва). В 1934 – 1936 – начальник управления «Бурейстрой» (Благовещенск). 12.1936 – 08.1937 – управляющий комбинатом «Кузбассуголь» (Новосибирск). Снят с должности, арестован.

Плеханов Леонид Иванович – 1898 г. р. Инженер. В 1921 – председатель Майкопского окр. исполкома. В 1930 – председатель стекольного треста (Москва). В 1931 – 1932 – зам. директора Московско-Курской ж. д. (Москва). В 1932 – 1934 – зам. управляющего комбинатом «Кузбассуголь» (Новосибирск). 04.1934 – 12.1936 – управляющий комбинатом «Кузбассуголь». В 1937 – начальник инспекции Наркомата оборонной промышленности СССР. 15.10.1937 арестован по обвинен. во вредительстве и к. р. деятельности. Осужден Военной Коллегией Верховного суда СССР 26.11.1937 к ВМН. Расстрелян в тот же день).

Осенью 1937 г. управляющим комбинатом впервые был назначен не специалист отрасли, а партработник – 32-х-летний В. Я. Принцев, который до сих пор руководил отделом в крайкоме ВКП(б) в Новосибирске и активно участвовал в травле своих предшественников, в частности, в смещении начальника комбината Юнова. Теперь же ему предстояло продолжить систематическую чистку аппарата управления. Однако получив должность руководителя, а с нею и ответственность за положение дел на угольном комбинате, Принцеву пришлось изменить свое отношение

к террору. Явно осознавая последствия дальнейших арестов, он не захотел становиться марионеткой карательной машины и в период наиболее интенсивной фазы арестов начал протестовать. В начале декабря 1937 г. он подал письменное заявление в бюро Новосибирского обкома ВКП(б), в котором поставил вопрос «об огульном исключении коммунистов из партии» по вине областных руководителей. Это был очень смелый шаг. Заявление не только противоречило самой сути развернутой кампании, но и было явным демаршем против секретаря обкома И. И. Алексеева, от которого поступали санкции на исключение из партии и аресты.

(Прим. автора: Принцев Вадим Яковлевич – 1905 г. р. В 1921 – 1922 – столяр на железной дороге. В 1923 – 1924 – секретарь Зиминского уездного комитета РКСМ (Иркутская губ.). В 1924 – 1925 – секретарь Ойротского обкома ВЛКСМ (с. Улала). В 1925 – 1928 – секретарь Уймонского аймачного комитета ВКП(б); инструктор обкома РКП(б); заведующий отделом Ойротского обкома ВКП(б). В 1929 – 1930 – заведующий отделом по работе в деревне, заведующий орг. отделом Бийского окружного ВКП(б); инструктор Сибкрайкома ВКП(б). В 1930 – 1932 – заведующий орг. отделом, затем секретарь Омского горкома ВКП(б). В 1934 – 1937 – заведующий отделом промышленности и транспорта Зап.-Сиб. крайкома ВКП(б). В 1937 – 1938 – зам. управляющего, управляющий (с 10.1937) комбинатом «Кузбассуголь». 02.03.1938 арестован. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 13.11.1938 к ВМН. Приговор отменен. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 27.09.1941 приговорен к 8-ми годам ИТЛ «за принадлежность к контрреволюционной вредительской организации». Вновь арестован в 1949, отправлен в ссылку. Реабилитирован в 1955 г.)

Как руководитель крупного предприятия Принцев располагал многими сведениями о кадровой проблеме и представлял реальную картину террора в Кузбассе. В одной из секретных записок в обком партии он сообщал, что в течение 1937 г. (исключая декабрь) «в порядке очистки аппарата» из центрального управления «Кузбассуголя» был снят 61 человек, из них 21 арестованы. А с руководящей работы в трестах, шахтах и механических заводах снято 57 человек, из них арестовано 40 человек» [6, л. 50].

В числе изъятых «вредителей» и «врагов народа» Принцев методично (по каждому кварталу года) перечислял основных должностных лиц, словно речь шла о плановых перемещениях: «Управляющих трестами снято 6 человек, из них арестовано – 5 человек. Главных инженеров трестов снято 3 человека, из них арестовано 2. Пом. управляющих трестами снято 6 человек, из них арестовано 4. Главных механиков трестов снято 3 человека, из них арестован 1. Управляющих шахтами снято 21 человек, из них арестовано 13. Главных инженеров шахт снято 12 человек, из них арестовано 10. Директоров и главных инженеров мехзаводов снято 6 человек, из них арестовано 5».

К этой поразительной статистике управляющий комбинатом добавлял также сведения по вспомогательным участкам комбината: «За этот же год из состава работников остальных ответственных работ в трестах, шахтах, мехзаводах арестовано (по неполным данным) 148 человек, из них: в 1-м квартале – 7 человек, 2-м – 19 человек, 3-м – 48, 4-м – 74».

Полными сведениями не располагал даже главный начальник. Но и без них было вполне очевидно, что число

арестов в «Кузбассугле» росло поступательно и к декабрю достигло максимальных (за 1937 г.) значений. Поэтому общие данные кадровых потерь, представленные руководителем комбината, следует дополнить как минимум еще несколькими десятками репрессированных специалистов.

Список изгнанных и арестованных включал работников многочисленных служб и отделов. Кроме начальника комбината М. Ю. Юнова, продержавшегося в должности около 9-ти месяцев, в нем фигурировали сотрудники центрального аппарата, у каждого из которых имелись «компрометирующие биографические данные»: инженеры В. К. Статкевич («бывший дворянин»), И. С. Загоровский («в 1917 – 1922 состоял членом еврейской компартии»), П. И. Ржандковский («из почетных граждан»), В. В. Галинский («из дворян, быв. офицер, служил в белой армии»), К. А. Ушаков («выслан по ст. 58-7 на 10 лет»), С. И. Косов («прапорщик в старой армии»), главный механик комбината Ф. П. Двинин («вредитель»), начальник транспортного отдела Е. С. Немировский («работал в германских фирмах, был в Германии, Китае»), начальник Углеснаба Б. Е. Любомирский («исключен из партии за контрреволюционные связи») и масса других специалистов – инженеров, техников, экономистов, механиков, конструкторов, научных сотрудников, консультантов, инспекторов, юристов, секретарей...

К началу 1938 г. количество специалистов Кузбасса – жертв террора исчислялось сотнями. Места изъятых «врагов» заняли новые лица, с гораздо меньшим профессиональным стажем и меньшим опытом управления. Однако Сталин потребовал продолжить массовую операцию и «очищение» управленческого аппарата. Рассылая в этот период секретные телеграммы в обкомы и крайкомы, сам Сталин предпочитал оставаться в тени. Поэтому новая атака на местные кадры, возобновившаяся по указанию из Москвы, выглядела как очередная инициатива секретарей обкомов и начальников управлений НКВД. Именно так воспринимал ситуацию и управляющий комбинатом В. Я. Принцев. Когда массовые аресты в «Кузбассугле» вновь приняли характер эпидемии, он опять увидел в этом руку секретаря Алексева. В феврале 1938 г. он обратился с письмом к наркому Л. М. Кагановичу в надежде остановить произвол. В своем письме Принцев сообщал об «обстановке огульного недоверия и методах избиения партийного, советского и хозяйственного актива, созданной в Новосибирске секретарем обкома Алексеевым».

Естественно, что инициатива управляющего была воспринята как открытый вызов первому секретарю. Через месяц Принцев был арестован. Как и других управленцев комбината, его поместили в Новосибирскую тюрьму УНКВД и развернули длительное чекистское следствие по делу о вредительстве. Он обвинялся в принадлежности к правотроцкистской организации, а также в целой серии преступных действий с участием сообщников [6, л. 47]: в январе 1938 г. через участника организации Кузьмича [главный инженер комбината, также арестован – С. П.] подготовил и осуществил взрыв на шахте им. Сталина; готовил взрыв динамитного склада; передавал указания Эйхе [секретарь крайкома ВКП(б), арестован в апреле 1938, расстрелян в феврале 1940 – С. П.] о введении вредительской камерно-столбовой системы выработок; проводил повстанческую работу; срывал выполнение правительственных директив о ликвидации хищнических систем угледобычи и внедрению новых систем с закладкой;

задерживал строительство закладочных карьеров в основных районах Кузбасса; путем сокращения кредитов срывал жилищное строительство, создавал условия для нарушения техники безопасности на шахтах, в результате чего число несчастных случаев за период его работы в Кузбассе резко возросло. В 3-м квартале 1937 г. несчастных случаев было 4488, а в 4-м квартале 1937 г. – 4799, в 1-м квартале 1938 – 5337 несчастных случаев.

Строго говоря, Принцеву предстояло понести уголовную ответственность за все провалы и ошибки, допущенные сталинским правительством и прежними начальниками в освоении Кузнецкого бассейна.

Поскольку Принцев не был немедленно расстрелян, как это происходило в 1937 г. в отношении большинства арестованных руководителей, и в то же время открылись возможности для осторожного пересмотра дел, он начал бороться за свою жизнь. Принцев стал обращаться с письмами и заявлениями в различные судебные инстанции, а также в Новосибирский обком ВКП(б) и одновременно к Л. М. Кагановичу – своему бывшему непосредственному начальнику в правительстве. В одном из них Принцев сообщал подробности о своем пребывании в следственной тюрьме НКВД: «...Меня 58 суток непрерывно держали на допросе, не выпуская из кабинета следователя, десятками суток подряд не давали ни минуты спать, по несколько суток держали совершенно без пищи, ...одевали наручники и ставили в угол на «выстойку», били и т. п. В итоге таких методов морально-физического воздействия я был доведен до жуткого состояния, начались припадки сумасшествия, галлюцинации и т. п., и я, конечно, оказался слабовольным человеком и доведенным до отчаяния подписал всю ложь и клевету, которую от меня требовали (...).

Лазарь Моисеевич! Я Вас прошу одного – вмешайтесь пожалуйста, пошлите провести глубокую проверку работы УНКВД НСО, ибо здесь вольно или невольно делается злое, черное контрреволюционное дело, заставьте вновь провести по моему делу следствие, заставьте Новосибирский обком ВКП(б) проверить и руководить УНКВД и не относиться по бюрократически к заявлениям и сигналам, посылаемых ему и проверить их» [6, л. 42, 44].

В конечном счете террор разметал всех, развиваясь по своему собственному сценарию. В ноябре 1938-го Алексей был арестован и спустя два месяца расстрелян. Принцеву удалось избежать казни. Вынесенный ему в ноябре 1938 г. смертный приговор был отменен, но следствие продолжилось еще почти на три года. Только с началом войны, в сентябре 1941-го в спешном порядке Принцев был приговорен Особым совещанием НКВД к 8-ми годам лагерей. Он провел в заключении и ссылке около 16 лет и получил полную реабилитацию в 1955 г. [10].

Таким образом, в кампании террора лишь на одном угольном комбинате переплелись интересы и трагедии инженеров и партработников, карьерные расчеты местных руководителей и высших должностных лиц. (Сколько при этом оказалось жертв среди рядовых рабочих и служащих комбината – особая и очень большая тема для специального исследования).

Кампания террора на комбинате активно продолжалась и в 1938 г. Однако выявить ее реальные масштабы и последствия невозможно без всестороннего изучения все еще закрытых источников.

Литература

1. Новосибирская область. Экономико-географическое описание. Новосибирск, 1939. 250 с.
2. Горняки Кузбасса. Новосибирск, 1971. 284 с.
3. Угольная промышленность СССР. Стат. справочник. М.: Углетехиздат, 1957. 368 с.
4. Рашин А. Г. Динамика промышленных кадров СССР за 1917 – 1958 гг. // Изменения в численности и составе советского рабочего класса: сб. статей. М., 1961.
5. История Сибири. Сибирь в период строительства социализма. Т. 4. Л.: Наука, 1968. 501 с.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П. 3. Оп. 14. Д. 362.
7. ГАО. Ф. П. 4. Оп. 2. Д. 347.
8. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН. 2012. 440 с.
9. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф. 2008. 778 с.
10. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Новосибирской области. Д. П-3413.

PURGES AMONG THE ADMINISTRATIVE PERSONELL OF THE COAL INDUSTRY IN KUZNETSK BASIN IN 1937

Sergey A. Papkov^{1,*}

¹ Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090
* spapkov@ya.ru

Received 11.11.2016.

Accepted 29.12.2016.

Keywords: Kuzbass, engineering and technical personnel, the coal industry, arrests, show trials, Great terror, the plant managers.

Abstract: The article analyzes the relationship of the Soviet regime with the engineering, technical and managerial personnel on the example of one of the largest enterprises of the USSR. The article features the main stages of the criminal persecution of experts in Kuzbass, starting with the "Shakhty trial" in 1928, as well as the overall scale of repression of the managing staff of the coal industry during the Great Terror. The author notes the close relationship of the Soviet (Bolshevik) model of economic development with the use of mass reprisals against staff. The article highlights the fact that, lacking the necessary expertise and managerial knowledge, Soviet authorities systematically resorted to terror as a means of overcoming the economic chaos and difficulties encountered. In addition, the assessment of political behavior of some of the regional leaders connected with the terror campaign is given. The article presents new historical data about their tragic fate. It draws conclusions about the need to expand the source base for a deeper study of repressions at Kuzbass enterprises.

For citation: Papkov S. A. Chistka upravlencheskikh kadrov ugol'noi promyshlennosti Kuzbassa v 1937 g. [Purges among the Administrative Personell of the Coal Industry in Kuznetsk Basin in 1937]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 59 – 63. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-59-63.

References

1. *Novosibirskaya oblast'. Ekonomiko-geograficheskoe opisanie* [Novosibirsk oblast. Ekonomiko-geographical description]. Novosibirsk, 1939, 250.
2. *Gorniki Kuzbassa* [The Miners Of Kuzbass]. Novosibirsk, 1971, 284.
3. *Ugol'naya promyshlennost' SSSR* [The coal industry of the USSR]. Moscow: Ugletekhizdat, 1957, 368.
4. Rashin A. G. *Dinamika promyshlennykh kadrov SSSR za 1917 – 1958 gg.* [The dynamics of industrial personnel, USSR, 1917 – 1958]. *Izmeneniia v chislennosti i sostave sovetskogo rabocheho klassa* [Changes in the size and composition of the Soviet working class]. Moscow, 1961.
5. *Istoriia Sibiri. Sibir' v period stroitel'stva sotsializma* [History Of Siberia. Siberia in the period of socialist construction]. Leningrad: Nauka, vol. 4 (1968): 501.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [State archive of Novosibirsk region]. Found P. 3, List 14, File 362.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State archive of Novosibirsk region]. Found P. 4, List 2, File 347.
8. Papkov S. A. *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440.
9. Junge M., Bordiugov G., Binner R. *Vertikal' Bol'shogo terrora. Istoriia operatsii po prikazu NKVD № 00447* [The vertical of the Great terror. The story of the operation to NKVD order No. 00447]. Moscow: Novyi Khronograf, 2008, 778.
10. *Arkhir Upravleniia Federal'noi sluzhby bezopasnosti po Novosibirskoi oblasti* [The files of the office of the Federal security service across the Novosibirsk region]. File P-3413.

УДК 94(420)"1457/1485"

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ БИТВЫ ПРИ НОРТГЕМПТОНЕ 10 ИЮЛЯ 1460 Г. И ОСАДЫ ЛОНДОНСКОГО ТАУЭРА

Андрей Г. Праздников^{1, @}

¹ Вятская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, 610017, г. Киров, Октябрьский пр-т, 133
@ andrei-selek@mail.ru

Поступила в редакцию 20.10.2016.
Принята к печати 14.12.2016.

Ключевые слова: Войны Роз, битва при Нортгемптоне, социальный состав участников, Ланкастеры, Йорки.

Аннотация: Социальная история Войн Роз до сих пор является актуальной, так как степень их влияния на общество остается предметом дискуссии. Установление персонального состава участников важнейших событий конфликта поможет в решении данной задачи, а метод просопографии предоставляет лучшие возможности для того, чтобы определить вовлеченность в него представителей различных социальных слоев. Объектом изучения является группа из 49 человек, принимавших участие в битве при Нортгемптоне и осаде лондонского Тауэра в 1460 г., как на стороне Ланкастеров, так и на стороне Йорков. Наибольшую часть из них составляли лорды, что связано с характером источников: в хрониках обычно указывались только имена командиров. В то же время особенностью битвы было присутствие в ней большого числа церковных прелатов. Причиной этого была поддержка йоркистов архиепископом Кентерберийским Томасом Бурше и папским легатом Франческо Коппини. В хрониках названы имена лишь 9 рыцарей, участвовавших в битве и осаде, хотя именно представители дворянства составляли средний и низший офицерский состав. Исследование показало, что родственные и личные связи играли определяющую роль в выборе стороны конфликта. Большинство участников событий, их братья и дети, как правило, сохраняли верность одной династии, что не позволяет оценивать эпоху Войн Роз как время ломки традиционной системы отношений.

Для цитирования: Праздников А. Г. Социальный состав участников битвы при Нортгемптоне 10 июля 1460 г. и осады лондонского Тауэра // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 64 – 68. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-64-68.

Событийная сторона истории Войн Роз изучена достаточно полно, по крайней мере на уровне политики национального масштаба, чего нельзя сказать о ее социальной истории. До сих пор ведутся дискуссии о характере войн и степени их влияния на общество. Однако за каждым сословием, стратой или социальной группой стоят конкретные люди, вовлеченные в систему связей и отношений с другими людьми, группами или слоями. Изучение их участия в событиях прошлого позволяет оценить модели социального поведения, характерные для отдаленной эпохи, восприятие современниками происходящих событий и реакцию на них.

Попробуем рассмотреть данную проблему на конкретном примере. В 1459 г. начался очередной этап конфликта между Ланкастерами и Йорками, который, однако, не привел к решающей битве, так как лидеры йоркистов предпочли бежать в Ирландию и Кале при приближении численно превосходящей армии противника и перехода на ее сторону части союзников.

Однако в следующем году ситуация изменилась. Во-первых, ланкастерцам не удалось захватить Кале, их атаки были отбиты [1, с. 221]. Во-вторых, в Сэндвиче были захвачены командиры двух отрядов, направленных против йоркистов, и корабли, предназначенные для переброски этих отрядов на континент [2, с. 203, 204; 3, с. 170 – 171; 4, с. 149; 5, с. 635; 6]. В-третьих, у купцов

Кале было позаимствовано 18 тыс. фунтов, на которые можно было укрепить собственные силы [5, с. 635]. В-четвертых, как покажут дальнейшие события, были найдены новые союзники в самой Англии, а также лордам в Кале удалось заручиться поддержкой папского легата Франческо Каппини [7]. Наконец, в-пятых, была проведена работа по идеологической дискредитации правящего режима [8, с. 86 – 90].

Все это позволило йоркистам из Кале высадиться в конце июня 1460 г. в Кенте и через несколько дней войти в Лондон. Помимо жителей Кента, их поддерживали мэры и олдермены столицы, а также часть высшего духовенства во главе с архиепископом Кентерберийским [8, с. 94]. В Лондоне инсургенты разделились: меньшая часть во главе с графом Солсбери осталась осаждать верных сторонников Генриха VI в Тауэре, а большая часть под руководством графа Марча и графа Уорика направилась на север.

Решающая битва между йоркистами и ланкастерцами произошла около Нортгемптона 10 июля 1460 г. Ее описание есть в одиннадцати хрониках, где упоминаются имена участников. Наиболее близкой по времени написания является хроника лондонского рикордера Джона Бейла – она оканчивается на событиях 1461 г. [4, с. 151]. Другие хроники появились лишь по прошествии нескольких лет после битвы. Это анонимные «Английская

хроника правлений Ричарда II, Генриха IV, Генриха V и Генриха VI» [8, с. 95 – 97], составленная не позднее 1471 г. монахом из Кентерсбери или Малсбери, «Краткая английская хроника», написанная в Лондоне после 1465 г. [9, с. 74], и так называемая «Хроника Григори», доходящая до 1469 г. [10, с. 207]. В 1471 г. заканчивается изложение событий и в хронике монаха Джона Стоуна из бенедиктинского Церкви Христовой в Кентерсбери [11, с. 80], и в «Краткой латинской хронике» [12, с. 169], где также имеются описания битвы. Компилятивное произведение было составлено приходским священником из Харлингтона (Бэдфордшир) Джоном Бенетом (ум. до 1474 г.), оно, скорее всего, было написано по другим хроникам и также касается интересующих нас событий [13, с. 226]. Еще одно описание битвы принадлежит иностранцу, бургундскому писателю и политику Жану де Варину (ум. 1474 г.), и содержится в его «Собрании хроник и древних историй Великой Британии» [14, с. 300]. Позднее, на рубеже XV – XVI вв., были написаны еще две значительных хроники, касающиеся битвы при Нортгемптоне: «Новая хроника Англии и Франции» [5, с. 636] лондонского олддермена Роберта Фабиана (ум. 1513 г.) и «Vitellius A XVI» [3, с. 171]. Произведения, написанные позднее этого времени, уже нельзя рассматривать в качестве источников по истории битвы, так как их авторы не только не были современниками описываемых событий, но даже не имели возможности с таковыми общаться. Следует также иметь в виду, что и авторы указанных хроник сами не участвовали в битве, но получали известия о ней в наиболее оригинальном виде.

Данные об общей численности участников битвы в хрониках, как это всегда бывает, сильно разнятся и не выдерживают критики. Так, для армии йоркистов названы просто фантастические 60 тыс. человек [8, с. 96] и 160 тыс. человек [4, с. 151], для ланкастеров – 20 тыс. человек [4, с. 151]. По сравнению с ними, число погибших выглядит очень маленьким. Так, Бэйл сообщает о 50 убитых ланкастерцах и 8 йоркистах [4, с. 151]. В противоположность ему историки XVI в. опять же имеют склонность к преувеличению потерь: Полидор Вергилий и Эдуард Холл указывают 10 тыс. погибших сторонников Генриха VI [15, с. 107; 16, с. 244].

Очевидно, с обеих сторон в битве принимало участие несколько тысяч человек. Имена большинства из них никогда не станут известны. Однако на основании совокупного анализа источников было восстановлено 27 имен (10 ланкастерцев, 17 йоркистов). Кроме того, поименно известно еще 22 человека, находившихся в то время в Тауэре или осаждавших их (18 ланкастерцев, 4 йоркиста). Таким образом, в общей сложности мы знаем 49 человек, принимавших наиболее активное участие в событиях июня 1460 г. и в результате попавших на страницы хроник. Из них 28 были сторонниками Генриха VI и 21 человек – его противники.

Теперь обратимся к сословной принадлежности этих людей. Это стало возможным благодаря тому, что в хрониках, вслед за официальными документами, было принято указывать социальный статус человека и его происхождение.

Таблица. Сословная принадлежность участников битвы при Нортгемптоне и осады Лондонского Тауэра
Table. Social affiliation of the participants of the battle of Northampton and the siege of London Tower

Социальный статус	Ланкастеры	Йорки
Архиепископ	-	1
Епископы	3	5
Приор	-	1
Герцог	2	-
Граф	2	3
Виконты	1	1
Лорды	6	8
Рыцари	8	1
Купец	-	1
Не указан	6	-
Всего:	28	21

Самую многочисленную группу среди известных участников битвы составляют представители светской знати, 23 человека (герцоги, графы, виконты, лорды). Это связано с характером источников. В тех сражениях, сведения о которых можно найти в официальных документах, такой группой выступают представители среднего и мелкого дворянства, которых численно действительно бывало более, нежели лордов. Однако в данном случае все сведения содержатся лишь в хрониках, а их авторы, описывая ход битв, называли обычно лишь имена командиров, которыми и были представители светской знати.

Большая часть лордов, как и раньше, сохраняла верность правящей династии. Армией Ланкастеров командовал Хамфри Стаффорд, герцог Бакингам. В 1455 г. он уже сражался за их интересы и был ранен [13, с. 214], в битве при Нортгемптоне он погиб. Пали на поле боя и два других нобиля, Джон Тэлбот, граф Шрусбери, и великий чемберлен лорд Джон Бомон, которых йоркисты в своей прокламации, провозглашенной перед вторжением в Англию, объявили «нашими смертельными врагами» (наряду с графом Уилтширом, не участвовавшим в битве) [8, с. 88 – 89]. Среди павших был Томас Перси, лорд Эгremонт, младший брат графа Нортамберленда и давний враг Невиллей. Что же касается осажденных в Тауэре, то их возглавлял лорд Томас Скэйлз, после поражения он пытался бежать из Тауэра, но был схвачен и убит. Вместе с ним находились Генри Бромфлит, лорд Вески, лорд Джон Ловелл, лорд Роберт Хангерфорд, Ричард Уэст, лорд де ла Вар. Наряду с англичанами там был француз, находящийся на службе у английской короны – Жан де Фуа, граф Кендал, виконт Кастильон, только в январе 1460 г. освобожденный из плена, в который попал после поражения английского войска под командованием графа Шрусбери (отца нынешнего графа, упомянутого выше) при Кастильоне в 1453 г.

Среди осажденных в Тауэре ланкастерцев оказалась женщина – Энн, жена Генри Холланда, герцога Экзетера. Она была дочерью герцога Ричарда Йорка и придерживалась интересов своей семьи даже вопреки позиции мужа, сторонника Генриха VI. Известно, каким образом герцогиня Экзетерская оказалась в Тауэре, тогда как ее супруг отсутствовал как в замке, так и на поле при Норт-

гемптоне. Вероятно, Энн Плантагенет находилась в этой резиденции короны как член королевской семьи, и осада застала ее врасплох. В дальнейшем она не проявляла никакой лояльности Ланкастерам, поддержала восшествие на престол своего брата Эдуарда IV, а в 1474 г. получила папское разрешение на развод с Генри Холландом и вторично вышла замуж. Ее вторым мужем был сэр Томас СентЛегер. Возможно, он ранее был ее любовником. «Краткая английская хроника» называет среди осажденных в Тауэре в 1460 г. некоего Сенклера [9, с. 75] – возможно, это и был сэр Томас.

Что касается Йорков, то именно в 1460 г. их поддержка лордами впервые стала сопоставима с поддержкой Ланкастеров. самого герцога Йорка в июле 1460 г. еще не было в Англии – он находился в Ирландии, куда бежал после своего поражения в октябре прошлого года. Силами Белой Розы командовали его сын граф Эдуард Марч, Ричард Невилль, граф Солсбери, и его сын Ричард Невилль, граф Уорик. Трое других лордов и ранее сражались на стороне Йорка: это виконт Генри Буршье, женатый на сестре герцога Изабелы; Эдуард Брук, лорд Кобэм, который поддерживал герцога еще в 1452 г. (когда даже Невилли еще были на стороне Генриха VI); и лорд Джон Клинтон, сторонник герцога Йорка с 1455 г., обвиненный за его поддержку в государственной измене в 1459 г. Помимо них на стороне Белой Розы оказались братья графа Солсбери – Уильям, лорд Факонберг, и Эдуард, лорд Эбергавенни, – а также Уильям Финнс, лорд Сэй и Сил, чей отец был лордом-казначеем и подвергся казни во время восстания Джэка Кеда в 1450 г., лорд Джон Скуп Болтон. Наиболее любопытно появление в рядах йоркистов Джона Туше, лорда Одли, сына Джеймса Туше, убитого йоркистами в сражении при Блор Хите в 1459 г. Сам Джон Туше в октябре прошлого года принимал участие в атаке на Кале, но был взят в плен [17, с. 369], а там, по каким-то своим причинам, перешел на сторону врага.

Одной из главных причин поражения Ланкастеров в битве при Нортгемптоне была измена: лорд Эдмунд Грей Ратин перешел на сторону йоркистов [8, с. 97; 18, с. 63]. В дальнейшем он будет придерживаться новой партии вплоть до 1485 г., за свое предательство будет вознагражден должностью лорда-казначея в 1463 г. [19, с. 243], графством Кент в 1465 г. и членством в Королевском Совете при Эдуарде IV и Ричарде III.

Нетипичным явлением было участие в сражении большого числа церковных иерархов. Епископы и ранее присутствовали в местах сражений, выступая в роли посредников, желающих примирить враждующие стороны и предотвратить кровопролитие. Так, в 1452 г. во время вооруженного выступления герцога Ричарда Йоркского Джон Кемп, архиепископ Кентерберийский, и Уильям Уэйнфлит, епископ Уинчестерский, убеждали его сложить оружие, в октябре 1459 г. Ричард Бошам, епископ Солсберийский, посылался королем, чтобы предложить амнистию отрядам мятежников в Ладлоу [8, с. 148]. Однако никогда представительство духовенства не было столь значительным. Среди факторов, позволивших йоркистам перейти в наступление, уже были названы поддержка папского легата и появление новых союзников.

Важнейшим из них стал примас Англии Томас Буршье, архиепископ Кентерберийский. Вероятно, не последнюю роль сыграли родственные связи: архиепископ был родным братом виконта Генри Буршье, и клан Буршье уже поддержал притязания герцога Йорка. Тоже можно сказать и о другом иерархе – Джордж Невилль, епископ Экзетерский, был сыном графа Солсбери. Другие епископы могли, помимо личных причин, оказаться в стане йоркистов вслед за своим главой. Среди них были Ричард Бошам, епископ Солсберийский, Джон Лоу, епископ Рочестерский, Уильям Грей, епископ Илийский, и приор ордена иоаннитов Роберт Ботил. Перед битвой несколько епископов, как это бывало и ранее, прибыли в лагерь короля для ведения переговоров (это могли быть епископы Солсберийский, Илийский, Экзетерский и Рочестерский) [8, с. 95 – 96]. Их миссия оказалась безуспешной, и в дальнейшем данная традиция будет оставлена. В последующих битвах у современников уже не будет иллюзий по поводу возможностей предотвращения сражений и поиска мирных путей решения конфликта.

На стороне Ланкастеров были те духовные лица, которые занимали какие-то должности при дворе и в государственном управлении. Уильям Уэйнфлит, епископ Уинчестерский, являлся лордом-канцлером, Лоренс Бут, епископ Даремский, был хранителем малой государственной печати, а Джон Стэнбури, епископ Херефордский, выполнял обязанности исповедника Генриха VI. Все они сопровождали короля.

В хрониках упомянуты имена лишь девяти рыцарей, участвовавших в рассматриваемых событиях, и все они, кроме одного, были сторонниками Ланкастеров. Сэр Томас Финдерн, рыцарь из окружения герцога Бакингема, шериф Кэмбриджшира и Хантингтоншира, уже сражался за Генриха VI в 1455 г. и будет продолжать поддерживать его и в дальнейшем, за что подвергнется обвинению в измене и лишению всех прав в 1461 г. Сэр Уильям Ласи из Нортхэмптоншира был связан с графом Нортамберленда, вероятно, через свою первую жену Элизабет, урожденную Перси, и принимал участие в их нападении на Невиллей при Хеворт-Мур в 1453 г. [20, с. 332]. В 1455 г. он сражался, как и сэр Томас Финдерн, с йоркистами в битве при Сент Олбансе. В «Хронике Грегори» содержится рассказ о том, что сэр Уильям жил недалеко от места битвы при Нортгемптоне, и, услышав пушечную стрельбу, поспешил на помощь королю. Однако его заметил один из Стаффордов (предположительно Джон Стаффорд [19, с. 244]), у которого был роман с женой сэра Уильяма. Стаффорд воспользовался ситуацией и подло убил Уильяма Ласи [10, с. 207].

Среди тех, кто находился в Тауэре, были сэр Томас Торп, канцлер и барон казначейства, которого еще в 1455 г. герцог Йорк и его сторонники обвиняли в дурном влиянии на Генриха VI [21, с. 280 – 282]; сэр Джервас Клифтон, казначей домохозяйства короля; сэр Томас Браун, шериф Кента, казненный после взятия Тауэра; сэр Эдмунд Хэмпден, верный слуга короля, который будет сражаться за него до своей смерти в 1471 г., за что в 1461 г. будет лишен прав и объявлен изменником [21, с. 477, 480]; сэр Томас Вернон; и сэр Томас Тирелл из Эссекса, член Королевского Совета в 1451 – 1453 гг.

Младший брат сэра Томаса, Уильям, погибнет в битве при Барнете, сражаясь на стороне Ланкастеров [22, с. 100; 23, с. 16]. Другой брат, тоже Уильям, будет казнен Эдуардом IV за государственную измену вместе с графом Оксфордом в 1462 г. [3, с. 177; 9, с. 78] (его сын Джеймс будет приближенным Ричарда III и одним из главных подозреваемых по делу «принцев Тауэра»).

Удерживать осаду Тауэра графу Солсбери помогали сэр Джон Уэнлок и лондонский мерсер Джон Хароу. В 1455 г. в битве при Сент-Олбансе Уэнлок сражался на стороне Ланкастеров, но к 1459 г. перешел к графу Уорику, был обвинен в государственной измене. В 1461 г. за поддержку режима Йорков он будет возведен в лорды. Уэнлок останется верен графу Уорику до конца, вместе с ним вновь перейдет на сторону Ланкастеров.

Однако люди, вроде Джона Уэнлока, Джона Туше и Эдмунда Грея, были, скорее, исключением из правил. Большинство дворян сохраняли приверженность своим лордам, причем нередко эту верность разделяли представители нескольких поколений – отцы, сыновья, братья. Поэтому расхожее представление о Войнах Роз как о времени повсеместной измены и предательства не вполне соответствует действительности. Эти факты, как мы видели, действительно имели место, но они не являлись массовыми, и не воспринимались современниками как норма. Поэтому нельзя сказать, что во второй половине XV в. под влиянием борьбы вокруг трона в английском обществе произошла ломка традиционных норм морали. Это общество все еще оставалось феодальным, если оценивать феодализм как систему социальных связей, основанных в большей степени на личных отношениях, нежели экономических, или средневековым, понимая под Средневековьем определенный тип цивилизации, базирующийся на системе культурных представлений и ценностей. Родственные связи очень часто определяли принадлежность человека к той или иной партии, и даже отношения с сеньором нередко основывались на родстве или матримониальных связях. Это касалось представителей всех социальных групп: нобилей, дворянства и даже духовенства.

Участие в битве духовенства, как уже отмечалось, особенно столь значительное, как в 1460 г., было тоже скорее исключением из правил, и это был один из главных успехов йоркистов и факторов их победы. Скорее всего, именно привлечение на свою сторону церковных иерархов позволило им расширить социальную базу своих сторонников. В то же самое время попытка (последняя) духовных лиц предотвратить сражение говорит о том, что «дух войны» еще не окончательно овладел обществом, и мирное разрешение конфликта казалось современникам возможным.

События показали, что в 1460 г. в борьбе династий принимало активное участие значительно больше лордов и дворян, чем в предыдущие годы. А значит социальный масштаб конфликта нарастал, что привело к его кульминации в 1461 г. Однако участников социально-политической борьбы второй половины XV в. нельзя воспринимать как срез со всего английского общества, это были люди, в силу комплекса причин ставшие наиболее активными участниками борьбы, главным образом представители региональных элит. Даже если (а это, несомненно, так) представители других социальных групп (горожане, крестьянство) принимали участие в конфликте, оно носило в большей степени вынужденный характер. Источники упоминают имя лишь одного представителя лондонского купечества и никого из жителей Нортгемптона, хотя известно, что город пострадал во время этих событий, и ненависть к ланкастерским лордам в нем не угасла по прошествии нескольких лет. Фактически события 1459 – 1461 гг. стали лишь завершением первого этапа войн. Их описание содержится во всех современных хрониках, однако обычно отличается лаконичностью, и разворачивается на фоне других событий. Именно эта краткость объясняет столь малое число известных имен участников сражения при Нортгемптоне. Таким образом, сам характер описания наводит на мысль, что Войны Роз еще не стали постоянным ментальным элементом повседневной жизни в представлениях современников.

Литература / References

1. Ramsey J. *Lancaster and York*. Oxford, vol. 2 (1892): 221.
2. *Paston Letters. 1422 – 1509*. Ed. J. Gairdner. London, Exeter, vol. 3 (1904): 320.
3. Vitellius A XVI. *Chronicles of London*. Ed. C. L. Kingsford. Oxford, 1905, 153 – 264.
4. Robert Bale's Chronicle. *Six Town Chronicles of England*. Ed. R. Flenley. Oxford, 1911, 66 – 73.
5. Fabyan R. *The New Chronicles of England and France*. London, 1811, 828.
6. Higginbotham S. *The Woodvilles: The Wars of the Roses and England's Most Infamous Family*. Gloucestershire: The History Press, 2015, 224. Available at: <http://erenow.com/postclassical/the-woodvilles-the-wars-of-the-roses.html> (accessed 25.10.2016).
7. Jones D. *The Hollow Crown. The Wars of the Roses: the fall of the Plantagenets and the rise of the Tudors*. Faber&Faber, 2014, 392. Part 3. Ch. 11. Available at: <http://erenow.com/postclassical/thewarsoftheroses/13.html> (accessed 25.10.2016).
8. *An English Chronicle of the reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI written before the year 1471*. Ed. J. S. Davies. London, 1856, 252.
9. A Short English Chronicle. *Three Fifteenth century Chronicles*. Ed. J. Gairdner. London, 1880, 1 – 80.
10. Gregory's Chronicle. *The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century*. Ed. J. Gairdner. London, 1876, 57 – 239.
11. *Christ Church, Canterbury. The Chronicle of John Stone Monk of Christ Church 1415 – 1471*. Cambridge, 1902, 196.
12. Brief Latin Chronicle. *Three Fifteenth century Chronicles*. Ed. J. Gairdner. London, 1880, 164 – 185.

13. *John Benets chronicle for the years 1400 to 1462*. Ed. G. L. Harris. London, 1972, 233.
14. Wavrin Jehan de. *Croniques et anciennes istories de la geant Bretagne, a present nomme Engleterre*. Ed. W. Hardy. London, vol. 5 (1891): 756.
15. *Three Books of Polydore Vergil's English History, comprising the reigns Henry VI, Edward IV, and Richard III*. Ed. H. Ellis. London, 1844, 244.
16. Hall E. *Chronicle of Lancaster and York*. London, 1809, 915.
17. *Registra quorundam abbatum monasterii S. Albani. Vol. 1. Registrum abbatiae Johannis Whethamstede*. Ed. H. T. Riley. London, 1872, 480.
18. Grummitt D. *A Short History of the Wars of the Roses*. London, 2013, 212.
19. Weir A. *War of the Roses*. London, 2011, 462.
20. Griffiths R. A. *King and Country: England and Wales in the Fifteenth Century*. London, 1991, 408.
21. *Rotuli Parliamentorum*. Ed. J. Strachey. London, vol. 5 (1832): 555.
22. *Paston Letters. 1422 – 1509*. Ed. J. Gairdner. London, Exeter, vol. 5 (1904): 344.
23. Warkworth J. *Chronicle of the First thirteen Years of King Edward the Fourth*. London, 1839, 79.

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE PARTICIPANTS OF THE BATTLE OF NORTHAMPTON ON JULY 10, 1460 AND THE SIEGE OF LONDON TOWER

Andrey G. Prazdnikov^{1, @}

¹ Vyatka State Agricultural Academy, 133, Oktyabrskii Ave., Kirov, Russia, 610017
@ andrei-selek@mail.ru

Received 20.10.2016.

Accepted 14.12.2016.

Keywords: the Wars of the Roses, battle of Northampton, social structure of the participants, House of Lancaster, House of York.

Abstract: The social history of the Wars of the Roses is still relevant, as the extent of its social influence remains a matter of debate. Determination of the personal composition of participants of the most important events of the conflict will help in solving this problem. A prosopography method provides the good opportunity to determine the involvement of representatives of different social strata. The study subject is a group of 49 people who took part in the battle of Northampton and the siege of London Tower in 1460, on the side of both Lancaster and York. The greatest part of them was lords, which is connected with the nature of the sources: chronicles usually mentioned only the names of the commanders. At the same time, the main peculiarity of the battle was the presence of a large number of Church prelates. The reason for this was the support of the Yorkists by the Archbishop of Canterbury, Thomas Bourchier, and the papal legate Francesco Coppini. There are only nine names of the knights who participated in the battle and the siege in the chronicles, although the representatives of the gentry were middle and lower officers. The research has shown that family and personal connections played a decisive role in the choice of the parties to the conflict. The majority of the participants, their brothers and sons, as a rule, remained faithful to one particular dynasty, which does not allow one to estimate the age of the Wars of the Roses as the time of breaking the traditional system of relations.

For citation: Prazdnikov A. G. Sotsial'nyi sostav uchastnikov bitvy pri Nortgemptone 10 iulija 1460 g. i osady londonskogo Tauera [The Social Structure of the Participants of the Battle of Northampton on July 10, 1460 and the Siege of London Tower]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 64 – 68. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-64-68.

УДК 94(5)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ВОЕННЫХ ВРАЧЕЙ В ХОДЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ДЕЛА В ТАШКЕНТСКОМ УЕЗДЕ ТУРКЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Юлия Н. Цыряпкина^{1, @}¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
@ guzvenko@yandex.ruПоступила в редакцию 31.08.2016.
Принята к печати 09.11.2016.**Ключевые слова:** Туркестан, военные врачи, коренное население, медицина, сельская амбулатория.**Аннотация:** В статье охарактеризован процесс создания имперскими властями медицинской инфраструктуры и системы оказания первой медицинской помощи пришлому и коренному населению в Ташкенте и Ташкентском уезде во второй половине XIX – начале XX вв. Цель статьи – путем изучения биографического, источникового материала выявить состояние медицины, виды и объемы медицинской помощи, оказываемые коренному населению региона во второй половине XIX – начале XX вв. в Туркестане. Показано, что первоначально медицинскую помощь пришлому населению, а затем и коренным жителям региона, оказывали военные врачи, обосновавшиеся, главным образом, в Ташкенте и крупных городах Туркестана. И. П. Шевердин – один из первых военных врачей, основавших сельскую амбулаторию в глубинке Ташкентского уезда – кишлаке Тилляу в 1899 – 1903 гг., чьи подвижничество и самоотверженность до сих пор помнят жители кишлака. В выводе подчеркивается: медицинское обслуживание населения в Ташкенте и Ташкентском уезде в дореволюционный период развивалось медленно, что соответствовало первому этапу приобщения коренного населения региона к современным достижениям медицины.**Для цитирования:** Цыряпкина Ю. Н. Деятельность русских военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 69 – 73. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-69-73.

После военного присоединения Кокандского ханства и создания в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства начался процесс включения южной окраины в имперскую систему России, в результате чего были затронуты все сферы хозяйственной, культурной, образовательной, духовной жизни коренного населения региона. В исторических трудах узбекских авторов, подготовленных в период независимости и посвященных процессам вхождения региона в состав Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., традиционно выявлялись негативные оценки этих событий с особым акцентом на завоевательный характер присоединения региона к империи. Наиболее обличительные из них содержатся в работе Ф. Исхакова [1]. Хотя спустя год, в 2010, после публикации Ф. Исхакова вышла в свет монография Р. Х. Муртазаевой, доктора исторических наук, профессора Национального университета Узбекистана, явно транслировавшая новые тенденции в оценках имперского колониализма. Р. Х. Муртазаева подчеркивает, что вместе с критикой событий колониального и советского периодов узбекские историки забывают о том, что: «...и в условиях колониализма, и в советское время власти способствовали национальной интеллигенции при участии передовых представителей некоренного населения в становлении светского образования, науки, новых жанров литературы, новых видов искусства» [2, с. 7]. Можно констатировать, что наметилась тенденция многостороннего рассмотрения всех аспектов существования народов современного Узбекистана в составе Российской империи и СССР. К перечислению некоторых положительных тенденций развития

Средней Азии в дореволюционное время и в составе СССР, предложенных Р. Х. Муртазаевой, следует добавить развитие современной медицины в Туркестане и появление первых русских врачей.

В данной статье автор обращает внимание на процессы распространения медицинского обслуживания на коренное население Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв. Такие факты эпизодически рассматривались в узбекской историографии [3]. Врачебное дело в Средней Азии в большей степени изучено в советский период, например, когда в Ташкенте с 1917 по 1940 гг. работал такой врач-подвижник, как В. Ф. Войно-Ясенецкий (Святитель Лука), фактически сделавший прорыв в медицине и подготовивший здесь первое издание учебника по гнойной хирургии [4]. В меньшей степени известно о становлении медицинского обслуживания в Туркестане в момент его присоединения к Российской империи.

Фактически развитие медицины в дореволюционном Туркестане изменило демографический баланс региона, что неоднократно подчеркивалось авторами книги «Центральная Азия в составе Российской империи». К тому же на демографический прирост населения Средней Азии повлияло замирение края и прекращение междоусобных войн, уносивших тысячи жизней [5, с. 157]. Решающее значение оказало внедрение практики медицинского обслуживания коренного населения региона, улучшение санитарно-экологических условий проживания в крупных городах Туркестана, в уездах и многое другое.

После присоединения Ташкента и других городов Туркестана военные, чиновники, интеллигенция, а также русские переселенцы вселялись отдельными анклавами во вновь создаваемые переселенческие поселки в сельской местности или «русские части» городов Туркестанского генерал-губернаторства. Компактное расселение русских во вновь созданных населенных пунктах требовалось по соображениям безопасности, хозяйственно-административным нуждам в регионе, заселенным коренным населением, отличавшимся от пришлых переселенцев традициями, обычаями, а также приверженностью к исламу [6, с. 286]. Соответственно, в каждой «русской части» городов строились оборонительные укрепленные крепости.

Для сельских обывателей из Европейских регионов России создавались новые переселенческие поселки, в которых селились крестьяне, зачастую по соседству с коренным населением. В городах прибывшие в край туркестанские управленцы, интеллигенция, врачи, оставшие военные и их семьи, ремесленники и другие проживали в отдельных районах – «русской части». Как правило, «русская часть» города обустроивалась постепенно, в ней появлялись административные и жилые здания, больницы, бани, система водоснабжения (колодцы с водой) и др. Здесь выстраивалась собственная иерархия управления, силовой аппарат и даже тюрьма. В то же время в «русской части» проживали и коренные жители. К примеру, согласно ведомостям о населении г. Ташкент, в 1896 г. в «туземной части» проживало 127707 человек обоего пола, в то время как в «русской части» – 19912, из них в русской части Ташкента 5903 жителей являлись туземцами (*коренные жители региона – Ю. Ц.*) [7, л. 117]. В дореволюционный период было построено/встроено 4 новых населенных пункта («русские части») в непосредственной близости от старых городов (Ташкент, Коканд, Андижан, Наманган) и 2 на некотором удалении от старых городов: в 1877 г. появился город Новый Маргилан (с 1907 г. переименован в Скобелев, с 1924 г. – Фергана) как военно-административный центр в Ферганской области, в 1888 г. в 12 км от Бухары был построен поселок Новая Бухара (с 1935 г. Каган) при Закаспийской железной дороге. «Русские части» Ташкента, Андижана, Намангана построили на площадях, примыкавших к старым городам или внутри старых городов, как это сделали в Коканде.

На момент присоединения региона к Российской империи первыми появились в Туркестане военные врачи, оказывавшие медицинскую помощь солдатам, пострадавшим во время военных действий, а также вновь прибывшему в Туркестан населению. Первое медицинское лечебное заведение в Туркестане открылось в 1868 г., через несколько лет после начала военных действий по присоединению среднеазиатских ханств и через год после создания Туркестанского генерал-губернаторства. Это был Ташкентский военный лазарет, который был преобразован в 1870 г. в Ташкентский военный госпиталь второго класса на 415 кроватей [8, с. 326]. Все население «русского Ташкента» обслуживалось в Военном госпитале. Улицу, на которой находился военный госпиталь в XIX в., называли *Госпитальной*. Она дала название целому району, который и в настоящее время в повседневном общении именуется «Госпитальным» или «Госпиталка», несмотря на то, что в период суверенитета

в Ташкенте большинство улиц было переименовано. Впоследствии, в 1871 г., в непосредственной близости от госпиталя была сооружена церковь во имя Святого Великомученика и Целителя Пантелеймона (с 1945 г. Свято-Успенский кафедральный собор). В обыденной жизни жители современного Ташкента этот собор знают как «Церковь на Госпиталке».

До нас дошли данные о развитии медицины в первые годы после присоединения региона к Российской империи в Ташкенте, зафиксированные в исторических очерках признанного энциклопедиста Ташкента И. Добросмыслова. Стремление городских властей создать «русские части» в крупных городах было связано с медико-санитарными условиями в старых городах Туркестана, вернее, антисанитарными условиями, загрязненностью арыков, а также повсеместному распространению болезней. К примеру, военный губернатор Ферганской области М. Д. Скобелев в 1877 г. был вынужден инициировать строительство нового города как центра военно-бюрократического управления Ферганской областью – Новый Маргилан – из-за крайне неблагоприятных санитарно-гигиенических условий Коканда. В результате чего среди частей гарнизона, расквартированных в Коканде, начали распространяться различные болезни [9, с. 4].

В Ташкенте наиболее часто встречаемым заболеванием среди автохтонного населения региона была оспа. Русские врачи и фельдшеры занимались оспопрививанием. Реже встречался брюшной тиф, до прихода русских врачей его не лечили. Периодически в городе возникали эпидемии дифтерита, крупы, тифа, кори.

И. Добросмыслов отмечает, что «серьезно говорить о медицинской помощи населению за первые 15 лет русского управления Ташкентом нельзя. Что мог сделать один врач на 100 000 населения без больницы и приемного покоя...» [8, с. 326]. Первая аптека в Ташкенте была открыта при Военном госпитале, снабжала русское и отчасти коренное население города необходимыми лекарствами. В 1874 г. открылась ещё одна аптека, «целью аптеки было снабжение больных туземцев медикаментами бесплатно» [8, с. 328]. В дальнейшем аптечное дело в Ташкенте разрасталось, приносило городу ощутимую прибыль и к тому же при аптеках открывались различные специализированные лаборатории. В 1907 г. при аптеке открыт химико-бактериологический кабинет. Благодаря его деятельности ташкентские врачи боролись осенью 1908 г. с холерой. Оборудование химико-бактериологического кабинета позволяло делать точные анализы на предмет выздоровления больных, переболевших холерой, и проводить исследования арычной воды и её зараженности холерными микробами [8, с. 330]. С 1910 г. при аптеке проводилось оспопрививание.

С 1883 г. в Ташкенте начала работать «амбулаторная лечебница для туземных женщин и детей», идея создания которой принадлежала женщинам-врачам Н. Н. Гундиус, А. В. Пославской и Е. Н. Мандельштам, заметивших, что религия и традиционность женщин автохтонного населения региона не позволяют им обращаться за помощью к мужчинам-врачам. Женщины-врачи предлагали свои медицинские услуги безвозмездно на первоначальном этапе. В лечебнице работала «переводчицей татарка Биби Гафифа Нургалиева». С 1905 г. при амбулатории имелись 4 кровати, принимались роды у женщин коренного насе-

ления региона [8, с. 331 – 332]. Но это были крайне редкие случаи, когда женщины при родоразрешении обращались за помощью к русским врачам. Роль табибов (*народных врачей автохтонного населения, не имеющих медицинской подготовки – Ю. Ц.*) и дая (*повитух из коренного населения – Ю. Ц.*) не ослабевала. С 1886 г. в Ташкенте возникла аналогичная «амбулаторная лечебница для туземного мужского населения».

В 1901 г. в Ташкенте появилась городская больница на 95 койко-мест с четырьмя отделениями: терапевтическим, хирургическим, женским и заразным (оспенное, скарлатинное и дифтеритное). К тому же приемный покой и амбулатории организовывались при среднеазиатской железной дороге с января 1906 г. на пути следования русских переселенцев в Туркестан.

Очень редкими были случаи, когда врачи отправлялись врачевать в сельскую местность, хотя городские врачи были вынуждены периодически выезжать в уезды для целей оспопрививания и других. Одним из первых военных врачей, организовавших сельскую амбулаторию в кишлаке Тилляу Ташкентского уезда, стал Иван Петрович Шевердин (год рождения неизвестен – 1928). Подвиг И. П. Шевердина и его семьи в Тилляу стал известен благодаря публикации романа «Джейхун» [10] его младшим сыном Михаилом Ивановичем Шевердиным (1899 – 1984), заслуженным писателем Узбекской ССР. Несмотря на то, что М. И. Шевердин писал в жанре социалистического реализма, и его основные труды посвящены борьбе с контрреволюцией, с басмаческим движением и др., роман «Джейхун» и его продолжение «Дервиш света» были опубликованы в 1980-е гг. в момент ослабления цензуры в Советском Союзе. В тот период стало возможным опубликовать биографический роман о деятельности его отца, военного врача, в Туркестане, при этом изменив информацию о социальном положении родителей.

Благодаря семейному архиву семьи Шевердиных (в Ташкенте в настоящее время проживает внучка Ивана Петровича – Наталья Шевердина и правнук – Михаил Шевердин) удалось восстановить историю семьи Шевердиных, приехавших в 1899 г. в Туркестан.

По воспоминаниям правнука М. М. Шевердина, Иван Петрович был из «семьи казачьих офицеров, получивших дворянство» [11] из Черниговщины. Иван Петрович закончил Военно-медицинскую академию в Петербурге и стал военным врачом. «Хотя он был общий врач, а военный врач должен уметь лечить все, оперировать любые травмы, как говорится...» [11], по основной специализации И. П. Шевердин был окулистом. Его жена, Ольга Алексеевна Морель, по происхождению из «семьи французских баронов де Морель, которые бежали от французской революции 1796 г., от Наполеона Бонапарта. В России они сделали карьеру, её отец, Алексей Карлович Морель, был действительный тайный советник» [11]. В романе «Джейхун» Ольга Алексеевна представлена как дочь преподавателя истории гимназии в Полоцке [10, с. 20], что входит в диссонанс с упоминанием о её образовании, которое она получила в петербургской консерватории. Интересен тот факт, что в семье Шевердиных хранится анкетный лист М. И. Шевердина, младшего сына Ивана Петровича, когда он занимал должность корреспондента газеты «Правда» по Средней Азии в 1920-е –

1930-е гг. Традиционно в нем заполнялась информация о происхождении родителей, в графе сословное происхождение отца значится «из крестьян», сословное происхождение матери – не указано, имеется отметка «почетный гражданин» [12]. Данный факт можно объяснить только тем, что Михаил Иванович Шевердин делал карьеру в советское время и должен был скрывать свои дворянские корни по матери, что он и сделал.

В романе «Джейхун» отмечается, что Ольга Алексеевна закончила петербургскую консерваторию, была готова ехать вслед за мужем в Туркестан, в последствие – даже в кишлак, её единственное условие – взять в Тилляу рояль «Беккера» – муж выполнил [10, с. 11].

В начале XX в. туркестанская администрация пыталась расширить систему медицинского обслуживания населения региона не только в городах, но и в сельской местности за счет оказания медицинских услуг фельдшерами. В данный период штат врачей в Ташкенте был более или менее укомплектован, медицина постепенно коммерциализировалась, особенно аптечное дело, и приносила немалые прибыли. Гораздо меньше врачи желали работать в сельской местности и создавать сельскую амбулаторию в условиях кишлаков. Коренное население городов и кишлаков в большинстве случаев относилось настороженно или с опаской, а иногда и враждебно к врачам, явственно ощущалась разница в менталитете, образе жизни. Для работы в сельской местности требовалось освоение языков коренного населения. В начале XX в. больниц в кишлаках Ташкентского уезда Сырдарьинской области не было, кое-где населению помогали специально обученные фельдшеры. Скорее всего, Иван Петрович выбрал кишлак Тилляу Ташкентского уезда в Ахангаранской долине, так как здесь он мог успешно практиковать свои знания врача-окулиста.

Ахангаранская долина, хотя и находилась в непосредственной близости от Ташкента (100 верст), считалась «долиной смерти» из-за обилия самых различных тропических болезней. В камышовых кустах реки Ангрен таилось множество малярийных комаров, разносящих болезни на километры. Проживающие в долине жители страдали от оспы, малярии и других болезней, от «банального» конъюнктивита сотни людей в Ахангаранской долине слепли навсегда [10, с. 35]. И. П. Шевердин смог открыть сельскую больницу-амбулаторию и оказывать медицинскую помощь местным жителям, с раннего возраста страдающим от слепоты и др. [10, с. 18 – 20]. Он успешно освоил узбекский язык и мог общаться с пациентами без переводчика. Кроме глазных болезней, Иван Петрович Шевердин занимался лечением малярии, тифа, простуды, проводил процедуры оспопрививания и операции, в том числе и кесарево сечение и др. Ольга Алексеевна, овладевшая азами медицины, ассистировала мужу при лечении женщин.

По словам правнука врача М. Шевердина, в конце 1970-х гг. его дед, заслуженный писатель Узбекской ССР М. И. Шевердин, совершил поездку в Тилляу и обнаружил, что на здании больницы сохранялась памятная доска о том, что с 1899 по 1903 гг. в кишлаке врачевал его отец И. П. Шевердин [11]. В 1903 г. семья врача переехала в Самарканд. В 1906 г. И. П. Шевердин значился старшим врачом коллежского совета Уральского казачьего конного полка № 2. После революции 1917 г. семья врача (трое

детей) осталась жить в Самарканде, где в 1920-е гг. скончались Иван Петрович и Ольга Алексеевна.

Во время полевых исследований в Ташкентской области в октябре 2015 г. автор статьи побывала в Тилляу, чтобы узнать о том, что помнят жители кишлака об «урус дохтур» (*русский доктор* – Ю. Ц.), лечившем их предков 116 лет назад. Больница, которую основал И. П. Швердин, в Тилляу была снесена в 1956 г., об этом в разговоре упомянул житель села А. [13]:

«А.: Здесь земля содержала много свинцовых металлов, и поэтому население быстро слепло, страдало глазными болезнями. Русский врач наших родителей, дедов лечил. Но я 1942 г. рождения, я уже знаю это по рассказам, и из книги, мои отцы и деды это помнили.

Ю. Ц.: А что именно Ваши родители рассказывали об Иване Петровиче?

А.: Он здесь жил с семьей, они не были завоевателями, они нам помогали. Они были сюда сосланы, врач здесь работал, а потом их отправили в Самарканд. Мы им очень благодарны».

Это один из немногих примеров в имперском нарративе, когда представитель локального сообщества с благодарностью вспоминает деятельность имперских назначенцев и комплементарно описывает её в категориях «помощи», «положительного воздействия», а не «завое-

ваний колонизаторов». Данный случай показывает сложность и социальную многоплановость взаимодействия представителей империи и коренного населения во второй половине XIX – начале XX вв. В то же время данные примеры не дают оснований оценивать это взаимодействие однозначно – позитивно либо негативно, как это практикуется в различных историографических школах.

Медицина в Туркестане в дореволюционный период, несомненно, развивалась медленно, в сельской местности – находилась в зачаточном состоянии. Тем не менее стоит высоко оценить роль и достижения врачей-пионеров во второй половине XIX – начале XX вв., заложивших основы медицинского обслуживания коренного населения региона в городах и сельской местности. Русские врачи предотвратили распространение многих инфекционных, вирусных, воспалительных и других заболеваний, улучшили санитарно-гигиенические условия в городах и сельской местности. Это был первый этап приобщения коренного населения региона к современным достижениям медицины, который продолжился в советское время.

Автор статьи выражает глубокую признательность Наталье Михайловне и Михаилу Михайловичу Швердиным за возможность поработать с личным архивом семьи.

Литература

1. Исаков Ф. Центральная Азия и Россия в XVIII – начале XX вв. Ташкент, 2009. 156 с.
2. Муртазаева Р. Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 2010. 152 с.
3. Смесова Е. А. Русские духовно-культурные учреждения в Туркестане (во второй половине XIX – начала XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2011. 34 с.
4. Жукова Л. И. Чтобы взлететь, птица должна быть гордой. Ташкент, 2012. 325 с.
5. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
6. Цыряпкина Ю. Н. Переселенческое сообщество в Сырдарьинской области Туркестана по донесениям царской администрации начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4(88). С. 285 – 289.
7. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3745.
8. Добросмыслов И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912. 557 с.
9. Рахимов М. История Ферганы. Ташкент: изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1984. 129 с.
10. Швердин М. И. Джейхун. Ташкент: издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 1983. 231 с.
11. Полевые материалы автора 2015. Ташкент, М., русский, 44 года.
12. Анкетный лист редакции газеты «Правда» на Швердина М. И. // Личный архив семьи Швердиных (Республика Узбекистан, Ташкент).
13. Полевые материалы автора 2015. Ташкентская область, Тилляу, А., узбек, 73 года.

ACTIVITIES OF RUSSIAN SURGEONS IN THE COURSE OF ORGANIZATION OF MEDICAL AID IN THE TASHKENT DISTRICT OF TURKESTAN IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Yulia N. Tsyryapkina^{1, @}

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodezhnaja St., Barnaul, Russia, 656031
@ guzvenko@yandex.ru

Received 31.08.2016.

Accepted 09.11.2016.

Keywords: Turkestan, surgeons, indigenous population, medicine, rural ambulance.

Abstract: The paper characterizes the process of creation of medical infrastructure and first aid system to immigrant and indigenous people in Tashkent and the Tashkent district in the second half of the XIX – the beginning of the XX century by the imperial authorities. The purpose of the paper is to reveal the medical condition in the second half of the XIX – early the XX century in Turkistan, types and amount of medical care, which was provided to the indigenous population of the region, by studying biographical and source materials. The paper draws attention to the fact that initial medical assistance to the immigrant population and then the indigenous dwellers of the region were provided by surgeons who settled mainly in Tashkent and the major cities of Turkestan. I. P. Sheverdin was one of the first surgeons who founded the rural hospital in remote place of Tashkent district – village Tillyau in 1899 – 1903, whose asceticism and dedication the inhabitants of this village still remember. It is shown that medical services in Tashkent and the Tashkent district in the pre-revolutionary period developed slowly, which corresponds to the first stage of initiation of the indigenous population of the region to the modern achievements of medicine.

For citation: Tsyryapkina Yu. N. Deiatel'nost' russkikh voennykh vrachei v khode organizatsii meditsinskogo dela v Tashkentском uезде Turkestana vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Activities of Russian Surgeons in the Course of Organization of Medical Aid in the Tashkent District of Turkestan in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 69 – 73. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-69-73.

References

1. Iskhakov F. *Tsentrāl'naia Aziia i Rossiia v XVIII – nachale XX v.* [Central Asia and Russia in XVIII – beginning XX century]. Tashkent, 2009, 156.
2. Murtazaeva R. *Tolerantnost' kak integriruyushchii faktor v mnogonatsional'nom Uzbekistane* [Tolerance as an integrating factor in a multinational Uzbekistan]. Tashkent: Uzbekistan, 2010, 152.
3. Smesova E. A. *Russkie duhovno-kul'turnye uchrezhdeniia v Turkestane (vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka)*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Russian moral and cultural institutions in Turkestan (in the second half of XIX – beginning XX centuries). Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Tashkent, 2011, 34.
4. Zhukova L. I. *Chto by vzletet', ptitsa dolzhna byt' gordoi* [To fly the bird should be proud]. Tashkent, 2012, 325.
5. *Tsentrāl'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia is part of Russian empire]. Ed. Abashin S. N., Arapov D. Iu., Bekmakhanova N. E. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 464.
6. Tsyryapkina Iu. N. *Pereselencheskoe soobshchestvo v Syrdar'inskoi oblasti Turkestana po doneseniiam tsarskoi administratsii nachala XX v.* [Resettled Community in the Syrdarya Region of Turkestan in the Reports of the Tsarist Administration at the Beginning of the XXth century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = The News of Altai State University*, 1, no. 4(88) (2015): 285 – 289.
7. *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arhiv Respubliki Uzbekistan* [Central State Archive of Republic of Uzbekistan]. Found I-36, List 1, File 3745.
8. Dobrosmyslov I. *Tashkent v proshlom i nastoiashchem. Istoricheskii ocherk* [Tashkent in the past and the present. Historical review]. Tashkent, 1912, 557.
9. Rahimov M. *Istoriia Fergany* [History of Fergana]. Tashkent: izdatel'skaia firma "FAN" Uzbekskoi SSR, 1984, 129.
10. Sheverdin M. I. *Dzheihyn* [Dzheihyn]. Tashkent: izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Gulyama, 1983, 231.
11. *Polevye materialy avtora 2015, Tashkent, M., russkii, 44 goda* [Field work materials of author 2015, Tashkent, M., Russian, 44 years].
12. Anketnyi list redaktsii gazety «Pravda» na Sheverdina M. I. [A questionnaire of editorial office of newspaper "Truth" on Sheverdin M. I.]. *Lichnyi arkhiv sem'i Sheverdinykh (Respublika Uzbekistan, Tashkent)* [Personal Archive of Sheverdin's family (Republic of Uzbekistan, Tashkent)].
13. *Polevye materialy avtora 2015, Tashkent'skaya oblast', Tillyau, A., uzbek, 73 goda* [Field work materials of author 2015, Tashkent region, Tillyau, Uzbek, 73 years].

УДК 930.85

ТЕКСТИЛЬНОЕ КОНСКОЕ УБРАНСТВО В СИСТЕМЕ АТРИБУТОВ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Бэлла Л. Шапиро^{1, @}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, 125993, г. Москва, Миусская площадь, 6
@ b.shapiro@mail.ru

Поступила в редакцию 21.10.2016.

Принята к печати 28.11.2016.

Ключевые слова: русская культура, ритуал, церемониал, конское убранство, текстиль.

Аннотация: В статье рассматривается значимость текстильного убранства как одного из компонентов в системе выстраивания власти в России. Для изучения выбраны вещи, связанные с участием лошади – одного из наиболее мифологизированных животных в русской культуре, активно формирующих сакральное пространство. В этом контексте рассматривается текстильное конское убранство в целом, с акцентированием на наиболее ритуально значимых вещах царского круга, наполненных аллегорической символикой. Это подлинные памятники прикладного искусства из собраний отечественных музеев, которые интерпретируются посредством описей имущества и исторического нарратива. Отдельное внимание уделяется убранству, принадлежащему личным лошадям русских правителей от Ивана Грозного до Павла I. Подробно исследуются все текстильные составляющие парадного убранства царской лошади, затрагиваются гербовое и печальное убранство. Подводятся итоги работы, согласно которым текстильное конское убранство, при всем его разнообразии в разные исторические периоды прежде всего служило формированию образа могущественного властителя.

Для цитирования: Шапиро Б. Л. Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 74 – 79. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-74-79.

Текстильное конское убранство – одна из самых ярких составляющих в системе внешних атрибутов царской власти в той системе сакрального и ритуального, которая складывалась в русской культуре вокруг царской власти. Как предмет исследования история внешних атрибутов царской власти находится на пересечении истории России, истории ее материальной и художественной культуры и потестарной имагологии – относительно нового направления, которое занимается историей формирования образов власти [1, с. 7].

Теоретическое осмысление вопроса имеет давнюю традицию. В разное время исследованиями этого специфического вида текстиля с большей или меньшей полнотой занимались А. В. Висковатов (с 1841), П. И. Саввантов (с 1865), В. А. Прохоров (с 1870-х), М. М. Денисова (с 1925), Л. В. Писарская (1975), В. Ю. Матвеев (1984), Л. П. Кириллова (с 1985), И. И. Вишневская (с 1987), И. С. Ненарокова (1987), Е. В. Тихомирова и Т. В. Мартынова (1993), Л. И. Шатилова (2007), В. А. Чернышев (2007), И. И. Бредихина (2008). В их работах текстильное конское убранство проанализировано во многих аспектах: выделены и идентифицированы самые ранние предметы отечественного производства, определены источники поступления вещей в государственную казну, принципы художественного оформления; уточнена терминология вопроса.

Цель и задачи исследования были определены состоянием разработанности темы, в которой были выявлены некоторые лакуны.

Основой настоящего анализа выступили несколько видов источников. Прежде всего – это подлинные предметы XVI – XIX вв. из собраний отечественных музеев (Эрмитажа, Московского Кремля, музея «Петергоф», Истори-

ческого музея и музея Востока), которые интерпретируются посредством нарратива и описей имущества.

В указанный период к убранству царской лошади относилась довольно значительная группа предметов, выполненных из металла, кожи и текстиля.

В полный парадный убор, сложившийся к XVII столетию, входили:

- кожаная или текстильная оголовь и ее украшения – металлические наборы, наузольники, султаны из перьев, металлические и текстильные очельные плащи и к ним очельные сетки из золото-серебряного кружева, такие же «гривы», металлические и текстильные решмы и лысинки, а также подшейные кисти – наузы и кутасы из шелка и конского волоса;

- «снасти» из кожаных ремней или из тесьмы – узды, поводья, ошейки, шлеи, паперсти, пахви, путлища, приструги и подпруги;

- текстильные покровы различного характера (попоны, чалдары и другие, подробно рассмотренные ниже);

- детали практического и/или декоративного назначения, выполненные только из металла: удила различных типов, стремяна, наколенники, «поводные» и «тремачие» цепи;

- арчаки, седла (для верховых и выводных лошадей) и седелки (для упряжных лошадей), которые представляли собой произведения шорного, ювелирного и текстильного искусства.

Текстильное конское убранство в очерченный период имеет различный характер: нами исследуются как светские вещи, так и те, что были предназначены для действенного культово-ритуального характера.

Ритуальные вещи наиболее полно представлены в комплексе парадного убора царской лошади. Уподобление царя богу и признание божественной природы цар-

ской власти было традиционным для русской культуры. «Все... официально признают, что воля государева есть воля Божья и, что бы государь ни совершил, хотя бы и ошибочное, он совершил по воле Божьей. Поэтому они даже верят, что он – ключник и постельничий Бога и исполнитель его воли», – замечает А. Гваньини [2, с. 93]. Столь же однозначно в русском сознании с личностью царя связывался его конь как символ единой державной власти [3, с. 134], воинской доблести и связи с божественными силами, поскольку только в лице властителя эти ипостаси соединялись.

Ритуалы с царским участием оформлялись весьма красочно. Особым случаем был обряд «шествия на ослати», символизировавший вход Господень в Иерусалим. Центром внимания здесь была лошадь, изображающая осла. Ее убранство состояло из каптура [4, с. 51] – длинной, до копыт, холщовой, реже шелковой [5, с. 40] простой попоны с капором-наголовником, мягкого поперечного седла [6, с. 294] и длинных поводьев. Царь же выступал в самом торжественном убранстве, – сообщает М. Груневег, которому удалось приблизиться к государю почти вплотную [7, с. 228].

Каптуры другого назначения были более декоративны, но их художественное решение также имело определенный символический смысл. Такими были «12 каптуров суконных красных и каптур суконный желтый. На нем нашиваны орлы и травы суконные красные» [8, с. 499], хранящиеся в Конюшенной казне и предназначенные, очевидно, для церемониала государственного значения.

Большинство предметов такого рода выполнялось золотом на красном поле, как «попона с каптуром, шита золотом и серебром волоченым и пряденым сканым по червчатому бархату», упомянутая в так называемой Описи Бутурлина (Описи Конюшенной казны, составленной в 1706 – 1707 гг. стольником Ф. Бутурлиным [8, с. 499]).

Максимально эффектным конский убор был в позднем русском средневековье и в раннее Новое время. Его основой были текстильные покровы, которые, различаясь в деталях, представляли собой комплекс, выдержанный в едином художественном стиле.

При дворе Алексея Михайловича текстильный парадный убор включал в себя более десятка наименований. Нижними покровами были войлоки. Для царской лошади войлоки изготавливались из бархата или другой ценной ткани – обьяри, алтабаса, тафты [9, с. 135 – 136].

Круп, бока и грудь лошади покрывал чалдар – попона с нашитыми металлическими бляхами. Военное происхождение чалдара выдают металлические бляхи или пластинки, нашитые по его полю; со временем пластинки заменяются на касты с драгоценными камнями или полностью исчезают (но остается сложная разъемная конструкция панцирного покрова).

Поверх чалдара укладывали попону или чепрак – подседельные покровы, закрывающие спину, бока, бедра и иногда голени лошади [4, с. 164 – 165].

Поверх чепрака размещалось седло, в отделке которого также использовались драгоценные ткани. Самое раннее царское седло из известных относится к годам правления Ивана Грозного [10, с. 71]. Седло покрыто вишневым бархатом с вышитыми серебром двуглавыми орлами, травами и «инорогами» (единоногами). Текстилем покрывались не только подушки, но и декоративные крыльца седел. Так, седло Бориса Годунова имело черв-

чатые бархатные крыльца, расшитые золотом и серебром [11, с. 127].

В ожидании всадника седло покрывалось роскошным, пышно декорированным наметом [12, с. 283]. У заводных лошадей, которые предвещали появление царя или царской кареты, поверх седла накидывался покрывец [12, с. 267] или намет [13, с. 311]. Покровцы лошадей, находившихся под царственными всадниками, несли перед ними или за ними [12, с. 269].

Одним из самых ценных покрывцов, если не самым ценным, из всех имеющихся в Конюшенной казне, считался «покрывец с царствы», вышитый по лазоревому атласу «пряденым золотом, серебром и разноцветными шелками; в середине на красном фоне вышит герб Московского государства – двуглавый орел с Георгием Победоносцем на коне... В кайме покрывца – десять кругов... с вышитыми... гербами областей Московского государства» [12, с. 268]. Вероятно, именно его несли за лошадью Алексея Михайловича, возвращавшегося в Москву 1655 г. после польского похода [12, с. 269].

Именно покрывцы чаще прочих деталей парадного конского убранства изготавливались из дорогих привозных тканей, например, из изорбафа – золотного персидского шелка, схожего с обьярью. Самые ранние вещи из изорбафа относятся к XVII в. [14, с. 44], как «покрывец изорбатной золотой, по нем травы разных шелков. В середине четыре грифа, кругом бахромы золотная» [8, с. 499].

Как покрывец был декоративным дополнением седла, так и расшитый узорами конский плат был частью убранства русского арчака [12, с. 266]. При седловке седла и платы подбирались по принципу внешнего сходства, в том числе сходства орнаментации.

Платы расшивались по бархату, по сукну, атласу [15, с. 23; 9, с. 144] и по алтабасу: «плат алтабас серебрян; по нем травы шиты золотом волоченым, в травках вшит бархат червчат, да зелен; круживо плетеное с городами, золото с серебром» [8, с. 499]. Фиксировался плат пристругами, пропущенными в прорези [13, с. 314] или тесьмянным троком [15, с. 23].

Эти покровы иногда заменялись тигровыми и леопардовыми кожами на красном бархате – наметными барсами [4, с. 9]. В описях царской казны от 1640 г. они упоминаются как «барсы, бабры и ирбасы» [16, с. 102]. В «Расходных книгах товарам и вещам для царского обихода» также фигурирует «покрывец попугайной желт» [17, с. 106], небольшой коврик, сшитый из шкурок полутысячи попугаев [18, с. 212], переданный в Конюшенный приказ.

Деталими парадного убранства царской лошади допетровского времени, которые, как «барсы и бабры», не относят к текстильному, но которые имеют к нему отношение, были лысина, начелки, грива и тесьмянная сбруя.

Лысиной, лыской [13, с. 309] называлось украшение налобника оголовья [15, с. 23], аналогичное более распространенной (и изученной) решме переносного ремня. Чаще всего оно выполнялось в виде металлической бляхи, но встречались и текстильные лыски: «лысина шита по бархату золотом и серебром и низано жемчугом» из описи Бутурлина [8, с. 500]; «лысины 4 парчовые, обшитые шелковой малиновой бахромой, подложены красным сафьяном» из описи 1884 г. [9, с. 138].

Украшениями оголовья были начелки (очелки) «бархатные червчатые, травы золоченые, обложены кружевом

золото с серебром» [8, с. 502] и морхи в виде шелковой или золото-серебряной бахромы [15, с. 23].

Гривой, или огривком, назывались сетки из золотных нитей, часто с включением жемчуга; они предназначались для украшения головы и гривы лошади [4, с. 88]. Так же выполнялись и оплеты декоративных подшейных кистей – наузов из конского волоса и кутасов из разноцветного «шелка шамаханского» [8, с. 503]. Первоначально они исполняли роль оберега для лошади и ее царственного всадника [12, с. 270].

Встречались в парадном убранстве и тканые тесьмы: широкие троки для закрепления покровов и седла, декоративные ухваты (охваты), покрывавшие простую узду [4, с. 150, 153, 156], «снасти» – узды, поводья, паперсти и пахви «тканые с шелки розными... червчат, лазорев, зелен, бел; а другая тесьма шелки: червчат, рудожелт, лазорев, бел, зелен» [17, с. 268], где текстиль украшался оковами из драгоценного металла и самоцветами. Все части седельно-сбруйного комплекта выполнялись в едином стиле, а отделка текстильной сбруи соответствовала отделке металлической оправы седельной луки [12, с. 267].

В церемониях с участием царских лошадей вещи из вышеприведенного списка были представлены с большей или меньшей полнотой, разной для верховой и упряжной лошади. Особой роскошью отличалось убранство «выводных» лошадей, сотенные ряды которых вели слуги, предвзявая появление царской кареты.

В начале XVIII в. драгоценные ткани с высоким содержанием золота и серебра, прежде всего алтабас и аксамит, выходят из обихода. Долше прочих бытовала обьярь, которая в допетровское время была одной из самых популярных тканей [14, с. 38]. Так, обьяринным был чалдар лошади царевича Алексея Петровича «с золотыми и серебряными травами по малиновой земле, обшит кружевом и бахромой из золота и серебра, бахрома подпущена малиновым атласом» [9, с. 166].

Заменой старинным тканям стали парча и глазеты, которые, менее ценные сами по себе, для блеска покрывались расшивкой из металлических бляшек и драгоценных камней. В XVIII в. на первое место среди материалов для украшения текстильного убранства царской лошади постепенно выступают алмазы.

Два «алмазных» чалдара принадлежали Екатерине II. Первый – из серебряной парчи «убранный местами серебряными бусами, большими и мелкими, Lapis lazurica, красными половинчатыми корольками и тремя яшмовыми накладками, из которых две прорезные звёздами, а средняя зеленая глухая; во всех трех накладках... алмазов – 12; изумрудов – 32; яхонтов красных – 31, да сверх того в трех закрепках, круглых корольковых, по алмазу. Чалдар обшит кругом золотой с шелком тесьмой, к которой пришиты кисточки розового шелка с серебром, вделанные в серебряные грушки, сверху коих через один по корольку и Lapis lazurica, кистей 380» [9, с. 21 – 23].

Второй чалдар «шитый золотом по серебряному глазету, с серебряными бляхами, украшенными алмазами и яхонтами (*рубинами* – *Б. III*). На нем 169 блях или репьев, в каждом репье по 4 алмаза и по 3 яхонта» [9, с. 23 – 25].

В XVIII столетии парадные покровы уменьшаются в размерах и в объемах; в обиход входит получепрак, закрывающий только круп лошади. Такую форму, например, имеет бархатный покров лошади Петра I [19, с. 151]. К концу века утверждается новая терминология:

отныне чепрак – это попона под седло немецкого типа; покрывало на венгерское седло получило название вальтрапа [13, с. 188 – 189, 294].

Стилистическое исполнение декора покровов выдерживается в духе времени [13, с. 189]. Так, полностью соответствует консерватизму Павла I художественное решение чепрака его лошади – стилизованные рокайльные растительные узоры, выполненные по строгому синему фону [13, с. 194].

Получает дальнейшее развитие гербовое убранство. Теперь оно находится среди особого комплекса для обслуживания придворных «торжеств», к которым, согласно церемониалу, причислялись не только коронации и венчания, но и погребения [20, с. 250].

Основы печального церемониала разрабатывались еще Петром I по западноевропейскому образцу. Череда похорон по новому типу началась в 1699 г. погребением сподвижника Петра Великого Ф. Лефорта, где впервые участвовали «радостные» и «печальные» рыцари [21, с. 136 – 137]. В конце этого года прошли похороны П. Гордона по ритуалу, близкому к погребению Лефорта [3, с. 137].

Оформляются новые убранства – «радостная» красно-золотая попона [13, с. 280 – 281; 19, с. 155] и черная «печальная». Из панихидных покровов исключаются вещи прежде традиционных «смирных» (траурных) цветов – вишневые и фиолетовые.

Наиболее полным выражением нового ритуала стали похороны самого Петра Великого в 1725 г. В церемонии участвовали личная лошадь Петра, которая чаще прочих сопровождала его в походах – лейб-ферд – в богатом убранстве, с вышитым седлом и красно-белым плюмажем на голове и на крестце. Здесь же выступали лошади в пополах с гербами российских провинций. Лошади были без седоков, что символизировало отсутствие владельца [22, с. 173].

Затем выступала вторая личная лошадь, фрейден-ферд. Убранство ее было столь же богатым, как и у первой: попона из зеленого бархата, обложенного золотным галуном; по сторонам в картушах девизы и личная эмблема Петра в виде аллегорического сюжета [23, с. 217 – 218]. За ней следовали два латника: верховой в позолоченных латах и пеший в черных, лошадь которого, также в черном уборе, вели позади. Затем следовал гроб государя на «выносных» санях, которые везла восьмерка лошадей в черных гербовых пополах [3, с. 138].

Процесс оформления комплекса гербового конского убранства был в целом завершен к началу XIX в. Его детали регламентировались прежде всего сакральной семантикой церемониала прошлых лет, затем текущей модой, имевшей меньшее влияние, и практическими соображениями. Широкое применение покровов в парадном церемониальном убранстве как верховой, так и упряжной лошади, имело и вполне утилитарное объяснение.

Требования, предъявляемые к царским лошадям, были довольно высокими. В тяжелые парадные кареты запрягались большие ростом (К. Врангель указывает минимально допустимый рост в 4 вершка, что равно 160 см) тяжелые лошади с ровным и высоким «каретным» ходом, благородными формами, красиво поставленными густыми неподрезанными хвостами [24, с. 495 – 496]. К тому же каретная лошадь должна была уметь «красиво нести голову» [25, с. 266] – иметь правильный постав головы и шеи.

Кроме того, она «должна быть хорошо сложена и высока в переду, имея при этом чуть провислую спину (что было бы недостатком для верховой лошади), создающую в экипаже впечатление большей приподнятости переда... Каретная лошадь не должна быть ни слишком длинна ни слишком коротка» [25, с. 266 – 267].

Для торжественных процессий с царским участием требовалось более чем значительное количество лошадей. Так, перед коронацией Александра II для запряжки в коронационные кареты было закуплено 160 лошадей [26, с. 198]; на 1901 г. в конюшнях Его Императорского Величества стояло 2000 лошадей [27, с. 134]. Из всей этой массы для участия в придворных процессиях отбирались лошади тех мастей без отметин, что ценились выше прочих – вороные или светло-серые (почти белые), затем серые в яблоках, и, наконец, темно-гнедые [28, с. 196].

В этих условиях церемониальная попона не только скрывала элементы сбруи. Она была универсальным средством, позволяющим нивелировать возможные, пусть незначительные, но нежелательные с точки зрения придворного церемониала различия во внешнем виде лошадей, «если удастся достать лошадь, которая облада-

ла бы всеми названными качествами <...> так как совершенства на земле не бывает» [25, с. 497].

Завершая анализ, можно заключить, что в результате работы: уточнен предметный ряд, составляющий текстильное убранство царской лошади и терминология, характеризующая этот ряд; выявлены и идентифицированы подлинные предметы текстильного убранства, находящиеся в отечественных музейных собраниях; определена роль текстильного убранства в формировании образа властителя в России позднего Средневековья и Нового времени, где оно занимает одно из важнейших мест. Несмотря на относительное конструктивное и декоративное различие предметов разных исторических периодов, все они носят ярко выраженный репрезентативный характер. Драгоценное, как в прямом, так и в переносном смысле, убранство, служило дополнительным штрихом в демонстрации богатства государства и его правителя, способствовало выстраиванию иерархии власти и играло существенную роль в формировании образа могущественного властителя.

Литература

1. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб.: Алетея, 2010. С. 5 – 37.
2. Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. 172 с.
3. Шапиро Б. Л. Реликты славянского культа коня в погребальном обряде государственного чина по московскому обычаю // Клио. 2016. № 7(115). С. 133 – 141.
4. Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1896. 184 с.
5. [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена младшего // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1867. № 4. С. 2 – 56.
6. Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 285 – 319.
7. Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584 – 1585 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 384 с.
8. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613 – 1725 г. Вып. 2. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1883. 660 с.
9. Опись Московской Оружейной палаты: в 7 ч. 10 кн. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1884. 194; XXII с.
10. Ненарокова И. С. Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1987. 239 с.
11. Денисова М. М. Седло конца XVI века // Оружейная палата. М.: Издание Оружейной палаты, 1925. С. 125 – 132.
12. Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI – XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Искусство, 1954. С. 247 – 304.
13. Чернышев В. А. Конные повозки и экипажи в России X – XIX веков. СПб.: Форт, 2007. 368 с.
14. Клейн В. К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М.: Оружейная палата, 1925. 67 с.
15. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению: в 34-х т. Ч. 1: Народная гражданская одежда с 862 по 1700 год. СПб.: Тип. В. С. Балашев, 1899. 118 с.
16. Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М.: Московский Кремль, 2014. 192 с.
17. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584 – 1725 г. Вып. 1. М.: Типо-Литография С. П. Архипова, 1877. 376 с.
18. Писарская Л. В. Оружейная палата Кремля. М.: Московский рабочий, 1975. 240 с.
19. Чернышев В. А. Седельная сбруя XVIII – XIX веков // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Казань: Славия, 2007. С. 150 – 157.
20. Агеева О. Г. Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 249 – 269.
21. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. 322 с.
22. Гендриков В. Б. Западноевропейские влияния в императорском погребальном ритуале // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI: Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. С. 170 – 176.

23. Матвеев В. Ю. Процессия попоны с личной эмблемой Петра I в собрании Оружейной палаты // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII вв.: материалы и исследования. М.: Гос. музеи Моск. Кремля, 1984. С. 217 – 220.

24. Врангель К. Г. Книга о лошади: в 2 т. Т. 1. СПб.: Издание Ф. В. Щепанского, 1886. 597 с.

25. Гериньер Ф. Р. Конная библия. Школа верховой езды. М.: Аквариум-Принт, 2007. 320 с.

26. Бредихина И. И. Придворные экипажи. Царскосельское собрание. СПб.: Аврора, 2008. 208 с.

27. Плутников С. Л. «Государь на коне»: Российская империя под знаком всадника // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Казань: Славия, 2007. С. 131 – 141.

28. Шапиро Б. Л. Женщина в седле: история костюма для верховой езды. М.: Ленанд, 2016. 208 с.

TEXTILE HORSE CLOTH AS AN ATTRIBUTES OF ROYAL POWER

Bella L. Shapiro¹, @

¹ Russian State University for the Humanities, 6, Miusskay Square, Moscow, Russia, 125993
@ b.shapiro@mail.ru

Received 21.10.2016.

Accepted 28.11.2016.

Keywords: Russian culture, ritual, ceremonial, horsecloth, textile.

Abstract: The article discusses the importance of the textile equipment as one of the components in the system of organization of power in Russia. Items selected for examination are related to the participation of the horse, as one of the most mythologized of animals in Russian culture, in the sacred environment. In this context, we considered textile horse trappings in general, with an accent on the most important items of the tsar's ritual sphere, filled with allegorical symbolism. These are authentic objects of applied art from the collections of Russian museums, which are interpreted by the inventory and historical narrative.

Special attention is given to the equipment belonging to personal horses of Russian monarchs from Ivan the Terrible to Paul I. We investigate in detail all textile components of the ceremonial furnishings of the royal horse. We partially studied heraldic and funeral horsecloth. Summing up the results, textile horsecloth, with all its diversity in different historical periods, serves the formation of the image of a powerful monarch in the first place.

For citation: Shapiro B. L. Tekstil'noe konskoe ubranstvo v sisteme atributov tsarskoi vlasti [Textile Horsecloth as an Attributes of Royal Power]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 74 – 79. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-74-79.

References

1. Boitsov M. A. Chto takoe potestarnaia imagologiya? [What is the potestarian imagology?]. *Vlast' i obraz. Ocherki potestarnoi imagologii* [The power and image. Essays on Potestarian imagology]. Saint-Petersburg: Aleteia, 2010, 5 – 37.

2. Gvan'ini A. *Opisanie Moskovii* [Description of Muscovy]. Moscow: Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina, 1997, 172.

3. Shapiro B. L. Relikty slavianskogo kul'ta konia v pogrebal'nom obriade gosudarskogo china po moskovskomu obychaiu [Relics of slavic cult of the horse in a funeral ceremony of gosudarskie chin by Moscow tradition]. *Klio = Clio*, no. 7(115) (2016): 133 – 141.

4. Savvaitov P. I. *Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiia, ratnykh dospekhnov i konskogo pribora* [Description of ancient Russian utensils, clothes, weapons, armor and horse martial instrument]. Saint-Petersburg: Tipografiia Imp. Akademii Nauk, 1896, 184.

5. Veber I., Lund M. I. Podlinnoe izvestie o russkom i moskovskom puteshestvii i v"езде svetleishego vysokorodnogo kniazia i gosudaria, gospodina gertsoga Iogansena mladshago [The real news of the Russian and Moscow tour and entrance of His Serene Highness highborn prince and sovereign, Mr. Johannsen Duke Jr]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh = Readings in the Society of History and Russian Antiquities*, no. 4 (1867): 2 – 56.

6. Rode A. *Opisanie vtorogo posol'stva v Rossiiu datskogo poslannika Gansa Ol'delanda v 1659 godu* [Description of the second Russian embassy in the Danish envoy Hans Oldeland in 1659]. *Proezhaia po Moskovii* [Driving along of Muscovy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1991, 285 – 319.

7. Gruneveg M. *Zapiski o trgovoi poezdke v Moskvu v 1584 – 1585 gg.* [Notes on a shopping trip to Moscow in 1584 – 1585 years]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2013, 384.

8. Viktorov A. E. *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1613 – 1725 g.* [Description of notebooks and papers of ancient palaces orders in 1613 – 1725 years]. Moscow: Tip. M. P. Shchepkina, vol. 2 (1883): 660.

9. *Opis' Moskovskoi Oruzheinoi palaty. Ch. 6. Kn. 5: Koniushennaia kazna. Lovchii snariad* [Inventory of the Moscow Armory. Part 6. Book 5: Stables Treasury. Hunting equipment]. Moscow: Tip. O-va rasprostraneniia poleznykh knig, 1884, 194; XXII.

10. Nenarokomova I. S. *Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremliia* [State Museums of the Moscow Kremlin]. Moscow: Iskusstvo, 1987, 239.
11. Denisova M. M. Sedlo kontsa XVI veka [A saddle late of the XVI century]. *Oruzheinaia palata* [Kremlin Armoury chamber]. Moscow: Izdanie Oruzheinoi palaty, 1925, 125 – 132.
12. Denisova M. M. Koniushennaia kazna. Paradnoe konskoe ubranstvo XVI – XVII vekov [Stables Treasury. Ceremonial horse harness XVI – XVII centuries]. *Gosudarstvennaia Oruzheinaia palata Moskovskogo Kremliia* [State Armory Chamber of the Moscow Kremlin]. Moscow: Iskusstvo, 1954, 247 – 304.
13. Chernyshev V. A. *Konnye povozki i ekipazhi v Rossii X – XIX vekov* [Horse wagons and carriages in Russia X – XIX centuries]. Saint-Petersburg: Fort, 2007, 368.
14. Klein V. K. *Inozemnye tkani, bytovavshie v Rossii do XVIII v., i ikh terminologiya* [The foreign tissue that existed in Russia until the XVIII century, and their terminology]. Moscow: Oruzheinaia palata, 1925, 67.
15. Viskovatov A. V. *Istoricheskoe opisanie odezhd i vooruzhenii rossiiskikh voisk s risunkami, sostavlennoe po vysochaishemu poveleniiu. Ch. 1: Narodnaia grazhdanskaia odezhda, s 862 po 1700 god* [The historical description of clothing and weapons of Russian troops with drawings, drawn up by imperial order. Part 1: People civilian clothes, since 862 to 1700 years]. Saint-Petersburg: Tip. V. S. Balashev, 1899, 118.
16. *Opis' tsarskoi kazny na Kazennom dvore 1640 goda* [Inventory of the royal treasury to Government office in 1640]. Moscow: Moskovskii Kreml', 2014, 192.
17. Viktorov A. E. *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinykh dvortsovykh prikazov 1584 – 1725 g.* [Description of notebooks and papers of ancient palaces orders in 1584 – 1725 years]. Moscow: Tipo-Litografiia S. P. Arkhipova, vol. 1 (1877): 376.
18. Pisarskaia L. V. *Oruzheinaia palata Kremliia* [Kremlin Armoury chamber]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1975, 240.
19. Chernyshev V. A. Sedel'naia sbrua XVIII – XIX vekov [Saddlery harness XVIII – XIX centuries]. «*Poltsarstva za konia...*» *Loshad' v mirovoi kul'ture. Proizvedeniia iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha* [“Half a kingdom for a Horse...” The horse in world culture. The exhibition catalog. Artworks from the collection of the State Hermitage]. Kazan': Slaviia, 2007, 150 – 157.
20. Ageeva O. G. Evropeiskie obraztsy i tseremonialy russkogo imperatorskogo dvora XVIII v. [European models and Russian imperial court ceremonies of the XVIII century]. *Rossia i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriiatiia* [Russia and the world through the eyes of each other: from history of mutual perception]. Moscow: IRI RAN, vol. 3 (2006): 249 – 269.
21. Korb I. G. *Dnevnik putestestviia v Moskviiu (1698 i 1699 gg.)* [Diary of a journey to Muscovy (1698 and 1699 years)]. Saint-Petersburg: Izd. A. S. Suvorina, 1906, 322.
22. Gendrikov V. B. Zapadnoevropeiskie vliianiia v imperatorskom pogrebal'nom ritual [Western European effect of in the imperial funeral rites]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XXXVI: Rossiiskii imperatorskii dvor i Evropa. Dialogi kul'tur* [Proceedings of the State Hermitage. Vol. XXXVI: Russian Imperial Court and Europe. Dialogue of cultures]. Saint-Petersburg: Izd-vo GE, 2007, 170 – 176.
23. Matveev V. Iu. Protsessionnaia popona s lichnoi emblemoi Petra I v sobranii Oruzheinoi palaty [Processional blanket with a personal emblem of Peter I in the Armoury collection]. *Proizvedeniia russkogo i zarubezhnogo iskusstva XVI – nachala XVIII vv.: Materialy i issledovaniia* [The works of Russian and foreign art XVI – beginning of the XVIII century: Materials and research]. Moscow: Gos. muzei Mosk. Kremliia, 1984, 217 – 220.
24. Vrangeli K. G. *Kniga o lozhadi* [A book about a horse]. Saint-Petersburg: Izdanie F. V. Shchepanskogo, vol. 1 (1886): 597.
25. Gerin'er F. R. *Konnaia bibliia. Shkola verkhovoi ezdy* [Horse Bible. Horse riding school]. Moscow: Akvarium-Print, 2007, 320.
26. Bredikhina I. I. *Pridvornnye ekipazhi. Tsarskosel'skoe sobranie* [Courtiers carriages. Tsarskoye Selo collection]. Saint-Petersburg: Avropa, 2008, 208.
27. Plotnikov S. L. «Gosudar' na kone»: Rossiiskaia imperiia pod znakom vsadnika [“The emperor on horseback”: Russian Empire under the sign of the rider]. «*Poltsarstva za konia...*» *Loshad' v mirovoi kul'ture. Proizvedeniia iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha* [“Half a kingdom for a Horse...” The horse in world culture. The exhibition catalog. Artworks from the collection of the State Hermitage]. Kazan': Slaviia, 2007, 131 – 141.
28. Shapiro B. L. *Zhenshchina v sedle: istoriia kostiuma dlia verkhovoi ezdy* [Woman on horseback: the history of riding dress]. Moscow: Lenand, 2016, 208.

УДК 94 (62)

ЕГИПЕТ. ЛОМАНАЯ ПИРАМИДА СНЕФРУ В ДАШУРЕ. ВЕРХНЯЯ КАМЕРА – КАМЕРА СМЕРТИ

Александр М. Ярощук^{1, @}

¹ Кемеровское отделение Союза писателей России, Россия, 650000, г. Кемерово, Советский пр-т, 40
@ kemprosaik@mail.ru

Поступила в редакцию 03.10.2016.
Принята к печати 23.12.2016.

Ключевые слова: Ломаная пирамида, верхняя камера, Порткулиса, массив, туннель.

Аннотация: Статья посвящена исследованию устройства и назначения верхней камеры в Ломаной пирамиде Снефру. Доказывается, что камера являлась ложной усыпальницей фараона, служила приманкой для воров и предназначалась для убийства их углекислым газом в замкнутом пространстве. Неоднократная «реконструкция» камеры проводилась для сокращения объёма воздуха, пригодного для дыхания. Порткулиса при срабатывании обеспечивала герметичность камеры. Обоснована её конструкция и способ достижения герметичности затвора. Установлена связь между способами сопряжения Порткулис в пирамидах Снефру и современным лабиринтным уплотнением. Предложена новая версия назначения и мотив постройки соединительного туннеля между верхним и нижним ярусами помещений. Доказано, что верхний ярус: камера, колодцы, Порткулисы – в совокупности представляет собой хитроумную западню. В статье сделан вывод, что открыт новый вид ловушки на человека, изобретённый в Египте и успешно реализованный в Ломаной пирамиде Снефру.

Для цитирования: Ярощук А. М. Египет. Ломаная пирамида Снефру в Дашуре. Верхняя камера – камера смерти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 80 – 84. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-80-84.

Ломаная пирамида Снефру (отца Хеопса) со своей спутницей находятся у деревни Дашур, расположенной среди развалин Мемфиса, древней столицы Египта. Хотя её исследовали крупные учёные-археологи, убедительно доказать назначение помещений до сих пор никому ещё не удалось. Ломаную пирамиду впервые посетил в 1737 г. английский юрист Р. Покок (1704 – 1769), обстоятельно исследовал А. Хусейн (1846 – 1937), а позднее – египетский археолог А. Фахри (1905 – 1973). В 2012 г. экспедиция ИСИДА (исследовательское сообщество по изучению древних артефактов) провела комплексное исследование Ломаной пирамиды [1]. Были сделаны сотни фотографий В. Андросовым, написана обширная статья с мельчайшими подробностями о внутреннем устройстве архитектором А. Пучковым, но понимания назначения этих помещений так и нет. Наоборот, всё это только прибавило загадок (рис. 1).

Внутреннее устройство Ломаной пирамиды не столько сложное, сколько непонятное и загадочное. С западной и северной сторон – два отдельных самостоятельных входа в два яруса внутренних помещений, соединённых туннелем [2]. Эти входы закрывали поворотные плиты на шарнирах, каждая весом около трёх тонн. Сейчас северный вход завален мусором с пирамиды. Все исследователи, описывая Ломаную пирамиду, заканчивают традиционной фразой – «камеры непонятного назначения». Камеры в пирамиде не соответствуют усыпальницам фараона. По тысячелетним традициям в Египте вместе с фараоном в усыпальницу укладывались вещи, которыми пользовался правитель при жизни и с которыми должен пребывать в загробном мире. В пирамидах Снефру ничего не находили: ни саркофага, ни его обломков, ни

мумий. Вынести саркофаг через имеющиеся лазы невозможно. Расхитителям нужны только золото и драгоценности, а мумии и саркофаги им без надобности. К примеру, в камере фараона Аменемхета II и у его пирамиды лежат обломки саркофага из кварцита, и никому до них нет дела [2]. Это пришлые европейцы тащили из Египта всё, что попадало им в руки и что можно было продать, от ценнейших артефактов, обломков саркофага и до облицовочной плиты.

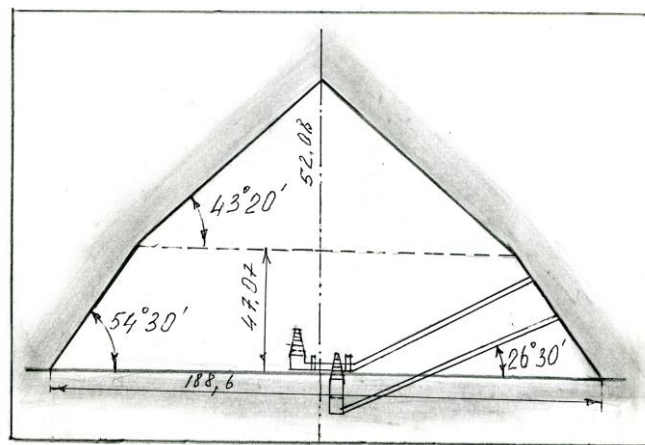

Рис. 1. Ломаная пирамида. Рисунок по схеме А. Хусейна [3]

Fig. 1. Bent Pyramid. Pattern according to A. Husein's scheme [3]

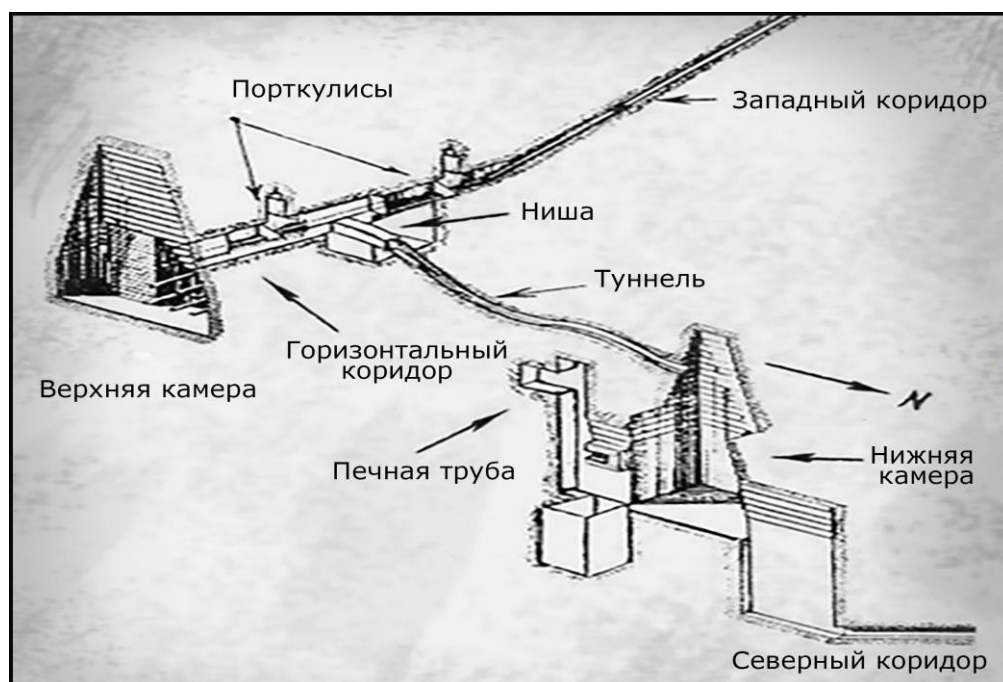

Рис. 2. Схема внутренних помещений по А. Фахри [4]

Fig. 2. A diagram of interior spaces by A. Fakhri [4]

В нижнем ярусе как единое целое – две совмещённые камеры. Высокие переходы между ними снабжены деревянными лестницами, а местами для безопасного подъёма применяются закреплённые верёвки. В последней (от входа) камере – глухая узкая, высокая полость, получившая название Печная труба (рис. 2).

В верхнем ярусе нисходящий коридор переходит в горизонтальный, по обе стороны которого расположены две многотонные Порткулисы, защищающие верхнюю камеру. Одна из них сработала и перекрыла коридор. В ней пробит лаз, через который можно попасть в помещения верхнего яруса. Другая Порткулиса в насторожённом положении подперта брусками. Между ни-

ми два колодца, похожих на ловушки. Сейчас для безопасного прохода колодцы перекрыты дощатыми настилами. Верхняя камера размером 7,95 на 5,26, высотой 16,5 метров. Поверхности стен, сводчатый потолок в камере сильно разрушены. Нижняя камера в идеальном состоянии. Убедительно объяснить такую разницу помещений в одной пирамиде до сих пор никто ещё не смог. А. Пучков в статье [5] в главе 10 «Первичная планировка Западной системы помещений и разрушение ступенчатого свода верхней камеры» доказывает, что камера неоднократно подвергалась реконструкции (рис. 3). Подробно объясняет эти работы, но не может обосновать, с какой целью они производились.

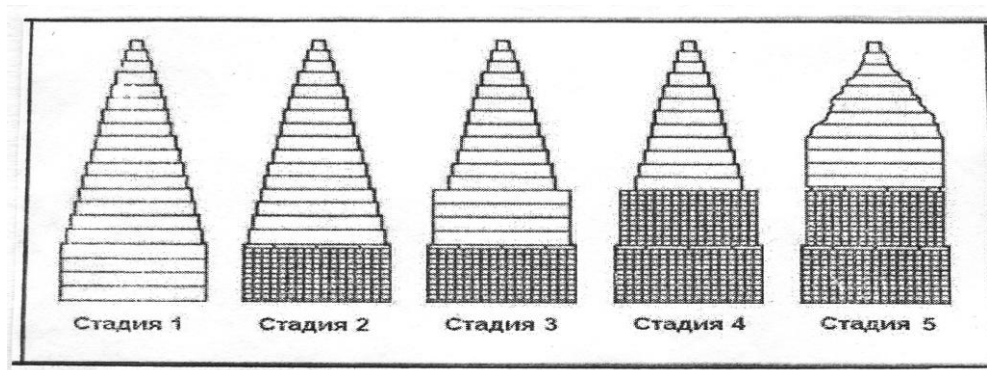

Рис. 3. Реконструкция верхней камеры по А. Пучкову [5]

Fig. 3. Reconstruction of the upper chamber by A. Puchkov [5]

«Стадия 1. Оригинальная планировка верхней камеры. Стадия 2. Первый этап «реконструкции». Пространство камеры до первой ступени свода заполнено мелкими блоками. Полом служат плоские плиты. Стадия 3. Первые 4 ступени перекрытия срубаются, чтобы получить

ровные стены камеры. Ступенчатый свод тоже собирались расширить, чтобы он соответствовал новой ширине камеры. Стадия 4. Второй этап «реконструкции». Принятые меры оказались недостаточными, и камеру опять решили заполнить мелкими блоками, при этом пол камеры под-

нялся ещё на 4 ряда кладки. Стадия 5. Стены камеры снова выравнивают, срубив 4 ступени перекрытия. Свод грубо стёсывают для расширения под новую ширину камеры. Работы на этом этапе останавливаются, и мы видим грубо выполненный свод, похожий на свод пещеры» [5].

А. Фахри [4] при описании сработавшей Порткулисы указывает, что она оштукатурена с обеих сторон. Возникают вопросы: во-первых, почему понадобилось оштукатурить обе стороны Порткулисы? Египтяне наносили штукатурку с одной целью – роспись фресок [6 – 8]. Ни в одной пирамиде Древнего царства фресок нет, тем более в коридорах. Несработавшая Порткулиса имеет отполированные поверхности. Во-вторых, с какой целью сделали ниши для Порткулис в противоположной стене коридора? В обычной практике строители применяли простое смыкание заслонок со стеной коридора. Например, в Предкамере пирамиды Хеопса (направляющие буртики по краям запорных плит в расчёт не берём), в спутнице Ломаной пирамиды [9]. Приходим к выводу, что опрокидывающаяся Порткулиса при падении должна была плотно закупорить коридор, и слой штукатурки служил герметиком. Ниша в противоположной стене коридора увеличивала площадь сопряжения Порткулисы, повышая уровень герметичности (рис. 4).

Уникальность конструкции этой Порткулисы заключается в том, что её опрокидывание неочевидно. Её невозможно зафиксировать, как подпёртую Порткулису. Потому-то сотни лет исследователи гадали: почему и как сработала Порткулиса. Поясним – на несработавшей Порткулисе вектор движения направлен вдоль наклонной плоскости, на которой она стоит, и параллелен подпирающему её брусу. В случае со сработавшей Порткули-

сой вектор движения направлен перпендикулярно к наклонной плоскости и был бы направлен перпендикулярно брусу. Поэтому поворот Порткулисы вокруг точки опоры подобной подпоркой не остановить!

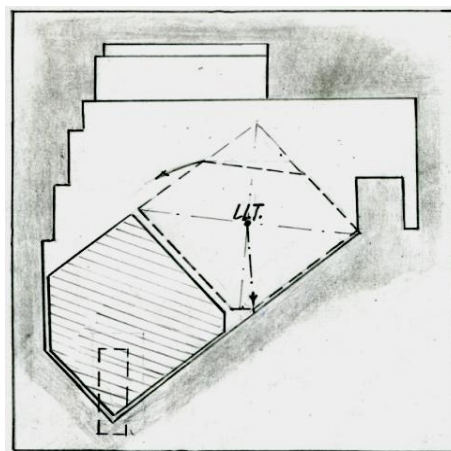

Рис. 4. Опрокидывающаяся Порткулиса (рис. автора) [10]

Fig. 4. Tilting Porticulis (author's sketch) [10]

Если всмотреться в схему поэтапного сопряжения Порткулис со стенами коридора в комплексе Ломаной пирамиды, то обнаружим сходство с лабиринтным уплотнением. Возможно, это первый прототип современного лабиринтного уплотнения валов в насосах и компрессорах. Он основан на удлинении пути уплотнения (рис. 5).

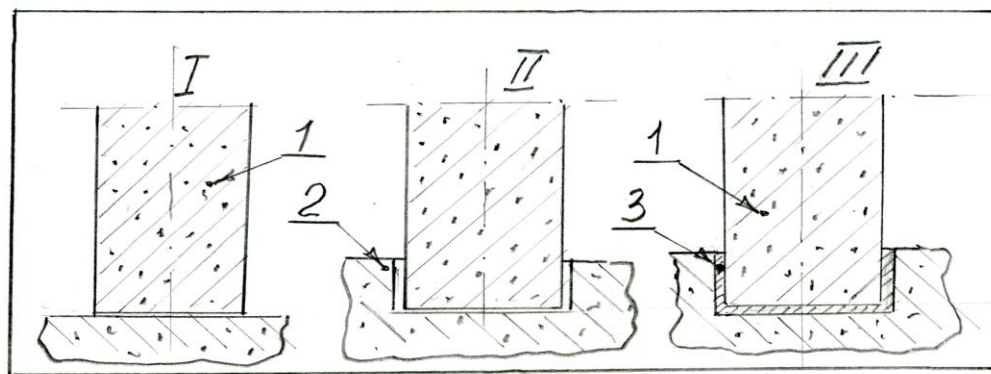

Рис. 5. Сопряжения стены коридора с Порткулисами (рис. автора)

Fig. 5. Pairing the wall of the corridor with Porticullises (author's sketch)

Примечание: Вид сверху на разрез по оси коридора: I – в спутнице Ломаной пирамиды, II – в Ломаной пирамиде с подпёртой Порткулисой, III – со сработавшей Порткулисой, где: 1. Порткулиса; 2. Стена коридора; 3. Слой штукатурки.

Известный немецкий писатель К. Керам (Марек) в своей книге «Боги, гробницы, учёные» отвёл грабителям пирамид целую четырнадцатую главу «Грабители в Долине Царей» [11]. И всё-таки был вынужден в каждой главе говорить о расхитителях. И на это есть веские причины: что ни захоронение, то ограблено. Негласно шло соревнование: одни придумывали всякий раз новые способы защиты, чтобы уберечь захоронения, другие – разгадывали их секреты. Здесь следует особо подчеркнуть, что система защиты усыпальниц никогда не повто-

ряется. Где-то её разгадали, а где-то до сих пор нет. Выходит, что грабители вольно или невольно ускоряли технический прогресс. Автору представляется, что именно воры вынудили фараонов строить громадные пирамиды, чтобы уберечься от грабителей. Убереглись ли – до конца не ясно. У каждой пирамиды есть своя история попыток ограбления, которые в одном случае для воров кончались удачно, а в другом нет. В этом ряду не стала исключением и Ломаная пирамида Снефру.

Учитывая всё описанное выше, автор выдвигает версию, что в этой пирамиде была сооружена ловушка на грабителей. И если судить по опущенной Порткулисе со стороны входа, ловушка сработала! Об этом говорит лаз, пробитый в верхней правой части Порткулисы. Именно с этой целью и проводились неоднократные «реконструкции» камеры для сокращения объёма воздуха. Судя по этапам реконструкции, описанной А. Пучковым, объём камеры подбирался опытным путём. Возможно, всё происходило следующим образом: в камере оставляли пару человек, закладывали герметично коридор у Порткулисы, которая в будущем должна сработать, фиксировали время, когда у испытуемых начнётся агония. Затем сравнивали со временем, за которое один человек мог пробиться через Порткулису на свободу. Следует напомнить, что в таком коридоре ($1,06 \times 1,06$ м) мог работать только один человек. Проверили, кислорода хватает. Следовательно, нужно уменьшить объём камеры. Уменьшили путём укладки мелких блоков на пол по всему периметру. Проверили – выживут! Вторично уменьшают. Но дальше уменьшать объём камеры таким образом нельзя, не останется места для саркофага. Тогда принимается решение – заполнить свободное пространство у муляжа саркофага горкой блоков, который исследователи и назовут «массив». Однако, несмотря на немалые усилия по сокращению объёма камеры, колодцы не засыпали, хотя там был значительный запас воздуха. Очевидно, им предстояло выполнить важную задачу. Можно предположить, что в колодцах мог находиться некий скрытый механизм, который должен был в нужное время привести в действие Порткулису. То, что при каждой «реконструкции» стремились сохранить конфигурацию камеры, несмотря на опасность обрушения свода, тоже можно объяснить. К тому времени уже был подготовлен ложный саркофаг (муляж), который и должен был занять этот объём. Поверхность покрыли росписями, возможно, даже золотыми украшениями, печатями, тем самым придав муляжу вид царского захоронения. В этой пирамиде среди обычных мер защиты была применена совершенно новая опрокидывающаяся Порткулиса, которая до этого никем не описана. Именно этот тип запорного устройства оказался неожиданным для расхитителей. На эту версию и навела фраза А. Фахри об оштукатуренной Порткулисе. В итоге классическая ловушка: ложный саркофаг – приманка, Порткулиса – перекрывающая коридор – и убивающий воров углекислый газ, продукт дыхания и горения факелов.

При исследовании пирамиды у многих возникает вопрос, с какой целью проложен соединительный туннель?

Многие склонны считать его воровским. Но для чего, если можно пробить в десятки раз проще через Порткулису. Что и сделано. Хотя он больше похож на отдушину. Другие считают, что его пробили сами строители. Опять неясно, для чего? Главное, чего недостаёт в определении, чьих рук это дело, убедительного мотива. По версии автора статьи, причина прокладки туннеля может быть следующей. После того, как сработала ловушка, возникла необходимость спасти замурованных. Грабители, пробив лаз через Порткулису в камеру, проникли в помещение. По погасшим светильникам (из-за отсутствия кислорода в воздухе) поняли, что там спасти некого и им самим грозит смертельная опасность. Но там, в камере, сокровище! Что делать? Вентиляция отсутствует, свежий воздух корзинами не наносишь. Остаётся только ждать, когда проветрится. Но сколько? Углекислый газ тяжелее воздуха и из такого глубокого помещения самостоятельно не выйдет. Остаётся единственный выход – бить туннель с нижнего яруса, чтобы сквозняком выдуть углекислый газ. Не имея возможности работать в Печной трубе из-за её конструкции (сечение $1,3 \times 0,82$ м), они начали из самого верха сводчатого потолка нижней камеры. Так был пробит туннель в обход Печной трубы. Но есть одна загадка, а именно, как они так точно вышли на горизонтальный коридор, и что ещё важнее – на боковую нишу в стене горизонтального коридора. При этом вслепую пробивая проход длиной более десяти метров! Это возможно только в одном случае – туннель был выполнен в самом начале стройки. Он соединял Печную трубу с горизонтальным коридором верхнего яруса и использовался для вентиляции верхних помещений. Затем строители посчитали, что он выполнил свою задачу, и заложили его наглухо. При этом чтобы грабители им не воспользовались, посередине уложили кварцитовые глыбы. Вот потому-то грабители, обходя кварцитовую пробку, стремились выйти на заложенный туннель, который было легче разбирать. Он и вывел их прямо на нишу. Иначе объяснить его надобность и целесообразность затруднительно. В свете этой версии туннель предстаёт перед нами и как воровской, и как спасательный (если назвать эвакуацию трупов из камеры спасением).

Проведённое исследование позволяет заключить, что открыт новый тип ловушки на человека, изобретённый в Египте и успешно реализованный в Ломаной пирамиде Снефру.

Литература

1. Унис Д. Отчёт об экспедиции в Египет. 2012 // Исида. Режим доступа: <http://isida-project.ucoz.com/forum/31-18-1>
2. Скляр А. Ю. Пирамиды. Загадки строительства и назначения. М.: Вече. 2013. 288 с.
3. Томпкинс П. Тайны Великой пирамиды Хеопса. Загадки двух тысячелетий. М.: Центрполиграф. 2008. 480 с.
4. Фахри А. Древние загадки Фараонов. М.: Центрполитиздат. 2008. 256 с.
5. Пучков А. Комплекс Ломаной Пирамиды. Факты, идеи, гипотезы. 2013 // Исида. Режим доступа: http://isida-project.org/publ/stati/drevnie_sooruzhenija/kompleks_lomanoj_piramidy_fakty_idei_gipotezy/6-1-0-8
6. Египет: земля фараонов. Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации». М.: Наука. 2001.
7. Перринг Д. Пирамиды в Гизе. Ч. III. Пирамиды южнее Гиз. Лондон, 1837.
8. Шалаби А. Весь Египет. От Каира до Абу-Симбела и Синай. Флоренция, 2003. 128 с.
9. Ярошук А. Грузовой лифт пирамиды Хеопса // News of science: Proceedings of materials the international scientific conference, 30 – 31 августа 2015 г. Ред. Н. П. Несговорова. М. – Карловы Вары. С. 139 – 156.

10. Ярошук А. М. Египет. Открыт неизвестный тип порткулисы в ломаной пирамиде Снефру в Да-шуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 104 – 107. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-104-107.
11. Керам К. Боги, гробницы, учёные. М.: Издательство иностранной литературы. 1963. 400 с.

EGYPT. THE BENT PYRAMID OF SNEFERU AT DAHSHUR. THE UPPER CHAMBER – THE CHAMBER OF DEATH

Alexander M. Yaroschuk^{1, @}

¹ Kemerovo Union of Russian Writers, 40, Sovetskii Ave., Kemerovo, Russia, 650000
@ kemprosaik@mail.ru

Received 03.10.2016.

Accepted 23.12.2016.

Keywords: Bent Pyramid, the Upper chamber, Portkulisa, Massive, tunnel.

Abstract: The article investigates the design and the purpose of the Upper chamber of the Bent Pyramid of Sneferu. The author proves that the Upper chamber was a false tomb of the Pharaoh. The chamber served as bait for thieves and was designed to kill them with carbon dioxide in the confined space. Repetitive "reconstructions" of the chamber were performed to reduce the volume of air suitable for breathing. The portcullis, when triggered, ensured the airtightness of the chamber. The article establishes the connection between the ways of the portcullis conjugation in the Sneferu Pyramid and a modern labyrinth seal. A new version of the purpose and the motive for construction of the connecting tunnel between the upper and lower tiers of the premises is offered. It is proved that the top tier consisting of the chamber, the wells and the portcullis represent a cunning trap. The article concludes that a new kind of a human trap was invented in Egypt and successfully implemented in the Bent Pyramid of Sneferu.

For citation: Yaroschuk A. M. Egipet. Lomanaia piramida Snefru v Dashure. Verkhniaia kamera – kamera smerti [Egypt. The Bent Pyramid of Sneferu at Dahshur. The Upper Chamber – the Chamber of Death]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 80 – 84. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-80-84.

References

1. Younis D. *Otchet ob ekspeditsii v Egipet* [The report on the expedition to Egypt]. 2012. Available at: <http://isida-project.ucoz.com/forum/31-18-1>
2. Skliarov A. Iu. *Piramidy. Zagadki stroitel'stva i naznachenii* [Pyramid. Riddle construction and purpose]. Moscow: Veche, 2013, 288.
3. Tompkins P. *Tainy Velikoi piramidy Kheopsa. Zagadki dvukh tysiacheletii* [The mystery of the great pyramid of Cheops. Mysteries of two thousand years]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008, 480.
4. Fakhry A. *Drevnie zagadki Faraonov* [The ancient mysteries of the Pharaohs]. Moscow: Tsentrpolitizdat, 2008, 256.
5. Puchkov A. *Kompleks Lomanoi Piramidy. Fakty, idei, gipotezy* [Complex Sloping Pyramid. Facts, ideas, hypotheses]. 2013. Available at: http://isida-project.org/publ/stati/drevnie_sooruzhenija/kompleks_lomanoj_piramidy-fakty_idei_gipotezy/6-1-0-8
6. *Egipet: zemlia faraonov. Entsiklopediia "Ischeznuvshie tsivilizatsii"* [Egypt: land of the pharaohs. Encyclopedia "Lost civilization"]. Moscow: Nauka, 2001.
7. Perring D. *Piramidy v Gize. Chast' III. Piramidy Gize* [The pyramids of Giz. Part III. The pyramids South of Giza]. London, 1837.
8. Shalabi A. *Ves' Egipet. Ot Kaira do Abu-Simbela i Sinai* [The Whole Of Egypt. From Cairo to Abu Simbel and Sinai]. Florentsiia, 2003, 128.
9. Yaroshchuk A. Gruzovoi lift piramidy Kheopsa [The freight Elevator of the pyramid of Cheops]. *News of science: Proc. Intern. Sc. Conf.*, August 30 – 31 2015, Ed. Nesgovorova N. P. Moscow – Karlovy Vary, 139 – 157.
10. Yaroschuk A. M. Egipet. Otkryt neizvestnyi tip portkulisy v lomanoi piramide Snefru v Dashure [Egypt. An unknown portcullis type is discovered in the Bent Pyramid of Sneferu in Dushore]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2016): 104 – 107. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-104-107.
11. Ceram K. *Bogi, grobnitsy, uchenye* [Gods, tombs, scientists]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1963, 400.

УДК 159.9+316.6

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВЫДЕЛЕНИЮ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ, ФОРМИРУЕМЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Ольга О. Андронникова^{1, @1}, Наталья С. Беззубова^{1, @2}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28

@1 andronnikova_69@mail.ru

@2 natally13bezz@gmail.com

Поступила в редакцию 30.09.2016.

Принята к печати 16.11.2016.

Ключевые слова: модернизация образования, универсальные компетенции, воспитательная деятельность.

Аннотация: В данной статье отражены проблемы модернизации российского образовательного пространства, предложены варианты решения данных проблем. Выделены направления изучения воспитательной системы в образовании. В статье представлен анализ существующих методологических подходов к определению понятия «универсальные компетенции». Раскрыты понятия «компетенция» и «универсальная компетенция» в системе современного образования. Описаны педагогические условия, позволяющие освоить комплекс универсальных компетенций в образовательном пространстве. Представлены технологии формирования универсальных компетенций посредством воспитательной деятельности. Проанализирован опыт реализации воспитательной деятельности высших учебных заведений на основе компетентностного подхода. Обобщены теоретические и эмпирические аспекты деятельности вузов по выделению системы универсальных компетенций. Обозначен комплекс базовых универсальных компетенций, необходимых для успешной профессиональной и личной реализации специалиста гуманитарного профиля, в том числе выпускника факультета психологии. Выделены основные составляющие системы универсальных компетенций, к которым относятся высокие личностные характеристики и способности реализовывать приобретенные навыки, знания и опыт. Предложен ряд видов воспитательной деятельности, в рамках которых могут быть сформированы универсальные компетенции. Обнаружено, что в рамках воспитательной работы в вузе необходимо формировать универсальные компетенции студента не только посредством учебной деятельности, но и с помощью системы различных мероприятий в течение всего периода обучения.

Для цитирования: Андронникова О. О., Беззубова Н. С. Методологические подходы к выделению универсальных компетенций, формируемых в воспитательном пространстве вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 85 – 89. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-85-89.

Актуальность

Процесс глобализации охватывает все сферы жизни мирового сообщества, формируя единое экономическое, политическое, культурное, информационное, образовательное и социальное пространство. Развитие многих стран обусловлено рядом критериев: мобильностью, способностью гибко реагировать на ежедневные изменения, умением выстраивать тесное взаимодействие с другими странами, конкурентоспособностью молодых специалистов и их умением отвечать актуальным тенденциям становления мирового сообщества.

Происходящие в России изменения приводят к необходимости переосмысления всей системы высшего образования с учетом социокультурных трансформаций последних десятилетий. Современный этап модернизации отечественного образования отвечает мировым тенденциям интеграции современного общества, являясь приоритетным направлением государственной политики. Эффективное преобразование педагогического пространства как одного из важных факторов развития нашей страны позволит обеспечить увеличение конкурентоспособности выпускников на рынке труда, формирование качественно

нового уровня специалистов в различных областях теории и практики, а также повышение интеллектуального потенциала современного российского общества.

Тем не менее в настоящее время в рамках модернизации педагогического образования наблюдается ряд сложностей, касающихся как технологии организации самого процесса обучения, так и его содержания и структуры.

Первой проблемой изменения педагогического пространства в России выступают концептуальные рамки, задающие требования к специалисту и обозначенные в профессиональном стандарте, вызывающие сложности согласования трудовых функций и трудовых действий, которыми апеллирует профессиональный стандарт, с компетенциями, прописанными в образовательном стандарте.

Вторая проблема заключается в необходимости перехода на компетентностно-ориентированную систему подготовки специалистов при фрагментарно прописанных путях формирования требуемых компетенций. Четыре обозначенных в современной науке пути развития компетенций (погружение в практику, изменение образовательной политики, особенности планирования, интеграция

теоретических и практических компонентов образования) не в полной мере гарантируют овладение необходимыми компетенциями. Одним из дополнительных путей формирования необходимых компетенций может стать воспитательная деятельность, позволяющая создавать необходимые условия и имеющая эффективные инструменты влияния на личность учащегося. Однако данный путь также требует переосмысления и выработки новых подходов.

Третьей проблемой может выступать сама специфика модернизации системы образования России, в рамках которой не определена концептуальная роль педагога в современном мире. Модернизация, направленная не на концептуальное определение значимости учителя, а на подбор технологий обучения и привлечение кадров в педагогическую систему, не решает кардинальные противоречия.

Четвертой проблемой модернизации педагогического образования является смена модели преподавания и дифференцирование преподавателей на две категории в результате необходимости разработки высокотехнологизированных систем обучения, при наличии менее квалифицированных тьюторов, сопровождающих учебный процесс.

Таким образом, в рамках процесса модернизации педагогического образования необходимо решить ряд проблем, связанных с формированием профессионала в высшей школе.

Одним из решений данного вопроса может быть переход на системный подход в образовании. Актуальные процессы модернизации образования позволяют осуществить многоканальный вход в профессию и получение дополнительных компетенций в процессе модульного обучения. Тем не менее важно найти такой индивидуальный маршрут, который позволит освоить ряд универсальных компетенций не только через профессиональную производственную практику и проектную деятельность, но и через организацию различных мероприятий и проектов, культурно-массовую деятельность, ряд социально значимых и общественно-ориентированных мероприятий, волонтерское движение и т. д.

Необходимо создать такие педагогические условия, которые позволят молодому специалисту, независимо от его личностных качеств и профессиональных компетенций, освоенных им в рамках обучения, дополнительно получить ряд универсальных компетенций, которые дадут ему возможность быть эффективным и востребованным на рынке труда. Данные условия могут быть созданы в рамках воспитательной деятельности вуза.

Для решения поставленной проблемы необходимо разработать модель, через включение в которую студент получит ряд профессиональных навыков, универсальных и организаторских компетенций. Для достижения поставленной приоритетной задачи, разработки модели воспитательной деятельности в высшем образовании, необходимо решить ряд подзадач: выделить набор универсальных компетенций; определить дескрипторы выделенных универсальных компетенций, формируемых в рамках воспитательной деятельности; разработать критерии измерения сформированности универсальных компетенций; разработать систему мероприятий в рамках воспитательного процесса, создающих условия для формирования универсальных компетенций.

Методологическими положениями, обеспечивающими решение поставленных задач, выступает ряд теоретических подходов. Присоединяясь к классическому

пониманию образования, необходимо отметить, что образование включает в себя не только учебную деятельность, но и процесс воспитания. Однако анализ современного состояния воспитательного процесса в вузе показал, что теория и практика воспитания переживает кризис. В связи с этим необходимо принципиально переосмыслить задачи и содержание воспитания молодежи в вузе. По мнению Е. И. Дудкиной, сформированная ранее идеологизированная воспитательная система в высшей школе, кардинально изменившаяся в постперестроечный период, стала неспособна выполнять поставленные перед ней цели и задачи в воспитании современной молодежи, что привело к свертыванию воспитательной работы со студентами [1].

Однако ряд компетенций, таких как навыки межличностных отношений, работа в команде, способность к критике и самокритике, лидерство, стремление к успеху, умение брать на себя ответственность за принятие решения и т. д. возможно сформировать в полном объеме только в рамках комплексного подхода, включающего в себя воспитательную, учебную, методическую, научную деятельность.

Возникает необходимость поставить закономерный вопрос о технологиях формирования универсальных компетенций через воспитательную деятельность. В настоящий момент разработаны и утверждены профессиональные стандарты, в основе которых лежат требования к профессиональной деятельности и именно эти стандарты являются опорой для проектирования педагогического процесса и выстраивания образовательной деятельности. Глобальность поставленной задачи перед образованием требует системного многовариативного подхода. Ресурс воспитательной системы, ориентированной на формирование определенных универсальных компетенций, дает колоссальные возможности для решения данной задачи.

В современной науке существуют различные подходы к пониманию универсальных компетенций. А. В. Хуторский под компетенцией понимает «совокупность взаимосвязанных качеств, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, необходимых, чтобы качественно и продуктивно действовать по отношению к ним» [2, с. 60].

Говоря о компетенции, Э. Ф. Зеер обозначает, что это «содержательные обобщения теоретических и эмпирических знаний, представленные в форме понятий, принципов, закономерностей, практико-ориентированных положений и процедурных предписаний» [3, с. 39].

В. Н. Введенский характеризует проявление универсальных компетенций «не только в решении профессиональных задач, но и в том, как человек воспринимает, оценивает, понимает мир за пределами своей профессии». Такой подход предполагает широкий спектр умений будущего специалиста [4, с. 53].

Г. М. Парникова под понятием «универсальные компетенции» понимает обобщенно представленные основные компетенции, которыми должен обладать будущий специалист и которые можно было бы применять в самых различных ситуациях [5, с. 54].

Анализ различных подходов дает возможность определиться с пониманием понятия «универсальные компетенции». Под универсальными компетенциями мы будем понимать те компетенции, которые позволяют будущему специалисту быть успешным как в профессиональной

деятельности, так и вне ее. На наш взгляд, успешность в профессии и в личной жизни дает полное понимание сути универсальной компетенции. Успешный человек в полной мере реализует себя во всех сферах своей жизни, эффективно решая вопросы и находя решение в различных, в том числе стрессовых ситуациях.

В современном образовании активно реализуется деятельность по обозначению универсальных компетенций, которые необходимо сформировать в вузе, однако единого представления об их наборе на данный момент не существует. В зависимости от специфики вуза выделяются те или иные компетенции как универсальные.

В МГГУ им. М. А. Шолохова принята и реализуется уникальная программа развития универсальных компетенций студентов. Коллектив МГГУ определяет универсальные компетенции как личностные характеристики, детерминирующие эффективность профессиональной деятельности, в частности, это такие качества, как целеустремленность, способность к конструктивному взаимодействию, сформированные мыслительные операции, инициативность и т. п. [6].

Еврокомиссия рекомендует следующие ключевые компетенции, которыми должен обладать каждый европеец: языковая, естественнонаучная, техническая, математическая, информационная, учебная, коммуникативная, культурная, гражданская и т. п.

А. А. Соломонова приводит пять основных компетенций, которые были приняты Советом Европы на симпозиуме в Берне:

1. Социально-политические компетенции, которые представлены следующими характеристиками личности: ответственность за свою жизнь, умение принимать решения, способность находить конструктивные способы решения конфликтных ситуаций, стрессоустойчивость, адекватная гражданская позиция.

2. Компетенции, связанные с включением в межкультурные социальные связи, к которым относятся следующие: высокий уровень толерантности, эмпатии, принятие различий, уважение к культурам различных национальностей, языков и религий.

3. Компетенции, связанные с использованием устной и письменной речи в процессе социального взаимодействия: способность к включению в общественную жизнь посредством вербальных и невербальных коммуникативных средств.

4. Компетенции, обусловленные информатизацией социума. Умение применять информационно-коммуникационные технологии, овладение техниками критического мышления в отношении информации, распространяемой средствами массовой информации, а также в сети Интернет.

5. Учебные компетенции, включающие в себя непрерывное обучение на протяжении всей жизни в контексте личной и профессиональной сфер [7].

Е. В. Пискунова выделяет три типа общих компетенций.

1. Инструментальные компетенции, представленные определенным уровнем развития психических функций, в частности, мыслительных операций, речевой деятельности; умением трансформировать социальную действительность, планировать и регулировать свою деятельность в соответствии с изменениями ситуации, выстраивать стратегии эффективной деятельности, направленной на результат; техническими способностями, навыками работы с компьютером.

2. Коммуникативные компетенции, к которым относятся способность осознавать и выражать свои чувства, способность к рефлексии, навыки межличностного взаимодействия и сотрудничества, навыки профессионального общения с использованием соответствующей терминологии, способность к критической оценке коммуникативного акта; навыки межличностных отношений; способность общаться со специалистами из других областей; способность в процессе общения учитывать межкультурные различия, соблюдение этических норм в интерактивном контакте.

3. Системные компетенции, которые предполагают понимание, отношение и знание, посредством которых осуществляется аналитико-синтетическая деятельность, умение планировать определенные трансформации с целью совершенствования системы и конструировать новые системы. Системные компетенции включают в себя следующие характеристики: умение использовать полученные знания в практической деятельности, адаптивность, исследовательские способности, познавательную активность, воображение, лидерские качества, понимание самостоятельность и оригинальность мыслительной деятельности, способность к научному творчеству, перфекционизм [8].

Анализ различных подходов позволяет подойти к проблеме выделения базовых универсальных компетенций, необходимых для успешной профессиональной и личной реализации выпускника факультета психологии. Поскольку факультет реализует образовательные программы по различным специальностям и направлениям подготовки, то перечень основных универсальных компетенций должен отвечать требованиям к будущему специалисту гуманитарного профиля, независимо от специализации и профиля обучения.

А. З. Гильманов и Т. К. Муратов в своей статье выделяют основные требования работодателей к выпускнику гуманитарного профиля. В своем исследовании они выделяют «стержневые» навыки и навыки, которые приобретаются со временем выпускником. К «стержневым» относятся, в первую очередь, личные качества студентов, такие как коммуникабельность, мобильность, активная жизненная позиция, умение идти на результат, презентабельность, способность максимально эффективно использовать время и знания. К навыкам, приобретаемым со временем, они относят образование, стаж, компетентность. Авторы утверждают, что основные требования работодателей к будущим специалистам гуманитарного профиля заключается в том, что выпускник должен обладать высокими личностными характеристиками и успешно реализовывать приобретенные навыки, знания и опыт [9].

Таким образом, нами был выделен список универсальных компетенций.

1. Умение устанавливать межличностное взаимодействие предполагает способность выстраивать доверительный межличностный контакт, основанный на активном обмене обратной связью между участниками диалога.

2. Умение работать в коллективе предполагает способность выстраивать взаимодействие с другими членами команды, выслушивать и считаться с мнением членов команды, наиболее оптимально организовать совместную деятельность, способность к взаимозаменяемости и взаимовыручке.

3. Способность рефлексии и критическому восприятию информации предполагает способность к глубокому пониманию своего (и/или чужого) поведения, собст-

венных состояний, анализу своих мыслей, чувств и мотивов; высокая критичность к восприятию информации, которая носит объективный характер с опорой на факты, также способность к критике и самокритике.

4. Способность к эмпатии предполагает умение поставить себя на место другого человека, сопереживание на глубинном уровне, способность воспринимать внутренний мир другого точно с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков.

5. Способность принимать самостоятельные решения и нести ответственность за них предполагает умение решать проблемы с применением современных методов анализа и решения проблем, достигать результата, анализировать эффективность выбранных методов решения сложных задач для дальнейшей коррекции ситуации.

6. Способность к лидерству предполагает умение демонстрировать личный пример, всегда брать решение проблем в свои руки, заинтересовать людей и мобилизовать, сделать из них соратников.

7. Способность ставить цели, планировать и идти к результату предполагает умение ставить как краткосрочные, так и долгосрочные стратегические цели, достигать поставленных целей, оценивать эффективность методов достижения целей.

8. Способность к поиску и работе с информацией предполагает умение работать с различными информационными источниками; системный и комплексный подход к анализу и обработке полученной информации.

9. Мобильность и способность адаптироваться к новым ситуациям выражается не только в адаптивности

и критическом анализе происходящих перемен, но и в желании приспособиться к новым условиям. При этом происходят изменения не только в поведении индивида, но и в окружающей среде, процесс носит взаимопроникающий характер.

Вышеуказанные универсальные компетенции могут быть сформированы через различные виды воспитательной деятельности, такие как проектная деятельность, волонтерское движение, организация адаптационного выезда для первого курса, школа наставничества, участие в различных тренингах и психологических играх, организация студенческих, научных и практико-ориентированных мероприятий на уровне факультета и вуза в целом.

Однако сравнительный анализ реализуемой в вузах воспитательной деятельности и тех задач, которые ставит перед нами модернизация высшего образования в рамках формирования ключевых компетенций, дает нам возможность говорить о том, что воспитательная работа должна быть организована таким образом, чтобы отвечать запросам современного мира и охватывать важные технологические процессы обучения будущих специалистов.

Таким образом, в рамках воспитательной работы в вузе необходимо формировать универсальные компетенции студента не только через учебную деятельность, но и через систему различных мероприятий в течение всего периода обучения, что позволит будущему специалисту быть успешным в профессиональной деятельности и личной жизни, а также адаптироваться к социально-экономическим условиям современного российского общества.

Литература

1. Дудкина Е. И. Актуальные проблемы профессионального воспитания в вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. Вып. № 1(40). С. 40 – 43.
2. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58 – 64.
3. Зеер Э. Ф. Идентификация универсальных компетенций выпускников работодателем // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 39 – 46.
4. Введенский В. Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога // Педагогика. 2003. № 10. С. 51 – 55.
5. Парникова Г. М. Теоретические подходы к формированию универсальных компетенций будущих специалистов в условиях перехода на уровневое высшее профессиональное образование // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2008. Вып. № 2. Т. 5. С. 50 – 55.
6. Универсальные компетенции // Сайт Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Режим доступа: <http://mggu-sh.ru/universalnye-kompetentsii>
7. Соломонова А. А. Лингводидактическое описание ключевых компетенций иностранного студента-филолога: дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 235 с.
8. Пискунова Е. В. Построение компетентностных моделей специалистов как основа проектирования образовательных программ профессионального образования: анализ зарубежных практик // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2011. № 10. С. 1660. Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2011/1660> (дата обращения: 25.06.2016).
9. Гильманов А. З., Муратов Т. К. Основные требования работодателей к выпускникам вузов гуманитарного профиля // Регионология. 2009. № 3. С. 153 – 156. Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/363> (дата обращения: 22.06.2016).

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ALLOCATION UNIVERSAL COMPETENCES, FORMED IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Olga O. Andronnikova^{1, @1}, Natalia S. Bezzubova^{1, @2}

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Viluiskaya St., Novosibirsk, 630126

@1 andronnikova_69@mail.ru

@2 nataly13bezz@gmail.com

Received 30.09.2016.

Accepted 16.11.2016.

Keywords: modernization of education, universal competence, educational activity.

Abstract: The article features problems of modernization of Russian education and proposed solutions to problems and offers solutions. It offers possible direction of education system development and analysis of existing methodological approaches to the concept of "universal competence". It focuses on the concept of "competence" and "universal competence" in the system of modern education. The technology of formation of universal competencies through educational activities is described, together with experience in the implementation of educational activities in higher education institutions aimed at competence approach. The article features generalized theoretical and empirical experience of higher education institutions to allocate a system of universal competence. We outline a set of core universal competencies required for successful professional and personal fulfillment of a specialist in the humanities, including Department of Psychology graduates. The basic components of the system of universal competence include personal characteristics and the ability to implement the acquired skills, knowledge and experience. The article offers a number of types of educational activities, in which universal competence can be formed. It was found that in the framework of the educational work at the university it is necessary to form the universal competence of the student, not only through training activities, but also through a system of different activities throughout the training period.

For citation: Andronnikova O. O., Bezzubova N. S. Metodologicheskie podkhody k vydeleniiu universal'nykh kompetentsii, formiruemykh v vospitatel'nom prostranstve vuza [Methodological Approaches to Allocation Universal Competences, Formed in the Educational Environment of a Higher Education Institution]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 85 – 89. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-85-89.

References

1. Dudkina E. I. Aktual'nye problemy professional'nogo vospitaniia v VUZe [Actual problems of vocational education in high school]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in law enforcement*, no. 1(40) (2010): 40 – 43.
2. Khutorskoi A. V. Kliuchevye kompetentsii kak komponent lichnostno-orientirovannogo obrazovaniia [Key competences as a component of a student-centered education]. *Narodnoe obrazovanie = National education*, no. 2 (2003): 58 – 64.
3. Zeer E. F. Identifikatsiia universal'nykh kompetentsii vypusknikov rabotodatelem [Identification of universal competence of graduates employer]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*, no. 11 (2007): 39 – 46.
4. Vvedenskii V. N. Modelirovanie professional'noi kompetentnosti pedagoga [Simulation of professional competence of the teacher]. *Pedagogika = Pedagogy*, no. 10 (2003): 51 – 55.
5. Parnikova G. M. Teoreticheskie podkhody k formirovaniu universal'nykh kompetentsii budushchikh spetsialistov v usloviakh perekhoda na urovnevoe vysshee professional'noe obrazovanie [Theoretical approaches to the formation of the universal competence of the future experts in the conditions of transition to tier higher professional education]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova = Herald of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 5, no. 2 (2008): 50 – 55.
6. Sait Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova [The website of the Moscow state humanitarian University named after M. A. Sholokhov]. Available at: <http://mggu-sh.ru/universalnye-kompetentsii>
7. Solomonova A. A. *Lingvodidakticheskoe opisanie kliuchevykh kompetentsii inostrannogo studenta-filologa*. Diss. kand. ped. nauk [Didactic description of key competences of foreign students-philologist. Cand. ped. Sci. Diss.]. Moscow, 2010, 235.
8. Piskunova E. V. Postroenie kompetentnostnykh modelei spetsialistov kak osnova proektirovaniia obrazovatel'nykh programm professional'nogo obrazovaniia: analiz zarubezhnykh praktik [Building competency models as a basis for design professionals professional education programs: an analysis of international practices]. *Pis'ma v Emissii. Offline = Letters in emissions. Offline*, no. 10 (2011): 1660. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2011/1660> (accessed 25.06.2016).
9. Gil'manov A. Z., Muratov T. K. Osnovnye trebovaniia rabotodatelei k vypusknikam vuzov gumanitarnogo profil'a [The main requirements of employers to graduates of humanities universities]. *Regionologiya = Regionology*, no. 3 (2009): 153 – 156. Available at: <http://regionsar.ru/node/363> (accessed 22.06.2016).

УДК 159.9

КАТЕГОРИЯ «ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ» В ПСИХОЛОГИИ

Надежда П. Андриюшкова^{1, @}

¹ Донецкий национальный университет, Украина, 83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
@ andruchkova@rambler.ru

Поступила в редакцию 28.06.2016.
Принята к печати 17.11.2016.

Ключевые слова: сознание, бытие, обычаи, предрассудки, культура.

Аннотация: Статья посвящена анализу феномена обыденного сознания как категории, которая имеет во многом противоречивую и парадоксальную природу, чем вызывает интерес. Описаны основные подходы изучения обыденного сознания и взгляды на его природу в философских и в психологических концепциях. Проанализировано соотношение обыденного сознания со смежными понятиями «массовое сознание», «обыденная психология» «групповое сознание», «общественное сознание». Описана взаимосвязь обыденного сознания с культурой и его место в жизни личности как культурного компонента, неотъемлемой характеристики любого исторического типа сознания. Делается вывод, что обыденное сознание выступает промежуточным звеном между субъектом и средой, в которой он находится, а также между личностью и обществом. Помимо этого, обыденное сознание выполняет не только отражательную функцию, но также выступает регулятором социального и, в частности, группового поведения.

Для цитирования: Андриюшкова Н. П. Категория «обыденное сознание» в психологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 90 – 93. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-90-93.

Проблема обыденного сознания в силу его роли в регуляции социального поведения человека является актуальной и вызывает интерес своей парадоксальной природой. Особую актуальность эта тема приобретает в период социальных изменений, которые отражаются на повседневной жизни людей. Обыденное сознание, как отмечают исследователи, не только отражает реальность и за счет этого обеспечивает человеку эффективное приспособление к действительности, успешное решение жизненных проблем, но вместе с тем продуцирует искажения, неточности, противоречия в отражении. Отражая общественное бытие сквозь призму повседневной жизни и практического опыта людей, обыденное сознание способно отражать социальный контекст развития общества. Таким образом, при учете представлений о явлениях и особенностях обыденного сознания может быть эффективней использован человеческий фактор, также это даст более четкие представления состояний массового сознания и может использоваться для разработки механизмов регулирования общественных отношений.

Феномен обыденного сознания анализировался в русле марксистской философии и отождествлялся ею с массовым сознанием и общественной психологией. Вопросы соотношения обыденного и массового сознания посвящены работы Е. К. Макаровой, Б. Я. Грушина, В. С. Ремжа. Отмечалось, что обыденное сознание – элемент массового, в котором отражается конкретное общественное бытие, преломленное через призму общественной жизни. С другой стороны, массовое сознание формируется стихийно, и на его формирование влияют и равноценно воздействуют два фактора: обыденное и теоретическое сознание. Однако, как отмечает Л. Г. Судас, мы не можем отождествлять массовое и обыденное сознание, несмотря на то, что и то и другое тесно связаны и являются продуктами духовной жизни людей [1].

Также обыденное сознание связывают с общественной психологией, однако характеризуют связь по-разному. Встречаются прямо противоположные мнения. Так, на-

пример, в работах В. В. Розова и М. Я. Грушина обыденное сознание является составляющей частью общественной психологии и включает в себя те взгляды и представления, которые были сформированы в результате многовекового опыта людей [2]. Такие философы, как В. А. Ядов, В. В. Лобас, Ю. М. Серов, считают общественную психологию элементом обыденного сознания. Обыденное сознание при этом представляют как совокупность теоретических и эмпирических знаний, представлений и чувств групп людей.

В целом обыденное сознание оценивалось в большей степени отрицательно. В своих работах Б. А. Грушин, Т. А. Кузьмин, В. А. Штофф, В. Ж. Келле и др. отмечали, что обыденное сознание носит дотеоретический характер и отражает в значительной степени негативные, наполненные предрассудками и заблуждениями, ложные воззрения. В то время как теоретическое и научно-философское сознание систематизировано и рационально. Однако обыденное сознание не может быть бессистемной совокупностью различных фрагментов сознания. Оно содержит в себе когнитивные, эмоциональные и волевые компоненты, которые неразрывно связаны и представлены навыками, привычками, стереотипами, обычаями, предрассудками, заблуждениями и суевериями. Обыденное сознание является отражением многовекового опыта, формирующегося в повседневной жизни и практике [1].

В. М. Межуев отмечает, что даже в условиях научно-технического прогресса большинство людей используют сознание, прямо противоположное научному. И вопреки доводам науки можно верить в предсказания, пророчества, нечистую силу и др. Следовательно, причину этому следует искать не только в слабости научных доказательств, но и в самом бытии людей, которые питают и поддерживают эту веру [3].

В более поздних исследованиях, если выйти за рамки марксистской традиции, обыденное сознание перестает противопоставляться научно-теоретическому (Э. Гуссерль,

М. Хайдегер, М. Вартовский, М. Бунге, К. Поппер, К. Ясперс и др.). Признается, что оно носит более широкий характер и содержит в себе помимо познавательного отношения к миру еще и соционормативное, эстетическое и практическое [4].

Обыденное сознание – самостоятельная сфера жизни личности. Теоретическое сознание не заменяет собой в полной мере обыденного сознания; структура последнего многокомпонентна и многослойна, отражает в себе различные области: природа, общество, человеческая жизнь. Оно содержит в себе разнообразные эмпирические знания, суждения и мнения об окружающей действительности, восприятия из народного эпоса, народной агрономии, народной медицины. Это тот уровень знаний, который используется человечеством повседневно, на основании которого обеспечивается приспособление к действительности. Таким образом, обыденное сознание – это некий культурный компонент, неотъемлемая характеристика любого исторического типа сознания.

В целом обыденное сознание, как его характеризует большинство исследователей, – это неоднородная, сложная, многослойная, противоречивая, стихийно сложившаяся совокупность теоретически необобщенных знаний, представлений, житейских суждений, чувств и настроений, порождаемых массовым опытом, влиянием социальной среды, ее обычаями и традициями. Оно способствует групповому единству, позволяет подтверждать истинность и значимость принятых мнений. Как указывает Д. Кэмпбелл, универсальными ценностями человеческого общества является принятие характерных для определенной группы норм, идеалов, знаний [5]. Так формируется взаимоподкрепляемая связь, если мнение принято в обществе и рассматривается как правильное, значит оно верное [6]. Следовательно, на любом уровне культуры для макро и микрогрупп существуют определенные мнения, которые не нуждаются в дополнительных доказательствах, а принимаются на веру.

Общепринятого четкого теоретического объяснения обыденного сознания в психологии нет, оно рассматривается через сходные и пересекающиеся категории. Так, например, рассматривая обыденное сознание, Е. В. Улыбина отмечает, что оно расположено на стыке различных психологических образований индивидуальной и общественной природы. Опираясь на существующее в психологической литературе понимание данного феномена, Е. В. Улыбина отметила, что обыденное сознание занимает положение медиатора по отношению к общественному и индивидуальному сознанию, к мифологическому и научному отражению мира, а также к бессознательному и рефлексивному сознанию [7].

Чаще встречаются работы, в которых обыденное сознание рассматривается через феномены группового и общественного сознания. Говоря о групповом сознании, Б. Шефер и Б. Шлендер отмечают, что это – субъективные представления людей об основных особенностях группы, к которой они принадлежат. Групповое сознание рассматривается как результат протекающего в историческое время социального взаимодействия [8]. Групповое сознание проявляется в когнитивных аспектах – общих знаниях, а также в аффективных – общих чувствах и эмоциональных реакциях на определенные объекты [8; 9].

Исследованиями общественного сознания занимались Э. Дюркгейм, В. Вундт, С. Лурье, Л. С. Выготский,

Б. Ф. Ломов, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Поршнев, В. С. Мухина, С. Л. Рубинштейн и др.

Одним из первых, обративших внимание на проблемы общественного сознания, был Э. Дюркгейм. Он выделял у человека два сознания: индивидуальное, характерное для определенного субъекта, и коллективное, которое является общим для целой социальной группы и выражается через коллективные представления.

Феномены общественного и группового сознания рассматривались также В. Вундтом, которым вводится понятие психологии народов. Он отмечает, что в пределах одной народности существует некоторое собирательное сознание, которое включает в себя различные представления, чувства, а также зависит от развития речи, мифа, обычаев и различных форм духовного общения [3; 10].

Л. С. Выготский обосновывал идею о том, что коллективное сознание – более раннее, чем индивидуальное, и индивидуальное формируется на его основе. Таким образом, структура общественных связей и отношений является источником структуры и связей индивидуального сознания [11].

А. Н. Леонтьев также подчеркивал, что индивидуальное сознание необходимо рассматривать как продукт, возникающий в ходе становления и развития общества. То есть существование индивидуальной психики в форме сознательного отражения невозможно вне общественного сознания [12].

Б. Ф. Ломов отмечал, что общественное сознание существует не над индивидами, не между ними, а непосредственно в них. Общественные идеи, взгляды и настроения – это ни что иное как формирующиеся в процессе развития общества идеи и взгляды конкретных людей, живущих и действующих в конкретных исторических условиях [13; 14].

Некоторые авторы, в частности С. Лурье, рассматривают общественное сознание как присущее каждому человеку. Индивидуальным же сознанием обладает незначительное количество людей. Личностное сознание предполагает изменение всей психики и внесение в нее новых качеств, а это, как отмечает С. Лурье, очень трудоемкий и тяжелый процесс [15].

К. А. Абульханова-Славская отмечает, что общественное сознание первично и передает индивидуальному сознанию определенные нормы, правила, обычаи, традиции, которые отличают и выделяют конкретное общество от любого другого [16; 6].

В своих работах Б. Ф. Поршнев также утверждает, что формирование общественного сознания первобытного общества первично по отношению к индивидуальному сознанию. Анализируя грамматику языков народов мира, Б. Ф. Поршнев определил, что формирование образа «мы» позднее формирование образа «они». Он отмечал, что эта тенденция универсальна и присутствует в любых группах на любом уровне взаимодействия [17].

Таким образом, согласно распространенным в психологии точкам зрения относительно общественного, коллективного сознания, оно является базовым, первичным по отношению к индивидуальному, и оказывает на него значительное влияние. Это дает основания полагать, что обыденное сознание, присущее индивиду, является скорее продуктом общественного сознания.

Некоторыми авторами обыденное сознание рассматривается как содержащее в себе нерациональные модели действительности. Так, например, рассматривая феноме-

ны обыденного сознания, С. Московичи отмечает, что каждому человеку присущи представления, которые зависят от принадлежности к определенной социальной группе и определяют его не критичное и в некотором смысле нерациональное восприятие окружающей действительности. С. Московичи обращает внимание на сходство между обыденной психологией и психологией бессознательного в психоаналитической концепции [9].

Н. Л. Мухелишвили описывает противоречия, существующие в обыденном сознании. Он отмечает, что противоречия могут даже не восприниматься человеком, они относятся к разным фрагментам и аспектам картины мира, потребность в сопоставлении этих фрагментов отсутствует [18]. Таким образом появляются определенные искажения в сведениях о мире. Искажения могут в большей или меньшей степени осознаваться, но принадлежность к определенной группе и культуре позволяет обеспечивать удобные механизмы объяснения различных событий и мира в целом [4; 18].

Интересное мнение относительно обыденного сознания выдвинуто В. А. Шкуратовым, который главенствующее место в обыденном сознании отводит языку. Он характеризует обыденное сознание как поле чистой вербальности, связанное с рациональным и эмоционально-аффективными уровнями [19]. В каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, который является общепринятым и преимущественно присущ всем носителям данного языка [3]. Таким образом, существует определенная языковая картина мира, которая носит в большей степени неосознаваемый характер. Реальность для носителя определенного языка вос-

принимается именно так, как она названа, категоризована и описана в языке.

Обыденное сознание является регулятором поведения человека, оно представляет не всегда рационально освоенные накопленные знания, во-первых, это те знания, которые не зависят от научно-теоретической мысли и являются личным жизненным опытом каждого человека. Помимо этого, это также знания не только индивидуальные, но и коллективные, накопленные многими поколениями и усваиваемые в процессе социализации. Именно этот опыт служит основой для обыденного знания, делает согласованными практические действия людей.

Но следует сказать, что в связи с развитием научно-технического прогресса доля осмысленных теоретических знаний в обыденном сознании достаточно велика. Это знания из области философии, права, политики, всех форм духовной культуры.

Таким образом, можно говорить о том, что обыденное сознание, являясь в значительной мере продуктом общественного сознания, является неким посредником, системой отношений между человеком и социальной средой. Оно, выполняя двойственную функцию – и отражательную, и регулирующую, обуславливает подчас продуктивное, а подчас противоречивое взаимодействие человека с социумом. По этой причине обыденное сознание носит проблемный характер, что определяет необходимость его научного исследования в психологии. Изучение обыденного сознания также может помочь выявить причины возникновения и пути распространения различных социальных явлений, в частности предрассудков, суеверий, предубеждений.

Литература

1. Судас Л. Г. Массовое сознание: в поисках новой парадигмы. М., 1996. 111 с.
2. Петренко В. Ф. К проблеме психологии сознания // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 57 – 74.
3. Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М., 2006. 346 с.
4. Мохова С. Ю. Кризис современной российской культуры: личность в пространстве социальных взаимодействий и преобразований // Психология в экономике и управлении. 2010. № 1(3). С. 81 – 90.
5. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой = The Hero with thousand faces / пер. с англ. А. П. Хомик. К., М.: Ваклер; Рефл-бук; АСТ, 1997. 384 с.
6. Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. М.: Норма, 2014. 928 с.
7. Улыбина Е. В. Обыденное сознание: структура и функции. М.: Смысл, 2001. 266 с.
8. Шеффер Б., Шледер Б. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Психологический журнал. 1993. Т. 1. № 1. С. 34 – 56.
9. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 83 – 96.
10. Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Академический проект, 2010. 136 с.
11. Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. 512 с.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
13. Ломов Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 64 – 93.
14. Полежаев Д. В. Ментальность личности и внутренние механизмы динамики социальной направленности // Credo new. 2000. № 2(20). С. 60 – 67.
15. Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический Проект, 2003. 624 с.
16. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. 335 с.
17. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. 166 с.
18. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Сознание как предмет метapsихологии // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1989 – 1990. М.: Наука, 1991. С. 190 – 204.
19. Шкуратов В. А. Историческая психология. Ростов н/Д., 1994. 224 с.

THE CATEGORY OF "MUNDANE CONSCIOUSNESS" IN PSYCHOLOGY

Nadejda P. Andryushkova^{1,*}

¹ Donetsk National University, 24, Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83001

* andryushkova@rambler.ru

Received 28.06.2016.

Accepted 17.11.2016.

Keywords: consciousness, being, customs, prejudices, culture.

Abstract: The article analyzes the phenomenon of ordinary consciousness as a category, whose largely contradictory and paradoxical nature evokes interest. It describes the main approaches to the study of ordinary consciousness and views on its nature in philosophical and psychological concepts. The article analyzes the ratio of ordinary consciousness with the related concepts of "mass consciousness", "common psychology", "group consciousness", "social consciousness". It describes the relationship of ordinary consciousness with culture and its place in the life of an individual as a cultural component, an inherent trait of any historical type of consciousness. The conclusion is that ordinary consciousness acts as an intermediary between the subject and the environment in which it is located, as well as between the individual and society. In addition to this, ordinary consciousness has not only a reflective function, but also acts as a regulator of social and particularly group behavior.

For citation: Andryushkova N. P. Kategorii «obydennoe soznanie» v psikhologii [The Category of "Mundane Consciousness" in Psychology]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 90 – 93. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-90-93.

References

1. Sudas L. G. *Massovoe soznanie v poiskakh novoi paradigmy* [Mass consciousness in search of new paradigm]. Moscow, 1996, 111.
2. Petrenko V. F. K probleme psikhologii soznaniia [To the problem of psychology of consciousness]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, no. 11 (2010): 57 – 74.
3. Mezhuiev V. M. *Ideia kultury: ocherki po filosofii kultury* [Ideas of culture. Essays on philosophy of culture]. Moscow, 2006, 346.
4. Mokhova S. Yu. Krizis sovremennoi rossiiskoi kultury: lichnost' v prostranstve sotsialnykh vzaimodeistvii i preobrazovanii [Crisis of the modern Russian culture: personality in space of social co-operations and transformations]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii = Psychology in Economics and management*, no. 1(3) (2010): 81 – 90.
5. Campbell J. *Tysiachelikii geroi* [The Hero with thousand faces]. Kiev; Moscow: Vakler; Refl-buk; AST, 1997, 384.
6. *Filosofia* [Philosophy]. Ed. Mironov V. V. Moscow: Norma, 2014, 928.
7. Ulybina Ye. V. *Obydennoe soznanie: struktura i funktsii* [Ordinary consciousness is a structure and functions]. Moscow: Smysl, 2001, 266.
8. Shefer B., Shleder B. Sotsial'naiia identichnost' i gruppovoe soznanie kak mediatory mezhgruppovogo povedeniia [Social identity and group consciousness as mediators intergroup behavior]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 1, no. 1 (1993): 34 – 56.
9. Moskovichi S. Ot kollektivnykh predstavleniy k sotsialnym [From collective presentations to social one]. *Voprosy sotsiologii = Questions of sociology*, 1, no. 2 (1992): 83 – 96.
10. Wundt W. *Problemy psikhologii narodov* [Problems of the psychology of nations]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2010, 136.
11. Vygotsky L. S. *Psikhologiya razvitiia kak fenomen kultury* [Developmental psychology as a phenomenon of culture]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: NPO 'MODEK', 1996, 512.
12. Leontev A. N. *Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975, 304.
13. Lomov B. F. Obshchenie i sotsial'naiia reguliatsiia povedeniia individa [Communication and social regulation of individual behavior]. *Psikhologicheskie problemy sotsial'noi reguliatsii povedeniia* [Psychological problems of social regulation of behavior]. Moscow, 1976, 64 – 93.
14. Polezhaev D. V. Mentalnost lichnosti i vnutrennie mekhanizmy dinamiki sotsialnoi napravlenosti [Mentality of personality and internal mechanisms of dynamics of social orientation]. *Credo new*, no. 2(20) (2000): 60 – 67.
15. Lur'e S. V. *Psikhologicheskaiia antropologiya: istoriya, sovremennoe sostoianie, perspektivy* [Psychological anthropology: history, modern condition, prospects]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2003, 624.
16. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Deiatel'nost' i psikhologiya lichnosti* [Activities and Personality Psychology]. Moscow: Nauka, 1980, 335.
17. Porshnev B. F. *Sotsial'naiia psikhologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. Moscow, 1966, 166.
18. Muskhelishvili N. L., Shreider Iu. A. Soznanie kak predmet metapsikhologii [Consciousness as a subject of metapsychology]. *Sistemnye issledovaniia. Metodologicheskie problemy = System studies. Methodological problems*, Yearbook. 1989 – 1990 (1991): 190 – 204.
19. Shkuratov V. A. *Istoricheskaiia psikhologiya* [Historical psychology]. Rostov-on-Don, 1994, 224.

УДК 159.923.2

ВОЗРАСТНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ОБРАЗА ТЕЛА ЖЕНЩИНЫ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Ксения Н. Белогай^{1, @1}, Ирина С. Морозова^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@¹ belogi@mail.ru

@² ishmorozova@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.01.2016.

Принята к печати 14.04.2016.

Ключевые слова: образ тела, возрастная изменчивость образа тела женщины.

Аннотация: В статье рассматривается проблема исследования образа тела женщины в разные возрастные периоды, дается характеристика уровневых и структурных различий между группами женщин, находящихся на этапе ранней и средней зрелости. Теоретически доказано, что образ тела в большей степени определяется убеждениями, представлениями о себе и своем Я, чем реальной физической данностью. Выявлена возрастная изменчивость образа тела женщин в периоды ранней и средней зрелости. Определено, что у женщин в период ранней зрелости оценки своего тела в большей степени связаны с внешними оценками.

Для цитирования: Белогай К. Н., Морозова И. С. Возрастная изменчивость образа тела женщины в период зрелости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 94 – 98. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-94-98.

В психологии телесности и психосоматике показано, что образ тела зачастую метафорически выражает психологические проблемы человека [1 – 6]. В настоящее время проблема образа тела является одной из актуальных. Популярной становится проблема неудовлетворенности собственным телом и проблема нарушения образа своего тела. И чаще всего от подобных проблем страдают женщины. Культурные предпочтения, идеалы красоты, социальные нормы, средства массовой информации успешно культивируют «идеальный» образ тела, оказывая существенное влияние на формирование нашего представления и отношения к своему телу. В последние десятилетия отмечается устойчивое снижение массы идеального образа женского тела. В настоящее время идеальным образом тела для женщин считается стройная, худощавая фигура, маленькие бедра и большая грудь – по сути такое сочетание для большинства женщин недостижимо без участия пластической хирургии. Выдвинуто предположение, что женщины более подвержены социальному влиянию в отношении восприятия собственного тела. В некоторой мере объясняется это результатами исследований, в которых было показано, что мужчины подчеркивают физическую привлекательность при выборе партнерши значительно больше, чем женщины при выборе партнера [7].

Образ тела имеет психологическую природу, и в большей степени определяется убеждениями, представлениями о себе и своем Я, чем реальной физической данностью. Также существует тесная взаимосвязь между тем, что мы чувствуем по отношению к нашему телу, и тем, что мы чувствуем по отношению к себе самому. Поэтому, обращаясь к образу тела, мы как бы обращаемся к себе, своему Я. Образ тела осознается нами частично, то есть он включает в себя как осознанную, так и неосознанную составляющие. Образ тела не статичен, он чувствителен к изменениям настроения, окружения и физическому состоянию. Также образ тела не является

врожденным, он формируется в процессе онтогенетического развития, на его развитие и формирование оказывает влияние семья, сверстники, пережитые травмы, ценности и ожидания культуры.

В рамках проведенного исследования мы предположили, что наблюдается возрастная изменчивость образа тела женщин в периоды ранней и средней зрелости. Мы также предположили, что образ тела по-разному встраивается в «Я-концепцию» женщин в разные возрастные периоды. В исследовании приняли участие женщины в возрасте 20 – 26 лет (30 человек) – первая группа; и женщины в возрасте 26 – 50 лет (30 человек) – вторая группа соответственно. Средний возраст испытуемых первой группы составил 24 года, а второй группы – 44 года. Исследование проводилось при помощи следующих опросных и проективных методов: «Методика исследования самоотношения» (МИС) С. Р. Пантеева; методика «Мое тело», разработанная по типу личностного дифференциала К. Н. Белогай; методика «Жизненная динамика удовлетворенности внешним обликом» Е. В. Белугиной; шкала самовосприятия Р. Бернса; проективная методика «Автопортрет». При обработке и анализе данных, полученных в исследовании, применялся сравнительный анализ (сопоставление результатов при помощи статистических критериев), а также корреляционный и дисперсионный анализ.

При выборе вышеперечисленных методик мы предполагали, что анкета позволит получить общую информацию об испытуемых, об их сознательном отношении к себе, их физической активности, питании, а также мнению о том, как оценивают их тело окружающие люди. Методику исследования самоотношения мы использовали для изучения выраженности отдельных компонентов самоотношения: закрытости, самоуверенности, саморукотворства, отраженного самоотношения, самооценности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения. Методику «Мое тело» мы использовали для

изучения образа тела испытуемых, а точнее для определения таких его компонентов, как оценка тела, внешний образ, функциональные характеристики, сила, активность, оценка телосложения. Методику определения степени удовлетворенности своим телом в разные периоды жизни мы использовали для определения отношения к своему телу испытуемых в разные возрастные периоды, а также для определения «критических точек», значимых для отношения к своему телу. Шкалу самовосприятия Р. Бернса мы использовали для оценки эмоционального отношения испытуемых к различным качествам людей. Методика «Автопортрет» предназначена для выявления бессознательного отношения к своему реальному телу и соотношению его с идеальным образом своего тела, а также для выявления тенденций, присутствующих в обоих образах.

Опишем полученные результаты. Для сравнения степени соответствия образа тела современным стандартам и сравнения степени соответствия образа тела своему собственному идеалу был использован двухфакторный дисперсионный анализ – его результаты показали, что в первой группе женщин, в отличие от второй, выше степень совпадения образа тела как с культурными стандартами, так и с собственным идеалом.

Для того чтобы наглядно увидеть динамику отношения к внешности на разных этапах жизненного пути у испытуемых двух групп, также был использован двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями. Наименьшую удовлетворённость своим внешним обликом женщины первой группы испытывали в возрасте около 15 лет, т. е. в подростковом возрасте (рис. 1). Это вполне объяснимо и связано с тем, что в данный возрастной период происходит резкое изменение внешнего облика и тела. Тело изменяется, созревает, что не всегда сопровождается позитивным отношением

подростка к данным процессам. Очень часто тема внешнего образа тела является «болезненной» для подростка, в связи с чем в данный период результаты удовлетворённости своим обликом испытуемых могут быть низкими.

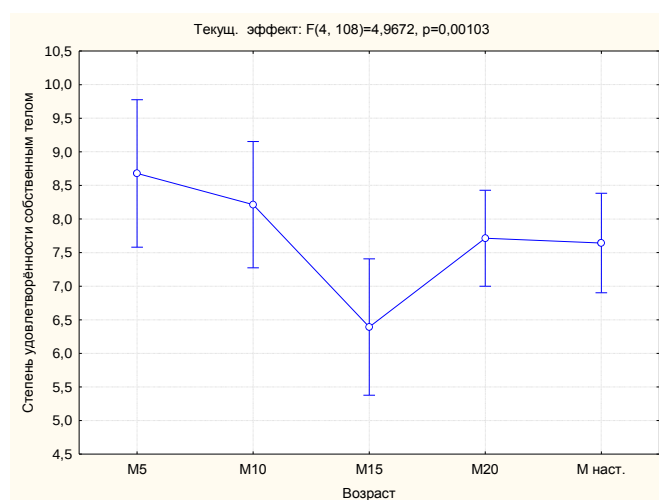

Рис. 1. Удовлетворенность внешним обликом женщин первой группы

Fig. 1. Satisfaction with their appearance among the women in group 1

Результаты, полученные во второй группе женщин, показывают, что они, как и испытуемые первой группы, в подростковом возрасте имели низкую удовлетворённость своим внешним обликом, но при этом на настоящий момент времени они имеют наименьшую удовлетворённость своим внешним обликом. Это может быть связано с негативной реакцией женщин на те инволюционные изменения, которые происходят с их телом.

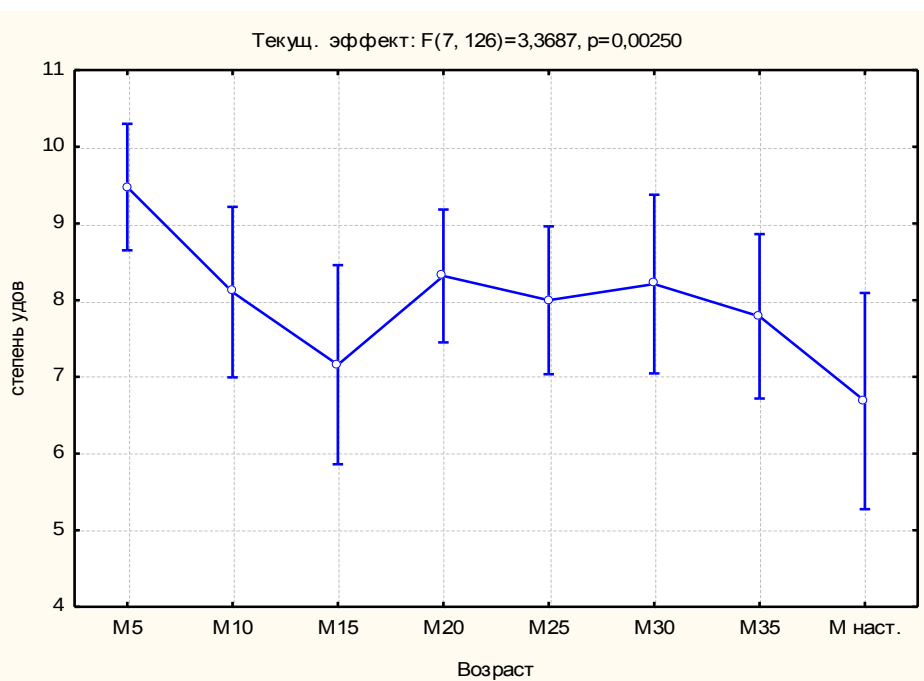

Рис. 2. Удовлетворенность внешним обликом женщин второй группы

Fig. 2. Satisfaction with appearance among the women in group 2

Различия в удовлетворенности своим внешним обликом двух групп женщин в настоящий момент времени оказались достоверно значимыми.

В таблице 1 представлены результаты сравнения двух групп по методике «Автопортрет» – анализ проводился при помощи сравнения двух долей в таблицах флагов и заголовков. Результаты оценивались по наличию на изображении идеального образа стремления к похудению, стремления к росту выше настоящего, стремления к обладанию женственными формами (округлыми бедрами), стремления к обладанию рельефным телом (акцент на проработку мышц), близость идеального образа с культурным идеалом (стройная, худощавая фигура, маленькие бедра и большая грудь), более женственной одежды, а также по наличию позитивного отношения к своему телу на изображении реального образа тела. Ста-

тистически значимые различия двух групп наблюдаются по параметрам «Рельефное тело» (акцент в рисунке на проработку мышц) и «Близость идеального образа с культурным идеалом». У испытуемых первой группы результаты по двум этим шкалам значительно выше, чем у испытуемых второй группы. Возможно, это можно обосновать тем, что в настоящее время пропагандируется как культурный идеал подтянутое спортивное тело, одновременно стройное с маленькими бедрами (культурно-исторически – типично мужской признак) и пышной грудью. В обеих группах имеется большая тенденция к обладанию женственными формами и к похудению. Немного менее выражено стремление иметь рост выше существующего (это видно при сравнении рисунка с реальным и идеальным телом).

Таблица 1. Результаты двух групп женщин по методике «Автопортрет»

Table 1. Results obtained in both groups of women according to the self-portrait method

	<i>Группа 1</i>	<i>Группа 2</i>	<i>p</i>
Похудение	57,69 %	63,16 %	0,3467
Рост выше	32,00 %	35,29 %	0,4032
Женственные формы	76,00 %	72,22 %	0,3626
Рельефное тело	12,00 %	6,25 %	0,0001
Позитивное отношение к реальному образу тела	84,62 %	92,00 %	0,17
Близость идеального образа с культурным идеалом	64,00 %	18,75 %	0,0003
Более женственная одежда у идеального образа	12,00 %	18,75 %	0,2284

Примечание: в таблице выделены значимые различия.

Также можно сказать, что, несмотря на все вышеперечисленные тенденции, у испытуемых обеих групп наблюдается достаточно положительное отношение к реальному образу своего тела, что может свидетельствовать о том, что женщины в целом принимают своё тело.

Для сравнения средних значений по методике «Моё тело» использовался Т-критерий Стьюдента для незави-

симых выборок (таблица 2). Исходя из полученных результатов, можно сказать, что статистически значимых различий по данной методике между двумя группами не выявлено. Наблюдаются достаточно высокие оценки по всем шкалам у обеих групп, кроме шкалы «оценка телосложения».

Таблица 2. Результаты в двух группах по методике «Моё тело»

Table 2. Results obtained in both groups according to My Body method

<i>Шкалы методики «Мое тело»</i>	<i>Группа 1</i>	<i>Группа 2</i>	<i>Максимальное значение</i>	<i>p</i>
Оценка тела	24	23	30	0,413128
Внешний облик	18	19	24	0,551727
Функциональные характеристики	19	18	24	0,586140
Сила	9	8	12	0,316077
Активность	16	16	24	0,646819
Оценка телосложения	10	9	18	0,225957

С помощью методики «Моё тело» и вопроса из анкеты мы обнаружили взаимосвязь оценки своего тела с мнением о своём теле мужчины испытуемых. Для этого мы использовали корреляционный анализ. У испытуемых первой группы наблюдается прямая корреляция между мнением партнера-мужчины и шкалами «оценка тела», «функциональные характеристики» и «сила». Это означает, что в тех ситуациях, когда партнёр женщины принимает её тело, ею оно также оценивается более высоко и кажется более сильным, гибким и т. п. У испытуемых

второй группы взаимосвязей между данной методикой и отношением мужчины не выявлено. Корреляционный анализ также показал наличие прямой взаимосвязи между отношением к своему телу в целом и представлениями о том, как оценивает тело женщины ее партнер. У женщин второй группы такая взаимосвязь не обнаружена. Можно сказать, что в этом смысле более молодые женщины полнее связаны в оценке своего тела.

Для выявления взаимосвязи между параметрами самооотношения и оценкой своего тела был проведен кор-

реляционный анализ (таблица 3 и 4). Полученные взаимосвязи вполне закономерны: существует прямая корреляция между оценкой тела и саморегулированием, самооценностью, самопривязанностью и обратная – с самообвинением. Исходя из этого можно сказать, что чем больше женщина принимает своё тело, тем больше у неё желание развиваться, изменяться и тем больше она ценит

себя и ценят её другие. Чем больше женщина принимает своё тело, чем больше она нравится себе, тем меньше она себя обвиняет, меньше испытывает по отношению к себе негативных эмоций. Также существует прямая взаимосвязь между функциональными характеристиками и саморегулированием.

Таблица 3. Корреляционный анализ результатов у испытуемых первой группы

Table 3. Correlation analysis of the results in group 1

Шкалы МИС	Методика «Мое тело»		
	оценка тела	внешний облик	функциональные характеристики
Саморегулирование	0,43		0,42
Отраженное самоотношение		0,55	
Самоценность	0,46	0,38	
Самопривязанность	0,50		
Самообвинение	-0,45	-0,52	

Примечание: в таблице представлены значимые корреляции ($p \leq 0,05$).

Во второй группе женщин существует прямая взаимосвязь оценки тела с саморегулированием и самооценностью. В остальном структурные характеристики образа тела отличаются от результатов первой группы. Есть обратная корреляция между внешним образом и внутренней конфликтностью. Чем больше привлекательным кажется женщине её тело, тем меньше она испытывает внутренних конфликтов и противоречий. Есть прямая связь функциональных характеристик с самоуверенностью. Чем более ловким и выносливым видится тело, тем больше женщина

уверена в себе. Обратная корреляция оценки телосложения и отражённого самоотношения и самопривязанности наблюдается у данных испытуемых. Чем больше размеры тела, тем меньше симпатизирует себе женщина и окружающим и тем меньше у неё появляется желание действовать, меняться и развиваться. Также прямая связь оценки телосложения и самообвинения присутствует у данной группы. Чем больше объём тела, тем больше встаёт проблема порицания себя – женщина находится в постоянном внутреннем конфликте.

Таблица 4. Корреляционный анализ результатов у испытуемых второй группы

Table 4. Correlation analysis of the results in group 2

Шкалы МИС	Методика «Мое тело»					
	Оценка тела	внешний облик	функциональные характеристики	сила	активность	оценка телосложения
Самоуверенность			0,54		0,53	
Саморегулирование	0,59	0,65				
Отраженное самоотношение				-0,55		-0,59
Самоценность	0,63					
Самопривязанность						-0,74
Внутренняя конфликтность		-0,55				
Самообвинение						0,54

Примечание: в таблице представлены значимые корреляции ($p \leq 0,05$).

Подведем итоги проведенного исследования. Действительно, обнаруживается возрастная изменчивость образа тела у женщин: наименьшую удовлетворённость своим внешним обликом испытуемые обеих групп испытывали в подростковом возрасте. В то же время оценка своего внешнего облика в настоящее время выше в группе более молодых женщин.

Судя по результатам рисуночной методики «Автопортрет», у женщин разного возраста разные культурные идеалы тела – для женщин периода ранней зрелости идеальное тело более худое и мускулистое, с маленькими бедрами, но большой грудью. В обеих группах имеется

тенденция к обладанию женственными формами и в то же время к похудению.

У женщин в период ранней зрелости оценки своего тела связаны с тем, как оценивает, по их мнению, тело женщины партнер. При этом у женщин более зрелого возраста таких взаимосвязей не выявлено.

В обеих группах женщин образ тела увязан со многими параметрами самоотношения. При этом структура взаимосвязей отличается в двух возрастных группах.

В целом у женщин обеих групп наблюдаются противоречия и рассогласованность в образе тела. Например, у более зрелых женщин на уровне ответов на прямые вопросы – мы отмечаем принятие тела, а на уровне проек-

тивных методов – противоречивое отношение к нему. У молодых женщин присутствует более выраженная ориентация на культурные стандарты внешности, с чем также связана неудовлетворенность телом, стремление похудеть, быть выше ростом и иметь более пышные формы.

Литература

1. Белогай К. Н. Материнство и телесность женщины: монография. Кемерово: КемГУ, 2014. 240 с.
2. Белогай К. Н. Телесность женщины в связи с реализацией репродуктивной функции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. Т. 1. С. 137 – 143.
3. Белогай К. Н. Эмпирическое исследование телесности женщины в связи с реализацией репродуктивной функции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1. Т. 1. С. 108 – 116.
4. Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., Отт Т. О. Регуляция репродуктивного поведения и репродуктивное здоровье: монография. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
5. Психосоматика: телесность и культура: учебное пособие для вузов / под ред. В. В. Николаевой. М.: Академический Проект, 2009. 311 с.
6. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
7. Rozin P., Fallon A. Body Image, Attitudes to weight, and misperceptions of figure preferences of the opposite sex: A comparison of men and women in two generations // Journal of Abnormal Psychology. 1988. Vol. 97. P. 342 – 345.

AGE VARIABILITY OF FEMALE BODY IMAGE IN ADULTHOOD

Kseniya N. Belogay^{1, @1}, Irina S. Morozova^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@¹ belogi@mail.ru

@² ishmorozova@yandex.ru

Received 29.01.2016.

Accepted 14.04.2016.

Keywords: body image, age variability of body image of women.

Abstract: The article features the problem of the study of body image among women in different age periods; it gives characteristic of level and structural differences between the groups of women in their early and middle adulthood. It is theoretically proved that the body image is largely determined by beliefs, perceptions about oneself and one's "I" than by actual physical reality. The article establishes age variability of body image in women during early and middle adulthood. It was determined that women in their early adulthood assess their body more according to external evaluations.

For citation: Belogay K. N., Morozova I. S. Vozrastnaia izmenchivost' obraza tela zhenshchiny v period vzroslosti [Age Variability of Female Body Image in Adulthood]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 94 – 98. (In Russ.). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-94-98.

References

1. Belogay K. N. *Materinstvo i telesnost' zhenshchiny* [Motherhood and corporality of women]. Kemerovo: KemGU, 2014, 240.
2. Belogay K. N. Telesnost' zhenshchiny v svyazi s realizatsiei reproduktivnoi funktsii [Female corporality in connection with reproductive function]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 1, no. 2 (2013): 137 – 143.
3. Belogay K. N. Empiricheskoe issledovanie telesnosti zhenshchiny v svyazi s realizatsiei reproduktivnoi funktsii [Empirical study of female corporality in connection with reproductive function]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 1, no. 1 (2014): 108 – 116.
4. Morozova I. S., Belogay K. N., Borisenko Iu. V., Ott T. O. *Regulatsiia reproduktivnogo povedeniia i re-produktivnoe zdorov'e* [Regulation of reproductive behavior and reproductive health]. Moscow: LENAND, 2015, 240.
5. *Psikhosomatika: telesnost' i kul'tura* [Psychosomatics physicality and culture]. Ed. Nikolaeva V. V. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2009, 311.
6. Tkhostov A. Sh. *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporeality]. Moscow: Smysl, 2002, 287.
7. Rozin P., Fallon A. Body Image, Attitudes to weight, and misperceptions of figure preferences of the opposite sex: A comparison of men and women in two generations. *Journal of Abnormal Psychology*, vol. 97 (1988): 342 – 345.

УДК 159.91 + 371.72-057.87

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ОТ 7 ДО 12 ЛЕТ**Нина Г. Блинова^{1, @1}, Наталья Н. Кошко^{2, @2}, Ксения А. Кукченко^{1, @1}**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6² Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», Россия, 650023, г. Кемерово, пр. Ленина, 126а@¹ ngb_valeo@mail.ru@² koshko80@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2016.

Принята к печати 03.06.2016.

Ключевые слова: дети и подростки, физическое развитие, нейродинамические показатели, психодинамические функции.**Аннотация:** В статье представлены результаты изменения показателей физического и психофизиологического развития у детей в период с 7 до 12 лет с учетом пола. Установлено значительное увеличение длиннотных, обхватных размеров и массы тела у обследуемых детей в период второго детства и в раннем подростковом возрасте, а увеличение толщины кожно-жировых складок выявлено только в период второго детства. Наибольшее развитие свойств нервных процессов и психических функций отмечено в период второго детства, а с началом полового созревания наблюдается снижение темпов психофизиологического развития.**Для цитирования:** Блинова Н. Г., Кошко Н. Н., Кукченко К. А. Динамика показателей физического и психофизиологического развития детей в период от 7 до 12 лет // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 99 – 106. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-99-106.

Индивидуальное развитие организма ребенка представляет собой реализацию генетической программы в конкретных условиях среды [1]. Особенности физического и психофизиологического развития детей и подростков являются критериями, позволяющими оценить как глобальные изменения биологической природы человека, так и кратковременные изменения в популяции под воздействием комплекса факторов в изменяющемся социуме [2].

Развитие в детском и подростковом возрасте определяет состояние здоровья каждого поколения на последующих этапах онтогенеза. Именно поэтому сохранение и укрепление детского здоровья и управление этими процессами является всегда актуальным [3]. Период онтогенетического развития детей с 7 до 10 лет характеризуется замедленными темпами роста и значительными качественными изменениями в организме, а возраст с 10 до 12 лет отличается активизацией ростовых процессов в связи с началом пубертатного периода онтогенеза [4; 5]. Подростковый возраст связан с глобальными нейроэндокринными перестройками, что в свою очередь приводит к специфическим качественным изменениям в организме ребёнка, в том числе со стороны центральной нервной системы, которые представляют значительный интерес при изучении особенностей онтогенетического развития каждого поколения.

Объект и методы исследования

С целью изучения половых особенностей физического и психофизиологического развития детей в разные периоды онтогенеза (второе детство и начало подросткового возраста) была обследована группа детей обоего пола (23 мальчика, 31 девочка) в процессе развития с 2009 по 2014 г. в 3 этапа: в 7 лет, 10 лет и 12 лет. У всех детей измерялись антропометрические показатели: длина

и масса тела, двуплечевой и двувертельный размер, обхват грудной клетки в покое, толщина кожно-жировых складок в 5 точках. Оценивались гармоничность физического развития с помощью возрастнo-половых региональных оценочных таблиц и степень жиротложения по методу В. П. Чичикина. Изучались с помощью автоматизированного комплекса «РФК» нейродинамические и психодинамические показатели: простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР), реакция на движущийся предмет (РДО), кратковременная память (КП), образная память (ОП), объем внимания (ОВ).

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования показали, что длиннотные, обхватные и поперечные размеры и масса тела у обследуемых детей достоверно увеличиваются с 7 до 10 лет и с 10 до 12 лет. При этом в 10-летнем возрасте девочки начинают опережать мальчиков по темпам роста и с 10 до 12 лет они вырастают в среднем на 15 см, а мальчики только на 12 см, что вполне соответствует более раннему началу пубертатного скачка у девочек [4]. Соответственно приросту длины тела длина ноги и масса тела у девочек также увеличивается более значительно (таблица 1).

Обхватные и поперечные размеры тела у детей обоего пола увеличиваются как в 1, так и во 2 возрастной период, но у мальчиков больше – окружность груди, а девочек – двувертельный размер (таблица 1). В отличие от этих антропометрических показателей, толщина кожно-жировых складок в 5 точках достоверно увеличивается в период с 7 до 10 лет, что связано с ускорением темпов роста в начале подросткового возраста, приводящее к уменьшению жировой прослойки [4] (таблица 1).

Таблица 1. Изменение антропометрических показателей у детей в период с 7 до 12 лет
 Table 1. Anthropometric measurements in children at 7 – 12

Показатели	Пол	Возраст			P < 0,05
		7 лет	10 лет	12 лет	
		1	2	3	
Длина тела, см	м	131,5 ± 1,3	142,70 ± 1,13	154,75 ± 1,69*	1-2; 2-3
	д	131,93 ± 1,13	145,30 ± 1,27	160,72 ± 1,3*	1-2; 2-3
Масса тела, кг	м	27,61 ± 1,01*	36,39 ± 1,35	46,57 ± 1,3*	1-2; 2-3
	д	28,66 ± 0,9*	38,92 ± 1,62	51,09 ± 1,99*	1-2; 2-3
Двуплечевой диаметр, см	м	28,35 ± 0,54	32,32 ± 0,44	34,17 ± 0,68	1-2; 2-4
	д	28,00 ± 0,40	31,97 ± 0,32	34,76 ± 0,45	1-2; 2-3
Двувертельный диаметр, см	м	23,06 ± 0,42	24,50 ± 0,35*	26,83 ± 0,53*	1-2; 2-3
	д	22,57 ± 0,45	25,85 ± 0,63*	28,88 ± 0,53*	1-2; 2-3
Окружность груди (покой), см	м	58,7 ± 0,39	69,73 ± 1,14*	73,44 ± 0,57*	1-2; 2-3
	д	59,9 ± 0,78	72,43 ± 1,03*	72,66 ± 1,07*	1-2;
Длина ноги, см	м	-	74,62 ± 1,06	79,56 ± 1,1*	2-3
	д	-	76,38 ± 0,86	83,21 ± 0,96*	2-3
Толщина кожно-жировых складок на лопатке, мм	м	6,65 ± 0,56	8,09 ± 0,87	9,78 ± 1,22	1-2
	д	7,00 ± 0,53	9,90 ± 0,99	8,67 ± 0,73	1-2
Толщина кожно-жировых складок в области бицепса, мм	м	8,29 ± 0,61	8,00 ± 0,88*	8,36 ± 0,91*	-
	д	7,82 ± 0,50	9,87 ± 0,76*	8,91 ± 0,41*	-
Толщина кожно-жировых складок на животе, мм	м	8,41 ± 0,85	11,09 ± 1,48	13,83 ± 1,86	1-2
	д	8,41 ± 0,85	12,36 ± 1,09	12,93 ± 0,78	1-2
Толщина кожно-жировых складок на кисти, мм	м	3,82 ± 0,26	3,68 ± 0,32	3,47 ± 0,21	-
	д	3,36 ± 0,21	3,23 ± 0,24	3,48 ± 0,32	-
Толщина кожно-жировых складок на голени, мм	м	6,11 ± 0,53	7,91 ± 0,55	11,28 ± 1,4	1-2; 2-3
	д	5,90 ± 0,43	7,50 ± 0,65	10,10 ± 0,75	1-2; 2-3

Примечание: * – достоверные половые различия в группе.

Половые различия у детей семилетнего возраста практически отсутствуют, за исключением достоверно большей массы тела у девочек по сравнению с мальчиками. В 10 лет девочки отличаются большими размерами ОГР, двувертельного размера и большей толщиной кожно-жировой складки на бицепсе, а в 12 лет они характеризуются достоверно большей массой тела, длиной ноги и большим двувертельным размером по сравнению с мальчиками (таблица 1).

Анализ индивидуальных особенностей показателей физического развития выявил различия в процентном распределении в разных возрастных группах девочек и мальчиков по росту, гармоничности физического развития и степени ожирения. Так, в семилетнем возрасте одинаковое количество девочек характеризуются нормальным и высоким ростом, а с 10 лет количество девочек с высоким ростом становится больше по сравнению с мальчиками, особенно к 12 годам (рис. 1). Следует также отметить появление небольшого количества детей в обеих половых группах с низким ростом, которое обусловлено замедлением темпов роста в период второго детства (рис. 1).

Возрастные изменения индивидуальных темпов роста с учетом пола приводят к соответственному изменению индивидуальных особенностей гармоничности физического развития у наблюдаемых детей. В семилетнем возрасте у мальчиков и девочек количество детей с нормальной массой тела и с дефицитом массы тела практически одинаково, а незначительный процент представи-

телей с избытком массы тела в 2 раза больше среди девочек (рис. 2). К десятилетнему возрасту количество детей с гармоничным развитием и с избытком массы тела увеличивается, а с недостатком массы тела уменьшается почти в 2 раза (рис. 2). Это связано в первую очередь со снижением темпов роста в период второго детства, а также с особенностями образа жизни современного человека: увеличение углеводной составляющей в пище и снижение уровня двигательной активности [5; 6].

В результате этого процентное соотношение десятилетних детей с разной степенью ожирения меняется: уменьшается группа детей со средней степенью ожирения и значительно увеличивается группа со слабым ожирением, что может говорить о более раннем начале пубертатных процессов у части детей, причем как у девочек, так и у мальчиков (рис. 3). Отмечено увеличение числа девочек и появление мальчиков с повышенным ожирением, в чем определенную роль играют особенности образа жизни и питания (рис. 3). К подростковому возрасту количество детей со слабым ожирением практически не меняется, с повышенным ожирением процент мальчиков сохраняется (рис. 3). У девочек количество представителей с высокой степенью ожирения вообще не наблюдается и увеличивается число со средним уровнем ожирения, что может быть связано с более ранним началом пубертатного ростового скачка у девочек по сравнению с мальчиками (рис. 3).

Рис. 1. Изменение процентного распределения детей по уровню роста в период с 7 до 12 лет
 Fig. 1. Change in percentage distribution of children according to height at 7 – 12

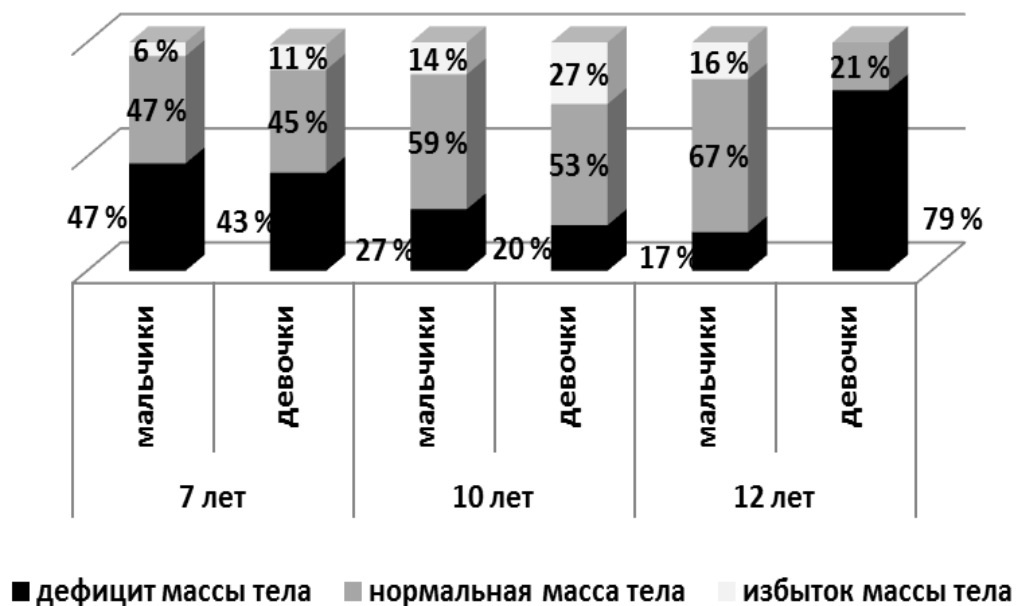

Рис. 2. Изменение процентного распределения детей по уровню гармоничности физического развития в период с 7 до 12 лет
 Fig. 2. Change in percentage distribution of children according to their physical development balance at 7 – 12

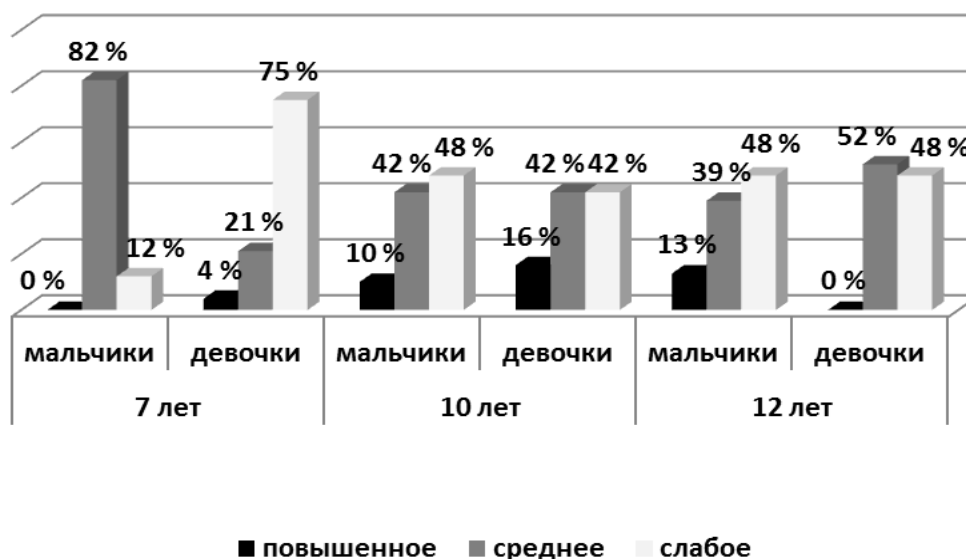

Рис. 3. Изменение процентного распределения детей по уровню жиротложения в период с 7 до 12 лет
 Fig. 3. Change in percentage distribution of children according to fat deposition at 7 – 12

Определение соматотипа у наблюдаемой группы детей на разных возрастных этапах показало, что на каждом периоде обследования около половины детей отно-

сится к мезосоматическому типу и у достаточно большого количества детей отмечается макросоматический тип: от 22 % до 47 % (рис. 4).

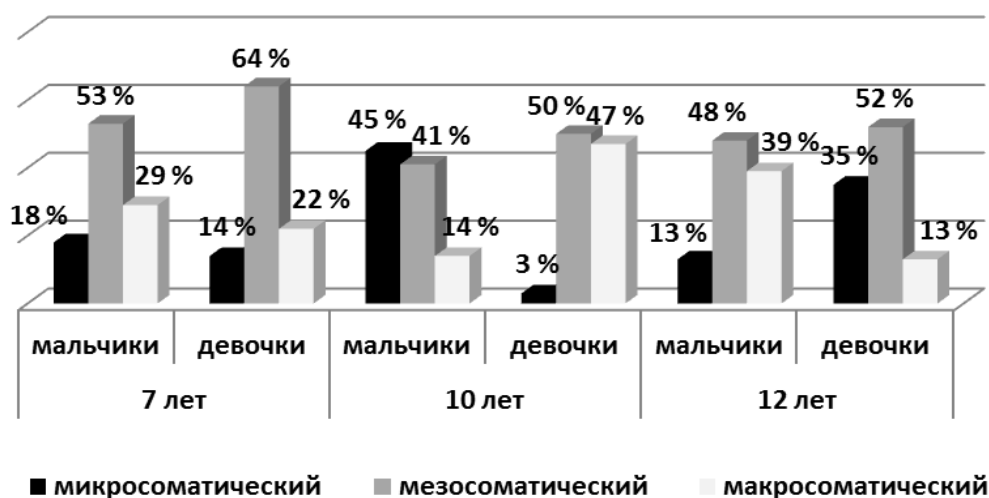

Рис. 4. Изменение процентного распределения детей на группы с разным соматотипом в период с 7 до 12 лет
 Fig. 4. Change in percentage distribution of children according to somatotype at 7 – 12

В ранее проведенных исследованиях нами было установлено, что поколение современных детей отличается высокими антропометрическими показателями и преобладанием мезосоматического и макросоматического тип, одной из причин которых является влияние низкого уровня солнечной активности в период их внутриутробного развития [7]. Наибольшее количество детей с макросоматическим типом морфологической конституции и наименьшее с микросоматическим типом установлено в десятилетнем возрасте, когда темпы роста снижаются и масса

тела повышается (рис. 4). В ранее проведенных исследованиях нами было установлено, что поколение современных детей отличается высокими антропометрическими показателями и преобладанием мезосоматического и макросоматического тип, одной из причин которых является влияние низкого уровня солнечной активности в период их внутриутробного развития [7]. Наибольшее количество детей с макросоматическим типом морфологической конституции и наименьшее с микросоматическим типом ус-

тановлено в десятилетнем возрасте, когда темпы роста снижаются и масса тела повышается (рис. 4).

Психофизиологические показатели с возрастом у наблюдаемых детей также изменялись. Обследование показало, что скорость зрительно-моторной реакции достоверно повышается (значения ПЗМР уменьшаются) к каждому этапу диагностики как у девочек, так и у мальчиков, что в первую очередь связано с возрастными процессами созревания психофизиологических функций

(таблица 2). При этом у мальчиков значительное улучшение зрительно-моторного реагирования отмечается в период с 10 до 12 лет, а у девочек – с 7 до 10 лет, что обусловлено опережающим биологическим развитием девочек. У мальчиков в 7 и 12 лет скорость ПЗМР достоверно выше по сравнению с девочками, и соответственно больше количество представителей с высоким уровнем данного показателя, что во многом определяется гендерными особенностями [8; 9] (таблица 2, рис. 5).

Таблица 2. Изменение психофизиологических показателей у детей с 7 до 12 лет
Table 2. Change in psychophysiological measurements in children at 7 – 12

Показатели	пол	7 лет	10 лет	12 лет	P < 0,05
		1	2	3	
ПЗМР, мс	м	354,4 ± 13,2 *	333,4 ± 5,2	302,0 ± 10,6*	1-2, 3 2-3
	д	388,9 ± 8,1*	323,3 ± 8,4	329,7 ± 7,7*	1-2, 3
РДО, суммарное время реакций отклонения, мс	м	2079,3 ± 38,1*	1342,2 ± 45,0*	1189,9 ± 21,2*	1-2, 3
	д	2263,3 ± 13,3*	1117,3 ± 29,4*	1366,9 ± 35,5*	1-2, 3
Кратковременная память, балл	м	8,0 ± 0,28	8,4 ± 0,18	8,2 ± 0,25	
	д	8,2 ± 0,32	8,5 ± 0,21	8,3 ± 0,26	
Образная память, балл	м	7,6 ± 0,6	8,6 ± 0,2	5,4 ± 0,4 *	1-2, 3 2-3
	д	7,4 ± 0,5	8,7 ± 0,2	6,2 ± 0,3*	1-2, 3 2-3
Объем внимания, балл	м	5,9 ± 0,4*	7,2 ± 0,5*	6,4 ± 0,4	1-2, 2-3
	д	5,1 ± 0,2*	8,3 ± 0,3*	6,2 ± 0,4	1-2, 3 2-3

Примечание: * – достоверные половые различия при P < 0,05.

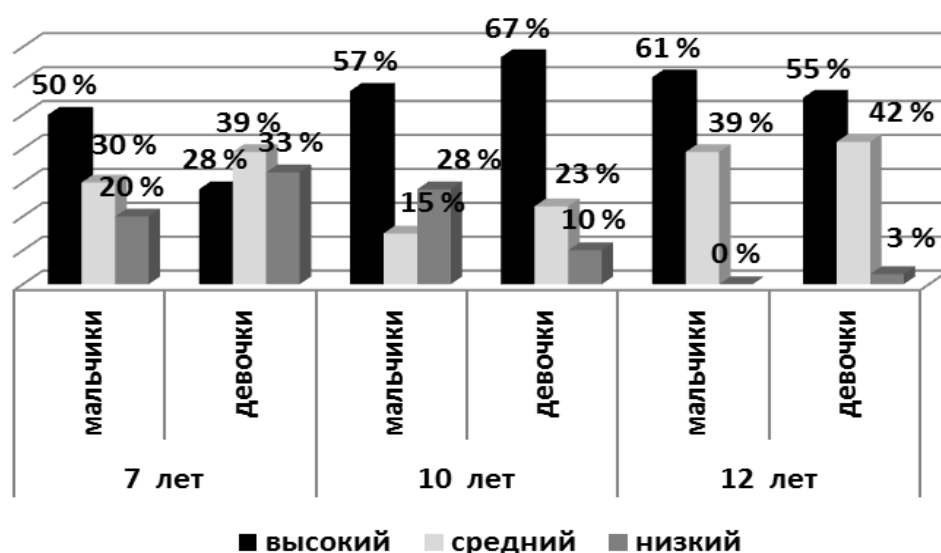

Рис. 5. Изменение процентного распределения детей по уровню ПЗМР в период с 7 до 12 лет

Fig. 5. Change in percentage distribution of children according to the level of simple visual-motor reaction at 7 – 12

Следует отметить, что с возрастом наблюдается увеличение количества детей с высоким уровнем ПЗМР и уменьшение с низким уровнем, особенно значительно у девочек в период с 7 до 10 лет (рис. 5).

Характер возрастной динамики суммарного времени реакций отклонения по тесту РДО у детей разного пола

отличался: у мальчиков отмечается достоверное уменьшение показателя к каждому периоду обследования, а у девочек после резкого снижения значений суммарного времени реакций отклонения к 10-ти годам наблюдается достоверное увеличение к началу подросткового возраста, свидетельствующее о дестабилизации нервных

процессов в связи с более ранним началом периода пубертата у них по сравнению с мальчиками (таблица 2). Отмечаются также половые различия суммарного времени реакций отклонения по тесту РДО во всех возрастных периодах (таблица 2). Так, в 7 и 12 лет значения РДО достоверно меньше у мальчиков, что говорит о большей стабильности нервных процессов у них в эти возрастные периоды, тогда как у девочек достоверно меньшее время реакций отклонения наблюдается в 10-летнем возрасте (таблица 2). Анализ результатов соотношения семилетних детей с преобладанием процессов возбуждения и торможения показал, что в этом возрасте больше мальчиков с преобладанием процессов возбуждения, а девочек больше с преобладанием процессов торможения,

свидетельствующее о нестабильности нервной системы у мальчиков по сравнению с девочками (рис. 6). В возрасте 10 и 12 лет, наоборот, количество девочек с преобладанием процессов возбуждения становится больше, чем у мальчиков. При этом большинство двенадцатилетних мальчиков (61 %) характеризуются уравновешенностью нервных процессов, тогда как у девочек уравновешенность установлена лишь у 36 %, что обусловлено более ранним началом нейроэндокринных перестроек у девочек, приводящих к дестабилизации нервных процессов, и соответствует половой динамике средних значений суммарного времени реакций отклонения РДО (таблица 2; рис. 6).

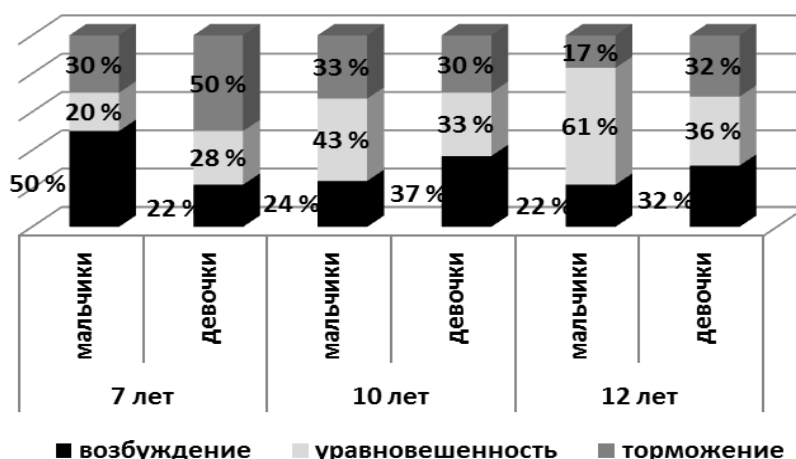

Рис. 6. Изменение процентного распределения детей по степени уравновешенности нервных процессов в период с 7 до 12 лет

Fig. 6. Change in percentage distribution of children according to nervous processes balance at 7 – 12

Показатели кратковременной памяти у обследуемых детей за наблюдаемый период значимо не изменяются, что говорит о достаточной сформированности этого вида памяти уже к 7 годам, и половые различия не установлены (таблица 2). Образная память (ОП) у мальчиков и девочек достоверно повышается с 7 до 10 лет, но с 10 до 12 отмечается снижение, причем у мальчиков даже ниже семилетнего возраста (таблица 2). Достоверные половые различия установлены только в подростковом возрасте: у девочек средний балл ОП выше, чем у мальчиков (таблица 2). В то же время в семилетнем возрасте больше девочек с высоким уровнем ОП, а мальчиков – с низким уровнем, в десятилетнем возрасте процентное соотношение детей разного пола с высоким и средним уровнем становится практически одинаковым и в подростковом возрасте значительно уменьшается количество представителей с высоким уровнем и увеличивается с низким, особенно у мальчиков (рис. 7).

Показатели объема внимания (ОВ) у детей так же, как и свойства памяти, достоверно улучшаются только с 7 до 10 лет, а к 12 годам снижаются (таблица 2). Следовательно, с началом полового развития у обследуемых детей ухудшаются психодинамические функции. Половые различия установлены только у десятилетних детей: у девочек ОВ достоверно выше по сравнению с мальчи-

ками (таблица 2). У детей 7-ми лет отмечается большее количество представителей с высоким уровнем ОВ, особенно у мальчиков (60 %) и незначительное – с низким уровнем (рис. 8).

К 12 годам у девочек значительно увеличивается количество представителей с низким уровнем ОВ и снижается с высоким, причиной чего является нейроэндокринная перестройка пубертатного периода, которая приводит к снижению активационных процессов в коре больших полушарий мозга [8; 10] (рис. 8).

Таким образом, полученные в ходе лонгитюдного наблюдения результаты позволили выявить особенности физического и психофизиологического развития детей на этапе с 7 до 12 лет с учетом пола. Установлено, что основные антропометрические показатели у обследуемых детей достоверно увеличиваются с 7 до 10 лет и с 10 до 12 лет, а толщина кожно-жировых складок – с 7 до 10 лет. Наибольшие изменения этих показателей от 10 до 12 лет происходят у девочек, что связано с более ранним началом у них пубертатного ростового скачка. Психофизиологические показатели, напротив, более значительно улучшаются в период от 7 до 10 лет, а к 12 годам отмечается явное снижение уровня нейродинамических и психодинамических показателей, связанное с началом нейроэндокринных перестроек периода полового созревания.

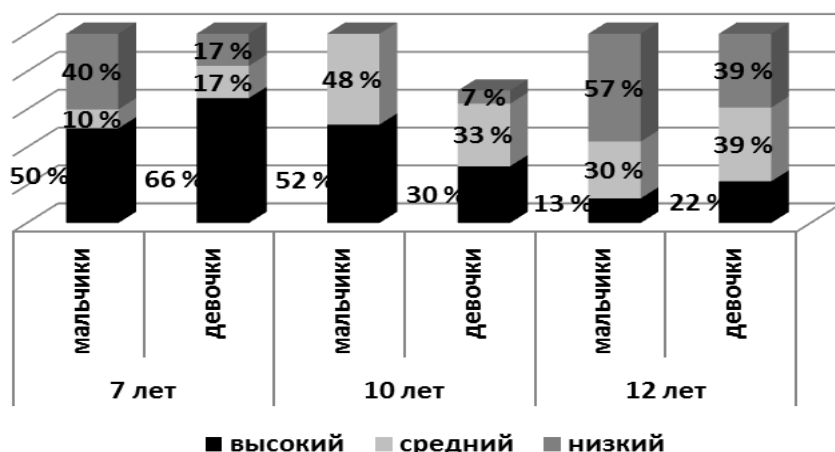

Рис. 7. Изменение процентного распределения детей по уровню образной памяти в период с 7 до 12 лет
Fig. 7. Change in percentage distribution of children according to picturesque memory at 7 – 12

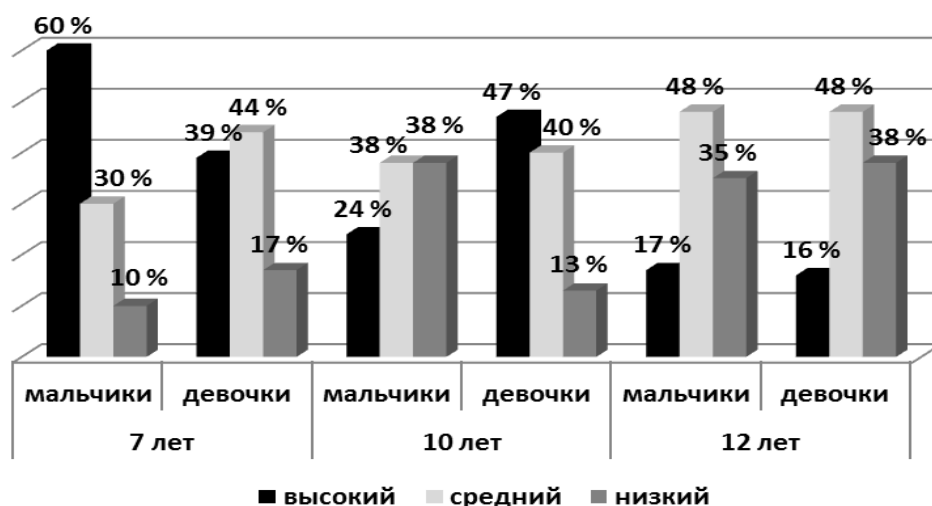

Рис. 8. Изменение процентного распределения детей по уровню объема внимания в период с 7 до 12 лет
Fig. 8. Change in percentage distribution of children according to attention volume at 7 – 12

Литература

1. Агаджанян Н. А. Экология, здоровье и перспективы выживания // Зеленый мир. 2004. № 13 – 14. С. 10 – 14.
2. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование: учебно-методический комплекс. Кн. I. Здоровьесберегающие аспекты дошкольного и начального общего образования / под ред. Э. М. Казина. Кемерово: КРИПКиПРО, 2011. 500 с.
3. Кучма В. Р., Сухарева Л. М. Состояние и прогноз здоровья школьников (итоги 40-летнего наблюдения) // Российский педиатрический журнал. 2007. № 1. С. 53 – 57.
4. Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А. Возрастная физиология (физиология развития ребёнка): учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2007. 416 с.
5. Ямпольская Ю. А. Физическое развитие школьников Москвы в последние десятилетия // Гигиена и санитария. 2000. № 5. С. 65 – 71.
6. Никитюк Б. А., Корнетов Н. А. Интегративная биомедицинская антропология. Томск: Томск. ун-т, 1998. 182 с.
7. Кошко Н. Н., Блинова Н. Г., Лурье С. Б. Влияние гелиофизических факторов периода раннего онтогенеза на формирование морфофункциональных особенностей развития в детском и подростковом возрасте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1. Т. 4. С. 15 – 22.
8. Дубровинская Н. В., Фарбер Д. А., Безруких М. М. Психофизиология ребёнка. Психофизиологические основы детской валеологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Владос, 2000. 144 с.
9. Diamond A. Normal development of prefrontal cortex from birth to young adulthood // Principles of frontal lobe function / Eds. D. T. Stuss, R. T. Knight. N.Y.: Oxford University Press, 2002. P. 466.
10. Brocki K. C., Bohlin G. Executive functions in children aged 6 to 13: a dimensional and developmental study // Dev. Neuropsychol. 2004. V. 26. № 2. P. 571.

DYNAMICS OF INDICATORS OF PHYSICAL AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL DEVELOPMENT OF CHILDREN AGED 7 – 12

Nina G. Blinova^{1, @1}, Nataliya N. Koshko^{2, @2}, Kseniya A. Kukchenko^{1, @1}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² Kuzbass Regional Center for Psychological and Educational, Health and Social Care "Health and Personal Development", 126a, Lenina Ave., Kemerovo, Russia, 650023

@¹ ngb_valeo@mail.ru

@² koshko80@mail.ru

Received 10.03.2016.

Accepted 03.06.2016.

Keywords: children and adolescents, physical development, neurodynamic indicators, psychodynamic functions.

Abstract: The article presents the results of the changes in the indices of physical and psychophysiological development of children at the age of 7 – 12 years old with regard to gender. It estimates a significant increase in the length, girth and body weight in children surveyed in the period of second childhood and early adolescence, and an increase in thickness of skin-folds of fat were found only in the period of second of childhood. The greatest development of the properties of nerve processes and mental functions were observed in the second period of childhood, and with the onset of puberty a decline in psychophysiological development was noted.

For citation: Blinova N. G., Koshko N. N., Kukchenko K. A. Dinamika pokazatelei fizicheskogo i psikhofiziologicheskogo razvitiia detei v period ot 7 do 12 let [Dynamics of Indicators of Physical and Psychophysiological Development of Children Aged 7 – 12]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 99 – 106. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-99-106.

References

1. Agadzhanian H. A. Ekologiya, zdorov'e i perspektivy vyzhivaniia [Ecology, health and survival prospects]. *Zelenyi mir = Green World*, no. 13 – 14 (2004): 10 – 14.
2. Ontogenez. Adaptatsiia. Zdorov'e. Obrazovanie. Kn. I. Zdorov'esberegaiushchie aspekty doskol'nogo i nachal'nogo obshchego obrazovaniia [Ontogenesis. Adaptation. Health. Education. Bk. I. Zdrovesberegaiushchie aspects of pre-school and primary education]. Ed. Kazin E. M. Kemerovo: KRIPKiPRO, 2011, 500.
3. Kuchma V. R., Sukhareva L. M. Sostoianie i prognoz zdorov'ia shkol'nikov (itogi 40-letnego nablyudeniia) [The health status of schoolchildren (the results of a 40-year monitoring)]. *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal = Russian Pedagogical Journal*, no. 1 (2007): 53 – 57.
4. Bezrukikh M. M., Son'kin V. D., Farber D. A. Vozrastnaia fiziologiya (fiziologiya razvitiia rebenka) [Developmental physiology (physiology of a child)]. 2nd ed. Moscow: Akademiia, 2007, 416.
5. Iampol'skaia Yu. A. Fizicheskoe razvitiie shkol'nikov Moskvy v poslednie desiatiletiia [Physical development of Moscow schoolchildren in recent decades]. *Gigiena i sanitariia = Hygiene and sanitation*, no. 5 (2000): 65 – 71.
6. Nikitiuk B. A., Kornetov N. A. Integrativnaia biomeditsinskaia antropologiya [Integrative biomedical anthropology]. Tomsk: Toms. un-t, 1998, 182.
7. Koshko N. N., Blinova N. G., Lur'e S. B. Vliianie geliofizicheskikh faktorov perioda rannego ontogeneza na formirovanie morfofunktsional'nykh osobennostei razvitiia v detskom i podrostkovom vozraste [The influence of heliophysical factors in early ontogenesis on the formation of morpho-functional development features in children and teenagers]. *Bulletin of Kemerovo state university*, 4, no. 1 (2015): 15 – 22.
8. Dubrovinskaia N. V., Farber D. A., Bezrukikh M. M. Psikhofiziologiya rebenka. Psikhofiziologicheskie osnovy detskoi valeologii [Psychophysiology child. Psychophysiological bases valeology child]. Moscow: Vados, 2000, 144.
9. Diamond A. Normal development of prefrontal cortex from birth to young adulthood. *Principles of frontal lobe function*. Eds. D. T. Stuss, R. T. Knight. N. Y.: Oxford University Press, 2002, 466.
10. Brocki K. C., Bohlin G. Executive functions in children aged 6 to 13: a dimensional and developmental study. *Dev. Neuropsychol*, 26, no. 2 (2004): 571.

УДК 316.64

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ДЕТСКОМ ДОМЕ, О РОЛИ СУПРУГОВ И РОДИТЕЛЕЙ**Елена В. Григорьева^{1,*}, Валерия Ю. Фотина^{1, @2}**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6* ^{@1} GEB9@yandex.ru^{@2} barni_91@bk.ru

Поступила в редакцию 29.01.2016.

Принята к печати 16.06.2016.

Ключевые слова: воспитанники детского дома, подростки, социальные представления, роли и функции супругов и родителей, представления о семье.**Аннотация:** Статья посвящена исследованию представлений подростков из детского дома о семье, роли и функциях супругов и родителей в семье. Выявлено, что представления воспитанников детского дома о роли супругов и родителей противоречивы, искажены, недостаточно дифференцированы, не оптимистичны. Подростки не видят необходимости у детей обсуждать свои проблемы с родителями, но считают, что главной функцией родителей является воспитание детей. По их мнению, именно дети объединяют и укрепляют семью, но большинство подростков хотели бы иметь одного ребенка, либо вообще не планируют иметь детей. В представлениях подростков супруг в отношениях не доминирует, стремится к компромиссу, но при этом воспитанники детского дома не ожидают от супруга полной отдачи, тепла, доброты и поддержки.**Для цитирования:** Григорьева Е. В., Фотина В. Ю. Особенности представлений подростков, воспитывающихся в детском доме, о роли супругов и родителей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 107 – 111. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-107-111.

На протяжении последнего десятилетия проблема сиротства и ее преодоления является одним из важнейших направлений государственной политики в Российской Федерации. В результате целенаправленных усилий государства по развитию института приемных родителей число детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ежегодно снижается. Так, число детей данной категории в конце 2015 г. снизилось на 18 % по сравнению с 2014 г. и на 33 % – по сравнению с 2013 г. Тем не менее по данным Министерства образования и науки РФ в конце 2015 г. в федеральном банке данных на учете состояли 71,4 тысячи детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проживающих в различных специализированных учреждениях [1]. По данным Росстата, в 2013 г. 40400 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проживали в 911 детских домах, 14000 – в 194 домах ребенка, 6100 – воспитывались в 62 школах-интернатах для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В апреле 2014 г. в России функционировало 195 школ-интернатов для детей-сирот с ограниченными возможностями здоровья, в которых проживало 6500 детей и подростков [2]. В этой связи по-прежнему остается актуальной задача адаптации выпускников детских домов и интернатов к жизни вне государственного учреждения и соответственно подготовки к самостоятельной, «взрослой» жизни и сопровождения ее первоначального этапа.

Покинув детский дом, юношам и девушкам приходится решать много сложных задач, связанных с жилищным устройством, организацией собственного быта, профессиональным обучением или трудоустройством, пла-

нированием бюджета. В перспективе выпускникам детских домов и специализированных школ-интернатов необходимо строить собственную семью, выполнять супружеские и родительские функции. Формирование полноценных представлений о роли супругов и родителей предполагает у воспитанников развитие умения анализировать свой жизненный опыт, находить компромиссы и идти на уступки, а также создание устойчивого представления о своих функциях, обязанностях и правах, как в отношениях с членами своей будущей семьи, так и в обществе в целом. Для формирования соответствующих психологических установок и достойной самореализации в качестве супругов и родителей, выпускникам детских домов необходимо развитие не только чувства долга, моральных принципов и убеждений, но и развитие родительских чувств, понимания способов взаимодействия с ребенком, принятие родительской ответственности, развитие представлений о роли и функциях супруга, родителя и семьи в целом.

Авторы исследований проблем супружества и родительства подчеркивают важность условий воспитания, роли родительской семьи для формирования ценностных ориентаций личности потенциальных супругов и родителей. Так, в исследованиях М. А. Ляховой показано, что для студентов, получивших воспитание вне семьи, незначимыми являются ценности межличностных отношений (наличие хороших и верных друзей) и счастливой семейной жизни. Также для этих студентов ценность «любви» менее значима, нежели для студентов, выросших с опекунами и родителями, то есть в условиях семьи [3]. Д. А. Тихомиров пишет, что юные матери, воспитанные

в условиях детских домов не только материально, но и психологически не готовы к материнству [4]. В своих исследованиях К. Н. Белогай неоднократно подчеркивала, что образ матери и готовность к материнству связаны с процессом идентификации с собственной матерью [5]. Таким образом, дети, воспитанные вне семьи, в долгосрочном прогнозе становятся взрослыми, которые бросают своих детей, легко отказываются от них.

В литературе достаточно данных по поводу психологических характеристик и особенностей личности воспитанников детских домов. Для многих из них характерны иждивенчество, непонимание материальной стороны жизни и вопросов собственности, инфантилизм, замедленность самоопределения, неприятие самого себя как личности, неспособность к сознательному выбору своей судьбы. Их также отличают трудности общения, отсутствие избирательности в общении, перегруженность отрицательным опытом и негативными «ценностями», негативными образцами поведения. Большинству детей и подростков из детских домов присущи неуверенность в себе, в своем будущем, агрессия по отношению к внешнему миру или его боязнь [6]. Специфика проживания вне семьи при отсутствии наглядного опыта в выполнении супружеских и родительских функций, опыта взаимодействия в семье, опыта ведения домашнего хозяйства ведет к формированию неверных представлений о семейных ценностях, супружеских и детско-родительских отношениях.

Именно представления, по мнению С. Московичи, являются инструментом познания социального мира и средством адаптации совершающихся событий к уже имеющимся, то есть средством сохранения сложившейся картины мира. Представления также являются способом опосредования поведения через направление коммуникации в группе, обозначение своих ценностей. С. Московичи определяет социальные представления как сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации. Представления, по сути, есть обобщенные образы действительности, сохраняющие важные для личности особенности мира. А. Н. Леонтьев в свою очередь подчеркивает «пристрастную» природу социальных представлений, поскольку факты окружающего мира подвергаются трансформации и оценке, апеллирующим именно к реальному социальному опыту индивида [7].

На основании вышеизложенного мы предприняли попытку уточнить, что именно в представлениях воспитанников детского дома о семье требует целенаправленной коррекции, и провели исследование с целью выявить особенности представлений детей-сирот подросткового возраста, воспитывающихся в детском доме, о роли супругов и родителей. Объектом нашего исследования выступили дети-сироты подросткового возраста, воспитывающиеся в детском доме, предметом – особенности представлений подростков, воспитывающихся в детском доме, о роли супругов и родителей. Мы предположили, что в представлениях о роли и функциях супругов и родителей у подростков, воспитывающихся в семье, и у подростков вне семьи есть различия.

Для проверки гипотезы мы поставили ряд задач: во-первых, провести сравнительный анализ представлений подростков, воспитывающихся в семье и вне семьи, о функциях и роли супругов и родителей в семье, и, во-вторых, выявить особенности представлений о роли супругов и родителей у подростков, воспитывающихся в детском доме.

Исследование проводилось с помощью методов опроса, психодиагностики и математической статистики. Выявление представлений о роли супругов и родителей осуществлялось специально разработанной анкетой, методикой диагностики межличностных отношений Т. Лири, методикой PARI Е. С. Шефера и Р. К. Белла. Полученные эмпирические данные были подвергнуты сравнительному анализу с расчетом Т-критерия Стьюдента.

Исследование проходило в период с марта по май 2014 г. в г. Юрга Кемеровской области на базе МКОУ детский дом «Радуга» и МБОУ «СОШ № 10». Общую выборку составили 50 подростков в возрасте от 14 до 16 лет. Экспериментальная (ЭГ) и контрольная группа (КГ) выровнены по числу, полу и возрасту респондентов: в состав каждой группы вошли 25 воспитанников детского дома – 13 девочек и 12 мальчиков, средний возраст которых составил 15 лет.

В результате опроса выяснилось, что 60 % респондентов ЭГ не планируют заводить семью после окончания школы, а 70 % – отодвигает ее создание к возрастному периоду 26 – 30 лет. 55 % респондентов КГ планируют создание семьи после окончания школы, и 70 % хотят создать семью в возрасте 21 – 25 лет. 60 % участников ЭГ хотят в своей семье иметь одного ребенка, 15 % участников – двух детей, 25 % – не хотят иметь детей вообще. В КГ 30 % опрошенных хотят завести одного ребенка, 50 % опрошенных планируют двоих детей, 15 % – троих детей, и только 5 % – не хотят иметь детей вообще.

70 % участников ЭГ считают, что дети не должны обсуждать свои проблемы с родителями, только 15 % – считает, что обсуждать проблемы с родителями все-таки нужно, 10 % – считают, что обсуждать нужно только с мамой, и 5 % – только с отцом. 30 % респондентов КГ считают, что нужно обсуждать проблемы с обоими родителями, 35 % считают, что обсуждать нужно только с мамой, 25 % – только с отцом, и лишь 10 % респондентов считают, что не нужно обсуждать свои проблемы ни с кем из родителей.

40 % респондентов ЭГ не хотят быть похожими на своих родителей, 40 % – хотели бы быть похожими, но не во всем, 10 % – хотели бы быть похожими только на маму и 10 % – только на папу. Среди участников КГ только 5 % опрошенных не хотели бы быть похожими на своих родителей, 60 % – хотели бы быть похожими на обоих родителей, 10 % – хотели бы быть похожими, но не во всем, 10 % опрошенных хотели бы быть похожими на маму и 15 % – на папу.

На вопрос о функциях мужа в семье 30 % респондентов ЭГ ответили – помогать жене по дому и материально обеспечивать семью, 20 % опрошенных считают, что муж должен воспитывать детей, 15 % считают, что он должен проводить время с детьми, и 5 % считают, что функция мужа – быть главой семьи. В КГ 40 % респон-

дентов считают, что муж должен материально обеспечивать семью, 30 % считают, что он должен выполнять функцию главы семьи, 15 % считают, что он должен проводить время с детьми, 10 % считают, что муж должен заниматься воспитанием детей и 5 % ответили – помогать жене по дому.

Отвечая на вопрос о функциях жены в семье, 30 % участников ЭГ считают, что жена должна выполнять работу по дому и проводить время с детьми, 25 % ответили, что она должна заниматься воспитанием детей, и, по мнению 15 % опрошенных, жена должна выполнять функцию главы семьи. В КГ 40 % опрошенных считают, что жена должна выполнять работу по дому, 25 % полагают, что она должна быть главой семьи, 20 % ответили, что жена должна проводить время с детьми, и 10 % опрошенных считают, что жена должна воспитывать детей.

На вопрос о роли и функциях отца в семье 25 % участников ЭГ выбрали вариант ответа – помогать маме по дому, воспитывать детей и проводить время с детьми, 20 % опрошенных считают, что отец должен выполнять функцию главы семьи, и 5 % считают, что должен материально обеспечивать семью. По мнению 30 % респондентов КГ отец должен заниматься воспитанием детей, 25 % – что он должен выполнять функцию главы семьи и материально обеспечивать семью, 15 % ответили, что отец должен проводить время с детьми, и 5 % считают, что должен помогать маме по дому.

Функционал матери в ответах респондентов выглядит следующим образом: 50 % респондентов ЭГ считают, что мама должна заниматься воспитанием детей, 20 % – что должна проводить время с детьми, 15 % считают, что должна быть главой семьи, и 15 % ответили, что мама должна выполнять работу по дому. В КГ 35 % опрошенных считают, что мама должна заниматься воспитанием детей и проводить с ними много времени, 20 % ответили, что она должна помогать детям делать уроки, и 5 % опрошенных считают, что мама должна выполнять работу по дому и быть главой семьи.

Участники экспериментальной группы считают, что объединять и укреплять семью должны дети (50 % респондентов). По мнению 25 % опрошенных ЭГ, семью должен объединять быт и совместное проживание, 5 % респондентов считают, что объединяет семью любовь, и 20 % опрошенных считают, что семью объединяют и дети, и любовь, и совместный быт. В КГ только 5 % респондентов ответили, что семью должны объединять дети, 5 % считают, что совместный быт, 30 % считают, что объединяет семью любовь, а 60 % полагают, что семью объединяют все эти факторы.

Проведя анализ полученных данных, можно сделать вывод, что у воспитанников детского дома менее позитивные и полные представления о роли супругов и родителей по сравнению с представлениями подростков, проживающих в семье. В ближайшем будущем подростки, воспитывающиеся вне семьи, не планируют создание семьи, а у четверти из них нет в планах рождения даже одного ребенка. Представления о функциях родителей и супругов менее дифференцированы у подростков ЭГ. У них отмечается большая спутанность функций супруга и родителя как у одного члена семьи, так и в диадах

муж/жена, отец/мать. Представления подростков ЭГ о детско-родительских отношениях носят смешанный и противоречивый характер, в них нет доверия к родителям. Воспитанники детского дома не видят необходимости у детей обсуждать свои проблемы с родителями, но считают, что главной функцией родителей является воспитание детей. Такое противоречие может быть вызвано тем, что у них нет наглядного примера детско-родительских отношений. Делиться своими проблемами эти подростки привыкли со своими друзьями, воспитателями, одноклассниками, но при этом своим детям они хотят показать положительный пример детско-родительских отношений.

Сравнительный анализ результатов методик Т. Лири и PARI, полученных в ЭГ и КГ, проводился с помощью расчета Т-критерия Стьюдента для независимых выборок. В группах выявлены статистически значимые различия (при $p < 0,05$) по ряду шкал данных методик. В ЭГ по сравнению с КГ достоверно ниже показатели шкал «авторитарность», «агрессивность», «подозрительность», «альтруистичность» методики Т. Лири, а также показатели шкал «ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье», «неудовлетворенность ролью хозяйки дома», «преодоление сопротивления, подавление воли», «подавление сексуальности» методики PARI.

В представлениях детей-сирот их супруг уверенный в себе человек, но не обязательно лидер, умеющий отстаивать свою точку зрения, принимая при этом во внимание точку зрения своего супруга. Это настойчивый и энергичный человек, но при этом не проявляющий агрессию по отношению к окружающим и членам своей семьи. Человек одновременно критичный по отношению к окружающим людям, при этом деликатный и отзывчивый. Он проявляет себя дружелюбным человеком, умеющим подбодрить и успокоить в трудной ситуации.

Подобный образ супруга может говорить о том, что у воспитанников детского дома за период пребывания там наблюдается переизбыток авторитарного стиля воспитания, не доверительного общения воспитателей и педагогов с воспитанниками. Детям и подросткам в большинстве случаев приходится подчиняться педагогам, воспитателям и администрации детского дома, инициатива воспитанников не редко подавляется. Воспитанники практически постоянно находятся под контролем, к ним, в отличие от подростков, воспитывающихся в семье, редко относятся с доверием.

Именно в связи с этим подростки ЭГ своим супругом хотят видеть человека, который не будет подавлять их своим авторитетом, но в то же время будет уверенным в себе человеком, будет стараться найти компромисс при решении проблем, принимать во внимание точку зрения супруга и членов семьи. Детям и подросткам из детских домов чаще всего не хватает поддержки, родственного тепла, дружбы, заботы, но при этом воспитанники детского дома не ожидают от супруга полной отдачи, тепла, доброты и поддержки. Это связано с тем, что в детских домах количество воспитанников в несколько раз превышает количество педагогических работников. Специа-

листы не в силах дать каждому тепло, заботу и поддержку так, как это могут дать родители и семья.

Роль семейных отношений участники ЭГ отодвигают на второй план, придавая им второстепенное значение. В их представлениях женщина не ограничена заботами о семье, не зависит от нее, но при этом она удовлетворена ролью хозяйки дома. Это противоречие может быть вызвано тем, что подростки хотят иметь собственный «дом», устраивать свой быт, но в то же время у них нет опыта ведения личного хозяйства, и у них отсутствует наглядный пример поведения женщины в системе семейных отношений. Соответственно и отношение к роли хозяйки и заботам о доме у них практически безразличное, незаинтересованное – в представлениях подростков нет критического отношения к выполнению своих обязанностей по организации быта.

Низкие показатели шкал методики PARI «подавление воли, преодоление сопротивления» и «подавление сексуальности» говорят о том, что подростки ЭГ представляют себя родителями, которые не стремятся подавлять волю своих детей, их сексуальность. Данные особенности представлений связаны тем, что в детском доме подросткам нередко приходится сталкиваться с подавлением желаний и переживать чувства неудовлетворенности и состояния фрустрации, они знают, насколько это неприятно, и желают своим детям лучшего отношения.

Образы супруга и родителя в представлениях подростков из детского дома характеризуются именно теми качествами, которых не хватает самим подросткам. Как отмечалось ранее, воспитанники детских домов испытывают проблемы во взаимоотношениях с окружающими, им трудно разбираться в людях, проявлять выдержку и спокойствие в отношениях. Они хотят, чтобы к ним

относились более дружелюбно и чтобы им оказывали больше доверия и поддержки. Для воспитанников детского дома важно, чтобы при решении вопросов, связанных с их жизнью, учитывалось их мнение, а при решении сложных жизненных ситуаций и конфликтов им больше всего необходима поддержка и уверенность в себе, супруге и своем будущем.

Итак, результаты нашего исследования показали, что существуют различия в представлениях о роли и функциях супругов и родителей у подростков, воспитывающихся в детском доме, и подростков, воспитывающихся в семье. На фоне отсутствия перспективы построения собственной семьи и рождения ребенка в ближайшем будущем у подростков, воспитывающихся в детском доме, выявлены смешанные, неполные, порой искаженные представления о роли супругов и родителей. По мнению подростков, именно дети объединяют и укрепляют семью, но большинство хотели бы иметь одного ребенка, либо вообще не планируют иметь детей.

На основании вышеизложенного мы считаем, что подготовка к самостоятельной жизни должна обязательно акцентировать внимание на формировании более полных и структурированных представлений подростков о функциональном устройстве семьи. Особое место в этой подготовке важно уделять вопросу распределения ролей в семье, выделение особенностей роли жены и матери, мужа и отца, жены и мужа, матери и отца, а также роли детей в структуре семьи и психологической готовности самих подростков к роли родителей. В этой связи наиболее актуальной проблемой становится поиск механизмов формирования адекватных представлений у подростков, воспитывающихся вне семьи, о семье, ролях и функциях членов семьи.

Литература

1. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/7659> (дата обращения: 26.01.2016).
2. Интернатные учреждения для детей / Образование / Население // Официальная статистика. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/i-obr1.htm (дата обращения: 26.01.2016).
3. Ляхова М. А. Ценностные ориентации личности, воспитывавшейся вне родительской семьи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3. С. 146 – 154.
4. Тихомиров Д. А. Состояние и динамика проблемы социального сиротства в России // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/1/tikhomirov_social-orphanhood/ (дата обращения: 10.06.2015).
5. Белогай К. Н. Культурные модели материнства и отцовства как факторы формирования родительского отношения // Журнал практического психолога. 2005. № 5. С. 41 – 47.
6. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 400 с.
7. Андреева Г. А. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 303 с.

FEATURES OF REPRESENTATIONS OF TEENS RAISED IN AN ORPHANAGE ABOUT THE ROLE OF SPOUSES AND PARENTS

Elena V. Grigoryeva^{1, @1}, Valeriya Yu. Fotina^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@¹ GEB9@yandex.ru

@² barni_91@bk.ru

Received 29.01.2016.

Accepted 16.06.2016.

Keywords: Children from orphanage, teenagers, social representations, the role and function of spouses and parents ideas about family.

Abstract: The article investigates the perceptions orphaned teenagers hold about the family and the role and responsibilities of spouses and parents in the family. It was found that orphans' presentation about the role of spouses and parents are contradictory, distorted, not optimistic and insufficiently differentiated. Teenagers do not see the need for children to discuss their problems with their parents, but they believe that the main function of parents is to educate children. In their opinion, it is the children who unite and strengthen the family, but most teens would like to have one child, or do not plan to have children at all. According to the teenagers, a spouse does not dominate in the relationship, seeking compromise, but at the same orphans not expect full feedback, warmth, kindness and support from a spouse.

For citation: Grigoryeva E. V., Fotina V. Yu. Osobennosti predstavlenii podrostkov, vospityvaiushchikhsia v detskom dome, o roli suprugov i roditel'ei [Features of Representations of Teens Raised in an Orphanage about the Role of Spouses and Parents]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 107 – 111. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-107-111.

References

1. Podderzhka detei-sirot i detei, ostavshikhsia bez popecheniia roditel'ei [Support for orphans and children without parental care]. Available at: <http://minobrnauki.rf/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/7659> (accessed 26.01.16).
2. *Internatnye uchrezhdeniia dlia detei / Obrazovanie / Naselenie* [Residential institutions for children / Education / Population]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/i-obr1.htm (accessed 26.01.16).
3. Liakhova M. A. Tsennostnye orientatsii lichnosti, vospityvavsheisia vne roditel'skoi sem'i [The value orientations of the individual, is to educate the parent family]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2011): 146 – 154.
4. Tikhomirov D. A. Sostoianie i dinamika problemy sotsial'nogo sirotstva v Rossii [The state and dynamics of the problem of child abandonment in Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1 (2014). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/1/tikhomirov_social-orphanhood/ (accessed 10.06.15).
5. Belogai K. N. Kul'turnye modeli materinstva i otsovstva kak faktory formirovaniia roditel'skogo otnosheniia [The cultural model of maternity and paternity as a factor of parental attitudes]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa = Practical Psychology Journal*, no. 5 (2005): 41 – 47.
6. Prikhodzhan A. M., Tolstykh N. N. *Psikhologiya sirotstva* [Psychology of orphanhood]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter, 2005, 400.
7. Andreeva G. A. *Psikhologiya sotsial'nogo poznavaniia* [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2005, 303.

УДК 159.952.6:612.821

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТНЫХ, ГЕНДЕРНЫХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АДАПТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ. Сообщение 1: Возрастные и гендерные особенности психофизиологического развития и социально-психологической адаптации младших и старших подростков

Эдуард М. Казин^{1, @1}, Ирина А. Свиридова^{2, @2}, Ольга Н. Четверик^{2, @3}, Павел Ю. Зарченко^{1, @1},
Ольга Л. Тарасова^{1, @4}, Тамара И. Шерер^{3, @5}, Александр И. Федоров^{1, @1}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», Россия, 650023, г. Кемерово, пр. Ленина, 126а

³ Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (КРИП-КуПРО), Россия, 650070, г. Кемерово, ул. Заузелкова, 3

@¹ valeol@kemsu.ru

@² opvc@mail.ru

@³ elephant.68@mail.ru

@⁴ tol_66@mail.ru

@⁵ ipk@kuz-edu.ru

Поступила в редакцию 25.05.2016.

Принята к печати 18.07.2016.

Ключевые слова: младшие и старшие подростки, психофизиологические, социально-психологические и гендерные особенности.

Аннотация: Проведено исследование психофизиологических, социально-психологических особенностей, стратегий совладающего поведения обучающихся основной школы с целью изучения психосоциальной и физиологической адаптации, уровня стрессоустойчивости, мотивационно-поведенческих характеристик учащихся основной школы. Было исследовано 90 учащихся 5-х и 8-х классов. Анализировался комплекс нейродинамических и психодинамических показателей, социально-психологической адаптации/дезадаптации, функциональное состояние вегетативной регуляции, особенности сердечного ритма. Показано, что значительная роль в формировании адаптивных возможностей обучающихся определяется сочетанием возрастных и гендерных особенностей развития личностных, нейродинамических и психовегетативных параметров. Установлено, что структура функциональной системы, отражающая соотношение психофизиологических и социально-психологических характеристик, указывает на необходимость более углубленной идентификации показателей индивидуальной вегетативной реактивности и психовегетативного обеспечения приспособительных реакций учащихся подросткового и юношеского в условиях обучения.

Для цитирования: Казин Э. М., Свиридова И. А., Четверик О. Н., Зарченко П. Ю., Тарасова О. Л., Шерер Т. И., Федоров А. И. Влияние возрастных, гендерных и типологических особенностей подростков на формирование адаптивных возможностей в условиях обучения в основной школе. Сообщение 1: Возрастные и гендерные особенности психофизиологического развития и социально-психологической адаптации младших и старших подростков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 112 – 123. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-112-123.

Изучение психофизиологического развития ребенка на разных этапах онтогенеза, происходящего под влиянием эндогенных и экзогенных факторов среды, является одной из фундаментальных проблем в возрастной физиологии (А. И. Аршавский, 1982; М. М. Безруких и др., 2005; Н. В. Дубровинская и др. 2000; Б. А. Никитюк, 1978).

Представленные в литературе теоретические и экспериментальные материалы свидетельствуют о том, что проблема сохранения и укрепления здоровья субъектов воспитательно-образовательного процесса должна решаться с учетом анализа медико-биологических и психолого-педагогических подходов, фундаментальных и прикладных аспектов социально-биологической и психолого-физиологической адаптации, обусловленной физиологическими и онтогенетическими механизмами регуляции

(Р. И. Айзман, 2014; М. М. Безруких и др., 2005; 2004; А. Г. Щедрина, 1998; А. П. Спицын, 2002; Л. Р. Аветисян, С. Г. Кочарова, 2004; Н. А. Агаджанян и др., 2005; Г. М. Коновалова, Г. А. Севрюкова, 2011).

Особенную актуальность приобретает оценка адаптивных возможностей учащихся основной школы, процесс обучения которых совпадает с существенными нейроэндокринными и социально-психологическими перестройками, характерными для пре- и пубертатного периода индивидуального развития организма и личности (П. Н. Светлов, 1978; А. Г. Хрипкова, М. В. Антропова, Д. А. Фарбер, 1990; С. Б. Лурье и др., 2004; 2007).

С учетом вышеизложенного прогностическая оценка адаптивных возможностей подростков в динамике процесса обучения в основной школе должна базироваться на анали-

зе различных эндогенных (возрастных, гендерных, типологических) и экзогенных факторов (условий обучения).

Одним из основных условий реализации психофизиологического и социально-психологического сопровождения воспитательно-образовательного процесса является эффективная система мониторинга параметров физиологической и психосоциальной адаптации учащихся, осуществляемая с учетом личностных и адаптивно-ресурсных характеристик (Р. И. Айзман, 2008; Е. П. Ильин, 2005; Э. М. Казин, 2010).

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе внимание исследователей актуализируется на вопросах интеграции психолого-педагогических и физиологических базовых оснований при решении проблем адаптации, здоровья, развития, субъектов образования (Э. М. Казин и др.).

Вместе с тем, несмотря на множество работ, посвященных изучению стресса и адаптации [1; 2; 3, с. 100 – 113; 4 – 10], до сих пор остается недостаточно изученной проблема взаимосвязи личностных, вегетативных и психофизиологических показателей адаптации в различные периоды онтогенеза.

Предметом настоящего исследования явилось изучение влияния возрастных и гендерных особенностей организма на формирование адаптивных возможностей учащихся основной школы, которое проводилось с помощью анализа совокупности психофизиологических параметров личностных и социальных качеств в целях выявления взаимосвязи показателей психосоциальной и физиологической адаптации, уровня стрессоустойчивости, мотивационно-поведенческих характеристик школьников.

Материалы и методы исследования

Для выявления психофизиологических и социально-психологических особенностей адаптации подростков к учебной деятельности в рамках обучения в основной школе было исследовано 90 учащихся 5-х и 8-х классов ООШ № 19 г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. В соответствии с возрастной периодизацией Д. Б. Эльконина [11] учащихся 5-х классов (средний возраст 11,5 лет) отнесли к младшим подросткам, учащихся 8-х классов (средний возраст 14,5 лет) – к старшим подросткам. Исследование проводилось в первой четверти учебного года. Оценка нейродинамических процессов и функционального состояния ССС проходила в индивидуальной форме с помощью автоматизированных программ в первой половине дня.

Анализировался комплекс нейродинамических показателей: латентный период простой зрительно-моторной реакции (ЛП ПЗМР, мс), уравновешенность нервных процессов (РДО, усл. ед.), уровень функциональной подвижности нервных процессов (УФП НП, сек), работоспособность головного мозга (РГМ, количество сигналов) [12]. Изучение функционального состояния вегетативной регуляции и особенностей сердечного ритма осуществлялось с использованием автоматизированной кардио-

ритмографической программы «Ортовалео» [13; 14; 4]. Анализировались показатели математического временно-го анализа ВСР [13; 14].

Исследовали особенности внимания, психомоторного темпа умственной работоспособности [15], состояние социально-психологической адаптации-дезадаптации (опросник К. Роджерса и Р. Даймонда, модификация А. К. Осницкого (2004) [16; 17, с. 193 – 197]), уровень тревожности (А. М. Прихожан, 2007), особенности стрессово-свладающего поведения подростков (опросник С. Нормана, Д. Ф. Эндлера, Д. А. Джеймса, М. И. Паркера в адаптации Т. А. Крюковой) [18; 19].

Для математической обработки применялись общепринятые методы, достоверность различий между группами оценивались по U-критерию Манна-Уитни. Для оценки степени взаимосвязанности изучаемых параметров анализировались связи Спирмена (Г. Ф. Лакин, 1990). В структуру корреляционных плеяд вошли значения коэффициентов корреляции ≥ 0.7 (при $p < 0.05$).

Результаты исследования и их обсуждение

Показано, что по уровню функционального состояния учащиеся 5-х классов (младшие подростки) распределяются следующим образом: по параметрам вегетативной регуляции кардиоритма у 28,21 % от общего числа обследованных диагностирована неудовлетворительная адаптация; почти у 54 % (53,85 %) – функциональное напряжение и только у 17,95 % пятиклассников выявлено оптимальное функциональное состояние.

Анализ интегрального заключения, касающегося функционального состояния организма у лиц различного пола, свидетельствует о том, что с неудовлетворительной адаптацией регистрируется 37 % случаев, удовлетворительная адаптация наблюдается только у 14 %, тогда как оптимальное функциональное состояние отмечается у 24 % девочек-подростков.

Общую стратегию адаптации к учебной деятельности младших подростков отражают такие основные свойства нервных процессов, как сила, лабильность, подвижность, динамичность, уравновешенность, уровень функционального напряжения нервной системы.

Как видно из таблицы 1, средние значения нейродинамических показателей младших подростков соответствуют региональным и возрастным нормам. Показатели, характеризующие нейродинамические особенности мальчиков-подростков и девочек-подростков, достоверных отличий не имеют.

Анализ процентного соотношения с различным уровнем нейродинамических параметров с учетом пола позволили выявить следующие особенности: как мальчики, так и девочки характеризуются средним и высоким уровнем простой зрительно-моторной реакции, 47,06 % пятиклассников мужского пола характеризуются низкими показателями уровня функциональной подвижности НП, у девочек-подростков в 61,54 % случаях регистрируется средний уровень изучаемого параметра.

Таблица 1. Нейродинамические показатели младших подростков, $M \pm m$
 Table 1. Neurodynamic measurements of young teenagers, $M \pm m$

№ n/n	Параметр	Среднее n = 43	Мальчики n = 16	Девочки n = 27
1	ЛП ПЗМР, мс	393,9 ± 9,8	377,5 ± 16,9	404,52 ± 11,7
2	УФП НП, с	85,2 ± 2,1	86,7 ± 4,1	84,27 ± 2,23
3	Динамичность НП, с	46,6 ± 4,1	48,5 ± 6,6	45,50 ± 5,12
4	РГМ, кол-во знаков	428,6 ± 8,9	424,5 ± 14,2	430,9 ± 11,6
5	РДО, среднее	63,53 ± 8,86	64,4 ± 13,6	62,9 ± 11,9
	РДО, сумма опережений	491,2 ± 82,3	505,0 ± 135,5	481,5 ± 105,7
	РДО, сумма запаздываний	1019,9 ± 82,9	1124,1 ± 149,6	944,8 ± 93,2

Таблица 2. Особенности нейродинамических показателей младших подростков, %
 Table 2. Neurodynamic measurements of young teenagers, %

Параметры	Пол	Уровень		
		низкий	средний	высокий
ЛП ПЗМР	м	11,76	47,06	41,17
	ж	7,69	46,15	46,15
УФП НП	м	47,06	29,41	23,53
	ж	30,77	61,54	7,69
Динамичность НП	м	41,17	47,06	11,76
	ж	34,62	38,46	26,92
РГМ	м	23,53	52,94	23,53
	ж	23,08	53,85	23,07

Особое внимание следует обратить на гендерные различия по такому параметру, как функциональная подвижность нервных процессов (таблица 2): среди мальчиков регистрируется большее число лиц с высоким уровнем ФП НП (23,53 %), в то же время среди мальчиков чаще встречаются лица с низким уровнем динамичности НП (41,17 %) в сравнении с девочками-подростками (34,62 %).

Поскольку динамичность нервных процессов определяет скорость выработки навыка или умения за счет степени быстроты генерации в мозговых структурах возбудительных и тормозных условных рефлексов можно в определенной мере на основании анализа данного параметра прогнозировать способность нервной системы к обучению в широком смысле слова.

Психодинамические особенности пятиклассников, судя по количественным и качественным характеристикам умственной работоспособности, соответствует возрастной норме [11]. Гендерные различия младших подростков (таблица 3) проявляются в том, что среди девочек чаще встречаются лица со слабым и средним (возрастная норма) уровнем темпового показателя умственной работоспособности (73,8 %), а также со средним и хорошим уровнем продуктивности изучаемого параметра. То есть умственная деятельность у девочек-подростков осуществляется медленнее и продуктивнее, а у мальчиков – быстрее и с большим количеством допущенных ошибок.

Таблица 3. Показатели умственной работоспособности, %
 Table 3. Intelligence measurements, %

№ n/n	Уровень	Скорость			Продуктивность		
		общая выборка	мальчики	девочки	общая выборка	мальчики	девочки
1.	Низкий	4,55	5,0	5,26	13,64	15,0	10,53
2.	Слабый	18,18	15,0	21,05	13,64	15,0	-
3.	Возрастная норма	47,73	40,0	52,63	18,18	20,0	26,32
4.	Хороший	22,73	25,0	21,05	22,73	15,0	42,11
5.	Высокий	6,82	15,0	-	31,82	35,0	21,05

На фоне выявленных особенностей развития психодинамических и нейродинамических функций достаточно показательным, с точки зрения оценки адаптивных возможностей младших подростков, является анализ соотношения личностных и психовегетативных компонентов социально-психологической адаптации.

Результаты исследования специфики показателей социально-психологической адаптации младших подростков выявили наличие высоких и средних показателей у испытуемых по шкале самопринятия (54,7 % и 42,9 %),

интернальности (35,7 % и 64,3 %) и эмоционального комфорта (45,2 % и 64,3 %), что говорит о высокой самооценке обучающихся, ответственности за события, происходящие в их жизни.

Средние значения социально-психологической адаптации могут свидетельствовать о том, что у девочек уровень самопринятия достоверно выше, чем у мальчиков-подростков, в большей степени девочки склонны к ведомости (таблица 4).

Таблица 4. Показатели социально-психологической адаптации младших подростков в зависимости от пола, $M \pm m$
Table 4. Social and psychological adaptation of young teenagers according to gender, $M \pm m$

№ n/n	Параметры	Мальчики (n = 16)	Девочки (n = 27)
1.	Адаптация	139,1 ± 5,6	141,3 ± 4,0
2.	Принятие себя	38,6 ± 2,4*	41,7 ± 1,5*
3.	Принятие других	25,9 ± 1,4	25,7 ± 0,8
4.	Внутренний локус контроля	49,1 ± 2,3	48,8 ± 1,5
5.	Эмоциональный комфорт	20,4 ± 1,6	20,4 ± 1,0
6.	Доминирование (лидерство)	9,1 ± 0,8	8,9 ± 0,8
7.	Дезадаптация	85,7 ± 7,8*	99,3 ± 7,3*
8.	Непринятие себя	15,3 ± 2,4*	20,1 ± 1,9*
9.	Конфликт с другими (непринятие себя)	14,0 ± 1,5*	16,5 ± 1,4*
10.	Внешний локус контроля	18,1 ± 2,1*	20,5 ± 1,7*
11.	Эмоциональный дискомфорт	29,6 ± 3,6	32,7 ± 2,7
12.	Ведомость	16,3 ± 1,5*	20,2 ± 1,2*

Примечание: * – достоверность отличий при $p < 0,05$.

Как видно из таблицы 5, средние значения социально-психологической дезадаптации соответствуют возрастной норме, но у младших девочек-подростков он достоверно выше, чем у мальчиков-подростков. Аналогичная закономерность наблюдалась для интегральных показателей «непринятие себя», «конфликт с другими», «внешний локус контроля» и «ведомость», которые являются в большей степени значимыми дезадаптирующими факторами для девочек в сравнении с мальчиками.

Группа учащихся пятого класса является достаточно гетерогенной по уровню тревожности: младшие подростки распределяются по крайним группам – с высоким (37,2 %) и низким (39,5 %) уровням общей тревожности.

Анализ структуры общей тревожности младших подростков выявил, что 50 % мальчиков и 33,3 % подростков женского пола имеют низкий уровень общей тревожности (таблица 5), причем в группе девочек выявляется, по абсолютным значениям, выше среднего уровень меж-

личностного напряжения, самооценочной тревожности и общего беспокойства (страхи).

Мальчики, обучающиеся в пятом классе, в большей степени, чем девочки, демонстрируют такую конструктивную форму копинг-стратегии, как «Разрешение проблем», в различных стрессовых ситуациях, тогда как для младших подростков женского пола характерна более пассивная форма конструктивного и адаптивного копинга – «Поиск социальной поддержки» (таблица 6).

По-видимому, исходя из особенностей психофизиологического развития девочек и мальчиков, можно предположить, что в формах копинг-совладающего поведения обусловлены различной степенью динамичности нервных процессов, отражающих специфику генерации возбуждающих и тормозных процессов, скорости выработки навыков и умений в социальной, образовательной среде школьников мужского и женского пола.

Таблица 5. Показатели тревожности младших подростков, $M \pm m$
Table 5. Anxiety indicators in young teenagers, $M \pm m$

№ n/n	Параметры	Младшие подростки	Мальчики n = 16	Девочки n = 27
1.	Общая тревожность	21,39 ± 1,43	19,06 ± 2,24	22,78 ± 1,84
2.	Межличностное напряжение	6,26 ± 0,43	5,69 ± 0,63	6,59 ± 0,57
3.	Мотивация достижения, самооценка	5,81 ± 0,39	5,38 ± 0,63	6,07 ± 0,51
4.	Общее беспокойство (страхи)	5,67 ± 0,43	4,94 ± 0,63	6,11 ± 0,56

Таблица 6. Особенности выбора копинг-стратегий младшими подростками, %
Table 6. Features of coping-strategy choice in young teenagers, %

№ n/n	Копинг-стратегии	Общая выборка	Мальчики (n = 16)	Девочки (n = 27)
1.	Разрешение проблем	54,76	62,5	50,0
2.	Избегание	19,05	18,8	19,2
3.	Поиск социальной поддержки	19,05	12,5	23,1
4.	Неопределенные	7,14	6,3	7,7

Существенные возрастные гендерные особенности отмечаются у младших подростков в характере корреляционных связей между личностными и психовегетативными параметрами.

При анализе показателей сердечного ритма нами не выявлены достоверные различия в параметрах вегетативной регуляции между лицами мужского и женского пола.

У младших школьников *смешанной группы* характер наиболее сильных прямых корреляций указывает на определенный баланс личностных и нейродинамических качеств, отражающий влияние социально-психологической адаптации (принятие себя, РДО, УФП НП,

РГМ) и социально-психологической дезадаптации (непринятие себя, стресс-индекс, поиск социальной поддержки) (рис. 1).

Для пятиклассников мужского пола характерно наличие выраженной функциональной взаимосвязи (рис. 2) между параметрами психофизиологического развития, индексом стресса, копинг-стратегией разрешающего поведения, что в целом свидетельствует о сбалансированности процессов социально-психологической адаптации и дезадаптации в условиях начала обучения в основной школе.

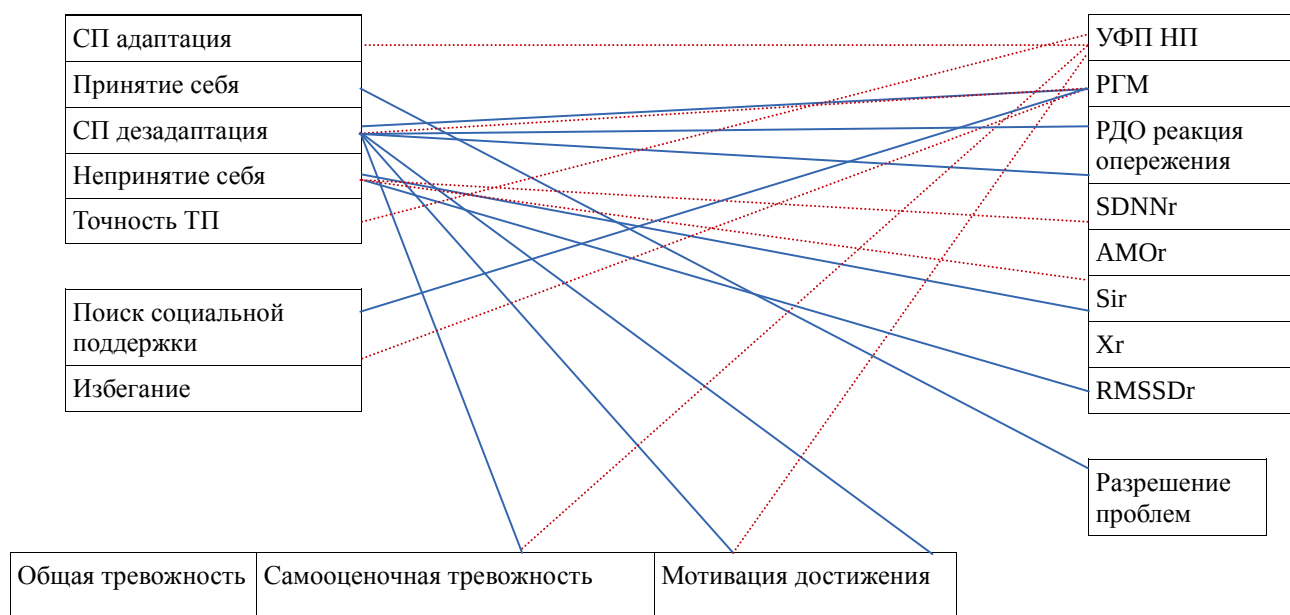

Рис. 1. Структура корреляционной плеяды младших подростков смешанной группы

Fig. 1. Structure of correlation pleiad of young teenagers in the mixed group

Анализ корреляционных связей дает основания характеризовать структуру функциональной системы младших подростков мужского пола как *условно адаптивную с элементами компенсации*, которая в целом обеспечивает потребности личности за счет внутреннего локуса контроля, эмоционального комфорта, разрешающей стратегии копинг-совладающего поведения на фоне развития отклонений в виде неприятия себя, общей тревожности, роста индекса напряжения, поиска социальной поддержки.

У девочек-пятиклассниц функциональная система (рис. 3) характеризуется *дезадаптивными* (девиантными) процессами, судя по специфике межличностных отношений (непринятие себя, принятие других), параметров кардиоритма, которые свидетельствуют о высокой активности симпатического отдела вегетативной регуляции, пассивной стратегии поведения в стрессовых ситуациях («избегание», «поиск социальной поддержки»), слабой представленности в структуре корреляционной плеяды нейродинамических параметров.

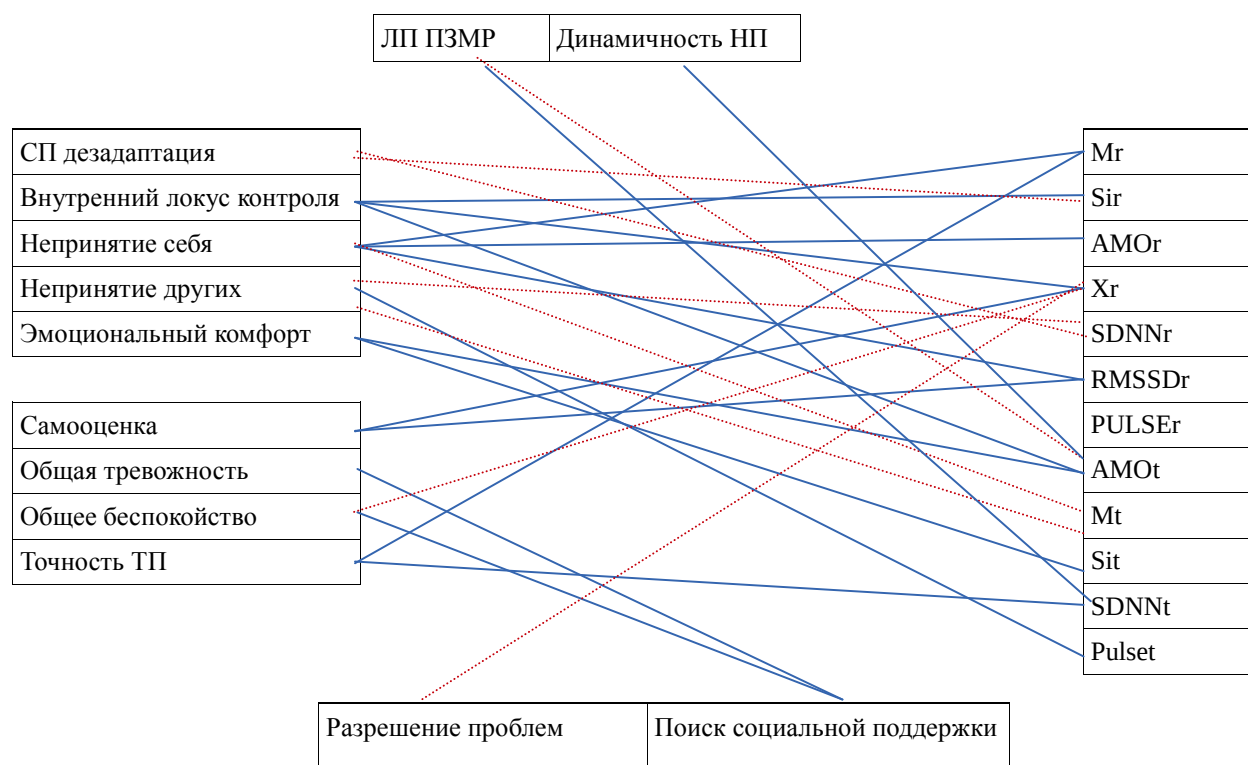

Рис. 2. Структура корреляционной плеяды младших подростков мужского пола

Fig. 2. Structure of correlation pleiad of young male teenagers

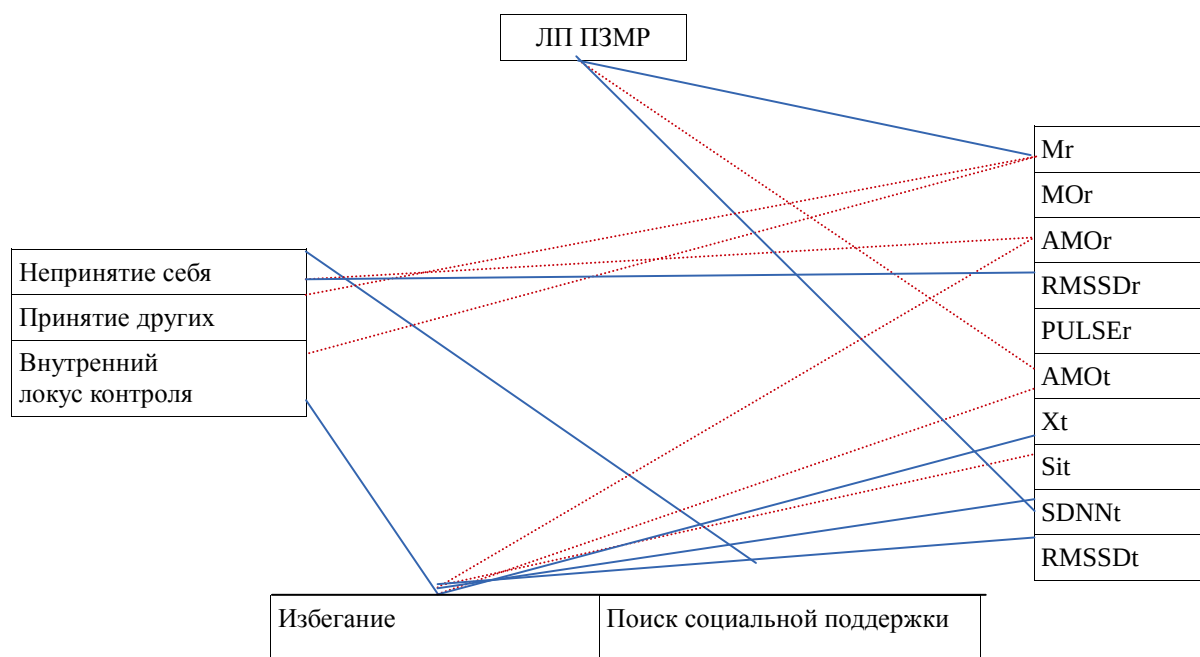

Рис. 3. Структура корреляционной плеяды младших подростков женского пола

Fig. 3. Structure of correlation pleiad of young female teenagers

Оценка функционального состояния по показателям вегетативного и миокардиально-гемодинамического гомеостаза, выявленных на основании автоматизированного заключения программы «Ортовалео» [13; 4], позволила установить (рис. 4), что среди девушек-восьмиклассниц регистрируются значительно большее число лиц с опти-

мальным состоянием регуляторных систем (43,75 %) и выявляется меньший процент с неудовлетворительной адаптацией (18,75 %), чем у юношей (24,39 %).

Нейродинамические характеристики старших подростков находятся в пределах возрастной нормы, причем школьницы демонстрируют достоверно более высокие

показатели функциональной подвижности НП. У юношей процессы возбуждения и торможения характеризуются большей степенью уравновешенности, в сравнении с девушками (таблица 7).

Средние показатели скорости и точности (продуктивности) умственной работоспособности старших подростков соответствуют возрастной норме. Выявлено, что продуктивность умственной деятельности девушек составляет достоверно более значимую величину (таблица 8).

Показатели социально-психологической адаптации соответствуют в основном (62,5 %) среднему уровню, а 35 % старших подростков характеризуются высоким уровнем социально-психологической адаптации.

В свою очередь, средние значения социально-психологической адаптации соответствуют возрастной норме (таблица 9).

Таблица 7. Особенности нейродинамических показателей старших подростков, $M \pm m$
Table 7. Neurodynamic measurements in older teenagers, $M \pm m$

№ n/n	Параметр	Вся выборка n = 47	Юноши n = 28	Девушки n = 19
1.	ЛП ПЗМР, мс	371,9 ± 13,6	373,2 ± 20,2	370,2 ± 17,4
2.	УФП НП, сек	77,80 ± 2,41	80,67 ± 3,73*	73,74 ± 2,19*
3.	Динамичность НП, сек	38,76 ± 3,38	37,81 ± 5,06	40,11 ± 4,06
4.	РГМ, кол-во зн.	478,1 ± 9,7	480,96 ± 13,4	473,9 ± 14,3
5.	РДО, среднее	42,69 ± 4,1	33,42 ± 2,44*	55,37 ± 8,4*
	РДО, сумма опережений	394,1 ± 69,5	268,2 ± 44,1*	471,7 ± 115,3*
	РДО, сумма запаздываний	799,3 ± 53,4	715,4 ± 44,1*	920,4 ± 68,5*

Таблица 8. Показатели умственной работоспособности старших подростков, $M \pm m$
Table 8. Intelligence measurements in older teenagers, $M \pm m$

№ n/n	Показатели умственной работоспособности	Вся выборка	Юноши n = 28	Девушки n = 19
1.	Скорость (кол-во обработанных знаков)	41,55 ± 1,68	43,1 ± 2,04	39,46 ± 2,83
2.	Продуктивность (коэффициент концентрации-устойчивости внимания)	0,94 ± 0,01	0,93 ± 0,01*	0,95 ± 0,01*

Примечание: * – достоверность отличий при $p < 0,05$.

Таблица 9. Показатели социально-психологической адаптации старших подростков в зависимости от пола, $M \pm m$
Table 9. Social and psycholological adaptation of older teenagers according to gender, $M \pm m$

№ n/n	Параметры	Юноши (n = 28)	Девушки (n = 19)
1.	Адаптация	140,3 ± 5,3*	131,1 ± 5,2*
2.	Принятие себя	41,7 ± 1,9*	34,0 ± 2,8*
3.	Принятие других	25,7 ± 1,5	25,4 ± 1,6
4.	Внутренний локус контроля	49,7 ± 1,9	46,9 ± 2,3
5.	Эмоциональный комфорт	20,2 ± 1,2*	17,2 ± 1,5*
6.	Доминирование (лидерство)	9,1 ± 0,8*	7,9 ± 0,8*
7.	Дезадаптация	61,5 ± 5,6*	95,6 ± 8,1*
8.	Непринятие себя	10,1 ± 1,4*	17,6 ± 2,9*
9.	Конфликт с другими (непринятие себя)	11,2 ± 0,9	14,9 ± 1,5
10.	Внешний локус контроля	12,2 ± 1,4*	19,9 ± 1,8*
11.	Эмоциональный дискомфорт	18,2 ± 2,6*	34,7 ± 3,5*
12.	Ведомость	13,1 ± 1,2	16,8 ± 1,3

Примечание: * – достоверность отличий при $p < 0,05$.

Значимыми интегральными показателями, оказывающими существенное влияние на уровень социально-психологической адаптации у юношей, так и у девушек, являются такие как принятие себя и эмоциональный комфорт, значения которых находятся в пределах возрас-

тной нормы, но статистически значимо выше у юношей (таблица 9).

По полученным результатам изучения определено, что для девушек факторами социально-психологической дезадаптации являются «непринятие себя», «конфликт

с другими», «внешний локус контроля», «эмоциональный дискомфорт», уровень которых достоверно выше, в сравнении с юношами.

Средние значения общей тревожности соответствуют среднему уровню, однако 71,4 % девушек-подростков характеризуются высоким уровнем изучаемого параметра (таблица 10).

Обращает на себя внимание, что у юношей в подавляющем числе случаев регистрируется копинг-стратегия, направленная на разрешение проблем (82,1 %). У старших подростков женского пола реализуется достаточно вариативная программа поведения в стрессовых ситуациях (таблица 11).

Таблица 10. Показатели тревожности старших подростков, $M \pm m$

Table 10. Anxiety indicators in older teenagers, $M \pm m$

№ n/n	Параметры	Вся выборка	Юноши (n = 28)	Девушки (n = 19)
1.	Общая тревожность	21,76 ± 1,54	17,85 ± 1,76	29,29 ± 1,65
2.	Межличностное напряжение	3,78 ± 0,26	3,93 ± 0,35	3,5 ± 0,37
3.	Мотивация достижения, самооценка	8,68 ± 0,43	8,52 ± 0,53	9,0 ± 0,78
4.	Общее беспокойство (страхи)	8,07 ± 0,41	8,07 ± 0,55	8,07 ± 0,58

Таблица 11. Особенности выбора копинг-стратегий старшими подростками, %

Table 11. Features of coping-strategy choice in older teenagers, %

№ n/n	Копинг-стратегии	Вся выборка	Юноши (n = 28)	Девушки (n = 19)
1.	Разрешение проблем	73,8	82,1	57,1
2.	Избегание	9,5	7,1	14,3
3.	Поиск социальной поддержки	7,1	3,6	14,3
4.	Неопределенные	9,5	7,1	14,3

Полученные результаты можно интерпретировать с точки зрения степени пластичности в структуре формирования приспособительных реакций старших подростков с учетом их гендерных особенностей. Если у юношей адаптивные возможности реализуются на основе устойчивых (разрешающих) компонентов, то у девушек сформирована достаточно лабильная поведенческая стратегия, позволяющая использовать весь спектр социально-психологических реакций.

Анализируя специфику корреляционных связей между разноуровневыми показателями у старших подростков, следует отметить, что по сравнению с пятиклассниками у обучающихся восьмых классов более выражено функциональное напряжение в системе социально-психологического реагирования на средовые (в том числе и учебные) воздействия. Данное напряжение определяется характером межличностных отношений, сложности в которых могут возникать из-за склонности в старшем подростковом возрасте чрезмерно критически относиться к себе, конфликтности с окружающими и переживания эмоционального дискомфорта, а также выраженностью общего уровня тревожности. Свою лепту вносит разнонаправленность копинг-стратегий.

Отсутствие в структуре корреляционной плеяды комплекса нейродинамических показателей указывает на функциональное напряжение старших подростков, в развитии которого доминирующее место занимает социально-психологические поведенческие реакции, не подкрепленные в достаточной степени психофизиологическими механизмами и вегетативным обеспечением деятельности (рис. 4).

Вместе с тем нами выявлены значительные различия в межуровневых корреляционных связях, если они анализируются с учетом гендерных особенностей.

Установлено, что особенности адаптации старшеклассников мужского пола практически повторяют общую тенденцию, которая характеризуется *развитием дезадаптационных синдромов*, наблюдаемых в смешанной группе старших подростков. Об этом свидетельствуют такие компоненты социально-психологической адаптации-дезадаптации, как принятие себя, конфликт с другими, наличие внешнего локуса контроля, которые определяют напрямую общий уровень тревожности и беспокойства, а также разнонаправленность копинг-стратегий, доминирование центральных механизмов вегетативной регуляции, автономность нейродинамических функций. Всё выше перечисленное является базовым основанием для развития патологической адаптации и психосоматических нарушений в состоянии здоровья старших подростков мужского пола (рис. 5).

Структура корреляционной плеяды старших подростков-девушек демонстрирует сформированную многоуровневую функциональную систему, способную приводить к устойчивой адаптированности в типичных проблемных ситуациях без патологических изменений структуры.

Сильные корреляционные связи обеспечивают нормальное функционирование психовегетативного комплекса, включающего нейродинамические характеристики, параметры вегетативной регуляции, являющиеся базовыми основаниями психофизиологической и социально-психологической адаптации. Особенное внимание следует

обратить на сбалансированные межличностные отношения, реализующиеся на таких психологических поведенческих компонентах, как принятие себя и принятие других и активной копинг-стратегии (рис. 6). Данную структуру

можно охарактеризовать как *нормальную адаптацию*, необходимую для успешного психофизиологического и социально-психологического развития индивида.

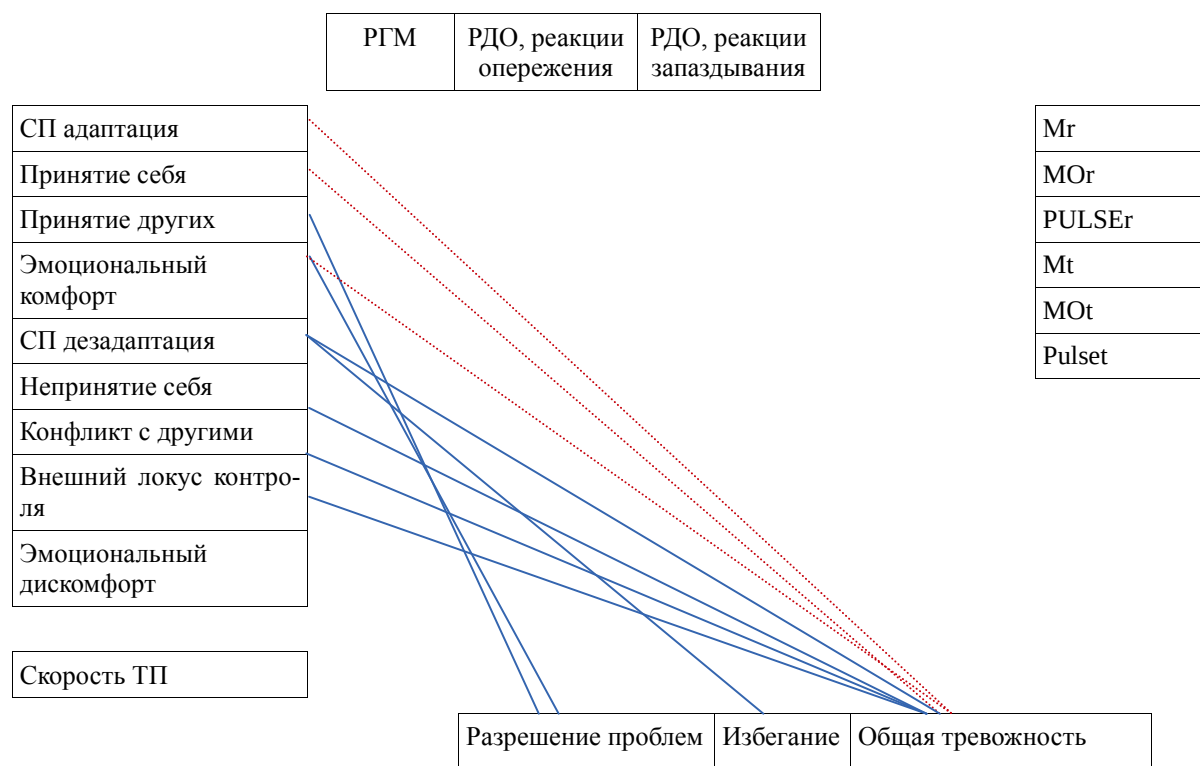

Рис. 4. Структура корреляционных связей в смешанной группе старших подростков

Fig. 4. Structure of correlation connections of older teenagers in the mixed group

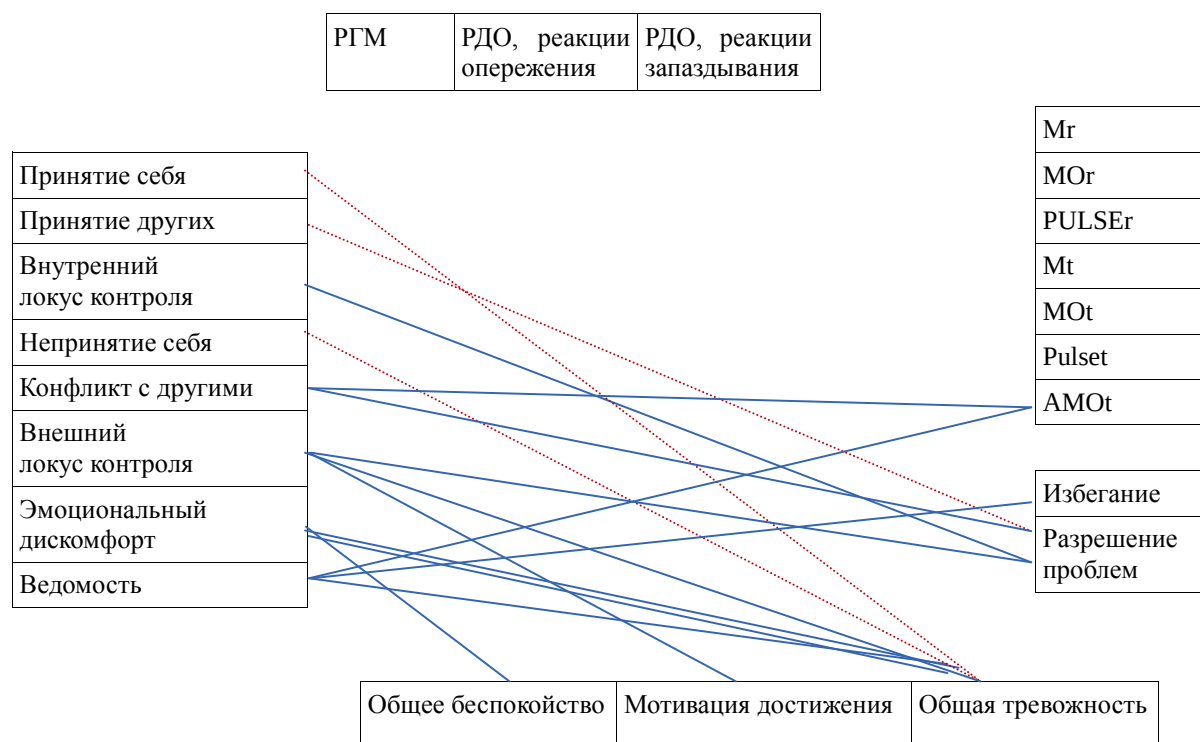

Рис. 5. Структура корреляционных связей в группе старших подростков мужского пола

Fig. 5. Structure of correlation connections in older male teenagers

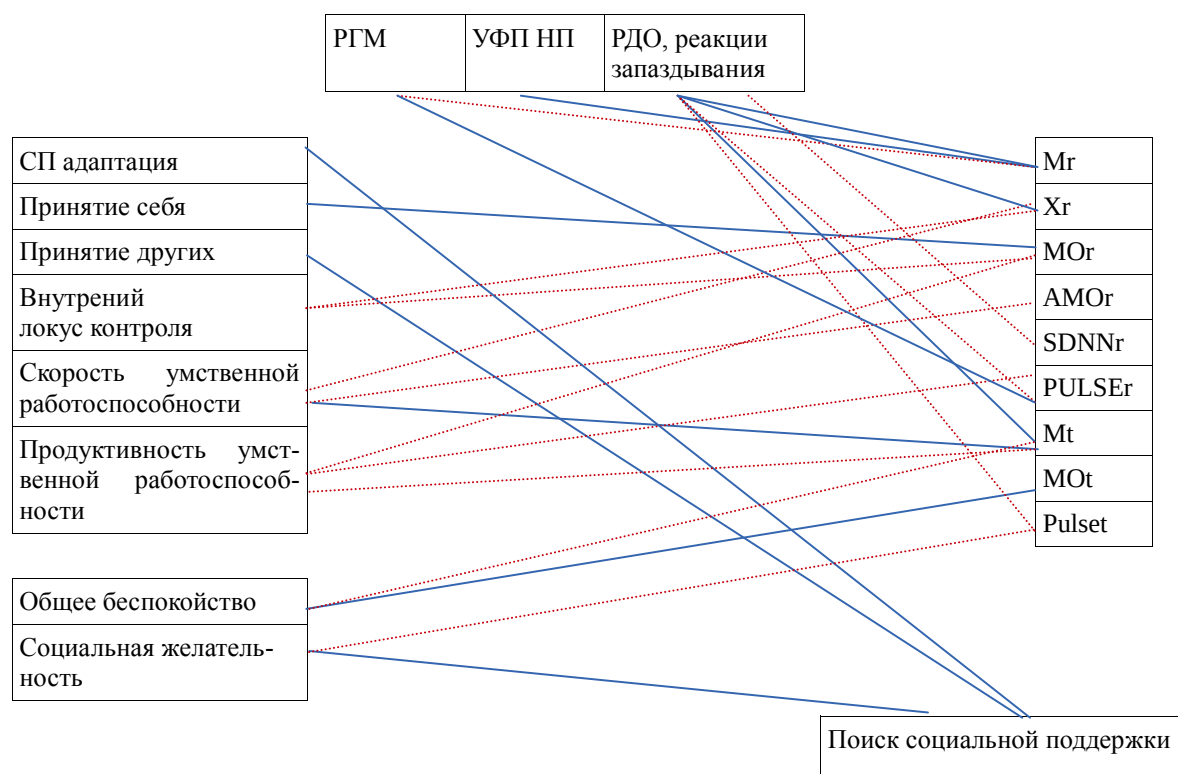

Рис. 6. Структура корреляционных связей в группе старших подростков женского пола
 Fig. 6. Structure of correlation connections in older female teenagers

Представленные материалы свидетельствуют о том, что показатели психофизиологического развития младших и старших подростков находятся в пределах возрастной нормы. Показано, что значительная роль в формировании адаптивных возможностей обучающихся определяется сочетанием возрастных и гендерных особенностей развития личностных, нейродинамических и психо-вегетативных параметров. Совокупность эндогенных факторов и условий обучения обуславливает специфику развития адаптивных и дезадаптивных процессов и способствует выявлению наиболее критических периодов в онтогенезе школьников подросткового возраста.

Установлено, что структура функциональной системы, отражающая соотношение психофизиологических

и социально-психологических характеристик, указывает на необходимость более углубленной идентификации показателей индивидуальной вегетативной реактивности и психо-вегетативного обеспечения приспособительных реакций младших и старших подростков в условиях обучения.

В последующем сообщении будут представлены результаты исследования адаптации учащихся с учетом их типологических особенностей исходного вегетативного тонуса, которая во многом определяется за счет воздействия педагогических факторов и психофизиологических особенностей подростков в период начала обучения в основной школе.

Литература

1. Алферова О. П., Осин А. Я. Особенности клинко-функционального состояния кардиореспираторной системы у подростков. Рос. акад. естествознания. М.: Издательский дом Академии естествознания. 2014. 143 с.
2. Голикова Е. М., Тиссен П. П. Проблемы социальной адаптации детей и молодежи с отклонениями в состоянии здоровья // Теория и практика физической культуры. 2013. № 11. С. 54 – 57.
3. Детская психиатрия: учебник для вузов / под ред. Э. Г. Эйдемиллера. СПб.: Питер, 2004. 1120 с.
4. Игишева Л. Н., Галеев А. Р. Оценка функционального состояния организма с помощью программно-технического комплекса ORTOEXPERT. Кемерово, 2003. 36 с.
5. Казин Э. М. Образование и здоровье: медико-биологические и психолого-биологические аспекты: монография. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2010. 214 с.
6. Казин Э. М., Айдаркин К. Е., Фёдоров А. И., Белоногова Е. В., Працун Э. В. Здоровье учащихся как базовая адаптивная и социальная ценность (методологические аспекты, региональный опыт анализа проблемы) // Валеология. 2008. № 3. С. 18 – 25.
7. Нартова-Бочавер С. К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20 – 30.

8. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1994. № 1. С. 63 – 74.
9. Тарасова О. Л., Казин Э. М., Четверик О. Н., Зарченко П. Н., Арлашева Л. В., Максимова Н. В. Возрастные и типологические особенности психовегетативного статуса школьников: результаты комплексного психофизиологического мониторинга // Валеология. 2015. № 4. С. 33 – 40.
10. Фролова С. В., Сенина Т. В. Стресс-совладающее поведение подростков в различных социально-психологических ситуациях // Проблемы социальной психологии личности. 2005. № 4. С. 10 – 18.
11. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
12. Литвинова Н. А. Роль психофизиологических показателей в механизме адаптации к умственной и физической деятельности. Кемерово, 2012. 167 с.
13. Баевский Р. М. Проблема оценки и прогнозирования состояния организма и её развитие в космической медицине // Успехи физиологических наук. 2006. Т. 36. № 3. С. 42 – 57.
14. Баевский Р. М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии. М.: Медицина, 1979. 298 с.
15. Ясюкова Л. А. Оптимизация обучения и развития детей с ММД. Диагностика и компенсация минимальных мозговых дисфункций: методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 1997. 80 с.
16. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43 – 56.
17. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.
18. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology 1989. V. 56. P. 267 – 283.
19. Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping // Stress and Coping. N.-Y. 1991. P. 189 – 206.

INFLUENCE OF AGE, GENDER AND TYPOLOGICAL FEATURES OF ADOLESCENTS ON THE FORMATION OF ADAPTIVE POSSIBILITIES IN THE CONDITIONS OF TRAINING IN MIDDLE SCHOOL. Message 1: Age and gender characteristics of the psycho-physiological and psycho-social adaptation of younger and older adolescents

Eduard M. Kazin^{1, @1}, Irina A. Sviridova^{2, @2}, Olga N. Chetverik^{2, @3}, Pavel Y. Zarchenko^{1, @3}, Olga L. Tarasova^{1, @4}, Tamara I. Sherer^{3, @5}, Alexander I. Fedorov^{1, @1}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² Kuzbass Regional Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance «Health and Development of the Personality», 126a, Lenina Ave., Kemerovo, Russia, 650023

³ Kuzbass Regional Institute of Skills Improvement and Retraining for Educators, 3, Zauzelkova St., Kemerovo, Russia, 650070

^{@1} valeol@kemsu.ru

^{@2} opvc@mail.ru

^{@3} elephant.68@mail.ru

^{@4} tol_66@mail.ru

^{@5} ipk@kuz-edu.ru

Received 25.05.2016.

Accepted 18.07.2016.

Keywords: the younger and older adolescents, psychophysiological, social-psychological and gender characteristics.

Abstract: The article features a study of psychophysiological, social-psychological characteristics and coping strategies of middle school pupils with the aim to research their psychosocial and physiological adaptation, the level of stress resistance, motivational and behavioral characteristics. 90 pupils of 5th and 8th grades were studied. The article analyzes the complex neurodynamic and psychodynamic indicators of social and psychological adaptation-maladjustment, the functional state of the autonomic regulation of the heart rate features. It has been shown that a significant role in the formation of adaptive possibilities of students is determined by a combination of age and gender characteristics of personality, of neurodynamic and psycho-vegetative parameters. It was found that the structure of the functional system, which reflects the relationship of psycho-physiological and social-psychological characteristics, indicates the need for more profound identification of indicators of individual autonomic reactivity and psychovegetative provision of adaptive responses in adolescent students in school environment.

For citation: Kazin E. M., Sviridova I. A., Chetverik O. N., Zarchenko P. Y., Tarasova O. L., Sherer T. I., Fedorov A. I. Vliianie vozrastnykh, gendernykh i tipologicheskikh osobennostei podrostkov na formirovanie adaptivnykh vozmozhnostei v usloviakh obucheniia v osnovnoi shcole. Soobshchenie 1: Vozrastnye i gendernye osobennosti psikhofiziologicheskogo razvitiia i sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii mladshikh i starshikh podrostkov [Influence of Age, Gender and Typological Features Adolescents on the Formation of Adaptive Possibilities in the Conditions of Training in Middle Schools. Message 1: Age and Gender Characteristics of the Psycho-physiological and Psycho-Social Adaptation of Younger and Older Adolescents]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 112 – 123. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-112-123.

References

1. Alferova O. P., Osin A. Ia. *Osobennosti kliniko-funktsional'nogo sostoiianiia kardiorespiratornoi sistemy u podrostkov* [Features of clinical and functional state of the cardio-respiratory system in adolescents]. Ros. akad. estestvoznaniia. Moscow: Izdatel'skii dom Akademii estestvoznaniia, 2014, 143.
2. Golikova E. M., Tissen P. P. Problemy sotsial'noi adaptatsii detei i molodezhi s otkloneniiami v sostoianii zdorov'ia [Problems of social adaptation of children and youth with health deviations]. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*, no. 11 (2013): 54 – 57.
3. *Detskaia psikiatriia* [Child psychiatry]. Ed. Eidemiller E. G. Saint-Petersburg: Piter, 2004, 1120.
4. Igisheva L. N., Galeev A. R. *Otsenka funktsional'nogo sostoiianiia organizma s pomoshch'iu programmno-tekhnicheskogo kompleksa ORTOEXPERT* [Evaluation of the functional state of the organism via software and hardware complex ORTHOEXPERT]. Kemerovo, 2003, 36.
5. Kazin E. M. *Obrazovanie i zdorov'e: mediko-biologicheskie i psikhologo-biologicheskie aspekty* [Education and health: medical and biological, psychological-biological aspects]. Kemerovo: Izd-vo KRIPKiPRO, 2010, 214.
6. Kazin E. M., Aidarkin K. E., Fedorov A. I., Belonogova E. V., Pratsun E. V. *Zdorov'e uchashchikhsia kak bazovaia adaptivnaia i sotsial'naia tsennost' (metodologicheskie aspekty, regional'nyi opyt analiza problemy)* [Health of learners as a basic adaptive and social value (methodological aspects, regional experience of problem analysis)]. *Valeologiia = Valueology*, no. 3 (2008): 18 – 25.
7. Nartova-Bochaver S. K. "Coping behavior" v sisteme poniatii psikhologii lichnosti ["Coping behavior" in the system of concepts of personality psychology]. *Psikhol. Zhurn. = Psychological journal*, 18, no. 5 (1997): 20 – 30.
8. Sirota N. A., Ialtonskii V. M. Koping-povedenie i psikhoprofilaktika psikhosotsial'nykh rasstroistv u podrostkov [Coping behavior and psychoprophylaxis psychosocial disorders in adolescents]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva = Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V. M. Bekhterev*, no. 1 (1994): 63 – 74.
9. Tarasova O. L., Kazin E. M., Chetverik O. N., Zarchenko P. N., Arlasheva L. V., Maksimova N. V. *Vozrastnye i tipologicheskie osobennosti psikhovegetativnogo statusa shkol'nikov: rezul'taty kompleksnogo psikhofiziologicheskogo monitoringa* [Age and typological features of psycho-vegetative of status of schoolchildren: results of a complex psychophysiological monitoring]. *Valeologiia = Journal of Health and Life Sciences*, no. 4 (2015): 33 – 40.
10. Frolova S. V., Senina T. V. *Ctress-sovladiushchee povedenie podrostkov v razlichnykh sotsial'no-psikhologicheskikh situatsiiakh* [Ctress-coping behavior of adolescents in various social and psychological situations]. *Problemy sotsial'noi psikhologii lichnosti = Problems of social psychology of personality*, no. 4 (2005): 10 – 18.
11. El'konin D. B. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works by El'konin D. B.]. Moscow: Pedagogika, 1989, 560.
12. Litvinova N. A. *Rol' psikhofiziologicheskikh pokazatelei v mekhanizme adaptatsii k umstvennoi i fizicheskoi deiatel'nosti* [The role of psychophysiological indicators in the mechanisms of adaptation to mental and physical activities]. Kemerovo, 2012, 167.
13. Baevskii R. M. Problema otsenki i prognozirovaniia sostoiianiia organizma i ee razvitie v kosmicheskoi meditsine [The problem of estimation and forecasting of the state of the organism and its development in space medicine]. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk = Advances of Physiological Sciences*, 36, no. 3 (2006): 42 – 57.
14. Baevskii R. M. *Prognozirovanie sostoianii na grani normy i patologii* [Prediction of states on the verge of norm and pathology]. Moscow: Meditsina, 1979, 298.
15. Iasiukova L. A. *Optimizatsiia obucheniia i razvitiia detei s MMD. Diagnostika i kompensatsiia minimal'nykh mozgovykh disfunktsii* [Optimizing the learning and development of children with MBD. Diagnosis and compensation minimal brain dysfunction]. Saint-Petersburg: GP "IMATON", 1997, 80.
16. Osnitskii A. K. *Opreделение kharakteristik sotsial'noi adaptatsii* [Defining characteristics of social adaptation]. *Psikhologiia i shkola = Psychology and School*, no. 1 (2004): 43 – 56.
17. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaiia diagnostika razvitiia lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups]. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2002, 490.
18. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 56 (1989): 267 – 283.
19. Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping. *Stress and Coping*. N.-Y. 1991, 189 – 206.

УДК 159.9.072

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Оксана А. Камзина^{1, @1}, Марина С. Мышкина^{1, @2}

¹ Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. Н. Королёва, 443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1

@1 kotoa@mail.ru

@2 Pylaem@bk.ru

Поступила в редакцию 21.10.2016.

Принята к печати 13.12.2016.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, структура толерантности, виды, компоненты толерантности, культурное пространство как средовой фактор.

Аннотация: Статья посвящена проблеме толерантности в аспекте ее содержательных особенностей у российских студентов. В студенческий период происходит дальнейшее развитие личности в направлении расширения представлений о социальной компетентности, развития культуры социального взаимодействия, уважительного отношения к различным социальным группам. Характер эмпирически выявленного межгруппового сходства обусловлен возрастной спецификой студенчества как молодежной группы, решающей задачи возраста, связанные с межличностным и межпоколенческим общением, аполитичностью, отсутствием интереса к этнокультурной области социальной реальности. Характер выявленных различий свидетельствует о региональных социально-экономических и культурных особенностях, влияющих на формирование области интересов и предпочтений. Показано, что толерантность как уважение, принятие и правильное понимание других культур, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности у студентов полностью сформирована на уровне видов толерантности. Выявлено, что в структуре толерантности у студентов наиболее представлены этико-нормативный, когнитивный, аффективный компоненты, наименее – конативный, потребностно-мотивационный, деятельностно-стилевой, идентификационно-групповой. Выявлено, что содержание толерантности характеризуется региональной спецификой, которая играет роль средового фактора.

Для цитирования: Камзина О. А., Мышкина М. С. Содержательные особенности толерантности у студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 124 – 129. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-124-129.

В последние годы термин «толерантность» – это непростой и многогранный феномен, который проявляется во всех сферах социального контекста: религиозной, экономической, политической, этнической, межкультурной, является одним из наиболее частотных по употреблению. Повышенный интерес к толерантности определяется не только ее научной междисциплинарностью, но и потребностями социальной практики. Социальная действительность, с одной стороны, активно меняется в условиях политико-экономической модернизации, с другой стороны, появляются новые социальные процессы и события, которые как способствуют возрастанию толерантности, так и одновременно провоцируют различные по своему характеру проявления интолерантности [1; 2].

В современном мировом научном пространстве проявляется тенденция к использованию толерантности не только как обыденной и традиционной, но и как основной проблемы глобального масштаба, что представляется поводом для возникновения других подходов к исследованию данного концепта. В рамках аксиологии толерантность признается одной из основных ценностей правового государства. Как ценность толерантность основана не на противостоянии и отрицании, а на признании и принятии иного, другого, преодоления пути насилия. Толерантность рассматривается как необходимый элемент всякого демократического государства [3]. Толерантность

часто интерпретируется понятием «терпимость», что означает готовность терпеть другого человека или социальную группу, даже если это чувство вызывает у него раздражение. Толерантность как конструкт применяется для обоснования и прогнозирования любых ситуаций диалога культур и этносов продуктивного сосуществования в условиях многообразия сообществ. Противоположный по смыслу термин «интолерантность» (нетерпимость), который используется для определения ситуаций с проявлением насилия или дискриминации, роста социальной неустойчивости, нарушения прав человека или устремленности к фиксированному единомыслию.

В социальной психологии исследуются причины поступков человека в общественных и межличностных отношениях, анализ которых можно приблизить к определению феноменов «толерантность» или «интолерантность». Наиболее интересным становится изучение группы студентов как наиболее открытой для развития, так как юношеский возраст является активным этапом поиска жизненных ориентиров, построения системы ценностей и выбора приемлемых социальных норм, которые впоследствии, будучи взрослыми, они реализуют в жизни [4]. Молодежь как особая возрастная группа имеет ряд социально-психологических особенностей, которые заключаются в уникальности прохождения ею определенного этапа социализации, на котором происходит присвоение об-

щекультурных, образовательных, профессиональных функций, а также подготовка к принятию, усвоению и выполнению социальных ролей взрослого. Присвоение молодежью общекультурных и конвенциональных норм обеспечивает им продуктивную реализацию общественных и межличностных отношений [5 – 7].

В современной системе образования крайне важной является идея формирования установок толерантного сознания [8]. Изучение структуры, содержательных компонентов и видов толерантности у студентов актуально для теоретического осмысления и носит прикладной характер. Это определило цель исследования: выявить содержательные особенности толерантности у студентов.

В эмпирическом исследовании, которое проводилось в декабре 2015 г., участвовали 89 человек, из них студенты 3-го года обучения психологического факультета Самарского университета, в дальнейшем – СУ (41 человек), студенты 3-го года обучения факультета государственного и муниципального управления СУ (48 человек). Выбор респондентов определялся тем, что в период студенческого обучения происходит дальнейшее развитие личности в направлении расширения представлений о социальной компетентности, развития культуры социального взаимодействия, уважительного отношения к различным социальным группам [9]. Результатом этого является содержательное обогащение толерантности: уважение, принятие и адекватность в отношении к другим культурам, способам самопрезентации и самореализации как уникальности у студентов.

Независимой переменной явилось содержание представлений о толерантности, ее видах и компонентах; зависимой – содержание представлений о толерантности, ее видах и компонентах у студентов гуманитарного и экономического профилей обучения. Для оценки зависимой переменной использовались методики Г. Л. Барднер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ) и экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой, а также критерий Манна-Уитни для парного сравнения выборок.

Анализ результатов проводился в направлениях парного сравнения средних значений показателей толерантности, ее видов и компонентов у студентов СУ и контрольной группы (КГ) – студентов-психологов МГУ, представления которых о толерантности, ее видах и компонентах были выявлены в 2002 г. в рамках иссле-

дования проблем толерантности и межкультурного взаимодействия [10, с. 320].

Сравнение средних значений показателей толерантности, ее видов и компонентов у студентов СУ и контрольной группы выявило:

- отсутствие статистически значимых различий между средними значениями показателей общего балла индекса толерантности (ИТ), шкал видов и компонентов толерантности у студентов СУ и контрольной группы;
- увеличение/уменьшение абсолютных показателей средних значений исследуемых показателей у студентов СУ и контрольной группы.

Общий балл ИТ в обеих группах оценивается как средний. Сравнение средних значений общего балла ИТ студентов СУ и КГ (81,6 и 88,8 соответственно) свидетельствует о том, что для студентов обеих групп характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. Студенты могут проявлять толерантность или интолерантность в зависимости от контекста социальных ситуаций. Выявленные значения данного показателя свидетельствуют также о наличии границ, позволяющих четко оформить представления об этнических и социальных особенностях групп взаимодействия, отсутствие снисходительности, безразличного или попустительского отношения к ним.

Выявлено единообразное распределение средних значений субшкал ИТ у студентов обеих групп (таблица 1).

Студенты обеих групп демонстрируют толерантность как черту личности, установки и убеждения, которые в значительной степени определяют отношение человека к окружающему миру. Это распространяется на этническую толерантность, выраженную в отношении человека к представителям разных этнических групп и установку в сфере межкультурного взаимодействия, а также на социальную толерантность, которая проявляется в отношении различных социальных групп (людей с особенностями развития, меньшинств).

Выявлено, что для студентов обеих групп наиболее значимыми являются такие виды толерантности, как межпоколенная, межличностная, наименее значимые – такие виды толерантности, как межкультурная и политическая.

Сравнение значимости видов толерантности проводилось в направлении рейтинга абсолютных показателей их средних значений от большего к меньшему (таблицы 2, 3).

Выявлены сходство и различия в выраженности значимости видов толерантности (таблица 4).

Таблица 1. Рейтинг субшкал индекса толерантности у студентов СУ и КГ (ср. значения)
Table 1. Rating subscales index of tolerance in students of SU and CG (ср. Value)

Субшкалы индекса толерантности	Ранг	Группы	
		СУ	КГ
Толерантность как черта личности	1	29,3	31,0
Этническая	2	29,2	30,0
Социальная	3	26,0	27,8

Таблица 2. Рейтинг видов толерантности у студентов СУ (ср. значения)
Table 2. Ranking of species of tolerance in students of SU (ср. Value)

Виды толерантности	Ранг	Ср. значение
Межличностная	1	52,9
Межконфессиональная	2	52,6
Межпоколенческая	3	52,1
Социально-экономическая	4	51,2
Управленческая	5	50,7
Гендерная	6	50,3
Профессиональная	7	50,2
Межкультурная	8	50,0
Межэтническая	9	48,1
Политическая	10	45,3

Таблица 3. Рейтинг видов толерантности у студентов КГ (ср. значения)
Table 3. Ranking of species of tolerance in students of KG (ср. Value)

Виды толерантности	Ранг	Ср. значение
Межличностная	1	54,1
Межпоколенческая	2	53,6
Гендерная	3	52,8
Управленческая	4	52,4
Профессиональная	5	51,8
Межкультурная	6	50,5
Социально-экономическая	7	50,3
Межконфессиональная	8	49,1
Межэтническая	9	44,8
Политическая	10	42,2

Таблица 4. Показатели индекса толерантности, ее видов и компонентов у студентов СУ и контрольной группы (средние значения)
Table 4. Index of tolerance, its types and components in SU students and the control group (mean values)

Субшкалы, виды, компоненты	Ср. значение		U-крит.	z-стат.	p-уров.
	СУ	КГ			
Субшкалы толерантности (Индекс толерантност)					
Этническая толерантность	29,2	30,0	12312	-1,874	0,098
Социальная толерантность	26,0	27,8	16789	-0,034	0,877
Толерантность как черта личности	29,3	31,0	13905	-3,655	0,719
Общий балл индекса толерантности	84,5	88,8	10934	-1,078	0,394
Виды толерантности (ВИКТИ)					
Межпоколенческая	52,1	53,6	13808	-2,446	0,211
Гендерная	50,3	52,8	13657,5	-2,336	0,573
Межличностная	52,9	54,1	11160	-6,227	0,382
Межэтническая	48,1	44,8	12300	-1,601	0,299
Межкультурная	50,0	50,5	19817,5	-5,189	0,311
Межконфессиональная	52,6	49,1	19865,5	-5,231	0,093
Профессиональная	50,2	51,8	16654	-5,01	0,028
Управленческая	50,7	52,4	12349	-2,561	0,149
Социально-экономическая	51,2	50,3	11554		0,567
Политическая	45,3	42,2	10443	-2,012	0,621
Компоненты толерантности (ВИКТИ)					
Аффективный	53,0	51,4	12487	-3,655	0,372
Когнитивный	56,8	54,0	11509	-2,906	0,095
Конативный	46,2	47,8	13378	-1,944	0,954
Потребностно-мотивационный	46,8	47,1	14896	-1,987	0,592
Деятельностно-стилевой	49,9	47,5	18467	-1,677	0,112
Этико-нормативный	58,6	57,0	12776	-3,098	0,288
Ценностно-ориентационный	52,5	50,6	14987	-1,856	0,743
Личностно-смысловой	54,0	50,3	12774	-1,565	0,589
Идентификационно-групповой	44,9	44,0	12901	-1,598	0,391
Идентификационно-личностный	50,0	51,8	11456	-3,733	0,099
Суммарный показатель	513,4	501,4	12733	-2,891	0,623

Сходство в том, что студенты обеих групп придают *наибольшую* значимость межличностной (проявление уважения в отношениях между людьми), межпоколенческой (уважение по отношению к представителям другого поколения), управленческой (уважение в управленческих

отношениях, во взаимодействии «руководитель-подчиненный») видам толерантности; *наименьшую* – межэтнической (проявление толерантности по отношению к представителям других этносов), политической (прояв-

ление толерантности к представителям власти и людям, принимающим политические решения).

Различия в том, что студенты СУ придают *наибольшую* значимость таким видам толерантности, как межконфессиональная (проявление уважения к людям другой веры, религиозной конфессии); социально-экономическая (проявление толерантности к людям иного социального положения и иного материального достатка); *наименьшую* – профессиональной (проявление толерантности по отношению к представителям других профессий); межкультурной (проявление толерантности по отношению к представителям других культур, толерантность в межкультурных коммуникациях); студенты КГ придают *наибольшую* значимость таким видам толерантности, как гендерная и профессиональная; *наименьшую* значимость межкультурной, социально-экономической и межконфессиональной.

Характер выявленного сходства обусловлен возрастной спецификой студенчества как молодежной группы, решающей задачи возраста, связанные с межличностным и межпоколенческим общением, аполитичностью, отсутствием интереса к этнокультурной области социальной реальности [11].

Характер выявленных различий свидетельствует о региональных социально-экономических и культурных особенностях, влияющих на формирование области интересов и предпочтений. Так, студенты СУ получают образование в Самарском регионе, который характеризуется как полиэтнический, многоконфессиональный. Это является мощным фактором формирования веротерпимости, возможности выстраивать конструктивный диалог между людьми с разными религиозными взглядами и убеждениями.

Помимо этого, проявление студентами СУ толерантности к людям иного социального положения и иного материального достатка свидетельствует о разнообразии материального статуса – от очень высокого до очень низкого – людей, проживающих на территории Самары и Самарской области, о преобладании среди близкого социального окружения людей среднего и низкого достатка. Региональные социально-экономические, географические, культурные особенности обуславливают также и те виды толерантности, которым студенты СУ придают меньшее значение: профессиональной и межкультурной. Это объясняется некоторой суженностью возможностей для полноценной (а не только виртуальной) коммуникации с представителями иных профессиональных культурных групп и сообществ, чем в столичном регионе.

Средовой фактор как социальное и культурное пространство обусловил выявленные преобладания таких видов толерантности у студентов МГУ, как гендерная и профессиональная; последнее обеспечивает представления о широких возможностях профессиональной самореализации в столичном регионе. Меньшая значимость межкультурной, социально-экономической и межконфессиональной толерантности у студентов МГУ свидетельствует о стремлении определить для себя четкие границы этих пространств, о поиске культурной, социально-экономической, религиозной идентичности в условиях разнообразия выбора.

Исследование структуры толерантности позволило выявить следующее: в структуре толерантности у сту-

дентов обеих групп наиболее представлены такие ее компоненты, как этико-нормативный, когнитивный, аффективный, наименее – конативный, потребностно-мотивационный, деятельностно-стилевой, идентификационно-групповой.

Сравнение значимости компонентов толерантности проводилось в направлении рейтинга абсолютных показателей их средних значений от большего к меньшему (таблицы 5, 6).

Таблица 5. Рейтинг компонентов толерантности у студентов СУ (ср. значения)

Table 5. Rating of tolerance components in students of SU (mean values)

Компоненты толерантности	Ранг	Ср. значение
Этико-нормативный	1	58,6
Когнитивный	2	56,8
Личностно-смысловой	3	54,0
Аффективный	4	53,0
Ценностно-ориентационный	5	52,5
Идентификационно-личностный	6	50,0
Деятельностно-стилевой	7	49,9
Потребностно-мотивационный	8	46,8
Конативный	9	46,2
Идентификационно-групповой	10	44,9

Таблица 6. Рейтинг компонентов толерантности у студентов КГ (ср. значения)

Table 6. Rating of tolerance components in students of CG (mean value)

Компоненты толерантности	Ранг	Ср. значение
Этико-нормативный	1	57,0
Когнитивный	2	54,0
Идентификационно-личностный	3	51,8
Аффективный	4	51,4
Ценностно-ориентационный	5	50,6
Личностно-смысловой	6	50,3
Конативный	7	47,8
Деятельностно-стилевой	8	47,5
Потребностно-мотивационный	9	47,1
Идентификационно-групповой	10	44,0

Выявлены сходство и различия в выраженности значимости компонентов толерантности:

– *сходство* в том, что у студентов обеих групп *наиболее* выражены такие компоненты толерантности, как этико-нормативный, когнитивный, аффективный, ценностно-ориентационный; *наименее* – деятельностно-стилевой, потребностно-мотивационный, конативный, идентификационно-групповой.

Это свидетельствует о том, что у студентов обеих групп в структуре толерантности *преобладают* представления об этической норме, наличие долженствования; стремление к пониманию, проявление интереса к иному мнению, внимание к собеседнику; ценность эмоций, чувств, переживаний и возможность их проявления; соб-

ственно ценность толерантного, уважительного отношения, которое имеет для личности приоритетное значение.

Это также свидетельствует о том, что у студентов обеих групп в структуре толерантности *наименее представлены* готовность к взаимодействию, которое должно проявляться в терпении как поведенческой характеристике, уравновешенном, неимпульсивном поведении; готовность к устойчивому, стабильному виду деятельности; желания, стремления, намерения, социальная потребность в толерантном отношении к другим людям; толерантность человека, которая базируется на его идентификации себя как члена близкой ему социальной группы;

– *различия* в том, что у студентов СУ более выражен личностно-смысловой компонент толерантности, который характеризует содержание личностных смыслов, определяет то, что для личности важно, хорошо, желательно, приемлемо – в отличие от профиля толерантности студентов МГУ, для которых данный компонент не является высокозначимым. Помимо этого, для студентов СУ идентификационно-личностный компонент, свидетельствующий о том, что толерантность человека бази-

руется на его личностной самоидентификации, а также о степени сформированности репертуара идентичностей в сферах возможного проявления уважения и толерантности, не является высокоприоритетным – в отличие от студентов МГУ.

Таким образом, гипотезы исследования о том, что толерантность как внимание и адекватность в отношении к другим культурам, способам самопрезентации и самореализации как уникальности у студентов полностью сформирована – на уровне ее видов – полностью подтверждена. При этом предположение о том, что содержание толерантности характеризуется региональной спецификой, нашло частичное подтверждение.

Полученные данные могут рассматриваться как вполне условные, так как разница их средних значений крайне мала и статистически не выражена. Тем не менее данная картина сходства и различия видов и компонентов толерантности у студентов СУ и МГУ может рассматриваться как возможная тенденция. Проверка этих различий как тенденции является перспективным направлением исследования.

Литература

1. Галкин А. А., Красин Ю. А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 64 – 74.
2. Мышкина М. С. Содержательные особенности этностереотипов в условиях предъявления стимулов разных видов // Вестник Самарского государственного университета. 2014. Вып. 1(112). С. 224 – 232.
3. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2007. 45 с.
4. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер. 2000. 624 с.
5. Кондаков А. М. Формирование установок толерантного сознания // Культура мира и ненасилия в воспитании учащихся: опыт регионов России. М.: Центр развития системы доп. образования детей, 1999. С. 95 – 97.
6. Мышкина М. С. Содержательные особенности мотивационно-смысловой интенции личности современных студентов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 103 – 112.
7. Мышкина М. С. Структурные особенности мотивационно-смысловой интенции современных студентов // Обучение и развитие: современная теория и практика: материалы XVI Международных чтений памяти Л. С. Выготского, Москва, 16 – 20 ноября 2015 г. М., 2015. С. 361 – 367.
8. Асмолов А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. М.: Смысл, 1998.
9. Камзина О. А. Инновации в образовании как условие формирования профессиональных качеств выпускника психологического факультета // Образование в современном мире: роль вузов в социально-экономическом развитии региона: сборник научных трудов Международной научно-методической конференции, 18 марта 2014. Самара: Самарский университет, 2014. С. 76 – 79.
10. Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2012. 336 с.
11. Сорокин О. В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. 2007. № 8. С. 48 – 52.

CONTENT FEATURES OF TOLERANCE IN STUDENTS

Oksana A. Kamzina^{1, @1}, Marina S. Myshkina^{1, @2}¹ Samara University, 1, Academica Pavlova St., Samara, Russia, 443011

@1 komoa@mail.ru

@2 Pylaem@bk.ru

Received 21.10.2016.

Accepted 13.12.2016.

Keywords: tolerance, intolerance, structure of tolerance, types, components of tolerance, the area of culture as factor of a environment.

Abstract: The article deals with the problem of tolerance in the aspect of its substantial features in the Russian students. The student's period is a further development of the individual in the direction of expansion of representations about social competence, development of social interaction culture, respect for different social groups. The character of the empirically identified intergroup similarity is determined by the age-specific features of studentship as a youth group, a crucial age of the tasks associated with interpersonal and intergenerational communication, political apathy, lack of interest in the field of ethno-cultural social reality. It is shown that tolerance as respect, acceptance and appreciation of other cultures, ways of expression and manifestation of the human personality of the students is fully formed. It is revealed that in the structure of tolerance of students ethical, cognitive, affective components predominate, the least represented components being conative, need-motivation, active, stylistic, identificational and group ones. It was found out that content of tolerance is characterized by regional specificity as environmental factor.

For citation: Kamzina O. A., Myshkina M. S. Soderzhatel'nye osobennosti tolerantnosti u studentov [Content Features of Tolerance in Students]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 124 – 129. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-124-129.

References

1. Galkin A. A., Krasin Iu. A. Kul'tura tolerantnosti pered vyzovami globalizatsii [The culture of tolerance before the challenges of globalization]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological research*, no. 8 (2003): 64 – 74.
2. Myshkina M. S. Soderzhatel'nye osobennosti etnostereotipov v usloviakh pred'iavleniya stimulov raznykh vidov [Substantial features ethnic stereotypes in terms of presentation of different kinds of incentives]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara state University*, no. 1(112) (2014): 224 – 232.
3. Bardiye G. L. *Sotsial'naya psikhologiya tolerantnosti*. Avtoref.diss. doktora psikh. nauk [Social psychology tolerance. Dr. psih. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2007, 45.
4. Rays F. Doldzhin K. *Psikhologiya podrostkovogo i iunosheskogo vozrasta* [The Psychology of adolescence and youth]. Saint-Petersburg: Piter, 2000, 624.
5. Kondakov A. M. Formirovaniye ustanovok tolerantnogo soznaniia [Formation of tolerant consciousness]. *Kul'tura mira i nenasiliia v vospitanii uchashchikhsia: opyt regionov Rossii* [Culture of peace and non-violence in the education of students: experience of Russian regions]. Moscow: Tsentr razvitiia sistemy dop. obrazovaniia detei, 1999, 95 – 97.
6. Myshkina M. S. Soderzhatel'nye osobennosti motivatsionno-smyslovoi intentsii lichnosti sovremennykh studentov [Substantial features of motivational-meaning intentions of the personality of modern students]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia = Scientific Review: humanities research*, no. 8 (2015): 103 – 112.
7. Myshkina M. S. Strukturnyie osobennosti motivatsionno-smyslovoi intentsii sovremennykh studentov [Structural features of motivational-meaning intentions of modern students]. *Obucheniye i razvitiye: sovremennaya teoriya i praktika: Materialy XVI Mezhdunarodnykh chtenii pamiati L. S. Vygotskogo, Moskva, 16 – 20 noiabria 2015 g.* [Training and development: current theory and practice: Proc. XVI Intern. readings of L. S. Vygotsky, Moscow, 16 – 20 November 2015]. Moscow, 2015, 361 – 367.
8. Asmolov A. G. Tolerantnost': razlichnyie paradigmy analiza [Tolerance: various analysis paradigm]. *Tolerantnost' v obshchestvennom soznanii Rossii* [Tolerance in the Russian public consciousness]. Moscow: Smysl, 1998.
9. Kamzina O. A. Innovatsii v obrazovanii kak usloviye formirovaniia professional'nykh kachestv vypusknika psikhologicheskogo fakul'teta [Innovation in education as a condition of formation of professional qualities of graduate psychology department]. *Obrazovaniye v sovremennom mire: rol' vuzov v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiie regiona, sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, 18 marta 2014, Samara, Samarskii universitet* [Education in the modern world: the role of universities in socio-economic development of the region: Proc. Intern. Sc.-Method. Conf., March 18, 2014, Samara, Samara state University]. Samara 2014, 76 – 79.
10. Pochebut L. G. *Kross-kul'turnaia i etnicheskaya psikhologiya* [Cross-cultural and ethnic psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2012, 336.
11. Sorokin O. V. Osobennosti formirovaniia politicheskogo soznaniia sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Features of the formation of political consciousness of modern Russian youth]. *Vlast' = The Authority*, no. 8 (2007): 48 – 52.

УДК 159.923+ 37.015.3

ОПЫТ ПРЕДШКОЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДЕТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «МОЙ МИР»

Людмила С. Колмогорова^{1, @1}, Елизавета С. Балабекян^{1, @2}

¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

@1 kolmogorova52@mail.ru

@2 elisaveta.87@mail.ru

Поступила в редакцию 08.09.2016.

Принята к печати 26.12.2016.

Ключевые слова: дошкольная подготовка, программа дошкольной подготовки «Мой мир», психологическая готовность к обучению в школе, познавательные психические процессы, внимание, память, мышление, воображение.

Аннотация: Анализ готовности детей к обучению в школе свидетельствует о наличии проблем в организации дошкольной подготовки. Несмотря на многочисленные исследования, эффективность различных форм подготовки дошкольников не выявлена. На основе анализа опыта педагогов-практиков и существующих программ дошкольной подготовки коллективом авторов (Л. С. Колмогорова, Л. А. Никитина, Л. И. Шварко, О. И. Давыдова, О. Р. Меремьянина) была разработана концепция дошкольной подготовки, на основе которой создана программа «Мой мир», ориентированная на дошкольную подготовку детей с 5,5 – 6 лет. Исходя из задачи выравнивания стартовых возможностей детей из разных социальных слоёв населения, возникает проблема выявления эффективности учебно-методического комплекта «Мой мир». С целью разрешения данной проблемы, в 2011 – 2016 гг. было проведено экспериментальное исследование на базе групп дошкольной подготовки школ и ДООУ г. Барнаул и г. Новосибирск. В исследовании использованы теоретические (анализ литературных источников) и эмпирические методы (тестирование, беседа-опрос, изучение продуктов деятельности). Результаты экспериментального исследования свидетельствуют о том, что уровень психологической готовности детей к обучению в школе повысился. Это подтверждает эффективность использования программы дошкольной подготовки «Мой мир» при организации деятельности старших дошкольников.

Для цитирования: Колмогорова Л. С., Балабекян Е. С. Опыт дошкольной подготовки детей на примере программы «Мой мир» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 130 – 136. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-130-136.

Анализ уровня подготовки детей к поступлению в школу подтверждает наличие проблем в организации развития, обучения и воспитания будущих первоклассников. Актуальность проблемы улучшения качества дошкольного образования подтверждается принятием Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (ФГОС ДО). Введение ФГОС связано с тем, что в настоящее время появилась необходимость стандартизации содержания дошкольного образования для того чтобы, обеспечить всем детям равные стартовые возможности для успешного обучения в школе [1].

Особенность дошкольного возраста такова, что достижения детей данного возраста определяются не суммой определённых знаний, умений и навыков, а совокупностью качеств личности, в том числе обеспечивающих психологическую готовность ребенка к школе.

Одной из важных задач модернизации региональных систем дошкольного образования в условиях государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 гг. является повышение доступности дошкольного образования [2].

Анализ современной практики дошкольной подготовки детей на базе школы, детского сада, центров дополнительного образования обозначил проблемы:

- информационная перегрузка детей в дошкольном образовании;
- дублирование части учебных материалов начальной школы; перенос форм и методов обучения из школы в детский сад;
- ориентация педагога на принципы послушания, повторения, подражания;
- формализм в решении вопроса преемственности школьного и дошкольного образования в дошкольной подготовке (знаниевый компонент при приёме ребёнка в школу: навыки чтения, письма и счёта) и др. [3].

В этом контексте исследователи всё чаще рассматривают потенциальные возможности разнообразных направлений педагогической науки, различных концепций обучения. В современном мире существует множество исследований по проблеме подготовки детей к школьному обучению, в которых раскрывается понятие готовности к обучению в школе (Л. А. Венгер, Н. И. Гуткина, Е. Е. Кравцова, Я. Л. Коломинский, Н. Г. Салмина и др.); приводятся программы диагностики сформированности возрастных новообразований ребёнка, поступающего в первый класс (Г. Бардиер, Л. А. Венгер, Ю. З. Гильбух, Л. Л. Семаго и др.); предлагаются варианты работы с детьми, недостаточно готовыми к обучению (Г. В. Бурменская, О. А. Карабанова, А. Г. Лидерс и др.). Несмотря на многочисленные исследования проблема готовности ребёнка к обучению в школе не получила своего решения [4].

На основе анализа опыта педагогов-практиков и существующих программ для старшего дошкольного возраста коллективом авторов (Л. С. Колмогорова, Л. А. Никитина, Л. И. Шварко, О. И. Давыдова, О. Р. Меремьянина) была разработана концепция дошкольной подготовки, на основе которой создана программа «Мой мир», ориентированная на дошкольную подготовку детей с 5,5 – 6 лет.

Образовательная программа «Мой мир» используется для реализации дошкольной подготовки в Алтайском крае. Она прошла апробацию в рамках краевого эксперимента в образовательных учреждениях Алтайского края (2005 – 2010 гг.). Результаты признаны положительными [5].

С 2011 г. в г. Барнаул работает Федеральная экспериментальная площадка по апробации учебно-методического комплекта «Мой мир» (научный руководитель Л. С. Колмогорова).

В программе «Мой мир» реализован подход, учитывающий потребность в подготовке детей к новым условиям жизни, а также ценность всех периодов детства. В ней подготовка ребенка к школе воспринимается как аспект образования, а не как основная цель [4].

Программа «Мой мир» создана для педагогов (учителей начальной школы, воспитателей подготовительных групп дошкольных учреждений, педагогов учреждений дополнительного образования), осуществляющих дошкольную подготовку детей, которые не посещают дошкольные образовательные учреждения [6]. Программа может быть реализована в условиях подготовительных групп детского сада (ДОО) и групп кратковременного пребывания ребенка в образовательном учреждении.

«Цель программы – обеспечить преемственность становления базиса личностной культуры ребенка и актуализировать возможности детей, необходимые для их успешного вхождения в новое образовательное пространство» [4, с. 5].

Задачи программы «Мой мир»:

- 1) создать условия для развития ребенка в соответствии с возрастом;
- 2) способствовать становлению личностной культуры детей, её базиса [7];
- 3) развивать психику ребенка, основные психические новообразования в соответствии с возрастом;
- 4) обеспечить хорошую психологическую и социальную адаптацию к новой образовательной среде;
- 5) формировать познавательную мотивацию и predisposition учебной деятельности;
- 6) обеспечить профилактику противоречий в развитии личности и корректировку неблагоприятных линий развития её познавательной и эмоционально-волевой сфер [3].

Теоретико-методологической основой построения программы является культурно-историческая теория Л. С. Выготского – учение о развитии сложноорганизованных психических процессов ребенка во время освоения им ценностей культуры, опосредованного взаимодействия и общения его со взрослым. Данная теория продолжала развиваться в трудах его последователей и учеников: Л. А. Венгера, Г. Г. Кравцова, Е. Е. Кравцовой, В. В. Рубцова, Н. Г. Салминой, Л. Ф. Обуховой и др.

Содержание дошкольной подготовки детей строится с учётом становления основ личностной культуры, которая содержит освоение основных сфер реальности: природу, предметы, созданные человеком, общественные

явления, понимание себя. В этом плане программа «Мой мир» основывалась на концепции дошкольного воспитания, разработанной Е. В. Бодровой, В. В. Давыдовым, В. А. Петровским, Р. Б. Стеркиной и др.

В основу выбора содержания дошкольной подготовки по программе «Мой мир» легла позиция В. Т. Кудрявцева о культурно-исторической и психической особенности современного типа детства, для которого характерна функция освоения ребенком уже сложившихся общечеловеческих способностей и порождения новых форм, отсутствующих у взрослых) [4].

Программа «Мой мир» предполагает развитие детей по следующим направлениям:

- развитие познавательных психических процессов и активности;
- становление личностной культуры ребенка;
- формирование интереса и потребности к совместным занятиям с сверстниками;
- развитие умений управлять своим поведением и преодолевать трудности;
- развитие инициативы, соподчиненности мотивов поведения, самостоятельности;
- развитие адекватной самооценки ребенка;
- формирование коммуникативно-поведенческой рефлексии;
- воспитание культуры чувств и эмоций [3].

Программа «Мой мир» включает в себя разделы:

1. Я в мире людей – вхождение в новую образовательную среду («Давайте познакомимся», «Все мы разные», «Азбука общения» и др.) [8].
2. Я в мире прекрасного – формирование представлений о красивом в окружающей действительности, в поступках людей, отношениях между людьми и природой («Красота во мне и вокруг меня», «Я в мире красок», «Азбука прекрасного» и др.) [9].
3. Я в мире природы – формирование представлений о месте человека в природе, его взаимоотношений с окружающим миром, формирование экологической культуры («Моя живая планета», «Я дружу с природой», «Экологическая азбука» и др.) [10].
4. Я в мире знаний – вхождение детей в познание как особый вид деятельности, позволяющий открывать новое вокруг себя и в себе («Я познаю мир», «Я в мире книг», «Я в мире чисел» и др.) [11].

5. Развиваем восприятие, внимание, мышление, память, воображение.

6. Готовим пальчики к письму и рисунку.

Первые четыре раздела раскрывают содержание образовательных областей (Человек. Рукотворный мир. Природа. Общество.), а 5 – 6 разделы являются сквозными и реализуются в содержании первых разделов.

Занятия носят комбинированный характер и проводятся, как правило, два-три раза в неделю по четыре занятия в день (каждое – 25 – 30 минут) в зависимости от модели образовательного учреждения, осуществляющего подготовку.

Таким образом, исходя из задачи корректировки стартовых возможностей детей из разных социальных групп и слоев населения, возникает проблема выявления результативности учебно-методического комплекта «Мой мир», который включает программу, методические рекомендации для педагогов и рабочие тетради для детей.

Эксперимент проводился в 2011 – 2016 гг. на базе групп подготовки к школе МБОУ «Лицей № 122», МБОУ «Лицей № 121», МБОУ СОШ № 97, МБОУ СОШ № 91, ДОУ Детский сад № 239 г. Барнаул (выборка 1 – 181 человек). К экспериментальной выборке относятся дети, которые либо посещают только группу подготовки при школе, либо готовятся к школе в подготовительной группе детского сада. В качестве контрольной группы мы рассматривали детей, посещающих и группы дошкольной подготовки на базе МАОУ «Лицей № 176» г. Новосибирска, МБОУ «Лицей № 122» г. Барнаула и детский сад (выборка 2 – 134 человека).

В ходе экспериментальной работы проверялась гипотеза: осуществление на практике программы дошкольной подготовки «Мой мир» позволит обеспечить организацию работы по выравниванию стартовых возможностей будущих школьников и их успешного выхода на новый образовательный уровень, что создаст базу для успешной социальной и психологической адаптации ребёнка к новым условиям жизни.

Экспериментальное исследование было организовано в три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный. На констатирующем и контрольном этапах эксперимента проведена диагностика уровня готовности к школе старших дошкольников, с использованием методик диагностической программы «Готовность к школе» Л. С. Колмогоровой [6]. Методики, из которых состоит программа, позволяют дать качественную характеристику психологической готовности ребенка к школьному обучению, так как не являются тестами.

Диагностическая программа Л. С. Колмогоровой включает следующие методики:

- вводная диагностическая беседа с ребёнком (способность ориентироваться во времени и пространстве, уровень мотивационной готовности к школе и кругозор ребёнка);
- графический диктант (умение ориентироваться на образец, произвольность внимания, сенсомоторная координация, тонкая моторика руки);
- внимание и наблюдательность;
- восприятие и понимание содержания текста (особенности понимания детьми смысла предложенных им рассказов);
- опосредованное запоминание (способность ребенка к использованию средств («пиктограмм») при запоминании, характер устанавливаемых ассоциаций, лаконичность средств, степень владения обобщающими понятиями, умение планировать свои действия);
- осмысленное запоминание (запоминание пар логически связанных между собой слов);
- операции анализа, сравнения и обобщения в вербальной и невербальной формах («Четвёртый лишний»);
- особенности воображения;
- умозаключения по аналогии (умение строить умозаключения по аналогии на невербальной основе (фрагмент теста Равена);
- ориентационный тест школьной зрелости Керна-Йирасека [6].

По каждой методике на основании процентного выполнения заданий нами были определены уровни готовности к обучению в школе.

Высокий уровень – (65 % и $\geq$ выполненных заданий) – 85 баллов и выше.

Ребенок, имеющий высокий уровень готовности к школе, преследует социальный мотив учения, у него есть познавательная потребность, которую он не может удовлетворить дома. Такой дошкольник имеет определенный словарный запас и грамотную обиходную речь. Он владеет навыками опосредованного и осмысленного запоминания, способен понимать обращенную к нему речь, смысл предложенных рассказов; отвечать на вопросы, относящиеся к себе и своей семье; ориентироваться во времени и пространстве.

У будущего первоклассника должны быть сформированы следующие умения:

- умение внимательно слушать говорящего и точно выполнять задания, предлагаемые в устной форме;
- умение самостоятельно выполнить требуемое задание по зрительно воспринимаемому образцу;
- умение планомерно овладевать предметами и явлениями, выделять их разнообразные свойства, находить недостающие детали, выделять лишние предметы;
- умение связано, последовательно, понятно для окружающих описать предмет, картинку, событие, передать ход своих мыслей, объяснить то или другое явление, правило;
- умение четко воспринимать и произносить речевые звуки.

Об интеллектуальной зрелости судят по следующим признакам:

- дифференцированное восприятие (перцептивная зрелость);
- концентрация внимания;
- аналитическое мышление, выражающееся в способности постижения основных связей между явлениями;
- логическое запоминание;
- сенсомоторная координация;
- умение воспроизводить образец;
- развитие тонких движений руки.

Средний уровень – (40 % выполненных заданий) – 53 – 84 балла.

Низкий уровень – (39 % и $\leq$ выполненных заданий) – 0 – 52 балла.

В итоге проведения диагностической программы были получены следующие результаты: на констатирующем этапе высокий уровень готовности к школьному обучению показали 35 дошкольников, что составляет 11 % всей выборки (выборка – 315 испытуемых), низкий уровень – 95 человек (30 %), средний уровень – 185 дошкольников (59 %).

Затем педагогами и психологами экспериментальных групп (ЭГ) дошкольной подготовки был проведен формирующий этап эксперимента по программе «Мой мир». Дети контрольной группы (КГ) не принимали участия в экспериментальном обучении.

После формирующего этапа была проведена контрольная диагностика по программе «Готовность к школе». Проанализировав полученные данные, мы можем сделать вывод, что количество испытуемых с высоким уровнем готовности к обучению в школе увеличилось до 159 человек (50 % всей выборки), средний уровень был выявлен у 145 дошкольников (46 %), низкий – у 11 человек (8 %). Результаты констатирующего и контрольного этапов экспериментального исследования представлены в рис. 1.

Чтобы доказать или опровергнуть гипотезу исследования, нами были проанализированы показатели экспериментальной и контрольной групп детей отдельно.

Контрольный этап эксперимента позволяет сделать вывод о том, что количество дошкольников ЭГ с высоким уровнем психологической готовности к обучению в школе увеличилось на 53 %. На констатирующем этапе высокий уровень был выявлен у 12 человек (6 %), а на контрольном количество испытуемых с данным уровнем готовности к школе увеличилось до 107 человек (59 %). Количество учащихся со средним уровнем готов-

ности стало меньше на 18 % (констатирующий этап – 59 %, 106 испытуемых; контрольный этап – 41 %, 74 человека). Испытуемых с низким уровнем не было выявлено (на констатирующем этапе – 35 %, 63 дошкольника). Сравнительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов экспериментального исследования представлен в рис. 2.

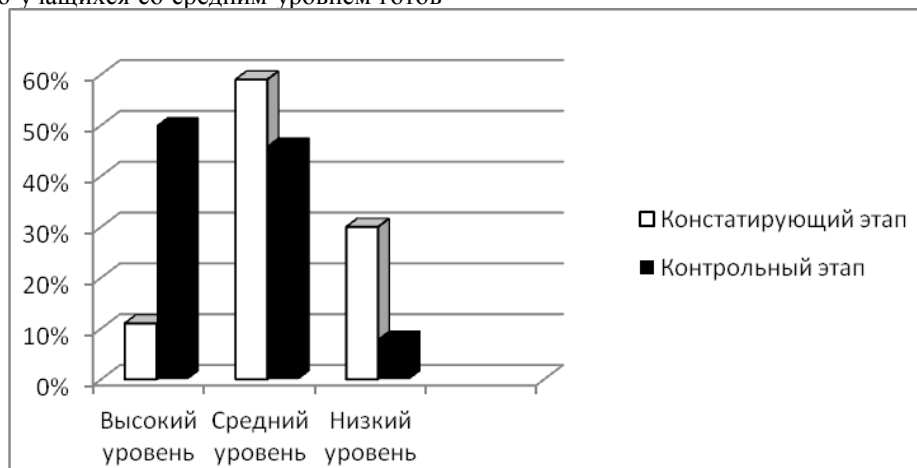

Рис. 1. Сравнение результатов констатирующего и контрольного этапов экспериментального исследования
Fig. 1. The comparison of the results of the summative and check stage of the formative assessment

По итогам двух этапов исследования в КГ были получены результаты, представленные на рис. 3.

Количество детей КГ с высоким уровнем увеличилось на 22 % (констатирующий этап – 17 %, 23 дошкольника; контрольный этап – 39 %, 52 человека), со средним уровнем стало меньше на 6 % (констатирующий этап – 59 %, 79 испытуемых; контрольный этап – 53 %, 71 человек), с низким уровнем – меньше на 16 % (констатирующий этап – 24 %, 32 дошкольника; контрольный этап – 8 %, 11 испытуемых).

Если сравнить результаты констатирующего этапа эксперимента, то видим, что испытуемых с высоким

уровнем на 11 % больше в контрольной группе, со средним уровнем по 59 % в контрольной и экспериментальной группах. Детей с низким уровнем готовности к обучению в школе на 11 % больше в ЭГ. Результат представлен в рис. 4.

В результате контрольного этапа эксперимента, количество дошкольников ЭГ с высоким уровнем психологической готовности к обучению в школе стало на 20 % больше, испытуемых с низким уровнем на 11 % и средним уровнем на 12 % меньше, чем в КГ контрольного этапа эксперимента.

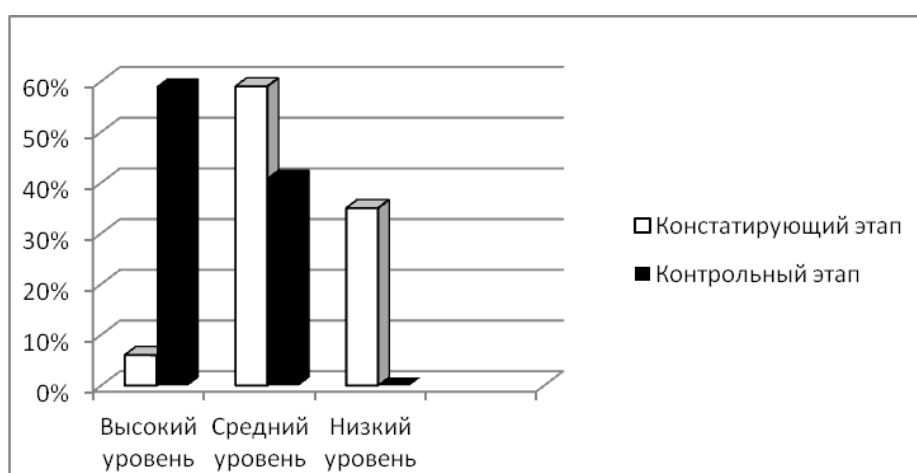

Рис. 2. Сравнение результатов констатирующего и контрольного этапов экспериментального исследования (ЭГ)
Fig. 2. The comparison of the results of the summative and check stage of the formative assessment (Experimental Group)

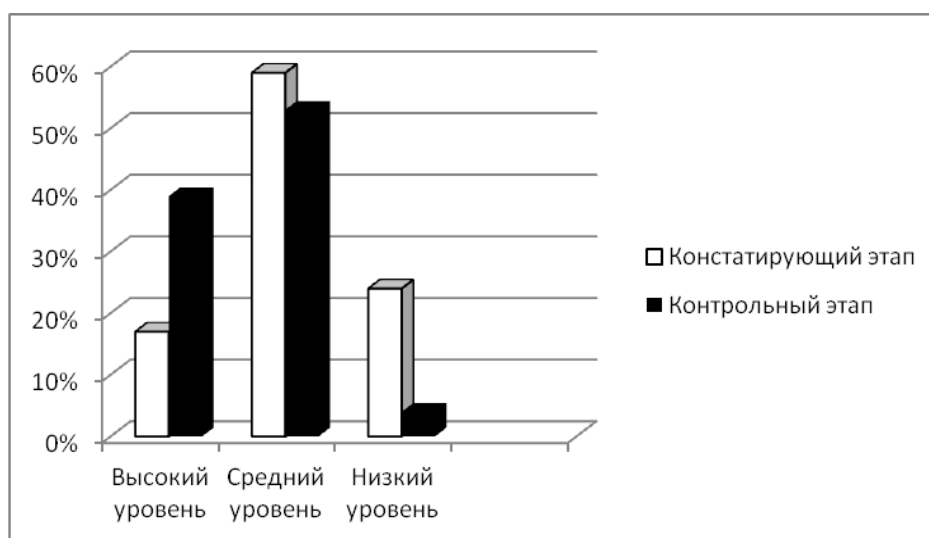

Рис. 3. Сравнение результатов констатирующего и контрольного этапов экспериментального исследования (КГ)
Fig. 3. The comparison of the results of the summative and check stage of the formative assessment (Check Group)

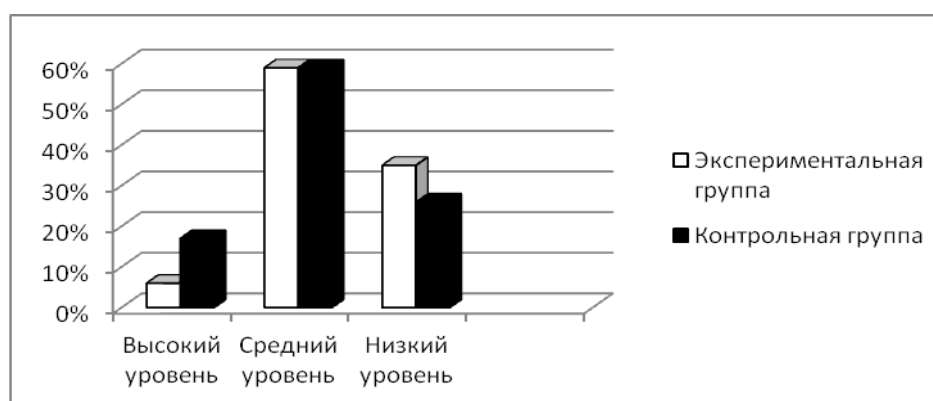

Рис. 4. Сравнение результатов ЭГ и КГ констатирующего этапа экспериментального исследования
Fig. 4. The comparison of the results of the EG and CG summative stage of the formative assessment

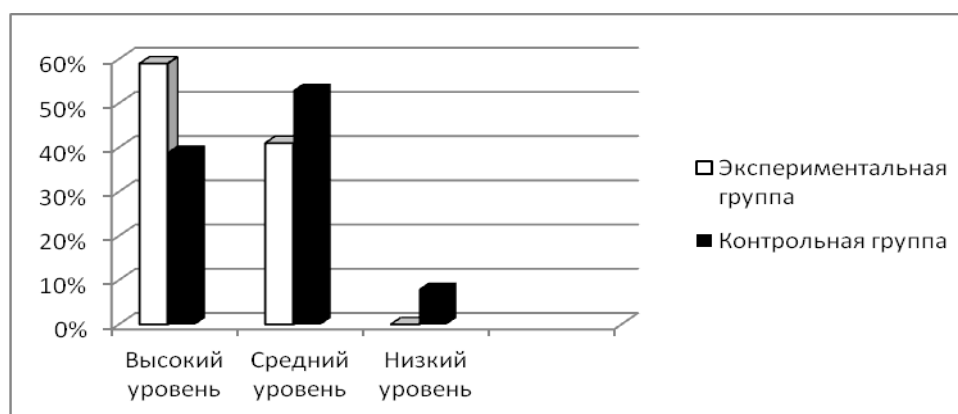

Рис. 5. Сравнение результатов ЭГ и КГ контрольного этапа эксперимента
Fig. 5. The comparison of the results of the EG and CG check stage of the formative assessment

Сравнительный анализ результатов контрольного этапа экспериментального исследования представлен на рис. 5.

Результаты диагностики готовности детей к обучению в школе свидетельствуют о важности дошкольной подготовки. Предшкольное образование содержит различные направления, способствующие формированию

мотивации и развитию качеств, необходимых в процессе обучения. Для организации и научно-обоснованного содержания дошкольного образования разрабатываются программы дошкольной подготовки, способствующие формированию готовности детей к обучению в школе. На основе анализа программ было выдвинуто предположение о том, что благодаря систематическим занятиям

с использованием комплекта учебно-методических материалов «Мой мир» можно повысить уровень психологической готовности детей к обучению в школе.

Опираясь на анализ полученных данных, мы определили, что по итогам формирующего этапа эксперимента уровень психологической готовности детей к школьному обучению повысился в обеих группах выборки. Следует отметить, что готовность к школе подвергалась определённой динамике, как положительной, так и отрицательной. В большинстве случаев психологическая готовность к школе претерпевала положительную динамику (сильнее представлена в ЭГ). Отрицательная динамика была выявлена у некоторых детей КГ с высоким уровнем готовности.

Готовность ребёнка к обучению в школе обуславливает уровень развития познавательных процессов, так как центральным новообразованием дошкольника является стремительное развитие познавательной сферы. Поэтому, с целью выявления динамики познавательных психических процессов дошкольников (память, внимание, мышление, воображение), нами были проанализированы результаты по некоторым методикам из диагностической программы «Готовность к школе». Динамика познавательных процессов была ярко выражена как в группе кратковременного пребывания в школе, так и в подготовительной группе ДОУ. Это подтверждает эффективность использования средств по развитию познавательных психических процессов программы дошкольной подготовки «Мой мир» при организации деятельности

старших дошкольников. Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, а гипотеза нашла подтверждение.

На основе полученных групповых и индивидуальных результатов каждого дошкольника с целью повышения уровня психологической готовности детей к обучению в школе была организована консультационная работа с родителями и педагогами. Для родителей старших дошкольников подготовлены рекомендации по воспитательной и развивающей работе с ребёнком, которые позволяют повысить уровень их психолого-педагогической грамотности.

Необходимо помнить о том, что, если недостатки и упущения в развитии ребенка раннего и младшего дошкольного возраста из-за отсутствия или несовершенства дошкольного образования можно исправить, то недостаточный уровень развития ребенка старшего дошкольного возраста влечет за собой серьезные проблемы на этапе школьного обучения. По этой причине наиболее эффективна преемственность проблем развития в дошкольном возрасте.

Перспективными направлениями изучения проблемы готовности детей к школьному обучению считаем следующие: выявление возможных причин неготовности ребёнка к обучению в школе; создание оптимальных социально-педагогических и психологических условий, обеспечивающих позитивную динамику познавательных психических процессов в период дошкольной подготовки детей.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. М.: Центр педагогического образования, 2014. 32 с.
2. О предоставлении и распределении в 2015 году субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на модернизацию региональных систем дошкольного образования в рамках подпрограммы «Развитие дошкольного, общего и дополнительного образования детей» государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 годы. Постановление правительства Российской Федерации № 71 от 29 января 2015 г. Опубликовано: 4 февраля 2015 г. на интернет-портале «Российской Газеты». Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/02/04/doshkolyata-site-dok.html> (дата обращения: 04.02.2015).
3. Никитина Л. А., Колмогорова Л. С., Шварко Л. И., Давыдова О. И., Меремьянина О. Р., Горбунова В. Н., Тюменева Е. А., Зарубина С. П. Методические материалы дошкольной подготовки детей по программе «Мой мир». Барнаул: БГПУ, 2005. 186 с.
4. Колмогорова Л. С., Никитина Л. А., Шварко Л. И., Давыдова О. И., Меремьянина О. Р. Программа «Мой мир»: Базис личностной культуры детей 5 – 6 лет. Барнаул: БГПУ, 2007. 60 с.
5. Дошкольная подготовка детей: содержание, формы, проблемы и пути их решения: сборник научных статей / под ред. Л. С. Колмогоровой. Барнаул: АлтГПА, 2010. 461 с.
6. Майер А. А., Колмогорова Л. С., Никитина Л. А., Шварко Л. И., Давыдова О. И. Вариативные модели дошкольной подготовки детей на региональном уровне: коллективная монография. Барнаул: АлтГПА, 2012. 234 с.
7. Концепция дошкольного воспитания // Дошкольное воспитание. 1989. № 9. С. 48 – 69.
8. Колмогорова Л. С., Меремьянина О. Р. Мой мир. Я в мире людей: рабочая тетрадь № 1. 4-е изд., доп. Барнаул: АлтГПА, 2010. 60 с.
9. Шварко Л. И., Никитина Л. А. Мой мир. Я в мире прекрасного: рабочая тетрадь № 2. Барнаул: БГПУ, 2005. 75 с.
10. Давыдова О. И., Горбунова В. Н., Тюменева Е. А. Мой мир. Я в мире природы: рабочая тетрадь № 3. Барнаул: БГПУ, 2005. 67 с.
11. Никитина Л. А., Демина Е. С. Мой мир. Я в мире знаний: рабочая тетрадь № 4. 3-е изд., доп. Барнаул: БГПУ, 2007. 72 с.

PRESCHOOL TRAINING EXPERIENCE OF CHILDREN BY THE EXAMPLE OF “MY WORLD” PROGRAMME

Ludmila S. Kolmogorova^{1, @1}, Elizaveta S. Balabekyan^{1, @2}

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodezhnaja St., Barnaul, Russia, 656031

@¹ kolmogorova52@mail.ru

@² elisaveta.87@mail.ru

Received 08.09.2016.

Accepted 26.12.2016.

Keywords: preschool training, pre-school training programme “My World”, psychological preparedness for school studies, cognitive psychological processes, attention, memory, imagination, intellection.

Abstract: The analysis of children’s preparedness for studying at school indicates the problems in preschool training organization. In spite of numerous investigations the effectiveness of different preschool children training forms is not discovered yet. On the basis of teaching experts’ experience and present preschool training programmes the conception of preschool training was developed by the authors’ group which included L. S. Kolmogorova, L. A. Nikitina, L. I. Shvarko, O. I. Davydova, O. R. Meremyanina. On the basis of this conception the programme “My World” oriented on preschool training of children aged from 5,5 – 6 was developed. Since the aim was to balance the starting opportunities for children from different social levels, it became necessary to check the effectiveness of the educational-methodical complete set “My World”. To solve this problem the experimental investigation was held in 2011 – 2016 on the basis of the groups for pre-school training of Barnaul and Novosibirsk schools and Children’s Educational Institutions. In the investigation theoretical (the analysis of the bibliography) and empirical (the testing, question-and-answer discussion, investigation of the activity) methods were used. The results of the experimental investigation show the increase of the children’s preparedness for school. This confirms the effectiveness of the preschool training programme “My world” during the activity of the elder pre-school children.

For citation: Kolmogorova L. S., Balabekyan E. S. Opyt predshkol'noi podgotovki detei na primere programmy «Moi mir» [Preschool Training Experience of Children by the Example of “My World” Programme]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 130 – 136. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-130-136.

References

1. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart doshkol'nogo obrazovaniia* [Federal government educational standard of pre-school education]. Moscow: Tsentr pedagogicheskogo obrazovaniia, 2014, 32.
2. *O predostavlenii i raspredelenii v 2015 godu subsidii iz federal'nogo biudzheta biudzheta sub"ektov Rossiiskoi Federatsii na modernizatsiiu regional'nykh sistem doshkol'nogo obrazovaniia v ramkakh podprogrammy "Razvitie doshkol'nogo, obshchego i dopolnitel'nogo obrazovaniia detei" gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii "Razvitie obrazovaniia" na 2013 – 2020 gody* [About provision and distribution in 2015 of subsidies from the Federal budget to budgets of subjects of the Russian Federation on the modernization of regional systems of preschool education in the framework of the subprogram "Development of preschool, General and additional education of children" the state program of the Russian Federation "Development of education" for 2013 – 2020]. Decree of the Government of the Russian Federation from 29th January 2015. Available at: <http://www.rg.ru/2015/02/04/doshkolyata-site-dok.html> (accessed 04.02.2015).
3. Nikitina L. A., Kolmogorova L. S., Shvarko L. I., Davydova O. I., Merem'ianina O. R., Gorbunova V. N., Tiuneneva E. A., Zarubina S. P. *Metodicheskie materialy predshkol'noi podgotovki detei po programme «Moi mir»* [Methodic materials of children’s pre-school training on programme “My world”]. Barnaul: Publ. BSPU, 2005, 186.
4. Kolmogorova L. S., Nikitina L. A., Shvarko L. I., Davydova O. I., Merem'ianina O. R. *Programma «Moi mir»: Baza lichnostnoi kul'tury detei 5 – 6 let* [Programme “My world”: Basis of children aged 5 – 6 personal culture]. Barnaul: BSPU, 2007, 60.
5. *Predshkol'naia podgotovka detei: sodержание, formy, problemy i puti ikh resheniia: sbornik nauchnykh statei* [Children’s pre-school education: collection of research articles]. Ed. Kolmogorova L. S. Barnaul: AltSPA, 2010, 461.
6. Maier A. A., Kolmogorova L. S., Nikitina L. A., Shvarko L. I., Davydova O. I. *Variativnye modeli predshkol'noi podgotovki detei na regional'nom urovne* [Variative children’s pre-school training models on regional level]. Barnaul: AltSPA, 2012, 234.
7. *Kontseptsii doshkol'nogo vospitaniia* [Pre-school education conception]. *Doshkol'noe vospitanie = Pre-school education*, no. 9 (1989): 48 – 69.
8. Kolmogorova L. S., Merem'ianina O. R. *Moi mir. Ia v mire liudei: rabochaia tetrad' № 1* [My world. Me in the world of people: activity book no. 1]. 4th ed. Barnaul: AltSPA, 2010, 60.
9. Shvarko L. I., Nikitina L. A. *Moi mir. Ia v mire prekrasnogo: rabochaia tetrad' № 2* [My world. Me in the world of beautiful: activity book no. 2]. Barnaul: BSPU, 2005, 75.
10. Davydova O. I., Gorbunova V. N., Tiuneneva E. A. *Moi mir. Ia v mire prirody: rabochaia tetrad' № 3* [My world. Me in the world: activity book no. 3]. Barnaul: BSPU, 2005, 67.
11. Nikitina L. A., Demina E. S. *Moi mir. Ia v mire znanii: rabochaia tetrad' № 4* [My world. Me in the world of knowledge: activity book no. 4]. 3th ed. Barnaul: BSPU, 2007, 72.

УДК 159.9:37.015.3

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К СЕБЕ И СВЕРСТНИКАМ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ДОМА И МАССОВОЙ ШКОЛЫ**Ольга Г. Холодкова^{1, @1}, Светлана Д. Панфилова^{2, @2}**¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55² Тальменская средняя общеобразовательная школа № 3, Россия, 658033, р. п. Тальменка, Алтайский край, ул. 30 лет ВЛКСМ, 17@¹ holodkova.fnk@mail.ru@² svetlanapanfilova2010@mail.ru

Поступила в редакцию 14.09.2016.

Принята к печати 13.12.2016.

Ключевые слова: ценностное отношение к себе и сверстникам, воспитанники детского дома, младший школьный возраст, динамика ценностного отношения, формирующий эксперимент.

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы развития ценностного отношения к себе и сверстникам у воспитанников детского дома младшего школьного возраста и учащихся массовой школы этого возраста. Изучаются возможности развития ценностного отношения к себе и сверстникам воспитанников детского дома в специально-организованных условиях. В статье приводятся краткие результаты экспериментального исследования динамики ценностного отношения к себе и сверстникам в ходе реализации коррекционно-развивающей программы «Жить в мире с собой и друзьями». Ценностное отношение к себе и сверстникам измерялось с помощью теста Рене Жиля и методики «Неоконченные предложения», где применялась модифицированная обработка результатов. В статье делаются выводы о низком уровне развития ценностного отношения к сверстникам у воспитанников детского дома, а также об эффективности внедрения коррекционно-развивающей программы в условия детского дома с точки зрения развития ценностно-смысловой сферы личности его воспитанников. Результаты экспериментального исследования могут быть полезны педагогам-психологам, социальным педагогам, учителям начальных классов.

Для цитирования: Холодкова О. Г., Панфилова С. Д. Развитие ценностного отношения к себе и сверстникам у младших школьников, воспитывающихся в условиях детского дома и массовой школы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 137 – 142. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-137-142.

Современное общество динамично и находится в постоянном прогрессивном или регрессивном развитии. В связи с этим деятельность педагогов в условиях разных институтов социального воспитания должна быть направлена не только на формирование личности, способной к саморазвитию и самореализации, но и на воспитание у данной личности положительных ценностных приоритетов, способности противостоять неодобрительным социальным явлениям. Поэтому проблемы воспитания и социализации детей целесообразно рассматривать в тесной связи с развитием ценностных ориентаций и отношений. Развитие ценностных ориентиров как базовых показателей личностного развития происходит в процессе социализации и индивидуализации параллельно с осознанием растущим человеком самого себя, своих способностей, возможностей, перспектив, при условии умения и стремления выражать собственные предпочтения [1]. Человек, умеющий хорошо понимать себя, распознавать свои чувства и эмоции, легко сможет понять и другого, «встать на его место», разделить с ним все тревоги и волнения, ощутить и почувствовать всю боль другого. Это становится возможным лишь в случае развития ценностного отношения человека к себе и окружающим людям.

Понятие «ценностное отношение» определяется в современной психологической науке через систему потенциаль-

ных и действительных ценностей человека как однонаправленное субъект-объектное отношение с учётом сферы значимости (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, Б. С. Волков, А. В. Кирьякова, Д. А. Леонтьев, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, В. А. Сластенин). А. В. Серый и М. С. Яницкий определяют ценностное отношение как отношение человека к наивысшим ценностям – человеку, жизни, обществу, труду, познанию, а также общепринятые человеческие качества, сформированные временем – совесть, свобода, справедливость [2].

Мы рассматриваем ценностное отношение как особое отношение, при котором связь субъектного «я» и объекта действительности понимается и оценивается на личностно-значимом уровне, когда происходит внутреннее принятие объекта как ценности, когда ощущение постоянной потребности в нём является показателем сформированного «устойчивого убеждения» [3].

Процесс развития ребенка наполнен ценностными отношениями. Они могут стать доминантой в развитии личности, но могут и не браться во внимание сознанием. Сформировать и развить в ребенке можно только то, что может стать для него ценностью; то, что является познанием данного объекта; то, что целенаправленно привлекает внимание. Только тогда ребенок станет относиться к себе, как к определенной ценности, когда научится ценить окружающих и окружающее вокруг себя.

В формировании ценностного отношения очень важно учитывать, что современный ребенок имеет принципиально новые условия и возможности жизни и деятельности, чем дети 20 – 30 лет назад. На ребенка, особенно в младшем школьном возрасте, «обрушивается» огромный поток информации, с которой самостоятельно он справиться не в силах. Он не способен еще делать выбор между полезной для себя информацией и ненужной. В связи с этим Д. И. Фельдштейн указывает на то, что в современном обществе у детей происходят реальные изменения, которые отражаются на недостаточной социальной компетентности у четверти детей этого возраста, и, соответственно, нарушают процесс формирования адекватных ценностных отношений и ориентаций [4].

В развитии ценностно-смысловой сферы личности ребенка психологи и педагоги как доминирующую, основополагающую признают роль семьи. По мнению Г. М. Андреевой, несмотря на то, что современная семья не может претендовать на ту роль, которую она играла в традиционных обществах («увеличение числа разводов, малодетность, ослабление традиционной позиции отца, трудовая занятость женщины»), ее роль в процессе формирования личности ребенка остается значимой [5, с. 284]. Семья для ребенка является первым и самым главным воспитательным институтом, первой школой формирования отношений с людьми. Именно благодаря семье у ребенка происходит знакомство с представлениями о добре и зле, порядочности, об уважительном отношении к материальным и духовным ценностям. Именно в семье дети учатся заботиться друг о друге, помогать друг другу, защищать друг друга, поддерживать в трудных и сложных жизненных ситуациях, благодаря чему у ребенка развиваются ценностные отношения и приоритеты.

В связи с изменившимися социально-экономическими условиями в нашей стране в последнее время, к сожалению, растет количество детей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Одной из неблагоприятных тенденций за последние десятилетия является увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей. Дети, оказавшиеся по разным причинам вне семьи – явление, противоречащее здоровому социуму [6].

Проблема социального сиротства сегодня связана с нарушением развития и воспитания детей из-за разрыва связей между поколениями и потерей традиционной системы ценностей в российском обществе. В особую «группу риска» при этом попадают младшие школьники, так как именно возраст является сензитивным для развития личности. Для развития ценностного отношения к себе, для становления полноценных отношений между воспитанником детского дома и сверстниками недостаточно простого наличия других детей. Е. Смирнова утверждает, что «...у детей из детского дома, имеющих неограниченные возможности общения друг с другом, но воспитывающихся в дефиците общения с взрослыми, контакты со сверстниками бедны, примитивны и однообразны. Эти дети, как правило, не способны к сопереживанию, взаимопомощи, самостоятельной организации содержательного общения. Для возникновения этих важнейших способностей необходима правильная, целенаправленная организация детского общения...» [7].

В связи с этим остро встает вопрос адекватного формирования ценностного отношения к себе у младших школьников, воспитывающихся в условиях детского дома.

Социальная значимость развития ценностного отношения к себе и окружающим людям у воспитанников детского дома всегда актуальна, так как ориентирована на общекультурные постоянные ценности и продиктована влиянием времени, ведь именно от ценностей общества зависит будущее этих детей. Проблемами выявления специфики условий, в которых воспитываются и развиваются дети в детских домах, занимались такие ученые, как Н. Н. Авдеева, Л. В. Байбородова, В. И. Дубровина, М. И. Лисина, А. А. Лиханов, Е. И. Морозова, А. М. Нечаева, А. М. Прихожан, М. И. Рожков, А. Г. Рузская, Л. К. Сидорова, Н. Н. Толстых, Т. И. Юферева. Тем не менее проблема развития ценностного отношения к себе и к сверстникам у воспитанников детских домов младшего школьного возраста нами рассматривается впервые.

Все исследования проблемы ценностей дают нам право утверждать, что формирование и развитие ценностных ориентаций способствуют гармоничному развитию личности. С их помощью люди способны контролировать и регулировать поведение, они являются связующим звеном между личностью и социумом. Ценности – самый важный компонент структуры личности. А. Г. Здравомыслов считает, что ценности являются связующим звеном между обществом, социальной средой и личностью, ее внутренним миром [8]. Ценностные ориентации вырабатывают в ребенке такие важные качества, как дисциплинированность, доброжелательность, вежливость, великодушие, внимательность, совесть, честность, самоотверженность и гуманность, позволяют активно вступать в межличностное взаимодействие, формируется способность к выражению собственного мнения и собственной точки зрения. Сформированная система ценностей является необходимым условием готовности к будущей самостоятельной жизни.

Развивая в себе определенные ценности, ценностные отношения, ребенок обретает смысл жизни, с помощью которого реализует себя в дальнейшем. Жизнь человека, лишенная смысла, не имеет ценности. Ребенок бездумно относится к своему здоровью – наркотики, курение, суицид, преобладает асоциальное поведение, выбор жизненного пути склоняется к аморальному. Поэтому, помогая ребенку развивать ценностное отношение к себе и окружающим, сверстникам, педагог помогает ему обрести себя, определить свой жизненный путь.

Существует тесная взаимосвязь между ценностным отношением ребенка к себе и к окружающим людям: развивая ценностное отношение к себе, мы создаем почву для развития у данного ребенка ценностного отношения к окружающим. Возможен и обратный путь, при котором развитое ценностное отношение к окружающим людям помогает более глубоко осознать ценностное отношение к себе.

В нашем исследовании мы попытались выявить уровень сформированности ценностного отношения к себе и сверстникам у младших школьников детских домов и массовых школ и апробировать коррекционно-развивающую психолого-педагогическую программу «Жить в мире с собой и друзьями» с целью повышения степени ком-

понентов рассматриваемых отношений у воспитанников детского дома младшего школьного возраста.

В исследовании приняли участие воспитанники младшего школьного возраста санаторного детского дома для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и учащиеся младшего школьного возраста средней общеобразовательной школы в количестве 75 человек.

На констатирующем этапе нами было проведено изучение исходных уровней отношений к себе и к сверстникам у младших школьников – воспитанников детского дома (экспериментальная группа) и у детей массовой школы (контрольная группа) с помощью проективной

методики «Незаконченные предложения» [9] и теста Рене Жиля по 6 шкале [10].

В таблице 1 для сравнения представлены данные по компоненту «ценностное отношение к себе» по методике «Незаконченные предложения» у обеих групп испытуемых.

Данные таблицы показывают, что ценностное отношение к себе более развито у детей массовой школы. Младшие школьники детского дома показали, в основном (53 %), нейтральное отношение к себе, что говорит о его несформированности.

Результаты исследования ценностного отношения к сверстникам у обеих категорий детей по методике «Незаконченные предложения» представлены в таблице 2.

Таблица 1. Сводная таблица результатов исследования ценностного отношения к себе у двух групп испытуемых
Table 1. Summary results of the research of two tested groups' axiological attitude to themselves

Тип отношения	Младшие школьники массовых школ	Младшие школьники детского дома
	кол-во (%)	кол-во (%)
Положительное	47	35
Нейтральное	47	53
Отрицательное	6	12

Таблица 2. Сводная таблица результатов исследования ценностного отношения к сверстникам у двух групп испытуемых
Table 2. Summary results of the research of two tested groups' attitude towards peers

Тип отношения	Младшие школьники массовых школ	Младших школьники детского дома
	кол-во (%)	кол-во (%)
Положительное	35	6
Нейтральное	59	59
Отрицательное	6	35

Сравнение данных, полученных в ходе исследования, дает нам право сделать вывод о том, что у воспитанников детского дома ценностное отношение к сверстникам развито на более низком уровне, чем у детей этого же возраста массовых школ. Полученные результаты представляются нам очень интересными в плане понимания взаимоотношений, которые складываются между детьми в детском доме. Несмотря на постоянный контакт друг с другом, сверстники не проявляют ценностное отношение к сверстникам, вероятно, из-за приоритетности ценностного отношения к взрослым, точнее, отсутствующим родителям.

Таблица 3 отражает результаты, полученные в ходе исследования ценностного отношения к другу (подруге) по тесту Рене Жиля (6 шкала).

Наши предыдущие данные были подтверждены результатами по тесту Рене Жиля. Действительно, отмечается крайне неблагоприятное отношение к сверстникам, как у младших школьников массовой школы, так и у воспитанников детского дома. Видимо, у учащихся первого класса еще не сформировано ценностное отношение к сверстникам – для них приоритетными остаются отношения с родителями, либо, как в случае с воспитанниками детского дома, с желаемыми родителями. Обобщенные

данные исследования ценностного отношения к сверстникам отражены в таблице 4.

Различия в результатах по двум методикам, полученные в ходе исследования, объясняются различиями в представлении диагностических методик. Тест «Неоконченные предложения» представляет собой вербальную форму, а тест Рене Жиля невербальную. На рассогласование представлений в вербальном и невербальном планах мы уже указывали в своих работах [11]. В словесных описаниях младшие школьники значительно чаще представляют гуманистические ценности, нежели в рисунках, соответственно, именно этим можно объяснить более высокий уровень ценностного отношения к сверстникам, который диагностировался с помощью вербальной методики «Неоконченные предложения». Сравнение данных, полученных в ходе исследования уровня сформированности ценностного отношения к сверстникам у младших школьников детского дома и детей массовых школ, дает нам право сделать вывод о том, что у воспитанников детского дома ценностное отношение к сверстникам развито на более низком уровне, чем у детей этого же возраста массовых школ. Это подтверждает полученное эмпирическое значение $\phi^*_{\text{эм}} = 2.277$ с вероятностью ошибки 0, 05 %.

Таблица 3. Ценностное отношение к другу (подруге) по тесту Рене Жиля
Table 3. Axiological attitude towards a friend according to Rene Zhilia's test

Тип отношения	Младшие школьники массовых школ	Младшие школьники детского дома
	кол-во (%)	кол-во (%)
Положительное	-	-
Нейтральное	6	6
Отрицательное	94	94

Таблица 4. Ценностное отношение к сверстникам по методике «Неоконченные предложения» и тесту Рене Жиля
Table 4. Axiological attitude towards peers according to "Unfinished sentences" and Rene Zhilia's tests

Тип отношения	Методика «Неоконченные предложения»		Тест Р. Жиля	
	младшие школьники массовых школ	младшие школьники детского дома	младшие школьники массовых школ	младшие школьники детского дома
Положительное	35	6	-	-
Нейтральное	59	59	6	6
Отрицательное	6	35	94	94

На этапе формирующего эксперимента нами внедрялась разработанная нами коррекционно-развивающая психолого-педагогическая программа «Жить в мире с собой и друзьями» с целью развития ценностного отношения к себе и сверстникам у младших школьников, воспитывающихся в детском доме. В качестве одной из основных задач реализации программы ставилось развитие личности, способной к полноценным содержательным взаимоотношениям со сверстниками и к гармоничной жизни с самим собой, способной к сопереживанию, взаимопомощи, самостоятельной организации содержательного общения.

Программа была рассчитана на 2,5 – 3 месяца. Продолжительность реализации программы 19 часов, из которых 1 час – вводное занятие (0,5 ч. – теория, 0,5 ч. – практика), 3 часа – теоретические занятия, 15 часов – практические занятия.

Основной формой проведения занятий была групповая деятельность. Поскольку именно групповое взаимодействие способствует принятию ценностей и потребностей других детей, помогает более позитивному саморазвитию. Использовались такие формы, как диагностика, психокоррекция, практические, наглядно-демонстрационные методы, методы ролевого моделирования типовых ситуаций, игровые, словесные (чтение сказок и их обсуждение), рисование, тренинги и психологические упражнения.

Учитывая специфику социально-психологических особенностей детей-сирот (недостаточная развитость коммуникативных навыков), в работе с детьми данной категории мы использовали упражнения, способствующие углублению позиций ценностного отношения к себе и сверстникам и более успешному овладению и закреплению данных качеств.

В ходе реализации программы участники экспериментальной группы имели возможность развивать и закреп-

лять знания о ценности человека, видах взаимоотношений между людьми, способах и путях выхода из конфликтных ситуаций, учились бесконфликтному общению.

В итоге дети обогащались социальным опытом ценностного отношения как к себе, так и к окружающим посредством наблюдения за поведением своих сверстников в упражнениях со стороны, имели возможность применить тот или иной навык положительного общения впервые, а также закрепить одобряемое поведение, сознательно избрав ту форму выражения отношений, которая считается ценностной и по отношению к другому человеку, и к себе лично.

После реализации коррекционно-развивающей психолого-педагогической программы «Жить в мире с собой и друзьями» с участниками экспериментальной группы была повторно проведена диагностика ценностного отношения к себе и сверстникам с помощью тех же проективных методик («Неоконченные предложения» и «Тест Р. Жиля»), что были нами использованы нами на констатирующем этапе эксперимента. Результаты сравнительного анализа данных на констатирующем и контрольном этапах эксперимента представлены в таблице 5.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод о том, что после реализации формирующего эксперимента наблюдается положительная динамика развития ценностного отношения к себе и к сверстникам младших школьников детского дома. Особо заметны положительные сдвиги в ценностном отношении к сверстникам. Возможно, именно осознание ценности дружбы, произошедшее в ходе проведения занятий, позволило детям по-другому взглянуть на своих сверстников, понять важность общения с другими детьми.

Таблица 5. Сводная таблица результатов изучения ценностного отношения к себе и сверстникам у воспитанников детского дома на 1 и 3 этапе эксперимента по тесту «Неоконченное предложение»

Table 5. Summary results of the research of orphanage children's axiological attitude to themselves on 1 and 3 stage of experiment according to "unfinished sentences" test

Тип отношения	Ценностное отношение к себе		Ценностное отношение к сверстникам	
	констатирующий этап (%)	контрольный этап (%)	констатирующий этап (%)	контрольный этап (%)
Положительное	35	65	6	53
Нейтральное	53	35	59	35
Отрицательное	12	-	35	12

Полученные в ходе контрольного эксперимента по тесту Рене Жиля также подтвердили изменение отношения к сверстникам. Таким образом, гипотеза о том, что развитие ценностного отношения к себе и к сверстникам у воспитанников детского дома младшего школьного возраста будет протекать успешнее, если организовать психолого-педагогическое сопровождение, составляющее систему взаимосвязанных, объединенных в цикл занятий, полностью подтвердилась.

Результаты выполненного нами исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Развитие ценностного отношения к себе и сверстникам у младших школьников, воспитывающихся в условиях детского дома, находится на более низком уровне, чем у детей данной возрастной категории массовой школы.

2. Подтвердилась гипотеза о том, что при организации специальных мероприятий, направленных на развитие ценностного отношения к себе и сверстникам у детей

младшего школьного возраста детского дома, развитие данных компонентов будет проходить успешнее, так как групповые занятия, на которых дети выполняют совместные действия, участвуют в различных видах деятельности, способствуют развитию данных компонентов.

3. Для развития ценностного отношения к сверстникам важно использовать действенные механизмы, способы и методы развития ценностного отношения, ими могут быть: рефлексия, обогащение словаря эмоций и чувств. Основным методом в развитии ценностного отношения мы считаем осознание ребенком своих переживаний, познание себя, своих чувств и эмоций, и сравнение их с другими. Детей следует учить распознавать свои эмоции и чувства, называть их, рассказывать о своих переживаниях, волнениях, состоянии, настроении и прислушиваться к своему внутреннему «Я», сравнивать свои внутренние ощущения с возможными внутренними ощущениями окружающих.

Литература

1. Милехин А. В. Актуальные проблемы социализации старшеклассников в образовательном учреждении // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 122 – 128.
2. Серый А. В., Яницкий М. . Ценностно-смысловая сфера личности: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. 92 с.
3. Холодкова О. Г. Становление ценностно-смысловой сферы личности младшего школьника: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 167 с.
4. Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 4. С. 3 – 12.
5. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1997. 375 с.
6. Кондратьев Ю. М. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер, 2005. 246 с.
7. Смирнова Е. О. Общение дошкольников со взрослыми и сверстниками: учебное пособие. М.: ЭКСМО, 2010. 283 с.
8. Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986. 222 с.
9. Лубовский Д. В. Применение диагностического комплекса проективного интервью в работе детского психолога-практика. М., 1992.
10. Осницкий А. К. Выявление проблем ребенка и родителей с помощью «фильм-теста» Рене Жиля // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 55 – 62.
11. Холодкова О. Г. Предпосылки и генезис стремления к самосовершенствованию как компонента психологической культуры младших школьников: дис. ... канд. психол. наук. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. 130 с.

THE DEVELOPMENT OF AXIOLOGICAL ATTITUDE TO THEMSELVES AND THEIR PEERS IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN FROM THE ORPHANAGE AND COMPREHENSIVE SCHOOL

Olga G. Kholodkova^{1, @1}, Svetlana D. Panfilova^{2, @2}

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodezhnaja St., Barnaul, Russia, 656031

² Talmensky Secondary School № 3, 17, street of 30 years VLKSM, Talmenka, Altai, Russia, 658033

@¹ holodkova.fnk@mail.ru

@² svetlanapanfilova2010@mail.ru

Received 14.09.2016.

Accepted 13.12.2016.

Keywords: value attitude to themselves and their peers, orphanage, primary school age, the dynamics of the valuable relationships forming experiment.

Abstract: The article features current problems of development of the axiological attitude to themselves and their peers in orphanage and comprehensive school pupils of primary school age. The possibilities of the development of the axiological attitude to themselves and their peers among orphans in specially-organized conditions are studied. The article summarizes the results of an experimental study of the dynamics of the valuable relation to themselves and their peers in the implementation of correctional and development program "Live in peace with each other and friends". Valuable relation to themselves and their peers was measured by the test method Rene Gilles and "incomplete sentences", which used a modified processing of the results. The paper draws conclusions about a low level of development of the axiological attitude to peers in orphans, as well as about the effectiveness of the implementation of correctional and development programs in orphanages in terms of the development of value-semantic sphere of the person. The results of experimental studies can be useful to teachers, psychologists, social workers, primary school teachers.

For citation: Kholodkova O. G., Panfilova S. D. Razvitie tsennostnogo otnosheniia k sebe i sverstnikam u mladshikh shkol'nikov, vospityvaiushchikhsia v usloviakh detskogo doma i massovoi shkoly [The Development of Axiological Attitude to Themselves and their Peers in Primary School Children from the Orphanage and Primary School]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 137 – 142. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-137-142.

References

1. Milekhin A. V. Aktual'nye problemy sotsializatsii starsheklassnikov v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Actual problems of socialization of senior pupils in educational institution]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, no. 3 (2011): 122 – 128.
2. Seryi A. V., Ianitskii M. S. *Tsennostno-smyslovaia sfera lichnosti* [Personal value-semantic sphere]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 1999, 92.
3. Kholodkova O. G. *Stanovlenie tsennostno-smyslovoi sfery lichnosti mladshago shkol'nika* [Formation of value-semantic sphere of primary schoolchildren]. Barnaul: AltGPU, 2015, 167.
4. Fel'dshtein D. I. Glubinnye izmeneniia sovremennogo detstva i obuslovlennaia imi aktualizatsiia psikhologo-pedagogicheskikh problem razvitiia obrazovaniia [Profound changes of modern childhood and the consequent updating of psycho-pedagogical problems of education]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniia = Vestnik practical educational psychology*, no. 4 (2011): 3 – 12.
5. Andreeva G. M. *Sotsial'naia psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press, 1997, 375.
6. Kondrat'ev Iu. M. *Sotsial'naia psikhologiya zakrytykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Social psychology of closed educational institutes]. Saint-Petersburg: Piter, 2005, 246.
7. Smirnova E. O. *Obshchenie doskol'nikov so vzroslymi i sverstnikami* [Communication of preschool children with adults and peers]. Moscow: EKSMO, 2010, 283.
8. Zdravomyslov A. G. *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti* [Needs, interests, values]. Moscow: Politizdat, 1986, 222.
9. Lubovskii D. V. *Primenenie diagnosticheskogo kompleksa proektivnogo interv'iu v rabote detskogo psikhologa-praktika* [The use of diagnostic complex of projective interview in work of applied child psychologist]. Moscow, 1992.
10. Osnitskii A. K. Vyivlenie problem rebenka i roditeli s pomoshch'iu «fil'm-testa» Rene Zhilia [Revealing problems of a child and parents with the help of Rene Zhilia's film test]. *Voprosy psikhologii = Issues of psychology*, no. 1 (1997): 55 – 62.
11. Kholodkova O. G. *Predposylki i genezis stremleniia k samovershenstvovaniu kak komponenta psikhologicheskoi kul'tury mladshikh shkol'nikov*. Diss. kand. psikhol. nauk [Suppositions and genesis of self-actualization as a component of primary schoolchildren's psychological culture. Cand. Dr. psychol. Sci. Diss.]. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2000, 130.

УДК 82

ДИНАМИКА КОСТЮМА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Наиля М. Абиева^{1, @}

¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
@aceloti@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.08.2016.
Принята к печати 08.11.2016.

Ключевые слова: А. П. Чехов, костюм, поэтика, подтекст, интертекст, мотив.

Аннотация: Статья обращена к поэтике костюма в прозе А. П. Чехова. Мало изученная в данном аспекте проза дает обширный материал для исследования, чем и обусловлена актуальность статьи. Автор показывает, как в сюжетах анекдотического плана костюм одномерен и репрезентируется как характерологическая («Раз в год»), «метафизическая» («Начальник станции»), психологически нагруженная деталь («Муж»). Динамика костюма обозначается в изменении его семантики и функций. Романтическая шаль в рассказе «Скверная история (нечто романообразное)» включает в себе свернутый анекдотический сюжет о пагубности «книжных» представлений о жизни. Интертекстуальная деталь не позволяет превратить сюжет в пародию («Зеленая коса»). Метаморфозы переодевающихся персонажей переворачивают архетипический сюжет («Живой товар»). В более поздней прозе наблюдается усложнение функций костюма: в повести «Моя жизнь» костюм, существуя в сложном сплетении визуального, акустического, тактильного, ольфакторного, прочерчивает сюжет в игре текста с подтекстом.

Для цитирования: Абиева Н. М. Динамика костюма в прозе А. П. Чехова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 143 – 147. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-143-147.

Поэтика костюма персонажей в литературе на сегодняшний день – один из малоисследованных аспектов, несмотря на возрастающий интерес к кодам повседневности. В прозе А. П. Чехова костюм мало изучен и рассматривался лишь в некоторых работах 70 – 90 гг. (И. Н. Сухих [1], Е. С. Добин [2], А. В. Кубасов [3]), а также в исследованиях последних лет (Н. Иванова [4], Г. П. Козубовская и О. А. Илюшникова [5], И. А. Манкевич [6] и др.). Теме чеховской моды посвящен сборник «Чеховские чтения в Ялте» [7]. Несмотря на интерес ученых к данной вопросу, системного изучения поэтики костюма в прозе А. П. Чехова пока нет.

Как отмечает А. П. Чудаков [8], обстоятельно исследовавший предметный мир чеховской прозы, детали и подробности имеют более расширенный смысл, чем в литературной традиции, когда одежда, внешний облик и др. являлись лишь средством характеристики персонажа. Цель нашего исследования – рассмотреть костюмные характеристики чеховских персонажей в аспекте их функционирования в сюжете произведения; показать, как по ходу развертывания сюжета костюмные зарисовки меняют свою семантику и приобретают дополнительные смысловые значения. Указанный аспект не привлекал внимания чеховедов.

Отбор текстов обусловлен ролью костюма в сюжете: в ранней прозе (1882 – 1886 гг.) костюм выполняет лишь одну художественную функцию, в повести поздней прозы меняется принцип визуализации (1896 г.), и функции костюма складываются в многомерный комплекс. Отсюда,

на наш взгляд, целесообразно использование термина «динамика костюма» т. к. нарратологический аспект позволяет проследить движение семантики от одномерности в ранних рассказах к комплексности в позднем тексте.

Все персонажи рассказа «Раз в год» (1883) наделены *характерологической* деталью: швейцар Марк одет в ливрею, изъеденную молью, княжна-хозяйка трехоконного домика, «в белом кисейном платье с розой, приколотой к ее тощей груди» [9, с. 135], и племянник Жан, которого Марк уговаривает за деньги и бутылку спиртного нанести визит к тетюшке.

Детали, распределенные по тексту, образуют «двойной смысловой ряд»: наряду Марка, комическому и драматическому одновременно («Марк надевает свою шляпу с галунами, долго торгуется с извозчиком и едет к племяннику» [9, с. 136]), зеркален фрак Жана. Переодевание Жана – это шутовство, разыгрываемое в результате торга.

Старая княжна, напрасно ожидающая прихода гостей с визитом вежливости, как в былые времена, существует в полярности ипостасей – «старая девка» и «тетюшка» (определения, принадлежащие Жану). «Белое платье» и «роза» в контексте рассказа указывают на архетипический мотив умирания/воскресения, а также это знаки скрещивания двух рядов – комического и драматического. Так, две детали тетюшкиного наряда сосредотачивают на себе сюжет.

В рассказе «Начальник станции» (1883) скандальный сюжет обрамляется деталью – фуражкой: Степан Степаныч Шептунов, начальник станции «Дребезги», «потерял

свою новую форменную фуражку и веру в человечество» [9, с. 272]. Анекдотическая ситуация: муж – жена – любовник (Шептунов на свидании с чужой женой) поначалу укладывается в жанровый канон, где появление мужа предваряют две детали – палка и сапог, нависшие над любовником. Однако ситуация разрешается совершенно неожиданно – «обманутый» муж требует у любовника денег. Смысл «карательных» атрибутов переворачивается (сапог перестает быть символом мужской силы), «потерянная фуражка», превращаясь в метафору (фуражка – голова), возвышается до «метафизической» детали: Шептунов на следующий день «...не нашел своей форменной фуражки и одного погона. Ему и до сих пор совестно» [9, с. 272].

В рассказе «Муж» (1886) семантика бального платья с корсетом, надетого по случаю прибытия в город полка военных, неоднозначна. Она формируется скрещающимися точками зрения: акцизного Шаликова раздражает его жена, Анна Павловна, которую платье с корсетом возвращает в прошлое, когда, будучи институткой, она танцевала и мечтала о роскошной веселой жизни: «...напудрилась, завилась, корсет надела!» [10, с. 244]. В сюжете нарастающая символика корсета придает ему смысл *психологически нагруженной детали*: «корсет» – знак распушенности в глазах мужа (в самом начале рассказа подчеркивается специфическая оптика Шаликова: жена «затянутая») – превращается в символ несвободы. В «корсете» – опредмеченная злоба мужа (он хотел вернуться в клуб и всем насолить), желание маленького человека подчинить своей власти весь мир.

В рассказе «Скверная история (нечто романообразное)» (1882) описание костюма главной героини Лели редуцировано вплоть до финальной сцены, но внимание заострено на деталях одежды художника, ее потенциального жениха. В глазах Лели Ногтев необычный юноша: «У него длинные волосы, эспаньолка, есть золотая палитра на часовой цепочке, золотые палитры вместо запонок, перчатки до локтей и неимоверно высокие каблуки» [11, с. 216]. Портрет Ногтева двойится: Чехов, наделяя его традиционными внешними признаками романтика – артистической личности – вкрапляет иронические замечания, напоминающие ремарки в сторону, корректируя восхищение героини, она отмечает, что Марк ничего не пишет, хоть и художник: «Малый добрый, но глупый, как гусь» [11, с. 216]. Упоминание одного из атрибутов художника в его брожениях под окнами Лели оригинально комментируется: «На четвертый был дождь, и его под окнами не было. (Ногтева убедил кто-то, что к его фигуре не идет зонтик)» [11, с. 217]. Ирония получает продолжение в описании пожитков Ногтева, приглашенного погостить в доме Асловских: они «состояли из ненужного ящика с красками, жилетки-пике, пустого портсигара и двух сорочек» [11, с. 216].

Ожидание торжественного момента сопровождается поведением гостей, всюду пользующихся гостеприимством хозяев (кроме Ногтева, приехали брат Иван и поручик Набрыдлов).

Ситуация объяснения, театрально моделируемая Лелей, обрамлена романтической шалью: сидя на скамье, она куталась в шаль и задумчиво глядела. Торжествен-

ность ожидаемого события несколько снижается едкими замечаниями автора: «Да, редкая ночь! – сказала Леля и, извиваясь змеей, съезжилась в шали и полужакрыла глаза. (Молодцы женщины по части амурных деталей, страсть, какие молодцы!)» [11, с. 222]. В пространстве пародийно представленного романтического пейзажа с соловьями и неизменной луной, ситуация получает логическое завершение: вместо ожидаемого предложения руки и сердца Ногтев предлагает ей стать натурщицей. Так, шаль как романтический атрибут, меняя свою семантику, превращается в свою противоположность – становится *символом анекдотичности*: «романообразные» события заканчиваются «скверной историей».

Повесть «Зеленая коса» (1882) насыщена костюмными зарисовками. Персонажи, окружающие Олю, дочь хозяйки имения, стремятся спасти ее от свадьбы с назначенным ей женихом, пытаются расстроить ход торжества.

Контрастные детали высвечивают в торжественном вечере помолвки элементы карнавальности. С одной стороны, строгий и серьезный тон события задает княгиня, приказывая явиться гостям во всем черном, в белых галстуках с перчатками. С другой стороны, разыгранное самоубийство Егорова на фоне празднества – это фарс.

Указанная деталь – «маленькие башмачки» Оли, выполняет двойную функцию: во-первых, это знак скрытых чувств, высвобождающихся наружу, во-вторых, деталь имеет интертекстуальную отсылку к «Евгению Онегину» Пушкина [12]: сравнение Оли с Терпсихорой, и указание на маленький башмачок рифмуются с образом Татьяны Лариной в эпизоде сна. Так, деталь указывает на карнавальность события, а торжество, как сон, становится профанным.

Еще одна параллель к сну Татьяны в пушкинском романе – эпизод в беседке, где поручик «лез ежесекундно целоваться и в то же время отворачивал в сторону свой рот, боясь, чтобы Оля не почуяла водочного запаха» [11, с. 170] – обыгран в пародийном ключе.

Интертекстуальная деталь приобретает особую функцию, – формируя объемность текста, не позволяет полностью свести повествование к пародии.

В рассказе «Живой товар» (1882) мотив переодевания – основа сюжета. Смена облика как смена костюма сопровождает коллизии сюжета.

Уже в завязке (она типично анекдотическая: муж Бугров застаёт жену Лизу с любовником Грохольским) очевиден контраст мужа и любовника. Детали костюма Грохольского характеризуют его нерешительность и трусость («... мямлю свою дорогую шляпу. Сюртук болтался на нем, как на вешалке» [11, с. 361]). Слабохарактерность Грохольского выражается в неорганичности костюма.

Бугров – «в чиновничьем вицмундире» [11, с. 360] – скучный и ничем не интересный человек. Бугров в вицмундире – блюститель нравственности. Однако образ «правильного» мужа разрушается, как только Грохольский предлагает ему некую сумму денег.

Архетипический мотив продажи души дьяволу у Чехова переигран: «дьявол» Грохольский вынужден далее каждый раз отбиваться от Бугрова, периодически проматывающего полученные суммы; а искушаемый Бугров неожиданно обретает человечность, проявляя широту натуры.

Сюжет обрамлен калейдоскопом сменяющихся обликов новоиспеченного богача: «Костюм свеженький, прямо с иголки, из французского трико, самый наимоднейший, облекал его большое тело, ничего доселе не носившее, кроме обыкновенного вицмундира. На ногах блестели полуштилеты с сверкающими пряжками» [11, с. 365]. Бугров, примерив на себя облик денди, чувствует себя не в своей тарелке, стыдясь себя в новом облике. «Блестящее», «сверкающее» – точка зрения Лизы – таят в себе существующие в подтексте смыслы.

Новая блестящая оболочка Бугрова – источник фантастических лизиних сюжетов, смоделированных этим обликом: это таинственный господин в цилиндре, обладающий шармом и загадочной притягательностью. И в шикарном домашнем и в «выходном» костюмах – повторяющийся мотив блеска (блестящие брелоки и ботфорты). Не случаен глагол «он поразил», передающий ее восхищение.

Для Бугрова это не последняя смена облика, и сюжет набирает все больший водевильный оборот, когда появляются две француженки, с которыми он предается веселью, вызывая зависть Лизы и ее желание быть с ними.

Видение Лизы корректируется точкой зрения Грохольского. Визит Грохольского в апартаменты соперника открывает завесу: контраст богатства, роскоши интерьера, дорогих вещей с царившим беспорядком выдает плачевное положение хозяина и иллюзорность богатства. Бугров предстает непричесанным, в дезабилье. Потерянный лоск – свидетельство опустившегося человека (промотал все деньги, ударил маленького сына, неприлично себя ведет). Вновь совершается акт продажи: Бугров принимает в дар имение Грохольского в обмен на свободу Лизы.

Закономерны, в конечном счете, изменения Грохольского и Лизы: превращение их в тени. Метаморфозы переодевания героев переворачивают архетипический сюжет: обездушенные «дьявол» Грохольский, торгующий женской свободой, и «живой товар» Лиза, мечущаяся между мужем и любовником – лишены человеческого облика.

В повести «Моя жизнь» (1896) костюм заключает в себе сложный комплекс «визуального», «акустического», «ольфакторного», «тактильного».

Очарование Мисаила Машей Должиковой связано с ее недостижимостью, что подчеркнуто манерой одеваться: «столичная штучка», одетая в парижский наряд. Одетая по последней моде, она буквально сводит с ума Мисаила: «Она ушла в читальню, шурша платьем, а я, придя домой, долго не мог уснуть» [13, с. 226]. *Акустический эффект* («шуршащее платье») передает переживания, непередаваемые на обычный язык.

В развитии сюжета это получает продолжение. Предельное состояние влюбленности в Машу – переживание, подобное смерти/воскресению, – такова сила акустического эффекта невидимой наготы: «Когда она кричала мне из другой комнаты, что она не одета, и просила подождать, я слышал, как она одевалась; это волновало меня...» [13, с. 239].

Эффект визуализации, основанный на психологии влюбленного, не обходится без поэтизации и идеализации: «А когда я видел на улице, хотя бы издали, женскую фигуру, то непременно сравнивал; мне казалось тогда,

что все наши женщины и девушки вульгарны, нелепо одеты, <...> Мария Викторовна лучше всех!» [13, с. 239].

Красивая, изящная, модно одетая Маша ассоциируется с розой (на ее фоне даже Анюта Благово казалась диким шиповником), но «роза» эта, как окажется далее, приносит боль, это обыгрывается *тактильным эффектом* в сцене неожиданного объяснения, за которым последовало семейное счастье: булавка на шапке царапает щеку Мисаила во время объятия и поцелуя.

Эффект визуализации включает колористический элемент. «Серым» очерчен сюжет: любовный роман обрамлен «серым платьем», сопрягающим «начала» и «концы». В милом домашнем сером платье Маша встретила пришедшего в их дом Мисаила («зооморфное» – ее прическа с «собачьими ушами» – пока остается нейтральным). К финалу «любовного романа» серый цвет становится опознавательным знаком возвращения в «семейный клан Должиковых» и предстоящего разрыва: рассматривая привезенные из города новые иллюстрированные журналы, она «серьезно и внимательно» остановилась на сером платье на иллюстрации. Это «серое пятно» – знак отдаления супругов друг от друга, еще не ощутимое Мисаилом, который продолжает ей восхищаться: «И глядя с умилением на платье, любуюсь этим серым пятном только потому, что оно ей понравилось...» [13, с. 261]. «Серое пятно» – точка, с которой начинается обратный отсчет: «Мне опять попала модная картинка с платьем, которое ей понравилось, и я вообразил себе ее на балу с веером, с голыми плечами, блестящую, роскошную, знающую толк и в музыке, и в живописи, и в литературе, и какую маленькую, короткую показала мне моя роль!» [13, с. 262].

«Негативное» нарастает впечатлением театральности. В ее одежде «простое» (шерстяное платье, косынка, зонтик) сосуществует с «заграничным» (дорогие ботинки), она кажется Мисаилу актрисой. Затем скрытой депозитизацией: «Жена в коротком полушубке, в высоких, мужских калошах, показывалась раза два в день...» [13, с. 245 – 246]. Наконец, полное отчуждение выражается в неузнаваемости и впечатлении неорганичности наряда: «...к роялю подошла моя Маша, разодетая, красивая, но красивая как-то особенно, совсем не похожая на ту Машу, которая весной приходила ко мне...» [13, с. 264], а примешавшиеся гастрономические ощущения («...пока она пела, мне казалось, что я ем дыню» [13, с. 264]) усиливают депозитизацию.

«Случайное», закравшееся в общее впечатление красоты и изящества (в выражении лица было что-то ямщицкое, при своей красоте она выглядела старше своих лет), – поначалу кажется диссонансом. Точка зрения Мисаила осложняется поздними вкраплениями: это оптика Мисаила, уже пережившего любовную драму и узнавшего цену этой привязанности.

«Ямщицкое» в облике Маши – опредмеченная затаенная эмоция, вырвавшаяся из глубины души Мисаила. «Ямщицкое» сосуществует с «птичьим»: «...она улыбалась очень довольная, играя глазами, перелистывая ноты, поправляя на себе платье, точно птица, которая вырвалась, наконец, из клетки ...» [13, с. 264]. В «птичьем» – пересечение точек зрения: здесь таятся обретение свободы Машей и утрата души Мисаилом.

Параллельно переживаемой драме Мисаила в сюжете присутствует Анюта Благово, прошедшая мимо, оставшаяся неосязаемой. По запаху духов Мисаил распознает добрую фею, приславшую в подарок мягкий вязаный шарф, от которого пахло ландышами. Наряд находящейся рядом Анюты – в духе ее существования – в шляпке под вуалью она неосязаема. Это невидимая, неуловимая душа-Психея, страшаясь общественного мнения, отсюда и ее ускользаемость: Анюта всегда внезапно появляется и исчезает.

Нарротологический аспект рассмотрения костюма позволяют говорить о его динамике – изменениях семантики и функций. Детали – характерологическая, удерживающая сюжет («Раз в год»), «метафизическая», обрамляющая сюжет («Начальник станции»), психологически нагруженная деталь, приобретающая статус

символа («Муж»), – разрушают одномерность костюма. Романтическая шаль в рассказе «Скверная история (не-что романообразное)» заключает в себе свернутый анекдотический сюжет о пагубности «книжных» представлений о жизни. Интертекстуальная деталь («Зеленая коса») не позволяет превратить сюжет в пародию, метаморфозы переодевающихся персонажей переворачивают архетипический сюжет («Живой товар»). В поздней прозе наблюдается усложнение функций костюма: в повести «Моя жизнь» костюм, существуя в сложном сплетении визуального, акустического, тактильного, ольфакторного, прочерчивает сюжет в игре текста с подтекстом.

Литература

1. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, 1987. 180 с.
2. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. СПб.: Советский писатель, 1981. 495 с.
3. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.
4. Иванова Н. Ф. О Чехове и дамской моде // Нева. 2010. № 1. С. 193 – 203.
5. Козубовская Г. П., Илюшников О. А. Проза А. П. Чехова: костюм и поэтика повтора // А. П. Чехов: варианты интерпретации: сборник научных статей. Вып. I / под ред. Г. П. Козубовской и В. Ф. Стениной. (Серия: Лицей). Барнаул: БГПУ, 2007. С. 68 – 82.
6. Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного. Опыт культурологической интерпретации. СПб.: Алетейя, 2011. 712 с.
7. Чеховские чтения в Ялте. Вып. 13. Мир Чехова: мода, ритуал, миф: сб. науч. тр. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Симферополь: Доля, 2009. 368 с.
8. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, 2016. 704 с.
9. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. II / текст подгот. и примеч. сост. Л. М. Долотова, Л. Д. Опульская, А. П. Чудаков; ред. тома А. С. Мясников. М., 1975. 584 с.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. V / текст подгот. и примеч. сост. А. Л. Гришунин, Э. А. Полоцкая, В. М. Родионова, И. Ю. Твердохлебов; ред. тома Г. А. Бялый. М., 1976. 704 с.
11. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. I / текст подгот. и примеч. сост. М. П. Громов; ред. тома Н. Ф. Бельчиков. М., 1974. 608 с.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М.: АН СССР, 1978. 527 с.
13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. IX / текст подгот. и примеч. сост. А. Л. Гришунин, Т. И. Орнатская, Э. А. Полоцкая; ред. тома А. С. Мясников. М., 1977. 544 с.

DYNAMICS OF THE COSTUME IN CHEKHOV'S PROSE

Nailya M. Abieva^{1, @}

¹Altay State Pedagogical University, 55, Molodezhnaja St., Barnaul, Russia, 656031
@aceloti@yandex.ru

Received 02.08.2016.

Accepted 08.11.2016.

Keywords: A. P. Chekhov, the costume, poetics, subtext, intertext, motive.

Abstract: The article is addressed to the poetics of costume in Chekhov's prose. This aspect of prose has not been studied and gives material for research, which adds relevance to the article. The author shows how in anecdotal plots the costume is represented as a characterological ("Once a year"), "metaphysical" ("The Station") and psychologically stressed detail ("Man"). Dynamics of the costume is indicated by a change in its semantics and functions. The romantic shawl in "The disgraceful story (something like a novel)" encompasses a coiled story about the peril of a "bookish" concept of life. The metamorphoses of the characters changing their clothes turn an archetypal plot upside down ("Living Goods"). Intertextuality item allows you to turn the story into a parody ("Green Spit"). In Chekhov's later prose a complication of costume features can be observed: in the novel "My Life" the costume, while existing in a tangle complex of the visual, the acoustic, the tactile and the olfactory, traces the story in the interplay of text overtones.

For citation: Abieva N. M. Dinamika kostiuma v proze A. P. Chekhova [Dynamics of the Costume in Chekhov's Prose]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 143 – 147. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-143-147.

References

1. Sukhikh I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Problems of Chekhov's poetics]. Saint-Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. A. Zhdanova, 1987, 180.
2. Dobin E. S. *Siuzhet i deistvitel'nost'. Iskusstvo detali* [Plot and reality. Details art]. Saint-Petersburg: Sovetskii pisatel', 1981, 495.
3. Kudasov A. V. *Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii* [Chekhov's prose: art stylization]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1998, 399.
4. Ivanova N. F. O Chekhove i damskoi mode [Chekhov and ladies' fashion]. *Neva = Neva*, no. 1 (2010): 193 – 203.
5. Kozubovskaia G. P., Iliushnikova O. A. Proza A. P. Chekhova: kostium i poetika povtora [Prose by A. P. Chekhov: costume and the poetics of repetition]. *A. P. Chekhov: varianty interpretatsii* [Chekhov: options interpretations]. Ed. Kozubovskaia G. P., Stenina V. F. Barnaul: BGPU, iss. I (2007): 68 – 82.
6. Mankevich I. A. *Poetika obyknovennogo. Opyt kul'turologicheskoi interpretatsii* [The poetics of the ordinary]. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2011, 712.
7. *Chekhovskie chteniia v Ialte: vyp. 13. Mir Chekhova: moda, ritual, mif* [Read Chekhov in Yalta: Iss. 13. Chekhov's world: fashion, ritual, myth]. Simferopol': Dolia, 2009, 368.
8. Chudakov A. P. *Poetika Chekhova. Mir Chekhova: vzniknovenie i utverzhdenie* [Poetics of Chekhov. Chekhov's world: the emergence and adoption]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2016, 704.
9. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Collected Works by Chekhov A. P.]. Ed. Miasnikov A. S. Moscow, vol. 2 (1975): 584.
10. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Collected Works by Chekhov A. P.]. Ed. Bialyi G. A. Moscow, vol. 5 (1976): 704.
11. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Collected Works by Chekhov A. P.]. Ed. Bel'chikov N. F. Moscow, vol. 1 (1974): 608.
12. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works by Pushkin A. S.]. Moscow: AN SSSR, vol. 5 (1978): 527.
13. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Collected Works by Chekhov A. P.]. Ed. Miasnikov A. S. Moscow, vol. 9 (1977): 544.

УДК 81' 23

ДЕТСКИЙ ВОПРОС КАК ФОРМА ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Татьяна А. Гридина^{1, @}

¹ Уральский государственный педагогический университет, Россия, 620017, г. Екатеринбург, ул. Космонавтов, 26
@ tatyana_gridina@mail.ru

Поступила в редакцию 08.02.2016.
Принята к печати 14.12.2016.

Ключевые слова: лингвокреативное мышление, метаязыковая рефлексия, детская речь, языковая игра

Аннотация: Предметом рассмотрения в статье является специфика метаязыковой рефлексии в детской речи. Анализу подвергается лингвокреативная природа детских вопросов, транслирующих особенности образа мира ребенка и характер обработки языковой информации в свете сформированных когнитивных. Метаязыковая рефлексия характеризуется как одна из естественно складывающихся стратегий усвоения языка в онтогенезе, проявляющая аналитический инстинкт и познавательную активность ребенка. Цель исследования – выявление уникальности детских инноваций, связанных с рефлексией над их формой и содержанием, в плане ассоциативной и функциональной наполняемости. В качестве основного метода использовался дискурсивный анализ метаязыковых высказываний, зафиксированных в спонтанной речи детей в форме вопроса. Особо акцентируется взаимозависимость компенсаторной и преднамеренной креативности ребенка, проявляющей его способность к осознанному нарушению языкового канона. Метаязыковая составляющая детского вопроса дает возможность оценить креативность речевого действия ребенка в терминах беглости, гибкости, оригинальности. Разграничиваются детские вопросы, касающиеся логики вещей и логики языковых номинаций, устанавливается их корреляция. Проведенный анализ позволяет выделить следующие функции метаязыковой рефлексии в формировании языковой личности: 1) развитие лингвокреативных способностей в области «прочтения» мотивационной формы слова и применения выведенных алгоритмов в словотворческой деятельности; 2) выражение ребенком собственной уникальности в восприятии аспектов окружающего мира и перерабатываемой языковой информации; 3) моделирующая функция в формировании динамических подсистем детской речи, позволяющих ребенку реализовать свои коммуникативные и номинативные потребности.

Для цитирования: Гридина Т. А. Детский вопрос как форма лингвокреативного мышления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 148 – 153. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-148-153.

Одной из важных составляющих процесса познания языка ребенком является творческая деятельность, связанная с «комбинирующей способностью нашего мозга» [1], способностью создавать нечто новое на базе уже известного. Инновации детской речи – уникальный феномен, в основе которого лежит ассоциативная обработка уже усвоенных единиц языка и «выведение» алгоритмов их порождения, что позволяет увидеть механизмы лингвокреативного (ассоциативного) мышления ребенка в «действии».

Ассоциативная сфера детского языкового сознания транслирует особенности картины (образа) мира ребенка. В качестве одной из ментальных доминант, формирующих языковую личность ребенка, выступает метаязыковая рефлексия, позволяющая детям постигать механизмы и выводить собственную «логику» формо-, слово- и смыслообразования в опоре на конкретные «образцы» и системно заданные модели. Метаязыковое «мышление» проявляется в разных формах и соответствует когнитивному запросу ребенка, его речевому опыту, уровню интеллектуального развития и связано с осознанием детьми разных аспектов речи, которые становятся доступными для понимания в разные возрастные периоды. Одним из наиболее актуальных для детей видов рефлексии явля-

ется «прояснение» внутренней формы наименования. Рассматривая рефлексивную деятельность как процесс, выводящий бессознательные, «глубинные», автоматизированные механизмы мышления на сознательный, «вершинный» уровень, Л. С. Выготский подчеркивает, что «...ребенок с помощью собственной речи понимает себя иначе, чем с помощью той же речи понимает взрослого» [2, с. 374]. Таким образом, языковая рефлексия является особым видом интеллектуальной деятельности ребенка, механизм действия которой отличается от рефлексивного мышления взрослых. Для ребенка этот срез восприятия языка составляет необходимую аналитическую базу ремотивации и реноминации («коррекции» существующих наименований) и собственной «продуктивной» деятельности (создания новых слов и форм по аналогии). Рефлексивная метаязыковая деятельность ребенка проявляется в многочисленных суждениях и вопросах, касающихся структуры и содержания словесных знаков и высвечивающих «сверхнаивную» (термин Н. И. Лепской [3]) картину мира ребенка, которая «...структурирована в соответствии с системой ценностей и базовыми мотивами индивида, отражает его когнитивные и психологические характеристики» [4]. Рассмотрение природы метаязыко-

вой рефлексии, выраженной в форме детских вопросов, представляется весьма показательным не только для исследования взаимодействия когнитивной и собственно языковой информации в освоении ребенком картины мира, но и для выявления лингвокреативной сущности данного феномена. Эта лингвокреативная сущность детского вопроса может быть сформулирована в терминах *беглости*, *гибкости* и *оригинальности* как основных показателей творческого «решения» нестандартной задачи [5]. *Беглость* выражается в количестве выдвигаемых ребенком версий относительно значения или мотивированности слова; *гибкость* – в разнообразии этих версий (способности взглянуть на объект номинации с разных сторон), *оригинальность* – в способности к установлению отдаленных ассоциаций, задающих неожиданный ракурс семантизации и модификации слова. (Прим. автора: приведенные в статье примеры сопровождаются соответствующей ссылкой на источник; отсутствие паспортизации означает, что пример извлечен из спонтанной речи ребенка). Особенностью детских вопросов является то, что они в какой-то степени самодостаточны. Ребенок чаще всего сам себе и отвечает или «предлагает» собеседнику (взрослому, к которому обращен вопрос) собственную версию ответа: – *А почему черемуха так называется, потому что ее мухи любят?* (4 г.) – случай ложной этимологизации // – *Интересно, почему вареники так называются? Потому что их варят или потому что в них варенье?* (Валя, 7 л.) – двойственная (альтернативная) мотивация (сближение родственных слов) // – *Если есть ежевика, то может быть и ежексюша* (Ксюша, 7 л.) – намеренно игровая реноминация (в слове *ежевика* девочка «услышала» имя *Вика*; в шутку придумала название несуществующей ягоды, заменив сегмент *вика* на свое имя – Ксюша). Та же девочка в возрасте 11 л. использует похожий прием применительно к названию на с. п. **Рублевка**: – *В России – Рублевка, а в Америке как это названо будет – Долларовка?* (ложная этимология топонима *Рублевка* и ассоциативная связь *рубль* – *доллар* как названий американской и русской «валют» определяют характер игровой реноминации).

Как видно даже из этих немногих примеров, мотивационная рефлексия детей над фактами языка принимает форму коррекции существующего наименования в свете актуальных для ребенка представлений об обозначаемом, выступает в виде вопроса-гипотезы о «происхождении» наименования и/или служит основой для создания новой номинации и может приобретать характер языковой игры.

Условно можно разбить все детские вопросы (суждения) на две группы: 1) вопросы (суждения), касающиеся логики вещей; 2) вопросы (суждения), касающиеся собственно логики наименования.

В первом случае ребенок пытается выразить свое знание о мире, прибегнув к помощи языка, во втором случае объектом рефлексии (внимания ребенка) становится сама языковая техника (ребенок с позиций накопленного познавательного опыта пытается найти в самом названии предмета объяснение его свойств).

В «Словаре детской речи» В. К. Харченко [6] зафиксирован целый ряд детских вопросов, которые, казалось бы, не имеют отношения к языку. Однако эта связь косвенно прослеживается в самой процедуре «логического вывода», который делается ребенком как на основе «предметных эталонов» восприятия значений слов, так и на основе усвоенных языковых клише (выражений):

– *Они (балерины) вообще мало едят. А когда балеринам есть дают, чтоб они не умерли?* (5 л. 6 м.). Данный вопрос свидетельствует о том, что в применении к характеристике балерины в сознании ребенка актуализирована периферийная, хотя и достаточно стереотипная ассоциативная связь признаков «худоба» (стройность) и «мало есть». Достраивание этой ассоциативной цепочки («не есть – умереть») вызывает у ребенка предположение о том, что балерин кормят чем-то особым. // – *А почему тебе 38 лет, а ты не видела шаровую молнию?* (7 л. 6 м.). Вопрос отражает логику установления причинно-следственных связей (чем старше человек, тем он больше видел) в сочетании с неразличением закономерного и случайного в «пересечении» (взаимодействии) человека с миром природы. Шаровая молния – редкое природное явление, увидеть которое можно только по воле случая, кажется ребенку **обязательным** «атрибутом» взрослого опыта. // – *А в микроскоп увидишь, что земля круглая?* (5 л. 6 м.). Этот вопрос обусловлен представлением о микроскопе как приборе, позволяющем рассмотреть то, что невозможно увидеть невооруженным глазом. При этом не учитывается («игнорируется») тот факт, что микроскоп предназначен для разглядывания только мелких (микроскопических) предметов; предположение о возможности увидеть в микроскоп круглую форму Земли вызвано недостаточностью познавательного и речевого опыта ребенка (непониманием того, что Землю можно увидеть, только находясь вне ее, а также расширением значения слова *микроскоп* – приписыванием ему функции, по меньшей мере, *телескопа*, о существовании которого ребенку, по-видимому, ничего неизвестно или он не знает самого слова). // – *А купе как ванная, с двух сторон на шпингалеты закрывается?* (7 л. 2 м.). Сравнение не сопоставимых по функции «объектов» (*купе* и *ванной комнаты*) определяет парадоксальность вопроса. Слово *шпингалет* не применимо к характеристике устройства купе, и само сравнение свидетельствует о незавершенности процессов освоения ребенком как соответствующих реалий, так и соответствующих слов. // – *А что в голове болит, когда голова болит?* (7 л. 5 м.). В подобных вопросах проявляется свойственная детям конкретика восприятия условных (обобщающих) речевых формул через призму понятных предметных аналогий. Так, выражение *голова болит* осмысливается ребенком на фоне представления о работе некоего «устройства с внутренним механизмом» (например часов, которые могут остановиться от того, что какой-то элемент этого механизма вышел из строя). Такие, казалось бы, не имеющие прямого отношения к языку вопросы, на самом деле могут оказаться непосредственно связанными с пониманием детьми функций речи и значений языковых единиц. Приведем несколько примеров: – *Почему рыбы молчат?* (5 л.). Осваивая язык как средство общения, дети приписывают способность «говорить» животным, птицам, рыбам. Данный вопрос вызван тем, что, в отличие от других живых существ, рыбы не издают слышимых звуков, не «говорят». Глагол *молчать* используется как антоним к *говорить* именно в указанном смысле. Ср. собственно языковой вопрос, связанный с постижением явления антонимии уже в школьном возрасте: – *А руки и ноги – это антонимы?* (11 л. 3 м.) [6]. Сами части тела служат для ребенка некими пространственными ориентирами (верх – низ, правый – левый), относительно которых «выстраиваются» и языковые номи-

нации. К тому же дети не приемлют «универсальных» или несимметричных номинаций, восполняя существующие языковые лакуны («пустоты»).

Для сравнения можно привести детские вопросы, возникающие именно из-за отсутствия в языке «симметричных» наименований одной предметной сферы: (Показывая на открывашку для консервных банок). – *Вот открывашка, а где же закрывашка?* (4 г.) // – *Это выключатель, а где включатель?* // – *Мама, почему ваза напольная?* – *Она на полу стоит.* – *А у меня есть натумбочная!* (Настя, 5 л.). Ср. аналогичные примеры: – *Это рукав. А где ногав?* [7] // – *Если есть мамонты, должны быть и папонты* // – *Почему говорят совершеннолетний, а не совершеннозимний, совершенновесенний, совершенноосенний?* и т. п. Впрочем, в таких случаях дети идут уже по пути отталкивания от готовой языковой формы к смыслу, используя сам язык как инструмент познания. Читает на улице: «Дом 30-А». – *А бывает дом 30-Я?* (7 л.) – вопрос, явно основанный на оппозиции «первая – последняя буква алфавита». Последняя ситуативно осваивается ребенком как некая измерительная шкала (предельное количество домов с буквенным индексом).

Таким образом, детские вопросы, касающиеся логики вещей, обнаруживают достаточно типичную для ребенка-дошкольника систему оценочных координат. В этой системе координат специфически (сквозь призму детской логики) осмысливаются и значения языковых единиц.

Рассмотрим проявления метаязыкового мышления ребёнка на примере усвоения **номинаций лиц по роду их деятельности**. Часто парадоксальная логика детского вопроса опирается на некие «внеязыковые» эталонные представления, связанные с социально заданными векторами восприятия таких номинаций (погружением слова в прагматический контекст его социумного «бытия»): – *А на грузчиков где учатся?* (5 л. 4 м.). Данный вопрос транслирует социальный стереотип («любой профессии следует учиться»), который формируется у ребенка, прежде всего, в процессе общения с взрослыми и во многом под влиянием детской литературы).

Таково, например, известное детское стихотворение В. Маяковского «Кем быть?»: «*У меня растут года, скоро мне семнадцать. Кем работать мне тогда? Чем заниматься?*». Ср. повторяющийся рефрен «...Пусть меня научат...». Парадокс заключается в приписывании работе грузчика ранга профессии, требующей получения «специального» образования.

Дети (в особенности младшие дошкольники) склонны воспринимать любой вид практической деятельности как профессию (в опоре на имеющиеся в их опыте ситуативные эталоны – знания о роде занятий взрослых). В частности, этим можно объяснить парадоксальность ответов детей на вопрос о профессии их родителей. Например: – *Кем работает твой папа, Саша?* – **Гаражником** (много времени проводит в гараже) – (3 г. 8 м.) [6].

Самостоятельный номинативный статус в детской речи может получать одна и та же форма деятельности в зависимости от внешних условий ее протекания. Так, противопоставляются (получают разные названия) *продавец магазина* и *продавец, который торгует на базаре*. Ср.: – *На продавцов в магазинах учат, а на базарников?* (6 л. 4 м.) [6]. Неприятие условности наименования (недостаточная «конкретика» гиперонима *продавец*) приводит в данном случае к созданию ребенком словообразовательной инновации, отражающей буквализм детского

языкового сознания. Еще парадоксальнее выглядит следующий вопрос: – *Мама, а как продавцы у себя же самого покупают? Деньги отдают?* (8 л. 9 м.) [6]. В понимании значения слова *продавец* ребенок не может отвлечься от ролевой конкретики: *продавец* – тот, кто *продает*, а *покупатель* – тот, кто *покупает*. Форма выражения мысли в речи ребёнка имеет парадоксальный характер, заостряя (выявляя) «несоответствие» слова *продавец* описанной ситуации («продавец и покупатель в одном лице»). Фактором, поддерживающим такую логику, является осознание ребёнком мотивированности данных слов, акцентирующее различие между покупателем и продавцом по их ролевой функции.

Согласно детской логике, любой, кто выполняет определенную работу, должен быть поименован, поэтому в детской речи названия «профессий» представлены целым рядом неузальных лексем. Этот ряд пополняется двумя путями: созданием параллельных наименований к уже существующим единицам или изобретением названий профессий, не имеющих однословного коррелята в языке. В основу обозначения лица по роду его занятий обычно кладется актуальный для ребёнка признак (чаще всего это ситуативная функциональная характеристика): **срывающий** – тот, кто срывает (*сносит*. – Т. Г.) дома (5 л. 11 м.); **асфальтильщик** – рабочий, занимающийся асфальтированием дорог (4 г. 7 м.) [6]; **крановщик** – тот, кто чинит водопроводные краны (6 л.). Ср. метаязыковые комментарии детей к подобным номинациям: Услышав фразу: «На железной дороге тоже бывают аварии», – спрашивает: – *А если поезд сломается, аварийщики его починят?*» (5 л.) [6]. Выделяя в значении слова функциональный признак (характеризующий какую-либо профессию), дети объясняют и «готовые» названия. Например, слово **токарь** получает в речи ребенка парадоксальное толкование через сближение с созвучным *ток* (ср. *проводить ток*): – *Папа, ты кем работаешь?* – Токарем. – *Ток в лампочки проводишь?* (Алеша, 5 л.). В этой мотивации «заложен» вполне рациональный мотив, однако опираясь на созвучие, ребенок делает ложный вывод о значении слова. Для него *токарь* ассоциируется с *ток* (ср. электрический ток), а не с *точить* (ср. *токарь* – тот, кто вытачивает детали на станке; заметим, что осознание истинной этимологической связи между *точить*, *ток* и *течь* затемнено не только для ребёнка, но и для взрослых носителей современного русского языка). Ребенок интуитивно опирается на аналогичные («похожие») номинации с прозрачной мотивированностью (ср. *лекарь* – тот, кто лечит, *пекарь* – тот, кто печёт и т. п.). Но, даже не зная конкретных названий той же структуры, что и *токарь*, ребенок способен выстраивать собственные версии о значении подобных слов, если им уже отрефлектирован алгоритм наименования лица по производимому им действию (т. е. если он интуитивно следует тому правилу, что слова типа *врач*, *учитель*, *воспитатель*, *бегун* и т. п. указывают на то, **чем** занимаются все эти люди). Ономастической пропозицией выступает связь между действием и его исполнителем. Так приходят в соприкосновение логика «вещей» и логика языка.

Потенциальное значение «род деятельности лица, профессия» приписывается детьми, прежде всего, тем узальным номинациям, структура которых в силу свойства идиоматичности производного слова допускает вариативное смысловое наполнение: **придворные** – дворники (буквально те, что *метут двор*); **наложница** – ра-

ботница налоговой инспекции (та, что *собирает налоги*); *вешалка* – гардеробщица (та, что *вешает одежду* в гардеробе). Все эти слова вполне могли бы иметь те смыслы, которые придают им дети, если бы в нормативном языке за этим формами не были уже закреплены другие значения. Обостренное чувство языковой системы позволяет ребенку «выдвигать» весьма остроумные версии относительно потенциальных значений существующих языковых структур. Ср., например, обыгрывание хорошо известного ребенку слова: – *А почему пломбир – это мороженое, а не врач, который пломбы ставит?* (10 л.).

Весьма актуален для ребенка и мотив полезности профессии, что может вызывать протест против непонятных в этом отношении названий: – *А эти обкомники (работники обкома) какой доход приносят?* (10 л.) [6] // (Услышал в телепередаче слово *думицики* – о депутатах Думы. Спрашивает: – *А думицики чем занимаются: только думаньем, а не деланьем?* (8 л.) – явно шутит, подчеркивая, что такой род деятельности вряд ли приносит какую-то пользу (противопоставляя *думанье* реальному делу = *деланью*).

Этот далеко не полный перечень причин, побуждающих ребенка задавать вопросы относительно содержания «*профессия*», «*род деятельности*», показывает в то же время, как тесно переплетены разные аспекты социализации формирующейся личности не только с практическим познанием сути каких-то явлений, но и с языковым «*влиянием*».

Таким образом, детские вопросы, касающиеся логики вещей и логики наименования, обнаруживают достаточно типичную для ребенка-дошкольника систему оценочных координат. В этой системе координат специфически осмысляются и значения лексических единиц. Проиллюстрируем этот тезис примерами вопросов, отражающих особенности функциональных систем детской речи.

Характерный для детей способ освоения мира отражается в содержании устанавливаемых ими **языковых оппозиций**.

Усвоение понятий «большой – маленький» как отражение отношения «взрослый – ребенок»

А. Аналогия с ростом человека (эталоном для сравнения величин выступает «большой» рост взрослого и «малый» рост ребенка): (Измеряет свой рост по зарубке на стене). – *Мама, я, когда вырасту, буду большим или малышом?* (Леша, 4 г.). Противопоставление номинаций *большой – малыш* в данном высказывании выглядит парадоксальным, поскольку слово *малыш* имеет («не предусмотренный» мальчиком) двойной смысл: «ребенок» и «человек маленького роста». Форма языкового выражения мысли оказывается неадекватной намерению ребенка узнать, какого роста он будет, когда вырастет («большого», как у взрослых, или маленького, как у малыша). Однако точка отсчета в этом измерении вполне понятна.

Б. Осмысление количественного отношения «*больше – меньше*» как соотносительного с разницей в возрасте («*старше – младше*»): – *Мама, а ты меня любишь постарше, а Диму помладше?* (4 г.) Возможно, такое употребление наречий связано и с прямым отражением ситуации: старший ребенок просто дольше общался с матерью, еще до рождения брата, и соответственно она его больше (*постарше*) любит. Или, как это часто бывает, первому ребенку в семье уделялось больше внимания, чем

второму. Однако здесь, несомненно, имеет место и расширение значений слов, которые характеризуют только возрастные, а не любые количественные различия.

Осмысление значений слов в свете детских представлений о семейных (родственных) отношениях

Представления о «взрослом» возрасте часто формируются у ребенка на основе эталонной модели «*муж и жена*» (из собственного опыта ребенок выводит правило: «взрослые могут пожениться, как папа и мама»). При этом ребенок не сразу усваивает, что такие отношения невозможны между родителями и детьми. Представление о жене ребенок (мальчик) склонен отождествлять с образом собственной матери, проецируя ситуацию «*папа женился на маме*» на себя. Спрашивает у мамы: – *А когда мне будет девять лет, я уже буду большой, взрослый?* – Конечно, большой. *А почему именно «девять лет»?* – *Я тогда на тебе изженюсь* (Саша, 5 л.).

Ребенку младшего дошкольного возраста, как известно, свойственно эгоцентрическое мышление: он все «измеряет» только отношением к себе. Усвоение терминов родства, которые означают прямые и опосредованные отношения между старшими и младшими членами семьи и при этом могут применяться одновременно к одному и тому же человеку в зависимости от того, что взять за точку отсчета, представляет для детей немалую трудность. Заметим, что и взрослому не всегда легко разобраться в этой иерархии. Не каждый сразу способен определить, кто кому является, например, *деверем* или *золовкой*, *зятем* или *невесткой*, *внучатым* *племянником* и т. п. Точно так же маленькому ребенку трудно понять, что его бабушка для кого-то является мамой, а папа и мама – чьи-то сын и дочь (см. об этом в: [8]). Ср.: – *Я твоя мама, а бабушка – моя мама. – Нет, бабушка – моя бабушка* (3 г. 1 м.) [9] // – *У меня будет 3 жены: бабушка, мама и невеста* (6 л. 1 м.) [6].

Об особенностях освоения слов этой тематической группы свидетельствуют и парадоксальные толкования их значений на основе ложной этимологии: – *Бабушка, кто тебе Сережа?* – *Правнук. – А я тогда левый внук?* (Вася, 4 г.). Основываясь на случайном созвучии слов *правнук* и *правый*, ребенок «примеряет» название к собственной системе координат (осмысляет значение слова в свете «пространственной» оппозиции *правый – левый*).

Семейная модель «*муж – жена*» становится когнитивной основой рефлексии ребенка и над содержанием взаимосвязанных номинаций лиц по роду их деятельности. Например: – *А жена боксёра тоже боксёрка, да?* (6 л. 8 м.). Согласно принципу языковой симметрии, которому интуитивно следует ребенок, такие названия должны быть парными (ср., восстановление языковой лакуны в приведенном примере); кроме того, в этих номинациях совмещаются значения профессии и супружеских отношений (буквально: если у боксера есть жена, то она тоже должна заниматься боксом).

Логика отождествления явлений человеческого, природного, животного и предметного «мира» (установление сопричастности этих миров)

А. Перенесение отношения *взрослый – ребенок* (родители – дети) на неодушевленные предметы, различающиеся большим и маленьким размером:

Гале подарили на день рождения детское пианино: – *Мама, это маленький пианёнок? Его мама-пианиха ро-*

дила? (4 г.) // Показывая на тумбочку: – Это шкафёнок маленький? (3 г. 6 м.)

Восприятие мира «человека» как сопричастного всему окружающему (животному и предметному миру) определяет характер устанавливаемых ребенком аналогий: – У слона – слоненок, у тигра – тигренок, а у окна – **форточка?** (5 л.). Отношение между частями единого целого (окно – **форточка**) аналогично противопоставлению «взрослое существо и его ребенок, детеныш». Именно в свете данной оппозиции осмысливается большинство детских инноваций со значением уменьшительности: *стекло* и *стеклёнок* (маленький осколок стекла), *грудной грибёночек* (маленький гриб), *шишка* и *шишенята* (маленькие шишечки), *вагон* и *вагонята* (маленькие вагончики) и т. п. [7].

Интересно, что тот же принцип (отождествление всего маленького с ребенком) определяет осмысление детьми логики грамматических противопоставлений (в частности, рода одушевленных существительных). Мама объясняет сыну родовые различия между словами: – Лошадь – женского рода, конь – мужского. – **А жеребенок – детского рода?** (Виталик, 6 л.). Как известно, в основе разграничения рода одушевленных существительных лежит принцип соотношения грамматического рода и пола (название особи женского пола соответствует женскому роду, особи мужского пола – мужскому). Ребёнок достраивает эту систему противопоставлений, вводя собственное основание для классификации: **мужской и женский род** применим к названиям **взрослых** животных, **детский род** – к названиям **невзрослых** существ (**детенышей** любого пола).

Б. Частотный случай парадоксальных детских «обобщений» – область появления на свет детенышей человека и животных: *родить* / *сродить* / *выродить* *котенка, кролика, щенка* (любое живое существо) – обращение к детям к родителям, равносильное просьбе *родить ребенка* (братика, сестричку). Ср.: – *Мамочка, ну*

если ты не можешь родить мне братика, роди хотя бы котёночка (Оля, 5 л.) // – *Мама, сроди мне маленького кролика* (Саша, 4 г. 2 м.) // – *Мама, а ты можешь щеночка выродить?* (Катя, 4,5 г.). В такого рода «допущениях» проявляется антропоморфизм как черта детской ментальности. Ср. также перенесение «человеческих» отношений на животных: (Видит бездомную собаку. Просит): – *Мам, а можно удочерить эту собачку?* (Ксюша, 5 л.). Ср. явно шуточный метаязыковой контекст, свидетельствующий уже о преднамеренной игровой интенции ребенка в образовании подобных инноваций [9]: – *Мама, а если я с Машей дружу, то может, нам ее удочерить?... А если нельзя удочерить, то тогда давай ее уподружим?* (смеется). (Оля, 11 л.).

В целом метаязыковая рефлексия, выраженная в форме детского вопроса, соединяющего в себе когнитивные и языковые проекции детского образа мира, выступает одним из свидетельств наличия в языке достаточно самостоятельной сферы, регулирующей соотношение между содержанием и формой языковых знаков, и ее динамической природе [10]. Выступая как одна из стратегий усвоения языка в онтогенезе метаязыковая рефлексия выполняет ряд важных функций в формировании языковой личности

1) развитие лингвокреативных способностей в области «прочтения» мотивационной формы слова и применения выведенных алгоритмов в продуктивной словотворческой деятельности; компенсаторная креативность (в частности, мотивационные инновации детской речи) – основа развития интенции к языковой игре;

2) выражение ребенком собственной уникальности в восприятии аспектов окружающего мира и переработке языковой информации;

3) моделирующая функция в формировании динамических подсистем детской речи, позволяющих ребенку реализовать свои коммуникативные и номинативные потребности.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология. М., 2000. 1008 с.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987. 583 с.
3. Лепская Н. И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997. 151 с.
4. Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. М., 2015. 192 с.
5. Трик Х. Е. Основные направления экспериментального измерения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М., 1981. 311 с.
6. Харченко В. К. Словарь детской речи. Белгород, 1994. 254 с.
7. Чуковский К. И. От двух до пяти. Живой как жизнь. Л., 1976. 576 с.
8. Доброва Г. Р. К вопросу о понимании семантики лексемы и умении сформулировать дефиницию (на материале освоения детьми терминов родства) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2008. Вып. 6. С. 25 – 38.
9. Гридина Т. А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2014. С. 14 – 75.
10. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации: монография. Томск, 1989. 252 с.

CHILDREN'S QUESTION AS A FORM OF LINGUISTIC CREATIVE THINKING

Tatiana A. Gridina^{1, @}

¹ Ural State Pedagogical University, 26, Kosmonavtov Ave., Ekaterinburg, Russia, 620017

@ tatyana_gridina@mail.ru

Received 08.02.2016.

Accepted 14.12.2016.

Keywords: lingvocreative thinking, metalinguistic reflection, children's speech, language game

Abstract: The subject of the article is the specificity of metalinguistic reflection in children's speech. The article analyzes the linguocreative nature of children's questions, particularly broadcasting the image of the world of the child and the nature of the processing of linguistic information in the light of cognitions formed. Metalinguistic reflection is characterized as one of the naturally evolving strategies of language acquisition in ontogeny, showing the analytical instinct and cognitive activity of the child. The purpose of the research is to identify unique children's innovations related to the reflection of their form and content, in terms of the associative and functional content. The main method is discourse analysis of metalinguistic statements recorded in the spontaneous speech of children in the form of a question. Particular emphasis is laid upon the interdependence of compensatory and deliberate creativity of the child, exhibiting the ability to make a conscious violation of the language of the canon. Metalinguistic component of children's issues provides an opportunity to assess the child's creativity, speech acts in terms of fluency, flexibility, originality. Children's questions are classified into those regarding the logic of things and the logic of language nomination, their correlation is established. This analysis reveals the following features of metalinguistic reflection in the formation of the language person: 1) development of linguistic abilities in "reading" motivational word forms and application of derived algorithms in creative word activity; 2) the expression of a child's uniqueness in the perception of aspects of the world and the language of processed information; 3) modeling function in the formation of dynamic subsystems child's speech, allowing the child to realize their nominative and communicative needs.

For citation: Gridina T. A. Detskii vopros kak forma lingvokreativnogo myshleniia [Children's Question as a Form of Linguistic Creative Thinking]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 148 – 153. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-148-153.

References

1. Vygotsky L. S. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, 2000, 1008.
2. Vygotsky L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, 1987, 583.
3. Lepskaya N. I. *Iazyk rebenka (ontogenez rechevoi kommunikatsii)* [Child Language (ontogeny of speech communication)]. Moscow, 1997, 151.
4. Kasevich V. B. *Kognitivnaya lingvistika: V poiskakh identichnosti* [Cognitive Linguistics: In Search of Identity]. Moscow, 2015, 192.
5. Trikh Kh. E. Osnovnye napravleniya eksperimental'nogo izmereniia tvorchestva [The main directions of experimental measurement of creativity]. *Khrestomatiya po obshchei psikhologii. Psikhologiya myshleniia* [Readings in General Psychology. Psychology of thinking]. Ed. Gippenreiter Iu. B., Petukhov V. V. Moscow, 1981, 311.
6. Kharchenko V. K. *Slovar' detskoj rechi* [Dictionary baby talk]. Belgorod, 1994, 254.
7. Chukovskii K. I. *Ot dvukh do piati. Zhivoi kak zhizn'* [From two to five. Living a life]. Leningrad, 1976, 576.
8. Dobrova G. R. K voprosu o ponimani semantiki leksemy i umenii sformulirovat' definitsiiu (na materiale osvoeniia det'mi terminov rodstva) [On the question of understanding the semantics of the token and the ability to formulate a definition (in the child development material kinship terms)]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti = Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, no. 6 (2008): 25 – 38.
9. Gridina T. A. Assotsiativnye proektsii detskikh slovotvorcheskikh innovatsii i treningi verbal'noi kreativnosti [Associative projection children's word-formation innovations and training verbal creativity]. *Lingvistika kreativna-3* [Linguistics creative-3]. Ed. Gridina T. A. Ekaterinburg, 2014, 14 – 75.
10. Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation:]. Tomsk, 1989, 252.

УДК 81'374

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ "НЕЙМИНГОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА" В ИССЛЕДОВАНИИ СИНОНИМИИ

Яна А. Дударева^{1, @, *}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@ dudareva-yana@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.12.2016.
Принята к печати 20.12.2016.

Ключевые слова: нейминг, нейминговый словарь, нейминговое гнездо, фирменные наименования, абсолютные синонимы, лингво-маркетология.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Нейминговый словарь русского языка (слово-бионимы как фирменные наименования)» № 14-34-01250.

Аннотация: В данной статье на материале «Неймингового словаря русского языка» демонстрируются результаты исследования по сопоставлению пары лексических единиц, признанной в традиционном языкознании классическим примером абсолютных синонимов, – это слова "бегемот" и "гиппопотам".

Сопоставление ассоциативных полей названных лексем, частью которых являются их нейминговые гнезда, позволяет считать их абсолютными синонимами лишь условно. Если ассоциативное поле со словом-стимулом *бегемот* содержит многочисленные реакции-характеристики, отсылки к прецедентным текстам, то в ассоциативном поле слова-стимула *гиппопотам* основную часть реакций составляют ассоциации, связанные с крупным размером животного. Сопоставление нейминговых гнезд анализируемых слов-синонимов также позволяет выявить имеющиеся между ними различия. По мнению носителей русского языка, слова *бегемот* и *гиппопотам* обладают большим нейминговым потенциалом, однако именно у слова *бегемот* нейминговый потенциал получил свою реализацию. Слово *гиппопотам*, использующееся в качестве наименования каких-либо организаций, зафиксировано в крайне редких случаях. Как показывают результаты экспериментов, помимо общего неймингового потенциала (оба слова могут быть использованы для наименования продуктовых, продовольственных, обувных магазинов, зоомагазинов, магазинов для детей), лексические единицы *бегемот* и *гиппопотам* имеют различия в составе нейминговых гнезд. По мнению носителей русского языка, слово *бегемот* в большей степени подходит для наименования продуктовых магазинов, в то время как слово *гиппопотам* прежде всего можно использовать в качестве названия магазинов одежды крупных размеров.

Таким образом, с позиции рядовых носителей русского языка лексические единицы "бегемот" и "гиппопотам" абсолютными синонимами не являются.

Для цитирования: Дударева Я. А. Возможности использования «Неймингового словаря русского языка» в исследовании синонимии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 154 – 158. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-154-158.

Одним из важных понятий в изучении явления синонимии является абсолютная синонимия. В языкознании представлено следующее понимание абсолютных синонимов: «при совпадении лексических значений однозначных слов образуются полные (абсолютные) синонимы: гостиница – отель» [1, с. 468].

Обратимся к рассмотрению пары лексических единиц *бегемот* – *гиппопотам*, являющейся в языкознании классическим примером полных синонимов. Согласно различным толковым словарям русского языка, названные лексемы являются однозначными и толкуются друг через друга.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова представлены следующие дефиниции: *бегемот*, а, м. [др.-евр. мн. ч. *behēmōth* – бегемоты]. Толстокожее млекопитающее, живущее в пресноводных бассейнах тропической Африки; то же, что гиппопотам. || *перен.* Плотный неуклюжий человек, увальень (шутл.);

гиппопотам [ипо], а, м. [греч. *hippopotamos*, букв. речной конь] (зоол.). То же, что бегемот [2].

В «Малом академическом словаре русского языка»: *бегемот* – крупное млекопитающее пресноводных бассейнов Экваториальной Африки; гиппопотам; *гиппопотам* – то же, что бегемот [3]. Таким образом, обращение к данным толковым словарям действительно позволяет считать рассматриваемую пару абсолютными синонимами.

При этом важно заметить, что перечисленные выше лексикографические источники являются по своему типу предписательными, т. е. созданными усилиями лингвистов и отражающими их языковое сознание. Р. М. Фрумкина следующим образом описывает механизм работы профессионального лексикографа: он «рассматривает свое языковое сознание, т. е. совершает акт интроспекции» и потом «производит совершенно принципиальный для дальнейших обобщений акт интроспекции: наделяет

других носителей языка «языковым сознанием», не слишком отличающимся от своего» [4, с. 65].

На современном этапе своего развития лексикография переходит от процесса «наделения» рядовых носителей русского языка языковым сознанием профессионального лингвиста к фиксации ровно той информации и в том виде, в котором она имеется, хранится в обыденном сознании рядовых носителей языка. Таким образом, в период антропоцентризма в лексикографии происходит обращение к человеку как носителю языка, причем он из пассивной роли адресата переходит в активную роль автора. Тем самым, лексикография превращается из предписательной в описательную. Словари, представляющие результаты «такой формы метаязыковой деятельности, как обыденное лексикографирование» [5, с. 219], то есть словари описательного типа, одним из представителей которого является «Словарь обыденных толкований русского слов» под ред. Н. Д. Голева, репрезентируют «те рефлексии, которые порождает слово, вне оценок их на шкале правильности/неправильности» [6, с. 3].

В этом процессе преобразования лексикографических изданий заметна аналогия с известной мыслью постмодернизма о «смерти автора». По отношению к описательным словарям, в качестве примера которых можно привести «Русский ассоциативный словарь» Ю. Н. Караулова, «Словарь обыденных толкований русских слов» Н. Д. Голева, а также создаваемый нами «Нейминговый словарь русского языка», справедливо утверждение Р. Барта: «текст читается и пишется таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» [7]. Действительно это так, автором словарных статей в словарях описательного типа является народ, рядовые носители русского языка. Описательный словарь – это «групповое письмо» [7], и этим вносится «вклад в дело десакрализации образа Автора» [7], т. е. образа профессионального лексикографа.

Кроме того, описательный словарь – это «автоматическое письмо», «когда рука как можно скорее записывала то, о чем даже не подозревает голова» [7]. Приведенная цитата об автоматическом письме как нельзя лучше характеризует способ получения информации от носителей языка. Описательные словари создаются по результатам данных экспериментов ассоциативного типа, когда время между вопросом и реакцией сводится к минимуму. Таким образом, в настоящее время лексикограф превращается из автора в скриптора, записывающего и представляющего в словарях не «свое языковое сознание», а обыденное языковое сознание носителей языка, фиксирующего то, как то или иное слово представлено в ассоциативно-вербальной сети рядовых носителей языка.

Каждая словарная статья в описательных словарях представляет собой «многомерное пространство» [7], многомерное письмо, которое может быть продолжено самими носителями языка в ситуации для меня, здесь и сейчас, это гипертекст, устроенный по принципу поля, объединяющего взаимосвязанные фрагменты, каждый из которых также имеет полевую организацию. Многомерность отдельно взятой словарной статьи представляет особый лингвистический интерес. Каждый из создаваемых словарей нового типа позволяет по-новому, в новом аспекте взглянуть на самые различные отношения между словами: словообразовательные, грамматические, антонимические и в том числе на синонимические.

В связи с возможностью применения данных описательных словарей к рассмотрению явления абсолютной синонимии обратимся к данным «Ассоциативного словаря русского языка» Ю. Н. Караулова [8]. По данным названного словаря было проведено сопоставление ассоциативных полей лексических единиц *бегемот* – *гиппопотам*: «В ассоциативном поле слова *бегемот* содержится значительное количество ассоциаций, составляющих со словом-стимулом пропозиции характеристики – это ассоциации по цвету (*бегемот* – *серый*), тактильным ощущениям (*бегемот* – *гладкое*; *бегемот* – *мокрый*), двигательной активности (*бегемот* – *медленный*), общему впечатлению (*бегемот* – *милый*), «анкетная» характеристика (*бегемот* – *кот*), ассоциации-гиперонимы (*бегемот* – *зверь*, *млекопитающее*), которые не зафиксированы в ассоциативном поле слова *гиппопотам*» [9, с. 22]. Также ассоциативное поле слова *бегемот* содержит отсылки к прецедентным текстам (*бегемот* – *Айболит*; *бегемот* – *из Мадагаскара*; *бегемот* – *ох и трудная это работа* – *из болота тащить бегемота*), отсутствующие в ассоциативном поле семантически близкого ему слова *гиппопотам*. Ассоциативное поле слова *гиппопотам* по составу ассоциаций является менее разнообразным, чем ассоциативное поле слова *бегемот*. В его составе заметно выделяется блок, связанный с указанием на значительные физические параметры животного (*гиппопотам* – *гигант*; *грузное животное*; *массивность*; *огромная масса*; *толстяк* и т. п.).

Полное описание проведенного сопоставления отражено в диссертационном исследовании [10]. Для настоящей статьи важен полученный вывод: в отличие от авторов-составителей словаря, рассмотревших пару *бегемот* – *гиппопотам* как пример абсолютных синонимов, «наивное» сознание не только отождествляет, но и дифференцирует эти лексемы. Параметром дифференциации является размер животного: гиппопотам мыслится в «наивном» сознании как большой бегемот. Таким образом, лексема *гиппопотам* оказывается более сложной не только в графо-фонетическом отношении, но и в семантическом отношении.

Обратимся теперь к рассмотрению нейминговых гнезд лексем *бегемот* и *гиппопотам*. В «Нейминговом словаре русского языка», работа над которым в настоящее время ведется на материале лексики природы, каждая словарная статья представляет собой нейминговое гнездо. Первая часть неймингового гнезда составляется на основе данных эксперимента, проводимого с рядовыми носителями русского языка. В эксперименте участникам предъявляются бионимы, являющиеся словами-стимулами. От участников эксперимента требуется ответить на следующий вопрос: какие организации и учреждения могут быть названы следующими словами? По результатам эксперимента формируется словарная статья, отражающая нейминговый потенциал слова-стимула. Вторая часть словарной статьи отражает реальные нейминговые возможности того или иного слова-бионима. Эта часть словарной статьи формируется на основе справочной информации о наличии на территории России организаций, имеющих в качестве наименования то или иное слово-бионим.

Словарные статьи по анализируемой нами паре синонимов представлены в «Нейминговом словаре русского языка» следующим образом:

БЕГЕМОТ

продуктовый магазин (магазин продуктов) 19; бассейн 4; зоопарк 4; магазин детских игрушек 4; магазин детских товаров 4; супермаркет 4; кафе 2; магазин 2; магазин одежды 2; магазин одежды для беременных женщин 2; магазин одежды для крупных людей 2; магазин 2; спортивный комплекс 2; центр снижения веса (центр похудения) 2; обувной магазин (магазин обуви) 2; аквапарк; аптека; гипермаркет; детский сад; зоомагазин; кабинет нотариуса; кинотеатр; летний лагерь; летний сад; магазин автозапчастей; магазин детской одежды; магазин для полных пожилых женщин; магазин кожгалантереи; магазин одежды больших размеров; магазин фруктов; ночной клуб; организация по защите животных; парк аттракционов; пивной ларек; продовольственный магазин; ресторан; секция тяжелой атлетики; спортивный зал; стоматология; стрипбар; товары для детей; трикотажная фабрика; фитнес-центр; центр липосакции; центр дополнительного образования; цирк; частная клиника 1; 100+47+11;

гипермаркет игрушек 15; кафе 3; автомойка 2; зоомагазин 2; магазин детской одежды 2; оптово-розничный гипермаркет 2; полиграфический центр 2; web-студия; авиакасса; автокомплекс; автостоянка; автоцентр; агентство маркетинговых коммуникаций; агентство недвижимости; багетная мастерская; ветеринарная клиника; гипермаркет детских игрушек; гипермаркет детских товаров; закусочная; интернет-магазин детских товаров; интернет-магазин зоотоваров; интернет-магазин сантехники; кафе-бар; магазин; магазин зоотоваров; магазин зоотоваров и аквариумов; магазин игрушек; магазин строительных и отделочных материалов; магазин сумок; мастерская по ремонту обуви; мини-отель; оптово-розничная компания; оптово-розничная фирма; оптово-розничный гипермаркет игрушек; рекламное издательство; рекламно-полиграфическая компания; рекламно-производственный центр; салон детских игрушек; сеть салонов; стоматологическая клиника; стрип-караоке; студия детских праздников; творческая мастерская; типография; торговая компания; торговый дом; турагентство; федеральная торговая сеть; фотошкола-студия; хостел; шоу-группа ростовых кукол 1; 72+51.

ГИППОПОТАМ

магазин одежды больших размеров 10; детский магазин 7; фитнес 5; зоомагазин 4; магазин детской одежды 4; детский сад 3; зоопарк 3; магазин для полных людей 3; продовольственный магазин 3; обувной магазин 3; магазин игрушек 2; мебельный магазин 2; супермаркет 2; клуб 2; центр для похудения 2; аквапарк; бассейн; детская игровая комната; детская поликлиника; детское кафе; закусочная; книжный магазин; кожаный и меховой салон; магазин детских товаров; магазин детского питания; магазин детской обуви; магазин для длинномеров; магазин для женщин с большими формами; магазин канцтоваров; магазин латинских книг; магазин одежды для беременных; магазин одежды; магазин продуктов; магазин товаров для животных; магазин; музей; пель-

менная; развлекательный центр; салон красоты; спорт-центр; суд; тренажерный клуб; туристическое агентство; фирма по предоставлению грязевых ванн; фирма по реализации грузовиков, фур, белазов; центр липосакции; цирк; частная проктологическая клиника 1; 103+48+15;

кафе; мебельная компания 1; 2+2.

Из первой части словарных статей, демонстрирующих потенциальные нейминговые возможности слов-синонимов, видно, что семантическая близость лексем обуславливает сходство их нейминговых гнезд. И для одного, и для другого слова-стимула типичны реакции, связанные с наименованием продуктовых, продовольственных, обувных магазинов, зоомагазинов, магазинов и различных организаций для детей (детский магазин, детское кафе, магазин детской одежды, детский сад). Также в нейминговых гнездах обоих слов-синонимов представлены такие реакции, как фитнес-центр, магазин для беременных женщин, аквапарк и т. д. Наличие общего неймингового потенциала синонимичных лексем объясняется сходством ассоциативных образов слов-стимулов. По данным проведенного эксперимента именно такие характеристики, как крупный размер животного, его место обитания являются наиболее значимыми для носителей языка.

Помимо названного сходства сопоставление нейминговых гнезд слов *бегемот* и *гиппопотам* демонстрирует имеющееся различие между данными лексическими единицами на ассоциативном уровне. В аспекте потенциальных нейминговых связей слово *бегемот* связывается носителями языка прежде всего с продуктовым магазином и магазинами различных детских товаров, в то время как слово *гиппопотам*, по мнению носителей языка, в качестве наименования организации в первую очередь подходит для магазина одежды больших размеров.

С точки зрения реализации неймингового потенциала нейминговое гнездо слова *бегемот* является более масштабным по количеству и разнообразным по качественному составу реакций. Вторая часть словарных статей ярко демонстрирует, что многие потенциальные нейминговые возможности слова *бегемот* в настоящее время уже получили свою реализацию, в то время как слово *гиппопотам* используется в качестве наименования организаций крайне редко.

Таким образом, рассмотрение слов-синонимов *бегемот* и *гиппопотам* в описательном аспекте позволяет установить, что в обыденном сознании рядовых носителей русского языка названные лексические единицы не сближены до полного отождествления, а дифференцируются между собой. Сопоставление нейминговых гнезд названных лексем позволяет увидеть, что слово *бегемот* образует значительно большее количество нейминговых связей, чем слово *гиппопотам*. Если основными характеристиками для реализации неймингового потенциала слова *гиппопотам* являются крупный размер и место обитания животного, то для слова *бегемот* помимо названных параметров, также оказывается важным ассоциативный образ бегемота близкого детям.

Литература

1. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 704 с.
2. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1: А – Кюрины / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 05.12.2015).
3. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А – Й. 702 с. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 05.12.2015).
4. Фрумкина Р. М. Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 46 – 85.
5. Голев Н. Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции // Обыденное мета-языковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово, 2010. С. 219 – 251.
6. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2-х т. Т. 1: А-М (Абрикос – Муравей) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2012. 536 с.
7. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [пер. с фр.]. М.: Прогресс, 1989. 616 с. Режим доступа: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Eстетика_Leschinskaya/4.pdf (дата обращения: 05.12.2015).
8. Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. Т. I: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 782 с.
9. Дударева Я. А. Особенности семантической структуры слов с диффузным значением (на материале ассоциативного эксперимента со словами-синонимами русского языка) // Вестник ТГУ. № 351. 2011. С. 19 – 22.
10. Дударева Я. А. Номинативные единицы с близким значением как компоненты ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 22 с.

THE USE OF «THE NAMING DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE» IN STUDYING SYNONYMS

Yana A. Dudareva¹, @, *

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
 @ dudareva-yana@yandex.ru

Received 07.12.2016.

Accepted 20.12.2016.

Keywords: naming, naming dictionary, naming field, trade name, absolute synonyms, lingvomarketology.

Abstract: Based on the material of "The Naming Dictionary of the Russian language", the article shows the result of comparing pairs of lexical items recognized in the traditional linguistics classic example of absolute synonyms: the word "behemoth" and "hippopotamus".

Comparison of associative fields called tokens, whose parts are their naming fields, allows them to be considered absolute synonymous, but only roughly. While the associative field of the word-stimulus "behemoth" contains numerous reactions, characterizations, references to precedent texts, in the field of associative word-stimulus "hippopotamus" major part of the reaction is the association related to the large size of the animal. Comparison of the naming fields of the analyzed synonyms brings out their differences. According to Russian speakers, the words "behemoth" and "hippopotamus" have great naming potential, but it is the word "behemoth" that has achieved its naming implementation capacity. The word "hippopotamus" is hardly ever used as a name of an organization. As a results of the experiments, in addition to general naming potential (both words can be used for product names, food, shoe stores, pet stores, shops for children), lexical words "behemoth" and "hippopotamus" have differences in the composition of their naming fields. According to Russian speakers, the word "behemoth" is more suitable as the name of a grocery store, while the word "hippopotamus" can primarily be used as the name of a large-sized clothing shop.

Thus, from the perspective of ordinary native speakers of Russian, lexical units "behemoth" and "hippopotamus" are not absolute synonyms.

* The research is made with financial support from Russian Humanitarian Science Foundation as part of the project "The Naming Russian Dictionary (words-bionyms as company names)" №14-34-01250.

For citation: Dudareva Ya. A. Vozможности ispol'zovaniia «Neimgovogo slovaria russkogo iazyka» v issledovanii sinonimii [The Use of «The Naming the Dictionary of the Russian Language» in Studying Synonyms]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 154 – 158. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-154-158.

References

1. *Russkii iazyk: Entsiklopediia* [Russian language: Encyclopedia]. Ed. Karaulov Ju. N. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 2003, 704.
2. *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka. T. 1: A – Kiuriny* [The Explanatory Dictionary of the Russian language. Vol. 1: A – Kjuriny]. Comp. Vinokur G. O., Larin B. A., Ozhegov S. I., Tomashevskii B. V., Ushakov D. N. Ed. Ushakov D. N. Moscow: Gos. in-t "Sov. entsikl."; OGIZ, 1935. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (accessed 05.12.2015).
3. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian language]. 4th ed. Ed. Evgen'eva A. P. Moscow: Rus. iaz.; Poligrafresursy, vol. 1: A – J (1999): 702. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 05.12.2015).
4. Frumkina R. M. Psikholingvisticheskie metody izucheniia semantiki [Psycholinguistic methods of studying semantics]. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. Moscow: Nauka, 1983, 46 – 85.
5. Golev N. D. Obydennoe i professional'noe leksikografirovanie: aspekty i oppozitsii [Everyday and professional Lexikografirovanie: aspects and opposition]. *Obydennoe metaiazykovoie soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Everyday metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo, part 3 (2010): 219 – 251.
6. *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov. Leksika prirody. T. 1: A-M (Abrikos-Muravei) (478 slov-stimulov)* [Dictionary of Russian interpretations of everyday words. Vocabulary nature. Vol. 1: A-M (Apricot-Ant) (478 words, incentives)]. Ed. Golev N. D. Kemerovo, 2012, 536.
7. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: The Poetics by Bart R.]. Moscow: Progress, 1989, 616. Available at: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/4.pdf (accessed 05.12.2015).
8. Karaulov Ju. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V., Sorokin Ju. A., Tarasov E. F. *Russkii assotsiativnyi slovar'. T. I. Ot stimula k reaktsii: Ok. 7000 stimulov* [Russian associative dictionary. Vol. I. From stimulus to response: Approximately 7000 incentives]. Moscow: AST-Astrel', 2002, 782.
9. Dudareva Ya. A. Osobennosti semanticheskoi struktury slov s diffuznym znacheniem (na materiale assotsiativnogo eksperimenta so slovami-sinonimami russkogo iazyka) [Features semantic structure of words with diffuse value (based on the association experiment with the words-synonyms Russian language)]. *Vestnik TGU = Bulletin of Tomsk State University*, no. 351 (2011): 19 – 22.
10. Dudareva Ya. A. *Nominativnye edinitsy s blizkim znacheniem kak komponenty assotsiativno-verbal'noi seti nositelei russkogo iazyka*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Nominative units with a similar value as components of associative verbal network of carriers of the Russian language. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2012, 22.

УДК 811.161.1"23

«НЕЙМИНГОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**Анастасия В. Замилова**^{1, @, 1,*}, **Татьяна Ю. Сатучина**^{1, @2,*}¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6@¹ zamilova_anastasia@mail.ru@² tatianakuznetsova86@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2016.

Принята к печати 06.12.2016.

Ключевые слова: нейминговый словарь, обыденное языковое сознание, эксперимент, рядовой носитель языка, лингвомаркетинговый потенциал слова.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования)» № 14-34-01250.

Аннотация: В статье обосновывается концепция, проект, новизна создания ономастиологического неймингового словаря нового типа. На основе словарных статей неймингового словаря выполнен ряд психолингвистических исследований, результаты которых отражают лингвомаркетинговый потенциал слов-бионимов и их реальное функционирование в качестве фирменных наименований, особенности языкового сознания носителей русского языка, отношение лексикографического значения слова и «психологически реального», особенности вариативности языкового знака. Нейминговый словарь русского языка отражает знание о словах в принципиально новом ракурсе: не с точки зрения предписательной нормативной функции (в данном словаре она сведена до минимума), а в аспекте представлений носителя языка о семантике слова и ее соотношении с окружающей действительностью. Кроме того, словарь не только расширяет состав имеющихся на сегодняшний день работ лингвистов в области лингвомаркетологии, но и как словарь, подготовленный на основе лингвистического эксперимента, позволяет изучить обыденное языковое сознание носителей русского языка.

Для цитирования: Замилова А. В., Сатучина Т. Ю. «Нейминговый словарь русского языка»: перспективы исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 159 – 163. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-159-163.

Настоящая статья посвящена теоретическому и практическому обоснованию неймингового словаря нового типа, который описывает лингвомаркетинговый потенциал значений слов, реально существующих в сознании носителей русского языка [1 – 5]. Данная процедура проводится на основе лингвистического эксперимента, который позволяет описать метаязыковую деятельность реципиентов.

Главный тезис связан с обоснованием новизны представленного типа словаря. Рассмотрим данный тезис по некоторым параметрам.

1. «Нейминговый словарь русского языка» является **описательным ономастическим словарем нового типа**, дающим представление о функционировании слов-бионимов как фирменных наименований в обыденном языковом сознании. Представленный языковой материал демонстрирует заложенные в словах русского языка лингвомаркетинговые возможности, а именно: тенденцию к расширению семантики слова, и как результат – расширение ее (семантики) на более широкий класс объектов (фрагменты полученных данных будут приведены ниже), функционирующих в сознании людей в качестве потенциальных наименований различных организаций. Таким образом, каждая словарная статья отражает лингвомаркетинговый потенциал русских слов в принципиально новом ракурсе: не с точки зрения предписательной нормативной функции (в данном словаре она сведена до минимума), а в аспекте представлений носителя языка о семантике слова и ее соотношении с окружающей действительностью.

Обратимся к описанию и результатам эксперимента, являющимся подтверждением заявленного параметра.

На основе проведенного эксперимента, в ходе которого испытуемые отвечали на вопрос «Какие организации и учреждения могут быть названы следующими словами?», созданы словарные статьи, отражающие нейминговый потенциал слов-бионимов. Так, например, словом *ландыш* рядовые носители русского языка предложили назвать следующие организации (количество полученных реакций обозначены цифрами):

- магазин цветов (цветочный магазин) 40;
- магазин парфюмерии 9;
- аптека 5;
- салон красоты 5;
- парикмахерская 4;
- детский сад 3;
- кафе 3;
- косметический салон (косметический центр) 3;
- магазин постельного белья (салон постельного белья) 2;
- свадебный магазин (свадебный салон) 2;
- танцевальная студия (школа танцев) 2;
- автосервис;
- банк;
- винно-водочный магазин;
- доставка цветов;
- парикмахерская;
- заповедник;
- магазин бижутерии;
- магазин косметики;

- магазин музыкальных инструментов;
- магазин нижнего белья;
- магазин советских товаров;
- оздоровительный лагерь;
- парфюмерная фабрика;
- продуктовый магазин;
- ресторан;
- спа-салон;
- торговый центр;
- фабрика по производству шампуней;
- фирма по прокату авто 1 [фрагмент словарной статьи из «Неймингового словаря русского языка»].

«Нейминговый словарь русского языка» не только расширяет состав имеющихся на сегодняшний день работ лингвистов в области лингвомаркетологии, но и как словарь, подготовленный на основе лингвистического эксперимента, позволяет изучить обыденное языковое сознание носителей русского языка.

2. «Нейминговый словарь русского языка» фиксирует оппозицию лексикографического значения слова и «психологически реального».

На сегодняшний день в лингвистике существует проблема разграничения лексикографического значения слова и «психологически реального» [6, с. 179 – 182].

В лексикографической практике описание предметной лексики исчерпывается минимальным набором признаков денотата, позволяющих отличить его от других предметов. По проведенным подсчетам Кемеровским коллективом авторов «Словаря обыденных толкований русских слов» (2012) по совокупному толкованию в толковых словарях предпочтение отдается между всеми признаками – описательным – «47 % среди определения растений семейства сложноцветных» [7, с. 225]. В приведенном обстоятельстве прослеживается тенденция к представлению научной лексикографией внешних признаков денотата. Обыденное лексикографирование, напротив, очень часто отражает неявные, несущественные признаки денотата (не обязательно описательные признаки), не относящиеся к общезначимым для данного языкового коллектива. Лексикографическое значение слова, представлено в словарях предписательного типа (словари С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова и др.), цель которых ответить на вопрос, как следует правильно понимать лексическую семантику слова. «Психологически реальное» значение слова отражено в словарях описательного типа («Словарь обыденных толкований русских слов», «Русский ассоциативный словарь», «Нейминговый словарь русского языка»), которые отражают рефлексии рядовых носителей языка, порождаемые словом. Например, в толковом словаре С. И. Ожегова на слово *еж* дана следующая дефиниция:

1. Небольшое млекопитающее отряда насекомоядных с иглами на теле.

2. Оборонительное заграждение в виде скрещающихся переплетенных колючей проволокой кольев, брусьев, рельсов [8].

Анализ словарной статьи, представленной в «Нейминговом словаре русского языка», показал, что слово *еж*, приобретает еще одно значение – «киоск еженедельных новостей». В данном случае это объясняется тем, что в г. Кемерово, существует сеть киосков с аналогичным названием, в котором продается свежая пресса.

Наличие данной реалии и породило еще одно значение у слова «еж», которое представлено в сознании носителей русского языка, но не зафиксировано в словаре. Данный пример не единичен. Так, слово *манго* приобретает значение «магазин женской одежды», *лимон* – «магазин одежды»; *аист* – «магазин товаров для новорожденных»; *журавлик* – «санаторий» и т. д.

Отметим также, что полученные в ходе психолингвистического эксперимента данные позволяют говорить о приобретении некоторыми словами-бионимами отрицательной коннотации, которая не зафиксирована в толковых словарях. Например, слова *бацилла*, *блоха*, *букашка*, *дикообраз*, *козел*, *мартышка* и др.

Расширение значения, преобладание эмотивно-оценочной семантики исследуемых слов отражают общую тенденцию в сфере лексикологии, в частности в области прагматически маркированной лексики: выбор говорящим/пишущим из всех языковых средств тех, которые обладают ярко выраженной коннотацией, что объясняется стремлением воздействовать на слушателя/читателя.

3. Ономастический нейминговый словарь раскрывает и показывает лингвомаркетинговый потенциал слов-бионимов и их реальное функционирование в качестве фирменных наименований. Заявленный параметр позволяет оценить и спрогнозировать степень удачности/неудачности фирменного наименования какой-либо организации. В данном случае речь идет о неких типовых ожиданиях носителей родного языка встретить то или иное слово в роли фирменной номинации.

Представим фрагмент исследования, посвященного изучению данного вопроса (более подробно об этой проблематике в статье А. В. Замилевой, Т. Ю. Кузнецовой [9]), на примере зоонима *барашек*.

В «Нейминговом словаре русского языка» словом *барашек* большинство носителей русского языка предложили назвать парикмахерскую (29 реакций). В ходе психолингвистического эксперимента 50 испытуемым разных социальных групп и возрастов предложили ответить на вопрос анкеты: «Пошли бы Вы в парикмахерскую, которая называется «Барашек»? Почему?». Положительно ответило 37 % респондентов, отрицательно – 63 %.

Полученные в ходе эксперимента аргументы респондентов были объединены в группы.

Первая группа аргументов связана с внешним видом, с прической, которая у многих опрошенных вызвала отрицательные ассоциации: «Потому что барашки кудрявые, а кудри – это некрасиво», «Прическа у барашка смешная, не хотелось бы, чтобы я была такая же», «Мне не идут прически в стиле баранов», «Потому что мне не нравятся кудри», «У баранов кудри, а это мне не нравится», «Не люблю кудрявые», «Пугает такое название, вдруг меня там побреют, или я выйду из этого салона кудрявая, как барашек» и т. д. – 23,2 %.

Вторая группа аргументов связана с названием, которое у многих респондентов вызвала негативные эмоции, поэтому в заведение с таким названием они не пошли бы. Например: «Баран оскорбительное слово», «Нехорошие ассоциации», «Звучит не эстетично», «Глупое название», «Не хотелось бы соответствовать названию» и т. д. – 16,6 %.

Один из респондентов в своем аргументе использовал прецедентный текст: «Есть устоявшийся среди лю-

дей фразеологизм «подстригли как барана», поэтому непродуктивно называть так парикмахерскую» – 3,3 %.

Еще одну группу (19,9 %) составили ответы без аргументов.

Как было отмечено выше, 37 % опрошенных отказались бы пойти в парикмахерскую под названием «Барашек». В качестве аргументов приводились следующие:

1) аргументы, связанные с названием: «Да, очень милое название», «Безобидное название», «Оригинальное название» и т. п. – 13,5 %.

2) аргументы, связанные с внешним видом животного: «Возможно, да! Так как «барашек» подразумевает животное с кудрями», «Потому что у барашков хорошая шерстка», «Люблю кудрявые волосы, как у барашков» и т. д. – 10 %. Оставили свой ответ без аргументов 13,5 % респондентов.

Таким образом, с одной стороны, слово *барашек* приобретает потенциальную возможность наименования парикмахерских, с другой стороны, такое название неудачно: как показали результаты психолингвистического эксперимента, большая часть опрошенных не согласилась бы пойти в парикмахерскую под таким названием, так как оно вызывает отрицательные ассоциации. Следовательно, не все слова-бионимы, обладающие определенным нейминговым потенциалом, могут функционировать в качестве реально существующих наименований организаций и фирм. Это можно объяснить различием в метаязыковой деятельности реципиентов: в процессе наименования носители русского языка встают в позицию наивного лексикографа, а в процессе восприятия слов-бионимов – в позицию потенциального клиента/покупателя, который непосредственно воспринимает, оценивает это наименование.

В процессе наименования фирм/организаций словами-бионимами в сознании носителей русского языка происходит ряд ментальных процессов, начиная с перцепции, то есть восприятия графического облика языкового знака и заканчивая актом номинации. Таким образом, весь этот сложный мыслительный процесс можно представить в виде упрощенной цепочки, в которой выделяются три основных звена: языковой знак – ассоциации – наименование. С одной стороны, в процессе наименования носитель русского языка неосознанно может исходить из значения самого языкового знака и заложенных в нем минимальных единиц смысла, с другой – из своих индивидуальных представлений. Полагаем, что в первом случае речь будет идти о типовых ассоциациях носителей русского языка на стимульное слово-бионим, которые в свою очередь будут рождать типовые наименования, во втором случае стоит говорить об индивидуальных ассоциациях носителей русского языка, порождающих наименования, представленные единичными реакциями. Рассмотрим данное явление на примере слова *абрикос*.

В Толковом словаре С. И. Ожегова дается следующее определение слова *абрикос*: «южное фруктовое дерево семейства розоцветных, дающее сочные сладкие плоды с крупной косточкой, а также плод его» [8]. На основе данного определения можно выделить следующие семы этого слова: *южное дерево, фруктовое дерево, семейство розоцветных, сочные плоды, сладкий плод, плод с крупной косточкой, плод*. Полученные минимальные

единицы смысла, безусловно, порождают ассоциации, которые впоследствии оказывают влияние на именование. Полагаем, что выделенные семы могли породить следующие ассоциации:

- южное дерево: *лето, солнце, персик, дерево и под.*;
- фруктовое дерево: *фрукт, персик, сок, банан, кокос, йогурт, дерево, еда и под.*;
- сочные плоды: *сочный*;
- сладкий плод: *вкусный, сладкий*;
- плод с крупной косточкой: *абрикосовые косточки*;
- плод: *мохнатый, круг, желтый, оранжевый, еда, варенье* [10].

Таким образом, на основе анализа языкового материала можно выделить, во-первых, ассоциации, связанные с минимальными смыслами, заложенными в самой языковой единице; ассоциации, обусловленные влиянием экстралингвистических факторов (например, телевидения): *реклама, на ветке рос*; ассоциации, обусловленные индивидуальным восприятием личности языкового знака: *шерсть, невкусный, не люблю, Северянин и т. д.*

Как было отмечено выше, ассоциации влияют на процесс именованья. Полагаем, что ассоциации, обусловленные заложенными в языковой единице семами, породили следующие наименования организаций/фирм:

- магазин фруктов (фруктовая база;
- фруктовая лавка) 35;
- продуктовый магазин (продовольственный магазин) 24;
- кафе (кафе-закусочная) 10;
- супермаркет 4
- детское кафе;
- кондитерская;
- магазин сладостей;
- магазин товаров для сада;
- продуктовая лавка от Ашота 1.

Сугубо личные ассоциации, обусловленные прошлым опытом личности, породили следующие наименования:

- салон красоты 4;
- детский сад 3;
- клуб 3;
- кинотеатр 2;
- магазин детских товаров 2;
- магазин детской одежды 2;
- аптека;
- бюро похоронных услуг;
- детский приют;
- дом творчества
- ларек;
- магазин косметики;
- магазин модной одежды;
- магазин нижнего белья;
- магазин техники;
- ночной клуб;
- парикмахерская;
- развлекательный центр;
- страховая компания;
- театр молодежи;
- учреждение развивающего типа;
- фирма по организации праздников и торжеств;
- фитнес-центр;

– фотосалон;
– центр досуга молодежи 1 [фрагмент словарной статьи из «Неймингового словаря русского языка»].

Таким образом, проект создания неймингового словаря отличает новизна заявленного исследования, которая в свою очередь проявляется в отражении в словарных

статьях лингвомаркетингового потенциала русского слова, в его способностях становится именем собственным и функционировать в сознании реципиентов в качестве возможного фирменного наименования какой-либо организации.

Литература

1. Голев Н. Д., Ким Л. Г., Стеванович С. В. Об исследовательских возможностях сопоставительной лексикографии (на материале опыта «Разноязычного словаря обыденной семантики бионимов») // Теоретические и методологические проблемы филологии: сб. научных статей, посвященных 70-летию доктора филологических наук, профессора Л. К. Жанаалиной. Алматы: Улагат, КазНПУ им. Абая, 2015. С. 125 – 134.
2. Дударева Я. А. «Нейминговый словарь русского языка»: теоретические и практические опыты разработки // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 281 – 283.
3. Дударева Я. А. Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования): концепция и технический проект // Филология и человек. 2014. № 1. С. 121 – 125.
4. Дударева Я. А., Замилова А. В., Сатучина Т. Ю. Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования). Кемерово, 2016. 304 с.
5. Стеванович С. В. «Национальный» компонент в содержании, ассоциируемом со словом (на примере сопоставительного анализа бионимов в русском и сербском языках) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4. Т. 4. С. 221 – 224.
6. Стернин И. А. Концепт, «психологическое реальное» и «лексикографическое значение» // Язык и история: Международный сб. науч. трудов. Глазов, 2005. С. 179 – 182.
7. Барышева Е. Л., Вахтель Н. М., Волобуева Ю. С., Воробьева М. Е., Воронина И. К., Голев Н. Д., Дударева Я. А., Зырянова Е. Г., Иванова М. М., Кашкин В. Б., Ким Л. Г., Кишина Е. В., Козельская Н. А., Корнев В. А., Костюченко Ю. А., Кузнецова Т. Ю., Лебедева Н. Б., Лыскова И. Ю., Макавчик В. О., Норман Б. Ю., Овчинникова И. Г., Огольцева Е. В., Орехова Н. Н., Перфильева Н. П., Петрова Н. Е., Плаксина Н. Ю., Полинченко Д. Ю., Прокуденко Н. А., Розенфельд М. Я., Рудакова А. В., Саломатина М. С., Сараматина Л. Х., Седов К. Ф., Селезнева Г. Я., Стернин И. А., Тимошина Т. В., Федотова Н. В., Чулкина Н. Л., Шапилова Н. И., Шилихина К. М., Шпильная Н. Н., Шумарина М. Р. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография. Кемерово, 2010. 460 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 940 с.
9. Замилова А. В., Кузнецова Т. Ю. Феномен амбивалентности языкового знака и обыденного сознания носителя русского языка: к постановке вопроса (по данным лингвистического эксперимента для «Неймингового словаря русского языка») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1. Т. 4. С. 162 – 165.
10. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2-х т. Кемерово, 2012. Т. 1. 536 с.

«THE NAMING DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE»: RESEARCH PERSPECTIVES

Anastasia V. Zamilova^{1, @1, *}, Tatjana U. Satuchina^{1, @2, *}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@1 zamilova_anastasia@mail.ru

@2 tatianakuznetsova86@mail.ru

Received 15.01.2016.

Accepted 06.12.2016.

Keywords: naming a dictionary of ordinary language consciousness, an experiment, an ordinary native speaker, linguomarketing potential of the word.

* The research is made with financial support from Russian Humanities Science Foundation being the part of the project “Naming Russian Dictionary (words-bionyms as company names)” № 14-34-01250.

Abstract: The article deals with the concept, project and originality of the new type of onomasiological naming dictionary formation. There are a number of psycholinguistic studies on the basis of the Naming Dictionary articles. The results of these studies show linguomarketing potential of the words-bionyms and their real function in company names, peculiarities of the native speaker linguistic consciousness, correlation lexicographic and “psychologically real” meaning of the word and peculiarities of the linguistic sign variation. The Naming Russian Dictionary reflects the knowledge about words in fundamentally new dimension: not according to the prescriptive function (in the current dictionary it is kept to the minimum) but in terms of the native speakers’ idea about word semantics and its reference with reality. An additional point is that the dictionary is made on the basis of the linguistic experiment. It provides not only enlargement of current linguistic studies in the sphere of the linguomarketology but it allows one to study an ordinary linguistic consciousness of native speakers of the Russian language.

For citation: Zamilova A. V., Satuchina T. U. «Neimigovyi slovar' russkogo iazyka»: perspektivy issledovaniia [«The Naming Dictionary of the Russian Language»: Research Perspectives]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 159 – 163. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-159-163.

References

1. Golev N. D., Kim L. G., Stevanovich S. V. Ob issledovatel'skikh vozmozhnostiakh sopostavitel'noi leksikografii (na materiale opyta «Raznoiazychnogo slovaria obydennoi semantiki bionimov») [Research opportunities in comparative lexicography (based on the experience of the "Multilingual dictionary of everyday semantics binkow")]. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy filologii* [Theoretical and methodological problems of Philology]. Almaty: Ulakat, KazNPU im. Abaia, 2015, 125 – 134.
2. Dudareva Ia. A. «Neimigovyi slovar' russkogo iazyka»: teoreticheskie i prakticheskie opyty razrabotki [“Naming dictionary of the Russian language”: theoretical and practical experiences of development]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Problems of history, Philology, culture*, no. 3 (2014): 281 – 283.
3. Dudareva Ia. A. Neimigovyi slovar' russkogo iazyka (slova-bionimy kak firmennye naimenovaniia): kontseptsii i tekhnicheskii proekt [Naming dictionary of the Russian language (word-bionomy as trade names): concept and technical project]. *Filologiya i chelovek = Philology and the man*, no. 1 (2014): 121 – 125.
4. Dudareva Ia. A., Zamilova A. V., Satuchina T. Iu. *Neimigovyi slovar' russkogo iazyka (slova-bionimy kak firmennye naimenovaniia)* [Naming dictionary of the Russian language (word-bionomy as brand names)]. Kemerovo, 2016, 304.
5. Stevanovich S. V. «Natsional'nyi» komponent v sodержanii, assotsiirovannom so slovom (na primere sopostavitel'nogo analiza bionimov v russkom i serbskom iazykakh) [The "national" component in the content associated with that word (for example, comparative analysis binkow in Russian and Serbian)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4, no. 4 (2015): 221 – 224.
6. Sternin I. A. Kontsept, «psikhologicheskoe real'noe» i «leksikograficheskoe znachenie» [The concept of "psychological real" and "lexicographic value"]. *Iazyk i istoriya* [Language and history]. Glazov, 2005, 179 – 182.
7. Barysheva E. L., Vakhtel' N. M., Volobueva Iu. S., Vorob'eva M. E., Voronina I. K., Golev N. D., Dudareva Ia. A., Zyrianova E. G., Ivanova M. M., Kashkin V. B., Kim L. G., Kishina E. V., Kozel'skaia N. A., Kornev V. A., Kostiuhenko Iu. A., Kuznetsova T. Iu., Lebedeva N. B., Lyskova I. Iu., Makavchik V. O., Norman B. Iu., Ovchinnikova I. G., Ogor'tseva E. V., Orekhova N. N., Perfil'eva N. P., Petrova N. E., Plaksina N. Iu., Polinichenko D. Iu., Prokudenko N. A., Rozenfel'd M. Ia., Rudakova A. V., Salomatina M. S., Saramotina L. Kh., Sedov K. F., Selezneva G. Ia., Sternin I. A., Timoshina T. V., Fedotova N. V., Chulkina N. L., Shapilova N. I., Shilikhina K. M., Shpil'naia N. N., Shumarina M. R. *Obydennoe metaazykovoe soznanie i naivnaia lingvistika: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Everyday metalinguistic consciousness and naive linguistics: the ontological and epistemological aspects]. Kemerovo, part 3 (2010): 460.
8. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii iazyk, 1987, 940.
9. Zamilova A. V., Kuznetsova T. Iu. Fenomen ambivalentnosti iazykovogo znaka i obydennoego soznaniia nositelia russkogo iazyka: k postanovke voprosa (po dannym lingvisticheskogo eksperimenta dlia «Neimigovogo slovaria russkogo iazyka») [The phenomenon of ambivalence of the linguistic sign and everyday consciousness, a carrier of the Russian language: to the question (according to a linguistic experiment for "Naming dictionary of the Russian language")]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4, no. 1 (2015): 162 – 165.
10. *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov. Leksika prirody* [The dictionary of ordinary interpretations of Russian words]. Kemerovo, vol. 1 (2012): 536.

УДК 821.161.1

ХРИСТИАНСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Ю. БУЙДЫ «ВОР, ШПИОН И УБИЙЦА»

Оксана А. Колмакова^{1, @}

¹ Бурятский государственный университет, Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А
@ post-oxugen@mail.ru

Поступила в редакцию 14.09.2016.
Принята к печати 28.10.2016.

Ключевые слова: Ю. Буйда, «Вор, шпион и убийца», христианский дискурс, современная русская проза, образ, мотив.

Аннотация: В романе «Вор, шпион и убийца» (2014) современного русского писателя Юрия Буйды христианский дискурс обнаруживает себя на различных уровнях организации текста: жанровом (автобиография / исповедь), образном (маргиналы, безумцы / нищие духом), мотивном (несовершенство человеческой природы / грех), сюжетном (трудный путь сына к отцу / притча о блудном сыне) и др. С одной стороны, христианские аллюзии являются в романе проявлением интертекстуальной поэтики, создающей культурный контекст для восприятия постмодернистского текста. С другой стороны, христианский «код» оказывается наиболее релевантным для раскрытия философско-психологического содержания произведения, поскольку в христианских категориях выражается авторское отношение к ведущим культурным смыслам эпохи, к современному человеку и к себе самому.

Для цитирования: Колмакова О. А. Христианский дискурс в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 164 – 168. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-164-168.

В современном литературоведении и критике прозу Ю. Буйды принято рассматривать в аспекте таких категорий, как «стилизация», «эстетизация», «(пост) модернистская игра». Так, М. В. Безрукавая замечает, что Буйда «может быть назван мастером модернистского эгоцентризма, особого художественного понимания человека, которое предусматривает приоритетное внимание к эстетическим, а не этическим ракурсам» [1, с. 101]. Говоря о прозе Ю. Буйды, Е. Александрова-Зорина практически апеллирует к словам И. Бродского: «Писатель <...> отвечает перед языком» [2]. Для Т. Г. Прохоровой роман «Вор, шпион и убийца» – это «метапроза, своеобразный творческий автокомментарий, и, своего рода призма, в которой преломляются законы существования художественного мира Буйды» [3, с. 110].

Однако раскрывая некоторые секреты своей творческой мастерской, Ю. Буйда вводит иной, внеэстетический контекст для восприятия своих произведений. Так, в интервью Ю. Рахоевой писатель замечает следующее: «мне по-человечески удобнее думать, что всех нас – в том числе, конечно, и меня – забудут, а значит, писательская работа превращается в подвиг святости. Приятно же думать, что твоя работа чем-то похожа на молитвы отцов-пустынников, о существовании которых никто и не подозревал, однако подвиг этих безымянных людей остался в духовной копилке человечества, об истинном содержании которой нам мало что известно» [4]. Примечательно также и такое признание писателя: «Художник никому ничего не должен, только языку. Настоящий писатель бьется с ним, как Иаков в темноте бился с ангелом, не зная с кем» [5].

Несмотря на то, что в современном культурном пространстве постмодерна слово часто приобретает

иронические коннотации, сравнение писательского подвига с христианским подвижничеством у Ю. Буйды представляется не случайным. С позиций христианского дискурса нами был предпринят анализ романа «Вор, шпион и убийца», что позволило выявить неоднозначность христианского «кода» в этом произведении.

На первый взгляд, в романе создан традиционный для прозы Ю. Буйды образ рассказчика-эстета, писателя, к которому автор уже обращался в книге «Прусская невеста» (1999), романе «Синяя кровь» (2011), повести «Яд и мед» (2013). В романе «Вор, шпион и убийца» судьбы персонажей оформлены подчеркнуто фикциональным повествованием. Сюжеты их жизней рассказчик «сворачивает» то в сказку («Вероника Андреевна и ее безногий муж прожили долгую жизнь, умерли в один день» [6, с. 34]), то в миф (история о трех женах лесника как полигамный миф, «воскресший» в страшной послевоенной реальности). То и дело в романе обыгрываются образы, заявленные в его названии. В первой главе – это вор «цыганенок» и убийца няньки Нилы Калитин; далее – воры с книжной свалки при бумажной фабрике; безымянная воровка колхозного поросенка; шлюха «Лиса», убившая мать, ее любовника и свою дочь и т. д.

При этом смерть в романе также эстетизирована. Чего, к примеру, стоит абсолютно карнавализованное описание похоронной процессии: «<...> ставили в кузов гроб с покойником, за машиной выстраивались родственники, за ними – оркестр во главе с вечно пьяным Чекушкой, а следом вытягивалась процессия – привыкшие к смерти старушки в плюшевых жакетах, соседи, мятежная баба Буяниха в пальто со шкурой неведомого зверя на воротнике, беспричинные люди – пьяницы, которые надеялись напиться на поминках, дурак Вита Смо-

локуров и дурочка Общая Лиза, бродячие собаки да какая-нибудь шальная коза с пучком травы в зубах...

Иногда двигатель полуторки глох, и машину приходилось толкать. Родственники, соседи и сумасшедшие дружно налегали, Коля <водитель> матерился, оркестр играл что-нибудь бодрящее, бродячие псы лаяли, коза отчаянно блеяла, наконец мотор начинал стрелять и рычать, и шествие возобновлялось» [6, с. 7].

В романе постоянно упоминаются имена писателей и поэтов, что также акцентирует внимание на эстетической стороне текста. У Буйды можно встретить цитаты из Шекспира, Шиллера, Рильке, Боратынского, Тютчева и др. Имена писателей упоминаются в романе и в гротескной форме, когда рассказчик вспоминает своих соседей: «одноногого старика Набокова» и «Анну Ахматову, всю жизнь торговавшую селедкой» [6, с. 67].

Наибольшего внимания Ю. Буйды удостоился Н. В. Гоголь как один из писателей, близких ему по духу. Открытие Литературы происходит у героя Буйды по прочтении «Ревизора», затем он создаст нечто вроде «ремейка» гоголевской комедии для своих одноклассников, а впоследствии ему предстоит воплотить в жизнь один из сюжетных ходов «Ревизора», когда он будет, говоря словами Хлестакова, «волочиться напропалую» за Эммой и Риммой, приходящимися друг другу матерью и дочерью. «Игра» с Гоголем обнаруживается у Буйды и в самом «языке» романа, в частности, в особом пристрастии к сложным «гоголевским» фамилиям (Добробабин, Ковалайнен, Смолокуров) и каламбурам: «За связь без брака» (лозунг на почте), «Пятилетка в три гроба» (о случившихся друг за другом смертях Брежнева, Андропова и Черненко), «красовки» (народная этимология – «Красота же!») и др.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о высокой степени литературности текста Буйды. Однако литературоцентричный, гротескно-игровой пласт романа является лишь фоном для развития основного романного сюжета – сюжета обретения героем писательской и человеческой идентичности. В этом сюжете, по нашему мнению, христианский дискурс играет основополагающую роль, несмотря на его скрытый, аллюзивный характер (в отличие, например, от поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки» или романа М. Елизарова «Pasternak»), что говорит о его сокровенности для автора и его автобиографического героя.

Прежде всего, герой с детства ощущает, что существует как бы в двух «топосах», для которых позже он заимствует названия у Блаженного Августина – «Град Земной» и «Град Небесный» (Августин противопоставляет друг другу два рода «человеческого племени»: племя Каина как земное, телесное, и племя Авеля как духовное. Каин возвел город во грехе, Авель, странник – «Град Святых», «Град вышний» [7, с. 67]). Ю. Буйда создает образ города своего детства, города, во многом сформировавшего его личность. Критики и исследователи неоднократно отмечали важность пространственных образов для прозы Буйды. По мнению Г. Каневского, Ю. Буйда творит новую «литературную землю» – «город / поселок Велау / Знаменск» [8]; анализируя роман «Синяя кровь», Е. Горшкова заметила, что

«если Ида Змойро – центральная фигура романа, то второй герой <...> город Чудов» [9, с. 177]; Т. Сохарева называет дом «единственным “живым” персонажем» повести «Яд и мед» [10] и др. В романе «Вор, шпион и убийца» герой ощущает какую-то «болезненную потребность» в возвращении в «родной городок», несмотря на то, что жизнь там была «скудной, унылой, иногда – непристойной, подчас – жестокой и унижительной, почти всегда – невыносимой» [6, с. 23]. Жители этого города – обыкновенные пьяницы, сумасшедшие, нравственные и физические уроды, для которых придумано особое слово – *паице* (падшие).

Автор подчеркивает обыденность такой жизни, изображая ее как проявление греха, царящего в любой точке Града Земного, будь то калининградская инфекционная больница, в которой празднование Пасхи превращается в оргию, или ежедневный «ад» колхозной жизни, с которой то и дело приходится сталкиваться герою – корреспонденту районной газеты. При этом его отношение к категории греха нельзя назвать однозначным. С одной стороны, герой не разделяет идеи «нормальности» греха, хотя подобные мысли активно будируются в современном обществе (об этом с сожалением пишет архиепископ Иоанн (Шаховской): «зло внушило людям требования греха называть – требованиями природы» [11, с. 124]). С другой стороны, с первых страниц романа автором вводится максима о том, что «человек может и должен черпать силы в осознании собственной греховности» [6, с. 13].

Ю. Буйда считает греховность человеческого существования знаком его подлинности, «правды божьей». Поэтому-то и возникают компоненты христианской коннотации в описании *паиц* персонажей. Только став взрослым, герой-рассказчик понимает, какие глубокие нравственные мучения испытывала Вероника Андреевна, изменявшая любимому, но бесплодному мужу, чтобы в их семье были дети. И зрелому же герою открывается подлинная высота духа сумасшедшей Гертруды, повторяющей, как молитву, одни и те же строки Шиллера: «Обнимитесь, миллионы, в поцелуе слейся, свет, братья, над шатром планет есть отец, к сынам склоненный!» [6, с. 74].

Христианский дискурс наиболее ярко проявляет себя в сюжете *паицей* «Лисы», Сени, «героини семейных скандалов и непристойных историй». Создавая ее портрет, Буйда обращается к постмодернистской стиливой игре – описывает падшую женщину библейским слогом, используя при этом прямую цитату из Откровения Иоанна Богослова [12]: «Она сидела напротив, *одетая в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства*» [6, с. 210]. В ходе развития сюжета это ироническое «остранение» героини сыграет роль «кода» ее образа.

Пытаясь приобщить Сеню к культуре, герой-рассказчик знакомит ее с романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в котором более всего Сеню поразит эпиграф – «Мне отмщение, и Аз воздам». Сеня совершает тройное убийство: любовника своей матери, который

изнасиловал дочь Сени, матери, пытавшейся защитить любовника, и дочери, чтобы та «не повторила судьбу матери, то есть Сени» [6, с. 213]. Ее убийства – это месть судьбе за поруганные жизни – свою и дочери. Герой-рассказчик понимает, что Сеня истолковала слова апостола Павла ошибочно, «как будто вывернув наизнанку», но он признает, что «иногда человеческое “наизнанку” ближе к правде божьей, чем правота тех, кто не способен любить» [6, с. 215]. Сеня с готовностью принимает грядущее наказание: перед тем, как совершить роковое признание, она принимает ледяной душ, символизирующий ее духовное очищение. Мученическая смерть в тюрьме (в драке Сене перерезали горло куском стекла) закономерно завершает христианский сюжет героини.

Среди персонажей романа одним из ключевых является образ отца, который также может быть рассмотрен в аспекте христианской проблематики. Тема отца в романе неизменно оформляется возвышенно-библейской стилистикой. Так, карта железных дорог становится для отца «планом мироздания» [6, с. 59]; рассказы отца о людоеде и несостоявшемся расстреле вызывают у героя «приступ <...> библейского стыда» [6, с. 64]; весьма красноречиво напутствие отца, сделанное сыну-писателю: «И если ты однажды заглянешь в душу человека, грызущего семечки, и не найдешь там <...> ни дьявольской тяги к саморазрушению, ни страсти к божественному полету, – грош тебе цена» [6, с. 106]. И слова рассказчика о том, что «ребенок в детстве оглядывается на отца, а взрослый – на бога» [6, с. 306] прямо говорят о возможности прочтения образа отца в романе по теологическому «коду».

Всю жизнь отец остается для героя далеким и непонятым, их отношения прохладны или отсутствуют вовсе. И только после смерти отца герой по-настоящему обретает его. Оказалось, что жесткий, всегда сдержанный на любовь и ласку отец сорок лет хранил среди своих самых дорогих вещей глиняного петушка-свистульку – игрушку своего сына. Символическое возвращение «блудного сына» к Отцу завершает процесс обретения человеческой идентичности героя: к нему приходит «странное чувство покоя и тихой, ясной радости» [6, с. 314]. Прочитываемая в сюжете романа «Вор, шпион и убийца» притча о блудном сыне с ее семантикой покаяния придает автобиографическому тексту Ю. Буйды оттенок исповеди.

Воссоединение с отцом укрепляет героя на его пути ко Граду Небесному, который прежде уже открылся ему в творчестве. Дорога к собственному творчеству лежит у героя через постижение чужого. Придуманным в детстве словом «*лиарды*», означающим несметные сокровища, герой-рассказчик называет художественную литературу, приобщение к которой началось у него с чтения «Ревизора». Гоголевский мир, населенный «уродами и идиотами», возносит героя «на какие-то высоты света <...> выше чего ничего не бывает» [6, с. 86]. Позже герой будет рыдать над строками из стихотворения Е. А. Боратынского «Последняя смерть»: «Но иногда, мечтой воспламененный, // Он видит свет, другим не откровенный» [6, с. 95]. Катарсическое восклицание, вырвавшееся из груди героя, напоминает молитву: «Как хорошо

и светло было мне плакать! Как отчаянно и светло, о господи!» [6, с. 96].

Устойчивый мотив света, возникающий по отношению к творчеству, – прямое указание на его божественную природу. В Священном Писании свет является одним из постоянных символов чистоты, святости, радости: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [13]; «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего небесного» [14]; сотворение мира начинается со света [15]; в Откровении святого Иоанна Богослова неоднократно упоминается, что Царство небесное есть пришествие Царства света и др. Осознав себя писателем, творцом своих собственных «*лиардов*», герой видит «город на высокой горе, столбашенный город великий и белый», и буквально слышит слова апостола Иоанна: «И увидел я новое небо и новую землю» [6, с. 312] – Град Небесный, «гражданином» которого отныне становится герой.

Слова из Откровения Иоанна Богослова не случайны. Мотивы этого текста возникают в романе неоднократно: в комментарии идей Мартина Бубера о конце света как о цели человеческой жизни [6, с. 24]; в детских ощущениях героя (Калининград – «место, где кончается свет» [6, с. 45] или «в детстве <...> каждая утрата – Апокалипсис» [6, с. 160]); в уже упомянутом описании любовницы героя Сени [6, с. 260], персонифицирующей собой образ Града Земного, Вавилона-блудницы. «Книгой Великой Надежды» называет герой Откровение – этот, в сущности, страшный и жестокий текст, в котором гибельный мир преобразается спасительной силой веры в мир света и гармонии. Для героя такой спасительной силой является творчество. Можно отметить, что у Ю. Буйды концепция творчества, чьим источником является мир греха, созвучна идеям Н. Бердяева, который писал: «Человеческая природа, искупленная и спасенная от зла, имеет положительное человеческое содержание и положительную человеческую задачу. Таким содержанием и задачей может быть лишь творчество. Творчество человека связано с оргийно-экстатической стихией человека. Стихия эта находится в падшем греховном состоянии» [16, с. 123]. Для Буйды – героя и автора – творчество есть способ обретения *der Ganze*, «целостности <...>, о которой тоскует всякий человек, страдающий дефицитом божественности» [6, с. 278].

Итак, можно сделать вывод о том, что христианство в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» является не только традиционной для русской литературы метафорой духовности. У Буйды грех изображается как качественная характеристика современного мира, символом которого стал Град Земной, противопоставленный светлomu и гармоничному началу – Граду Небесному. Теологический «код» становится ведущим в романе: как Человек герой идентифицируется с Отцом, а как писатель – с Творцом. Обращаясь к теме Творца, писатель говорит вполне серьезно о том, что творчество для него и есть способ бытия, единственно возможная форма жизни.

Литература

1. Безрукавая М. В. Творчество Ю. Буйды как литературный проект // Язык и культура. 2015. № 16. С. 100 – 105.
2. Юрий Буйда: «Литература никого ничему не учит...». Беседовала Е. Александрова-Зорина // Блог Thankyou.ru. 31 мая 2013. Режим доступа: <http://blog.thankyou.ru/yuriy-buyda-literatura-nikogo-nichemu-ne-uchit/> (дата обращения: 15.08.2016).
3. Прохорова Т. Г. Роман Юрия Буйды «Вор, шпион и убийца»: между автобиографией и вымыслом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2. С. 106 – 110.
4. Рахаева Ю. Замочные скважины. Юрий Буйда, финалист «Большой книги», – о том, чем работа писателя похожа на молитвы отцов-пустынников... // Российская газета. 2013. 6 ноября. № 6225(249). Режим доступа: <http://rg.ru/2013/11/06/bujda.html> (дата обращения: 10.08.2016).
5. Юрий Буйда: «Наша речь, как расплавленная магма» // Портал городских новостей «Вечерняя Москва». 5 февраля 2015. Режим доступа: <http://www.vm.ru/news/2015/02/05/yuriy-bujda-nasha-rech-kak-raspplavennaya-magma-277888.html> (дата обращения: 10.08.2016).
6. Буйда Ю. Вор, шпион и убийца: роман. М.: Эксмо, 2014. 320 с.
7. Блаженный Августин. О граде Божием: в 4 т. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 3. 283 с.
8. Каневский Г. Юрий Буйда. Все проплывающие (рецензия) // Colta.ru. 15.06.2011. Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/23083/> (дата обращения: 10.08.2016).
9. Горшкова Е. Не такое уж темное царство // Октябрь. 2011. № 11. С. 174 – 178.
10. Сохарева Т. Автор выпил меду. Вышла книга финалиста «Большой книги» Юрия Буйды «Яд и мед» // Газета.ru. 06.02.2014. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml (дата обращения: 08.08.2016).
11. Архиепископ Иоанн (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха. Избранные статьи. М.: Сретенский монастырь, 2011. 224 с.
12. Откровение святого Иоанна Богослова. Гл. 17. Стих 4.
13. От Иоанна святое благовествование. Гл. 1. Стих 4.
14. От Матфея святое благовествование. Гл. 5. Стих 16.
15. Бытие. Гл. 1. Стих 3.
16. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 188 с.

CHRISTIAN DISCOURSE IN YU. BUIDA'S NOVEL «THIEF, SPY AND MURDERER»

Oksana A. Kolmakova^{1, @}

¹ Buryat State University, 24A, Smolina St., Ulan-Ude, Russia, 670000
 @ post-oxygen@mail.ru

Received 14.09.2016.

Accepted 28.10.2016.

Keywords: Yu. Buida, "Thief, Spy and Murderer," Christian discourse, modern Russian prose, image, motif.

Abstract: In the modern Russian writer Yuri Buida's novel "Thief, Spy and Murderer" (2014), Christian discourse reveals itself at different levels of the text's organization: genre (autobiography / confession), imaginative (marginal, mad / poor in spirit), motivic (imperfection of human nature / sin), plot (the hard way the son to the father / parable of the prodigal son) and others. On the one hand, Christian allusions in the novel are a manifestation of intertextual poetics, creating a cultural context for the perception of the postmodern text. On the other hand, the Christian "code" is the most relevant for the disclosure of the philosophical and psychological content of the novel, as in Christian categories expressed by the author's attitude to the leading cultural meanings of the era, to modern man, and to himself.

For citation: Kolmakova O. A. Khristianskii diskurs v romane Iu. Buidy «Vor, shpion i ubiitsa» [Christian Discourse in Yu. Buida's Novel «Thief, spy and murderer»]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 164 – 168. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-164-168.

References

1. Bezrukavaia M. V. Tvorchestvo Iu. Buidy kak literaturnyi proekt [Yu. Buida's creativity as a literary project]. *Iazyk i kul'tura = Language and Culture*, no. 16 (2015): 100 – 105.
2. Iurii Buida: «Literatura nikogo nichemu ne uchit...». Besedovala E. Aleksandrova-Zorina [Yuri Buida: "Literature does not teach anyone anything ....". Interview by Alexandrova-Zorina E.]. *Thankyou.ru*, 31.05.2013. Available at: <http://blog.thankyou.ru/yuriy-buyda-literatura-nikogo-nichemu-ne-uchit/> (accessed 15.08.2016).

3. Prokhorova T. G. Roman Iuriia Buidy «Vor, shpion i ubiitsa»: mezhdru avtobiografiei i vymyslom [Yuri Buida's novel "Thief, Spy and Murderer", between autobiography and fiction]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Filologiya. Zhurnalistika* = *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*, 15, no. 2 (2015): 106 – 110.
4. Rakhaeva Iu. Zamochnye skvazhiny. Iurii Buida, finalist «Bol'shoi knigi», – o tom, chem rabota pisatel'ia pokhozha na molitvy ottsov-pustynnikov... [Keyholes. Yuri Buida, finalist of "Big Book" – about what the writer's work is similar to the prayer of the desert fathers...]. *Rossiiskaia gazeta* = *Russian newspaper*, no. 6225 (249) (2013). Available at: <http://rg.ru/2013/11/06/bujda.html> (accessed 08.08.2016).
5. Iurii Buida: Nasha rech', kak rasplavlennaiia magma... [Our speech, as the molten magma...]. *Vecherniaia Moskva* = *Evening Moscow*, 05.02.2015. Available at: <http://www.vm.ru/news/2015/02/05/yurij-bujda-nasha-rech-kak-rasplavlennaya-magma-277888.html> (accessed 08.10.2016).
6. Buida Iu. *Vor, shpion i ubiitsa* [Thief, Spy and Murderer]. Moscow: Eksmo, 2014, 320.
7. Augustine. *O grade Bozhiem* [The City of God]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyr'ia, vol. 3 (1994): 283.
8. Kanevskii G. Yurii Buida. Vse proplyvaiushhie (retsenziia) [Yuri Buida. All sailing (review)]. *Colta.ru*, 15.06.2011. Available at: <http://os.colta.ru/literature/events/details/23083/> (accessed 10.08.2016).
9. Gorshkova E. Ne takoe uzh temnoe tsarstvo [Not so dark kingdom]. *Oktiabr'* = *October*, no. 11 (2011): 174 – 178.
10. Sokhareva T. Avtor vypil medu Vyshla kniga finalista «Bol'shoi knigi» Iuriia Buidy «Iad i med» [Author drank honey. Yuri Buida's book "Poison and Honey", the finalist "Big Book", was published]. *Gazeta.ru* = *Newspaper.ru*, 06.02.2014. Available at: http://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml (accessed 08.08.2016).
11. Archbishop Ioann (Shakhovskoi). *Apokalipsis melkogo grekha* [Apocalypse of minor sin]. Moscow: Sretenskii monaster, 2011, 224.
12. *Otkrovenie sviatogo Ioanna Bogoslova* [Revelation of St. John the Divine]. 17: 4
13. *Ot Ioanna sviatoe blagovestvovanie* [Gospel of John]. 1: 4.
14. *Ot Matfeia sviatoe blagovestvovanie* [Gospel of Matthew]. 5: 16.
15. *Bytie* [Genesis]. 1: 3.
16. Berdiaev N. A. *Filosofiia tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art]. Moscow: Iskusstvo, vol. 1 (1994): 188.

УДК 801.313.1

ИМЯ ЛЮДВИГА ВАН БЕТХОВЕНА КАК ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ЕДИНИЦА В РОМАНЕ Э. БЕРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»

Людмила В. Коробко¹, @¹ Воронежский государственный технический университет, Россия, 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14
@ l.v.ledeneva@mail.ruПоступила в редакцию 01.08.2016.
Принята к печати 07.11.2016.**Ключевые слова:** имя собственное, антропоним, антропонимические модели, Людвиг Ван Бетховен, антиномия, лексический портрет.

Аннотация: В данной статье анализируются особенности функционирования имени собственного *Ludwig van Beethoven*, а также репрезентируется сознательное использование данного имени собственного в процессе вербализации феномена *Music* («Музыка») (на материале романа Э. Берджесса «Заводной апельсин»). На основе поэтапного исследования выделяются три модели имени собственного *Ludwig van Beethoven* в рамках антропонимического поля художественного дискурса Э. Берджесса: МОДЕЛЬ I [Личное имя]; МОДЕЛЬ II [Фамилия]; МОДЕЛЬ III [Фамилия + Произведение]. Доминантным является употребление модели имени собственного [Личное имя] – *Ludwig van*, что отражает субъектно-личностное отношение героя романа к композитору. Определены функциональные значения имени собственного, выделены 4 лексических портрета Бетховена: физиологический, психологический, эмоциональный и интеллектуальный. Мелиоративно- и пейоративно-коннотатированные признаки, относящиеся к характеристике Бетховена в исследуемом романе, выражаются посредством оценочной лексики и антиномий. Преобладает мелиоративно-окрашенная характеристика композитора, что связано с величию его фигуры, а также мотивировано симпатией главного героя романа к Бетховену. К мелиоративным признакам относятся его просветительские, благородные черты. Пейоративные признаки личности композитора отражаются в эмоциональном и интеллектуальном портретах музыканта, где он представляется человеком хмурым, злым, безумным. В романе Энтони Берджесса «Заводной апельсин» репрезентируются как универсальные, так и специфические черты Людвиг ван Бетховена. Универсальными чертами выступают физические характеристики музыканта (глухота, длинные развевающиеся волосы и др.), а также признание гениальности композитора и его творений. Особенности характера Людвиг ван Бетховена принадлежат как к сфере универсальных, так и специфических черт. Общеизвестным представляется факт отстраненного, уединенного образа жизни музыканта, его суровый, мрачный характер, являющийся последствиями болезни. К специфическим чертам, которыми наделяет Бетховена автор романа Э. Берджесс, относятся раздраженность, злоба, скрытая угроза, пронизывающий взгляд.

Для цитирования: Коробко Л. В. Имя Людвиг Ван Бетховена как прецедентная единица в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 169 – 177. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-169-177.

Музыка является одним из наиболее древних искусств в человеческой культуре. Фридрих Ницше писал: «Ибо музыка, тем и отличается от всех остальных искусств, что она не есть отображение явления или, вернее, адекватной объективной воли, но непосредственный образ самой воли и поэтому представляет ко всякому физическому началу мира – метафизическое начало, ко всякому явлению – вещь в себе...» [1]. Музыка является «квинтэссенцией и способом человеческой деятельности, определяет и синтезирует все остальные формы познания мира» [2]. Музыкальное начало пронизывает художественное пространство литературы, позволяя описать мир, используя универсальные музыкальные образы, символы и мотивы. Вильгельм фон

Гумбольдт указывал, через какие языковые формы отражается наше мировидение. Он писал: «Сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека...; изучение языка открывает для нас помимо собственного его использования еще и аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке» [3, с. 348]. Данную проблематику также разрабатывал Э. Сепир, который утверждал: «...язык не существует... вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [4, с. 185].

Наиболее яркими репрезентантами той или иной культуры являются имена собственные. В. Вейдле от-

мечал, что «именам собственным присуще устройство смысла, которого не являют никакие другие элементы языка. <...> У имени не просто «лексическая окраска», как у любого слова: у него звук, необычный звук, и мир, откуда для нас этот звук звучит» [5, с. 41].

История изучения имен собственных берет свое начало с древнейших времен. Уже в Древней Греции ученые отмечали особое положение имен собственных, их особые функции в языке, которые отличаются от простого существительного.

Функция имен собственных состоит не только в указании на называемый ими объект, данные языковые единицы всегда несут дополнительную экстралингвистическую информацию. «Выполняя ряд социальных функций, имя живет и развивается по законам языка, хотя, причины, стимулирующие развитие именных систем, по своему происхождению социальные, т. е. лежат вне сферы действия лингвистики» [6, с. 26].

Особую группу имен собственных представляют собственные имена людей или антропонимы. Антропонимы имеют большую значимость в жизни общества, независимо от того, идет ли речь о личном имени, его различных формах, фамилии, отчестве или других видах имен.

Вопросу функционирования антропонимов в художественном тексте, их лексико-семантическим и функциональным особенностям посвящены работы В. Н. Михайлова [7], В. В. Виноградова [8], А. В. Суперанской [6], В. Д. Бондалетова [9], Ю. А. Рылова [10], В. И. Супруна [11], В. В. Вейдле [5], М. В. Сухих [12], З. Е. Фоминой [13], Н. В. Меркуловой [14] и др.

Так, М. В. Сухих отмечает: «Имя – это всегда часть ритуала, сложный знак, символ, маркирующий человека в ряду ему подобных и в то же время причисляющий его к определенной родовой или социальной общности» [12, с. 113]. «Индивидуальная семантика каждого имени – результат фоновых знаний носителей языка» [15, с. 37]. Подобный тип знаний нестабилен и претерпевает изменения с развитием общества, что и определяет коннотативность имен собственных и их индивидуальную семантику [15, с. 37].

«Прецедентные имена – это важная часть национальной культуры и языковой картины мира, яркий показатель специфики народного самосознания, рефлексии нации по поводу собственной истории и культуры» [16, с. 48]. При формулировке задач изучения антропонимов Ю. А. Рылов ставит следующие вопросы: «Как человеку дается имя? Как функционирует его имя (фамилия) в течение его жизни, в разных социумах, какова прагматика различных форм имени? Какие национально-культурные особенности наблюдаются в функционировании имен известных людей, литературных и библейских персонажей? Чем объясняются различия в национально-культурных интерпретациях этих имен? Центром каких ассоциативных созвездий является то или иное имя/фамилия?» [10, с. 10].

В. Д. Бондалетов выделяет следующие функции имен собственных: основные и второстепенные. К основным функциям он относит:

1) номинативную (имя называет объект);

2) идентифицирующую (оно указывает на объект в ряду ему подобных);

3) дифференцирующую (указывая, имя выделяет определенный объект из ряда ему подобных).

Второстепенными функциями являются: социальная, эмоциональная, аккумулятивная, дейктическая (указательная), функция «введения в ряд», адресная, экспрессивная, эстетическая и стилистическая [9, с. 20 – 21].

В основе современной лингвистики лежит антропоцентрический подход, ключевым аспектом изучения которого является не только сам язык, но и способы его взаимодействия с механизмами восприятия и мышления. Данную парадигму следует учитывать при изучении функционирования языковых единиц, поскольку они помогают раскрыть и описать когнитивную базу.

Собственные имена представляют особый кластер ономастического пространства языка и имеют определенные особенности функционирования. Особенно важным фактором и для литературы, и для реальности служит то, что имя указывает на лицо, личность.

Целью настоящей статьи является изучение особенностей функционирования имени собственного **Ludwig van Beethoven**, а также репрезентация сознательного использования данного имени собственного в процессе вербализации феномена **Music** («Музыка») (на материале романа Э. Берджесса «Заводной апельсин»).

Актуальность исследования определяется значимостью комплексного описания художественной роли имени собственного **Ludwig van Beethoven** в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин», в котором оно используется в качестве образного языкового средства, репрезентирующего феномен **Music** («Музыка»).

Имя собственное **Ludwig van Beethoven** в романе Энтони Берджесса «Заводной апельсин» относится к числу наиболее частотных в сравнении с именами других музыкантов (*Wolfgang Amadeus Mozart, J. S. Bach, G. F. Handel, Schoenberg, Carl Orff, Felix M.*) и составляет 46 % от общего числа антропонимов (16 единиц из 35).

Типология анализируемого имени строится по структурному критерию, а именно по количеству составляющих частей прецедентного имени: однокомпонентное и двухкомпонентное, а также по семантическому признаку.

Анализ антропонимического поля художественного дискурса Энтони Берджесса позволил выделить следующие модели имени собственного **Ludwig van Beethoven**:

- МОДЕЛЬ I [Личное имя];
- МОДЕЛЬ II [Фамилия];
- МОДЕЛЬ III [Фамилия + Произведение].

Количественное соотношение моделей имени собственного **Ludwig van Beethoven** отражено в нижеследующей таблице.

Таблица. *Квантитативное соотношение моделей имени собственного Ludwig van Beethoven*
 Table. *Quantitative ratio of models of the proper name Ludwig van Beethoven*

Модель имени	Пример	Количество контекстов (%)
I. Личное имя	<i>Ludwig van</i>	75 %
II. Фамилия	<i>Beethoven</i>	12,5 %
III. Фамилия + Произведение	<i>the Beethoven Fifth, the Beethoven Number Nine</i>	12,5 %

Преобладает однокомпонентная модель имени собственного [Личное имя] (75 % от общего количества проанализированных контекстов), это обосновывается субъектно-личностным отношением к композитору главного героя романа, стремящегося приблизиться к гению. Обращение к композитору только по имени позволяет говорить о квазиощущении главным героем того, что он является другом Бетховена.

I. Модель имени собственного [Личное имя] *Ludwig van* употребляется в 12 контекстах. Рассмотрим примеры:

...there I was cursing away and trying to shake it off holding this silver malenky statue in one rooker and trying to climb over this old ptitsa on the floor to reach lovely **Ludwig van** in frowning like stone [17] (...я запрыгал на одной ноге, тряся другой и тщетно пытаюсь освободиться, при этом в одной руке я держал серебряную статуэтку, а другой силился через старуху дотянуться до милого моему сердцу Людвигу вана, хмуро взиравшего на меня каменными глазами) [18].

Данный контекст насыщен антиномиями, которые ярко демонстрируют отношение главного героя к Людвигу ван Бетховену. Антиномия репрезентирована посредством глаголов, выражающих интенцию [**hold**, **reach** – **shake smth off**, **climb over**].

Глаголы *hold* (держат, удерживать), *reach* (достигать) и *try* (пытаться) показывают желание Алекса приблизиться к миру искусства и имеют положительную коннотацию. Так, глагол **hold** означает «to have something in your hand, hands, or arms» [19] (держат, удерживать что-либо в руках); **reach** в четвертом ЛСВ имеет значение «to move your arm in order to touch or lift something with your hand» [19] (двигать рукой, чтобы дотронуться или поднять что-либо в своих руках); **try** – «to attempt to do or get something» [19] (пытаться сделать или получить что-либо). Глаголы *curse away* (проклинать), *shake it off* (стряхнуть), *climb over* (перелезть) имеют негативную окраску.

Глагол **curse** имеет дефиницию «to say or think bad things about someone or something because they have made you angry» [19] (говорить или думать плохие вещи о ком-то или чем-то, потому что они разозлили вас) и усилен наречием **away** – «used to say that someone leaves a place or person, or stays some distance from a place or person» [19] (используется, чтобы сказать, что кто-либо покидает место или человека или остается на некоторой дистанции от места или человека).

Конструкция глагол (*curse*) + наречие (*away*) указывает на проявление негативных эмоций, обретающих вербальную форму и означающих «проклинать».

Глагол **shake somebody/something off** является фразовым глаголом – «to escape from someone who is chasing you» [19] (сбежать от того, кто преследует тебя) и отражает намерение сбежать.

Следующая конструкция представляет собой сочетание глагола **climb** в значении «to move up, down, or across something using your feet and hands, especially when this is difficult to do» [19] (двигаться вверх, вниз или поперек чего-либо, используя ноги и руки, особенно когда если это сложно сделать) и предлога **over** – «from one side of something to the other side of it» [19] (с одной стороны чего-либо на другую сторону) и описывает попытки преодолеть возникшее препятствие.

Проанализированные глаголы говорят о сопротивлении и намерении высвободиться «из рук старухи», которая пыталась схватить вора и передать правоохранительным органам.

Таким образом, в данном контексте актуализируется признак «стремление освободиться и избежать наказания».

Использованные прилагательные (*silver malenky*, *lovely* vs *old*) отражают мировосприятие главного героя. Он бережно и с любовью отзывается о маленькой серебряной статуэтке Бетховена, называет композитора «милым его сердцу» (*silver malenky statue*, *lovely Ludwig van*) и брезгливо обращается к пожилой женщине, называя ее «старухой» (*old ptitsa*).

Необходимо отметить наличие примеров молодежного жаргона – надсат: *malenky* (маленький), *rooker* (рука), *ptitsa* (птица, старуха), которые дополняют экспрессивную насыщенность контекста.

Личность композитора оказывает большое влияние на главного героя, даже в небольшой статуэтке Бетховена Алекса поражает суровость музыканта. Взвизгивающий на юношу своими каменными глазами, Бетховен как будто осуждает его: **Ludwig van** in frowning like stone.

Таким образом, в данном контексте отражены такие максимы, как порок и свобода выбора. Порочная жизнь, удерживающая юношу, воплощена в образе старухи, а Бетховен, грозно взвизгивающий на него, выступает «судьей» и указывает верный жизненный путь.

Имя композитора также используется при указании на его произведения. Рассмотрим примеры:

Then I noticed, in all my pain and sickness, what music it was that like crackled and boomed on the sound-track, and it was **Ludwig van**, the last movement of the Fifth Symphony... [17] (Тут я сквозь боль и дурноту заметил, что это была за музыка, пробивающаяся сквозь треск и взвизгивание старой пленки: это был Людвиг ван, последняя часть Пятой симфонии...) [18].

При описании звучания музыки используются глаголы: **crackle** в значении «to make repeated short sounds like

something burning in a fire» [19] (издавать повторяющиеся звуки, похожие на потрескивание горящих в огне дров); **boom** – «to make a loud deep sound» [19] (издавать громкий глубокий звук).

Глаголы *crackle* и *boom* характеризуют некачественную запись и звучание пленки.

В приведенном примере актуализируется эмоция отвращения (*in all my pain and sickness*), переходящая в удивление (*I noticed what music it was*). Все существо героя противилось охватившим его чувствам, перерастающим в физическую боль, за которыми он не сразу заметил, что именно музыка усиливает его недомогания и мучения.

Таким образом, музыка провоцирует не только эмоциональные, но и физические страдания.

Следующий контекст также является примером, в котором под именем музыканта (**Ludwig van**) подразумевается музыка, которую он создавал.

“It’s a sin, that’s what it is, a filthy unforgivable sin, you bratchnies! <...> Using Ludwig van like that. He did no harm to anyone [17] (Это грех, вот что это такое, это самый последний грех, вы, ублюдки! <...> использовать таким образом Людвига вана. Он никому зла не сделал) [18].

В данном контексте демонстрируется использование музыки при проведении эксперимента, целью которого является вызывание устойчивой негативной реакции на звучание музыки. Этот эксперимент характеризуется как непростительный грех «*a filthy unforgivable sin*», вербализирующийся посредством экспрессивно окрашенных прилагательных и существительных с негативной коннотацией.

К прилагательным, репрезентирующим чувство отвращения, относятся **filthy** и **unforgivable**:

– **filthy** имеет значение «morally very unpleasant and disgusting» [20] (морально очень неприятный и отвратительный);

– **unforgivable** – «so bad or cruel that you cannot forgive the person who did it» [19] (настолько ужасный и жестокий, что не подлежит прощению).

Существительными, репрезентирующими эмоцию протеста, являются **sin** и **harm**:

– **sin** имеет двоякую трактовку: «an action that is against religious rules and is considered to be an offence against God» [19] (действие, противоречащее религиозным канонам и Божьей воле), «something that you think is very wrong» [19] (что-то, что, по вашему мнению, очень неправильно).

– **harm** означает «damage, injury, or trouble caused by someone’s actions or by an event» [19] (повреждение, причинение физического вреда, проблема, вызванная чьими-либо действиями или событиями) и использовано в сочетании с отрицательным определяющим словом *no*. Алекс считает кощунством использовать творения автора не во благо.

Таким образом, в данном контексте содержится религиозная составляющая и воззвание к духовному началу людей, так неразумно использующих великую музыку. Бетховен вкладывал в музыкальные произведения свои чувства, свое мировосприятие, мировидение, он просто создавал музыку, не желая никому вреда (*no harm*). Актуализируется признак поклонения музыке наравне с божеством.

В анализируемых примерах прослеживаются противоположные чувства, вызванные музыкой, а также полярированное влияние, которое музыка может оказывать на слушателя. С одной стороны, актуализируется эмоция восхищения, любви к музыке, с другой стороны, отторжения и, возможно, даже ненависти, однако негативный поток энергии направлен не на мелодию и ее творца, а на ученых, так неразумно использующих творчество музыканта в своих целях.

Также анализируемая модель имени [Личное имя] отражается в следующих контекстах:

...the frowning beetled like thunderbolted litso of Ludwig van himself... [17] (...хмурое, с яростно сдвинутыми бровями лицо самого Людвига вана...) [18].

Бетховен описывается суровым и хмурым; что демонстрируется посредством следующих причастий:

– **frowning** от глагола *frown* – «to make an angry, unhappy, or confused expression, moving your eyebrows together» [19] (злобно, огорченно или задумчиво морщить лицо, сдвинув брови);

– **beetled** от глагола *beetle* – «to go somewhere quickly and leaning forward» [19] (идти куда-либо быстро, нагнувшись вперед);

– **thunderbolted** от существительного *thunderbolt*, которое имеет два значения «a flash of lightning which hits a person or thing and kills or destroys them» и «a sudden event or piece of news that shocks you» [19] (удар молнии, который может убить человека или уничтожить предмет; неожиданное событие или шокирующая новость).

Таким образом, Бетховен предстает шокированным, как громом пораженный событием, невольным участником которого он является, его хмуро сдвинутые брови выражают неодобрение.

...I pulled the lovely Ninth out of its sleeve, so that Ludwig van was now nagoi too... [17] (...вынул из конверта несравненную Девятую, так что Людвиг ван теперь тоже стал nagoi...) [18].

В описании композитора используется прилагательное **nagoi**, которое означает «naked» [17] – «not wearing any clothes or not covered by clothes» [19] (не имеющий на себе одежды, голый). Отмечается употребление **метафоры**, поскольку в данном контексте под указанным прилагательным подразумевается, что, вынув музыкальную пластинку из упаковки и включив музыку, главный герой обнажил душу музыканта и может проникнуть в его мысли и чувства.

...and I could just slooshy a bar or so of Ludwig van, and I viddied right at once what to do [17] (...до меня донесся всего лишь такт или полтора, но то был Людвиг ван, и я сразу понял, что от меня требуется...) [18].

Имплицитно указывается, что Бетховен является наставником, его музыка способствует прозрению, прояснению сознания и помогает в принятии решений (*I viddied right at once what to do*).

...on the way I saw on a like sideboard a lovely little veshch, the loveliest malenky veshch <...> it was like the gulliver and pletchoes of Ludwig van himself, what they call a bust, a like stone veshch with stone long hair and blind glazzies and the big flowing cravat [17] (...вижу вдруг на буфете очень симпатиченькую вещицу, прекраснейшую вещицу <...> это была голова и плечи самого Людвига вана – то, что у них называется «бюст»; сделана она

была из камня, с каменными длинными волосами, слепыми *glazzjami* и длинным развевающимся шарфом...) [18].

В описании бюста Людвиг ван Бетховена присутствуют такие характерологические лексемы с положительной коннотацией, как прилагательные **lovely** (милый, прекрасный) в положительной и превосходной степени и **little, malenky** – маленький, небольшого размера, что говорит о трепетном отношении к предмету и музыканту.

Детальное описание бюста свидетельствует о поклонении, благоговейном отношении и, возможно, страхе перед величием композитора. Так, фигура:

- сделана из камня (*stone*), что указывает на непоколебимость, монументальность;

- каменные слепые глаза (*blind glazzies*) как будто пронизывают насквозь все существо главного героя;

- длинный развевающийся шарф (*the big flowing cravat*) создает иллюзию жизни.

...there rose like the sun **Ludwig van himself with thundery litso and cravat and wild windy voloss...** [17] (...*myt, как солнце, восстал сам Людвиг ван с litsom громовержца, с длинными волосами и развевающимся шарфом...*) [18].

Бетховен предстает как солнце (**the sun**), он способен осветить и указать путь любому человеку; его лицо охарактеризовано прилагательным **thundery**, которое используется при описании погоды «thundery weather is the type of weather that comes before a thunderstorm» [19] (тип погоды перед грозой), и применимо к описанию внешности человека означает хмурый, мрачный, угрожающий.

Эти качества еще более подчеркнуты описанием волос – **wild windy**. Прилагательное **wild** используется применительно к диким животным – «living in a natural state, not changed or controlled by people» [19] (живущий в естественной среде, неизменный или неконтролируемый людьми), а **windy** означает «there is a lot of wind» [19] (где много ветра), т. е. у композитора развевающиеся от ветра, вероятно, всклокоченные волосы. Таким образом, актуализируется признак первобытной жизненной силы, мощи, энергии.

...**Ludwig van** <...> looking <...> deaf ... [17] (...*Людвиг ваном <...> глухой...*) [18].

Акцентируется внимание на физическом недуге музыканта, на его глухоте – **deaf** «physically unable to hear anything or unable to hear well» [19] (физически неспособный слышать что-либо или неспособный слышать хорошо).

...**Ludwig van got very razdraz and bezoomny...** [17] (...*Людвиг ван весь стал zhutko razdrazh, как bezumni...*) [18].

Поведение Бетховена характеризуется такими прилагательными, как **razdraz** – «upset» [17], означающим «angry and annoyed» [19] (злой и раздраженный); **bezoomny**, согласно трактовке Э. Берджесса, означает «mad» [17] – «angry; behaving in a wild uncontrolled way, without thinking about what you are doing» [19] (злой; неконтролируемая манера поведения без обдумывания того, что делаешь). Прилагательные усилены наречием **very** (очень). Актуализируется признак злости, раздраженности, сумасшествия, безумства.

...I'm slooshying lovely **Ludwig van...** [17] (...*слушаю чудесного Людвиг вана...*) [18].

Выражается восхищение композитором и его музыкальным талантом посредством прилагательного **lovely** (чудесный).

...the glorious Ninth of **Ludwig van**... [17] (...с великолепием Девятой Людвиг вана...) [18].

Прилагательное **glorious** в значении «having or deserving great fame, praise, and honour; very beautiful or impressive» [19] (имеющий или заслуживающий огромную славу, признание, честь; очень красивый или впечатляющий), направлено на признание гения великого музыканта и поклонение перед его талантом.

Итак, в контекстах, в которых используется модель имени собственного [Личное имя] (*Ludwig van*), присутствует большое количество описательной и оценочной лексики с положительной и отрицательной коннотацией, выраженной прилагательными, усиленными наречиями; глаголами и существительными. При исследовании эмоционально маркированной лексики мы исходим из методики анализа эмоционально-оценочных лексических средств, разработанной и предложенной профессором З. Е. Фоминой [21 – 23].

К **положительно-маркированным** лексическим единицам относятся:

- **прилагательные**: *lovely* (милый, прекрасный), *pagou* (нагой в значении «искренний»), *malenky* (маленький), *glorious* (великолепный), использованные при описании композитора и его работ;

- **глаголы**: *hold* (держат), *reach* (тянуться), *try* (пытаться), репрезентирующие стремление приблизиться к миру искусства;

- **существительное**: *sun* (солнце), создающее метафорический образ композитора.

Негативно-маркированными лексическими единицами являются следующие:

- **прилагательные**:

- *filthy* (отвратительный), *unforgivable* (непростительный), выражающие отношение к неподобающему обращению с музыкой;

- *razdrazh* (злой и раздраженный), *bezoomny* (безумный) и др., репрезентирующие психологический портрет композитора;

- **глаголы**:

- *curse away* (проклинать), *shake smb off* (стряхивать), *climb over* (перелезть), символизирующие попытки освободиться от преступного мира;

- *crackle* (трещать), *boom* (гремять), характеризующие громкое звучание музыки с помехами;

- **существительные**:

- *sin* (грех), *harm* (вред), выражающие негодование относительно неверного обращения с музыкальными произведениями;

- *pain* (боль), *sickness* (тошнота), репрезентирующие негативную физическую реакцию на звучание музыки.

Большое внимание уделяется описанию внешности композитора (*blind glazzies, wild windy voloss* и др.).

Далее следуют такие модели имени собственного, как [Фамилия] и [Фамилия + Произведение], составляющие по 12,5 % от общего количества проанализированных контекстов. Контексты с данными моделями немногочисленны и лишены экспрессии, присущей контекстам с моделью «Личное имя». Рассмотрим примеры.

II. Однокомпонентная модель имени собственного [Фамилия] представлена в 2-х контекстах:

Beethoven just wrote music [17] (*Бетховен просто написал музыку*) [18];

Mozart? Beethoven? Schoenberg? Carl Orff? [17] (*Моцарта? Бетховена? Шенберга? Карла Орфа?*) [18].

Отмечается нейтральное отношение к музыканту, поскольку в представленных контекстах отсутствует оценочный компонент.

III. Двухкомпонентная модель имени собственного [Фамилия + Произведение] отмечается в 2-х контекстах:

...to see about this long-promised and long-ordered Beethoven Number Nine... [17] (*...спросить насчет давно обещанной и давно заказанной пластинки с записью Девятой симфонии Бетховена...*) [18];

...horrible Nazi film with the Beethoven Fifth... [17] (*...ужасный нацистский фильм с заключительной частью бетховенской Пятой...*) [18].

В примерах не используется описательная или оценочная лексика, характеризующая музыканта. Присутствующие в контекстах прилагательные применяются для описания произведений композитора, что не является предметом настоящего исследования.

Итак, имя собственное *Ludwig van Beethoven* выступает неотъемлемой составляющей когнитивной структуры феномена *Music* («Музыка») в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин», поскольку служит системообразующим компонентом в процессе вербализации данного феномена. При описании феномена *Music* («Музыка») неизбежно используется ономастический аспект, возможными представляются различные вариации имени собственного в тексте произведения, например обращение по имени (МОДЕЛЬ I [Личное имя]), фамилии (МОДЕЛЬ II [Фамилия]) или при указании произведений композитора (МОДЕЛЬ III [Фамилия + Произведение]).

В тексте романа преобладает обращение к композитору по имени *Ludwig van* (75 % от общего количества проанализированных примеров), подобное фамильярное обращение свидетельствует о том, что главный герой романа симпатизирует музыканту, проявляет свое расположение к нему, а также репрезентируется категория пресуппозиции.

Дается **физиологический портрет** музыканта, выступающий периферией вербализации феномена *Music* («Музыка») в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин». Бетховен представлен как человек:

- 1) со слепыми глазами (*blind glazzies*);
- 2) с длинными развевающими волосами (*wild windy voloss*);
- 3) в развевающемся шарфе (*the big flowing cravat*);
- 4) глухой (*deaf*).

Бетховен раскрывается как с положительной, так и с отрицательной стороны. К **мелиоративным признакам**, несомненно, относятся его просветительские, благородные черты, выраженные посредством:

- 1) **метафорического образа**:
  - как солнце (*the sun*);
- 2) **оценочной лексики**:
  - полный жизненной силы, мощи, энергии (*wild*);

- милый, прекрасный, чудесный (*lovely*);
- великий, великолепный, талантливый (*glorious*);
- нагой = открытый, искренний (*nagoy*);

Демонстрируется **психологический портрет** Людвиг ван Бетховена:

- обладающий пронизывающим взглядом (*frowning like stone*);
- наставник, учитель (*viddied right at once what to do*);
- непоколебимый (*like stone*).

Психологический образ Бетховена подтверждает его способность к психоанализу; он способен видеть людей насквозь, наставлять на правильный путь; непоколебим в своем мнении.

Негативные признаки личности композитора содержатся в эмоциональном и интеллектуальном портретах музыканта.

Эмоциональный портрет композитора выражается следующими **негативно окрашенными прилагательными**:

- хмурый, суровый, рассерженный (*frowning beetled like thunderbolted*);
- мрачный, угрожающий (*thundery*);
- злой, раздраженный (*razdraz*).

Эмоциональное состояние, в котором музыкант предстает в романе, подчеркивает его неодобрительное отношение к разворачивающимся «на его глазах» событиях, невольным участником которых он является.

Интеллектуальный портрет представлен одной лексической единицей:

- сумасшедший, безумный (*bezoomny*).

Таким образом, в иллюстрации Людвиг ван Бетховена употребляются как метафоры, так и слова-оценки. Кроме того, представляются 4 лексических портрета Бетховена: **физиологический**, **психологический**, **эмоциональный** и **интеллектуальный**.

Людвиг ван Бетховен – это неоднозначная личность, что сказывается на его восприятии и восприятии его музыки, которые передаются посредством глаголов, эксплицирующих антиномию интенции (*hold, reach – shake smth off, climb over*) и определений, репрезентирующих отношение главного героя к музыканту (*lovely, glorious и др.*).

За антиномией, выраженной глаголами, кроется имплицитный смысл – подчеркивается удаленность, недоступность Бетховена; чтобы прикоснуться к творчеству гения, необходимо преодолеть множество препятствий. Он недостижим для обычных людей, требуется особая тонкая душевная организация, большой жизненный опыт и эрудированность для понимания смысла, заложенного им в музыку.

В описании композитора доминируют положительные характеристики, что связано с величием фигуры музыканта и его творений, а также с любовью главного героя романа к классической музыке, в особенности к музыке Бетховена.

В индивидуально-авторской языковой картине мира Энтони Берджесса отражаются как общеизвестные, так и специфические черты композитора. К знаковым (известным) характеристикам относятся, например, как упоминание физических черт музыканта – глухота, длинные развевающиеся волосы и т. п., так и аксиоматичные оценочные характеристики – признание величия его ге-

ния и таланта, значимый вклад в мировую музыкальную культуру. При создании языкового портрета Людвиг ван Бетховена Энтони Берджесс также наряду с упоминанием его наиболее *характерных* эмоционально-психологических черт, в частности, таких, как суровость, мрачность и т. п., которые были приобретены компози-

тором из-за его болезни и отстраненности от общества, отмечает целый ряд *специфических* черт великого композитора – раздраженность, злоба, скрытая угроза, пронизывающий взгляд и т. п., которым автор уделяет особое внимание в романе.

Литература

1. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. Режим доступа: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_0010.shtml (дата обращения: 25.06.2016).
2. Аязбекова С. Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов: монография. Изд. 2-е. Астана, 2011. 284 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / пер. с нем. яз.; сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс. Изд. группа "Универс", 1993. 654 с.
5. Вейдле В. В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2002. 456 с.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 340 с.
7. Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и начала XIX веков, их функции и словообразования: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 1955. 591 с.
8. Виноградов В. В. К спорам о слове и образе // Вопросы литературы, 1960. № 5. С. 66 – 96.
9. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
10. Рылов Ю. А. Очерки романской антропонимии: монография. Воронеж: ЦЧКИ, 2000. 163 с.
11. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
12. Сухих М. В. Символика личного имени в русской культуре // Русская словесность в системе высшего образования: матер. докладов и сообщений XIV Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: СПбГУТД, 2009. С. 111 – 113.
13. Фомина З. Е. Немецкие национально-культурные максимы в номинациях сказок братьев Гримм // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2010. Вып. 2(14). С. 25 – 36.
14. Меркулова Н. В. Методика исследования художественного текста на основе анализа эстетической ономастики (на материале романа Г. Флобера «Госпожа Бовари») // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. Вып. 4 (28). С. 110 – 125.
15. Флейшер Е. А. Основы прецедентности имени собственного: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. 164 с.
16. Нахимова Е. А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2013. № 3(45). С. 48 – 56.
17. Burgess A. A Clockwork Orange. 1962. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/79514/Burgess_-_A_Clockwork_Orange.html (дата обращения: 15.12.2015).
18. Берджесс Э. Заводной апельсин / пер. В. Б. Бошняк. М.: АСТ, Астрель, 2010. Режим доступа: <http://knijky.ru/books/zavodnoy-apelsin> (дата обращения: 15.12.2015).
19. The Longman Dictionary of Contemporary English Online. Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 23.03.2016).
20. The Official Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary of British English. Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-cobuild-learners> (дата обращения: 20.03.2016).
21. Фомина З. Е. Эмоционально-оценочная лексика в русском и немецком языках (очерки) // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике. Воронеж: ВГУ, 1995. С. 4 – 28.
22. Фомина З. Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2006. 336 с.
23. Фомина З. Е. Эмоциональные концепты в русской, немецкой, австрийской и швейцарской художественной картине мира // Лингвоконцептология: перспективные направления: коллективная монография / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко, И. В. Недайновой. Луганск: ЛНУ им. Тараса Шевченко, 2013. С. 247 – 274.

THE NAME OF LUDWIG VAN BEETHOVEN AS THE PRECEDENT LEXICAL ITEM IN ANTHONY BURGESS'S NOVEL "A CLOCKWORK ORANGE"

Liudmila V. Korobko^{1, @}

¹ Voronezh State Technical University, 14, Moscovsky Ave., Voronezh, Russia, 394026

@ l.v.ledeneva@mail.ru

Received 01.08.2016.

Accepted 07.11.2016.

Keywords: proper name, anthroponym, anthroponymic models, Ludwig van Beethoven, antinomy, lexical portrait.

Abstract: The article analyzes features of the proper name of *Ludwig van Beethoven* as well as represents its intentional use in the process of verbalization of the phenomenon "*Music*" (based on the novel "A Clockwork Orange" by Anthony Burgess). On the basis of a stage-by-stage research three models of the proper name *Ludwig van Beethoven* within the anthroponymical field of the literary discourse of A. Burgess were allocated: MODEL I [Personal name]; MODEL II [Surname]; MODEL III [Surname + Work of Art]. The use of the model [Personal name] – *Ludwig van* is prepotent and reflects the main character's personal attitude towards the composer. Functional meanings of the proper name are defined, 4 lexical portraits of Beethoven are allocated: physiological, psychological, emotional and intellectual. Positive and negative signs of Beethoven are expressed by means of evaluative lexicon and antinomies in the analyzed novel. The positive characteristic of the composer prevails, which is connected with the greatness of his figure and is motivated by the main character's affection to Beethoven. Beethoven's educational, noble features belong to positive signs. Negative signs of the composer's personality are reflected in his emotional and intellectual portraits as he is represented as a gloomy, angry, mad person. In Anthony Burgess's novel "A Clockwork Orange" both universal and specific features of *Ludwig van Beethoven* are represented. The universal features include physical characteristics of the musician (deafness, long flying hair, etc.), and also recognition of genius of the composer and his creations. Beethoven's character belongs to the sphere of universal and specific features. The fact of the detached, lonely lifestyle of the musician, his severe, gloomy character, which was caused by his disease, is well-known. Annoyance, rage, hidden threat, penetrating look are the specific features which are allocated to Beethoven by the author of the novel A. Burgess.

For citation: Korobko L. V. Imia Liudviga Van Betkhovena kak pretsedentnaia edinitsa v romane E. Berdzhesa «Zavodnoi apel'sin» [The Name of Ludwig Van Beethoven as the Precedent Lexical Item in Anthony Burgess's Novel «A Clockwork Orange»]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 169 – 177. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-169-177.

References

1. Nietzsche F. Rozhdenie tragedii iz duha muzyki [The tragedy birth from spirit of music]. Nietzsche F. *Sochineniia* [Compositions by Nietzsche F.]. Moscow: Mysl', vol. 1 (1990). Available at: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_0010.shtml (accessed 25.06.2016).
2. Aiazbekova S. Sh. *Kartina mira etnosa: Korkut-ata i filosofii muzyki kazakhov* [World image of ethnos: Korkut-ata and philosophy of music of Kazakhs]. 2nd ed. Astana, 2011, 284.
3. Humboldt W. *Iazyk i filosofii kul'tury* [Language and philosophy of the culture]. Ed. and comp. Gulysh A. V., Ramishvili G. V. Moscow: Progress, 1985, 451.
4. Sapir E. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii* [The chosen works on linguistics and the cultural science]. Ed. Kibrik A. E. Moscow: Progress. Izd. gruppa "Univers", 1993, 654.
5. Veidle V. V. *Embriologii poezii: Stat'i po poetike i teorii iskusstva* [Poetry embryology: Articles on poetics and the theory of art]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (Studia philologica), 2002, 456.
6. Superanskaia A. V. *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General theory of a proper name]. Moscow: Nauka, 1973, 340.
7. Mikhailov V. N. *Sobstvennye imena personazhei russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII i nachala XIX vekov, ikh funktsii i slovoobrazovaniia*. Dis. kand. filol. nauk [Proper names of the Russian fiction characters of XVIII and beginning of the XIX centuries, their function and word formation. Cand. filol. Sci. Diss.]. Simferopol, 1955, 591.
8. Vinogradov V. V. K sporam o slove i obraze [To discussions about word and image]. *Voprosy literatury = Questions of literature*, no. 5 (1960): 66 – 96.
9. Bondaletov V. D. *Russkaia onomastika* [Russian onomastics]. Moscow: Prosveshchenie, 1983, 224.
10. Rylov Iu. A. *Ocherki romanskoi antroponimii* [Sketches of the Romance anthroponymy]. Voronezh: CCHKI, 2000, 163.
11. Suprun V. I. *Onomasticheskoe pole russkogo iazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [Onomastic field of the Russian language and its art-and-aesthetic potential]. Volgograd: Peremena, 2000, 172.

12. Sukhikh M. V. Simvolika lichnogo imeni v russkoi kul'ture [Symbolics of a personal name in the Russian culture]. *Russkaia slovesnost' v sisteme vysshego obrazovaniia: mater. dokladov i soobshchenii XIV mezhdunar. nauch.-metod. konf.* [The Russian literature in system of the higher education: Proc. XIV Int. Sc.-Met. Conf.]. Saint-Petersburg: SPGUTD, 2009, 111 – 113.
13. Fomina Z. E. Nemetskie natsional'no-kul'turnye maksimy v nominatsiiakh skazok brat'ev Grimm [The German national-and-cultural maxims in the nominations of fairy tales of brothers Grimm]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia* = *Scientific newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistics and methodological-and-didactic researches*, no. 2(14) (2010): 25 – 36.
14. Merkulova N. V. Metodika issledovaniia khudozhestvennogo teksta na osnove analiza esteticheskoi onomastiki (na materiale romana G. Flobera «Gospozha Bovari») [Aesthetic name-based text analysis methodology of a literary text (on the material of the key-anthroponyms of the novel "Madame Bovary" by G. Flaubert)]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia* = *Scientific newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistics and methodological-and-didactic researches*, no. 4(28) (2015): 110 – 125.
15. Fleisher E. A. *Osnovy pretsedentnosti imeni sobstvennogo*. Diss. kand. filol. nauk [Bases of proper name precedent. Cand. filol. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg State. Univ. Saint-Petersburg, 2014, 164.
16. Nakhimova E. A. Ispol'zovanie korpusnoi metodologii pri sopostavitel'nom izuchenii pretsedentnykh imen [Use of case methodology at comparative studying of case names]. *Politicheskai lingvistika* = *Political linguistics*, no. 3(45) (2013): 48 – 56.
17. Burgess A. *A Clockwork Orange*. 1962. Available at: http://www.e-reading.club/bookreader.php/79514/Burgess_-_A_Clockwork_Orange.html (accessed 15.12.2015).
18. Burgess A. *Zavodnoi apel'sin* [A Clockwork Orange]. Transl. Boshnyak V. B. Moscow: AST, Astrel', 2010. Available at: <http://knijky.ru/books/zavodnoy-apelsin> (accessed 15.12.2015).
19. *The Longman Dictionary of Contemporary English Online*. Available at: <http://www.ldoceonline.com> (accessed 23.03.2016).
20. *The Official Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary of British English*. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-cobuild-learners> (accessed 20.03.2016).
21. Fomina Z. E. Emotsional'no-otsenochnaia leksika v russkom i nemetskom iazykakh (očerki). [Emotional and estimated lexicon in the Russian and German languages (sketches)]. *Očerki po russko-nemetskoj kontrastivnoi lingvistike* [Sketches on Russian-German contrastive linguistics]. Voronezh: VGU, 1995, 4 – 28.
22. Fomina Z. E. *Nemetskaia emotsional'naia kartina mira i leksicheskie sredstva ee verbalizatsii* [German emotional world-image and lexical means of its verbalization]. Voronezh: IPTs VGU, 2006, 336.
23. Fomina Z. E. Emotsional'nye kontsepty v russkoi, nemetskoj, avstriiskoi i shveitsarskoj khudozhestvennoi kartine mira [Emotional concepts in the Russian, German, Austrian and Swiss world-image]. *Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniia* [Conceptual linguistics: perspective tendencies]. Ed. Levitskii A. E., Potapenko S. I., Nedainova I. V. Lugansk: LNU imeni Tarasa Shevchenko, 2013, 247 – 274.

УДК 81'26.06.053.56

ОШИБКИ В ПРОЦЕССЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Екатерина Е. Михайлова^{1, @1}, Андрей Г. Фомин^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@1 zhulanovakaterina@ya.ru

@2 andfomin67@mail.ru

Поступила в редакцию 29.04.2016.

Принята к печати 11.10.2016.

Ключевые слова: синхронный перевод, переводческая компетенция, переводческие ошибки, переводческая деятельность, причины переводческих ошибок, классификация переводческих ошибок.

Аннотация: Статья посвящена изучению специфики синхронного перевода как вершины переводческого мастерства, обуславливающей высокие требования к уровню сформированности переводческой компетенции. Предметом исследования выступает изучение современных подходов к классификации ошибок, возникающих в деятельности синхрониста. Целью исследования статьи является изучение причин, механизмов, которые приводят к возникновению ошибок в процессе реализации практической переводческой деятельности синхрониста; анализе современных подходов к классификации возможных переводческих ошибок. В процессе реализации исследования свою имплементацию нашли методы анализа, систематизации и обобщения, а также лингвистические методы лексико-семантического, грамматического, дискурсивного и контекстуального анализа. На основании проведенного исследования было выявлено, что в наиболее общем виде ошибки могут быть классифицированы на смысловые и языковые, в свою очередь, в рамках каждой из представленных категорий выделяют подтипы. Смысловые ошибки представляют собой искажения прагматики оригинала, отклонения от нормы, оказывающие дезинформирующее воздействие на реципиента. Языковые ошибки практически не влияют на концептуальное содержание оригинала, влияя преимущественно на его восприятие аудиторией принимающей культурной модели. Приводятся примеры из практики синхронного перевода, позволяющие продемонстрировать функционирование ошибок различных типов в рамках современного синхронного перевода. Результаты исследования, выявление механизмов, возможных причин, возникающих при реализации переводческой деятельности, могут успешно использоваться в процессе оптимизации практической переводческой деятельности синхронистов, в процессе подготовки устных переводчиков, в качестве материалов при разработке теоретико-методологической литературы в переводоведении. Автор приходит к выводу, что синхронный перевод выступает одним из наиболее сложных видов переводческой деятельности, сложный, поэтапный психологический процесс, протекающий в экстремальных условиях, что приводит к возникновению ошибок в речи синхрониста. Полностью избежать ошибочной интерпретации и реконструкции оригинального дискурса инструментами другого языка представляется невозможным, однако, понимание механизмов возникновения отклонений от нормы, использование адекватных переводческих стратегий позволит избежать смысловых ошибок, способных исказить прагматику оригинала.

Для цитирования: Михайлова Е. Е., Фомин А. Г. Ошибки в процессе синхронного перевода // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 178 – 183. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-178-183.

Перевод представляет собой один из древнейших видов деятельности, роль которого нельзя свести к обслуживанию непосредственных потребностей народов в общении. Современным исследователям становится очевидным, что в рамках интенсификации глобализационных процессов человечество движется по пути расширения взаимосвязей различных этносов, культур и стран. Реальность «постпрометеевского» мира приводит к установлению и последующему усилению межкультурной синергетической коммуникации между различными по

своей истории, религии, традициям и языку культурными моделями.

В сложившейся ситуации задача исследования проблем межкультурной коммуникации, в том числе роли переводческой деятельности, приобретает высокую актуальность. Стремительное вхождение Российской Федерации в мировое сообщество приводит к увеличению числа межкультурных контактов как на государственном уровне, так и на уровне отдельных индивидуумов, что обуславливает актуальность изучения специфики переводческой деятельности. Выступая одним из средств

межкультурной коммуникации, синхронный перевод решает задачи взаимопонимания субъектов коммуникативной деятельности, характеризуется особой спецификой, наличием специфических характеристик, которые будут рассмотрены ниже.

Процессы взаимопонимания представителей различных культурных моделей могут существенно осложниться при реализации ошибочной интерпретации тех или иных коннотаций оригинала, из-за переводческих ошибок, которые особенно возможны в синхронном переводе, исходя из необходимости мгновенно реагировать на услышанную информацию, не имея возможности обдумать детали.

Вопросы классификации и выявления причин возникновения ошибок при синхронном переводе представляет собой одну из наиболее важных проблем переводоведения, решение которой позволит избежать ошибочной интерпретации того или иного информации в языке принимающей культуры, обеспечить эквивалентность и адекватность перевода, что определяет актуальность выбранной темы исследования.

Объектом исследования выступают переводческие ошибки, возникающие при синхронном переводе.

Целью изучения является выявление некоторых ошибок в процессе синхронного перевода.

Синхронный перевод (СП) выступает одним из наиболее сложных видов переводческой деятельности. В современной научной литературе под СП понимают «один из видов устного перевода, одновременный перевод озвучиваемого текста, один из видов профессионального перевода» [1], «вершину переводческого искусства» [2]. По своей сути, СП представляет собой психологический процесс, в котором выделяются три основных стадии: понимание, осмысливание и формирование концепта, передачу, воспроизведение средствами языковой системы принимающей культурной модели.

Первый этап переводческой деятельности, а именно восприятие иноязычного текста представляет собой сложный сенсорно-мыслительный процесс, в основе которого лежат одновременное выполнение аналитической и синтетической функции мозга и органов чувств. Осмысление осуществляется при помощи формирования и формулировки мысли, т. е. при помощи внутренней речи [3]. Главный вопрос заключается в том, при помощи средств какого языка осуществляется осмысление и насколько высокой является степень интенсификации его протекания. Наивысшая степень предполагает обязательное языковое оформление мысли. Что касается языковых средств, то осмысление может осуществляться средствами языка оригинала, либо же при высоком уровне владения данным видом речевой деятельности – на языке перевода, а при высоком мастерстве переводящего – при помощи средств внутреннего индивидуального предметно-схематического смыслового кода [3].

Вторым этапом процесса перевода выступает формирование главного смысла будущего сообщения. Другими словами, на данном этапе возникает необходимость осмысления взаимосвязи «смысл – идея», а также перекодирования. Если осмысление осуществляется на языке перевода, то формирование смысла является одновременно

и формированием идеи, а сам процесс осмысления включает процесс перекодирования [4]. Процесс перекодирования в таком случае не осознается, поскольку является высокоавтоматизированным.

На третьем, завершающем этапе переводческой деятельности осуществляется отображение высказывания, его воссоздание при помощи средств языка перевода.

Реализация каждого из этапов речевой деятельности при СП требует высокого уровня сформированности переводческой компетенции. А. Тараков выделяет следующие особенности СП:

1) психологический дискомфорт, обусловленный необходимостью одновременно воспринимать, декодировать и воспроизводить дискурс;

2) психологический барьер, вызванный отсутствием повторного обращения к тексту оригинала, возможности приостановить речь, повторить непонятные фразы, слова;

3) отсутствие возможностей внести корректировки в уже озвученный текст, устранить выявленные ошибочные интерпретации;

4) возможность возникновения ошибочной интерпретации из-за слишком быстрого темпа речи, сбивчивости говорящего, речевых дефектов [1].

Атрибутивные, сущностные характеристики СП выдвигают высокие требования к уровню сформированности переводческой компетенции, под которой сегодня чаще всего понимают совокупность конкретных умений, необходимых члену языкового сообщества для речевых контактов с другими [5]. Перечни выделяемых умений у разных авторов не совпадают и не у всех четко обозначены, что связано с объективно большим количеством этих умений и отсутствием корректной их иерархизации. В частности, А. Тараков называет следующие умения и навыки, необходимые для успешной реализации СП:

- 1) подготовка к специфическим особенностям СП;
- 2) умение сосредотачиваться на словах выступающего;
- 3) умение охватывать вниманием несколько задач;
- 4) умение находить выход из сложных коммуникативных ситуаций;
- 5) навыки быстрого реагирования;
- 6) психическое спокойствие, терпеливость;
- 7) скоростное мышление, формулировка концепта [5].

В свою очередь, Р. Сеттон называет следующие составляющие модели переводческой компетенции:

1) лингвистическая компетенция, включающая прагматическую, которая заключается в знании «частных смысловых оттенков» лексем, и социопрагматическую, включающую знание речевых поведенческих стратегий, правил моделирования дискурса в соответствии с требованиями функционального стиля, принятыми в данном обществе на конкретном историческом этапе развития;

2) общие знания, необходимые для понимания и последующего перевода конкретной тематики информационных сообщений;

3) навыки, стратегии восприятия, интерпретации и воспроизведения информационных данных [6].

Таким образом, специфика СП выдвигает чрезвычайно высокие требования к уровню сформированности переводческой компетенции, обеспечивающей адекватность и эквивалентность перевода. Однако даже при вы-

соком профессионализме переводчика-синхрониста вероятность ошибки не исключена.

В современной научной литературе под ошибкой понимают «отклонение от нормы, несоответствие идеального (эталона) и материального (реально существующего)» [7]; «результат расхождения между планом и реализацией действия, несовпадение эталона и конечного продукта деятельности» [8]; все, что не соответствует норме, правилам [7].

В основе любой ошибки лежит вариативность семантики лексемы, т. е. ошибка представляет собой выбор варианта, признанного ненормативным. Как отмечает В. М. Илюхин, «причины ошибки в СП могут быть как чисто объективного, так и субъективного характера» [9]. К сожалению, исследование ошибок в научной литературе либо минимизировано, либо объясняется исключительно усталостью переводчика-синхрониста, однако на практике усталость провоцирует оговорки, встречающиеся в любой разговорной речи.

Отклонения от нормы могут выступать следствием недостаточного уровня сформированности языковой компетенции либо отсутствием необходимой координации между докладчиком и переводчиком [6]. К ошибке могут привести и причины многофункционального характера, например недостаточное знание темы и посторонние шумы, затрудняющие процессы восприятия и декодирования. Кроме того, причиной ошибки может выступать и двусмысленность оригинальной фразы.

В наиболее общем виде причины ошибок могут быть разделены на экстралингвистические, связанные с социальными условиями, и внутрилингвистические, связанные с внутренними ресурсами системы языка. Основной экстралингвистической причиной выступает спонтанность речи докладчика, влияние социальной среды, зависимость речи говорящего от его социальной принадлежности. В эту группу могут быть отнесены отклонения от нормы, обусловленные неадекватным употреблением значения, не соответствующего коммуникативной ситуации, языковому регистру, сопряженному с социальной ситуацией.

Внутрилингвистические ошибки обусловлены ризоматическим потенциалом системы языка, постоянным расширением коннотативного ряда лексем, стремлением переводчика-синхрониста придать выразительность, экспрессивность переведенному дискурсу.

К причинам возникновения лингвистических ошибок можно отнести стремление к гиперкоррекции – «ошибочному грамматическому употреблению, связанному с избыточной реализацией нужного правила» [7]; реализации речевого поведения по аналогии с нормами родного языка.

Все лексико-грамматические ошибки могут быть классифицированы в соответствии со стилистической и социальной природой. В процессе детального анализа наиболее распространенных ошибок, А. С. Бармина указывает, что все отклонения от нормы могут быть классифицированы «в зависимости от того, какого аспекта языка они касаются, а также по характеру сложности и частотности этой ошибки в различных языковых регистрах» [7]. Исследовательница выделяет ошибки первой и второй категории: к ошибкам первой категории относят «элементарные» ошибки, характерные для людей, не имеющих высшего образования. К ошибкам второй категории отно-

сятся «ошибки среднего стиля, типичные для большинства образованных людей», широко функционирующие в изданиях, посвященных нормализации современного английского языка, словарях трудностей и проч. [7].

В свою очередь, М. А. Куниловская, на основании детального анализа классификаций, представленных в отечественном и зарубежном переводоведении, на верхнем уровне таксономии выделяет смысловые и языковые ошибки, причем смысловые ошибки намного более существенно искажают семантику оригинала, чем ошибки выражения [10].

Смысловые ошибки могут быть классифицированы по типу неизменной или переданной информации, по степени отклонения от оригинала, дезинформирующего воздействия на реципиента. Принимая во внимания указанный критерий, М. А. Куниловская выделяет следующие типы смысловых ошибок:

– ошибки с передачей референциальной информации, вызванные неправильным видением затекстовой реальности. Подобные ошибки могут привести к указанию на иные референты, референтные ситуации, существенно искажая семантику оригинала. В эту же группу относят ошибки, связанные с репрезентацией предикативной информации, включающие неправильную передачу видо-временных, модальных значений, ошибки передачи имен собственных.

Примером появления модального значения долженствования, отсутствующего в тексте оригинала, может выступать следующий фрагмент:

Reaching our sustainable development goals means organizing ourselves better. Let there be no more walls or boxes; no more ministries or agencies working at crosspurposes [11].

Достижение наших целей устойчивого развития означает, что мы должны организовать себя лучше. И мы должны преодолеть, разрушить какие-то стены, преграды. Министерства, агентства, которые должны работать и объединиться ради достижения этих целей [12].

Помимо появления дополнительной модальности, в рамках указанного фрагмента отмечаются также ошибки передачи структурно-логической информации, которые находят свою репрезентацию в нарушении тематической организации текста: сложное предложение английского языка подразделяется на два осложненных однородными членами предложения в русском. Несмотря на неточность передачу информации оригинала, появления дополнительных коннотаций, прагматическая функция в процессе перевода была реализована;

– ошибки при передаче структурно-логической информации, которые сводятся к отсутствию или нарушению логических связей, тематической организации текста, что приводит к разложению текста на отдельные предложения, утраты текстуальности, целостности, например:

I welcome the Addis Ababa Action Agenda, and the renewed pledge by developed countries to invest 0.7 per cent of gross national income in official development assistance. Aid works – but few countries have met this target [11].

Я приветствую аддис-абесскую повестку дня и развитие для инвестиций 0,8 %. Это – рост ВВП и та помощь, которая оказана была некоторым странам, вызывает большое уважение [12].

Кроме изменения границ предложений в рамках данного фрагмента осуществляется существенная трансформация семантики оригинала, вызывая затруднения понимания у реципиента, дезинформируя его. В указанном фрагменте говорится о решении развитых стран отправлять 0,7 % ВВП в качестве официальной помощи в целях развития, указанные меры предпринимались, далеко не всеми мировыми странами. Перевод на русский язык полностью устраняет оригинальную семантику, затрудняя понимание фрагмента, искажая структурно-логическую информацию, представленную в оригинале;

– к логическим ошибкам относятся ошибки, которые приводят к противоречиям в самом тексте перевода, моделируют отсутствующее в оригинале противоречие положения дел.

Примером логического искажения семантики оригинала может выступать перевод фрагмента приветственной речи Пан Ги Муна от 28.09.2015 года:

And our destination is in our sights: an end to extreme poverty by 2030; a life of peace and dignity for all [11].

И наше направление было показано в этом коротком фильме, Вы видели эти слайды. Жизнь ради мира в 2030 году [12].

В русском переводе, выделенный фрагмент был переведен как «И наше направление было показано в этом коротком фильме». В рамках указанного перевода существенно искажается семантика текста оригинала, в частности, «предназначение» трансформируется в «направление», а его обозримость – в фильм, о котором в оригинале речи не было. Таким образом, в русском переводе возникает логическое противоречие, вызванное отсутствием указанных реалий и их номинацией в тексте переводчика, речь Генерального секретаря была лишена того возвышенного литературного стиля, пафоса, которым характеризуется оригинал.

– искажение прагматической информации оригинала, неадекватная интерпретация и передача типа отношений между читателем и автором, специфики текста, способа и интенсивности выражения эмоционального отношения автора к описываемым референтам. Другими словами, в данную группу ошибок могут быть отнесены все жанрово-стилистические искажения оригинала [10].

Примером ошибок подобного типа может выступать следующий фрагмент из выступления Генсека ООН:

The world continues to squander trillions in wasteful military spending [11].

Мы продолжаем видеть, как в мире тратятся триллионы долларов и других валют на военные вооружения [12].

В оригинале политик использовал лексику «to squander», которая характеризуется ярко выраженной негативной семантикой, выступая отражением негативного отношения коммуниканта к теме сообщения, в переводе лексическая единица заменена более нейтральной, свойственной политическому дискурсу современности. Перевод-

чик прибегает к приему расширения оригинального смысла, конкретизируя названия валют, смещая акцент реципиента на отсутствующий в оригинале фрагмент предложения, существенно искажая оригинальный смысл, но, несмотря на многочисленные лексико-грамматические трансформации текста перевода прагматическую функцию удалось реализовать в полной мере.

Языковые ошибки, «ошибки выражения» не искажают концептуальное содержание оригинала, оказывают существенное влияние на восприятие текста перевода. На основании уровня языка, в котором допущена ошибка, в наиболее общем виде неточности языкового представления могут быть подразделены на лексические, морфологические, синтаксические, орфографические и пунктуационные ошибки [10]. В рамках каждой указанной категории возможно подразделение на подтипы, к примеру, в рамках лексических ошибок возможно выделение подтипа ошибок в управлении, тавтология и проч. «Ошибки выражения», как правило, устраняются в процессе саморедакции.

Действительно, данная классификация не является исчерпывающей, в речи переводчика-синхрониста ошибки могут встречаться на любом уровне языка, включая просодическое оформление, но вышеперечисленные отклонения от нормы выступают наиболее частотными.

Таким образом, СП представляет собой наиболее сложную форму переводческой деятельности, требующей одновременной реализации этапов восприятия, декодирования и интерпретации информационного сообщения и его последующего моделирования средствами языковой системы принимающей культурной модели. СП характеризуется рядом уникальных свойств, выдвигающих высокие требования к уровню сформированности переводческой компетенции, и даже профессионализм переводчика-синхрониста не может полностью устранить вероятность появления ошибок в процессе интерпретации и воссоздания дискурса.

Таким образом, принимая во внимание специфику синхронного перевода, можно сделать вывод, что в речи переводчика могут возникать отклонения от нормы, затрагивающие различные уровни языковой системы и обусловленные экстралингвистическими и интралингвистическими факторами. В наиболее общем виде ошибки могут быть классифицированы на смысловые и языковые, в рамках каждой из представленных категорий выделяют подтипы. Смысловые ошибки представляют собой трансформацию или опущения информации оригинала, отклонения от нормы, оказывающие дезинформирующее воздействие на реципиента. Языковые ошибки практически не влияют на концептуальное содержание оригинала, влияя преимущественно на его восприятие аудиторией принимающей культурной модели. Разумеется, указанные отклонения от нормы не являются исчерпывающими и требуют дальнейшего детального исследования.

Литература

1. Жабагиева Г. З. Виды переводов // Успехи современного естествознания. 2015. № 1 – 5. С. 867 – 869.
2. Дармодехин С. В. Из истории переводческого дела // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 171 – 173.

3. Зимняя И. А. Психологический анализ перевода как вида речевой деятельности // Вопросы теории перевода: сб. науч. статей. М.: МГПИИЯ, 1978. С. 37 – 49.
4. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты: учебное пособие. М.: Наука, 1988. 214 с.
5. Василевич А. П. Проблемы измерения языковой компетенции // Лингвистические основы преподавания языка. М.: Наука, 1983. С. 113 – 136.
6. Setton R. A Pragmatic Theory of Simultaneous Interpretation / doctoral dissertation, Ann Arbor, Michigan, 1997. 124 p.
7. Бармина А. С. Ошибки в родном языке, их причины и классификация (на материале современного французского языка) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2008. № 1. С. 153 – 159.
8. Красиков Ю. В. Психолингвистический анализ речевых ошибок: дис. ... канд. психол. наук. М., 1980. 192 с.
9. Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 206 с.
10. Куниловская М. А. Классификация переводческих ошибок и их электронная разметка в brat // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 16. Т. 1. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2013. С. 59 – 71. Режим доступа: <http://rus-ltc.org/references/classif.pdf> (дата обращения: 20.05.2016).
11. The Secretary-General. Address to the General Assembly. New York, 28 September 2015 // Официальный сайт ООН. Режим доступа: http://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_SG_en.pdf
12. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун – речь на генассамблее ООН // YouTube. 28.09.2015. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=HXX9E1QQX8U>

ERRORS IN THE PROCESS OF SIMULTANEOUS INTERPRETING

Ekaterina E. Mikhaylova^{1, @1}, Andrey G. Fomin^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@¹ zhulanovakaterina@ya.ru

@² andfomin67@mail.ru

Received 29.04.2016.

Accepted 11.10.2016.

Keywords: simultaneous interpretation, translation competence, translation mistakes, translation activities, the reasons of translation mistakes, classification of translation mistakes.

Abstract: The article is devoted to investigation of the specifics of simultaneous interpretation as a top of the translation skills, which determines high demands to the level of development of translation competence. The subject of research is the study of modern approaches to the classification of errors that occur in the simultaneous interpreting activity. The aim of the research are: 1) an investigation of the causes and mechanisms which lead to appearance of the errors in the implementation of practical translation work of a simultaneous interpreter; 2) an analysis of modern approaches to the classification of possible translation errors. In the process of implementing of the investigation method of analysis, systematization and generalization, linguistic methods of lexical-semantic, grammatical, discursive and contextual analysis were used. On the basis of the investigation it was found that in the most general form translativ errors can be divided into semantic and language ones. Each of the categories may be additionally divided into some subcategories. Semantic errors are distortions of the original pragmatics, deviations from the norm, providing disinforming impact on the recipient. Language errors do not affect the conceptual content of the original, affecting mainly on his perception by the audience of receiving cultural model. In the frames of the investigation errors from the practical simultaneous interpreting practice are given, which allows to demonstrate the functioning of different types of errors in the modern interpretation. Results of the investigation, identification of mechanisms, possible reasons, which lead to mistaken interpretation in the process of simultaneous translation, may be successfully used in the optimization of process of translation in interpreters' practice, in the education of the interpreters, as materials in the development of theoretical and methodological literature in translation studies. The authors conclude that the interpretation is one of the most difficult types of translation, a complex, gradual psychological process that takes place under extreme conditions, leading to errors in the speech of simultaneous interpreter. It is impossible to completely avoid erroneous interpretation and reconstruction of the original discourse; however, the understanding of the mechanisms of deviations from the norm, the use of appropriate translation strategies allows one to avoid semantic errors that distort the original pragmatics.

For citation: Mikhaylova E. E., Fomin A. G. Oshibki v protsesse sinkhronnogo perevoda [Errors in the Process of Simultaneous Interpreting]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 178 – 183. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-178-183.

References

1. Zhabagiyeva G. Z. Vidy perevodov [Types of translation]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia = Successes of modern science*, no. 1-5 (2015): 867 – 869.
2. Darmodekhin S. V. Iz istorii perevodcheskogo dela [From the history of the translation business]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' = Historical and socio-educational thought*, no. 6 (2013): 171 – 173.
3. Zimniaia I. A. Psikhologicheskii analiz perevoda kak vida rechevoi deiatel'nosti [Psychological analysis of translation as a kind of verbal activity]. *Voprosy teorii perevoda [Problems of the theory of translation]*. Moscow: MGPIIA, 1978, 37 – 49.
4. Shveitser A. D. *Teoriia perevoda. Status, problemy, aspekty* [Translation theory. Status, Problems and aspects]. Moscow: Nauka, 1988, 214.
5. Vasilevich A. P. Problemy izmereniia iazykovoi kompetentsii [Problems in measuring language competence]. *Lingvisticheskie osnovy prepodavaniia iazyka* [Linguistic foundations of language teaching]. Moscow: Nauka, 1983, 113 – 136.
6. Setton R. *A Pragmatic Theory of Simultaneous Interpretation*. Dr. Diss. Ann Arbor, Michigan, 1997, 124.
7. Barmina A. S. Oshibki v rodnom iazyke, ikh prichiny i klassifikatsiia (na materiale sovremennogo frantsuzskogo iazyka) [Mistakes in the native language, their causes and classification (on a material of modern French language)]. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates = Tyumen State University Journal. Humanitarian research. Humanitates*, no. 1 (2008): 153 – 159.
8. Krasikov Iu. V. *Psikholingvisticheskii analiz rechevykh oshibok*. Diss. kand. psikhol. nauk [Psycholinguistic analysis of speech mistakes. Cand. psicol. Sci. Diss.]. Moscow, 1980, 192.
9. Iliukhin V. M. *Strategii v sinkhronnom perevode (na materiale anglo-russkoi i russko angliiskoi kombinatsii perevoda)*. Diss. kand. filol. nauk [Strategies for simultaneous translation (based on the Anglo-Russian and Russian English translation combinations). Cand. filol. Sci. Diss.]. Moscow, 2001, 206.
10. Kunilovskaia M. A. Klassifikatsiia perevodcheskikh oshibok i ikh elektronnaia razmetka v brat [Classification of translation mistakes and electronic tagging in the brat]. *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda = Problems of the theory, practice and didactics of translation*, Nizhny Novgorod: NGLU im. N. A. Dobroliubova, 1, no. 16 (2013): 59 – 71. Available at: <http://rus-ltc.org/references/classif.pdf> (accessed 20.05.2016).
11. *The Secretary-General. Address to the General Assembly*. New York, 28 September 2015. Available at: http://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_SG_en.pdf
12. *General'nyi sekretar' OON Pan Gi Mun – rech' na genassamblee OON* [UN Secretary-General Ban Ki-moon's speech at the UN General Assembly]. 28.09.2015. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=HXX9E1QQX8U>

УДК 81'42: 81'23

САМОПОДОБИЕ КАК СТРАТЕГИЯ СПОНТАННОГО ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА

Галина Г. Москальчук^{1, @}

¹ Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
@ tapakov2004@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2016.

Принята к печати 14.12.2016.

Ключевые слова: текст, структура, лингвосинергетика, самоподобие, форма текста, аттрактор, эксперимент, форматы текста.

Аннотация: В статье рассматриваются результаты психолингвистического эксперимента, подтверждающих господство стратегии самоподобия в процессе спонтанного порождения текстов-реакций на один стимул «жизнь человека». Материалы экспериментов обрабатывались единообразно, с помощью специальной компьютерной программы, фиксирующей параметры текстов-реакций: размер текста в словах (от пробела до пробела) и в предложениях, а также формулу текста, отражающую финитное интегральное состояние целого. Установлено, что масштабное самоподобие как принцип структурирования речемыслительной деятельности испытуемых проявляется и в построении текстов-реакций. Форма текста холистично отражает скрытые законы спонтанной самоорганизации текстовой материи, синхронизированные с речемыслительными процессами индивида, действующего в условиях дефицита времени, обнажает латентные процессы деятельности по формированию текста. Вероятность реализации 7 общих доминирующих моделей формы текста в свободном эксперименте составляет 824 текста на 1 тысячу, в направленном – 705 текстов. Форматы текста отражают характер дискретности представления внутритекстовой информации. Средний размер текста в свободном эксперименте составляет 27,82 слова, а в предложениях – 2,64; в направленном эксперименте: 12,34 слова и 6,79 предложения соответственно. Тексты-реакции, располагающиеся на одной странице, порождаются испытуемыми по некоторому избранному ими шаблону и слабо различаются по характеру графического, стилистического, пунктуационного оформления. Формы текстов, порождаемых в условиях эксперимента, преимущественно концентрительные, с аттракторами, расположенными ближе к концу, где и размещается доминантный смысл текста.

Для цитирования: Москальчук Г. Г. Самоподобие как стратегия спонтанного порождения текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 184 – 190. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-184-190.

Деривация рассматривается современной лингвистикой как процесс, охватывающий все уровни языка, соединяющий единством техник организации язык и речемыслительную деятельность индивида и общества [1; 2 и др.]. Однако на этом непростом пути недостаточно изучен текст как центральная единица речевой деятельности человека, понимаемой глобально, поскольку именно в текстовой форме осуществляются и коммуникативная и информационная потребности человечества. Так, Л. Н. Мурзин полагал, что «язык проявляется как текст, и вне текста он фактически не существует» [2, с. 246].

В русле развиваемой нами концепции текст рассматривается как многомерный пространственный информационный пакет, обладающий помимо содержательных и лингвистически описываемых единиц и процессов некоторыми качествами сложной синергетической системы [3 – 8 и др.]. Эти качества суть алгоритмы природы, действующие в организации и самоорганизации текста так же, как и в окружающей нас действительности, ибо человек с его психофизиологической организацией, порождающий текст, и сам язык как знаковая система, материализующая текст, не могут слишком отличаться от окружающей среды как постоянно действующего и неустраняемого фактора.

Текст как финитный объект холистичен, поэтому необходим специальный лингвистический аппарат, позволяющий эксплицировать по наблюдаемым точкам виртуальную объемную форму текста, чтобы изучать и эффективно использовать ее качества [5; 8]. В результате фундаментального изучения формообразования текста, проведенного рядом исследователей по общей программе, обнаружено, что текст обладает некоторой общностью структурирования, не зависящей от устной или письменной формы, от авторства и даже языка (были исследованы тексты на различных европейских языках). Одним из свойств текста, подтвержденных на большом полнотекстовом материале и экспериментально, является принцип самоподобия в его структуре и смыслообразовании [9; 6].

В данной статье представлены результаты экспериментального изучения процесса спонтанного порождения текстов. В качестве материала использованы реакции испытуемых в психолингвистическом эксперименте по продуцированию текстов на одну тему «жизнь человека», проведенного в студенческой среде (филологи старших курсов со знанием иностранного языка).

Цель исследования заключалась в констатации самоподобия как принципа структурирования речемыслительной деятельности испытуемых, так и принципа построения текстов, порождаемых в условиях эксперимента.

Процедура эксперимента

Эксперимент проводился в двух вариантах. 1 этап. Испытуемые в течение 20 минут должны были представить на листе формата А4 как можно больше вариантов протекания жизни человека в виде свободно порождаемых письменных текстов, то есть в форме свободного ассоциативного эксперимента. 2 этап. Тем же испытуемым предлагалось в течение 20 минут на второй стороне листа представить жизнь известных литературных персонажей и реальных людей: О. Бендера, Т. Лариной, Е. Онегина, П. И. Чичикова, Маугли, А. С. Пушкина, И. Христа, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского, В. И. Ленина. Данная часть представляет собой направленный ассоциативный эксперимент в условиях дефицита времени, так как на каждую реакцию отводилось в среднем не более 2 минут. Деятельность же испытуемых усложнялась, поскольку необходимо было вспомнить предложенные персонажи и что-то написать, относящееся к ним, форма записи не регламентировалась, что позволило получить большой спектр графо-стилистических вариаций текста, включая рисунки и схемы.

Обычно экспериментаторы анализируют словесный состав текстов-реакций, что, безусловно, представляет интерес, но сами порождаемые тексты, их структурные качества, скрытые от прямого наблюдения, остаются невостребованными. В данном эксперименте предметом наблюдения являлся текст, порождаемый единым стимулом, что сближает и рандомизирует содержательную сторону эксперимента.

Материалы экспериментов обрабатывались единообразно, с помощью специальной компьютерной программы, созданной по алгоритмам и результатам исследований структурной организации текста [5]. Подобный подход исключает субъективность в истолковании примеров. Определялись следующие параметры текстов-реакций: размер текста в словах (от пробела до пробела) и в предложениях, а также формула текста, отражающая финитное интегральное состояние целого. Формула затем разворачивалась в табличные данные: вероятность модели в узусе, плотность циклов в каждом из 6 позиционных интервалов, баланс формы как отражение иерархичности структуры текста относительно аттрактора и дифферент формы как разницу в плотности циклов зачина и конца текста, отражающую общую восходящность, нисходящность или стабильность формы как интегрального конструкта (см. подробнее процедуры анализа, систему обозначений и основные результаты [5, с. 100 – 129, 281 – 289]).

Испытуемые в условиях спонтанного письма и дефицита времени выбирают как стратегию репрезентации текста перечисление этапов жизни человека, чаще всего в хронологическом порядке: от рождения до смерти (либо бессмертия и славы для известных личностей и героев вроде И. Христа). Приведем в качестве примера две типичные анкеты (графические особенности, орфография и пунктуация сохранены):

5 курс ФФ, английский язык, женский пол, 22 года:

Вариант 1.

Человек родился – первое слово – детский сад – школа – вуз – 2 вуз – свадьба – работа – 1 ребенок – повышение на работе – 2 ребенок – карьера ↑ – пенсия – огород, внуки – старость – смерть.

Вариант 2.

Родился – 1 слово – воспитывают дедушка и бабушка – школа 9 кл. – училище – наркотики – лечение – наркотики – СПИД – смерть в 40 лет.

Вариант 3.

Рождение – ясли – школа спортивная – соревнования – награды – травма – одиночество – поиск себя – алкоголизм – лечение – нашел себя – новая работа – семья – старость – смерть.

Вариант 4.

Рождение – счастливое детство, юность – свадьба, развод (нет детей) – уход в работу – одиночество – смерть.

Вариант 5.

Рождение – детство бедное – школа – вуз – богатый муж – сидит дома не работает – поиск смысла жизни – ребенок – домохозяйка – пенсия – смерть.

5 курс ФФ, немецкий язык, женский пол, 21 год:

Остап Бендер – сын турецкоподданного, самостоятельная юность, предприимчивые занятия, аферы, обманы людей, погоня за сокровищами, мечта о Рио-де-Жанейро, убит поделником Кисой Воробьяниновым;

Евгений Онегин – хорошее воспитание, прекрасное образование, светская жизнь в Петербурге, скука, отъезд в деревню, любовь, отверг Татьяну, отъезд в Петербург, возвращение к Татьяне, отвержен;

Татьяна Ларина – жизнь в деревне, чтение романов о любви, встреча с Онегиным, любовь, мучения от неразделенных чувств, брак с нелюбимым человеком;

Иисус Христос – рождение, детство, помощь людям, проповеди, исцеление больных, гонение, казнь на кресте (распятие);

Маугли – рождение, в детстве взят на воспитание стаей обезьян из-за гибели родителей, рос вместе с волками, звериные повадки, гармония с природой, тяга к людям, уход из джунглей в общество людей;

А. С. Пушкин – детство, воспитание няней, раннее проявление поэтического таланта, творчество, любовь, брак, смерть в результате дуэли;

М. Ю. Лермонтов – детство, стихотворчество, убит на дуэли в 27 лет;

В. В. Маяковский – активные общественные деяния, стихотворчество, гонения, самоубийство;

В. И. Ленин – активная политическая деятельность, революционер, убит террористкой.

Результаты эксперимента и их обсуждение

Созданные испытуемыми тексты изучались с позиций их целостных качеств: единство темы (= стимул), размер текста-реакции и его составляющих (в предложениях и словах), форма текста как интегральный конструкт, вмещающий все виды речемыслительной деятельности испытуемых в процессе его порождения в письменной форме. Кроме того, форма текста холистично отражает скрытые законы спонтанной самоорганизации текстовой материи, синхронизированные с речемыслительными процессами индивида, действующего в условиях дефицита времени, обнажают латентные процессы деятельности по формированию информационного пакета в заданное время. Формула текста является сверткой внутрискруктурного состояния текста, перечисление основных качеств формы: плотность циклов в каждом из 6 пропорциональных позиционных интервалов, иерар-

хичность динамики спонтанной самоорганизации формы, характер граничных условий модели [5].

Вопрос о статусе текстов-реакций в эксперименте достаточно убедительно изложен в работах Л. В. Сахарного и Ю. Н. Караулова [10; 11]. К сожалению, эксперименты с целыми текстами по-прежнему редки, вероятно, в силу сложности обработки и осмысления их результатов. Работа с текстовыми реакциями требует иных приемов анализа, учитывающих целостные качества полученного материала (цельность, отдельность, завершенность, членимость и др.) не столько в категориальном, сколько в качественно-количественном освещении. Тексты-примитивы обладают иными индикаторами связности, нежели тексты нормативно литературные. В них

соположение и следование компонентов доминирует над механизмами межфразовых связей [11, с. 222 – 224]. Это проявляется в способах графической репрезентации текстов-реакций (см. подробнее: [12 – 14]).

Количество реакций на стандартной странице является одним из показателей речемыслительной активности испытуемых. В первой стадии эксперимента никаких ограничений на характер и количество реакций не предусматривалось, поэтому число сценариев варьирует от 1 до 15 (рис. 1). Разумеется, что сами тексты при меньшем числе реакций на странице возрастают в объеме от 3 до 273 слов. Во второй стадии эксперимента практически все испытуемые представили по 8 – 10 реакций (всего 11 отказов).

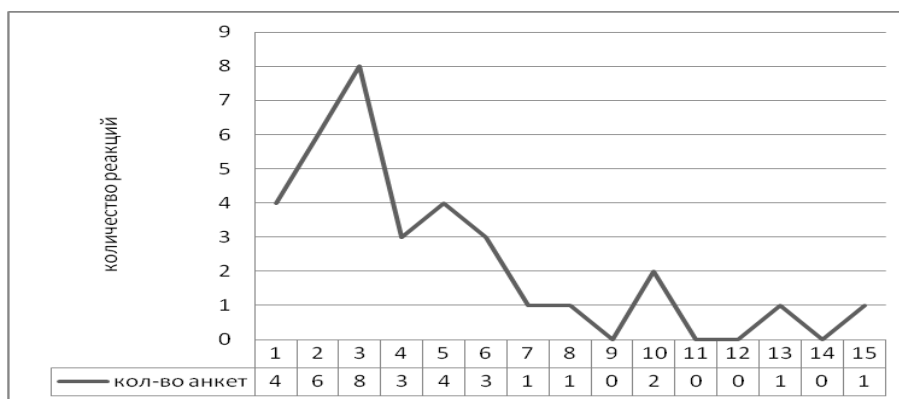

Рис. 1. Количественное распределение текстов-реакций в свободном ассоциативном эксперименте
Fig. 1. Quantity distribution of reaction texts in free association experiment

Форматы текстов-реакций объективно отражают характеристики речемыслительной активности испытуемых, выбирающих стратегию письменной репрезентации замысла, оптимальный для себя режим между количест-

вом текстов и их размером, вписанных в стандартную страницу (таблица 1). Поэтому диапазон варьирования форматов в свободном эксперименте несколько шире, нежели в направленном.

Таблица 1. Параметры текстов-реакций
Table 1. Parameters of the reaction texts

Параметры текстов-реакций	Свободный ассоциативный эксперимент	Направленный ассоциативный эксперимент
Количество текстов-реакций	153	220
Средний размер текста в словах	От 3 до 273 слов при средней величине 27,82 слова	От 3 до 48 слов, при средней величине 12,34 слова
Средний размер предложения в словах	10,53 слова	6,79 слова
Средний размер текста в предложениях	2,64 предложения	1,72 предложения

Размер текстов и их составляющих является важным показателем текстовой структуры и еще недооцененной лингвистами характеристикой речемыслительной деятельности человека. Размер предложения указывает на меру и степень дискретности представления внутри-текстовой информации, на характер членимости информационного пакета, вмещающего актуальную для испытуемых информацию. В условиях спонтанного порождения письменного текста испытуемые неосознанно останавливаются на выборе маркеров членения речевого потока: тире, абзацирование, запятые, точки с запятой, цифровые индексы, а иногда и схемно-графическое или даже рисуночное представление компонентов. Разумеется, указанные аспекты представления письменного текста заслуживают специального анализа, так как отражают

латентные способы организации текста, зачастую свободные от действия принятой письменной нормы.

Процедуры целостного структурного анализа, обозначения и результаты представлены подробно в нашей работе «Структура текста как синергетический процесс» [5]. Сравнение текстов по формуле текста обнаруживает скрытые от прямого наблюдения особенности их организации, объективно отражает сходство и/или несходство макроритмических процессов организации текстов-примитивов. В результатах экспериментов доминируют восходящие модели, где аттракторы располагаются преимущественно в середине или ближе к концу. Нисходящие же формы употребляются значительно реже (таблица 2).

Таблица 2. Параметры формы текстов, использованных испытуемыми
Table 2. Parameters of text forms used by the test group

Параметры формы текстов-реакций	Свободный ассоциативный эксперимент	Направленный ассоциативный эксперимент
Количество текстов-реакций	153	220
Разных моделей текста	26 (КР = 0,17)	35 (КР = 0,16)
Частотность моделей 2 и более	8 моделей	17 моделей
Восходящая структура текста	15 моделей (137 реакций)	14 моделей (157 реакций)
Нисходящая модель	8 моделей (8 реакций)	1 модель (21 реакция)
Стабильная модель	3 модели (3 реакции)	2 модели (19 реакций)

Выделяется ядро из 7 моделей формы текста, совпадающих для обоих экспериментов и наиболее частотных в выборках (рис. 2 и 3). В качестве меры сравнения выборок используется коэффициент разнообразия (КР), предложенный Б. Н. Головиным, как отношение разных единиц к их общему количеству [15, с. 220]. В свободном эксперименте разнообразие моделей несколько больше

(0,17), чем в направленном (0,16). Вероятность реализации указанных 7 общих моделей формы текста несколько различается: в свободном эксперименте указанные модели встречаются с вероятностью 824 текста на 1 тысячу, а в направленном – 705 текстов на тысячу. Доминирование этих немногих моделей текста весьма существенно в экспериментальных реакциях испытуемых (рис. 2).

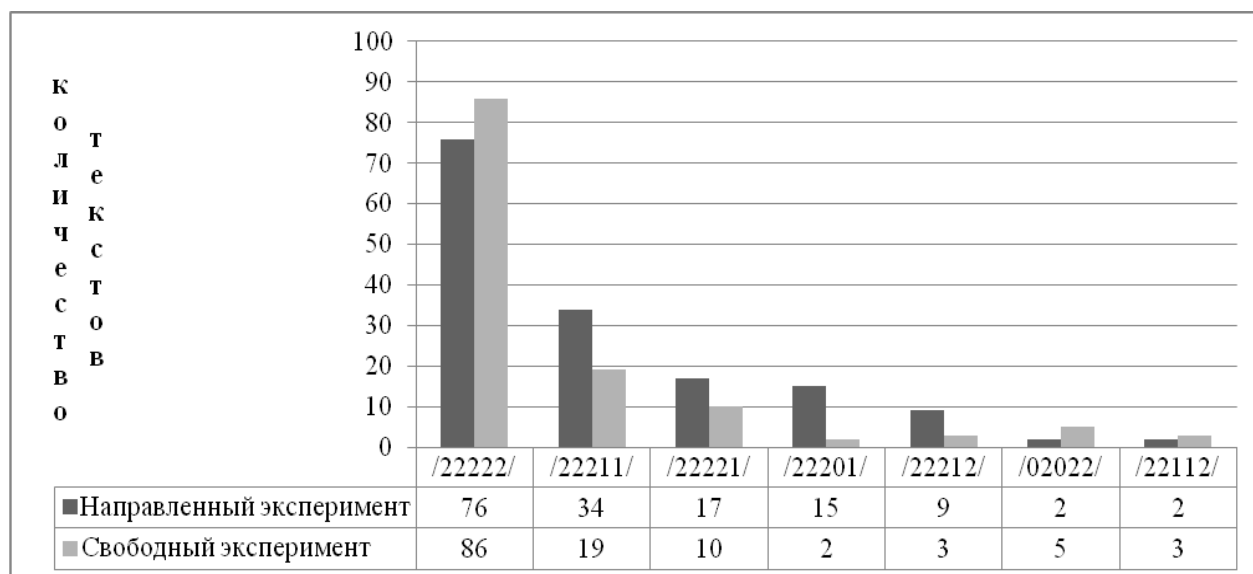

Рис. 2. Количественное распределение наиболее частотных совпадающих моделей в выборках
Fig. 2. Quantity distribution of the most frequent overlapping models in the selections

Использование интегральной оценки параметров формы текста позволяет анализировать содержательность самой формы, роль ее отдельных составляющих в неосознаваемых испытуемыми предпочтениях той или иной формы текста, вмещающей значимое для них содержание. Ибо только специальные процедуры объективного измерения состояний структуры текста позволяют эксплицировать достаточно тонкие параметры текста. Формула текста является своеобразным филологическим микроскопом, позволяющим эксплицировать, достроить и проанализировать те факторы функционирования текста, которые не даны в прямом наблюдении. И поскольку содержательный компонент текстов-реакций вариативен, но все же остается константным в экспериментах, то мы специально обсуждаем эвристичность самой формы.

Реконструкция внутритекстового состояния по формуле текста (рис. 3) показывает:

- 1) размещение аттракторов (притягивающее множество) в области пред-ГЦ и пост-ГЦ;
- 2) единонаправленные тренды внутритекстового состояния структуры выборок;
- 3) самоподобие распределения внутритекстовой динамики формы в выборках;
- 4) несколько количественно, но не качественно различающиеся масштабные измерения выборок.

Данные эксперимента объективно подтверждают доминирование у испытуемых концентрительных стратегий формирования текста, при которых доминантные смыслы в преимущественно восходящих по структуре текстах (знак «минус» на рис. 4) локализируются в середине/конце текста (рис. 3 и 4).

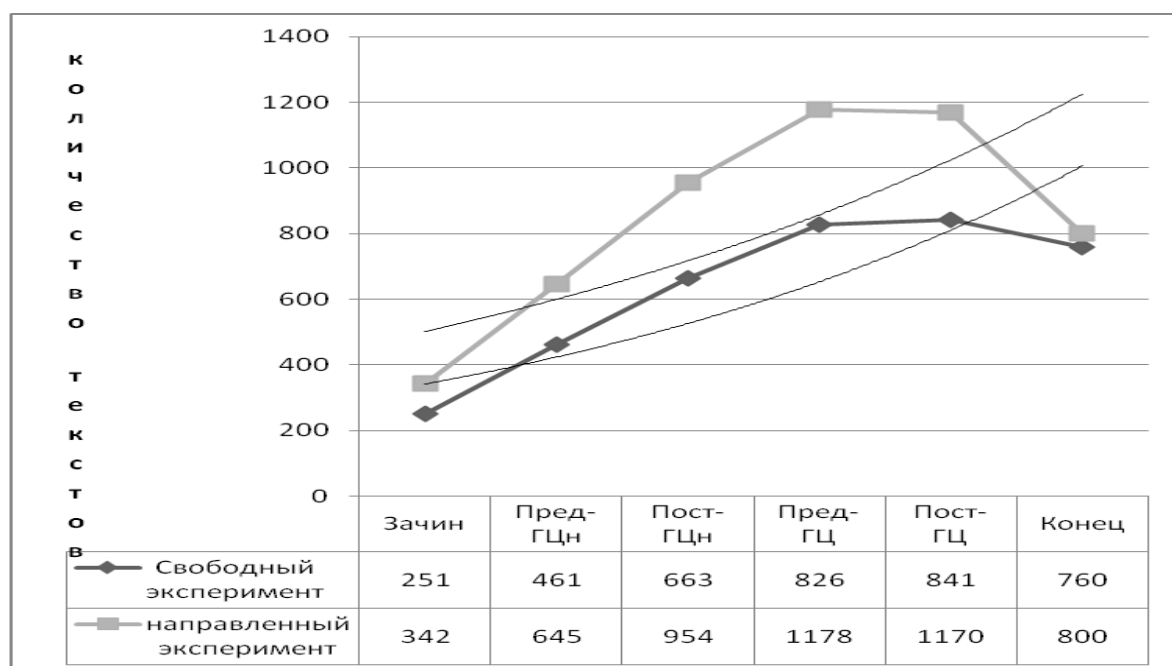

Рис. 3. Сравнение выборок по плотности циклов в позиционных интервалах текста
 Fig. 3. Comparison of the selections according to the positional intervals of the text

Дифферент формы, то есть перепад граничных условий модели, также отражает самоподобие выборок:

1) доминирование восходящих форм (диапазон со знаком «минус» указывает, что плотность циклов в начале текста ниже, чем в конце);

2) незначительное присутствие в выборках текстов с нисходящей динамикой (знак «плюс»);

3) самоподобие распределений в выборках с некоторым количественным различием, объясняющимся объемами выборок, то есть несколько различающимися сугубо количественными масштабами при сохранении большинства параметров и структурных тенденций организации текстов-реакций в двух различающихся условиях эксперимента.

Таким образом, один и тот же результат – самоподобие как принцип организации спонтанной речемыслительной деятельности испытуемых при спонтанном порождении текстов – получен двумя способами, что свидетельствует о его стабильности и достоверности.

Экспериментально подтверждается самоподобие как принцип организации текста, порождаемого спонтанно, в условиях дефицита времени. Это проявляется в том, что тексты-реакции, располагающиеся на одной странице, порождаются по некоторому избранному данным испытуемым шаблону и слабо различаются по характеру оформления: в графическом плане, в синтаксисе и пунктуации, по лексическому однообразию. То есть испытуемые порождают сходные, но все же вариативные по содержанию и форме тексты.

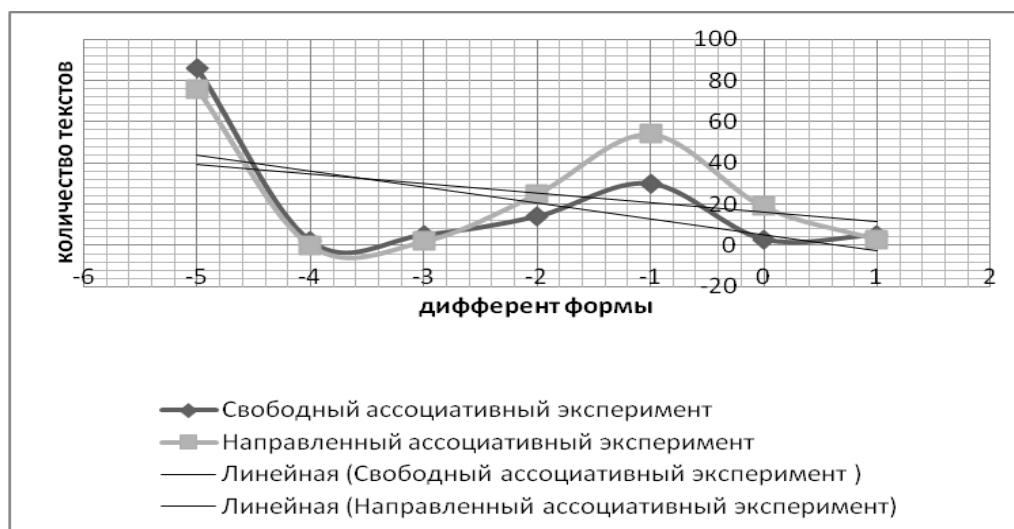

Рис. 4. Сравнение выборок по дифференту формы текста (граничные условия модели)
 Fig. 4. Comparison of the selections according to the different of the text form (boundary conditions of the model)

Данный результат обладает фундаментальной теоретической и практической значимостью, так как свидетельствует о подстройке всех степеней свободы в спонтанно порождаемом тексте к интересам формы как предельного лингвистического конструкта, подчиняющего все закономерности организации текста по известным испытуемым правилам языка интересам целого. Формы текстов, порождаемых в условиях эксперимента, пре-

имущественно концестремительные, с аттракторами, расположенными ближе к концу. Именно там размещается доминантный смысл текста. Концестремительность как мыслительная и текстообразующая стратегия доминирует в материале, поскольку, в сущности, эксперимент предполагает достройку текста вправо, то есть его дополнение информацией как однонаправленное саморазрастание в пространстве/времени формы.

Литература

1. Голев Н. Д. Письменная коммуникация новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2(18). С. 5 – 17.
2. Мурзин Л. Н. Принцип деривации и деривационная грамматика // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 238 – 248.
3. Манаков Н. А., Москальчук Г. Г. Лингвосинергетика: первые результаты, проблемы и перспективы // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 107 – 113.
4. Манаков Н. А., Москальчук Г. Г. Фрактальная природа языка // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: материалы первой школы-семинара 1 – 2 июля 2000 г. / отв. ред. В. А. Пищальникова. Барнаул, 2000. С. 24 – 33.
5. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2010. 296 с.
6. Москальчук Г. Г., Бузаева Я. А. Самоподобие структуры текста как переводческая стратегия // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3(24). С. 199 – 207.
7. Москальчук Г. Г., Манаков Н. А. Текст как информационный пакет // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 9. С. 77 – 80.
8. Москальчук Г. Г., Манаков Н. А. Форма текста как многоуровневый конструкт // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 291 – 302.
9. Москальчук Г. Г. Изоморфизм структуры текста и его аттрактора // Синергетическая лингвистика vs лингвистическая синергетика: материалы Междунар. научно-практич. конф. (г. Пермь, 8 – 10 апр. 2010 г.). Пермь: Изд-во Пермск. гос. тех. ун-та, 2010. С. 77 – 85.
10. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1994. С. 190 – 218.
11. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 221 – 237.
12. Лихачева О. Б., Москальчук Г. Г. Базовый композиционный стереотип «Жизнь человека» // Язык – наше наследие. Иркутск, 1995. С. 33 – 35.
13. Москальчук Г. Г. Стратегии и тактики письменной репрезентации текстов-примитивов на одну тему // Естественная письменная речь: исследовательский и образовательный аспекты: материалы конференции. Барнаул, 2003. Ч. 2. С. 201 – 211.
14. Москальчук Г. Г. Форматы текста в условиях спонтанного письма // Уральский филологический вестник: Серия: Психоллингвистика в образовании. 2015. Вып. 4. С. 161 – 168.
15. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1980. 335 с.

SELF-EQUALITY AS A STRATEGY OF SPONTANEOUS TEXT GENERATION

Galina G. Moskaltchuk^{1, @}

¹ Orenburg State Teacher Training University, 19, Sovetskay St., Orenburg, Russia, 460014
@manakov2004@mail.ru

Received 01.02.2016.

Accepted 14.12.2016.

Keywords: text, structure, linguosynergetics, self-equality, text form, attractor, experiment, text formats.

Abstract: The article deals with the results of the psycholinguistic experiment which prove the influence of the self-equality strategy in the process of spontaneous reaction text generation as a reaction on the stimulus “human life”. The materials have been analyzed with the help of a special computer program which marks the reaction texts parameters: text size in words (from space to space) and in sentences as well as the text formula reflecting the finite integral state of the whole. It has been found out that the self-equality as the principle of structuring speech forming activity is also used when producing reaction texts. The form reflects the hidden laws of the text synergetics and its synchronization with the speech-thought processes of the human acting with lack of time, it shows the hidden laws of the text formation. The probability of the realization of the 7 dominant models of the text form in the experiment is 824 texts of 1 thousand, in the directed one – 705 texts. The text for-

mats reflect the discretization of the inner textual information. The average text size in the free experiment is 27.82 words, in sentences – 2.64, in the directed experiment – 12.34 and 6.79 sentences correspondingly. The reaction texts set on one page are formed by the tested according to a selected pattern and have hardly any stylistic, graphic and punctuation difference. The forms generated in the process of experiment are more end-oriented with attractors located in the end alongside with the dominant sense.

For citation: Moskal'tchuk G. G. Samopodobie kak strategiiia spontannogo porozhdeniia teksta [Self-Equality as a Strategy of Spontaneous Text Generation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 184 – 190. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-184-190.

References

1. Golev N. D. Pis'mennaia kommunikatsiia noveishogo vremeni: osnovnye vektory razvitiia [Written communication of modern times: the main vectors of development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, no. 2(18) (2012): 5 – 17.
2. Murzin L. N. Printsip derivatsii i derivatsionnaia grammatika [The principle of derivation and derivation grammar]. *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo iazyka* [Essays on linguistic terminology and word formation of the Russian language]. Ed. Golev N. D. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 238 – 248.
3. Manakov N. A., Moskal'chuk G. G. Lingvosinergetika: pervye rezul'taty, problemy i perspektivy [Lingvosinergetika: first results, problems and prospects]. *Metodologiya sovremennoi lingvistiki: problemy, poiski, perspektivy* [Methodology of modern linguistics: problems, searches, perspectives]. Barnaul, 2000, 107 – 113.
4. Manakov N. A., Moskal'chuk G. G. Fraktal'naia priroda iazyka [The fractal nature of language]. *Lingvosinergetika: problemy i perspektivy: Materialy pervoi shkoly-seminara 1 – 2 iulia 2000 g.* [Lingvosinergetika: problems and prospects: Proc. 1st workshop 1 – 2 July 2000]. Ed. Pishchalnikova V. A. Barnaul, 2000, 24 – 33.
5. Moskal'chuk G. G. Struktura teksta kak sinergeticheskii process [The structure of the text as a synergistic process]. Moscow: Editorial URSS, 2010, 296.
6. Moskal'chuk G. G., Buzaeva Ja. A. Samopodobie struktury teksta kak perevodcheskaia strategiiia [Self-similarity of the structure of the text as a translation strategy]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, no. 3(24) (2013): 199 – 207.
7. Moskal'chuk G. G., Manakov N. A. Tekst kak informatsionnyi paket [Bulletin of the Orenburg State University]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, no. 9 (2004): 77 – 80.
8. Moskal'chuk G. G., Manakov N. A. Forma teksta kak mnogourovnevnyi konstrukt [The form of the text as a multilevel construct]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no. 4 (2014): 291 – 302.
9. Moskal'chuk G. G. Izomorfizm struktury teksta i ego attraktora [Isomorphism structure of the text and his attractor]. *Sinergeticheskaya lingvistika vs lingvisticheskaya sinergetika: Materialy mezhdunar. nauchno-praktich. konf. (g. Perm', 8 – 10 apr. 2010 g.)* [Synergetic linguistics vs linguistic synergy: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (Perm, 8 – 10 April 2010)]. Perm: Izd-vo Permsk. gos. tekhn. un-ta, 2010, 77 – 85.
10. Karaulov Iu. N. Russkii assotsiativnyi slovar' kak novyi lingvisticheskii istochnik i instrument analiza iazykovoi sposobnosti [Russian associative dictionary as a new source of linguistic and analysis tool of language ability]. *Russkii assotsiativnyi slovar'. Kniga 1: Priamoi slovar': ot stimula k reaktsii* [Russian associative dictionary. Book 1: Direct dictionary: from stimulus to reaction]. Moscow, 1994, 190 – 218.
11. Sakhar'nyi L. V. Teksty-primitivy i zakonomernosti ikh porozhdeniia [Text primitives and patterns of their generation]. *Chelovecheskii faktor v iazyke. Iazyk i porozhdenie rechi* [The human factor in language. Language and speech generation]. Moscow: Nauka, 1991, 221 – 237.
12. Likhacheva O. B., Moskal'chuk G. G. Iazyk – nashe nasledie [Language is our heritage]. Irkutsk, 1995, 33 – 35.
13. Moskal'chuk G. G. Strategii i taktiki pis'mennoi reprezentatsii tekstov-primitivov na odnu temu [Strategy and tactics of the written texts of representation primitives on the same topic]. *Estestvennaia pis'mennaia rech': issledovatel'skii i obrazovatel'nyi aspekty: Materialy konferentsii* [Natural written speech: research and educational aspects: Proc. Conf.]. Barnaul, part 2 (2003), 201 – 211.
14. Moskal'chuk G. G. Formaty teksta v usloviiakh spontannogo pis'ma [Formats text in a spontaneous letter]. *Ural'skii filologicheskii vestnik: Ser. Psikholingvistika v obrazovanii = Ural Philology Gazette: Series Psycholinguistics in education*, no. 4 (2015): 161 – 168.
15. Golovin B. N. *Osnovy kul'tury rechi* [Fundamentals of speech]. Moscow: Vysshaia shkola, 1980, 335.

УДК 81-25

ДИСКУРСИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧАСТНИКА ВИРТУАЛЬНОГО ФАН-СООБЩЕСТВА

Зоя И. Резанова^{1, @1}, Юлия К. Скрипко^{1, @2}¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 34а@¹ rezanovazi@mail.ru@² freundvolkes@gmail.com

Поступила в редакцию 16.02.2016.

Принята к печати 14.12.2016.

Ключевые слова: языковая личность, дискурсивная языковая личность, дискурс-анализ, фан-культура, дискурс фан-сообществ, виртуальный дискурс.

Аннотация: Предмет анализа в данной статье – коллективные дискурсивные личности участников виртуальных фан-объединений различной музыкальной тематики – поп и метал. Дискурсивная языковая личность реализует коммуникативные интенции в структуре дискурса, характеризующегося особой организацией: дискурса Интернет-объединения музыкальных фанатов, сочетающего в себе признаки дискурса субкультурной организации (причина возникновения) и виртуального дискурса (среда функционирования). На основе применения метода контент-анализа выявляются типовые и вариативные психологические, когнитивные характеристики участников фан-сообществ, реализуемые в рассматриваемых дискурсивных практиках: перцептивные каналы восприятия информации (визуальный vs. аудиальный), преобладающий тип мышления, особенности эмоциональности. Ведущим каналом восприятия, репрезентированным в темах обсуждений коммуникантов фан-сообщества поп-музыканта, является визуальный, в текстах поклонников группы метал – аудиальный, что дискурсивно проявляется в тематическом преобладании соответствующих семантических групп лексики разной частеречной принадлежности. В текстах обеих групп наблюдается преобладание текстовых манифестаций конкретного типа мышления, что проявляется в особенностях тематики и грамматических характеристиках. Общение представителей обеих групп музыкальных фанатов характеризует повышенный уровень эмоциональности, что напрямую связано с характером состояния музыкального фанатизма, в основе которого лежит сверхположительное чувственное отношение к объекту аддикции. Выявляется система языковых средств формирования общего эмоционального фона-коммуникации.

Для цитирования: Резанова З. И., Скрипко Ю. К. Дискурсивная языковая личность участника виртуального фан-сообщества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 191 – 196. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-191-196.

В современной лингвистике особый интерес вызывают работы в области лингвоперсонологии – направления, объектом изучения которого является языковая личность. В настоящее время лингвоперсонология оценивается как весьма актуальное направление, отвечающее в своих теоретико-методологических установках базовым приоритетам современной антропологической парадигмы и представленное многообразными научными подходами и целостными школами, среди которых одно из ведущих мест занимает Кемеровская школа Н. Д. Голева (см., например, [1 – 3] и др.). Один из аспектов анализа, разрабатываемых в рамках данного направления – характеристика типов коллективных языковых личностей, выявляемых на основании отдельных аспектов речевой деятельности (например орфографическая языковая личность) или по проявленным доминантным языковым характеристикам (например морфологическая языковая личность).

В данной статье, находясь в целом в русле такой традиции, мы также выделяем и характеризуем тип коллек-

тивной языковой личности, определяемой как дискурсивная, исследуемой «с позиций того или иного дискурса, в котором человек участвует» [4, с. 79], (см. также [5 – 8]). Основанием для выделения такого типа языковой личности является положение о том, что для успешной, результативной коммуникации необходимо, чтобы говорящие в полной мере владели принятыми в рамках дискурса способами общения, подбирали релевантные средства для выражения своих коммуникативных намерений, свободно ориентировались в дискурсивном пространстве и обладали схожими мотивами, целями и интенциями, побуждающими их к ведению коммуникативного процесса. С понятием дискурсивной личности, по нашему мнению, коррелирует термин «дискурсивная картина мира», репрезентирующий сложный ментальный конструкт, целостную систему знаний, идей и представлений коммуниканта об окружающей действительности, формируемую и выражаемую в пределах какого-либо дискурса [6, с. 43]. Дискурсивная личность играет ключевую

роль в формировании среды дискурса, одновременно порождая и потребляя его. Интенциональная общность участников, их готовность следовать единым принципам, организующим общение в границах дискурса, позволяют говорить нам о том, что вся совокупность индивидов, включённых в дискурс, обладает рядом общих признаков, на основании которых можно составить коллективный образ типового участника данного вида дискурса. Выделение дискурсивной личности становится возможным благодаря наличию у ведущих коммуникацию субъектов общих когнитивных установок, соответствующих специфической дискурсивной картине мира, складывающихся в пределах того или иного дискурса, входящего, в свою очередь, в типовые социальные практики. При этом пространство коммуникации не может рассматриваться как своеобразная «шахматная доска клеток-дискурсов», но являет собой поле взаимодействующих и переплетающихся типовых коммуникативных практик, выстраивающихся в определенную динамическую иерархию, определяемую термином «порядок дискурса» [9]. Порядок дискурса – совокупность всех жанров и дискурсов, которые используются в определенной социальной области, их функциональное распределение, в котором правила каждого из вступающих во взаимодействие дискурсов влияют на формирование дискурсивной личности. Дискурсивные правила привносят свои ограничения и дают возможности для реализации когнитивных и коммуникативных интенций коммуникантов, выступая в качестве стимулирующего или сдерживающего фактора.

В данной работе мы рассматриваем и анализируем два варианта типовой дискурсивной личности, проявляющейся в коммуникативном пространстве, определяемом интенциями, правилами, ограничениями виртуального дискурса, реализующегося в варианте субдискурса общения в социальной сети «ВКонтакте», и дискурса фан-сообществ, в двух вариантах музыкальных фан-объединений. Такое взаимодействие и коммуникативное пересечение в результате даёт особый порядок дискурса: дискурса интернет-объединения музыкальных фанатов, сочетающего в себе признаки дискурса субкультурной организации (причина возникновения объединения) и непосредственно виртуального дискурса (среда его функционирования). Для реализации коммуникативного процесса виртуальность предоставляет только общий канал передачи информации, хронотоп и набор коммуникативно-поведенческих установок, заключающийся главным образом в употреблении характерных для интернет-дискурса языковых и невербальных средств: гипертекст, компьютерный сленг, письменная фиксация особенностей устной речи, наличие своеобразных эмотиконов и др.

Исходные цели коммуникации в дискурсе и применяемые для их достижения стратегии, формируемые в дискурсе ценности устанавливаются тематической отнесённостью интернет-объединения, целевой аудиторией и коммуникативными интенциями его участников, в данном случае – это черты субдискурсов соответствующих субкультур музыкальных фанатов, которые организуют свою коммуникацию в виртуальном пространстве.

Изучаемая нами область виртуального дискурса – субкультурное объединение типа «фан-клуб» – порождается и формируется дискурсивными личностями, причисляющими себя к поклонникам определённого музыкального исполнителя. Как социально-психологический феномен, музыкальный фанатизм стал неотъемлемой частью современной подростковой и молодёжной субкультуры [10, с. 3]. Основными интенциями, обуславливающими существование сообществ поклонников музыкальных исполнителей, являются:

1) поиск единомышленников – поклонников определённых исполнителей;

2) потребность в формировании новой, изменённой системы ориентации, центром которой является избранный идолизированный объект;

3) самовыражение индивида как музыкального фаната и достижение признания другими членами коммуникативного сообщества.

К ценностям, формируемым и поддерживаемым в фан-сообществах, относятся:

– демократичность общения, не накладывающая ограничений на возраст и социальный статус коммуниканта;

– свобода в выражении эмоций, отношения к объекту поклонения;

– неограниченная доступность получения информации и завязывания контактов;

– соблюдение дисциплины общения, проявляющейся в первую очередь в уважительном отношении ко всем членам сообщества.

Приведенная ценностно-интенциональная структура образует «каркас» дискурсов, который интегрируется в среду виртуального дискурса, служащего пространством для ведения коммуникации, формируются за счёт комбинирования характеристик виртуального и субкультурных дискурсов.

Нами были проанализированы фрагменты из общей совокупности текстов коммуникаций участников фан-объединений «EricSaade | Эрик Сааде [Official VK Group]» [11] и «Официальный Российский Фан-Клуб DeadbyApril» [12], функционирующих в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте». Общий объем проанализированного материала составил 4,25 п. л. (тексты сообщений 246 коммуникантов: 128 – участники фан-сообществ, посвященного поп-исполнителю, 118 – поклонники группы, работающей в стиле метала).

Результатом проведённого с использованием в качестве основного приема контент-анализа стало построение двух лингвокогнитивных моделей коллективных дискурсивных личностей участников фан-сообществ различной музыкальной направленности – поп и метала. Проведенный анализ текстов коммуникации участников виртуальных фан-сообществ, посвященных поп-исполнителю и группе, работающей в стиле метала, позволил выявить в системе речевых актуализаций, языковых репрезентаций моменты общности и различий в характеристиках участников данного дискурса.

Среди выявленных характеристик мы противопоставляем объективные и субъективные. К объективным мы относим экстралингвистические признаки типовых для данного дискурса коммуникантов, появление кото-

венность в текстах»; «по-моему дело не в том что **по-красивше** вытягивает, а просто поёт **более легко и не-принужденно**, не выделяется))) **просто и со вкусом**, что называется») [12].

III. Общение представителей обеих групп музыкальных фанатов характеризует повышенный уровень эмоциональности, что напрямую связано с характером состояния музыкального фанатизма, в основе которого лежит сверхположительное чувственное отношение к объекту аддикции. В качестве регулярных средств выражения выступают:

1) эмотиконы, обозначающие проявление позитивных эмоций (93 % при 6 % эмотиконов, обозначающих негативные эмоции и отрицательное отношение (ФП). В текстах ФМ преобладают сочетания символов, обозначающие положительные эмоции, к которым можно отнести смайлы таких типов, как «:-)», «:D», «^_^» и «\m/» (96,8 % при 2,5 % эмотиконов, дефинирующих отрицательные эмоции («:-»): *Услышал в Контровском ролике, вообще cool=)))*; *медиапортал рулит*); *друган скинул на стену withinmyheart (demo) + promiseme :D*; *ну 15 Сентября еще приезжает Caliban, и думай на что идти ((*; «Альбом шикарен ^____^ [12];

2) повторяющиеся символы: *Вот чего он молчит???*; *Тааак руки от моего пуссика!!!!*; «*Сразу 2 праздника отметим))))))))*» [12]. Примечательно, что данный приём графикализации эмоционального состояния используется музыкальными фанатами металл-группы чаще, чем представителями фан-сообщества поп-музыканта (соотношение зафиксированных случаев повтора 1,6:1);

3) увеличенный шрифт при написании текстов сообщений (часто встречается сочетание сразу двух средств): **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИДУ**); **ЛЮДИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ!!!!**; *так успокойтесь Са* [12];

4) междометия (2 % от общего числа слов в текстах ФП; большую часть из них составляют междометия, обозначающие смеховую реакцию (39 % в соответствии с 20 % междометий, отражающих негативные эмоции, 7 % междометий, выражающих удивление, и 34 % междометий с семантически диффузными функциями): *Аха-хахаха, а я помогу докушать тогда, если что достанется))))))* [11]; В текстах ФМ эмотиконы составляют 0,5 %, при этом большинство употребляемых междометий относятся к междометиям с семантически диффузными функциями: 56 % при 24 % междометий, обозначающих эмоцию смеха, и соответственно 20 % междометий, означающих отрицательные эмоции (*yeahoooooooo! Deadby April одна из моих любимейших групп! ура ура ура:*). Отличительной особенностью речи коммуникантов данного типа является использование ненормативных, табуированных междометий: *вчера заказала билеты, но мне их с*ка не привезли(((*) [12];

5) полнозначные единицы с оценочной и экспрессивной семантикой:

– качественные прилагательные: *Во-первых, DBA просто классные!! Во-вторых, песни очень хорошие и все разные!!! В-третьих, это замечательная группа и не любит её нелзя!!!!*; «*Невероятная мелодичность песен – это раз*» [12];

– фразеологические метафорического сочетания слов: *А сколько вы безумно влюблены в этого **пре-красного дьявола со сражающими наповал карими глазами?***; а также при обращении друг к другу и коллективу фан-объединения в целом: *пусик не флуди, шо случилось?* [11]; *Да! песня просто **мозг выносит!!!!***; <...> *и **голос**, бывает, просто **сливается с гитарой** ^* [12]. Результаты сравнительного количественного анализа показали, что число употреблений лексем и словосочетаний такого характера в высказываниях, оставленных представителями данной группы коммуникантов, превышает количество аналогичных у членов фан-группы, посвящённой поп-исполнителю, в 2 раза. Данное соотношение является дополнительным подтверждением разницы в выборе средств для экспрессии эмоционального состояния;

– восклицательные предложения: *Демка определенно лучше, жирней звучит!!!!*; «*Мы хотим выразить благодарность всем, кто поддерживал нас 18 октября в MoscowHall! «я тож была)))))))))) ахринительные ребята!!!!!!!!!!!!*»; «*моментом был.. но я вас на место же поставила!:*» [11]. Согласно результатам лингвистического анализа, восклицательные предложения, в которых отражается эмоциональное отношение говорящего к высказываемой информации, составляют 12,3 % от общего числа высказываний. Данное соотношение практически в два раза превышает показатели анализа сообщений, авторами которых являются участники фан-сообщества поп-музыканта, где восклицательные предложения составляют только 5,7 % от целого числа.

Обобщая наблюдения, отметим, что участники, позиционирующие себя в качестве поклонников металл-группы, обладают склонностью к эксплицированному выражению своего повышенного эмоционального состояния, однако используют для этих целей иные вербальные и графические средства по сравнению с музыкальными фанатами поп-исполнителей. Предпочтение отдаётся таким способам языковой репрезентации, как восклицательные знаки и последовательности повторяющихся символов, а также лексемы и сочетания слов оценочного характера.

Междометия, эмотиконы и уменьшительно-ласкательные аффиксы в словоформах пользуются меньшей популярностью у представителей поклонников группы метал, чем у коммуникантов – музыкальных фанатов поп-исполнителя. Объяснение данному феномену может скрываться в стремлении индивидов данного типа к некой формализации, объективации чувственного отношения. Пунктуационные знаки в представлении коммуникантов являются общепринятым, универсальным и имеющим однозначную трактовку способом передачи эмоциональности, не требующим дополнительных комментариев (чего, например, нельзя сказать о междометиях, выполняющих семантически диффузные функции). С этой же точки зрения количество используемых символов является объективно фиксируемым показателем степени испытываемого эмоционального состояния: большее число знаков свидетельствует соответственно о более глубоком характере переживаемого чувства.

Употребление оценочных единиц, метафор и фразеологизмов характеризует вербальную репрезентацию эмоционального состояния как более субъективизированную, основанную на личностной интерпретации. Это соотносимо со сложностью передачи всей гаммы разнообразных чувств, которые не могут быть восприняты однозначно и объективно, посредством ограниченного набора языковых

средств, что побуждает коммуникантов к поиску новых способов её вербального отражения.

Рассмотренные ранее характеристики являются типичными для системы коммуникации дискурсивных личностей двух подтипов, различаясь только в вариантах способов языковой репрезентации, что, впрочем, обусловлено определенной вариативностью когнитивных пресуппозиций.

Литература

1. Голев Н. Д., Мельник Н. В. Языковая личность: моделирование, типология, портретированные. Сибирская лингвоперсонология. Вып. 2. URSS, 2016. 432 с.
2. Голев Н. Д., Шпильная Н. Н. Языковая личность: Моделирование, типология, портретированные. Сибирская лингвоперсонология. Вып. 1. М., URSS, 2014. 640 с.
3. Лингвоперсонология. Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006. 435 с.
4. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 78 – 85.
5. Плотникова С. Н. Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4. С. 37 – 42.
6. Резанова З. И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 15 – 94.
7. Резанова З. И. Языковая личность в институциональном дискурсе: позиция адресата // Американские исследования в Сибири. Вып. 9. Томск, 2008. С. 357 – 371.
8. Синельникова Л. М. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24(63). № 2. Ч. 1. С. 454 – 463.
9. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. 352 с.
10. Тверезовский К. И. Социально-психологические условия возникновения музыкального фанатизма в подростково-юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 27 с.
11. EricSaade | Эрик Сааде [Official VK Group при поддержке Lingman&Co]: социальная сеть / «ВКонтакте», 2006 – 2014. Режим доступа: vk.com/ericSaade (дата обращения: 05.03.2012).
12. Официальный Российский Фан-Клуб DeadbyApril. Режим доступа: http://vk.com/russian_april_army (дата обращения: 6.02.2013).

DISCURSIVE LANGUAGE PERSONALITY OF VIRTUAL FAN COMMUNITY MEMBERS

Zoya I. Rezanova, Yulia K. Skripko

¹ National Research Tomsk State University, 34a, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

@¹ rezanovazi@mail.ru

@² freundvolkes@gmail.com

Received 16.02.2016.

Accepted 14.12.2016.

Keywords: Language personality, discursive personalities, discourse analysis, fanculture, discourse fancommunities, virtual discourse.

Abstract: The given article provides an analysis of collective discursive personalities of members of Internet fan communities which are devoted to performers working in two different music styles – pop and metal. Such kind of communicative interaction forms a unique discourse – the discourse of music fan Internet community which combines features of both subcultural group discourse (as the reason which led to the formation of the very fan community) and Internet discourse itself (as the environment for the given discourse). Through the use of content analysis method the authors find out both typical and specific psychological and cognitive features which fan community members implement during communication in the given discourse. These features include different ways of perception (visual vs. audial), major mindsets, emotionality level, etc. The main way of perception which is represented in the texts of conversations between pop music fan community members turns to be a visual one, while metal music fans are likely to have the audial way of perception as a major one. In the given discourse these features are represented by word groups of different perception semantics which are used by community members and belong to different parts of speech. The analysis of conversations in both fan groups demon-

strates that concrete thinking could be characterized as a main way of thinking for fans of two aforementioned music styles. It is represented within the vocabulary and grammatical features used. Conversations between music fans of both types could be also characterized by a heightened emotionality level which directly depends on the specific character of music fanaticism. This specific character is based on over-positive attitude to favourite artists. The special attention is given to the system of language means which help to form general emotional background during communication process.

For citation: Rezanova Z. I., Skripko Y. K. Diskursivnaia iazykovaia lichnost' uchastnika virtual'nogo fan-soobshchestva [Discursive Language Personality of Virtual Fan Community Members]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 191 – 196. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-191-196.

References

1. Golev N. D., Mel'nik N. V. *Iazykovaia lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Linguistic personality: Modeling, typology, portrayed. Siberian lingopresley]. URSS, Iss. 2 (2016): 432.
2. Golev N. D., Shpil'naia N. N. *Iazykovaia lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovannye. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Linguistic personality: Modeling, typology, portrayed. Siberian lingopresley]. Moscow, URSS, Iss. 1 (2014): 640.
3. *Lingvopersonologiya. Tipy iazykovykh lichnostei i lichnostno-orientirovannoe obuchenie* [Lingopresley. Types of linguistic personalities and personality-oriented training]. Barnaul; Kemerovo, 2006, 435.
4. Karasik V. I. Diskursivnaia personologiya [Personology Discourse]. *Iazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda = Language, communication and social environment*, Iss. 7 (2007): 78 – 85.
5. Plotnikova S. N. Govoriashchii/pishushchii kak iazykovaia, kommunikativnaia i diskursivnaia lichnost' [Speaking/writing as a linguistic, communicative and discursive identity]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the Nizhnevartovsk state humanitarian University*, no. 4 (2008): 37 – 42.
6. Rezanova Z. I. Diskursivnye kartiny mira [Discursive picture of the world]. *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S, 2011, 15 – 94.
7. Rezanova Z. I. Iazykovaia lichnost' v institutsional'nom diskurse: pozitsiya adresata [Linguistic identity in institutional discourse: the position of destination]. *Amerikanskii issledovaniia v Sibiri = American studies in Siberia*, Iss. 9 (2008): 357 – 371.
8. Sinel'nikova L. M. O nauchnoi legitimnosti poniatii «diskursivnaia lichnost'» [About the scientific legitimacy of the concept of "discursive identity"]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nyekommunikatsii» = Scientific notes of Taurida national University named after V. I. Vernadsky. Series "Philology. Social communication"*, 24(63), part 1, no. 2 (2011): 454 – 463.
9. Iorgensen M. V., Fillips L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriia i metod* [Discourse analysis. The theory and method]. Khar'kov, 2008, 352.
10. Tverezovskii K. I. *Sotsial'no-psikhologicheskie usloviia vznikhoveniia muzykal'nogo fanatizma v podrozkovo-iunosheskom vozraste*. Avtoref. diss. kand. psikh. nauk [Socio-psychological conditions of occurrence of musical fanaticism in adolescence. Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2009, 27.
11. *Eric Saade | Erik Saade* [Official VK Group pripodderzhke Lingman&Co]. Available at: vk.com/ericsaade (accessed 05.03.2012).
12. *Ofitsial'nyi Rossiiskii Fan-Klub Dead by April* [Official Russian Fan-Club Dead by April]. Available at: http://vk.com/russian_april_army (accessed 6.02.2013).

УДК 811.11-112

СКАЗКА О ЗОЛУШКЕ И ТАДЖИКСКО-ПЕРСИДСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЮСУФЕ И ЗУЛЕЙХЕ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ГЛУБИННЫХ СТРУКТУР» В ТЕКУЩЕМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Юрий С. Серенков^{1, @1}, Юлдузхон М. Раджабова^{1, @2}¹ Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, Россия, 654041, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23

@1 juriyy-serenkov@rambler.ru

@2 zvezdochka.raj@ya.ru

Поступила в редакцию 11.05.2016.

Принята к печати 05.09.2016.

Ключевые слова: нарратив, идентичность, Восток и Запад, морфологическая структура сюжета, структурализм, постструктурализм, сюжет о Золушке, сюжет о Юсуфе и Зулейхе, таджикско-персидская литература.

Аннотация: Статья посвящена поиску теоретических обоснований, ведущих к распознаванию и объективации перемен в интерпретации универсальных нарративных схем в кросс-культурном пространстве современности. Используя самую известную таджикско-персидскую литературную обработку коранического сюжета о Юсуфе и жене Путифора (1), а также ряд нефольклорных обращений к западноевропейскому сказочному сюжету о Золушке (2), авторы приходят к гипотезе о постепенном сближении и определенной взаимной трансформации существующих «интерпретационных доминант» этих сюжетов, обусловленных продолжающимся культурным и социальным взаимодействием Запада и Востока в современном мире. Используемая авторами структуралистская методология морфологического прочтения сюжета позволяет засвидетельствовать близость ряда инвариантных элементов глубинных структур (1) неизбежности перемены ценностных приоритетов человека по мере нравственного взросления (история Юсуфа и Зулейхи) и (2) неизбежности материально-статусной реабилитации в социуме тех, кто был несправедливо унижен («формула Золушки», или глубинная структура “rags to riches”). Постструктуралистская установка о культуросозидающей функции нарративных практик также используется авторами статьи в качестве вспомогательного довода в пользу гипотезы о сближении и взаимной трансформации «интерпретационных доминант» традиционных сюжетов в культуре XXI в.

Для цитирования: Серенков Ю. С., Раджабова Ю. М. Сказка о золушке и таджикско-персидское повествование о Юсуфе и Зулейхе: опыт интерпретации «глубинных структур» в текущем социально-культурном контексте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 197 – 201. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-197-201.

Сюжетно-фабульная структура «от бедности – к богатству» (в международном исследовательском обиходе – “rags to riches”) нередко ассоциируется в отечественной и зарубежной филологии с народной сказкой о Золушке [1, р. 14; 2, с. 341]. Это – одна из самых известных сказок, и ее версии существуют во многих европейских (и не только европейских) словесностях. При этом немецкоязычная версия братьев Гримм остается, очевидно, самой известной. Именно она, как правило, служит основой для творческих интерпретаций знаменитого сюжета не только в большом искусстве (например балет Сергея Прокофьева), но и в современной культуре. В этой связи можно упомянуть кинонарратив – фильм голландского режиссера-новатора А. ван Вармердама «Новые сказки братьев Гримм» (2003), опирающийся на фабульные элементы нескольких сказок, но содержащий и ряд реминисценций истории Золушки, музыкально-речевой номер «Золушка» российского музыканта и актера П. Мамонова (Звуки Му, альбом «Сказки братьев Гримм», 2005), который либо выстроен по образцу хаотичного пациентского сторителлинга, либо такой образец собой являет: «<...> проживи со мной и увидишь, сколько золы, драгоценной золы./ Так дезинфицируй золой, дорогой мой./ Мы готовы отдать свою жизнь, чтобы вы-

росла зелень на грядках./ Вот, поэтому наведи чистоту, безотходное производство,/ Никакой химии, и работай только золой, только золой» [3]. Чем более поздней (по сравнению с фольклорным «прототипом») является та или иная авторская интерпретация, тем заметнее становится сдвиг интерпретационной доминанты. В «Золушках» авторов XXI в. речь уже не о восхождении к богатству и положению в обществе тех, кто некогда был незаслуженно унижен, а о чем-то ином – о том, что и добрым людям не избежать деяния зла, либо об экологическом и институциональном кризисе, который рано или поздно превратит в «золушек» всех-всех.

Следует заметить, что усмотрение в истории Золушки универсальной нарративной структуры “rags to riches” фольклористами и филологами восходит к теории универсальных, или всеобщих повествовательных структур. Именно на этих структурах, по мнению ряда исследователей, держатся все нарративы, так как эти структуры фундаментальны. Американский нарратолог С. Чэтмен назвал сущностные нарративные компоненты «глубинной структурой» (deep structure). С другой стороны, создание рассказа, который опирается на глубинные структуры, ведет к «поверхностной манифестации» этих структур. Неизбежным образом, «поверхностные мани-

фестации» отличаются друг от друга как в одной культуре, так от культуры к культуре – С. Чэтмен использует сравнение «поверхностных манифестаций» с разными мотками одной нити, которые никогда не бывают одинаковыми [4; VI]. При этом, как дополняет другой исследователь, Дж. Мэндлер, подразумеваемая «базовая» структура остается сравнительно инвариантной – несмотря на большие различия в содержании [5, р. 22].

Своими мнениями, как и теориями, англоязычные исследователи во многом обязаны авторитету работ, подобных «Морфологии волшебной сказки» В. Проппа. В ней идея «бродячих сюжетов» и «перехожих повестей» (А. Веселовский, Ф. Буслаев) была развита и видоизменена в соответствие с задачами структуралистского пересмотра устаревающих методологий фольклорно-филологических исследований. Знание этого классического труда В. Проппа (в частности его третьей главы «Функции действующих лиц» [6, с. 35 – 82]) позволяет и сегодня интерпретировать многие сказки на «морфологический» лад. Поэтому и «Золушку», и обработки сюжета об отношениях Йусуфа и жены Путифора из двенадцатой суры Корана таджикско-персидскими поэтами (например А. Джами, Н. Хирати) можно читать, возводя повествовательные составляющие к соответствующим морфологическим «функциям» – конечно же, оставляя за собой право на определенную степень произвольности и неточности. И тогда, например, сказка о Золушке (носящая название «Замарашка» в переводе для московского издания сказок братьев Гримм 2008 г.) может принять следующий облик. Исходная ситуация (любовь матери к дочери, богатство отца) предвещает начало действия (несчастье: болезнь матери, завет о стоическом поведении, который она дает дочери в последнем разговоре с ней, утрата – смерть матери). Далее следует изменение (семейного) статуса протагониста (из дочерей – в падчерицы) в связи с новой женитьбой отца, воцарение в доме антагониста в лице мачехи и двух сводных сестер, ритуализированное унижение протагониста (лишение одежды, чечевица в золе), обретение имени Золушки и смена места обитания (выселение на кухню). Далее – «обретения»: Золушка получает протекцию потусторонних сил (они репрезентированы ореховым деревом на могиле матери), заручается поддержкой волшебных помощников (голубочки), получает расположения королевской особы, становится обладательницей волшебных даров (платья из невиданных тканей, золотые туфельки). И наконец, после ритуализированного «возвышения» протагониста (троекратный выбор Золушки принцем в качестве бессменного партнера для танцев на все время бала), ее «воцарение». Кроме того – возмездие, которое настигает антагонистов: злые сестры слепнут, так как голуби – помощники Золушки выклеивают им глаза во время свадьбы Золушки [7, с. 97 – 102].

Коранический сюжет о Йусуфе и жене Путифора-египтянина (в том виде, в котором он эволюционировал благодаря поэмам ряда крупнейших таджикско-персидских авторов, и стал достоянием современной культуры целого ряда этносов и национальностей, найдя отражение и в эстрадных песнях, и в обширном кинонарративе иранского телесериала «Пророк Юсуф») имеет в кратком пересказе следующие очертания. В Суре 12 о Йусуфе рассказывается о зависти братьев, об инсценированной ими гибели Йусуфа и лжи отцу, пророку Йаку-

бу; далее речь о злключениях Йусуфа, в результате которых он попадает в дом египетского аристократа Путифора в качестве отрока-слуги, и жена Путифора пытается соблазнить Йусуфа. После категоричного отказа Йусуфа разделить с ней ложе, она пытается представить все произошедшее в виде посягательства со стороны Йусуфа [8; сура 12, аяты 23 – 29]. Имя женщины однако не названо. Эта история интерпретировалась многими авторами Востока, женщине было дано имя – Зулейха. Примечательно, что таджикско-персидский поэт XV в. А. Джами интерпретировал образ интриганки, которая стала виновницей двадцатилетнего заключения Йусуфа (Юсуфа) таким образом, что Зулейха предстала носителем чистой любви. Литературный нарратив в эпической поэме А. Джами проясняет и иные детали истории Юсуфа. Юсуф предстает одиннадцатым сыном пророка Йакуба (Якуба). Юсуф – любимый сын Якуба, как и его младший брат Бинамин. Мать Юсуфа (одна из жен пророка) умирает во время родов Бинамина. Вскоре Юсуфу снится сон о том, что одиннадцать звезд, Луна и Солнце спускаются с неба и поклоняются ему; при этом Юсуф сидит на троне. Якуб дает объяснение этому сну: Юсуфу дарована способность толкователя снов. Старшие братья подслушивают разговор отца с Юсуфом и, ревнуя и к одаренности Юсуфа, и к особой отцовской любви, которой Юсуф оделен, составляют заговор, цель которого состоит в разлучении Юсуфа с отцом. Отец, не желая расставаться с сыном даже на короткое время, не может, тем не менее, противостоять просьбам десяти сыновей, и отпускает Юсуфа на прогулку с юношами. Те избивают Юсуфа и хотят его убить, но старший брат убеждает остальных оставить Юсуфа в живых, бросив его в колодец. Расчет состоял в том, что колодец заброшен и им уже годы никто не пользуется, т. к. вода в нем – соленая. Но проходящий караван остановился у колодца, запасы воды у купцов каравана иссякли, и им не приходилось выбирать. Юсуф ухватился за спущенное в колодец ведро и оказался спасен. Купцы каравана забрали Юсуфа, привезли его на работоторговый рынок и продали Путифору, придворному вельможе царя Египта. Но выбрала Юсуфа жена Путифора, Зулейха. Путифор привез Юсуфа во дворец, в котором Путифор жил с Зулейхой и многими слугами. Юсуф был умным, он выгодно отличался от остальных слуг, и Путифор решил усыновить умного и расторопного отрока, ведь своих детей у него не было. Зулейха еще в девичестве три раза видела в своих снах молодого человека, который представлялся именем Путифор. Девушка влюбилась в образ приснившегося, в его голос, его манеры. Поэтому когда Путифор стал свататься к отцу Зулейхи, девушка подумала, что он и есть ее возлюбленный из сна. Тем временем, усыновленный Путифором Юсуф начинает взрослеть, его внешность меняется, меняется его голос, и Зулейха осознает, что Юсуф и есть тот возлюбленный из сна, который представился именем Путифор. Зулейха начинает страдать от двойственности ситуации, понимая с каждым днем все отчетливее, что не может противостоять этой любви. Зулейха ищет случая признаться в любви Юсуфу, и устраивает встречу с приемным сыном в своих покоях. Она признается в любви в следующем стихотворении (на таджикском языке):

*Ки эй худком, коми манраво кун,/ Ба васли хеш дар-
дамро даво кун./ Манам ташна, ту оби човидони / Манам*

кушта, ту чони човидони,/ Чунонам аз ту дур, эй ганчи-
ноёб,/ Ки боишад куштабечон, ташинабеоб./ Зидогатсол-
хо дар тоббӯдам./ Зишавкат бехудабе хоб будам./ Маро
з-ин беиштар бетоб мағзор, / Зишавкат бехуру бетоб
мағзор / Бубахи аз хона васлат кути чонам [9, с. 12].
(Зулейха просит Юсуфа понять ее; Юсуф для Зулейхи –
то же, что вода для жаждущего; она сравнивает Юсуфа
с жизненной силой, которая поднимет на ноги и покой-
ную, при этом «покойной», в данном сравнении, является
сама Зулейха в той жизненной ситуации, в которой она
оказалась. Юсуф, также, редкая драгоценность, недосы-
гаемая для людей. Зулейха говорит, что страдала долгие
годы в разлуке с Юсуфом, и просит не оставлять ее сра-
зу, уделить хоть немного внимания, «каплю внимания»).

Но Юсуф отвергает любовь Зулейхи:

Чавобашдод Юсуф, к-эй паризод, / Набойд бо ту
касро аз пари ёд / Магир имруз бар ман корротанг, / Ма-
зан бар ишиамаъсумиям санг. / Макун тар з-оби исъёдо
манамро / Масуз аз отаиши шахват танамро [9, с. 12 –
13]. (Юсуф ответил, что он избегает Зулейхи, и напрасно
она его умоляет, потому что все мольбы разобьются как
стекло о камень, и не стоит склонять его к мысли о снис-
ходительности, потому что такая любовь – грех, а Юсуф
живет верой).

В поэме мы также читаем о раскрытии вины Зулейхи,
о ее оправдании социумом (красота Юсуфа не оставляла
выбора Зулейхе – к такому выводу приходят женщины,
которым демонстрируют Юсуфа в эпизоде «порезанных
рук»), тюремное заключение Юсуфа, его успешная прак-
тика толкователя снов и советчика в практических делах
(особенно – о строительстве семи элеваторных башен и
заполнении их непорухенным зерном в преддверии семи
неурожайных лет), дающая возможность выжить, либо
приносящая успех, неудавшаяся жизнь Зулейхи, утрата
ее в поисках Юсуфа богатства, красоты, зрения, вол-
шебное возвращение молодости и зрения силою Все-
вышнего, принятие Зулейхой ислама и ее конечный отказ
от Юсуфа, так как одного сердца мало для большой люб-
ви и к Богу, и к человеку. Наконец, «воцарение» Юсуфа.
Не стоит забывать и о других чудесах – свет, источаемый
Юсуфом в колодце, падающая в колодец рубашка его
деда, опреснение воды в колодце, волк, заговоривший
с Якубом, младенец, заговоривший языком взрослого
человека о знаках невиновности Юсуфа при его бегстве
из алькова Зулейхи и т. д.

Как видно даже из этого краткого пересказа, история
Юсуфа и Зулейхи существенно отличается от сказки
о Золушке. В ней очевидна магистральная идея таджик-
ско-персидской литературы о совершенствовании чело-
века, поэтому главное место в ней занимают вопросы
морали и этики – чего, с другой стороны, нельзя безо-
ворочно приписать истории о Золушке. В целом данный
сюжет – своего рода предупреждение об опасности не-
скрываемой родительской любви к одному ребенку
из всех детей в семье, как и об опасности утраты места
в сердце для любви к Богу. И именно в этом направле-
нии, очевидно, следует определять его «глубинную
структуру», ориентируясь на логику культурно-рели-
гиозной парадигмы, породившей повествовательные ва-
рианты истории о Юсуфе и Зулейхе. И попытка приведе-
ния любого из этих повествований к формуле “rags to
riches” осуществима лишь в условной мере. Но надо
помнить, что структуралисты, принимая решения о «глу-

бинной структуре» любого нарратива, также прибегают
к очевидной условности, так как ограничены дисцип-
линарными рамками, которые кажутся достаточно узкими,
например, исследователям более поздних времен, вы-
росшим на трудах деконструктивистов. Так, представи-
тельница феминистского крыла современных нарратив-
ных исследований Х. Смит, критикуя структуралистский
подход в исследовании нарративных текстов, пишет:
«все мы – критики, профессора литературы, обучаемые
профессорами студенты, нарратологи – склонны забы-
вать, насколько, по сути, однородной группой мы явля-
емся, насколько сравнительно ограниченным и схожим
предстает наш опыт в области искусства слова, насколь-
ко предсказуемы те установки, которые предшествуют
изучению нами литературы» [10, р. 213] (перевод наш).
Следовательно, структуралистское знание ситуационно,
оно располагается в рамках определенного «локуса». И
если несколько исследователей, прочтя все возможные
версии Золушки-Замарашки-Синдереллы, независимо
друг от друга придут к выводу о схожести структур всех
версий, есть соблазн верить, что так оно и есть. Но «схо-
жесть структур» может быть следствием единства при-
меняемой теории.

В критике структурализма Х. Смит слышен отзвук
вопроса М. Фуко о регулятивных функциях дисциплин
и, что важнее для нарративных исследований, принципов
«ограниченности» и «внеположенности». М. Фуко пре-
дупреждает против веры в «предустановленные» дискур-
сивные структуры: «<...> мы не должны превращать
дискурс в игру предустановленных смыслов; нам не сле-
дует благодушно думать, что мир повернет к нам свое
читаемое лицо, а нам только останется его декодировать»
[11, р. 127] (перевод наш). Принцип «ограниченности»
дополняется принципом «внеположенности», суть кото-
рого в том, что в ходе дискурсивных исследований
(включая и нарративные исследования), не следует сосре-
доточивать внимание на мифической «сердцевине» язы-
ка. Главным в повестке дискурсивных исследований
должно стать «внеположенное» [Ibid].

Постструктуралистское нарративное исследование
руководствуется именно отрицанием внутренних струк-
тур языка, и сосредоточено на внешнем, внеязыковом.
Постструктурализм – название, говорящее за себя; он
движется за пределы структурализма, сохраняя при этом
некоторые из его свойств. В частности, постструктурали-
сты-нарратологи действительно исследуют нарративные
структуры затем, чтобы познать социально-психоло-
гический феномен, но без серьезных притязаний на про-
яснение сути всеобщих когнитивных процессов. Пост-
структуралисты обсуждают то, как структурные качества
нарратива проявляются в процессе взаимодействия, как
характерные черты этих структур (такие, например, как
способ согласования определенных фраз) зависят от кон-
текста. Если структуралистская точка зрения такова, что
социальные / этнические группы могут создавать опреде-
ленные стили повествования, в которых прослеживается
схожесть структур (то есть выступать в качестве создате-
лей повествований), то некоторые постструктуралисты
(например, М. Букольтц и К. Холл) считают социальную,
этническую, культурную идентичность «продуктом, а не
источником лингвистических практик» [12, р. 585].

Поэтому попробуем, во-первых, пойти на экспери-
мент: заставим ненадолго встретиться Восток с Западом,

наложив на историю о Юсуфе и Зулейхе структурный трафарет “rags to riches” в том его виде, в котором он уже был нами использован применительно к «Золушке». Вот что получается: исходная ситуация (Юсуф – любимый сын пророка) предваряет начало действия (утрата: смерть матери при родах младшего брата Юсуфа), далее – изменение (семейного) статуса протагониста (из «простых» детей – в вундеркинды, что выясняется после разговора Юсуфа с Якубом о сне с поклонением одиннадцати звезд), появление антагониста в лице братьев, ревнующих к способностям Юсуфа и отцовской любви к нему, ритуализированное унижение протагониста (избиение, лишение Юсуфа его знаменитых многоцветных одежд, сбрасывание Юсуфа в колодезь), выживание протагониста благодаря протекции высших сил, чудесные дары (рубашка, свет, пресная вода), появление помощников (купцы в караване), смена протагонистом места обитания (с караваном – в Египет и далее во дворец Путифора). Далее – «обретения»: благорасположение Путифора, любовь Зулейхи. Они же – причина перемен к худшему, поворот к новым невзгодам и утратам (заточение в тюрьме). Как дух матери видит Золушку, но вмешивается лишь время от времени, так и Юсуф всегда в поле зрения Бога, который, наблюдает и испытывает стойкость, верность своего раба. Вследствие правильных толкований снов Юсуф добивается расположения королевской особы, и, после ритуализированного «возвышения» протагониста (доверие, обретение статуса), «воцаряется».

Как видно, эксперимент удался: «морфологическая» схема «Золушки» соответствует, с некоторыми оговорками и допущениями, линии Юсуфа в истории о Юсуфе и Зулейхе. Но, во-вторых, хотелось бы совершить еще один шаг. Приняв постструктуралистскую установку о том, что идентичность – продукт, а не источник лин-

гвистических практик, можно попытаться представить, что именно в культуре современных таджиков (переживающих в последние годы интенсивную миграцию и связанную с ней вестернизацию бытового уклада, экономических и социальных отношений), может ассоциироваться с историей о Юсуфе и Зулейхе в ее западном прочтении, т. е. прочтении через призму глубинной структуры “rags to riches”. В начале 2000-х гг. таджикский исследователь Б. М. Шерназаров указывал на «созвучность идейного содержания и центральных образов поэм (А. Джами и Н. Хирати о Юсуфе и Зулейхе) с политико-социальным состоянием эпохи, окружением и временем жизни поэтов» [13, с. 12]. Но ведь и само политико-социальное состояние времени жизни поэтов было продолжением истории о Юсуфе и Зулейхе, как и отзвуком меняющейся со временем интерпретации ее главной идеи совершенствования человека в пути к богу. И западные «интерпретационные доминанты» глубинной структуры “rags to riches” оказались подвержены «ориентализации»: лишаясь земной, человеческой, т. е. «ложной» любви, герой ищет и обретает любовь божественную, мистическую, т. е. «истинную»; она и есть богатство. Современное прочтение истории о Золушке только англоязычными формульными романами, в которых вновь и вновь эксплуатируется соответствующий архетип быстрого восхождения «из грязи в князи». Существуют и иные интерпретации, пусть спорные в эстетическом отношении, но показательные с точки зрения их культурных и социальных оснований, о чем и шла речь в начале статьи.

Конечно же, подобная постановка вопроса требует дальнейшего исследования, в том числе исследования, не ограничивающегося рассмотрением и анализом источников, и предполагающего как стороннее, так и вовлеченное наблюдение в культуре и социуме.

Литература

1. Merrill J. B. Stories of Narrative: On Social Scientific Uses of Narrative in Multiple Disciplines. Colorado Research in Linguistics, June 2007, vol. 20. Boulder: University of Colorado. P. 1 – 25.
2. Поршнева А. С., Бороненко А. В. Зарубежный «роман о Золушке»: к истории вопроса // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 341 – 350.
3. Звуки Му. Сказки братьев Гримм [Звукозапись] / исполн. Петр Мамонов, композиция, вокал, аккомпанемент. Запись 2005 г. М.: Музыкальное изд-во Мирумир, 2013. 1 мк: стерео.
4. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca. NY: Cornell University, 1978. 223 p.
5. Mandlar J. M. Scripts, Stories, and Scenes: Aspects of Schema Theory. Hillsdale. NJ: Lawrence Earlbaum Associates, 1984. 178 p.
6. Пропп В. Я. Труды. Морфология / Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 410 с.
7. Гримм, братья. Детские и домашние сказки: в 3-х т. Т. 1. М.: Белый Город, 2008. 184 с.
8. Коран. Режим доступа: http://islam-koran.com/%D0%A1%D1%83%D1%80%D0%B0_12?_%D0%99%D1%83%D1%81%D1%83%D1%84 (дата обращения: 15.04.2016).
9. Джами А. Сочинения: в 8-ми т. Т. 4. Душанбе: Адиб, 1988. 202 с.
10. Smith H. B. Narrative Versions, Narrative Theories / ed. W. J. T. Mitchell // On Narrative. Chicago: University of Chicago Press, 1981. P. 209 – 232.
11. Foucault M. The Order of Discourse / ed. R. Young // Untying the Text. Boston: Routledge, 1981. P. 48 – 78.
12. Bucholtz M., Hall K. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach. Discourse, 2005, no. 7(4-5). P. 585 – 614.
13. Шерназаров Б. М. "Юсуф и Зулейха" Назима Хирати и ее сравнение с одноименной поэмой Абдурахмана Джами: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2003. 19 с.

STORY OF CINDERELLA AND TAJIK-PERSIAN NARRATIVE OF YUSUF AND ZULAIKHA: RE-INTERPRETING THE “DEEP STRUCTURES” WITH REFERENCE TO CURRENT SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT

Yuriy S. Serenkov^{1, @1}, Yulduzhon M. Radzhabova^{1, @2}

¹ Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky street, Novokuznetsk, Russia, 654041

@¹ juriyy-serenkov@rambler.ru

@² zvezdochka.raj@ya.ru

Received 11.05.2016.

Accepted 05.09.2016.

Keywords: narrative, identity, East and West, plot morphology, structuralism, post-structuralism, story of Cinderella, story of Yusuf and Zulaikha, Tajik-Persian literature.

Abstract: “Rags to riches” as an invariant “deep” structure of many stories about restored dignity and status has been in universal literary use since the eminent version of “Cinderella” in the Grimm brothers’ collection of fairy-tales. So has the “deep” structure of an individual’s moral evolution towards god, as made explicit by many narratives taking after the Quran story of Yusuf. After morphological dissection of Cinderella and Jami’s Yusuf and Zulaikha stories (performed with V. Propp’s original scheme in view) we discovered certain similarities between the respective underlying structures despite the stories’ apparent difference. Taking into consideration a number of later adoptions of Cinderella and Yusuf / Zulaikha plots, the authors put forward a hypothesis about culture-and-society determined reciprocal rapprochement and transformation of interpretation dominants in more recent narratives of the respective traditions. At that, “spiritual growth towards god” stories acquire certain features of the society-bound “rag to riches” progression and, vice versa, “rags to riches” narratives become increasingly suggestive of god’s favour as the highest value. If duly supported by scientific evidence, the hypothesis could assist in further study of causes and outcomes of an on-going “orientalization” of western culture and westernization of that of the Orient.

For citation: Serenkov Yu. S., Radzhabova Yu. M. Skazka o zolushke i tadjiksko-persidskoe povestvovanie o Iusufe i Zuleikhe: opyt interpretatsii «glubinnnykh struktur» v tekushchem sotsial'no-kul'turnom kontekste [Story of Cinderella and Tajik-Persian Narrative of Yusuf and Zulaikha: re-Interpreting the “Deep Structures” with Reference to Current Social and Cultural Context]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 197 – 201. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-197-201.

References

1. Merrill J. B. Stories of Narrative: On Social Scientific Uses of Narrative in Multiple Disciplines. *Colorado Research in Linguistics*, vol. 20 (June 2007): 1 – 25.
2. Porshneva A. S., Boronenko A. V. Zarubezhnyi “roman o Zolushke”: k istorii voprosa [The outlandish “Zolushka romance”: history of the matter]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash University*, no. 2 (2012): 341 – 350.
3. Zvuki Mu. *Skazki brat'ev Grimm* [The Grimm Brothers’ Fairy-tales]. Perf. Pyotr Mamonov, singer/songwriter. Rec. 2005. Moscow: muzikal'noe izdatel'stvo Mirumir, 2013.
4. Chatman S. *Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film*. Ithaca, NY: Cornell University, 1978, 223.
5. Mandlar J. M. *Scripts, Stories, and Scenes: Aspects of Schema Theory*. Hillsdale, NJ: Lawrence Earlbaum Associates, 1984, 178.
6. Propp V. Y. *Trudy. Morfologiya / Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Works. Morphology / Historical roots of fairy-tale]. Moscow: Labirint, 1998, 410.
7. Grimm, brat'ya. *Detskie i domashnie skazki* [Children’s and domestic fairy-tales]. Moscow: Belyi Gorod, 2008, vol. 1, 184.
8. *Koran* [Quran]. Available at: http://islam-koran.com/%D0%A1%D1%83%D1%80%D0%B0_12?_%D0%99%D1%83%D1%81%D1%83%D1%84 (accessed 15.04.2016).
9. Dzhami A. *Sochineniia* [Jami’s Works]. Dushanbe: Adib, 1988, vol. 4, 202.
10. Smith H. B. Narrative Versions, Narrative Theories, ed. Mitchell W. J. T. *On Narrative*. Chicago: University of Chicago Press, 1981, 209 – 232.
11. Foucault M. The Order of Discourse, ed. Young R. *Untying the Text*. Boston: Routledge, 1981, 48 – 78.
12. Bucholtz M., Hall K. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach. *Discourse*, no. 7(4-5) (2005): 585 – 614.
13. Shernazarov B. M. “*Iusuf i Zulaikha*” Nazima Khirati I eio sravnenie s odnoimennoi poemoi Abdurakhmana Jami. Diss. kand. filol. nauk [Comparative study of cognominal poems “Yusuf and Zulaikha” as written by Nadhem Hyrati and Abd ar-Rahman Jami. Cand. filol. Sci. Diss.]. Dushanbe, 2003, 19.

УДК 81'42

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

Иосиф А. Стернин^{1, @}

¹ Воронежский государственный университет, Россия, 394063, г. Воронеж, Университетская пл., 1
@ sterninia@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2016.
Принята к печати 14.12.2016.

Ключевые слова: многозначность, ситуация, контекст, анализ текста, семантическое описание, принципы семантического описания.

Аннотация: В настоящее время можно говорить о ряде основополагающих принципов описания семантики языковых единиц в ходе экспертного исследования спорного текста, которые должны лежать в основе любого экспертного лингвистического исследования. Важнейшими из них, непосредственно влияющими на результаты экспертной оценки семантики слова в спорном тексте, являются следующие: 1. Учет многозначности слов и выражений. 2. Учет контекста употребления спорного слова или выражения. 3. Учет ситуации употребления спорного слова или выражения. 4. Учет реального языкового сознания рядового носителя языка. В статье приводится обоснование каждого из этих принципов и приводятся примеры реализации каждого из принципов в практическом анализе текста.

Для цитирования: Стернин И. А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 202 – 207. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-202-207.

Профессору Н. Д. Голеву –
с уважением и признательностью

Н. Д. Голев – один из ведущих специалистов страны в области лингвокриминалистики, основоположник науки *юрислингвистики*, название которой принадлежит ему. Вклад Н. Д. Голева в развитие теории и практики лингвистической экспертизы трудно переоценить, его участие в работе ГЛЭДИС на первых этапах становления гильдии также неопределимо. Многочисленные конференции, региональная ассоциация экспертов-лингвистов, журнал «Юрислингвистика» – тоже его личные заслуги.

Кроме того, большое значение имеет его концепция учета обыденного языкового сознания в анализе языковых единиц: «важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность обыденного фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка; в том числе воздействия представлений о языке в сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они соответствуют представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться» [1, с. 396].

Данная позиция имеет принципиальное значение для разработки методики семантического анализа в ходе лингвокриминалистического анализа текста.

В канун его юбилея хотим предложить исследование, развивающее принципы лингвокриминалистического анализа, разрабатываемые Н. Д. Голевым.

Остановимся на выявлении основных принципов семантического анализа, на которые целесообразно, по нашему мнению, опираться при выполнении лингвистической экспертизы текста. Данная работа развивает и конкретизирует принципы, сформулированные нами в статье [2, с. 44 – 47].

В настоящее время, с нашей точки зрения, можно говорить о ряде основополагающих принципов описания семантики языковых единиц в ходе экспертного исследо-

вания спорного текста, которые должны лежать в основе любого экспертного лингвистического исследования.

Важнейшими из них, непосредственно влияющими на результаты экспертной оценки семантики слова в спорном тексте, являются следующие: 1. Учет многозначности слов и выражений. 2. Учет контекста употребления спорного слова или выражения. 3. Учет ситуации употребления спорного слова или выражения. 4). Учет реального языкового сознания рядового носителя языка.

Проиллюстрируем важность применения данных принципов.

1. Учет многозначности слов и выражений

Слова в языке многозначны, и в конкретном тексте актуализируется обычно одно из значений многозначного слова.

Языковые выражения (словосочетания, целостные высказывания) тоже могут иметь разные значения в разных контекстах, и конкретный текст показывает, в каком значении данное языковое выражение актуализовано, какое конкретно содержание оно несет в данном тексте.

При этом в силу самых разных причин (по незнанию или по умыслу) истец и ответчик могут усматривать в употребленном слове или выражении разные значения, что приводит к спору в интерпретации смысла спорного текста.

При выполнении экспертизы необходимо исходить из потенциальной многозначности спорных слов.

Для этого необходимо: 1) описать все значения спорного слова в современном русском языке, а затем, используя лингвистический инструментарий; 2) выявить и описать лингвистические маркеры, которые подтверждают актуализацию именно этого, а не иного значения в спорном тексте.

Например, надо показать, что спорные слова (например, *фашист* и *гестаовец*) употреблены в спорном тексте в конкретных переносных значениях – *крайне жестокий человек*, а не в прямых значениях (*член фашистской партии, сотрудник гестапо*).

Описание семантики слова в современном русском языке по данным словарей

Установление значений спорного слова в современном русском языке должно опираться на:

– *толковые* словари современного русского языка (не на исторические, толково-словообразовательные, этимологические и т. д.);

– *наиболее авторитетные* толковые словари русского языка (С. И. Ожегов, С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова, С. А. Кузнецов, Т. Ф. Ефремова, В. В. Химик);

– *наиболее полные* толковые словари (не менее 60 – 80 тысяч слов);

– должно использоваться *несколько разных толковых словарей* (из практики – не менее трех), включая словари сленга и разговорной речи;

– данные разных словарей должны быть *обобщены* методом обобщения словарных дефиниций в силу действия принципа неединственности метаязыкового описания ментальных единиц и принципа дополнительности словарных дефиниций [3, с. 8 – 17].

Обобщение словарных дефиниций

Общеизвестно, что разные лингвистические школы и разные исследователи используют разные методы семантического описания и, что особенно существенно, разный метаязык семантического описания, что при описании одних и тех же единиц языка приводит на первый взгляд к разным результатам. Возникает искушение считать одни описания правильными, а другие неправильными.

Разумеется, ошибки в описании семантики языковых единиц возможны, имеет место также разная полнота описания значений одних и тех же слов в разных исследовательских парадигмах, в разных лексикографических источниках, обусловленная целями и задачами описания и представления результатов описания.

Однако практика семантического анализа в настоящее время призывает к интеграции описаний, полученных в разных лингвистических парадигмах и разных источниках.

Наш опыт практического семантического описания языковых единиц разными методами привел нас к возможности сформулировать некоторые обобщенные принципы описания языковых единиц.

Принцип неединственности метаязыкового описания ментальных единиц

К формулированию данного принципа приводит анализ скрытых смыслов текста, большинство из которых могут получить весьма разную метаязыковую формулировку на естественном метаязыке у разных исследователей [4].

Этот вывод мы предложили считать проявлением общенаучного *принципа неединственности (множественности) метаязыкового описания ментальных единиц*:

«Различные ментальные сущности в процессе их исследования, описания, систематизации, лексикографической фиксации требуют использования определенного метаязыка описания. Наиболее удобным в практике се-

мантических исследований признается естественный язык, который доступен как исследователю, так и рядовому пользователю языка, и как система обладает неограниченными возможностями формулирования описываемых смыслов.

При этом важной особенностью использования естественного метаязыка для семантического описания является именно неограниченность его возможностей в формулировании смыслов, что допускает принципиальную возможность разных метаязыковых обозначений одного и того же смысла. Эта возможность в практике лингвистических исследований регулярно проявляется в разных метаязыковых описаниях одних и тех же ментальных сущностей разными учеными, в разных научных парадигмах.

Именно в связи с этим для научного описания содержания любых ментальных единиц на естественном метаязыке может быть сформулирован *принцип множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных сущностей*.

Этот принцип означает, что любые ментальные единицы, выявленные в процессе лингвистического исследования, например такие: значения (семемы), семы, семантические признаки, семные конкретизаторы, концептуальные признаки, когнитивные классификаторы, концепты как единицы концептосферы сознания, недискретные текстовые смыслы, дискретные текстовые смыслы, рецептивные схемы восприятия, концепты текста могут быть описаны разными формулировками на естественном метаязыке, которые могут не совпадать в разных исследовательских парадигмах, у разных исследователей и у разных составителей словарей» [4, с. 35].

Принцип дополнительности семантических описаний

«Принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц приводит нас к осознанию еще одного принципа: в отношении результатов любой семантической интерпретации или описания действует *принцип дополнительности семантических описаний* – адекватное описание ментальной единицы предполагает обобщение, интеграцию разных ее описаний (ср. знаменитый принцип дополнительности Н. Бора, сформулированный им для научных теорий)» [3, с. 16].

Практика анализа лексикографических дефиниций слов показывает, что применительно к словарным дефинициям разных словарей дополнительность семантических описаний проявляется в следующем: 1) возможность отражения в отдельных словарях значений, не отмеченных другими словарями; 2) возможность разного метаязыкового описания одних и тех же значений в разных словарях; 3) возможность разного по глубине и количеству описанных сем описания одного и того же значения в разных словарях.

Из данной практики нами был далее выведен принцип *дополнительности словарных дефиниций*.

Принцип дополнительности словарных дефиниций

«Применительно к описанию значений в толковых словарях можно говорить о принципе *дополнительности словарных дефиниций*: каждая из дефиниций разных словарей отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга.

Все словарные дефиниции разных словарей дополняют друг друга в описании значения слова как единицы системы языка.

Таким образом, принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц свидетельствует, что ...различные метаязыковые описания описывают одну и ту же ментальную единицу и в своей совокупности раскрывают основное содержание называемой единицы» [3, с. 16].

Роль дополнительности в экспериментальных семантических исследованиях и различные методы анализа семантики в рамках принципа дополнительности семантического описания на конкретных примерах прокомментированы в монографии 2013 г. [5, с. 72 – 102].

Таким образом, можно говорить о следующих методологических общелингвистических принципах:

- общем *принципе дополнительности семантических описаний* (разные описания семантики языковых единиц дополняют друг друга и могут быть интегрированы в обобщающее описание);

- принципе *неединственности (множественности) метаязыкового описания ментальных единиц* (описание семантики ментальных единиц разных типов может осуществляться с использованием разных метаязыков, и расхождение в метаязыковой форме описания одних и тех же ментальных единиц в разных исследовательских парадигмах и у разных исследователей не является признаком ошибочности какого-либо из описаний, а подлежит анализу и унификации);

- принципе *дополнительности словарных дефиниций* (каждая из несовпадающих дефиниций лексической единицы в разных словарях отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание может быть осуществлено интеграцией дефиниций разных словарей).

На основе описанных принципов осуществляется обобщение словарных дефиниций нескольких авторитетных словарей для выявления значения спорного слова в русском языке.

Методика обобщения словарных дефиниций изложена в [6, с. 19 – 21].

Значения слова, полученные методом обобщения словарных дефиниций, фиксируются как перечисление дефиниций с примерами их употребления и нумеруются арабскими цифрами.

Затем слова, используемые в спорном тексте и являющиеся предметом экспертизы, атрибутируются выделенным значениям и устанавливается, какое из значений актуализовано в конкретном спорном тексте или его фрагменте.

При установлении значения слова в современном языке может понадобиться, кроме обобщения словарных дефиниций, анализ употребления слова в современных текстах (например по «Корпусу русского языка»).

Это может быть связано с тем, что атрибуция употребления спорного слова выделенным лексикографическим значениям не дает результата – употребление слов не соответствует ни одному из выделенных словарных значений.

Например обобщение словарных дефиниций слова *чучело* показало, что это слово по данным словарей имеет следующие значения.

1. Точное воспроизведение животного – его фигура, покрытая шкурой, перьями (*чучело медведя, набить чучело*).

2. В саду, в огороде фигура наподобие человеческой для отпугивания птиц (огородное чучело).

3. О неряшливо, нелепо одетом или грязном человеке (*выглядеть, вырядиться чучелом*).

4. О том, кто выставляет себя в смешном или глупом виде (*чучело гороховое*).

5. О нескладном человеке с отталкивающей внешностью (*а ты чего уставился, чучело*).

На экспертизу была вынесена фраза «сжечь чучело президента». Данное употребление не атрибутируется ни одному из выделенных обобщенных значений. Таким образом, ни одно из приведенных значений не актуализируется в спорном тексте.

В таком случае возможно, что слово употреблено в значении, уже представленном в практике современного словоупотребления, но по тем или иным причинам не отраженном в исследованных словарях.

В таком случае такое значение может быть выделено из примеров его употребления в современных текстах «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru) и сформулировано как дополнительное значение.

В случае со словом «чучело» выявилось не зафиксированное ни в одном словаре значение «*кукла, символизирующая кого-либо или что-либо, которую сжигают в знак протеста против кого-л. или чего-либо, в суеверных целях, или выставляют на всеобщее обозрение как свидетельство неприглядности, негативного отношения к кому-л. или чему-л.*».

Данное значение дополняет перечень значений, полученных из словарей, и ему атрибутируется употребление слова в спорном тексте.

Лингвист-эксперт должен обязательно выделить и описать лингвистические или экстралингвистические маркеры, присутствующие в тексте или ситуации, которые позволяют утверждать, что в спорном тексте актуализируется именно это значение.

Кроме того, важно различать обыденное, общеупотребительное и терминологическое значения.

Одной из характерных трудностей лингвокриминалистического анализа является широкое использование в правоприменительной практике и в обыденной речи *многозначных слов*, которые имеют в общеупотребительном языке и в специальном юридическом подязыке *разные значения*. Это приводит к многочисленным недоразумениям, трудностям и неправомерным решениям судей, обидами истцов на отказы в исках, когда одно значение подменяется другим.

Если такие слова как *презумпция, диспозиция, суд, следствие, постановление, осудить, амнистия, оперативник, следственный эксперимент, экспертиза* и под. являются *терминами*, имеют юридические, специальные значения, и в силу этого понимаются специалистами и неспециалистами в основном однозначно, то многие другие слова имеют *терминологические значения*, что означает, что они имеют кроме терминологических и обыденные, нетерминологические, неспециальные значения. К таким словам относятся, в частности, слова *оскорбление, оскорбить, неприличие, неприличный*. Рассмотрим эти слова с точки зрения их употребления в специальных и обыденных значениях.

В этих случаях, кроме словарных дефиниций толковых словарей, следует анализировать специальную литературу – энциклопедии, справочники, терминологические словари, официальные постановления, кодексы и т. д.

В юридическом смысле понятие *неприличная языковая форма* – это наличие высказываний в адрес истца, содержащих именно *непристойную лексику и фразеологию*, каковыми являются *нецензурные слова и выражения*, которые грубо оскорбляют общественную мораль, грубо нарушают нормы общественных приличий. Грубая же, сниженная, вульгарная лексика «юридически» не входит в понятие «неприличной формы выражения»: «Обязательным признаком объективной стороны преступления (*оскорбления* – И. С.) является способ унижения чести и достоинства другого человека – **неприличная** (т. е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми) форма. **Таковы, например, нецензурные выражения** (выд. мною – И. С.), циничные прикосновения к телу, плевков в лицо, срывание одежды с интимных частей тела» [7].

Таким образом, юридическое понимание неприличной языковой формы – это негативная характеристика лица с использованием непристойных, то есть *нецензурных* слов и выражений.

Для обыденного сознания неприличными или непристойными в равной мере считаются как сниженные, грубые, так и нецензурные выражения. В обыденном языковом сознании, в нетерминологическом смысле выражения *неприличная, непристойная, ненормативная лексика* выступают для носителей русского языка как синонимы; для обыденного сознания в равной степени неприличной считается вся ненормативная лексика – и сниженные, грубые, и бранные, и нецензурные слова. В связи с этим, руководствуясь своим языковым сознанием, любой носитель языка, в отношении которого была употреблена ненормативная лексика (сниженная, бранная или нецензурная) может посчитать, что она *неприлична (непристойна)* и что он в результате *оскорблен неприличной языковой формой такого высказывания*. С точки зрения обыденного сознания он прав, но с юридической точки зрения – нет.

Таким образом, выражения *неприличная (непристойная) языковая форма* актуализируют разные значения в обыденной речи и в юридическом подязыке.

Неприличная языковая форма

1. Использование ненормативной лексики (сниженной, вульгарной, бранной, нецензурной).

2. Спец. юрид. Публичное использование нецензурной лексики.

Таким образом, понятие неприличной языковой формы в специальном юридическом подязыке уже, чем в обыденной речи.

В спорном тексте может быть актуализовано как обыденное, так и специальное значение. Различие между восприятием обыденного и специального значения может стать предметом спора.

2. Учет контекста

Учет контекста необходим как второй этап семантического описания слова в ходе экспертизы.

После установления многозначности слова необходимо проанализировать контекст и выявить лингвистические маркеры, сигнализирующие об актуализации конкретного значения (то есть доказывающие, что актуализовано в спорном тексте именно это значение).

Игнорирование контекста, в котором употреблено то или иное слово, может привести к серьезным ошибкам в описании значения спорного слова или фрагмента.

Например, в ходе недавней дискуссии в Общественной палате РФ один из членов Палаты высказал мнение, что в экспертизах по проблемам экстремизма неправильно толкуется слово *исламист* – по его словам, оно означает *сторонника или последователя ислама*, а не *террориста*.

Принцип учета многозначности слова в языке показывает, что слово *исламист* в современном русском языке имеет несколько значений.

Исламист

1. Специалист по исламу.
2. Сторонник ислама.
3. Исламский террорист, боевик.

Далее необходимо выявить в разных контекстах употребления слова языковые маркеры, указывающие на актуализацию конкретных значений этого спорного многозначного слова.

Например:

– Он известный *исламист*, уже 30 лет занимается *исламом*.

Актуализируется значение «специалист по исламу».

Маркер значения – словосочетание *занимается исламом*, оно дублирует семантику слова *исламист* в данном контексте.

– Он *исламист*, а не христианин.

Актуализируется значение «сторонник ислама».

Маркер значения – противопоставление в контексте «христианину» как представителю другой конфессии.

– *Исламисты* перешли в наступление около города Мосул.

Актуализируется значение «исламский террорист, боевик».

Маркер значения – словосочетание «перешли в наступление», то есть участвуют в военных действиях.

Выделенные маркеры показывают, какое конкретное значение многозначного слова *исламист* актуализовано.

3. Учет коммуникативной ситуации

Необходимо учитывать коммуникативную ситуацию употребления спорного слова и высказывания.

Учет коммуникативной ситуации дополняет, а иногда и заменяет анализ контекста – если контекст незначителен, не содержит необходимой для анализа семантики слова или выражения информации.

Контекст может выявить, послужить маркером актуализации конкретного значения многозначного слова.

Экстралингвистическая ситуация может прояснить значение, в котором употреблено слово.

Ср. *Операция прошла блестяще!*

В зависимости от того, кто реально эту фразу произнес – человек в белом халате, банкир, полицейский в форме, военный в форме – будет усматриваться в данной ситуации разное значение слова *операция*:

- 1) хирургическое вмешательство;
- 2) действия по оформлению каких-либо финансовых документов;
- 3) согласованные действия по выслеживанию и задержанию преступника;
- 4) совокупность боевых действий, объединенных одной задачей.

Ситуация употребления спорного слова или выражения может быть известна эксперту из разных источников.

1. Из личного опыта

На заключение эксперта вынесен вопрос: являются ли равнозначными слова *сани* и *санки*, *телега* и *тележка*.

Суть дела: – на территорию Центрального крытого рынка стали завозить товары на телегах и санях, ссылаясь на Устав рынка – что можно зимой на санках, а летом на тележках.

Позиция ответчиков: санки – это маленькие сани («велите в санки лошаку бурую запречь» – Пушкин), тележка – это маленькая телега.

Спорная ситуация относится к Воронежскому крытому рынку, Устав также относится к Воронежскому крытому рынку.

Воронежский крытый рынок – большое помещение с многочисленными торговыми рядами и узкими пешеходными проходами между ними, в помещении рынка отсутствуют дороги или подъездные пути для какого-либо транспорта, там все время находятся люди и нет специальных проездов для транспорта.

В связи с этим очевидно, что в условиях крытого рынка Уставом регулируется доставка к прилавкам небольших грузов, а не проезд пассажиров и перевозка крупных грузов (например на телегах) по территории, что технически невозможно; следовательно, в Уставе усматриваются значения *санки 1* и *тележка 2* – небольшие ручные средства перевозки грузов.

2. Из материалов дела

На экспертизу было представлено высказывание ответчика «Судья – идиот», которое судья посчитал оскорблением в свой адрес.

Анализ семантики слова *идиот* позволил выявить два значения этого слова: 1) большой идиотизмом (мед.); 2) очень глупый человек (разг.).

В спорной ситуации слово *идиот* употреблено в разговорном переносном значении – *очень глупый человек*, оно произнесено в бытовой, а не медицинской ситуации.

Кроме того, анализ ситуации судебного заседания, анализ показаний истца и свидетелей показал, что спорное высказывание было произнесено ответчиком в дверях, когда он покидал зал заседания, и не было адресовано лично судье – ответчик не смотрел на судью, судья был у него за спиной, он произнес это высказывание себе под нос как субъективную оценку умственных способностей судьи.

Как показывает потерпевший и свидетели, данное выражение было произнесено гр. В. В. Пушкарским без визуального и коммуникативного контакта с судьей, когда он находился на пути при выходе из кабинета (показания потерпевшего судьи В. А. Козлова), повернувшись лицом в сторону двери (показания свидетеля Е. Н. Турчиной), находясь в дверном проеме (показания свидетеля Федорищева). Это – не адресованное судье высказывание, выражение ответчиком собственной субъективной оценки действий и поведения судьи, некультурное, но не представляющее собой оскорбления в юридическом смысле слова (высказывание «Судья – идиот» не обращено лично к судье, не характеризует судью как лицо, нарушившее какие-либо моральные нормы или законы, не является нецензурным), и судья не имеет оснований подавать иск об оскорблении.

Спорное словоупотребление, включая бранное слово, нарушает нормы культуры речи в общественном месте, свидетельствует о некультурности ответчика, но не подлежит правовому регулированию.

3. Из фотографий или видеозаписи

Например фотография рубашки с надписью «Все идет по плану» и изображением листа конопли актуализирует наркотическую тематику слогана.

Цвета, в которые окрашено на фотографии строение автозаправочной станции «Юкос», напоминают цвета автозаправки «Юкос» и способствуют обману потребителей.

4. Опора на реальное языковое сознание рядового носителя языка

Опираясь в описании семантики следует на обыденное языковое сознание, так как именно оно воспринимает спорные тексты.

4.1. Учет языкового сознания для установления реального смысла слова в современном сознании

Может понадобиться устранить противоречие между словарным значением слова и его употреблением в спорном тексте: в спорном тексте может быть актуализовано новое значение, еще не зафиксированное в словарях, или могут быть актуализованы компоненты значения, которые составляют редкий, нетрадиционный, неожиданный актуальный смысл.

В таком случае можно провести лингвистическое интервьюирование: *как вы понимаете выражение...?* или предложить респондентам выбор вариантов.

Текст может быть спорным в связи с разным пониманием слов отдельными возрастными, гендерными группами. Старшее поколение везде видит секс, непристойность, аморализм и под. (например в свое время телезрители старшего поколения остро критиковали популярную «Взгляд» за «дикую музыку» в перерывах между дискуссиями, хотя это была молодежная передача).

В этом случае надо анализировать языковое сознание той аудитории, на которую текст рассчитан.

Если реклама рассчитана на молодежь – нужно анализировать, как понимает ее в данном случае именно молодежь, т. е. как воспринимает спорный текст языковое сознание целевой аудитории, а не как это могут воспринять, например возрастные категории носителей.

Может понадобиться установить значение слова, которое является новым для языка и еще не описывается словарями.

В таком случае надо обратиться к «Национальному корпусу русского языка» и провести обобщение примеров с формулированием новых значений.

Может потребоваться установить какие-либо компоненты значения слова, которые не отражены в словарях или неочевидны.

Тогда можно провести ассоциативный эксперимент и интерпретировать его как вербализацию определенных семантических компонентов. Так можно установить оценочность, двуоценочность, выявить новые семантические компоненты и значения, особенно периферийные (см. методики описания психолингвистических значений слова [6]).

Эффективна методика двухэтапного рецептивного (на понимание смысла) психолингвистического эксперимента, представляющего собой разновидность методики лингвистического интервьюирования [8, с. 24 – 25].

На первом этапе проводится пилотажный опрос небольшой группы респондентов (10 – 15 человек), которым предлагается в свободной форме сформулировать свое понимание спорной фразы или текста; затем на втором этапе все варианты понимания, предложенные испытуе-

мыми, не обобщаются, унифицируются в метаязыковой форме в виде конкретных утверждений и предлагаются для верификации основной группе испытуемых (минимум 100 человек).

4.2. Учет языкового сознания: эксперимент для установления реального смысла высказываний

В спорных случаях эффективно использование психолингвистического эксперимента по выявлению скрытого смысла отдельных выражений или целых текстов [4].

Литература

1. Голев Н. Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1 / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 371 – 386.
2. Стернин И. А. Об основных принципах описания семантики слова в лингвистической экспертизе // Коммуникативные исследования 2014. Воронеж: Истоки, 2014. С. 44 – 47.
3. Стернин И. А. Проблема неединственности метаязыкового описания языковых единиц в лингвистике // Психолингвистика и лингвоконцептология. 2012. Вып. 5. С. 8 – 17.
4. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: Истоки, 2011. 67 с.
5. Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж: Истоки, 2013. 272 с.
6. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.
7. Словарь по уголовному праву / отв. ред. зав. сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук РФ, проф., д-р юр. наук А. В. Наумов. М.: Изд-во БКЭ, 1997.
8. Стернин И. А. О понятиях метод, методика, прием // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 24 – 25.

MAIN PRINCIPLES OF SEMANTIC ANALYSIS IN LINGUOCRIMINALISTIC TEXT EXAMINATION

Iosif A. Sternin^{1, @}

¹ Voronezh State University, 1, University Square, Voronezh, Russia, 394063
@sterninia@mail.ru

Received 01.02.2016.

Accepted 14.12.2016.

Keywords: polysemy, situation, context, text analysis, semantic description, principles of semantic analysis.

Abstract: Now it is possible to speak about a number of basic principles of the description of semantics of language units during expert research of the disputable text which should underlie any expert linguistic research. The major of them, relevant for expert estimation of semantics of a word in disputable text, are the following: 1. The account of polysemy of words and expressions. 2. The account of context of the use of a disputable word or expression. 3. The account of situation of the use of a disputable word or expression. 4. The account of real language consciousness of the ordinary native speaker. The article features the substantiation of each of these principles and presents examples of realization of each of the principles in the practical analysis of the text.

For citation: Sternin I. A. Osnovnye printsipy semanticheskogo analiza v lingvokriminalisticheskoi ekspertize teksta [Main Principles of Semantic Analysis in Linguocriminalistic Text Examination]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 202 – 207. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-202-207.

References

1. Golev N. D. Russkoe obydennoe metaiazykovoe soznanie i iazykovoe stroitel'stvo [Russian everyday metalinguistic consciousness and language engineering]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Everyday metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo, Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009, Part 1, 371 – 386.
2. Sternin I. A. Ob osnovnykh printsipakh opisaniia semantiki slova v lingvisticheskoi ekspertize [On the main principles to describe the semantics of words in the linguistic expertise]. *Kommunikativnye issledovaniia 2014* [Communication Studies in 2014]. Voronezh: «Istoki», 2014, 44 – 47.
3. Sternin I. A. Problema needinstvennosti metaiazykovogo opisaniia iazykovykh edinit v lingvistike [The problem of non-uniqueness metalinguistic description language units in linguistics]. *Psikholingvistika i lingvokontseptologiya = Psycholinguistics and lingvokontseptologiya*, no. 5 (2012): 8 – 17.
4. Sternin I. A. *Analiz skrytykh smyslov v tekste* [Analysis of hidden meanings in the text]. Voronezh: «Istoki», 2011, 67.
5. Maklakova E. A., Sternin I. A. *Teoreticheskie problemy semnoi semasiologii* [Theoretical problems Semnyi semasiology]. Voronezh: «Istoki», 2013, 272.
6. Sternin I. A., Rudakova A. V. *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie. Teoreticheskie problemy* [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems]. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011, 192.
7. *Slovar' po ugovolnomu pravu* [Dictionary of Criminal Law]. Ed. Naumov A. V. Moscow: Izdatel'stvo BKE, 1997.
8. Sternin I. A. O poniatiiakh metod, metodika, priem [About terms of method, technique, reception]. *Voprosy psikholingvistiki = Questions psycholinguistics*, no. 7 (2008): 24 – 25.

УДК 81+82-1

ОПЫТ ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОСТАВА КОРПУСА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Елена В. Шелестюк^{1,*}

¹ Челябинский государственный университет, Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129
* shelestiuk@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.09.2016.
Принята к печати 20.01.2017.

Ключевые слова: семантическая структура текста, концептуальная структура текста, семантический анализ, семантические нуклеусы, концептуальный центр, концептуальная периферия, концептосфера, семантическое поле, концептуальное поле.

Аннотация: В статье описывается концептуальный состав корпуса советских поэтических произведений, посвященных Великой Отечественной войне, выявленный при помощи автоматического семантического анализа, кластерного анализа и контекстуальной интерпретации семантических нуклеусов. Выделяется лексика центра семантической структуры корпуса текстов (семантический вес ≥ 20), ближней периферии (19-6) и дальней периферии (5-2). Контекстуальный анализ этой лексики в совокупности с кластерным анализом позволяет выявить ядерные, вспомогательные и периферийные концепты. Также определяется соотношение абстрактно-обобщенных понятий и конкретных понятий, единиц базового уровня; первые несколько преобладают над вторыми. Абстрактные понятия включают в себя интеллективные (*война, ждать, вернуться, смерть, память, надежда, слава, великий, грозный, Родина, победа, ожить, душа и др.*) и эмотивные (*горе, грусть, вина, любовь, страх, усталость, мужество, долг, сила, боль, совесть и др.*). Конкретные понятия обеспечивают детальное профилирование фона, на котором изображаются те или иные фигуры, здесь выделяются как реалии фронта (*солдат, окоп, след, сырой, тащить, шаг, атака, бежать, гул и др.*), так и реалии тыла (*двор, детство, сад, деревня, хата и др.*), причем реалии военной и гражданской жизни тесно переплетаются. Исходя из концепции Р. Лангакера, на основании повышенного внимания к фону в изображении делается вывод об объективной репрезентации поэтами окружающей действительности.

Для цитирования: Шелестюк Е. В. Опыт описания концептуального состава корпуса поэтических произведений о Великой Отечественной войне // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 208 – 216. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-208-216.

Одним из эффективных методов изучения концептуального состава текстов, особенно – корпусов текстов большого объема, может, вероятно, служить автоматический семантический анализ, представляющий собой упрощенный контент-анализ с элементами кластеризации (контент-анализ – количественно-качественный метод исследования, выявляющий повторение в тексте некоторых тем или употребление неких характерных формальных элементов, которые выводятся на осознаваемый уровень и определенным образом интерпретируются исследователем [1]). Современные автоматизированные программы семантического анализа текста, например SEO-анализ текста и программа автоматического анализа текста TextAnalyst, могут быть полезными для выявления семантического состава текста (Семантический анализ текста онлайн / © Istio 2007 – 2015. Режим доступа: <http://istio.com/rus/text/analyz/#top>; Семантический анализ текста онлайн, seo-анализ текста / © Адвего 2008 – 2016. Режим доступа: <http://advego.ru/text/seo/>; Text Analyst 2.0 – персональная система автоматического анализа текста / © 2001 Microsystems, Ltd. Режим доступа: <http://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta/>). При помощи семантического анализа описывается семантический состав текста (корпуса текстов), а при задействовании кластеризации, сводящей семантически сходные слова к

определенному числу тем и показывающей логичесмысловые связи между ними, – семантические поля. Но одновременно семантический анализ указывает и на отраженные в текстах *концептуальный состав и концептуальные поля* [2 – 5].

Понятия семантического состава и концептуального состава какого-либо сложного семиотического объекта (в нашем случае – корпуса текстов) во многом тождественны. Под семантическим составом мы понимаем совокупность значимых языковых единиц текста / корпуса текстов, выстраивающих некую иерархию на основании частотности и семантического веса этих единиц в текстах и представляющих собой некую структуру. Под концептуальным составом (текста или корпуса текстов) мы понимаем вербально выраженные концепты в корпусе текстов, так же, как и в предыдущем случае, выстраивающие иерархию и представляющие собой структуру.

Какова же структура семантического и концептуального состава текстов? Как было указано выше, эта структура иерархична. На наш взгляд, ее оптимальной моделью могут быть концентрические круги. Центр семантического состава текста составляют «макронуклеусы» – лексемы, имеющие наибольшую частотность и семантический вес. Круг ближней периферии составляют «нук-

леусы» – лексемы, обозначающие понятия, свойства и отношения, сопутствующие главным значимым словам. Наконец, круг дальней периферии составляют «микронуклеусы», обозначающие понятия, свойства и отношения, уточняющие единицы предыдущих кругов. Аналогично, центр концептуального состава семиотического объекта составляют его основные концепты, понятия, единицы базового уровня и символы, в круге ближней периферии – концептуальные единицы, сопутствующие центральным, а в круге дальней периферии – концептуальные единицы, сопутствующие единицам предыдущих кругов.

Следует подчеркнуть, что как используемая нами терминология для описания структуры семантического и концептуального состава текстов, так и сама модель такого описания условны. В семантике и концептологии встречаются аналогичные по конфигурации, но различающиеся по терминологии модели для обозначения по сути тех же явлений. Так, если З. Д. Попова, И. А. Стернин используют термины «центр», «ближняя периферия», «дальняя периферия» концепта [6], Н. Ф. Алефиренко, по существу, имея в виду то же, говорит о ядре, приядерной и периферийной зонах концепта. При анализе нашего материала, мы воспользуемся моделью и терминологией З. Д. Поповой, И. А. Стернина, но проявим осторожность в отношении нашего предмета, претендуя на описание концептуального состава корпуса военной поэзии, но не на анализ концепта «Великая Отечественная война» в поэтических текстах.

Также в данной статье мы не будем оперировать терминами «семантическое поле», «концептуальное поле» и «концептосфера» в виду разнобоя в их понимании, необходимости включения в статью разнообразных концепций, связанных с этими понятиями, сложности выбора сопутствующего терминологического аппарата из множества имеющихся, а также необходимости задействования дополнительных концептуальных построений при анализе нашего материала. Отметим лишь, что, в целом, результаты нашего анализа вполне можно интерпретировать в парадигме концептосферы, если понимать ее как «совокупность концептов, которые репрезентируются такими форматами когнитивных структур как: мегафреймы, субфреймы, сценарии, сцены и т. д., образующими номинативное поле текста» [7], а также в парадигме концептуальных полей текста, если понимать их как совокупности лексем и соответствующих понятий, системообразующим признаком которых является «определенный референциальный признак, получающий языковое воплощение в семантике слова, которое выступает как основное имя концепта» [8].

Остановимся на целях данного исследования. Непосредственной его целью является выявление концептуального состава русскоязычных поэтических текстов о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. с использованием методов автоматического семантического и кластерного анализа, определение основных концептов и их интерпретационное описание. По результатам такого семантико-концептуального анализа можно ставить и более общие цели, соотносимые с коммуникативными, когнитивными, психологическими и социологическими целями контент-анализа, которые в 1952 г. выделил аме-

риканский исследователь Б. Берелсон: описание тенденций в изменении содержания коммуникативных процессов; описание различий в содержании коммуникативных процессов в различных странах; сравнение различных СМИ; выявление используемых пропагандистских приемов; определение намерений и иных характеристик участников коммуникации; определение психологического состояния индивидов и/или групп; выявление установок, интересов и ценностей (и, шире, систем убеждений и «моделей мира») различных групп населения и общественных институтов; выявление фокусов внимания индивидов, групп и социальных институтов и др. (цит. по [1]). Наше исследование соотносится с двумя последними типичными целями контент-анализа: на основе полученных данных можно попытаться реконструировать концептуальное восприятие советскими поэтами соответствующих событий, перспективу, ракурсы и фокусы видения, детализацию «фона» и проч., а также специфические концепты и прочие компоненты картины мира. В данном исследовании таких целей не ставится, мы представим лишь общие наблюдения относительно репрезентации действительности в советской поэзии о Великой Отечественной войне на основе выявления, структурирования и интерпретации содержащихся в ней концептов.

Что касается материала исследования, то мы воспользовались готовой группировкой материала в поэтических подборках советской поэзии фронтового периода. Первая крупная подборка «Стихи о войне 1941 – 1945 гг.» [9] редакции портала «Православие и мир» содержит стихи 15 известных и получивших общественное признание поэтов, отразивших события тех лет: А. Т. Твардовского, Р. Г. Гамзатова, К. М. Симонова, Ю. В. Друниной, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака, А. А. Тарковского, А. А. Суркова, Ю. Д. Левитанского, И. С. Забуги, Ю. П. Воронова, Вячеслава Попова, Петра Сидорова, Евгения Иванова, А. В. Пиневича, Б. Ш. Окуджавы, В. С. Высоцкого. Во второй подборке «К 70-летию Победы» [10] представлены 73 автора, из которых мы взяли для анализа произведения таких авторов: С. С. Орлов, О. Ф. Берггольц, М. А. Дудин, Е. А. Долматовский, В. М. Гончаров, С. П. Гудзенко, М. И. Алигер, А. В. Софронов, С. С. Смирнов, В. С. Шефнер, И. В. Ганабин, В. С. Волков, И. В. Мартынов, В. А. Рождественский. В третьей подборке «Стихи о Великой Отечественной войне» [11] представлены 86 поэтов, мы подвергли семантическому анализу стихи Э. А. Асадова, М. Джалия, М. А. Дудина, В. М. Инбер, М. В. Исаковского, И. П. Уткина, А. И. Фатьянова. В общей сложности нами было проанализировано около 100 поэтических произведений советских поэтов, посвященных Великой Отечественной войне. Как показывает SEO-анализ, в этих подборках в основном наблюдается совпадение лексики, имеются незначительные отличия в лексическом составе и в распределении лексики по семантическому «весу».

Следует учесть факторы, которые снижают достоверность нашего семантического анализа. Самый главный фактор – обширность советской поэзии о войне – и отсюда – сложность ее охвата. Охваченными нами поэтами число советских поэтов, писавших о Великой Отечест-

венной войне, далеко не исчерпывается, тем более трудно подсчитать число советских поэтических произведений о войне. Достоверность снижает такой фактор, как субъективное или фигуральное употребление слов поэтами, частая контекстуальная обусловленность используемых слов, а также их специфическое распределение в стихах (например концентрация тех или иных значимых единиц в единичных стихотворениях в связи с повторами). Эти факторы смягчаются тем обстоятельством, что приведенные в подборках стихи узнаваемы, известны, их смыслы и идеи усвоены социумом, таким образом, они стали достоянием культуры и народа, которым они принадлежат. Можно сказать, что эти стихи составляют типичный советский и российский художественно-поэтический дискурс, связанный с событиями Второй мировой войны.

Опишем методику нашего исследования. Совокупность поэтических произведений обрабатывалась с помощью сервисов для семантического анализа текстов Advengo и Istio, а также с помощью программы автоматического текстового анализа с элементами кластеризации TextAnalyst. Нами изучалась только полнозначная (значимая) лексика корпуса текстов, имеющая содержательные значения. Широкозначная, модальная, дейктическая, прономинальная лексика («стоп-слова»), двусловные и многословные словосочетания, часто появляющиеся на периферии семантического состава военной поэзии в связи с поэтическими повторами, не учитывались, формальные показатели оценки качества текста также не представляли для нас особого интереса, хотя мы и приведем их ниже в качестве статистических данных.

Далее, исходя из числовых данных, мы выделили семантическую структуру поэтических текстов о войне: зоны семантического центра, ближней и дальней периферии. Показатели 41-20 условно отграничивают семантический центр; показатели 19-6 отграничивают ближнюю периферию; наконец, показатели 5-2 отграничивают дальнюю периферию семантической структуры. Значимые слова, исходя из числовых показателей, были определены в зону центра, ближней или дальней периферии семантической структуры и, соответственно, разделены на семантические макронуклеусы, нуклеусы, микронуклеусы. Полученную семантическую структуру мы перенесли на концептуальную структуру: семантические макронуклеусы соответствуют центральным концептам; семантические нуклеусы – концептам ближней периферии (сопутствующим центральным); семантические микронуклеусы – концептам дальней периферии (сопутствующим концептам ближней периферии). Далее мы применили кластеризацию и контекстуальный анализ, чем укрупнили семантическую структуру корпуса текстов и выявили наиболее важные концептуальные единицы. Кроме того, мы учли разделение лексики на конкретно-понятийную и абстрактно-понятийную. Первая включает слова, обозначающие абстрактные, обобщенные, собирательные и др. понятия, духовно-нравственные понятия, чувства, моральные, личностные качества и т. п., вторая – слова, обозначающие конкретные понятия, предметы, явления, людей, участвующих в тех событиях. На основе этих двух групп лексических единиц мы выделили две группы концептуальных единиц: первая группа – абст-

рактные (обобщенные, собирательные, вещественные) понятия, концепты и анагогические символы, вторая группа – конкретные понятия, элементы базового уровня, прототипы и прототипические символы.

Объем статьи не позволяет нам привести полную SEO-развертку корпуса советской поэзии о Великой Отечественной войне, ниже в таблице мы продемонстрируем лишь ее начало.

Таблица 1. SEO-развертка корпуса советской поэзии о Великой Отечественной войне (выделены ключевые полнозначные слова, указана частотность и семантический вес слов)

Table 1. First Page of SEO-scan of the body of the Soviet Great Patriotic War poetry (meaningful key words are highlighted, frequency and semantic weight of the words are specified)

1.	все	60	0.90
2.	война	41	0.62
3.	ждать	27	0.41
4.	знать	25	0.38
5.	земля	24	0.36
6.	вернуться	22	0.33
7.	смерть	21	0.32
8.	оно	20	0.30
9.	солдат	20	0.30
10.	снег	17	0.26
11.	война	16	0.24
12.	бой	16	0.24
13.	вперед	16	0.24
14.	огонь	16	0.24
15.	остаться	15	0.23
16.	один	14	0.21
17.	пусть	14	0.21
18.	слеза	14	0.21
19.	шинель	14	0.21
20.	боец	13	0.20
21.	дом	12	0.18
22.	мать	12	0.18
23.	мыть	12	0.18
24.	ночь	12	0.18
25.	лежать	11	0.17
26.	над	11	0.17
27.	перед	11	0.17
28.	ребенок	11	0.17
29.	товарищ	11	0.17
30.	конец	10	0.15
31.	беда	9	0.14
32.	брат	9	0.14
33.	вдруг	9	0.14
34.	зима	9	0.14
35.	помнить	9	0.14
36.	речь	9	0.14
37.	родной	9	0.14
38.	чтоб	9	0.14
39.	враг	8	0.12
40.	всегда	8	0.12
41.	глядеть	8	0.12

Продолжение таблицы 1

42.	деревня	8	0.12
43.	забыть	8	0.12
44.	из боя	8	0.12 / 0.24
45.	Окно	8	0.12
46.	пойти	8	0.12
47.	послать	8	0.12
48.	сердце	8	0.12
49.	спать	8	0.12
50.	Твой	8	0.12
51.	Тут	8	0.12
52.	хоть	8	0.12
53.	бери шинель	7	0.11 / 0.21
54.	бери шинель пошли	7	0.11 / 0.32
55.	бери шинель пошли домой	7	0.11 / 0.42
56.	будто	7	0.11
57.	вернулся из	7	0.11 / 0.21
58.	вернулся из боя	7	0.11 / 0.32
59.	женщина	7	0.11
60.	живой	7	0.11
61.	кровь	7	0.11
62.	лишь	7	0.11
63.	назад	7	0.11
64.	опять	7	0.11
65.	пошли домой	7	0.11 / 0.21
66.	пуля	7	0.11
67.	сегодня	7	0.11
68.	сила	7	0.11
69.	снова	7	0.11
70.	сон	7	0.11
71.	сын	7	0.11
72.	товарищ мой	7	0.11 / 0.21
73.	час	7	0.11
74.	шинель пошли домой	7	0.11 / 0.32
75.	боль	6	0.09

76.	ветер	6	0.09
77.	где-то	6	0.09
78.	долгий	6	0.09
79.	дым	6	0.09
80.	жена	6	0.09
81.	мертвый	6	0.09
82.	петь	6	0.09
83.	плакать	6	0.09
84.	победа	6	0.09
85.	пожар	6	0.09
86.	пора	6	0.09
87.	последний	6	0.09
88.	прийти	6	0.09
89.	путь	6	0.09
90.	русская	6	0.09
91.	рядом	6	0.09
92.	тишина	6	0.09
93.	убить	6	0.09
94.	хата	6	0.09

Примечание:

Характеристики корпуса по данным SEO-анализа:

Количество слов – 6612.

Количество уникальных слов – 2147.

Количество значимых слов – 1674.

Количество стоп-слов – 2802.

Количество слов с семантическим весом >1 – 871.

Количество значимых слов с семантическим весом >1 – 524.

Повторяемость ключевых знаменательных слов (рассчитывается как корень квадратный из числа употребления самого часто встречающегося слова) – 7.75.

Отношение числа повторов самых частых слов к общему числу слов в тексте (измеряется в процентах, норма в публицистических текстах – не более 6 %) – 3.8 %.

Ниже представлены количественные и качественные показатели состава лексики в различных зонах семантической / концептуальной структуры советской военной

поэзии, а также дан контекстуальный анализ и интерпретация основных семантических / концептуальных единиц указанных текстов.

Таблица 2. Распределение лексики в центре, ближней и дальней периферии семантической / концептуальной структуры советской военной поэзии

Table 2. Distribution of the vocabulary in the center, near periphery and far periphery of the semantic / conceptual structure of the Soviet war poetry

	Лексемы с семантическим весом 2 и более без стоп-слов и словосочетаний		Лексемы с показателями 20 и выше		Лексемы с показателями 19-6		Лексемы с показателями 5-2	
	конкр.	абстр. и симв.	конкр.	абстр. и симв.	конкр.	абстр. и симв.	конкр.	абстр. и симв.
Число лексем	244	524	2	7	32	49	210	468
		280		5		17		258

Центр семантической структуры

В числе семантических макронуклеусов – имена абстрактных и обобщенных понятий: война, ждать, знать, вернуться, смерть. Здесь также обнаруживаем элементы

базового уровня, выраженные конкретными существительными: солдат, земля. Соотношение абстрактных и конкретных (прототипических) понятий в центре – 5 против 2.

Мы полагаем, что семантические макронуклеусы соответствуют центральным концептам корпуса текстов, сюда входят ВОЙНА, ОЖИДАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ, СМЕРТЬ, СОЛДАТ, ЗЕМЛЯ (два последних – символы). Проинтерпретируем некоторые из этих концептов, исходя из контекстов соответствующих ключевых слов (семантических макронуклеусов).

ОЖИДАНИЕ. Этот концепт реализуется в экспериментальных контекстах: солдаты ждут возвращения в мирную жизнь, их укрепляет знание, что их ожидают дома; их возвращения с победой ждет сама родная земля; они понимают напряженное ожидание убитых родными и терзаются, не зная, как сказать им о смерти их мужей и отцов: «А мечтал он, может статься, / Подойти путем другим, / У окошка постучаться / Жданным гостем, дорогим» (А. Твардовский); «Где ждали их потом с мольбой / И мукой день за днем... (id.); «“Мы вас подождем!” – говорили нам пажити. / “Мы вас подождем!” – говорили леса. / Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется, / Что следом за мной их идут голоса (К. Симонов); «Жди меня, и я вернусь. / Только очень жди (id.); «И старушка в цветастом платье / У иконы свечу зажгла. / Я не знаю, как написать ей, / Чтоб тебя она не ждала (Ю. Друнина).

ЗЕМЛЯ. Земля является многозначным прототипическим символом, который воплощается в военной поэзии в разных образах. Нередко она персонифицируется в виде женского образа, оскверненного, нуждающегося в защите: «Славно начато славное дело / В грозном грохоте, в снежной пыли, / Где томится пречистое тело / Оскверненной врагами земли» (А. Ахматова). Земля опустошена, сожжена, измучена, захвачена врагом: «И хоть земля оголена, / Искажена огнем» (А. Твардовский), «Как горько по земле родной / Идти, в ночи таясь» (А. Твардовский). В то же время земля – защитница, убежище, крепость: «Какой уютной показалась / Тебе холодная земля... / Казалось, чтобы оторваться, / Рук мало – надо два крыла. / Казалось, если лечь, остаться / – Земля бы крепостью была» (К. Симонов). Земля – это родина, Россия, которая важнее собственной жизни: «Но, трижды поверив, что жизнь уже вся, / Я все-таки горд был за самую милую, / За горькую землю, где я родился, / За то, что на ней умереть мне завещано» (id.), «Клочок земли, припавший к трем березам, / Далекую дорогу за леском, / Речонку со скрипучим перевозом, / Песчаный берег с низким ивняком. / Вот где нам посчастливилось родиться» (id.). Русская земля – это церковь, исторгающая нечистого врага, хаос и разрушения, который он несет: «Земля гудела, как молебен / Об отвращении бомбы воющей, / Кадилицей дым и щебень / Выбрасывая из побоища» (Б. Пастернак). Земля принимает в свое лоно павших и скорбит о них: «По русским обычаям, только пожарища / На русской земле раскидав позади, / На наших глазах умирали товарищи, / По-русски рубаху рванув на груди» (К. Симонов), «В солдатской могиле – десятки мужчин: / Лишенные силы, лежат как один. / Устало лопаты мелькают вдали, / Как будто солдаты жалеют земли» (Ю. Левитанский), «Он на земле лежит, усталым / Движеньем руку занеся. / Он мертв. Его никто не знает...» (К. Симонов). И в то же время родная земля дает живительную силу, ее хранят и берегут, даже употребляют внутрь: «И мы / Бадаевской землей / Теперь сластим пустую воду. / Земля с золой, / Земля с золой» (Ю. Воронов),

«Снял полинялую пилотку, / В кисет насыпал горсть земли» (П. Сидоров), «...Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли / Ту горсть земли, которая годится, / Чтоб видеть в ней приметыв всей земли» (К. Симонов).

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Возвращение – еще один актуализируемый концепт, воплощенный прежде всего в глаголах «вернуться», «возвращаться». О возвращении в мирную жизнь солдат просят их подруги и друзья: «...Мальчики, / Постарайтесь вернуться назад» (Б. Окуджава). Горечь о невозможности возвращения павших охватывает их товарищей: «Почему все не так? Вроде все как всегда: / То же небо опять голубое, / Тот же лес, тот же воздух и та же вода, / Только он не вернулся из боя» (В. Высоцкий). Воля не вернувшихся с войны становится для живых мерилом нравственности: «И пусть не покидает вас забота / Знать волю не вернувшихся с войны, / И перед награждением кого-то / И перед осуждением вины» (Р. Гамзатов). Солдаты также заботятся о возвращении на родину, в мирную жизнь выживших граждан, претерпевших неисчислимые страдания: «Я должен видеть теми же глазами, / Которыми я плакал там, в пыли, / Как тот мальчишка возвратится с нами / И поцелует горсть своей земли. / За все, чем мы с тобою дорожили, / Призвал нас к бою воинский закон. / Теперь мой дом не там, где прежде жили, / А там, где отнят у мальчишки он» (К. Симонов). Они радуются возвращению в родные места птиц, символизирующих собой мир и счастье: «К золе и к пеплу наших улиц / Опять, опять, товарищ мой, / Скворцы пропавшие вернулись, / Бери шинель, пошли домой!» (Б. Окуджава).

Ближняя периферия

К ближней периферии семантической структуры военной поэзии относятся единицы в диапазоне 19-6, всего 49 слов. Соотношение конкретной прототипической лексики и лексики, обозначающей абстрактные понятия – 32 против 17. Конкретные понятия выражены такими словами, как: *снег, огонь, слеза, шинель, боец, дом, мать, ночь, лежать, ребенок, товарищ, зима, речь, враг, глядеть, девочка, деревня, окно, спать, женищина, кровь, пуля, сын, ветер, дым, жена, петь, плакать, пожар, путь, убить, хата*. Имен обобщенных и абстрактных понятий, духовно-нравственных понятий, эмоций и чувств, личностных качеств, духовных символов в ближней периферии несколько меньше, но они весьма значимы: *бой, вперед, беда, помнить, родной, забыть, послать, сердце, вернулся, живой, сила, сон, боль, мертвый, победа, русская, тишина*.

Как видим, в ближней периферии преобладают слова, обозначающие реалии фронта, предметы и явления, людей. Кроме того, здесь находим слова, обозначающие реалии повседневной гражданской жизни, которые переплетаются с первыми, в т. ч. в связи с оккупацией фашистами территорий СССР. Таким образом, основными концептами в ближайшей периферии концептуальной структуры являются переплетающиеся и одновременно противоположные концепты РЕАЛИИ ФРОНТА и РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Приведем контексты, актуализирующие эти концепты при помощи конкретно-понятийной, прототипической лексики: «...Не по улице прямой – / Под огнем, по огородам / Добирается домой...» (А. Твардовский); «Смерть свистит над головами, / Снег снарядами изрыт. / И жена

в холодной яме / Где-нибудь с детьми сидит» (id.); «Дома – Без света и тепла, / И без конца пожары рядом. / Враг зажигалками дотла / Спалил Бадаевские склады» (Ю. Воронов); «Он отставал, он кровь терял, / Он пулю нес в груди...» (А. Твардовский); «Каких имен нет на могильных плитах! / Их всех племен оставили сыны...» (Р. Гамзатов); «Как я хотел вернуться в до-войны, / Предупредить, кого убить должны. / Мне вон тому сказать необходимо: / “Иди сюда, и смерть промчится мимо”» (А. Тарковский); «Девочка в заштопанной шинели / Разбросала руки на снегу. / Мама! / Мама! / Я дошла до цели...» (Ю. Друнина) и др. Примеры реалий повседневной жизни: «Где хата наша и крыльцо / С ведром на скамье? / И мокрое от слез лицо, / Что снилось и мне?... / Дымком несет в рядах колонн / От кухни полевой. / И вот деревня с двух сторон / Дороги боевой» (А. Твардовский); «Нет, не исчезли мы в крошечном дыме, / Где путь, как на вершину, был не прям. / Еще мы женам снимся молодыми, / И мальчиками снимся матерям» (Р. Гамзатов).

Приведем контексты, актуализирующие указанные концепты при помощи абстрактной, эмоционально-чувственной и символической лексики. Например, «Пусть в сердце боль тебе, как нож, / По рукоять войдет. / Стой и гляди! И ты пойдешь / Еще быстрее вперед» (А. Твардовский); «Они нас выводили в степь / Тропинкой потайной. / Им наша боль была больна, – / Своя беда не в счет» (id.); «Когда последний взрыв раздался, / Не умерла война во мне...» (Е. Иванов); «Наши мертвые нас не оставят в беде, / Наши павшие как часовые...» (В. Высоцкий); «Победа у наших стоит дверей... / Как гостью желанную встретим?» (Ю. Друнина); «Ведь эта память – наша совесть. / Она, / Как сила, нам нужна...» (Ю. Воронов); «К нам оттуда родные березы / Тянут ветки и ждут и зовут, / И могучие деда-морозы / С нами сомкнутым строем идут» (А. Ахматова); «Не страшно под пулями мертвыми лечь, / Не горько остаться без крова, / И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово» (id.); «Что русская мать нас на свет родила, / Что, в бой провожая нас, русская женщина / По-русски три раза меня обняла» (К. Симонов) и др.

Помимо указанных концептов, с помощью кластеризации на основании семантико-синтаксических связей слов (TextAnalyst) в ближней периферии выявляется ряд тематических лексем, позволяющих рассматривать их как важные в этой области понятия и символы: ОГОНЬ (пламя, пожар); ШИНЕЛЬ; ДОМ (хата); ТОВАРИЩ (друг, друзья, ребята); МАТЬ; СЫН; СЕРДЦЕ, БОЙ, пуля (= СМЕРТЬ), РУССКИЙ (РУССКАЯ), ЖЕНЩИНА (жена), ПРИРОДА (снег, вода, воздух, лес, трава), слеза (слезы), РОДНОЕ (дорогое, милое). Анализ контекстов этих лексем позволяет сделать следующие выводы об их признаках: ОГОНЬ (пламя, пожар) – стрельба, взрывы; пожары; война; разрушение; ратное дело; огонь для самокрутки, костер; фронтовая дружба, теплое общение; вечный огонь; память; священное; совесть; ШИНЕЛЬ – солдат, военная служба, война; защита, покров; помощь, товарищество; изношенная, сырая; ратный труд, тяготы войны; ДОМ (хата) – кров; мирная жизнь; родные, родина; люди, свои; народ; нуждающиеся в защите; праздник, праздность; прошлое, детство, юность, любовь; ушедшее, разрушенное; победа, возвращение; ТОВАРИЩ (друг,

друзья, ребята) – тот, кто рядом, близкий, солдат; помощь, забота, спасение; радушие, любовь; второе я, погибший, собеседник; МАТЬ – родная, милая, любящая, ждущая, слезы, горе, сберечь, дом, родина; СЫН – род, племя, солдат, мальчик, смерть, товарищ и др.

Дальняя периферия

Дальняя периферия семантической структуры стихов о войне охватывает диапазон 5-2. Это наиболее обширная лексико-семантическая область, включающая множество семантических микронуклеусов, уточняющих и распространяющих основные концепты. Соотношение конкретных и абстрактных понятий здесь – 207 против 237. Слова, обозначающие конкретные понятия, детализируют реалии фронта, например *бинт, гореть, грудь, мальчик, мальчишка, окоп, след, сырой, тащить, шаг, атака, бежать, гул, движение, дерево, дорога, заря, землянка, черный, зола, могила, пехота, пламя, пот, сапог, умереть, усталый, фронт, холодный, чужой, эшелон* и др. Например: «А я должна приросшие бинты / С него сорвать одним движеньем смелым» (Ю. Друнина); «Все то, что мы в окопах защищали / Иль возвращали, кинувшись в прорыв, / Беречь и защищать вам завещали, / Единственные жизни положив» (Р. Гамзатов); «Примерзший стебель ковыля, / Едва заметные пригорки, / Разрывов дымные следы, / Щепоть рассыпанной махорки / И льдинки пролитой воды» (К. Симонов); «Осталась только сила ветра, / И грузный шаг по целине, / И те последних тридцать метров, / Где жизнь со смертью наравне!» (id.); «Встав на растоптанном снегу, / Готовясь броситься в атаку, / Винтовку вскинул на бегу» (id.); «Как зябко спать в сырой копне / В осенний холод, в дождь, / Спиной к спине – и все ж во сне / Дрожать. Собачья дрожь» (А. Твардовский); «Вперед дорога – не назад, / Вперед – веселый труд» (id.); «Спят в эшелоне бывшие солдаты... / В товарных, на полу, на сквозняке» (А. Пиневич) и др.

В дальней периферии также находим слова, обозначающие образы гражданской жизни, уточняющие детали родной природы и повседневного быта: *двор, детство, теплый, тихий, конь, белый, крыльцо, порог* и др. Например, «Ах война, что ж ты сделала подлая: / Стали тихими наши дворы» (Б. Окуджава); «Как в детстве, где-нибудь в ночном, / Когда коней пасли...» (А. Твардовский); «Белорусские ветры пели / О рязанских глухих садах» (Ю. Друнина); «Морозами неслыханной суровости / Пожгло и уничтожило сады» (А. Твардовский).

В этой области актуализируется больше, чем в центре и ближней периферии, имен абстрактных и духовно-нравственных понятий, личностных качеств, чувств (эмоций) и символов, в т. ч. связанных с миром и войной, жизнью и смертью, Родиной: *весна, вечный, вина, грусть, душа, любовь, ожить, быть, вставать, крест, Москва, оставить, память, Родина, Россия, береза, русский, сад, свет, слава, спасти, совесть* и др. Например, «Пахнет в хате квашней и дымом, / За порогом бурлит весна» (Ю. Друнина); «Весеннее дыхание родины / Смывает след зимы с пространства / И черные от слез обводины / С заплаканных очей славянства» (Б. Пастернак); «Ты вспоминаешь родину – такую, / Какой ее ты в детстве увидал» (А. Твардовский); «И родина, как голос пуши, / Как зов в лесу и грохот отзыва, / Манила музыкой зовущей / И пахла почкою березовой» (Б. Пастернак); «Был

и есть у России / Вечной прочности вечный запас» (Ю. Друнина); «...Деревни, деревни, деревни с погостами, / Как будто на них вся Россия сошлась, / Как будто за каждую русской околицей, / Крестом своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в бога не верящих внуков своих...» (К. Симонов); «О тебе мне шептали кусты / В белоснежных полях под Москвой» (А. Сурков); «Мечтателю и полуночнику / Москва милей всего на свете. / Он дома, у первоисточника / Всего, чем будет цвести столетье» (Б. Пастернак); «Прошли года. Деревья умерщвленные / С нежданной силой ожили опять, / Живые ветки выдали, зеленые...» (А. Твардовский); «И вы должны, о многом беспокоясь, / Пред злом ни шагу не подавшись вспять, / На нашу незапятнанную совесть / Достойное равнение держать» (Р. Гамзатов) и т. п. Таким образом, мы видим, что в дальней периферии семантической структуры военных поэтических текстов продолжается развитие упомянутых выше концептов-фреймов РЕАЛИИ ФРОНТА и РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ, они детализируются при помощи анагогических понятий и символов.

Кроме этих двух концептов-фреймов с помощью кластеризации (TextAnalyst) выявляются лексемы, имеющие наибольшую в этой области частотность и семантико-синтаксические связи: ВЕСНА, МАЛЬЧИК (мальчишка), ОРУЖИЕ (танк), МОГИЛА, ВОЙСКО (пехота), ГОЛОС (речь), РОССИЯ, СБЕРЕЖЕНИЕ (беречь, сберечь). Эти лексемы можно трактовать как имена важных концептов и символов, а их контексты позволяют сделать выводы о таких их признаках, как: ВЕСНА – мир, возрождение,

освобождение, Победа, жизнь; МАЛЬЧИК – ребенок, тот, кого надо защищать; юноша, солдат, воин, защитник и т. д.

В целом семантический анализ в совокупности с кластерным анализом и контекстуальной интерпретацией позволил нам выделить следующие основные концептуальные единицы в нашем корпусе поэтических произведений о Великой Отечественной войне.

Подчеркнем, что *концептуальный состав* советской поэзии о войне в основном является константным, но *концептуальная структура* может видоизменяться в зависимости от избранного материала и от параметров автоматического анализа. Поэтому составляющие концептуальную структуру единицы могут варьироваться в других исследованиях.

Абстрактные, обобщенные, собирательные духовные, нравственные понятия, понятия чувств, моральных и личностных качеств и т. п. составляют мировоззренческую и духовно-нравственную канву содержательно-смыслового наполнения текстов. Их можно разделить на интеллективные и эмотивные. Среди интеллективных концептов, абстрактных, духовных понятий и символов заметными кажутся такие, как *ждать, вернуться, смерть, память, надежда, слава, великий, грозный, Родина, победа, ожить, душа, вечный, свет, спасти*. Среди эмотивных концептов, понятий чувств, эмоций, моральных и личностных понятий выделяются такие, как *горе, грусть, вина, любовь, страх, усталость, мужество, долг, сила, боль, совесть, добрый, злой, праведный, жалость, суровость (строгость)*. Сильный эмоциональный накал и возвышенная духовность – признаки советской поэзии военных лет.

Таблица 3. Концептуальная структура поэтических произведений о Великой Отечественной войне
Table 3. The conceptual framework of the poetic works of the Great Patriotic War

	<i>Абстрактные (обобщенные, собирательные, вещественные) понятия, концепты и духовные символы</i>	<i>Конкретные понятия, элементы базового уровня, прототипы и прототипические символы</i>
1. Центр	ВОЙНА, ОЖИДАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ, СМЕРТЬ	СОЛДАТ, ЗЕМЛЯ
2. Ближняя периферия	БОЙ, РУССКИЙ (РУССКАЯ), РОДНОЕ (ДОРОГОЕ, МИЛОЕ), помнить, забыть, послать, живой, сила, сон, боль, мертвый, победа, беда, тишина и др.	Фрейм РЕАЛИИ ФРОНТА: ОГОНЬ (ПЛАМЯ, ПОЖАР); ШИНЕЛЬ; ТОВАРИЩ (ДРУГ, ДРУЗЬЯ, РЕБЯТА); ПУЛЯ (= СМЕРТЬ), СНЕГ, ВОДА, ВОЗДУХ, ЛЕС, ТРАВА (= ПРИРОДА), боец, ночь, зима, враг, окно, кровь, дым, путь, убить и др. Фрейм РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ: ДОМ (ХАТА); деревня, МАТЬ; СЫН; СЕРДЦЕ, ЖЕНЩИНА (ЖЕНА), СЛЕЗА (СЛЕЗЫ), ребенок и др.
3. Дальняя периферия	ВЕСНА, РОССИЯ, РОДИНА, СБЕРЕЖЕНИЕ (БЕРЕЧЬ, СБЕРЕЧЬ), спасение (спасти), тяжесть (тащить), шаг, ГОЛОС (РЕЧЬ), движение, усталый, холодный, чужой, слава, совесть, вечный, вина, грусть, душа, любовь, ожить, быть, вставать, крест, Москва, оставить, память, свет и др.	Фрейм РЕАЛИИ ФРОНТА: ТАНК (ОРУЖИЕ), ПЕХОТА (ВОЙСКО), МАЛЬЧИК (МАЛЬЧИШКА), атака, бежать, гул, бинт, гореть, грудь, окоп, след, сырой, дерево, дорога, заря, землянка, черный, зола, МОГИЛА, пламя, пот, сапог, умереть, фронт, эшелон и др. Фрейм РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ: Двор, детство, теплый, тихий, конь, белый, крыльцо, ПОРОГ, береза, сад и др.

Прототипы, конкретные понятия, предметы, явления, людей, участвующих в тех событиях, обеспечивают детальную «прорисовку» («выписывание», «профилирова-

ние») фона, на котором изображаются те или иные фигуры – микротемы стихотворений. Среди актуализируемых конкретных понятий выделяются как реалии фронта, так

и реалии гражданской жизни. Реалии военной и гражданской жизни тесно переплетаются, что можно связать с тем, что Великая Отечественная война затронула весь советский народ и все стороны жизни страны. Это такие понятия, как например *солдат, окоп, след, сырой, тащить, шаг, атака, бежать, гул, движение, дорога, заря, землянка, черный, зола, могила, пехота, пламя, пот, сапог, умереть, фронт, холодный, чужой, эшелон, двор, детство, сад, деревня, хата* и др.

На наш взгляд, важными являются не только центральные единицы, выявленные кластерным анализом на основе семантико-синтаксических связей, но и ряд других. Таким образом важны такие символы советской поэзии военных лет, как:

- *пожар – война, разрушение, уничтожение;*
- *зима – война, смерть, опустошение, потеря;*
- *порог (крыльцо) – кров, дом, тепло, родные, уход из дома, выход в опасность, отправка в военный поход;*
- *путь (дорога) – время, тяготы войны, ратное дело, труд, трудности, обратный путь – возвращение домой, к близким;*
- *деревня – Русь, священное, предки, дом, жилье, отрада, тепло;*
- *сад – жизнь, конец войны, мир, расцвет, счастье.*

Дадим несколько когнитивных интерпретаций наших результатов. Рассуждая о перспективе репрезентации знания, В. Эванс цитирует мнение видного теоретика когнитивной лингвистики Р. Лангакера, который утверждает, что чем больше внимания уделяется фону, тем больше объективности в изображении ситуации (The greater the attention upon the ground, the greater the objectivity of construal) [12]. С другой стороны, чем больше внимания концентрируется на мыслях, впечатлениях, чувствах и ощущениях субъекта, тем больше субъективности в изображении ситуации. Согласно Лангакеру, разница между эксплицитным представлением фона (объективным описанием, или objective construal) и имплицитной зависимостью от фона (субъективным описанием, или subjective construal) составляет разницу в *перспективе* трактовки предметной ситуации. Для того чтобы проиллюстрировать это различие, Лангакер использует пример очков. Если человек, носящий очки, берет их, держит перед лицом и рассматривает, то очки становятся объектом его восприятия (то есть намеренно воспринимаются). В противоположность этому, если владелец очков ис-

пользует их, чтобы увидеть какой-либо другой объект, то его внимание к очкам становится гораздо слабее, вплоть до того, что они становятся для воспринимающего частью его самого. Подобным же образом, когда внимание индивидуума полностью фокусируется на нем самом, на передний план выходит субъективное описание ситуации, а объективное описание ситуации отступает на задний план. Когда же внимание индивидуума полностью фокусируется на внешнем объекте (-их -ах), субъективная трактовка (осознание себя) отходит на второй план, и более выраженным оказывается объективное описание ситуации.

Советской поэзии свойственна панорамная перспектива изображения событий, и вместе с тем – тщательная прорисовка (profiling) деталей окружающей действительности, фактов и образов, насыщенность словами, выражающими конкретные понятия. Это свидетельствует о погруженности авторов в события, об активном участии в них и богатом опыте и при этом – о фокусировании внимания не на субъективных обстоятельствах и впечатлениях, но на эмпатически сопереживаемом описании событий в ракурсе всего народа (в том числе на примере отдельных его представителей). Каждый поэт как бы говорит от лица всего общества, лирический герой отождествляется с другими фигурами, а авторское «я» сливается с «мы» целой страны. Будучи в гуще событий, авторы стихотворений стремились как можно более объективно и детально отразить окружающую действительность, при том, что каждому из них свойственен особый стиль и ракурс представления предметной ситуации.

Итак, панорамность изображения в советской военной поэзии, прорисовка деталей с помощью конкретно-понятийной лексики (наряду с абстрактно-понятийной лексикой), повторяемость ключевых слов в большинстве произведений свидетельствуют о *высокой объективности* представления авторами этого этапа в жизни нашей страны, независимо от уникальности идейных посылов и стилистики каждого индивидуального поэта. Вместе с тем, как мы покажем в последующей статье на данную тему, военная поэзия не всегда объективно репрезентирует действительность. Например по результатам семантического анализа, субъективное описание ситуации в большей степени свойственно англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

Литература

1. Паршин П. Б. Контент-анализ // Кругосвет: энциклопедия. Режим доступа: www.krugosvet.ru
2. Брунова Е. Г. Автоматизированный контент-анализ мнений трех предметных областей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 2. С. 43 – 47.
3. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010. 410 с.
4. Солошенко А. Н., Орлова Ю. А., Розалиев В. Л. Автоматизированный анализ новостного потока из сети интернет с учетом семантики текстов // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 25. Т. 22. С. 80 – 85.
5. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
7. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. доп. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
8. Долгова И. А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 26 с.
9. Стихи о войне 1941 – 1945 годов // Православие и мир. 01.02.2009. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/stixi-o-vojne/>

10. К 70-летию Победы. Стихотворения о войне // Русская дубрава: Литературный портал патриотической поэзии. Режим доступа: <http://literature.do.am/publ/9>
11. Стихи о Великой Отечественной войне // Сборник стихов. Мировая классика литературы: портал. Режим доступа: <http://bytiye.ru/temy/stikhi-o-voynе.html>
12. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: an Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830.

THE STUDY OF CONCEPTUAL COMPOSITION OF SOVIET POETRY DEVOTED TO THE GREAT PATRIOTIC WAR

Elena V. Shelestyuk^{1, @}

¹ Chelyabinsk State University, 129, Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk, Russia, 454001

@ shelestiuk@yandex.ru

Received 06.09.2016.

Accepted 20.01.2017.

Keywords: semantic structure of a text, conceptual structure of a text, semantic analysis, semantic nucleus, conceptual center, conceptual periphery, conceptual sphere, semantic field, conceptual field.

Abstract: The article describes the conceptual structure of the body of Soviet poetry, dedicated to the Great Patriotic War, identified by the automatic semantic analysis, cluster analysis and contextual interpretation of semantic core. We specify the central lexis (the semantic weight ≥ 20), the near peripheral lexis (19-6) and the far peripheral lexis (5-2) and hence the nuclear, auxiliary and peripheral concepts. We also determine the ratio of generalized or abstract concepts and concrete, basic-level concepts; the former somewhat prevail over the latter. The abstract concepts include "intellective" (war, waiting, return, death, memory, hope, glory, grand, terrible, Motherland, victory, come to life, soul, etc.) and "emotive" (grief, sadness, guilt, love, fear, fatigue, courage, duty, power, pain, conscience, etc.). The concrete concepts provide detailed profiling of the ground against which particular figures are represented, here we find the realities of the front (soldiers, trench, track, wet, drag, move, attack, run, boom, etc.), and the realities of the civilian life (yard, childhood, garden, village, hut, etc.); the realities of military and civilian life are closely intertwined. Based on R. Langacker's tenet that the greater the attention upon the ground, the greater the objectivity of construal, we conclude on the objective representation of the wartime by the Soviet poets.

For citation: Shelestyuk E. V. Opyt opisaniia kontseptual'nogo sostava korpusa poeticheskikh proizvedenii o Velikoi Otechestvennoi voine [The Study of Conceptual Composition of Soviet Poetry Devoted to the Great Patriotic War]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 208 – 216. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-208-216.

References

1. Parshin P. B. *Kontent-analiz* [Content-Analysis]. Available at: <http://www.krugosvet.ru>
2. Brunova E. G. Avtomatizirovannyi kontent-analiz mnenii trekh predmetnykh oblastei [Automated content analysis of the views on three subject areas]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Questions of theory and practice*, part 2, no. 12 (2014): 43 – 47.
3. Zdravomyslov A. G. *Pole sotsiologii v sovremennom mire* [Sociology field in the modern world]. Moscow: Logos, 2010, 410.
4. Soloshenko A. N., Orlova Yu. O.A., Rozaliev V. L. Avtomatizirovannyi analiz novostnogo potoka iz seti internet s uchetom semantiki tekstov [Automated analysis of the news flow from the Internet based on the semantics of text]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Volgograd State Technical University*, 2, no. 25(152) (2014): 80 – 85.
5. Sternin I. A., Salomatina M. S. *Semanticheskii analiz slova v kontekste* [Semantic analysis of the word in context]. Voronezh: Istoki, 2011, 150.
6. Popova Z. D., Sternin I. A. *Iazyk i natsional'noie soznaniie* [A Language and national consciousness]. Voronezh: Istoki, 2007, 61.
7. Ogneva E. A. *Kognitivnoie modelirovaniie kontseptosfery khudozhestvennogo teksta* [Cognitive modeling of the conceptosphere of literary text]. 2nd ed. Moscow: Editus, 2013, 282.
8. Dolgova I. A. *Kontseptual'noe pole «terpenie» v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Conceptual field "patience" in the English and Russian linguistic cultures. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2006, 26.
9. *Stikhi o voine 1941 – 1945 godov* [Poems of ar, 1941 – 1945]. *Pravoslavie i mir = Orthodoxy and the world*, 01.02.2009. Available at: <http://www.pravmir.ru/stixi-o-vojne/>
10. *K 70-letiiu Pobedy. Stikhotvoreniia o voine* [On the 70th anniversary of the Victory. Poems of War]. Available at: <http://literature.do.am/publ/9>
11. *Stikhi o Velikoi Otechestvennoi voine* [Poems of the Great Patriotic War]. Available at: <http://bytiye.ru/temy/stikhi-o-voynе.html>
12. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: an Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006, 830.

УДК 81-13

О ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ МЕЖДОМЕТИЙ

Татьяна М. Шкапенко^{1, @}¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14
@ tshkapenko@kantiana.ruПоступила в редакцию 06.09.2016.
Принята к печати 15.12.2016.**Ключевые слова:** междометия, интеръективы, первичные эмотивные междометия, побудительные междометия, этикетные междометия, ономотопеи.**Аннотация:** В статье рассматриваются дискуссионные вопросы в области изучения междометий, – проблема их классификации и описания значения. На основе анализа традиционных классификационных критериев: прототипического, морфосинтаксического, лексико-семантического и деривационного – демонстрируется их избирательная релевантность для отдельных групп междометий. Общепринятое определение значения междометий как «эмоционального или ментального состояния» характеризуется как слишком узкое, не включающее группу побудительных и этикетных междометий. В качестве ведущего критерия, свойственного всем группам интеръективов, предлагается рассматривать референционный критерий «отношения». Выражение «отношения» может быть признано основной конституирующей особенностью, отграничивающей междометия от всех остальных частей речи с денотативной или дескриптивной референцией. На терминологическом уровне подобное различие может быть отражено с помощью термина «прагмемы» для интеръективных единиц, и термина «семантемы» – для единиц с денотативным содержанием.**Для цитирования:** Шкапенко Т. М. О прагматическом подходе к описанию междометий // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 217 – 221. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-217-221.

Несмотря на усилившийся за последние два десятилетия интерес к изучению междометий, споры по поводу их лингвистического статуса, внутренней природы, а также их конкретного состава не утихают. Основным препятствием на пути к созданию непротиворечивой системы описания междометий, по мнению большинства ученых, является тот факт, что они представляют собой гетерогенный класс. Это утверждение стало уже настолько обязательным для всех работ в данной области, что возникает впечатление, что гетерогенность анализируемой группы отражает некую онтологическую данность, а не созданный лингвистами теоретический конструкт, объединивший те языковые единицы, которые не смогли вписаться в рамки традиционной частеречной парадигмы.

Рассмотрим, насколько каждый из подклассов интеръективов соответствует традиционно выделяемым для данной группы единиц критериям: прототипическому, морфосинтаксическому, лексико-семантическому и деривационному. С точки зрения способа возникновения в языке междометия традиционно принято делить на первичные и вторичные. Первичные междометия представляют собой группу возгласов или вокализаций внутренних чувств или ощущений, состоящих, как правило, из одного – четырех звуков, достаточно атипичных для фонологии данного языка, но часто пересекающихся по своему внешнему оформлению в различных языках. Вторичные междометия представляют собой группу лексических единиц, утративших свое денотативное значение и объективирующих внутренние переживания индивида, зачастую еще более сильные, нежели те, которые озвучиваются первичными междометиями. Очевидно, человек

на развитой стадии глоттогенеза не может удовлетвориться асемантическими возгласами типа *ой*, *ай*, чтобы выразить свое отношение к окружающей его действительности. Отсюда обращение либо к табуизированным понятиям, либо к «употребляемым всеу» сакральным понятиям, что представляет собой незаменимый и универсальный способ эмоционального самовыражения человечества. Отметим, что кроме А. Вежибицкой [1], практически все исследователи относят делексистализованные элементы к классу интеръективов.

Намного более дискуссионной представляется проблема отнесения к междометиям звукоподражательных или ономотопеических единиц. По мнению Е. Ю. Кустовой, «интеръективные формы, имеющие звукоизобразительный (ономотопеический) ... характер, объединяются на общей основе своей прототипической когнитивной интеракциональной природы... в один онтологический и функциональный класс интеръективных интеракционально-эмотивных форм» [2, с. 7]. Напротив, З. А. Петкова указывает все основания для того, чтобы вывести ономотопеи из состава группы междометий. К ним автор относит специфическую семантическую функцию – воспроизведение звуков живых существ и окружающей среды в целом; звуковую мотивированность лексического значения (иконизм формы), меньшую привязанность к паралингвистическим средствам сопровождения – интонации, жестам и мимике; возможность являться членами предложения и значительно больший словообразовательный потенциал [3]. С одной стороны, список отличий достаточно велик, чтобы вывести данные единицы из состава интеръективных элементов. В то же

время, если принять во внимание предложенный Е. Кустовой прототипический критерий, то и первичные эмотивные, и звукоподражательные междометия несут на себе явный отпечаток первых следов «означивания» действительности. Если эмотивные возгласы представляли собой звуковое «портретирование» внутренних переживаний и имели во многом близкий к звукоизобразительному звукоименный характер, звукоподражания были направлены на внешнюю среду и представляли собой попытки звуковой иконизации отдельных наблюдаемых процессов. Т. е. с семиогенетической точки зрения имеются все основания для утверждений о том, что междометия и звукоподражания входят в один онтологический класс.

В рамках междометий, традиционно относящихся к первичным, также существует группа, которая по своим семантическим и интеракциональным параметрам во многом отличается от эмотивных и когнитивных междометий. Волитивные междометия, направленные на побуждение кого-либо к действию, не соответствуют выделяемой в качестве основной для интеръективов функции выражения внутреннего эмотивного состояния. Однако с прототипической точки зрения эта группа единиц также имеет все основания для того, чтобы претендовать на вхождение в единый вместе с эмотивными и звукоподражательными междометиями онтологический класс. *Тпру* и *Брысь*, *Тсс* и *Кис-Кис* и т. п. были, вероятно, первыми условными языковыми сигналами, которые человек изобрел, а затем конвенционализировал с целью использования в определенных коммуникативных ситуациях.

Наибольшее сомнение в связи с отнесением к разряду междометий вызывают так называемые «этикетные междометия». Во-первых, они не нацелены на спонтанное выражение текущих эмотивных состояний, во-вторых, они явно не относятся к тому онтологическому классу, который, по мнению Е. Кустовой, не только в диахронии, но и в синхронии, тяготеет к правополушарным способам отражения действительности [2]. В-третьих, даже такие короткие слова, как *да* и *нет*, не несут на себе признаков фонологической идеосинкразичности, и, как следствие, не могут быть отнесены к прототипическим знакам. Более поздний период их возникновения может быть обоснован и с другой точки зрения: ритуализированные ответные реплики могли появиться только уже в условиях развитой речевой деятельности. Несмотря на функционально-семантическую неоднородность данного класса, все входящие в него единицы либо выражают определенное отношение к дискурсивной реплике, либо реализуют ситуации этикетного взаимодействия, представляя собой перформативные речевые акты: *Здравствуйте!*, *Спасибо* и т. п.

Таким образом, ни один из подклассов языковых единиц, традиционно относимых к интеръективам, не удовлетворяет всем общим критериям. В этом случае остается либо признать наличие среди всей категории неких эталонных интеръективов и определить их периферию, либо попытаться все же найти общий знаменатель, который позволит подвести более основательный фундамент для единства данного «гетерогенного» класса.

Как известно, методология определения «лучших образцов» среди категорий была предложена американским ученым-когнитологом Э. Рош [4]. Несмотря на то, что предложенная ею методика определения «лучших» и «худших» образцов в рамках категории относилась к области «наивной» категоризации мира (птица, мебель, игрушка и т. п.), можно с известной долей вероятности предположить, что и в «искусственно созданных» учебными категориями должны присутствовать центр и периферия, «лучшие» и «худшие» образцы. Проведенное нами среди студентов филологической специализации анкетирование продемонстрировало, что «лучшими примерами» в группе интеръективов являются первичные эмотивные междометия [5]. Полученный результат в полной мере согласуется с тем, что в подавляющем большинстве работ по установлению неких общих для интеръективов параметров эксплицитно или имплицитно рассматриваются именно эмотивные междометия. Так, например, говоря об омнисемантической междометии, ученые явно имеют в виду эмотивные и в меньшей степени когнитивные междометия, поскольку волитивные, этикетные или звукоподражательные междометия имеют строго ограниченную референцию. Сложно себе представить, чтобы человек, подзывая к себе кошку звуком *кис-кис*, запускал в мозг животного процесс когнитивной обработки в терминах теории релевантности Д. Шпербер — Д. Уилсон [6]. Разрабатывая инвентарь волитивных междометий, человек стремился установить однозначное соответствие между кратким звуковым сигналом и тем перлокутивным эффектом, который он должен был произвести. Таким образом, зачастую работы, претендующие на обобщенное представление междометий, несмотря на указание о некорректности генерализаций в связи с гетерогенностью исследуемого класса, апеллируют именно к первичным эмотивным междометиям.

Ответ на вопрос о том, можно ли найти общий для всех подклассов интеръективной категории критерий, следует искать в направлении того, что же исключает все эти единицы из традиционных частеречных категорий. Очевидно, что таким исключительным параметром является область референции, всеми признанное отсутствие у междометий денотативной семантики. Если мы не будем привязываться к довлеющей над интерпретацией всех междометий функции «эталонных» эмотивных единиц, выражающих внутренние переживания, то в качестве референциально объединяющего все подклассы интеръективов вынуждены будем указать критерий *отношения*, выражаемого говорящим к различным объектам или дискурсивным репликам.

Так, эмотивные междометия (первичные и вторичные) выражают эмотивное отношение (к объекту импрессии или к пропозициональному содержанию), что выражается в формуле «Я чувствую». Предложенное Т. Уортоном разграничение области референции эмотивных междометий в зависимости от того, прикреплено ли к междометию некое пропозициональное содержание, представляется мало убедительным. По его мнению, в случае отсутствия пропозициональной привязки междометие уже не может выражать пропозиционального

отношения или эмоции, а объективирует некое внутреннее ощущение [7, с. 190]. Если кто-то произносит *Wow! You are here!*, слушающий в состоянии достроить высокоуровневую экспликатуру посредством синтаксической вставки: *The speaker is delighted that I am here.* В том же случае, если кто-то произносит просто *Wow!* или *Wow! This ice cream is delicious*, то, по мнению Уортона, высказывание такого типа не приводит к конструированию экспликатуры *The speaker is delighted that ice cream is delicious.* В данном случае говорящий выражает свое отношение не к пропозиции, а, скорее, объективирует свои ощущения, вызванные объектом перцепции.

Не подвергая здесь критике данное разграничение, отметим то главное, что в нем содержится для обоснования выдвинутого нами общего для всех групп междометий критерия референции «отношения». Комментируя высказывания типа *Wow! This ice cream is delicious*, Уортон поясняет: «Вместо этого, отношение выражается к объекту восприятия, а не к пропозиции» [7, с. 190]. И в том, и в другом случае, речь идет о выражении отношения, и как бы не описывалась разница в процессе восприятия междометия слушающим, областью его референции остается именно «отношение», независимо от того, представляет ли оно собой эмоцию, или же только чувство и ощущение.

Область референции когнитивных интеръективов также составляет отношение, определяемое говорящим к некоей пропозиции по формуле «Я понимаю, я знаю». Получая некую информацию, слушатель соотносит ее со своими знаниями и представлениями. Это отношение может выражаться в форме сомнения (*зм...*), в форме узнавания, догадки или указания на достижение положительного результата процесса осмысления (*аа...*) и т. п.

Несколько иначе выглядит референция волеизъявительных междометий, которые не выражают, но устанавливают характер отношений с адресатом согласно формуле «Я хочу, чтобы ты это сделал». С помощью сигналов такого рода говорящий выражает свое отношение к тому, что он хочет изменить в текущей ситуации. Причем спектр ожидаемых от адресата действий во всех языках достаточно ограничен: это междометия, призывающие начать движение (*айда*), закончить движение (*мпр*), приблизиться (*цып-цып*), отодвинуться или покинуть помещение (*брысь*) или замолчать (*мсс*) и некоторые другие.

Схожая референциальная основа характерна и для этикетных междометий, которые в перформативной форме выражают отношение к дискурсивной реплике: *Да* – «Я соглашаюсь», *Нет* – «Я отказываюсь», *Спасибо* – «Я благодарю» и т. п. Данные этикетные формулы, которые, безусловно, относятся к периферии интеръективного класса, также не имеют денотативного содержания. Они представляют собой принятые в обществе формулы регулирования отношений между участниками дискурса.

Если мы примем в качестве основного параметра, объединяющего все междометия, референцию «отношения» говорящего – к объекту, к пропозиции (информации), к ситуации, то придем к выводу о том, что в данную группу не вписываются только ономапоии. Как бы-

ло указано выше, звукоподражания денотируют действительность иконическим образом, но не выражают к ней отношения. В то же время все остальные подклассы формируют единую группу, которая демонстрирует, что процесс ословливания мира происходил в двух основных направлениях: денотации и прагматизации. Слова, относящиеся к знаменательным частям речи, можно отнести к общему классу семантем, все интеръективные единицы – к классу прагмем. Семантемы имеют денотативную референцию и кодируют концепты, прагмемы – кодируют отношение интерпретанта к концептам (объектам), пропозициям или ситуациям. Заметим, что данные термины уже существуют как в русском, так и в английском языкознании, однако не получили единого толкования и являются на сегодняшний день мало востребованными. Термин «прагмеме» ввел Дж. Л. Мей (Jacob Louis Mey), в настоящее время данный термин используется в основном в значении «речевого акта». Пришедший из французского термин *semanteme* употребляется в большинстве случаев для обозначения лингвистического элемента, выражающего понятие. В связи с этим их использование с целью разграничения двух основных типов лингвистических элементов – тех, что кодируют понятия или концепты (семантемы), и тех, что кодируют отношение (прагмемы), представляется нам обоснованным и рациональным.

Учитывая прототипический характер эмотивных междометий, можно с достаточной дозой уверенности предположить, что разграничение между прагматикой и семантикой обусловлено семиогенетически. Способность к психо-физиологическим реакциям обусловила потребность в экстерииоризации внутренних ощущений, которые на ранней стадии глоттогенеза были часто не дифференцированными ни внешне (фонетически), ни внутренне (содержательно). Омнисемантичность междометий есть следствием их прототипической диффузности, когда потребность в экстерииоризации различных внутренних чувств объективировалась в каком-либо одном, еще слабо дифференцированном звуке.

Если принять разграничение всех языковых единиц на семантемы и прагмемы по принципу дифференцированной референции, то в таком случае мы можем получить ответ на вечный вопрос: что выражают междометия? Т. Уортон подверг критике сторонников концептуального содержания междометий и предложил в качестве альтернативы рассматривать их в рамках теории релевантности Д. Шпербер и Д. Уилсон. При таком подходе интеръективы рассматриваются как единицы, содержащие процедуральное значение, которое запускает inferentialный процесс конструирования высокоуровневой экспликатуры. Подобный подход вряд ли способен пролить свет на то, какая внутренняя структура характерна для интеръективов. Действительно, если мы хотим описать внутреннее содержание чего-либо, мы должны непосредственно заниматься его изучением, а не теми когнитивными процессами, которые сопровождают его осмысление. Более того, наложение на исследование интеръективов процедуральной схемы содержит в своей основе явный логический парадокс. Доминирующей фи-

гурой в этом описании становится слушающий, в то время как произносящий вовсе не намеревается выразить свои эмоции или ощущения, а лишь стремится своим междометным восклицанием дать некие намеки, или сузить тот спектр возможных умозаключений, по которому должен пойти процесс выведения конкретного значения адресатом. Однако в отличие от анализируемых в работе примеров *so* и *after all*, междометия не выполняют функций операторов процесса когнитивного осмысления слушающим. Напротив, они портретируют внутренние переживания говорящего, и отнюдь не всегда требуют присутствия слушающего. В связи с этим описание эмотивных междометий в терминах теории релевантности не соответствует их функциональной направленности на эмотивное состояние самого говорящего, и, по сути, не предлагает никакой альтернативы для концептуальной или семантической теории междометия.

Разграничение всех языковых единиц по признаку референции на семантемы (денотативная или дескриптивная референция) и прагмемы (прагматическая референция или выражение отношения) дает ответ на вопрос о внутреннем содержании междометий. Выражение отношения предполагает наличие определенных поведен-

ческих моделей, с характерными для них сценариями или фреймами. Их можно выстраивать с помощью семантической декомпозиции на языке семантических примитивов [1], или с помощью компонентов симптоматической ситуации в терминах И. А. Шаронова [8].

Референцией отношения объясняется и повышенная семиоимплекативность междометий, соответствующая неоднозначности и градуальности отношения человека к действительности как проявления его сложной психофизиологической природы. Способ проявления отношения предполагает интенсивное присутствие паралингвистических средств сопровождения междометий – интонации, жестов, тембра и громкости голоса и т. п. Разделение языковых элементов на семантические и прагматические подтверждает также адекватность интерпретации интеръективов как речевых единиц. В таком случае перспектива их изучения в рамках теории речевых актов также приводит нас к возможности универсальной интерпретации единиц данного класса как иллокутивно вынужденных конвенциональных речевых актов, выражающих текущее отношение говорящего к объекту/субъекту воздействия, ситуации, либо дискурсивной реплике.

Литература

1. Вежицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М.: Наука, 1999. С. 611 – 647.
2. Кустова Е. Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракционные функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2010. 42 с.
3. Петкова З. А. Русские звукоподражательные слова в зеркале носителей болгарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 19 с.
4. Rosch N. E. Cognitive representation of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology*. 1975. 104(3). P. 192 – 233.
5. Шкапенко Т. М. К проблеме лингвистической категоризации междометий // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 7. № 2. С. 141 – 146.
6. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 212 – 233.
7. Wharton T. Interjections, language, and the 'showing/saying' continuum. *Pragmatics & Cognition*, vol. 11, no. 1, (2003): 39 – 91. doi: 10.1075/pc.11.1.04wha.
8. Шаронов И. А. О новом подходе к классификации эмоциональных междометий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006). М., 2006. С. 561 – 566.

ON THE PRAGMATIC ASPECT OF INTERJECTIONS STUDY

Tatiana M. Shkapenko^{1, @}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, 14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236041

@ tshkapenko@kantiana.ru

Received 06.09.2016.

Accepted 15.12.2016.

Keywords: interjections, primary and secondary interjections, emotive interjections, volitive/conative interjections, onomatopoeic interjections.

Abstract: The article contains a study of the most controversial problems in interjections theory – the criteria of classification and the issue of semantics of these specific linguistic elements. The paper argues that traditional parameters – prototypical, morphosyntactic, semantic and grammatical – are not relevant for all subclasses of interjections. The common claim about the meaning of interjections as signifying feelings or states of mind is too narrow and couldn't be referred to such categories as volitive (conative) and etiquette interjections. As new criterion common for all subclasses the attitudinal reference is suggested, which definitely separates this heterogeneous class from all other parts of speech with denotative or descriptive reference. To name these two main groups of linguistic signs the neosemantization of rarely used linguistic terms is offered: “pragmeme” (for interjections) and “semanteme” (for the linguistic signs with denotative meaning).

For citation: Shkapenko T. M. O pragmaticheskom podkhode k opisaniyu mezhdometii [On the Pragmatic Aspect of Interjections Study]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 217 – 221. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-217-221.

References

1. Wierzbicka A. Semantika mezhdometii [The semantics of interjections]. *Semanticheskie universalii i opisanie iazykov* [Semantic universals and language description]. Moscow: Nauka, 1999, 611 – 647.
2. Kustova E. Iu. *Frantsuzskoe mezhdometie: leksiko-grammaticheskie aspekty, semiogenez i interaktsional'nye funktsii*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The French interjection: lexical-grammatical aspects, semiogenez and interactional functions. Dr. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Voronezh, 2010, 42.
3. Petkova Z. A. *Russkie zvukopodrazhatel'nye slova v zerkale nositelei bolgarskogo iazyka*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Russian onomatopoeic words in the mirror of Bulgarian language speakers. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2011, 19.
4. Rosch H. E. Cognitive representation of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology*, 104(3) (1975): 192 – 233.
5. Shkapenko T. M. K probleme lingvisticheskoi kategorizatsii mezhdometii [On the aspect of linguistic categorization of interjections]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki = The News of Institutes of Higher Education. Series: Humanities*, 7, no. 2 (2016): 141 – 146.
6. Sperber D, Wilson D. Relevantnost' [Relevancy]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty iazyka* [The News of Foreign Linguistics. Iss. 23. Cognitive aspects of language]. Moscow: Progress, 1988, 212 – 233.
7. Wharton T. Interjections, language, and the 'showing/saying' continuum. *Pragmatics & Cognition*, 11, no. 1 (2003): 39 – 91. doi: 10.1075/pc.11.1.04wha
8. Sharonov I. A. O novom podkhode k klassifikatsii emotsional'nykh mezhdometii [About new approach to classification of emotive interjections]. *Komp'yuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2006»* [Computer linguistics and intellectual technologies: Proc. Int. Conf. «Dialog 2006»]. Moscow, 2006, 561 – 566.

УДК 81

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОСТЬ И ФАКТИВНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЙ С СОЮЗАМИ *ДА*, *ШТО* И *ЧЕ* В СЕРБСКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУБЪЮНКТИВНОСТИ

Александра А. Янич^{1, @}

¹ Философский факультет Университета в Нише, Республика Сербия, 18000, г. Ниш, ул. Кирилла и Мефодия, 2
@ aleksandra.janic@filfak.ni.ac.rs

Поступила в редакцию 06.09.2016.
Принята к печати 02.11.2016.

Ключевые слова: *да*, *што*, *че*, пропозициональность, фактивность, синтаксический субъективизм.

Аннотация: Предметом данной работы является синтаксический и семантический характер отношений сербских союзов *да* и *што*, болгарских *да* и *че*, и их специфичность / неспецифичность в выражении фактивности и пропозициональности. Рассматриваются особенности функционирования данных союзов в контексте и их связь с субъективной семантикой, отношение к реальному миру или множеству возможных миров. Пропозиционально-фактивный анализ показал, что в болгарском языке *да*-дополнение характеризуются только сильной субъективностью, в то время как в сербском языке с помощью *да*-дополнений выражается и сильная, и слабая субъективность. Союз *да* в сербском языке по сравнению с болгарским используется более широко, при этом в обоих языках он маркирует субъективный контекст. Болгарское *да* сильнее сербского, а сербское *што* сильнее болгарского *че*. Соответственно, сербское *да* и болгарское *че* являются неспецифичными союзами: они могут быть и пропозициональными, и фактивными. Специфичными являются болгарское *да* (пропозициональное) и сербское *што* (в основном фактивное).

Для цитирования: Янич А. А. Пропозициональность и фактивность выражений с союзами *да*, *што* и *че* в сербском и болгарском языках с точки зрения субъективности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 222 – 231. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-222-231.

Настоящая работа посвящена исследованию пропозициональности и фактивности, выраженных с помощью сербских союзов *да* и *што*, болгарских *да* и *че*, а также соотношения указанных союзов. Семантика предложений с упомянутыми комплементаторами рассматривается в контексте субъективности, а также в отношении к реальному и потенциальным мирам, с учетом уже известных исследований по теме [1 – 3]. Анализ материала позволил автору сделать ряд новых выводов.

Приведем определение комплементатора, которым Ясмينا Московлевич пользуется в начале своей работы [4, с. 57]: «Понятием комплементатор обозначаются только те грамматические элементы, с помощью которых к главному предложению присоединяется соответствующая (подчиненная) клауза, или соответствующая дополнительная нефинитная глагольная конструкция» (*выделено автором – А. Я.*). Уэльс Браун определяет комплементатор следующим образом: «все, что служит для присоединения дополнительного предложения, будь то союз или другое средство, служащее для присоединения такой подчиненной конструкции, как инфинитив (более точно: инфинитивное продолжение)» [5, с. 146].

Фундаментальным исследованием в области фактивности является работа Кипарских «Fact» [6]. Вопросами выражения фактивности в сербском (сербохорватском) языке занимаются Милка Ивич [7], Уэльс Браун [5], Мидхат Риджанович [8], Димка Сааведра [9 – 11], Ясмينا Московлевич [4].

В настоящей работе мы опираемся на следующие исследования, проведенные на материале сербского языка. Прежде всего это статья Уэльса Брауна [5], в которой

автор, рассматривая отдельные случаи синтаксической синонимии придаточных предложений, выражающих отношения дополнения, особо выделяет союзы *да* и *што* как ведущие способы соединения клауз. Кроме того, исследователь затрагивает и вопросы глагольного времени, использующегося в указанных типах предложений. Работа Мидхата Риджановича [8], посвященная трансформационному анализу фактивности как семантико-синтаксической категории, представляет значительный интерес в связи с выделением семи базовых правил синтаксического проявления фактивности в сербскохорватском языке. В трудах Димки Саавендры рассматриваются вопросы семантического моделирования фактивности [9], соотношения факта и дискурса [10], исследуется семантическая структура некоторых глаголов сербскохорватского языка с точки зрения фактивности [11].

Комплементарные клаузы (сослагательное наклонение) в сербском языке подробно изучены в работах В. Ружич [12 – 14] и М. Стеванович [15]. В своей работе по распределению комплементаторов в современном сербском языке Ясмينا Московлевич [4] выделяет десять подклассов переходных глаголов в зависимости от комплементаторов (и их комбинаций), с помощью которых осуществляется управление сентенциальными актантами (*да*, *што*, *како*, *да ли*, *ко*, *кад*, *за што*, *где*, или же речь идет о их комбинации), а также анализирует лексико-синтаксические и семантические факторы их распределения.

Зависимыми предложениями с союзами *м(ј)есто да/што*, *ум(ј)есто да/што* и *нам(ј)есто да/што*, выражающими значение предвидения, занимался Милош Ковачевич [16].

На материале болгарского языка исследование предложений данного типа проводится в работе Илияны Краповой [17]. Автор рассматривает придаточные дополнительные предложения с субъюнктивным значением, присоединяемые к главному с помощью союза *да*. Больше о сербских и болгарских субъюнктивных дополнений можно посмотреть и в некоторых более ранних исследованиях автора данной статьи [18 – 20]. Сопоставлением сербских конструкций *као да*, *као што* и их венгерских эквивалентов занималась Елена Редли [21].

Структура настоящей работы следующая: во втором разделе определяются понятия «фактивность» и «пропозициональность», в качестве иллюстрации приводим несколько предложений на сербском языке. Следующий раздел посвящен синтаксическим и семантическим характеристикам сербского комплементатора *да* и болгарских *да* и *че*; рассматривается их в связи с субъюнктивным значением. В четвертом разделе все четыре комплементатора (сербские *да* и *што*, болгарские *да* и *че*) сравниваем на уровне предложения и определяем их связь с реальным миром и набором потенциальных миров. В пятом разделе представлены выводы работы.

О понятиях *фактивность* и *пропозициональность*.

Рассмотрим ключевые понятия настоящей работы и проиллюстрируем их примерами, принадлежащими разговорному и художественному стилям.

По словам Дэвида Кристала [22], *фактивность* присуща «глаголу, к которому присоединяется дополнительное предложение, когда говорящий предполагает истинность суждений, выраженных в данном предложении» (s. v. *фактивный*). Таким образом, понятие фактивности предполагает, что то или иное действие имеет место в реальном мире (см. примеры 1, 2, 3).

- (1) Чудно је што је Милан дошао.
- (1) Странно, что Милан пришел.
- (2) Срамота је што је певао.
- (2) Стыдно, что он пел.
- (3) Жали што су сви отишли.
- (3) Он жалеет, что все ушли.

Понятие *пропозициональность* не предполагает, что то или иное действие имеет место в реальном мире, оно может принадлежать определенному набору возможных миров (см. примеры 4, 5, 6). Это понятие, трактуемое нами в духе Кипарских [6], охватывает и термины, которые использует Дэвид Кристал: *нефактивное* и *контрафактивное*. Нефактивными, по мнению Кристала [22], являются такие конструкции, которые «не обязывают говорящего к истинности суждений, выраженных в дополнительном предложении, например *веровати*, *мислити* [рус.: верить, мыслить]» (s. v. *фактивный*). С другой стороны, контрафактивные конструкции, как пишет автор, «предполагают неистинность суждений, выраженных в дополнительном предложении, например *желети* [рус.: хотеть, желать]» (s. v. *фактивный*).

- (4) *Петар_i жели да про_{i/j} Јован оде у Париз.*
- (4) Петар хочет, чтобы Йован уехал в Париж.
- (5) *Иван покушава да се PRO_{i/*j} попне на планински врх Миџор.*
- (5) Иван пытается подняться на горную вершину Миджор.
- (6) *Лука мора да PRO_{i/*j} оде код зубара.*
- (6) Лука должен идти к врачу.

В примерах (4) – (6) мы указываем и на пустые категории PRO и *рго*, так же как и в ряде других случаев, когда, по нашему мнению, это имеет значение. Первая упомянутая пустая категория всегда является анафоричной по отношению к подлежащему управляющего глагола, в то время как другая может быть в такой роли, но это необязательно. Референциальное тождество обозначаем теми же словами в индексе, а грамматическую неправильность звездочкой.

Ясмина Московлевич [4, с. 58] выстраивает оппозицию комплементаторов *што* и *да* с выражением фактивности и нефактивности на примерах (7) и (8).

(7) *Иван се боји да по цео дан ради на сунцу.*

(7) Иван боится весь день работать на солнце.

(8) *Иван се боји што по цео дан ради на сунцу.*

(8) Иван боится, потому что весь день работает на солнце.

Исследователь пишет, что в примере (7) глагол *бојати се* (рус. бояться) является нефактивным, в то время как в примере (8), в котором используется *што*, этот же глагол фактивный.

Принимая во внимание данное положение в настоящей работе мы однако не будем различать один и тот же глагол как фактивный или нефактивный, а будем рассматривать предложения в фактивном и пропозициональном (нефактивном) контексте. В подобных случаях, когда появляется пара предложений с оппозицией *да* – *што*, мы будем связывать фактивность с союзом *што*, так как он является более специфичным для сербского языка.

Сербское *да* и болгарское *че/да*.

Уэльс Браун [5] подразделяет сербский комплементатор *да* на *да1* и *да2* с точки зрения глагольного времени и семантики придаточных предложений, вводимых с их помощью.

Первое *да*, по Брауну, является более близким комплементатору *што* с точки зрения их функционирования в предложении. Автор считает, что они в определенной степени синонимичны. С другой стороны, второе *да* тесно связано с инфинитивом (речь идет не только о *да*-дополнении, которое может быть заменено инфинитивом, но и о «конгруэнтном форме», то есть, когда на первый план выходит обвигативность, разнообразие субъектов). И один, и другой сербско-хорватский комплементаторы выражают действие не как действие, реализованное в течение определенного периода времени, а как действие воображаемое, желательное или нежелательное и т. п.» [5, с. 48].

Но в том случае, когда в одном и том же предложении возникает оппозиция союзов *да-што*, на самом деле появляется противопоставление пропозициональность-фактивность. В этом случае *да* не может быть использовано как синоним *што* (то, которое Браун называет *да1*). В связи с этим мы будем говорить только об одном комплементаторе – *да* и не будем подразделять его на *да1* и *да2*, как это делает У. Браун.

Ясмина Московлевич [4], анализируя предикаты эмоционального состояния, также не различает комплементаторы *да1* и *да2* и пишет только об одном *да*, поэтому она рассматривает в одном ряду и глаголы типа *смети* (рус. осмелиться) (*сме да PRO уради, сме PRO урадити*, рус. осмелиться сделать), которые исключительно

требуют дополнения PRO типа, и глаголы типа *мислити*, требующие дополнение про типа (*мисли да про уради*, *мисли да ће про урадити*, *мисли да ћу про урадити*, рус. он думает сделать, он думает, что сделает, он думает, что я сделаю).

Из группы фактивных глаголов выделяем: *жалити* (се), *запањити* (се), *зачудити* (се), *изненадити* (се), *сметати*, *узнемирити* (се) и т. д. (рус. жалеть/жаловаться, удивлять/удивляться, задавать(ся) (вопросом), мешать/мешаться, расстраивать/расстраиваться). Более полный список фактивных глаголов, которые в сербском языке могут иметь в качестве комплементатора только *што* приводит Ясмина Московлевич [4, с. 60]: *дивити се*, *поштовати*, *презирати*, *ценити*, а также и *да* и *што* [4, с. 61]: *бринути* (се), *дирнути*, *избезумити*, *изненадити*, *изнервирати*, *импресионирати*, *љутити*, *обожаваати*, *одушевити*, *огорчити*, *ометати*, *охрабрити*, *плашити*, *погодити*, *поколебати*, *постидети*, *потрести*, *почастововати*, *препасти*, *радовати се*, *разбеснети*, *развеселити*, *разљутити*, *разочарати*, *распаметити*, *распакати*, *растужити*, *смирити*, *спутати*, *фасцинирати*, *шокирати* и т. д. В языках с морфологически маркированным индикативом и субъонктивом наблюдается близость приведенных фактивных глаголов с индикативом, так как существует пресуппозиция, что действие, выраженное дополнением, произошло на самом деле. С другой стороны, эти глаголы связаны и с субъонктивом, если в предложении выражается отношение говорящего (в том числе эмоциональное) к ситуации или его реакция на ситуацию. Предпосылка, что действие выраженное в предложении с союзом *да*, выполнено, связывается только с настоящим и прошедшим временем перечисленных глаголов. Проиллюстрируем это примерами на сербском (8 – 11) и болгарском (12 – 15) языках.

(8) Сећам се да сам гледала представу „Швабица“, #а нисам.

(8) Я помню, что смотрела пьесу «Швабка», #но не смотрела.

(9) Сетила сам се да сам гледала представу „Швабица“, #а нисам.

(9) Я вспомнила, что смотрела пьесу „Швабка“, #но не смотрела.

(10) Сети се да некад одгледаш представу „Швабица“ пошто ниси до сада.

(10) Не забудь когда-нибудь посмотреть пьесу „Швабка“, так как до сих пор ты ее не видел.

(11) Сетићу се да погледам представу „Швабица“ пошто нисам до сада.

(11) Я не забуду посмотреть пьесу „Швабка“, так как до сих пор ее не видел.

(12) Спомња си, че съм гледала представление „Швабица“, #а не съм.

(13) Спомних си, че съм гледала представление „Швабица“, #а не съм.

(14) Сети се някога да гледаш представление „Швабица“, защото досега не си го гледала.

(15) Ще се сетя да видя представление „Швабица“, защото досега не съм.

Обращаем внимание на то, что глагол *сећати се* / *сетити се* в примерах типа (8), (9) означает „помнить“, в то время как глагол *сетити се* в примерах (10), (11) имеет значение „осознавать, что что-то должно быть сде-

лано“ (ср. рус. помнить – вспомнить). Глагол *сетити се* во втором значении специфичен именно тем, что (по причине семантики) может быть использован в прошедшем времени с дополнением в будущем времени, и при этом предпосылка, что действие выполнено, отсутствует (16).

(16) *Пре две недеље су се сетили да ће одгледати ту представу, али нису до сада.*

(16) Две недели тому назад они вспомнили, что должны посмотреть эту пьесу, но до сих пор этого не сделали.

В языках с морфологически выраженными индикативом и субъонктивом индикативное и субъонктивное значение могут возникать как дополнение к одному и тому же (слабо интенциональному) глаголу. И в языках с морфологически маркированным субъонктивом эта категория может иметь различные способы выражения и соответственно различную степень распространенности. Например итальянский язык имеет более широкое употребление субъонктива, чем французский. В некоторых языках, в которых даже слабая субъонктивность выражается морфологически, упомянутой разницы не будет. О сильной субъонктивности мы говорим в том случае, когда во всех языках с морфологически маркированным субъонктивом в соответствующих вариантах используется субъонктивная, а не индикативная форма. В тех случаях, когда в рассматриваемых примерах обнаруживается возможность использования индикативной формы в одном или нескольких языках, мы говорим о слабой субъонктивности. К этим языкам близок сербский, в котором сильная и слабая субъонктивность может быть выражена одним и тем же способом (но только на синтаксическом уровне): *да*-дополнением. Точнее, само *да*-дополнение является носителем слабой субъонктивности, тогда как выражению сильной субъонктивности способствует глагол, использующийся в рамках этого дополнения (или управляющий глагол, или контекст всего предложения и т. п.). Это подтверждают примеры из сербского (17а) и болгарского (17б) языков. Так, с помощью субъонктивного *да*-дополнения, следующего после глаголов говорения, в косвенной речи, можно выразить повеление (сильное субъонктивное значение):

(17а) *pro* Кажe му_j да/*што про_jи дође сутра (уп. са: Дођи сутра!).

(17а) Он сказал ему, чтобы пришел завтра (ср. с: Приди завтра!).

(17б) *pro* Казва му_j про_jи да дойде утре (*че).

Выполнение повеления, выраженного субъонктивной *да*-кlausой, относится к будущему времени. По семантическим и прагматическим признакам такого типа высказываний ожидается, что повеление будет выполнено. Если в примере (17а) глагол совершенного вида *дођи* (рус. прийти) заменить глаголом несовершенного вида *долазити* (рус. приходить), субъонктивность будет ослаблена (18).

(18) *pro* Кажe му да/*што про_jи долази сутра.

(18) Он сказал ему, что придет завтра.

Таким образом, в сербском языке *да*-дополнение к глаголу *казати* (рус. сказать, говорить) может иметь слабое субъонктивное значение (18, 19а), когда им не выражается повеление. Сильное субъонктивное значение в конструкциях с союзом *што* являются непра-

вильными с точки зрения грамматики (см. 17а). То же наблюдаем и в подобных конструкциях с болгарским *че*. С другой стороны, слабая субъюнктивность в сербском достигается и с помощью союза *што*, как в примере (18), но такие конструкции являются неблагозвучными. В болгарском языке в обоих случаях используется исключительно *че*-клауза (19б), обладающая, как и сербское *што*, слабой субъюнктивной семантикой.

(19а) *Дакле, он, тај Жак Липшиц, каже да је Модилиани изгледао врло, врло лепо* [23, с. 74; 24].

(19) Значит он, этот Жак Липшиц, говорит, что Модилиани выглядел очень и очень красиво.

(19б) *Значи, този Жак Липшиц казва, че Модилиани изгледал много, много добре* [23, с. 71].

В отличие от сербского языка, в котором в рассмотренных примерах с глаголом *казати* в обоих случаях был использован союз *да*, в болгарском языке субъюнктивность может быть маркирована как союзом *да*, так и союзом *че* [17]. С другой стороны, болгарское *да* имеет более узкое употребление, чем сербское *да*: оно используется для выражения сильного субъюнктивного значения в конструкциях косвенного повеления (17б), а также при модальных (20) и фазисных глаголах (22). Сопоставление болгарских примеров и их сербских эквивалентов позволяет сделать следующий вывод: болгарскому *да* всегда соответствует сербское *да*, тогда как сербское *да* не всегда соответствует болгарскому *да* (об отношении сербских союзов *да*, *как* и македонских *да*, *дека*, *оти* в контексте введения изъявительных предложений см. работу В. Ружич и Ж. Бошнякович [25]).

(20) *Трябва да погледна/гледам филма.*

(21) *Треба да погледам/гледам филм.*

(20/21) Я должен посмотреть/смотреть фильм.

(22) *Сърбия започна да регистрира кирилични .срб домени.*

(23) *Србија је започела да региструје ћириличне .срб домени.*

(22/23) Сербия начала регистрировать кириллические .срб домены.

Оппозиция фактивное-пропозициональное и субъюнктивность в предложениях с союзами *да*, *што* и *че*.

Глаголы убеждения с комплементаторами

По своим синтаксическо-семантическим характеристикам глагол *надати се/надеявам се* (рус. надеяться) близок к глаголам *желети*, *хтети* / *искам* (рус. желать, хотеть). Такие глаголы убеждения, как *надеявам се* (*надати се*, рус. надеяться), *мисля* (*мислити*, рус. мыслить), *предполагам* (*претпостављати*, рус. предполагать), *вярвам* (*веровати*, рус. верить) в болгарском языке могут иметь *да* или *че* дополнение (24, 26), в отличие от глагола *искам*., использующегося лишь с союзом *да*. В сербском же языке все эти глаголы могут иметь только *да*-дополнение, как в примерах (25) и (27). Ясмина Московлевич [4, с. 60] перечисляет глаголы, которые в сербском языке могут стоять только с комплементатором *да*: *апеловати*, *доспети*, *дрзнути се*, *известити се*, *канити*, *мислити*, *молити*, *надати се*, *нагнати (се)*, *наредити*, *настојати*, *натерати (се)*, *наумити*, *негирати*, *обичавати*, *одажбити се*, *одлучити (се)*, *оклевати*, *осмелити се*, *охрабрити (се)*, *планирати*, *покушавати*, *порицати*, *предложити*, *преклињати*, *присилјавати (се)*, *чезнути*

и т. д. Этот список мы дополняем такими глаголами, как *веровати*, *тврдити*, *сматрати*.

(24) *Надеявање се, че „Трамунтана“ веројатно е от другата страна на носа, към който плуваше* [26, с. 9]. (Для наглядности выделяем подчеркиванием управляющий глагол и комплементатор).

(25) *Надао се да/*што је „Трамунтана“ веројатно са друге стране рта према коме је пливао* [27, с. 16].

(24/25) Он надеялся, что «Трамунтана», вероятно, находится с другой стороны хребта, в сторону которого он плывал.

(26) *Всяка събота влизаше в залата на Физкултурния дом, надавайки се да я завари там* [26, с. 176].

(27) *Улазио је суботом у дворану Фискултурног дома, надајући се да/*што ће је тамо затећи* [27, с. 183].

(26/27) Каждую субботу он входил в зал физкультурного дома, надеясь, что там встретится с ней.

В работе Илияны Краповой [29, с. 88], посвященной исследованию субъюнктива в болгарском языке, обнаруживаются примеры использования глагола прошедшего времени в структуре *да*-дополнения (28) и *че*-дополнения (29), зависимых от глагола *надея се*.

(28) *Иван се надява Петър да е заминал вече.*

(29) *Иван се надява че Петър е заминал вече.*

(28/29) Иван надеется, что Петр запомнил вечер.

Различие данных предложений заключается, по мнению Краповой, в том, если в первом случае (28) выражается уверенность говорящего в реализации того, о чем говорится в дополнении, то во втором (29) – устанавливается истинность и фактивность этого дополнения.

В сербском языке в конструкциях с пропозициональными глаголами *сматрати*, *веровати*, *тврдити* дополнение может присоединяться только с помощью союза *да* (примеры 30 – 34).

(30) *Ако сам добро разумео – рече агент – ви сматрате да/*што је та слика толико важна да се због ње мора пловати чак у... [28, с. 8].*

(30) «Если я вас правильно понял, – сказал агент, – вы считаете, что это картина настолько важна, что ради нее надо ехать даже в...».

(31) *Одгојен као дечак у Швајцарској, а после школован по енглеским колеџима, сматрао је „да/*што заслужује бољи народ!“ [28, с. 86].*

(31) Его вырастили в Швейцарии, потом он учился в английских колледжах, и он считал, что заслуживает лучший народ!

(32) *...сматрао је да/*што му старица поклања своје време због тога што нема сама ништа паметније да учини са њим [27, с. 86].*

(32) ...он считал, что старуха уделяет ему свое время по той причине, что она сама не может ничего более умного сделать с ним.

(33) *Мима тврди да/*што ће постати изврстан једриличар! [23, с. 114].*

(33) Мима утверждает, что станет отличным яхтсменом!

(34) *Верујем да/*што је тај завежљај са каменом у средини још тамо, прекривен речним муљем [23, с. 255 – 256].*

(34) Я верю, что этот пакетик с камнем в середине все-еще находится там, накрытый речными наносами.

Сербский глагол *сећати се* / *сетити се* (рус. помнить, вспомнить) с комплементаторами и болгарские эквиваленты таких конструкций

Субьюнктивное значение в языках с морфологическим субьюнктивом может передаваться в конструкциях с отрицанием (35а) и в вопросительных предложениях (35б) (тесно связано с отрицанием, и вопросительной формой предложения. В целях подтверждения этой мысли и на синтаксическом уровне, мы приводим примеры (35а) и (35б), содержащие глагол *сећати се* (рус. помнить).

(35а) *Не сећа се да је гледао филм „Да Винчијев код“.*

(35) Он не помнит, смотрел ли фильм „Код Да Винчи“.

(35б) *Да ли се сећа да је гледао филм „Да Винчијев код“?*

(35б) Помнит ли он, что смотрел фильм „Код Да Винчи“?

Как видно, в примере (35б) и других предложениях подобного типа имплицитно выражено, с одной стороны, то, что говорящему неизвестно, реализовано ли действие в актуальном мире, с другой – то, что это действие не произошло. Специфичность конструкций типа (35а) и (35б) заключается в том, что они отрицают / теряют пресуппозицию глагола, тем не менее это не означает, что то или иное действие не осуществилось. (возникает слабая импликация, что говорящему неизвестно реализовано ли действие в актуальном мире, а также и слабая импликация, что определенное действие не произошло). Такие примеры, как (35а) и (35б) специфичны в том, что такие контексты (отрицание, вопрос) отрицают пресуппозицию глагола, что что-то случилось, но это не значит что они предполагают, что что-то не произошло, а просто теряют пресуппозицию.

Как показывают наблюдения о функционировании глагола *сећати се* / *спомня* (рус. помнить) в конструкциях с субьюнктивным дополнением с точки зрения фактивности и пропозициональности, данный глагол, кроме основного значения (примеры 36 – 38), может выражать и нефактивное значение («имати свест о плану за извршење неке радње», рус. «иметь план или знать о необходимости проведения какого-то действия»), сохраняя однако пропозициональность – действие может произойти в будущем (39а, 39б) В первом случае речь идет о субьюнктиве типа *pro*, так как при таком употреблении субъект основного глагола и субъект *да*-дополнения могут не совпадать (*он-она, она – нека друга особа женског пола, они-она, њени пријатељи – Ана* и сл.). Во втором случае речь идет о субьюнктивном дополнении типа *PRO*. (в свете субьюнктивных дополнений, фактивности и пропозициональности, мы замечаем что глагол *сећати се* в будущем времени может быть использован с основным значением (36 – 38), но глагол *сећати се/спомня* может иметь и значение, которое не включает фактивность («имати свест о плану за извршење неке радње», рус. «осознать план или необходимость проведения какого-то действия»), а пропозициональность – так как он относится к действию, которое может произойти только в будущем (39а, 39б). В первом случае речь идет о субьюнктиве типа *pro*, так как при таком употреблении субъект *да*-дополнения не обязательно должен быть таким же, как тот, использующийся с глаголом *сетити се*

(*она-она, он-она, она – нека друга особа женског пола, они-она, њени пријатељи – Ана* и сл.; рус. *она-она, он-она, она – какая-то другая личность женского пола, они-она, ее друзья – Ана* и т. п.). В другом случае речь идет о субьюнктивном дополнении типа *PRO*.

(36) *Каd pro_i види фотографију, pro_i сетиће се да pro_{ij} је тада носила дугу белу јакну.*

(36) Когда увидит фотографию, он вспомнит, что она тогда носила длинную белую куртку.

(37) *Каd pro_i буду видели фотографију, pro_i сетиће се да је pro_i носила белу јакну током екскурзије на коју смо ишли заједно.*

(37) Когда увидят фотографию, они вспомнят, что она носила белую куртку во время экскурсии, на которую мы ездили вместе.

(38) *Каd [њени пријатељи]_i буду видели фотографију, pro_i сетиће се да је Ана носила белу јакну током екскурзије на коју су ишли заједно.*

(38) Когда [ее друзья] увидят фотографию, они вспомнят, что Ана носила белую куртку во время экскурсии, на которую они вместе ездили.

(39а) *pro_i Сетићу се да PRO_i погледам филм „Да Винчијев код“.*

(39б) *pro_i Ще си спомња PRO_i да погледна филма „Код да Винчи“.*

(39а/39б) Я не забуду посмотреть фильм «Код Да Винчи».

В болгарском языке, в отличие от сербского, дополнения к фактивным глаголами типа *спомня* присоединяются не с помощью союза *да*, а с помощью союза *че*. Примеры (40) – (43) показывают, что такие предложения в болгарском языке характеризуются слабой субьюнктивной маркированностью.

(40) *Спомня си, че/*да баща ѝ гледал всички предизвикателно в очите* [29, с. 58].

(40) Она помнит что отец всех смотрел в глаза вызывающе.

(41) *Херцег си спомня, че/*да по време на войната имаше много мушмули и диви скоруши* [29, с. 92].

(41) Герцог помнит что в течение войны было много мушмол и рябин.

(42) *Добре си спомняше, че/*да тази отдавнашна среща се бе състояла на някакъв плаж* [29, с. 239].

(42) Он хорошо помнил что эта давняя встреча состоялась на каком-то пляже.

(43) *Жал му беше, че/*да е така безпомощна* [29, с. 40].

(43) Ему было жалко, что она так беспомощна.

Глаголы и выражения отношения говорящего и комплементаторы

Некоторые сербские предложения с глаголами, выражающими отношение говорящего к содержанию высказывания, типа *воleti*, *мрзети*, *жалити* / *бити жао* и т. п. (рус. любить, ненавидеть, жалеть и т. п.) допускают присоединение как *да*-дополнения, так и *што*-дополнения (позволяют дополнения двух видов: с союзом *да* и с союзом *што*). Таким образом, возможны следующие пары предложений (управляющий глагол дается в настоящем времени).

(44) *Воли да (по)гледа филм у биоскопу.*

(44) Он любит смотреть фильм в кинотеатре.

(45) Воли што гледа/*погледа_(презент) филм у биоскопу.

(45) Он любит, что смотрит (настоящее время) фильм в кинотеатре.

(46) Воли да има брата.

(47) Воли што има брата.

(46/47) Он любит, что у него есть брат.

(48) Мрзи да оде/иде на пијацу.

(48) Он ненавидит ходить на рынок.

(49) Мрзи што иде/*оде_(презент) на пијацу.

(49) Он ненавидит, что идет на рынок.

Данные пары предложений имеют как формальные, так и семантические отличия. Семантические отличия в них обусловлены принадлежностью содержания *да*-и *што*-дополнений множеству возможных миров или к реальному миру. Предложения с *да*-дополнением не указывают на то, что действие осуществилось, а только выражают отношение субъекта к этому действию, т. е. содержание данного типа предложений принадлежит множеству возможных миров. С другой стороны, *што*-кlausулы описывают действие как свершившийся факт, поэтому *што* в этих конструкциях может быть заменено выражением *чињеница да*. Ср. (50) – (51), (52) – (53), (54) – (55).

(50) Воли што гледа филм у биоскопу.

(50) Он любит, что смотрит фильм в кинотеатре.

(51) Воли чињеницу да гледа филм у биоскопу.

(51) Он любит тот факт, что смотрит фильм в кинотеатре.

(52) Воли што има брата.

(52) Он любит, что у него есть брат.

(53) Воли чињеницу да има брата.

(53) Он любит тот факт, что у него есть брат.

(54) Мрзи што иде на пијацу.

(54) Он ненавидит, что идет на рынок.

(55) Мрзи чињеницу да иде на пијацу.

(55) Он ненавидит тот факт, что идет на рынок.

Как показывают примеры, союз *што* является более специфичным в семантическом плане, вследствие чего он характеризуется более узким употреблением, чем союз *да*. Так, он не может быть использован с пропозициональными глаголами типа *мислити*, *смавати*, *сумњати* (рус. мыслить, считать, сомневаться), так как их семантика не обязательно предполагает пресуппозицию, что действие осуществилось или осуществится в реальном мире. В связи с тем, что союз *да* в сербском языке является семантически неспецифичным, для выражения значения фактивности необходимо его маркировать (сочетанием *чињеница да*, словарным контекстом и т. п.). Ср. примеры (56) и (57).

(56) Било му је жао што је тако беспомоћна и што је упропастила своју лепу свилену хаљину [27, с. 42].

(56) Ему было жаль, что она так беспомощна и что она испортила свое шелковое платье.

(57) Жалио је чињеницу да је она тако беспомоћна и да је упропастила своју лепу свилену хаљину.

(57) Он жалел о том факте, что она так беспомощна и что она испортила свое шелковое платье.

Предложение с союзом *да* (58), в отличие от того же предложения с союзом *што* (58а), не имеет пресуппозиции, что лицо женского пола, о котором идет речь, на самом деле является беспомощным. Дискурс этого предложения должен быть расширен предварительным

предположением о том, что она беспомощна, и только согласившись с этим предположением, субъект выражает свое отношение. Другими словами, в дискурсе должна присутствовать информация о том, что она беспомощна, субъект (*он*) при этом полностью не принимает эту информацию и выражает свое отношение только в том случае, если это правда.

(58) Било му је жао да је тако беспомоћна.

(58а) Било му је жао што је тако беспомоћна.

(58/58а) Ему было жаль, что она так беспомощна.

В результате наблюдений за функционированием *да*-и *што*-кlausулы, мы пришли к выводу о том, что союз *да* вводит (в сильной или слабой позиции) субъонктивные дополнения, в то время как klausулы *што* являются по своей семантике фактивными, т. е. слабо субъонктивными.

С помощью предложений с союзом *да* можно выразить и сожаление по поводу действия, которое совершится в будущем (в данном случае речь идет о времени глагола в дополнительном предложении в его отношении к управляющему глаголу). Так, глагол *будити* (рус. будить) в примерах (59) и (60), несмотря на то, что стоит в форме настоящего времени, выражает значение будущего.

(59) Било јој је жао да га буди [28, с. 67].

(59) Ей было жаль его будить.

(60) Беше њ жал да го буди [29, с. 59].

Данные предложения не содержат информации о том, что она на самом деле его разбудила, а только предполагают такую возможность (это была проминентная возможность), и могут быть закончены следующим образом: ...али га је ипак пробудила / ...но все пак го събуди (рус. ...но все-таки его разбудила); ...али ће га ипак пробудити / ...но все пак ће го събуди (рус. ...но все-таки его разбудит); ...па га зато није пробудила / ...и затова не го събуди (рус. ...и поэтому его не разбудила); ...па га зато неће пробудити / ...и затова нямаше да го събуди (рус. ...и поэтому его не разбудит). Значение предложений полностью изменится, если вместо *да* использовать союз *што/че*. В этом случае единственным их семантическим толкованием будет то, что она действительно его разбудила и жалеет по этому поводу (61, 62).

(61) Било јој је жао што га буди.

(62) Беше њ жал, че го буди.

(61/62) Ей было жаль, что она его будит.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование союза *да* в прямом смысле отменяет фактивность, заложенную в сказуемом (в данном случае в сказуемом *бити жао*).

В соответствии с этим союз *да* может использоваться, когда сказуемое главного предложения, выраженное фактивным глаголом, стоит в форме потенциала (возможностное наклонение), в результате чего целое предложение утрачивает фактивное значение. И в этом случае нельзя использовать фактивно специфичный союз *што*.

(63) Волео би да/*што гледа филм у биоскопу.

(63) Ему бы (по)нравилось (по)смотреть фильм в кинотеатре.

(64) Волео би да/*што има брата.

(64) Ему бы (по)нравилось, что у него есть брат.

(65) Мрзео би да/*што иде на пијацу.

(65) Он бы возненавидел, что идет / ходит на рынок.

Обсуждение

Рассмотрим графически соотношение сербских и болгарских союзов *да* / *што*, *да* / *че* (см. рис.).

Сербское *да* и болгарское *че* являются менее специфичными с точки зрения пропозиционального или фактивного значения предложений, в которых они используются. С другой стороны, *да* в болгарском языке оказывается пропозиционально специфичным, в то время как в сербском языке фактивно маркированным является *што*, особенно когда в качестве альтернативы в конкрет-

ном предложении выступает пропозициональное *да*. При всем этом в определенных случаях союз *што* можно использовать с такой модально маркированной глагольной формой, как потенциал, однако действие при этом принадлежит не реальному миру, а множеству возможных миров. Грамматическую особенность таких предложений объясняем тем, что дискурс только предполагает возможность осуществления действия и именно по отношению к этой возможности выражается конкретная позиция, как в примерах (66) и (67).

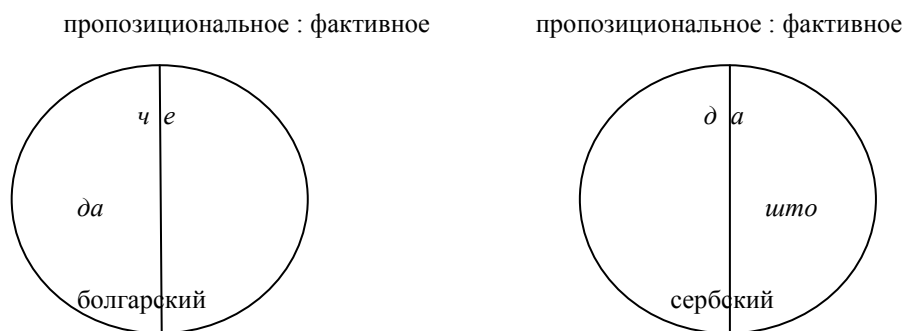

Рис. Соотношение *да*, *че* и *што* в сербском и болгарском языках
Fig. The relation between *da*, *če* and *što* in Serbian and Bulgarian

(66) Иван се боји што би (у том случају) по цео дан радио на сунцу.

(66) Иван боится потому, что (в таком случае) он бы весь день работал на солнце.

(67) Ивану је жао што би (у том случају) по цео дан радио на сунцу.

(67) Ивану жаль потому, что (в таком случае) он бы весь день работал под солнцем.

Следующий пример (68) также показывает, что союз *што* может быть связан с субъонктивным значением.

(68) Петар се изненадио што би Јован радије код куће слушао музику него [што би] отишао на концерт.

(68) Петр удивился, что Йован охотнее остался бы дома, чем пошел бы на концерт.

Если бы предложение (68) имело изъявительное значение, союз *што* не позволил бы использование глагола в форме потенциала (*би слушао*, *би отишао*, рус. слушал бы, ушел бы). Все операторы типа *што* характеризуются неоднозначностью, или структурной двусмысленностью. В частности, суждение о том, что что-то произошло или произойдет в будущем, может быть основано на реальном факте или может быть включенным в более широкий дискурс, и тогда это оно будет опираться на предшествующий контекст.

(69) Драго ми је што смо се срели.

(69) Мне приятно, что мы встретились.

(70) Драго ми је што ћемо се сутра срести.

(70) Мне приятно, что мы завтра встретимся.

Так, пример (69) позволяет установить, что собеседники уже встретились, в то время как пример (70) указывает на уверенность в том, что собеседники действительно завтра встретятся, но это основывается на предшествующем контексте. При этом оба предложения несут обозначение [+слабо субъонктивное].

Вывод

В настоящей работе мы показали природу сербских и болгарских союзов *да*, *че* и *што* с точки зрения их специфичности / неспецифичности в выражении фактивности и пропозициональности, а также и их отношение к субъонктивности в сербском языке (слабой и сильной). С учетом того, что выбор комплементатора напрямую зависит от семантики сказуемого главного предложения и всего контекста, мы всегда старались их рассматривать в контексте предложения. Мы пришли к выводу, что *да* в болгарском языке всегда пропозициональное: оно используется и в рамках дополнений модальными, фазовыми и директивными глаголами, и в других пропозициональных, сильно субъонктивных контекстах. С другой стороны, *да* в сербском языке может быть как пропозициональным, так и фактивным. Кроме дополнений модальными и фазовыми глаголами, сербский комплементатор *да* появляется и в предложениях с декларативными глаголами (с которыми в болгарском языке стоит союз *че*, и только в некоторых контекстах возможно пропозициональное *да*). Этим мы объясняем и частотность употребления союза *да*, *че* и *што*. В болгарском языке союз *че* появляется чаще, чем *да*, в сербском языке чаще встречается *да*, чем *што*.

С точки зрения пропозициональности и фактивности в болгарском языке *да*-дополнения характеризуются только сильной субъонктивностью, в то время как в сербском языке с помощью *да*-дополнений выражается и сильная и слабая субъонктивность. Это обуславливает тот факт, что конструкции с союзом *да* в сербском языке являются более распространенными. Сравнение данных комплементаторов в двух языках показывает, что болгарское *да* является более сильным по отношению к сербскому *да*, при этом сербское *што* сильнее болгарского *че*. Другими словами, сербское *да* и болгарское *че*, способные выражать как фактивное, так и пропозициональ-

ное значение, являются неспецифичными союзами. Специфичным, соответственно, в болгарском языке оказывается союз *да* с пропозициональной семантикой, в сербском – союз *што*, выступающий преимущественно в фактивном значении. Маркированность сербского комплементатора *што* по отношению к *да* проявляется также в том, что его можно заменить сочетанием *чињеница да* (рус. тот факт, что). Союз *што* вносит пресуппозицию, что действие произошло или произойдет в будущем, при этом данная пресуппозиция может быть обусловлена связью с реальным миром или же дискурсом высказывания (предшествующим контекстом).

Я благодарю д-ра Бобана Арсениевича за замечания и предложения на различных этапах этого исследования. Кроме того, в связи с данной проблемой обращаю внимание читателей на его работу «Резумија код релативних клауза уведеним речју што» («Презумпција у односителних клауз, введенных словом што»), представленную 25.10.2013 года на VIII Международном научном съезде «Сербский язык, литература, искусство», который организовал филологическо-художественный факультет в г. Крагуевац.

Литература

1. Грицкат И. О jednom случају мешања свеза *да* и *што* // Наш језик. 1952. III. № 5 – 6. С. 196 – 207.
2. Звечић Душановић Д. О неадекватној употреби везника *да* код мађарско српских двојезичних особа // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2003. № 46/2. С. 217 – 224.
3. Станковић Б. Сврзниците *како/да* во српскиот и *как/што* во рускиот јазик како евиденцијални маркери во еден тип декларативни реченици и евиденцијалноста во македонскиот јазик // Македонски јазик. 2010. № LXI. С. 196 – 211.
4. Московљевић Ј. О дистрибуцији комплементизатора у савременом српском језику // Јужнословенски филолог. 2004. № LX. С. 57 – 65.
5. Браун В. Неколико случајева синтаксичке синонимије на подручју допунских реченица // Научни састанак слависта у Вукове дане. 1982. № 12/1. С. 145 – 154.
6. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Bierwisch M., Heidolph K. E. (eds) Progress in Linguistics. The Hague: Mouton. P. 143 – 173.
7. Ивић М. Теоријско-методолошки проблеми словенске синтаксе везани за проблем „фактивности” // Јужнословенски филолог. 1977. № XXXIII. С. 1 – 16.
8. Риђановић М. Трансформациона анализа фактивности као семантичко-синтаксичке категорије у српскохрватском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. 1990. № 20/2. С. 211 – 219.
9. Сааведра Д. Семантичко моделирање категорије „фактивност” // Научни састанак слависта у Вукове дане. 1990. № 20/2. С. 221 – 231.
10. Сааведра Д. Факт и дискурс // Научни састанак слависта у Вукове дане. 1991. № 21/2. С. 37 – 45.
11. Сааведра Д. Семантичка структура неких глагола у српскохрватском језику с тачке гледишта фактивности // Научни састанак слависта у Вукове дане. 1992. № 22/2. С. 221 – 231.
12. Ружић В. Допунске реченице у савременом српском језику (1) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2006. № 49/1. С. 123 – 217.
13. Ружић В. Допунске реченице у савременом српском језику (2) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2006. № 49/2. С. 103 – 266.
14. Ружић В. Допунска клауза у систему зависних реченица српског језика // Зборник Матице српске за славистику. 2007. № 71 – 72. С. 329 – 341.
15. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик II, Београд: Научна књига, 1989.
16. Ковачевић М. Експективне зависне реченице // Српски језик. 1997. № II/1 – 2. С. 19 – 30.
17. Krapova I. Subjunctive Complements, Null Subjects and Case Checking in Bulgarian // Working Papers in Linguistics. 1998. Vol. 8. N. 2. P. 73 – 93.
18. Јанић А. Категорија субјунктива у српском и бугарском језику – упоредно проучавање: магистерска работа. Ниш: Филозофски факултет Универзитета у Нишу. 2012.
19. Јанић А. Сличности и разлике у изражавању субјунктивности *да*-допунама у српском и бугарском језику // Традиција и иновације у савременом српском језику: сборник трудов VII Међународног съезда Српски језик, књижевност, уметност. Кн. 1. 2013. Крагујевац: Филолошко-уметнички факултет Универзитета у Крагујевцу, С. 183 – 194.
20. Јанић А. Неке субјунктивне конструкције у српском језику // Радови Филозофског факултета. 2013. № 15/1. С. 263 – 274.
21. Редли Ј. Српске синтаксичке конструкције са сложеним прилошким везницима *као што* и *као да* и њихови мађарски еквиваленти // Сусрет култура. 2010. Кн. 2. Нови Сад: Филозофски факултет. С. 803 – 810.
22. Кристал Д. Енциклопедијски речник модерне лингвистике. Београд: Нолит, 1999.
23. Капор М. Foliranti. Zagreb: Znanje, 1975.
24. Капор М. Фолиранти (перев. Хари Стојанов). Варна: Софтис, 2002.
25. Ружић В., Бошњакловић Ж. Везници у изричним реченицама – српско македонске паралеле // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2005. № 48/2. С. 233 – 240.
26. Капор М. Провинцијалист (перев. Хари Стојанов). Варна: Софтис, 2002.
27. Капор М. Provincijalas. Zagreb: Znanje, 1976.
28. Капор М. Зое. Београд: БИГЗ, 1990.
29. Капор М. Зое (перев. Хари Стојанов). Варна: Софтис, 2002.

PROPOSITIONALITY AND FACTIVITY EXPRESSED BY CONJUNCTIONS *DA*, *ŠTO* AND *ČE* IN SERBIAN AND BULGARIAN FROM THE SUBJUNCTIVE PERSPECTIVE

Aleksandra A. Janić^{1, @}

¹ Faculty of Philosophy, State University of Nis, 2, Cirila i Metodija St., Nis, Serbia, 18000

@ aleksandra.janic@filfak.ni.ac.rs

Received 06.09.2016.

Accepted 02.11.2016.

Keywords: *da*, *što*, *če*, propositionality, factivity, syntactic subjunctive.

Abstract: The subject of this paper is the semantic and syntactic nature of Serbian complementizers *da* and *što*, as well as Bulgarian *da* and *če*, and the relation among all of them in the light of (non-)specificity for factivity and propositionality. They have been analyzed in various syntactic contexts and have also been related to the possible world semantics, as well as to the subjunctive semantics. Stemming from the relation propositional-factive, it is concluded that *da*-complements in Bulgarian can just be connected to a strong subjunctivity. On the other hand, with *da*-complements in Serbian both the strong and the weak subjunctive are expressed. Considering all of the above, it is clear that the usage of *da* is broader in Serbian than in Bulgarian, and that *da* marks the subjunctive context in both languages. After comparing these four complementizers, we can conclude that the Bulgarian *da* is stronger than the Serbian *da*, and that the Serbian *što* is stronger than the Bulgarian *če*. In other words, the Serbian *da* (it can be propositional or factive) and Bulgarian *če* (propositional or factive) are non-specified complementizers, contrary to the Bulgarian *da* (propositional) and Serbian *što* (mainly factive, compared to sentences with *da*), which are specified.

For citation: Janić A. A. Propozitsional'nost' i faktivnost' vyrazhenii s soizuzami *da*, *shto* i *che* v serbskom i bolgarskom iazykakh s točki zreniia sub'iunktivnosti [Propositionality and Factivity Expressed by Conjunctions *da*, *što* and *če* in Serbian and Bulgarian from the Subjunctive Perspective]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 222 – 231. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-222-231.

References

1. Grickat I. O jednom sluchaju meshanja sveza *da* i *shto* [On one case of interference of conjunctions *da* and *shto*]. *Nash jezik = Our language*, no. 5-6 (III) (1952): 196 – 207.
2. Zvekich Dushanovich D. O neadekvatnoj upotrebi veznika *da* kod madjarsko-srpskih dvojezicnih osoba [On inadequate use of conjunctions *da* by Hungarian and Serbian bilingual persons]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku = Matica Srpska Journal of Philology and Linguistics*, no. 46/2 (2003): 217 – 224.
3. Stankovich B. Svrznicite *kako/da* vo sprskiot i *kak/chto* vo ruskot jazik kako evidencijalni markeri vo eden tip deklarativni rechenici i evidencijalnosta vo makedonskiot jazik [Conjunctions *kako/da* in Serbian and *kak/chto* in Russian language as evidential markers in one type of declaration sentences and evidentiality in Macedonian language]. *Makedonski jazik = Macedonian language*, no. LXI (2010): 196 – 211.
4. Moskovljevič J. O distribucii komplementizatora u savremenom srpskom jeziku [On distribution of complementizers in contemporary serbian language]. *Juzhnoslovenski filolog = Southslavic philologist*, no. LX (2004): 57 – 65.
5. Braun V. Nekoliko sluchajeva sintaksichke sinonimije na podruchju dopunskih rečenica [Several cases of syntactic synonymy in area of supplementary sentences]. *Nauchni sastanak slavista u Vukove dane = scientific meeting of slavists in the days of Vuk*, no. 12/1 (1982): 145 – 154.
6. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact. *Progress in Linguistics*, eds Bierwisch M., Heidolph K. E. The Hague: Mouton: 143 – 173.
7. Ivich M. Teorijsko-metodološki problemi slovenske sintakse vezani za problem “faktivnosti” [Theoretical and methodological problems of Slavic syntax regarding the problem of “factivity”]. *Juzhnoslovenski filolog = Southslavic philologist*, no. XXXIII (1977): 1 – 16.
8. Ridjanovich M. Transformaciona analiza faktivnosti kao semantichko-sintaksichke kategorije u srpskohrvatskom jeziku [Transformation analysis of factivity as semantic-syntactic category in Serbocroatian language]. *Naucni sastanak slavista u Vukove dane = Scientific meeting of slavists in the days of Vuk*, no. 20/2 (1990): 211 – 219.
9. Saavedra D. Semantichko modeliranje kategorije “faktivnost” [Semantic modeling of “factivity” category]. *Naucni sastanak slavista u Vukove dane = Scientific meeting of slavists in the days of Vuk*, no. 20/2 (1990): 221 – 231.
10. Saavedra D. Fakt i diskurs [Fact and discourse]. *Naucni sastanak slavista u Vukove dane = Scientific meeting of slavists in the days of Vuk*, no. 21/2 (1991): 37 – 45.
11. Saavedra D. Semantichka struktura nekih glagola u srpskohrvatskom jeziku s tachke gledišta faktivnosti [Semantic structure of some verbs in Serbocroatian language from the point of view of factivity]. *Naucni sastanak slavista u Vukove dane = Scientific meeting of slavists in the days of Vuk*, no. 22/2 (1992): 221 – 231.
12. Ruzhich V. Dopunske rečenice u savremenom srpskom jeziku (1) [Supplementary sentences in contemporary Serbian language (1)]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku = Matica srpska journal for philology and linguistics*, no. 49/1 (2006): 123 – 217.

13. Ruzhich V. Dopunske rečenice u savremenom srpskom jeziku (2) [Supplementary sentences in contemporary Serbian language (2)]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku = Matica srpska journal for philology and linguistics*, no. 49/2 (2006): 103 – 266.
14. Ruzhich V. Dopunska klauza u sistemu zavisnih rečenica srpskog jezika [Supplementary clause in the system of subordinate sentences of Serbian language]. *Zbornik Matice srpske za slavistiku = Matica srpska Journal of slavic studies*, no. 71-72 (2007): 329 – 341.
15. Stevanovich M. *Savremeni srpskohrvatski jezik II* [Contemporary Serbocroatian language II]. Beograd: Nauchna knjiga, 1989.
16. Kovachevich M. Ekspektivne zavisne rečenice [Expective subordinate sentences]. *Srpski jezik = Serbian language*, no. II/1 2 (1997): 19 – 30.
17. Krapova I. Subjunctive Complements, Null Subjects and Case Checking in Bulgarian. *Working Papers in Linguistics*, 8, no. 2 (1998): 73 – 93.
18. Janich A. *Kategorija subjunktiva u srpskom i bugarskom jeziku – uporedno proučavanje* [Category of subjunctive in Serbian and Bulgarian language – comparative study]. Nish, 2012.
19. Janich A. Sličnosti i razlike u izražavanju subjunktivnosti *da*-dopunama u srpskom i bugarskom jeziku [Similarities and differences in expression of subjunctivity of *da* complementizers in Serbian and Bulgarian languages]. *Tradicije i inovacije u savremenom srpskom jeziku, zbornik trudova VII međunarodnog s'ezda Srpski jezik, književnost, umetnost* [Traditions and innovations in contemporary Serbian language]. Book 1 (2013): 183 – 194.
20. Janich A. Neke subjunktivne konstrukcije u srpskom jeziku [Some subjunctive constructions in Serbian language]. *Radovi Filozofskog fakulteta = Works of faculty of Philosophy*, no. 15/1 (2013): 263 – 274.
21. Redli J. Srpske sintaksicheske konstrukcije sa slozhenim priloshkim veznicima *kao shto* i *kao da* i njihovi madjarski ekvivalenti [Serbian syntactic constructions with complex adverbial conjunction *kao shto* and *kao da* i their Hungarian equivalents]. *Susret kultura* [The meeting of cultures]. Book 2 (2010): 803 – 810.
22. Kristall D. *Enciklopedijski rečnik moderne lingvistike* [Encyclopedic dictionary of modern linguistic]. Beograd: Nolit, 1999.
23. Kapor M. *Foliranti* [Phonies]. Zagreb: Znanje, 1975.
24. Kapor M. *Foliranti* [Phonies]. Transl. Stojanov H. Varna: Softis, 2002.
25. Ruzhich V., Boshnjakovich Zh. Veznici u izrichnim rečenicama – srpsko-makedonske paralele [Conjunctions in declarative sentences – serbo-macedonian parallels]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku = Matica srpska journal for philology and linguistics*, no. 48/2 (2005): 233 – 240.
26. Kapor M. *Provincijalist* [Provincial]. Transl. Stojanov H. Varna: Softis, 2002.
27. Kapor M. *Provincijalac* [Provincial]. Zagreb: Znanje, 1976.
28. Kapor M. *Zoe* [Zoe]. Beograd: BIGZ, 1990.
29. Kapor M. *Zoe* [Zoe]. Transl. Stojanov H. Varna: Softis, 2002.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

**V Международный Конгресс памяти А. Р. Лурия
ЛУРИЕВСКИЙ ПОДХОД В МИРОВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

13 – 16 октября 2017 года (Россия, г. Екатеринбург)

при участии Российского Психологического Общества (РПО), Американской Психологической Ассоциации (АПА) (США), Института Выготского (Португалия), Кемеровского государственного университета, Томского государственного университета, Международного Общества Прикладной Нейропсихологии (ИСАН), Международного Общества культурно-исторических исследований (ИСКАР), Центра интеграции нейропсихологии и психологии (СИНАПСИ), НИЦ детской нейропсихологии имени А. Р. Лурия, портала «Детская психология» МГППУ.

В рабочей программе Конгресса запланировано проведение пленарных и секционных заседаний, включающих устные и стендовые доклады, круглые столы, открытые лекции отечественных и зарубежных ведущих специалистов в области психологии и нейронаук. Предполагается проведение конкурса докладов студентов, аспирантов и молодых ученых (до 33 лет).

Рабочие языки Конгресса – русский и английский.

Социальная программа Конгресса. В 2017 году исполняется 115 лет со дня рождения и 40-лет со дня смерти Александра Романовича Лурия (1902 – 1977). Урал – это место, где А. Р. Лурия (1902 – 1977) начал свою блестящую карьеру нейропсихолога. Во время Великой Отечественной войны он возглавлял военный госпиталь в маленьком уральском городе Кисегач. В социальную программу Конгресса входит посещение этого памятного места, а также других достопримечательностей и музеев Урала, связанных с российской историей XX века.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕЗИДИУМ КОНГРЕССА

Председатель: Ж. Глозман (Россия).

Члены: К. Анауате (Бразилия), А. Ардила (США), Т. Ахутина – председатель Программного Комитета (Россия), Н. Вересов (Австралия), Ю. Зинченко (Россия), Б. Качмарек (Польша), Ж. Кинтино-Айрес (Португалия), С. Киселев – зам. председателя Оргкомитета, канд. психол. наук. (Россия), В. Кокшаров – председатель Оргкомитета, канд. ист. наук, доцент (Россия), Б. Котик (Израиль), М. Коул (США), Л. Мекаччи (Италия), Ж. Пенья-Казанова (Испания), А. Пуэнте (США), Ю. Соловьева (Мексика), Э. Э. Сыманюк – доктор психол. наук, профессор (Россия), П. Тульвисте (Эстония), А. Тхостов – сопредседатель Программного комитета (Россия), В. М. Шкловский (Россия).

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Председатель: Т. В. Ахутина.

Сопредседатель: А. Ш. Тхостов.

Члены: Е. Ю. Балашова, Л. Т. Баранская, Б. С. Братусь, Р. М. Власова, Е. В. Ениколопова, И. И. Ильясов, Ф. С. Исмагилова, О. А. Карабанова, Ю. Ковас, М. С. Ковязина, Н. К. Корсакова, О. А. Кроткова, А. Б. Леонова, О. А. Львова, Р. И. Мачинская, Ю. В. Микадзе, В. В. Николаева, В. М. Поляков, И. Ф. Рощина, А. А. Скворцов, О. А. Тихомандрицкая, Л. В. Токарская, М. В. Фаликман, Т. А. Фотекова, А. М. Черноризов.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель: В. А. Кокшаров.

Зам. председателя: С. Ю. Киселев.

Члены: А. Н. Веракса, О. С. Виндекер, П. Н. Ермаков, А. А. Кисельников, М. В. Клименских, М. Коул, В. В. Князев, О. А. Львова, Е. И. Николаева, А. А. Печеркина, В. М. Поляков, И. Г. Полякова, Л. В. Рычкова, Э. Э. Сыманюк.

Секретарь: С. В. Павлова.

НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ КОНГРЕССА

1. А. Р. Лурия: жизнь и творчество.
2. Лурия и культурно-историческая психология.
3. Нейропсихология в XXI веке: новые направления и методы.
4. Современное состояние и перспективы развития нейронаук.
5. Нейрореабилитация и нейрокоррекция.
6. Нейропсихология детского возраста.
7. Нейропсихология индивидуальных различий.
8. Диагностика и коррекция трудностей обучения.
9. Луриевский подход в диагностике и коррекции психических и психосоматических состояний, в нейрогеронтопсихологии.
10. Мозг и психические процессы и состояния. Луриевский подход в психофизиологии и нейрофизиологии.
11. Раннее нейрокогнитивное развитие детей.
12. Межполушарная асимметрия и межполушарное взаимодействие.
13. Развитие идей А. Р. Лурия в нейролингвистике.
14. А. Р. Лурия и вопросы общей психологии и психологии личности.
15. А. Р. Лурия и вопросы социальной психологии.
16. А. Р. Лурия и вопросы возрастной психологии.
17. А. Р. Лурия и вопросы педагогической психологии.
18. А. Р. Лурия и вопросы эргономики и инженерной психологии.
19. А. Р. Лурия и психология субъекта профессиональной деятельности.
20. Психология здоровья.

Заполнить заявку онлайн:

https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSceJmCvxQjn9WoioArNeK_hiPhovDBKIAx5keYD4uO43Issag/viewform

Величина организационного взноса: 4000 руб.

Для студентов и аспирантов, членов ИСАН, РПО или ИСКАР, соавторов (при их личном участии), сопровождающих лиц и гостей конгресса – **2500 руб.**

Организационный взнос включает: пакет участника, публикация тезисов, сертификат.

Отобранные Программным комитетом публикации войдут в специальный выпуск “Psychology in Russia” (индексируется в Scopus).

ОФОРМЛЕНИЕ И ПОДАЧА ТЕЗИСОВ

- размер тезисов не должен превышать 250 слов, включая название доклада, фамилию и инициалы всех соавторов, город, страну, e-mail автора-докладчика (его фамилия подчеркивается в списке соавторов тезисов);
- ссылки на грант даются в форме концевой сноски;
- тезисы подаются на русском или английском языке;
- к тезисам *обязательно* должна быть приложена заполненная заявка на каждого автора;
- каждый автор может подать не более 3-х тезисов, при этом не более чем в двух он может быть первым автором;
- тезисы и заявки принимаются с 1 ноября 2016 г. по 25 мая 2017 г.

E-mail: Luria.ural2017@gmail.com, Светлана Павлова – секретарь Конгресса.

Следите за дополнительной информацией на сайте: <http://www.brainlab-ural.ru/>

16+

Редакторы выпуска:

Н. В. Рабкина, Л. С. Старикова, В. П. Долгих, Н. В. Митько

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 06.02.2017 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 23.03.2017 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 29,75. Уч.- изд. л. – 27,83.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.